И. С. Блюхъ

Будущая война

въ

техническомъ экономическомъ

и

политическомъ отношеніяхъ

т. V

БУДУЩАЯ ВОЙНА.

И. С. Бліохъ.

БУДУЩАЯ ВОЙНА

ВЪ ТЕХНИЧЕСКОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ

И

ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Томъ V.

Историческій очеркъ развитія идеи разрѣшенія мирнымъ путемъ международныхъ столкновеній. — Вопросъ о вѣчномъ мирѣ въ литературахъ культурныхъ народовъ. — Соціализмъ, анархизмъ и пропаганда противъ милитаризма. — Неравномѣрный приростъ народонаселенія въ разныхъ государствахъ, какъ поводъ къ войнѣ. — Объединеніе Германіи; возникшія изъ него опасности и союзы. — Вопросъ о степени вѣроятности войны съ политической точки зрѣнія. — Вѣроятныя потери въ людяхъ при будущей войнѣ. — Вліяніе современныхъ ружей и орудій на характеръ ранъ. — Помощь раненымъ и больнымъ на войнѣ въ прежнее время и въ будущемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. А. Ефрона, Прачешный пер., № 6.
1898.

Содержаніе V тома.

части. Проявленіе общественной помощи жертвамъ разныхъ войнъ. Стр. 510—513.

Военно-врачебное дѣло въ Россіи. *Передъ началомъ текущаго столѣтія.* Начало военно-медицинской части въ Россіи. Основаніе Петромъ I военныхъ госпиталей. Неудовлетворительное положеніе медицинскаго состава и военно-врачебнаго дѣла. Упадокъ госпиталей. Состояніе госпиталей въ концѣ XVIII столѣтія, и отзывъ о нихъ Суворова. Стр. 513—516. *Съ начала XIX в. до крымской войны.* Вступленіе на престолъ Императора Александра I, какъ новая эра въ исторіи медицинской части въ Россіи. Данныя изъ войнъ 1806—1807 гг.: турецкой съ 1806 до 1812 г. Новая организація врачебной части въ началѣ войны 1812 года. Уходъ за ранеными во время войны. Описаніе Канкриномъ состоянія госпиталей въ 1812 году. Высочайшее положеніе 1816 года. Число умершихъ отъ разныхъ болѣзней въ кампаніяхъ противъ Турціи 1828, 1829, 1830 гг. Смертность въ венгерскую войну 1849 года. Стр. 517—522. *Во время крымской кампаніи 1854—1855 гг.* Недостатокъ медицинскаго персонала и способъ его комплектованія. Недостаточная подготовка врачей и недостатокъ въ опытныхъ фельдшерахъ. Плохая организація административной части. Участь раненыхъ подъ Альмой. Факты, доказывающіе плохую участь раненыхъ. Описанія хирурга Пирогова. Рисунокъ. Стр. 523—527. Замѣтка Пирогова о средствахъ, имѣвшихся въ то время для ухода за ранеными. Донесеніе Высочайше учрежденной слѣдственной коммисіи по госпитальному дѣлу. Послѣдствія неправильной организаціи эвакуаціи больныхъ и присоединившихся къ тому злоупотребленій. Аптеки и снабженіе войскъ лекарствами. Стр. 528—530. Устройство и содержаніе военныхъ госпиталей. Статистическія данныя о состояніи санитарной части. Впечатлѣніе, вынесенное однимъ компетентнымъ лицомъ, при посѣщеніи имъ перевязочнаго пункта. Стр. 531—535.

Устройство военно-санитарной части въ 1859—1870 гг. Обнаруженіе пробѣловъ въ организаціи медицинской части послѣ крымской и итальянской войнъ. Слова генерала Фуа. Мысль Дюнана — созвать международный конгрессъ. Женевская конвенція и основныя ея идеи. Принятіе участія Россіей. Извлеченія изъ «Историческаго очерка дѣятельности россійскаго общества краснаго креста», Феодорова и Боцяновскаго. Стр. 535—539. Война 1864 года въ Шлезвигѣ. Американская война, какъ примѣръ успѣха въ дѣлѣ помощи раненымъ при участіи частной иниціативы. Австро-прусская война 1866 г. — Война 1870 года. Дѣйствія «международной филантропіи». Стр. 539 — 542. Мнѣніе Пирогова о причинахъ плачевной участи раненыхъ. Неохотное допущеніе частной помощи на театры войны и причины къ тому. Заключеніе Пирогова о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ требованіяхъ прусскаго полевого устава. Образованіе обществъ и задача ихъ по мнѣнію Преваля. Положеніе французской санитарной части въ войну 1870 г., по отзывамъ Гюббенета. Данныя относительно эвакуаціи раненыхъ въ эту войну. Окончательный результатъ кампаніи 1870 г. Стр. 542—547.

Участь раненыхъ во время кампаніи 1877—78 г.г. Нареканія на несовершенство въ способахъ отправленія медицинской части. Стр. 547—548. *Врачи, госпитали, подвижные лазареты и перевязочные пункты.* Затрудненія въ развитіи госпиталей. Цифры недостатка въ медицинскихъ чинахъ. Способы и средства пополненія ихъ. Отзывы Пирогова о дѣятельности врачей. Замѣтки Боткина о нераспорядительности администраціи. Описаніе имъ перевязочныхъ пунктовъ. Стр. 547—556. *Снабженіе госпиталей продовольствіемъ, медикаментами и проч.* Неудовлетворительное состояніе хозяйственной части и первоначальной организаціи. Слова Боткина по этому поводу. Заключенія Боткина о посѣщаемыхъ имъ госпиталяхъ. Цифры отчета главнаго медицинскаго управленія. Стр. 556—562. *Помѣщенія.* Боткинъ—о несовершенномъ и плохомъ устройствѣ помѣщеній и бараковъ. Стр. 562—566. *Эвакуація больныхъ и раненыхъ.* Перевозка раненыхъ на вольнонаемныхъ повозкахъ и ея неудобства. Рисунки. Страданія, пе-

Оглавленіе рисунковъ, чертежей и графическихъ изображеній V тома.

Оглавленіе приложеній къ тому V.

Алфавитный указатель содержанія тома V.

части въ походѣ Наполеона I на Москву. Цифры потерь вслѣдствіе этого. Стр. 503—510. Потери союзной арміи въ крымскую войну съ 1853 по 1856 г. Организація англійской врачебной части. Проявленіе общественной помощи жертвамъ разныхъ войнъ. Стр. 510—513. **Военно-врачебное дѣло въ Россіи.** *Передъ началомъ текущаго столѣтія.* Начало военно-медицинской части въ Россіи. Основаніе Петромъ I военныхъ госпиталей. Неудовлетворительное положеніе медицинскаго состава и военно-врачебнаго дѣла. Упадокъ госпиталей. Состояніе госпиталей въ концѣ XVIII столѣтія, и отзывъ о нихъ Суворова. Стр. 513 — 516. *Съ начала XIX в. до крымской войны.* Вступленіе на престолъ Императора Александра I, какъ новая эра въ исторіи медицинской части въ Россіи. Данныя изъ войнъ 1806—1812 гг. Учрежденіе госпиталей трехъ видовъ. Новая организація врачебной части въ началѣ войны 1812 года. Уходъ за ранеными во время войны. Описаніе Канкриномъ состоянія госпиталей въ 1812 году. Высочайшее положеніе 1816 года. Число умершихъ отъ разныхъ болѣзней въ кампаніяхъ противъ Турціи 1828, 1829, 1830 гг. Смертность въ венгерскую войну 1849 года. Стр. 517—522. *Во время крымской кампаніи 1854—1855 г.* Недостатокъ медицинскаго персонала и способъ его комплектованія. Недостаточная подготовка врачей и недостатокъ въ опытныхъ фельдшерахъ. Плохая организація административной части. Участь раненыхъ подъ Альмой. Факты, доказывающіе плохую участь раненыхъ. Описанія госпиталей хирурга Пирогова. Стр. 523—527. Замѣтка Пирогова о средствахъ, имѣвшихся въ то время для ухода за ранеными. Донесеніе Высочайше учрежденной слѣдственной коммисіи по госпитальному дѣлу. Послѣдствія неправильной организаціи эвакуаціи больныхъ и присоединившихся къ тому злоупотребленій. Аптеки и снабженіе войскъ лекарствами. Стр. 528—530. Устройство и содержаніе военныхъ госпиталей. Статистическія данныя о состояніи санитарной части. Впечатлѣніе, вынесенное однимъ компетентнымъ лицомъ, при посѣщеніи имъ перевязочнаго пункта. Стр. 531 — 535. **Устройство военно-санитарной части въ 1859 — 1870 гг.** Обнаруженіе пробѣловъ въ организаціи медицинской части послѣ крымской и итальянской войнъ. Слова генерала Фуа. Мысль Дюнана — созвать международный конгрессъ. Женевская конвенція и основныя ея идеи. Принятіе участія Россіей. Извлеченія изъ «Историческаго очерка дѣятельности россійскаго общества краснаго креста», Феодорова и Боцяновскаго. Стр. 535 — 539. Война 1864 года въ Шлезвигѣ. Американская война, какъ примѣръ успѣха въ дѣлѣ помощи раненымъ при участіи частной иниціативы. Австро-прусская война 1866 г. — Война 1870 года. Дѣйствія «международной филантропіи». Стр. 539 — 542. Мнѣніе Пирогова о причинахъ плачевной участи раненыхъ. Неохотное допущеніе частной помощи на театры войны и причины къ тому. Заключеніе Пирогова о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ требованіяхъ прусскаго полевого устава. Образованіе обществъ и задача ихъ по мнѣнію Превала. Положеніе французской санитарной части въ войну 1870 г., по отзывамъ Гюббенета. Данныя относительно эвакуаціи раненыхъ въ эту войну. Окончательный результатъ кампаніи 1870 г. Стр. 542—547. **Участь раненыхъ во время кампаніи 1877 — 78 г.г.** Нареканія на несовершенство въ способахъ отправленія медицинской части. Стр. 547 — 548. *Врачи, госпитали, подвижные лазареты и перевязочные пункты.* Затрудненія въ развитіи госпиталей. Цифры недостатка въ медицинскихъ чинахъ. Способы и средства пополненія ихъ. Отзывы Пирогова о дѣятельности врачей. Замѣтки Боткина о нераспорядительности администраціи. Описаніе имъ перевязочныхъ пунктовъ. Стр. 547 — 556. Неудовлетворительное состояніе хозяйственной части госпиталей. Стр. 556—562. *Бараки и другія помѣщенія для раненыхъ. Эвакуація больныхъ и раненыхъ.* Перевозка раненыхъ на вольнонаемныхъ повозкахъ и ея неудобства. Страданія, переносимыя ранеными. Стр. 566 - 570. *Эвакуація больныхъ и раненыхъ въ предѣлахъ Имперіи.* Мѣры, принятыя къ размѣщенію эвакуируемыхъ и приблизительныя цифры размѣра эвакуаціи. Организація коммисій для завѣдыванія перевозкой и для сортировки раненыхъ. Цифры раненыхъ и больныхъ раз-

Историческій очеркъ развитія идеи разрѣшенія мирнымъ путемъ международныхъ столкновеній.

«Милитаризмъ есть проклятіе цивилизаціи.
Гладстонъ.

(Изъ рѣчи въ палатѣ общинъ 16 іюня 1893 г.).

I.

Общее движеніе противъ милитаризма.

Характеръ современной войны допускаетъ возможность рѣшительнаго вліянія настроенія и стремленій общественнаго мнѣнія на ея конечный исходъ. Всѣ европейскія державы должны столько же думать о психическихъ факторахъ, сколько о техническихъ приготовленіяхъ и о заготовкѣ военнаго матеріала. Невозможно и намъ оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ. Картина вышла бы неполной, а выводы опирались бы на недостаточномъ изслѣдованіи данныхъ, если бы мы не затронули вопроса о вліяніяхъ, дѣйствующихъ на направленіе общественнаго мнѣнія.

Издавна уже война встрѣчалась съ осужденіями ученыхъ и филантроповъ; ихъ неувѣренные нѣкогда голоса

пріобрѣтали все болѣе силы и твердости и въ настоящее время искренніе противники войны встрѣчаются даже среди дипломатовъ.

Если доселѣ война окончательно еще не устранена изъ политической жизни хотя бы цивилизованнаго міра, то главнымъ образомъ потому, что въ былое время всѣ ея отвратительныя стороны сознавались лишь весьма немногими. Но эти немногіе не могли имѣть вліянія на волю правительствъ и парламентовъ. Притомъ они не могли влiять и на массу населенія, при содѣйствіи которой только и возможна борьба съ установившимся положеніемъ. И уже это одно обстоятельство окружало войну такимъ ореоломъ величія, что и до нашихъ временъ представленіе о войнѣ, какъ о чемъ-то возвышенномъ, залегло въ глубинѣ человѣческаго ума, издавна превратившись въ трудно искоренимый предразсудокъ.

Въ новѣйшее время, однако, прежніе взгляды на войну сильно поколебались. На сцену событій болѣе и болѣе рѣшительно выступаетъ масса населеній со всѣми ея страстями, съ ея подвижностью, необезпеченностью и торопливостью въ сужденіяхъ, основанныхъ чаще всего на обрывкахъ научныхъ выводовъ, на случайномъ внушеніи и невѣжественномъ толкованіи политическихъ принциповъ. Ея вѣрованія, догматы, стремленія и ненависть представляютъ собой обширное поле для изученія, чаще же всего для догадокъ. Несомнѣнно, однако, что и въ эту массу проникли тѣ взгляды на войну, которые доселѣ проповѣдывались мыслителями. Эти взгляды, въ видѣ недостаточно обоснованныхъ, но зато и трудно опровергаемыхъ, рѣшительныхъ формулъ, легко могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, сдѣлаться опасными девизами недовольныхъ.

Явленіе это тѣмъ вѣроятнѣе, что нынѣшнія политическія и соціальныя условія весьма ему способствуютъ. Настоящее общественное настроеніе въ европейскихъ государствахъ заключаетъ въ себѣ всѣ признаки пораженія современнаго западноевропейскаго быта двумя фактически существующими теченіями: милитаризмомъ и соціализмомъ. Тяжесть милитаризма ощущается преимущественно низшими

классами населенія, подготовляя въ нихъ недовольство существующими порядками, вооружая противъ послѣднихъ сердца и мысль, которые такимъ образомъ пріучаются къ соціалистическимъ софизмамъ, оправдывающимъ насиліе, ради видовъ на улучшеніе условій жизни, и отрицающимъ постепенность культурнаго развитія. Все это естественно ведетъ къ усиленію борьбы между двумя явленіями, по самой своей природѣ противоположными одно другому. Въ настоящую минуту соціализмъ воюетъ противъ чрезмѣрныхъ вооруженій явно или скрытно, но лишь мирными средствами; никто, однако, не можетъ поручиться, что эти мирныя средства онъ не замѣнитъ оружіемъ. Современный намъ соціализмъ уже не выжидаетъ, какъ въ былое время, благопріятнаго момента, а дѣйствуетъ наступательно, со всею энергіей неустающаго стремленія.

Онъ не ограничивается тѣмъ, что смотритъ на постоянную армію, какъ на сборище непроизводительныхъ потребителей, но старается, чтобы самое званіе солдата казалось ненавистнымъ, внося въ него, такимъ образомъ, духъ, противорѣчащій основному характеру дисциплины. Въ этой глухой борьбѣ уже нельзя сомнѣваться. Цюрихскій конгрессъ соціалистовъ 1893 года открыто обсуждалъ вопросъ о стачкѣ солдатъ въ случаѣ войны.

Но милитаризмъ возбуждаетъ къ себѣ нерасположеніе не только въ смыслѣ общественнаго устройства, какъ механизмъ войны; возможность послѣдней сама по себѣ еще болѣе безпокоитъ общество. Никто не сомнѣвается въ томъ, что будущія вооруженныя столкновенія, по своей жестокости, превзойдутъ всѣ прежнія войны. Можетъ ли быть иначе, когда надъ этой задачей безпрерывно трудится столько умовъ, когда на нее истрачивается столько мильярдовъ, когда въ этомъ дѣлѣ ежедневно упражняются милліоны людей? Снаряды, пушки, ружья достигли величайшаго техническаго совершенства и, можно сказать, представляютъ собой идеалъ могущества, направленнаго къ истребленію. На смертоносный огонь будутъ обречены народы, чуть не цѣликомъ, — все, что пригодно для производительнаго труда, все сильное, цвѣтущее, способное. Могла-ли не народиться противъ такой перспективы оппозиція теперь, еслибы въ прежнія времена ея и не было?

Увеличенiе ужасовъ войны, а вмѣстѣ и привлеченiе къ участiю въ ней значительнаго числа населенiя, не могутъ не усиливать нерасположенiя къ ней въ массахъ. А такъ какъ въ наше время настроенiе массъ имѣетъ уже гораздо большее влiянiе на ходъ политическихъ событiй, чѣмъ въ прошедшемъ, то мы нашли нужнымъ коснуться и той стороны общаго вопроса о войнѣ, которая представляется нравственнымъ отношенiемъ къ ней народовъ и той агитацiею, которая ведется для возбужденiя или усиленiя нерасположенiя массъ къ войнѣ. Мы должны будемъ прежде всего разсмотрѣть проявляющiяся въ высшихъ слояхъ общества и въ литературахъ культурныхъ народовъ стремленiя къ упраздненiю войны и обезпеченiю вѣчнаго мира посредствомъ всеобщаго разоруженiя и установленiя посредническихъ коммисiй или международнаго суда.

II.

Древнiй мiръ и среднiе вѣка.

Все, что доселѣ написано противъ войны на всевозможныхъ языкахъ, людьми разнообразныхъ направленiй, принадлежавшими къ различнымъ общественнымъ классамъ и жившими въ различныя эпохи, могло бы составить гигантскую библiотеку. Борьба противъ войны имѣетъ свою исторiю, богатую матерiалами и въ высшей степени поучительную. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ намѣренiя повторять нашимъ читателямъ всѣхъ фазисовъ этой борьбы и входить въ подробности продолжительнаго и никогда не прерывавшагося протеста человѣчества противъ неизбѣжныхъ золъ, вытекающихъ изъ несовершенства его духовной природы. Мы желаемъ лишь остановиться на нѣкоторыхъ выдающихся моментахъ этой борьбы.

Если бросить хотя бы поверхностный взглядъ на связующую нить между развитiемъ идей вѣчнаго мира и исто-

рическимъ ходомъ событій въ Европѣ, то главнѣйшія черты, опредѣляющія эволюцію мирныхъ стремленій, ни въ какія времена не исчезавшихъ изъ человѣческихъ обществъ, становятся вполнѣ ясными. Незнакомство съ прошлымъ зачастую ведетъ къ ошибочнымъ сужденіямъ о настоящемъ. Для вѣрнаго пониманія каждой человѣческой мысли, необходимо знать условія ея возникновенія, надо изслѣдовать—гдѣ, почему и какъ она появилась на свѣтъ.

Зародышемъ цивилизаціи надо считать первые проблески стремленій людей къ улучшенію своего быта при посредствѣ знанія и труда. Несомнѣнно, что и тогда уже если не всѣ, то многіе сознавали дурныя послѣдствія войны, начало которой исходитъ изъ дикихъ и мрачныхъ временъ жизни доисторическаго человѣчества. Вѣроятно, что и тогда появлялись если не противники войны, то ея критики.

Разумѣется, въ тѣ времена не могла зародиться мысль объ осуществимости какого либо сожалѣнія между людьми, принадлежащими къ различнымъ племенамъ, о которыхъ взаимно составлялись самыя смутныя понятія, большею частью основанныя на суевѣрныхъ и отрывочныхъ сказаніяхъ. Непріязненное чувство и чувство страха были руководящими началами какъ въ представленіяхъ обо всемъ чуждомъ, такъ и въ поступкахъ и отношеніямъ къ инородцамъ. Сознательныя мирныя стремленія, поэтому, въ отдаленнѣйшую эпоху жизни человѣчества едва-ли могли существовать даже и въ зачаточномъ видѣ. Замѣчательно, что даже въ ту эпоху, когда греческій геній достигъ въ иныхъ сферахъ человѣческой мысли и гражданственности поразительной высоты понятій, стремленіе къ улучшенію взаимныхъ отношеній между разнородными группами людей проявилось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда уже сама дѣйствительность ясно указывала на общность интересовъ. Поэтому, федерація древней Эллады возникаетъ лишь между народами, или вѣрнѣе государствами, въ которыхъ уже господствовала общность языка, вѣрованій, торговыхъ и политическихъ интересовъ. Только при этихъ условіяхъ могъ возникнуть амфиктіонъ, какъ высшее судилище, призванное для разрѣшенія недоразумѣній и споровъ между отдѣльными республиками. Этотъ греческій сенатъ, уничтоженный Филиппомъ Македонскимъ, былъ, впрочемъ, не единственнымъ учрежденіемъ этого рода въ исторіи Греціи. Подобную же роль

высшаго международнаго трибунала играли Ахейскій и Ликійскій союзы.

Почти тоже самое повторилось и въ Италіи, гдѣ въ союзы входили однородныя (въ этнографическомъ смыслѣ) части страны. Этимъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, обезпечивался миръ, впрочемъ, иногда лишь съ одною цѣлью: успѣшной борьбы съ болѣе отдаленнымъ противникомъ.

Затѣмъ, гораздо позже, когда римское владычество объединило Италію, это сліяніе подготовлено было такими именно союзами. Далѣе, идея вѣчнаго мира не переставала звучать въ актахъ, слѣдовавшихъ за побѣдами римскаго оружія. Напримѣръ: «Миръ между римлянами и общинами латинянъ да продолжится дотолѣ, пока небо и земля не прекратятъ своего существованія. Борьба между ними да не возникнетъ, призывать врага другъ на друга они не будутъ, проходить ему по своей землѣ не дозволятъ; нападенія отражать будутъ общими силами, а добытое при этомъ будетъ дѣлиться поровну» *).

Въ средневѣковую эпоху, эпоху зарожденія европейскихъ государствъ и обществъ, когда царила невообразимая сумятица разнородныхъ стремленій, среди непрестанной борьбы ихъ между собой, равновѣсіе силъ достигалось исключительно путемъ войны. Болѣе прочные общественные организмы нерѣдко являются лишь послѣдствіемъ долговременныхъ, истощавшихъ одну или обѣ стороны, кровопролитныхъ столкновеній. Средніе вѣка выработали рыцарскія понятія о чести и благородствѣ, основаніемъ которыхъ полагалась всегдашняя готовность къ единоборству, т. е. физическая отвага, искусство убивать людей, умѣніе и ловкость примѣненія оружія и т. под. Право сильнаго господствовало и внѣ предѣловъ войны, чему способствовала грубость нравовъ, о какой трудно даже составить себѣ точное понятіе.

Въ феодальныхъ монархіяхъ борьба происходила на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ. Съ государями велъ борьбу римскій первосвященникъ, съ ними же воевали вассалы, управлявшіе рабами при помощи своихъ дружинъ, города отстаивали свои интересы и права противъ верховной власти и воевали то съ монархомъ, то другъ съ другомъ. Такое

*) Момзенъ. «Исторія Рима».

нагроможденіе военнаго духа кое гдѣ однако вызываетъ признаки пресыщенія человѣческой природы вѣчною погоней за кровавыми побѣдами. Съ словомъ примиренія выступаетъ иногда глава церкви, несмотря на то, что ему самому не разъ случалось являться поводомъ къ войнѣ. Особенною воинственностью отличались римскіе первосвященники, когда дѣло шло о походахъ противъ невѣрныхъ (магометанъ). Тѣмъ не менѣе, миротворческая роль папъ признавалась въ тогдашней Европѣ. Но, обыкновенно, успѣхъ ихъ вмѣшательства въ интересахъ мира, зависѣлъ не столько отъ нихъ самихъ, сколько отъ матеріальной силы спорившихъ сторонъ. Чѣмъ болѣе сильнымъ чувствовалъ себя какой-либо монархъ, тѣмъ менѣе подчинялся онъ папскому арбитражу. Наиболѣе же сильный изъ властелиновъ, возсѣдавшій на тронѣ „Священной Римской имперіи“, добиваясь первенства въ этомъ арбитражѣ, велъ войну даже съ самимъ римскимъ первосвященникомъ изъ за права считаться верховнымъ судьей въ христіанскомъ мірѣ. Въ началѣ XI вѣка, при Генрихѣ II, создается теорія всемірной монархіи, нашедшая себѣ поддержку въ мірѣ тогдашнихъ болонскихъ ученыхъ, а во времена Фридриховъ она признавалась политическимъ догматомъ. Императоръ стремился царствовать надъ королями, въ которыхъ желалъ видѣть своихъ вассаловъ.

Въ XIV вѣкѣ создается Германская имперія. „Золотая булла“ учреждаетъ коллегію избирателей (курфюрстовъ), причемъ знаменитый сеймъ въ Вормсѣ провозглашаетъ вѣчный миръ и основываетъ высшее политическое судилище, подъ названіемъ имперской палаты, состоявшей изъ верховнаго судьи и шестнадцати членовъ суда. Верховный судья избирался изъ числа владѣтелей; члены судилища частью изъ нихъ же, частью изъ юристовъ. Всѣ они назначались императоромъ по общему соглашенію съ владѣтельными князьями. Трирскій конгрессъ подтверждаетъ и развиваетъ вормское соглашеніе и придаетъ еще болѣе рѣшительное значеніе такому судилищу. Весь союзъ раздѣлялся на десять округовъ, изъ коихъ въ каждомъ особый президентъ и федеральныя войска производили экзекуцію по рѣшеніямъ имперской палаты.

Впрочемъ, рядомъ съ этимъ возникали союзы князей и городовъ для совмѣстной защиты. Но эти союзы большею частью лишь по названію были мирными, на самомъ же дѣлѣ стремленія ихъ оказывались завоевательными. Исключеніе

представлялъ собой торгово-политическій Ганзейскій союзъ между торговыми городами, стремившимися защищать себя общими силами отъ нападеній морскихъ грабителей и вообще поддерживать миръ, столь важный для процвѣтанія торговли. На этихъ началахъ въ 1210 г. возникло соглашеніе между Любекомъ и Гамбургомъ. Затѣмъ, въ 1241 г. является «Рейнскій союзъ городовъ»; въ 1256 г. вступаютъ между собою въ такой же союзъ вендскіе города Любекъ, Ростокъ и Висмаръ и, наконецъ, въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія начинается жизнь нѣмецкой «ганзы», состоявшей изъ союза почти ста городовъ. Союзъ этотъ оберегалъ свои общіе интересы, раскладывая на причастные къ нему города подати въ общую казну и учредивъ общее правленіе и сеймъ (Hansetag) въ Любекѣ. Этому сейму принадлежало право рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, заключать договоры и назначать подати. Города пользовались полнымъ самоуправленіемъ, общею была лишь защита отъ внѣшнихъ враговъ. Мѣстныя «ганзы» процвѣтали, между прочимъ, въ Лондонѣ, на островѣ Готландѣ и въ Новгородѣ.

Ганзейскій союзъ немало содѣйствовалъ развитію идеи о международномъ правѣ, несмотря на то, что самый союзъ этотъ былъ основанъ лишь на однихъ торговыхъ интересахъ городовъ. Но изъ общности этихъ интересовъ впервые зародилась въ Европѣ мысль о нейтральномъ флагѣ. Ганзеатическій флотъ уничтожилъ морской разбой на Нѣмецкомъ морѣ и отмѣнилъ обычай захвата остатковъ иностраннаго судна, потерпѣвшаго крушеніе. «Ганза» съумѣла цѣлые вѣка сохранять свою независимость, но апогеемъ ея былъ конецъ XIV вѣка. Паденіе ея произошло въ XVI-мъ столѣтіи, когда мореходство въ разныхъ странахъ Европы сдѣлало громадные успѣхи, равно какъ и увеличились сношенія торговыя и политическія съ отдаленными частями свѣта. Исполнивъ свою задачу, «ганза» исчезла, оставивъ по себѣ въ міровой исторіи неизгладимые слѣды своихъ попытокъ, направленныхъ къ сокрушенію безправія и воинственности, всюду царившихъ въ ея время.

Изъ этого краткаго обзора можно придти къ заключенію, что уже въ средневѣковой періодъ исторіи человѣческой общественности зарождались и созрѣвали тѣ начала, которыя и въ наше время являются главными двигателями въ домогательствахъ устройства политической жизни на болѣе проч-

ныхъ и справедливыхъ основаніяхъ. Плоды мысли, собираемые нынѣ, были посѣяны въ весьма отдаленное отъ насъ время, когда зародыши европейской культуры были едва примѣтны, несмотря на то, что послѣдняя ведетъ свое начало отъ эпохи Рима, видоизмѣнной впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства. Уже въ то время явилось, кромѣ чувства племеннаго и государственнаго родства, родство общей цивилизаціи. Могущество и положеніе папы породило и воспитало въ народахъ понятіе о немъ, какъ о верховномъ судьѣ не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Затѣмъ, могущество абсолютизма германскихъ императоровъ подчиняло умы большинства современниковъ сочувственному представленію о всемірной монархіи, опирающейся на законность. Развитіе и эманципація городовъ, какъ представителей торговли и ремесленной промышленности, увеличили значеніе этихъ факторовъ европейской жизни, всегда нуждающихся для своего благоденствія въ устойчивомъ мирѣ.

Впрочемъ, въ продолженіи средневѣковаго періода случались примѣры, что возникавшія между государствами несогласія оканчивались безъ кровопролитій при посредствѣ третейскаго суда. Такого рода примиренія, между прочимъ, происходили въ 1244 г., когда парижскій парламентъ былъ избранъ посредникомъ между императоромъ Фридрихомъ II и папою Иннокентіемъ IV; въ 1363 году на большомъ съѣздѣ въ Краковѣ, Казиміръ Пястъ разбиралъ споръ между прибывшими къ нему императоромъ Карломъ IV и королемъ венгерскимъ Людвигомъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что подобныя примирительныя разбирательства большею частью имѣли характеръ случайный. Они нисколько не улучшали взаимныхъ политическихъ отношеній между народами, такъ какъ возникали не изъ сознательныхъ стремленій къ осуществленію какой-либо руководящей идеи. Тѣмъ же менѣе, примѣры обращенія къ примирительному суду третьихъ лицъ свидѣтельствуютъ, что даже и въ тѣ времена соблюденіе международныхъ интересовъ не всегда основывалось на разсчетахъ грубой силы.

Вообще, среднимъ вѣкамъ можно приписать безсознательный посѣвъ тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выросли общія всѣмъ народамъ и уже вполнѣ сознательныя стремленія къ обезпеченію мира, основанныя на гуманности и выводахъ исторической науки.

III.

XIV—XIX столѣтія.

Царствованіе Генриха IV (1589—1610) отмѣчаетъ одну изъ наиболѣе яркихъ эпохъ въ исторіи примирительныхъ стремленій на западѣ Европы. Нантскій эдиктъ, повелѣвавшій религіозную терпимость, «эту единственную, по словамъ Вольтера, форму вѣчнаго мира, возможную между людьми», какъ и труды дипломатовъ и ученыхъ того времени, одинаково направлены къ изысканіямъ способовъ улучшить взаимныя отношенія между народами и между государствами. Особенно замѣчательно оконченное въ послѣдніе годы жизни этого поистинѣ великаго монарха сочиненіе его министра Сюлли. Въ этомъ обширномъ трудѣ, озаглавленномъ «Mémoires des sages et royales économies d'états», между прочимъ, былъ развитъ проектъ новаго распредѣленія народовъ и государствъ Европы, съ главной цѣлью прекращенія несогласій между христіанскими государствами безъ помощи оружія. По этому проекту Европу предполагалось раздѣлить на 15 государствъ, равныхъ по силѣ, съ точно обозначенными границами. Въ это число входили бы: шесть государствъ наслѣдственно-монархическихъ *), шесть государствъ съ избирательными монархами **) и три республики ***).

Во главѣ этой федераціи христіанскихъ государствъ предполагалось поставить «общій совѣтъ» изъ шестидесяти представителей (по 4 отъ каждаго изъ государствъ). Представители эти должны были назначаться на трехлѣтній срокъ. Резиденціей для этого совѣта должны были служить поочередно 17 изъ числа указанныхъ городовъ тогдашней срединной Европы (напр. Кельнъ, Нанси, Метцъ). Въ Данцигѣ, Нюренбергѣ, Вѣнѣ, Болоньѣ, Констанціи и еще въ одномъ изъ городовъ, по указанію Франціи, Испаніи, Англіи и Нидерландовъ, учреждалось шесть мѣстныхъ совѣтовъ, для рѣшенія второстепенныхъ вопросовъ.

---

*) Франція, Испанія, Англія, Данія, Швеція и Ломбардія, увеличенная Савойей и Миланомъ.

**) Папская область, Венеція, увеличенная Неаполемъ, Германская имперія, Польша, Венгрія и Богемія.

***) Швейцарія, Бельгія и Италія.

Верховный совѣтъ предполагалось облечь законодательною властью. Въ немъ должны были рѣшаться всѣ предположенія и планы, которые могли имѣть значеніе для «христіанской республики государствъ». Къ нему могли бы аппелировать во всѣхъ важнѣйшихъ спорахъ государственно-судебнаго характера. По мнѣнію авторовъ проекта, такимъ образомъ можно было разъ на всегда «положить конецъ всѣмъ домашнимъ войнамъ въ Европѣ», упрочить законный порядокъ въ отношеніи между монархами и подданными и отстранить поводъ для религіозныхъ раздоровъ посредствомъ обезпеченія свободы и покровительства всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Два государства изъ существовавшихъ въ то время не были включены въ проектъ «христіанскаго союза». Изъ нихъ Великое Княжество Московское въ то время было слишкомъ отдалено отъ интересовъ и жизни Западной Европы. Турція же, очевидно, не могла войти равноправнымъ членомъ въ христіанскую лигу и потому христіанскимъ ея подданнымъ предположено было предложить переселиться въ одно изъ государствъ европейскаго союза.

Военная сила предполагавшейся республики государствъ должна была состоять изъ 273,800 солдатъ, 50,000 лошадей, 217 пушекъ и 117 кораблей. Союзныя государства обязывались бы вносить въ общую кассу извѣстную сумму денегъ.

Какъ Генрихъ IV, такъ и его министръ Сюлли, авторъ проекта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣли въ немъ не одно тщетное выраженіе мечты государя-идеалиста, а питали искреннее убѣжденіе въ осуществимости благихъ помысловъ, направленныхъ къ достиженію вѣчнаго мира на землѣ. Пока Сюлли изощрялся въ совершенствованіи подробностей своего проекта, Генрихъ IV дѣлалъ усилія для привлеченія къ замышляемому имъ союзу симпатій европейскихъ державъ. Являлась даже нѣкоторая надежда на исполнимость проекта Сюлли. Возможность установленія европейской конфедераціи казалась еще болѣе очевидною, когда Англія, Голландія и Церковная область изъявили согласіе на предложенія французскаго короля, а прочія державы высказывали склонность къ его принятію. Въ это-то время ножъ убійцы, прекративъ дни благороднаго монарха, прервалъ и начатое имъ дѣло умиротворенія Европы.

Само собою разумѣется, что успѣхъ этого дѣла, во всякомъ случаѣ, едва ли былъ осуществимъ при какихъ бы ни было обстоятельствахъ. Сомнительно даже, чтобы проектъ великаго монарха Франціи, въ случаѣ его осуществимости, могъ обезпечить Европѣ вѣчный миръ. Притомъ, до нѣкоторой степени, нельзя было не допускать, что въ проектѣ всеобщаго мира скрывалось намѣреніе его составителей воспользоваться перемѣщеніемъ тогдашняго центра политической тяжести въ Европѣ отъ Германской имперіи въ сторону Франціи. Какъ нѣкогда Фридрихъ Гогенштауфенъ, такъ теперь глава Бурбонскаго дома стремился къ всемірной монархіи, зная, что первенство въ союзной Европѣ будетъ принадлежать не иному кому, какъ Франціи.

Каковы бы ни были скрытыя побужденія Генриха IV-го, въ исторіи цивилизаціи Европы навсегда останется яркій и краснорѣчивый фактъ, что первый проектъ международнаго судилища съ цѣлью отстраненія отъ Европы бѣдствій войны, принадлежалъ этому монарху Франціи. Притомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что стремленіе великаго короля избавить народы, соединенные общей культурой, отъ войны, не ограничивалось абстрактными выводами и пожеланіями, а уже успѣло облеться въ форму, предъявленную цѣлому свѣту,

Мысль упроченія мира при помощи политическаго равновѣсія державъ въ послѣдствіи снова оживаетъ въ вестфальскомъ мирномъ трактатѣ. Это одно уже доказываетъ, что идеи Генриха IV оставили неизгладимый слѣдъ въ тенденціяхъ французской дипломатіи. Вестфальскій трактатъ не отстранялъ возможности войны и даже не стремился къ тому, но ограничивался лишь тѣмъ, что ставилъ ей различныя затрудненія. Ни одинъ изъ прежнихъ мирныхъ договоровъ не проникалъ въ такую глубину политической предусмотрительности, не затрогивалъ такого множества вопросовъ внѣшней и внутренней политики и вообще не проявилъ такихъ усилій къ точному урегулированію международныхъ отношеній, въ полномъ значеніи слова, какъ вестфальскій трактатъ. Въ немъ впервые встрѣчается международное поручительство державъ. Франція и Швеція гарантировали конституцію Германской имперіи. Въ цѣломъ же, гарантію за исполненіе условій вестфальскаго трактата принялъ на себя весь составъ европейскихъ державъ, причемъ всякій возмутитель противъ него долженъ былъ подвергнуться обвиненію, какъ нарушитель общественнаго порядка.

О послѣдствіяхъ этого договора и цѣляхъ дипломатіи того времени существуютъ различныя мнѣнія. Несомнѣнно, однако, то, что въ этомъ договорѣ впервые сдѣланъ новый шагъ въ сторону болѣе широкаго и глубокаго проникновенія въ условія взаимныхъ отношеній между державами. Къ числу международныхъ вопросовъ прибавилось немало новыхъ задачъ, въ прежнее время вовсе неизвѣстныхъ.

При заключеніи вестфальскаго договора, между прочимъ, выяснилась необходимость простора и независимости въ преніяхъ лицъ, которымъ были поручены переговоры. Къ этому же времени относится появленіе первыхъ ученыхъ юристовъ по международному праву. Въ 1624 году Гуго Гроцій (Гроціусъ) имѣвшій сношенія съ Генрихомъ IV и съ Людовикомъ XIII, опубликовалъ свой знаменитый трактатъ: «О законѣ войны и мира» («De jure belli et pacis»). Въ этомъ сочиненіи Гроцій основывается на «Grand Dessein» Сюлли и требуетъ созданія союзовъ христіанскихъ государствъ, въ которыхъ споры и раздоры державъ разбирались бы третейскимъ судомъ изъ незаинтересованныхъ государствъ. Равнымъ образомъ, онъ находитъ возможнымъ принятіе мѣръ къ тому, чтобы обезпечить миръ на справедливыхъ и прочныхъ основаніяхъ.

Около того же времени появились и другія сочиненія (о которыхъ упоминаетъ Лейбницъ), заключавшія въ себѣ совѣты спорящимъ государствамъ отдавать свои обоюдныя претензіи на судъ международныхъ трибуналовъ *). Но въ то время, какъ и въ нынѣшнее, идея вѣчнаго мира имѣла не мало если не открытыхъ противниковъ, то безпощадныхъ критиковъ, скептически относившихся къ искателямъ мира на землѣ. Особенной извѣстностью между послѣдними пользуется англійскій философъ Гоббсъ (Hobbes), котораго до нѣкоторой степени можно считать предтечей современнаго намъ Нитче. Гоббсъ считалъ войну вѣчной необходимостью для рода человѣческаго. На его взглядъ «человѣчество — волчья порода, всегда готовая растерзать другъ друга. Природа, говоритъ онъ, толкаетъ всѣ живущія существа въ непрестанную борьбу. Злые нападаютъ, добрые защищаются».

---

*) Уже въ XV столѣтіи чехъ Хелчицкій, въ сочиненіи «Сѣть вѣры», протестовалъ противъ войны съ точки зрѣнія христіанской.

XVIII-й вѣкъ, какъ извѣстно, былъ чрезвычайно обиленъ смѣлыми идеями, осуществленіе которыхъ онъ оставилъ въ наслѣдство отдаленному будущему. Къ числу ихъ, очевидно, принадлежитъ и гуманная мысль о возможности вѣчнаго мира между людьми, которая, впрочемъ, въ то время уже имѣла не мало горячихъ поборниковъ. Въ 1729 г. раздался краснорѣчивый голосъ аббата Сенъ-Пьера въ воззваніи его къ необходимости всеобщаго конгресса европейскихъ государствъ, который соединилъ бы во-едино всѣ отдѣльныя государства. Прочность такого союза и согласіе должны были поддерживаться при помощи особыхъ учрежденій, въ родѣ тѣхъ, какія въ отдѣльныхъ государствахъ служатъ для охраны имущества и личности гражданъ. Проектъ Сенъ-Пьера *) не имѣлъ въ виду регулированія территоріальныхъ границъ. Каждое государство, входя въ союзъ, сохраняло бы ихъ за собой. Всѣ они несли бы сообща издержки содержанія трибунала и обязанность доставлять вооруженныя силы для приведенія въ исполненіе его рѣшеній. Кромѣ взаимныхъ обязательствъ союзныхъ государствъ не нарушать мира, монархи, по проэкту Сенъ-Пьера, должны были оказывать помощь другъ другу въ случаяхъ революціонныхъ движеній внутри государствъ. Защита противъ возможныхъ нападеній на одну изъ союзныхъ странъ со стороны внѣшняго (внѣевропейскаго) врага лежала, равнымъ образомъ, на обязанности всѣхъ членовъ союза. Съ тою же цѣлью общими средствами сооружались и содержались бы крѣпости на внѣшнихъ границахъ союзныхъ земель.

Между величайшими философами и публицистами восемнадцатаго вѣка не было почти ни одного, который бы не затрогивалъ вопроса о возможности охранить міръ отъ бѣдствій войны. Но далеко не всѣ они при этомъ выражаютъ одинаковыя надежды на успѣхъ мирныхъ стремленій. Скептицизмъ Вольтера заставляетъ его расточать сарказмы по адресу «идеалистовъ, не умѣющихъ считаться съ природными инстинктами человѣчества и условіями его политической жизни». Мысль о вѣчномъ мирѣ онъ причисляетъ къ желаніемъ еще болѣе химерическимъ, чѣмъ фантазію о возможности введенія всеобщаго языка. Мирныя отношенія между монархами точно также не могутъ быть продолжи-

*) «Projet b'une paix perpétuelle».

тельныя, какъ между слонами и носорогами, какъ между волками и собаками. Хищные звѣри бросаются другъ на друга при первой возможности *). Вообще, пессимизмъ Вольтера сильно охлаждалъ пылъ мечтаній и надеждъ другихъ современныхъ ему мечтателей. По его мнѣнію, право народовъ составляетъ науку, изъ которой властелины поучаются, до какихъ предѣловъ они могутъ безнаказанно насиловать справедливость, т. е. не рискуя собственными выгодами. Обезпечить себя отъ вреда, наносимаго ближними, можно лишь посредствомъ собственной готовности повредить этимъ ближнимъ, ибо сдерживающей силой для тщеславія служитъ лишь такое же тщеславіе. Злыя собаки одинаковой силы скалятъ зубы и бросаются одна на другую только въ томъ случаѣ, если хотятъ завладѣть спорной добычей.

Не менѣе насмѣшекъ по поводу вѣчнаго мира разсыпано Ж. Ж. Руссо, хотя вообще о мирѣ онъ говорилъ не одинаковымъ тономъ съ Вольтеромъ. Приводя выдержки изъ Сенъ-Пьера, Руссо высказалъ свои мнѣнія весьма обстоятельно. Прежде всего онъ сопоставилъ картину современной ему Европы, терзаемой безпрерывными войнами,—Европы, въ которой одинъ народъ напрягаетъ всѣ свои силы нравственныя, умственныя и матеріальныя, чтобы нанести пораженіе другому,—съ тѣми благословенными взаимными отношеніями, какія могли бы существовать въ Европѣ, соединившейся въ дружественный союзъ. „Если, не смотря на эти преимущества,—говоритъ женевскій философъ,—проектъ Сенъ-Пьера не осуществляется, то отсюда еще ничуть не слѣдуетъ, что его идеи химеричны. Люди, вообще, безсмысленны и быть разсудительнымъ среди помѣшанныхъ есть своего рода сумашествіе". Въ другомъ мѣстѣ Руссо замѣчаетъ, что проектъ Сенъ-Пьера не примѣнимъ, если дѣло идетъ о созданіи общаго мира, и излишенъ для его сохраненія, ибо „осуществленіе европейской конфедераціи хотя-бы на одинъ день было бы достаточно для сохраненія ея навѣки".

Не смотря на очевидную приверженность знаменитаго философа къ идеямъ о вѣчномъ мирѣ Сенъ-Пьера, онъ признавалъ недостижимость послѣдняго въ жизни.

„Развѣ вѣроятно, говоритъ онъ, добровольное подчиненіе суду со стороны людей, вѣрящихъ въ силу своего ору-

---

*) Voltaire, «De la paix perpétuelle».

жія и основывающихъ на немъ свою власть? Простой дворянинъ, если его оскорбятъ, считаетъ для себя унизительнымъ обращаться съ жалобой къ суду, а вы хотите, чтобы короли искали справедливости въ международныхъ судахъ“.

Наиболѣе тонкій и глубокій изъ соціологовъ и знатоковъ политики восемнадцатаго вѣка, Монтескье, разсматриваетъ вопросъ о вѣчномъ мирѣ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Esprit des lois“. Онъ не предлагаетъ международнаго суда, такъ какъ не вѣритъ въ возможность его осуществленія. Онъ идетъ далѣе, признавая законность веденія войны, даже наступательной. „Естественное право защиты въ международныхъ отношеніяхъ влечетъ за собой иногда необходимость нападенія, а именно въ томъ случаѣ, если какой-либо народъ убѣждается, что миръ послужитъ лишь средствомъ для другихъ народовъ къ его истребленію и что нападеніе въ данномъ случаѣ есть единственный способъ противодѣйствія собственному уничтоженію. Законъ войны влечетъ за собой, какъ неизбѣжное послѣдствіе, побѣду, затѣмъ слѣдуетъ завоеваніе, ведущее за собой необходимость сохранить завоеванное. Но завоеваніе есть пріобрѣтеніе, а каждое пріобрѣтеніе требуетъ сохраненія, пользованія, а не истребленія“. Въ этомъ заключаются, по мнѣніи французскаго философа, основныя положенія «народныхъ правъ».

Монтескье, однако, полагаетъ желательнымъ включить международныя отношенія, какъ мирнаго, такъ и военнаго времени, въ какія-либо нормы, полезныя для всѣхъ сторонъ и отвѣчающія интересамъ цивилизаціи. Всякій народъ обязанъ заботиться въ мирное время о накопленіи возможно болѣе для себя полезнаго, а въ военное о возможномъ избѣжаніи вреда, на сколько это не подвергаетъ опасности собственныхъ выгодъ. Монтескье хорошо понималъ бѣдственныя послѣдствія вооруженнаго мира, когда называлъ его „напряженіемъ силъ всѣхъ противъ всѣхъ“,—напряженіемъ, дѣлающимъ бѣдняковъ среди богатства.

Въ это же время защитникомъ международнаго трибунала былъ другой, менѣе знаменитый ученый, за которымъ, однако, числятся весьма важныя заслуги передъ наукой. Мы говоримъ о Ваттелѣ, послѣдователѣ Гуго Гроція, извѣстномъ законовѣдѣ и политикѣ. Онъ доказывалъ, что соблюденіе справедливости въ дѣлахъ между государствами еще болѣе необходимо, чѣмъ между частными лицами, „ибо послѣдствія,

вызываемыя несправедливостью въ первомъ случаѣ несравненно болѣе ужасны, чѣмъ во второмъ. Всякій народъ долженъ уступить другому то, что ему принадлежитъ, долженъ уважать его права и не препятствовать ему пользоваться ими".

Въ 1789 году Бентамъ тоже развивалъ мысль о вѣчномъ мирѣ. Въ „Очеркѣ международнаго права" онъ предлагалъ придти къ вѣчному миру путемъ одновременнаго уменьшенія военныхъ силъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ и введеніемъ независимости въ колоніяхъ.

Французская революція совершенно измѣнила физіономію Европы и значительно повліяла на направленіе ея идей. Новыя понятія, опережавшія наиболѣе передовыхъ философовъ, стали уже общими мѣстами, весьма недалекими отъ осуществленія. Уже перестали говорить о Европѣ, какъ объ отдѣльномъ христіанскомъ мірѣ. Стали говорить о братствѣ народовъ всего свѣта *). Чаще прежняго начали противопоставлятъ политикѣ правителей политическія стремленія народовъ. Революція редактируетъ, кодифицируетъ основы будущихъ отношеній между людьми и государствами, провозглашаетъ ихъ, пропагандируетъ и даже намѣревается навязать ихъ цѣлой Европѣ. Между этими основами на первое мѣсто ставится равенство, равенство правъ единицъ, равенство правъ народовъ. Война осуждена и проклята. «Война,— по опредѣленію Кондорсе въ его смѣломъ предсказаніи будущности человѣческаго рода,—есть страшнѣйшее изъ бѣдствій и величайшее изъ преступленій. Войны, какъ убійства, будутъ причислены къ тѣмъ чрезвычайнымъ жестокостямъ, которыя унижаютъ и возмущаютъ природу человѣка, которыя бросаютъ безчестіе на страну и на эпоху, запятнавшую себя величайшимъ злодѣяніемъ» **).

Законодательное собраніе 22 мая 1790 года рѣшило и включило въ конституцію слѣдующія слова:

«Французскій народъ навсегда отрекается отъ веденія всякой войны, если она предпринимается съ завоевательною цѣлью, и никогда не употребитъ своей силы на отнятіе свободы другого народа».

Но чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, производимое этими

---

*) Condorcet, «Esquisses d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain»
**) Тамъ же.

заявленіями на общественное мнѣніе Европы, тѣмъ болѣе они безпокоили монархическія правительства. Замѣчательно, что эти мирныя заявленія и рѣшенія революціоннаго правительства лишь содѣйствовали заключенію между собой союза королей, увидѣвшихъ въ нихъ опасность существующему порядку, что̀ прямо доказало справедливость доводовъ Монтескье. Между тѣмъ, война доставила Франціи побѣды, за которыми слѣдовали завоеванія и, слѣдовательно, заботы объ охраненіи пріобрѣтенныхъ выгодъ. Приходилось примирять это положеніе съ высказанными ранѣе мирными заявленіями посредствомъ новыхъ теорій о естественныхъ границахъ. Такимъ образомъ, оправдывались скептическія предсказанія философовъ, указывавшихъ на̀ несовершенство человѣческой природы, какъ на главную причину войнъ. Франція принуждена была вести наступательныя войны ради обезпеченія своей безопасности. Не смотря на то, 13 апрѣля 1793 года конвентъ снова провозгласилъ, что «французскій народъ относится дружественно ко всѣмъ народамъ, стремящимся къ свободѣ, что онъ не вмѣшивается въ дѣла прочихъ государствъ и не потерпитъ, чтобы чужестранцы вмѣшивались въ его дѣла». Но эти слова противорѣчили дѣйствительности. Франція стояла лицомъ къ лицу передъ монархической Европой, какъ чуждое и враждебное ему начало, и борьба была естественнымъ выходомъ изъ такого положенія. Надо было или обезпечить представляемой ею идеѣ побѣду въ Европѣ или вмѣстѣ съ нею потерпѣть пораженіе. При такихъ условіяхъ воинственная, тщеславная, побѣдоносная республика превращается въ милитарную имперію, которой приходится не только воевать, но и завоевывать, ради спасенія своего существованія. Вмѣстѣ съ военною силой, снова появляются въ ней планы всемірной монархіи. Бонапарте продолжаетъ традиціи Бурбоновъ. «Въ намѣреніяхъ нашихъ—говорилъ Наполеонъ въ 1815 году—было созданіе системы европейской федераціи, которая, соотвѣтствуя духу времени, была бы полезна интересамъ цивилизаціи». «Политика императора,—далѣе утверждалъ Наполеонъ,—стремилась къ основанію прочнаго союза между европейскими государствами, утвержденнаго на сохраненіи народностей и на удовлетвореніи всеобщихъ интересовъ».

Для того, чтобы объединить отдѣльныя части союза, императоръ французовъ, по его собственнымъ словамъ, пред-

полагалъ ввести въ общее употребленіе одинъ европейскій кодексъ и основать международный трибуналъ. Его могущественное вмѣшательство должно было привести къ единству монетному и метрическому, какъ и къ сближенію посредствомъ общихъ законовъ.

Европа не сочувствовала планамъ императора, для осуществленія которыхъ имѣлись въ виду завоеванія, но идеи французской революціи не могли въ нее не проникнуть. Принципы, проповѣдуемые ею, мало по малу вошли въ плоть и кровь европейскихъ народовъ. Всѣ слѣдовавшіе за нею и современные ей писатели обратились въ пропагандистовъ новыхъ началъ. Байронъ, Гете, Шиллеръ питали ими умы цѣлыхъ поколѣній.

Практическое направленіе французскихъ мыслителей-публицистовъ много способствовало тому, что идеи ихъ сильно вліяли на ходъ политики, въ противоположность абстрактнымъ философствованіямъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Совершенно на иную почву вопросъ о международныхъ отношеніяхъ поставленъ былъ Кантомъ. Онъ представляетъ этотъ вопросъ въ видѣ отвлеченной задачи, вовсе не касаясь практической возможности примѣнить ея рѣшеніе къ данному моменту. Сочиненіе его «Philosophischer Entwurf zum ewigen Frieden» является протестомъ противъ войны, не ослабленнымъ ни малѣйшимъ оппортунистическимъ снисхожденіемъ къ ея безнравственному происхожденію. Авторъ исходитъ изъ той истины, что, точно также какъ въ отношеніяхъ между единичными людьми, отношенія государства къ подданнымъ и взаимныя между государствами должны безусловно сообразоваться съ *началами справедливости*. Никакіе интересы, никакія иныя соображенія, никакой законъ и никакая власть никогда и нигдѣ не должны стоять впереди этихъ началъ, такъ какъ въ нихъ истина и высшій законъ.

Исходной точкой выводовъ Канта служитъ слѣдующее положеніе. Настоящее анархическое состояніе отношеній между народами есть отраженіе тѣхъ отношеній, какія существовали между людьми въ эпоху ихъ дикаго состоянія, до соединенія ихъ въ общественныя группы и государства, послѣ чего нравы ихъ смягчились требованіемъ соблюденія обычаевъ и закона. Пока такія отношенія между государствами будутъ существовать, вѣчный миръ между народами

неосуществимъ, точно также какъ невозможны были мирныя отношенія между людьми, не знавшими границъ своеволію. Границы же эти опредѣлились въ теченіи вѣковъ выработавшимися законами общежитія.

Кантъ въ сильныхъ выраженіяхъ негодуетъ на современную международную анархію, объясняя ее возмутительною способностью человѣка проявлять при всякой возможности дикіе инстинкты и нравственное паденіе. Подобное анархическое состояніе когда-нибудь должно исчезнуть и мало помалу замѣниться законнымъ порядкомъ. «Всѣ люди, говоритъ Кантъ, вслѣдствіе взаимной зависимости, когда-нибудь да вступятъ согражданами въ общую всѣмъ организацію» (zu einer bürgerlichen Verfassung). Какъ нѣкогда единицы, такъ въ будущемъ общества и народы создадутъ единый общественный организмъ «государства государствъ», которое включитъ въ себя всѣ народы земного шара.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что воззрѣнія Канта на вопросъ о вѣчномъ мирѣ нѣсколько отличались отъ ученій французскихъ философовъ. Онъ бросилъ въ міръ новую и глубокую мысль о томъ, что идея вѣчнаго мира не можетъ быть основаніемъ для созданія союза государствъ. Вѣчный миръ наступитъ лишь въ видѣ конечнаго результата совершенствованія международныхъ отношеній, т. е., онъ явится тогда, когда царство силы замѣнится въ нихъ царствомъ справедливости.

Предъявляемыя имъ къ современной ему эпохѣ требованія, Кантъ сводитъ къ слѣдующимъ шести пунктамъ: 1) не слѣдуетъ считать заключеніемъ мира такихъ трактатовъ, въ коихъ находятся зародыши будущей войны; 2) ни одно государство не должно пріобрѣтать части другаго ни путемъ наслѣдованія, ни обмѣна, ни купли, ни дара; 3) постоянныя арміи должны быть упразднены; 4) не должно заключать займовъ на внѣшнія дѣла; 5) государства не должны вмѣшиваться во внутреннее устройство и управленіе другихъ государствъ и 6) государства не должны во время войны совершать такихъ дѣйствій, которыя могли бы ослабить чувство довѣрія къ нимъ во время мира.

Заключительные свои выводы Кантъ выразилъ въ трехъ главныхъ положеніяхъ: 1) гражданскій строй каждаго государства долженъ быть республиканскій; 2) народныя права должны утверждаться на союзѣ свободныхъ государствъ и,

наконецъ, 3) право всемірнаго гражданства должно быть ограничено приравненіемъ его къ обычаямъ гостепріимства между людьми, т. е. народамъ дозволяется взаимное посѣщеніе, но не водвореніе на земляхъ сосѣдей.

Въ то время, когда Кантъ писалъ эти строки, когда онъ старался убѣдить людей, что вѣчный миръ есть высшее благо, къ какому можетъ стремиться устройство политической жизни человѣческихъ обществъ, когда онъ добивался престола для *царицы міра*—„*Нравственности*", французская революція уже стремилась къ проведенію тѣхъ же или родственныхъ имъ принциповъ въ общественную и политическую жизнь.

Дѣйствительность далеко отстала отъ теоріи. Но въ исторіи человѣческой мысли идеи Канта успѣли пустить глубокіе ростки. Разъ открытую истину уже не легко было затемнить.

IV.

Стремленія противъ войны въ XIX в. до 1870 г.

Послѣ французской революціи и въ значительной степени вслѣдствіе ея, отношеніе общества къ войнѣ подверглось замѣтному измѣненію. Тѣ протесты противъ войны, какіе прежде слышались со стороны отдѣльныхъ лицъ, теперь уже раздавались хоромъ при участіи цѣлыхъ общественныхъ группъ. Въ нихъ участвовали населенія, готовыя отъ словъ перейти къ дѣлу, чему способствовали многія обстоятельства.

Въ понятіяхъ большинства цивилизованнаго міра произошолъ цѣлый переворотъ. Явились новые взгляды на обязанности подданныхъ въ отношеніи къ государству, отдѣльныхъ лицъ къ своей народности. Хотя буря и утихла и казалось, все вернулось къ прежнему быту, но на самомъ дѣлѣ новыя идеи, и между ними идеи равенства и братства, оживили и возвысили стремленія европейскихъ народовъ. Послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ войнъ, во всей Европѣ почувствовалась усталость отъ постоянной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, жажда тишины и покоя. Блага мира получаютъ новую прелесть послѣ страшныхъ испытаній военнаго времени. Между тѣмъ, развитіе промышленности, тор-

говли, усовершенствованіе въ способахъ сообщеній, сблизившихъ народы, еще болѣе усилили потребность и привычку къ международнымъ сношеніямъ. Милитаризмъ уже не могъ удовлетворять ни умственнымъ, ни матеріальнымъ потребностямъ большей части европейцевъ. Тѣмъ не менѣе, онъ возрасталъ; но это возрастаніе его служило лишь новымъ вызовомъ для протестовъ общества и давало новыя доказательства излишняго увлеченія воинственностью правящихъ сферъ. Вредъ, отъ того происходящій для народнаго благосостоянія, и противопоставленіе милитаризма съ стремленіями цивилизаціи были темой, несходившей въ это время со столбцовъ всевозможнаго направленія журналовъ и газетъ, число которыхъ въ эту эпоху возросло въ Европѣ, Америкѣ и даже прочихъ частяхъ свѣта до неимовѣрной цифры.

«Вооруженіе всѣхъ противъ всѣхъ», тѣмъ не менѣе, должно было рано или поздно привести къ столкновенію—и оно произошло.

Какъ-бы то ни было, но если смотрѣть на все происходившее въ цивилизованномъ мірѣ въ послѣднее столѣтіе, не увлекаясь предвзятыми теоріями о цѣлесообразности международныхъ кровопусканій, то становится яснымъ, что общественная среда повсемѣстно болѣе и болѣе проникается убѣжденіемъ, что миръ есть вѣрнѣйшее средство для достиженія возможнаго ея благосостоянія, ибо только во время мира обезпеченный трудъ человѣка можетъ быть исключительно направленъ ко всеобщей пользѣ.

Въ самомъ началѣ истекающаго столѣтія мы встрѣчаемъ пламенныхъ и дѣятельныхъ проповѣдниковъ идеи всеобщаго мира среди трудолюбивыхъ и религіозныхъ послѣдователей квакерства въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Это былъ едва-ли не первый примѣръ рѣшительнаго примѣненія христіанскихъ началъ къ условіямъ реальной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Движеніе въ пользу идеи мира стало быстро распространяться, особенно благодаря квакерамъ. Впрочемъ, въ числѣ выдающихся поборниковъ ея встрѣчается много духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій, поэтовъ, ученыхъ, публицистовъ, государственныхъ людей. Особенно дѣятельнымъ противникомъ войны былъ Кобденъ, знаменитый защитникъ свободы торговли.

Въ 1815 году докторъ Ворчестеръ опубликовалъ въ Соединенныхъ Штатахъ свои «Изслѣдованія войны». Книга

эта произвела столь сильное впечатлѣніе на публику, что когда до нея дошли извѣстія о происшедшемъ въ то время ватерлооскомъ кровопролитіи, то тотчасъ, одно за другимъ, стали возникать общества мира (Peace-Society) въ разныхъ концахъ Америки (Штаты Нью-Йоркъ, Огайо, Массачузетсъ и друг.).

Въ томъ же году появилась краснорѣчивая статья въ лондонскомъ журналѣ «The Philantropist,» вызвавшая организацію общества поборниковъ мира въ столицѣ Великобританіи. Слѣдуетъ замѣтить, что каждое изъ этихъ обществъ основывалось совершенно самостоятельно подъ вліяніемъ лишь проникновенія одною чистой идеей, не побуждаемое ни примѣромъ, ни соревнованіемъ, ни правительственнымъ покровительствомъ; единственнымъ мотивомъ ихъ появленія въ разныхъ частяхъ свѣта было вполнѣ созрѣвшее убѣжденіе множества людей, что наступила пора для борьбы съ установившимся на землѣ обычаемъ рѣшать споры между народами при помощи грубой силы и кровопролитій. Миссіонеры этого убѣжденія распространяли его при помощи живаго слова на митингахъ, печатали брошюры и статьи въ періодическихъ журналахъ и старались ознакомить съ своими принципами не только соотечественниковъ, но и иноземцевъ.

Въ 1821 году возникаетъ въ Парижѣ «общество христіанской нравственности» съ противовоеннымъ направленіемъ, въ средѣ котораго, двадцать лѣтъ спустя, образовался «комитетъ мира». Въ 1830 г. подобное же общество основалось въ Женевѣ. Не смотря на препятствія къ дѣятельности подобныхъ обществъ, какія въ то время еще встрѣчались во Франціи, въ 1847 году основалось новое общество исключительно съ цѣлью поддержанія всеобщаго мира. Главными устроителями были Франсуа Буве и Циглеръ.

Въ 1843 году великобританскіе поборники мира съѣхались на конгрессъ въ Лондонѣ, куда прибыли и представители обществъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, а также и президентъ парижскаго общества христіанской нравственности герц. Ларошфуко-Ліанкуръ. На этомъ конгрессѣ было рѣшено: обратиться ко всѣмъ правительствамъ цивилизованныхъ государствъ съ предложеніемъ включить во всѣ международные трактаты параграфъ, обязующій державы, въ случаѣ недоразумѣній по соблюденію договоровъ, обращаться

къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ государствъ.

Рѣшеніе это встрѣтило очень сочувственный пріемъ со стороны тогдашняго французскаго короля Людовика-Филиппа. «Миръ—сказалъ онъ делегатамъ конгресса—нуженъ всѣмъ, а война, къ счастью, слишкомъ дорого стоитъ, для того, чтобы къ ней можно было часто прибѣгать. Лично я убѣжденъ, что настанетъ день, когда она исчезнетъ изъ цивилизованнаго міра». Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Америки отвѣтилъ тѣмъ же делегатамъ, что «было-бы неестественно, еслибъ народное правительство не стремилось къ поддержанію мира. Чѣмъ больше будетъ просвѣщенія въ народѣ, чѣмъ лучше съумѣетъ онъ пользоваться своими правами, тѣмъ искреннѣе въ немъ будетъ стремленіе къ миру, этому важнѣйшему условію народнаго благосостоянія».

Весь этотъ эпизодъ опять-таки послужилъ къ оживленію антивоинственныхъ стремленій въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ послѣднихъ.

Къ этому времени, между прочимъ, относится появленіе могучаго апостола мира, одареннаго фанатическою вѣрой въ силу истины и въ осуществимость его стремленій. Это былъ нѣкто Берритъ (Burritt), кузнецъ по ремеслу. Онъ ходилъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, проповѣдуя соотечественникамъ братскія чувства, и вліяніе его въ Америкѣ было громадно. Не довольствуясь успѣхомъ въ своей странѣ, онъ отправился въ 1848 году въ Европу, чтобы распространить свою пропаганду и въ старомъ свѣтѣ. Въ Англіи его приняли съ энтузіазмомъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ Генри Ричардомъ, онъ направился въ Парижъ для устройства въ этомъ городѣ конгресса мира. Но тогдашнее политическое положеніе Франціи помѣшало имъ осуществить свое намѣреніе; послѣ чего они уѣхали въ Брюссель, гдѣ предполагавшійся конгрессъ и состоялся. На этотъ конгрессъ прибыло изъ Америки 160 делегатовъ, въ числѣ коихъ было 30 женщинъ. Во главѣ собранія находился Іосифъ Стэрджъ, извѣстный филантропъ и дѣятель по вопросу объ отмѣнѣ невольничества. Конгрессъ принялъ четыре резолюціи, изъ коихъ *первою* война отвергалась, какъ политическое средство, и объявлялась тяжкимъ преступленіемъ; *второю*—требовалось учрежденіе верховнаго суда для разбирательства спорныхъ дѣлъ между государствами; *третьею*—признавалась необходимость

выработки и введенія международнаго кодекса и, наконецъ, *четвертою*—предлагалось всеобщее разоруженіе *).

Лордъ Джонъ Россель, бывшій въ то время первымъ министромъ Великобританіи, заявилъ делегатамъ конгресса, что онъ вполнѣ сочувствуетъ его постановленіямъ и что если бы какое-либо государство, въ спорѣ съ Англіей, пожелало обратиться къ примирительному суду, то такого рода предложеніе Англія всегда готова уважить.

Конгрессъ рѣшилъ собраться въ слѣдующемъ году въ Парижѣ, и дѣйствительно въ августѣ мѣсяцѣ 1849 года этотъ съѣздъ состоялся при участіи 300 представителей отъ американскихъ и англійскихъ городовъ и обществъ, 230 французовъ, 23 бельгійцевъ и небольшого числа итальянцевъ, шведовъ, нѣмцевъ и испанцевъ.

Засѣданія этого конгресса производили впечатлѣніе сильное и ничуть не похожее на то, какое обыкновенно вызывается утопіями мечтателей. Заключенія и постановленія предшествующихъ конгрессовъ были на этотъ разъ провозглашены еще съ большею рѣшительностью.

„Только миръ въ состояніи обезпечить нравственные и матеріальные интересы народовъ. Правительства обязаны обращаться, въ случаѣ возникающихъ несогласій, къ примирительному разбирательству спеціальныхъ судовъ и рѣшеніямъ этихъ судовъ подчиняться. Слѣдуетъ обратиться къ правительствамъ, чтобы понудить ихъ къ обсужденію мѣръ для всеобщаго разоруженія. Наступило время подготовленія общественнаго мнѣнія всѣхъ странъ къ необходимости учреж-

*) По болѣе точному изложенію, сущность этихъ постановленій заключалась въ слѣдующемъ: 1) Прибѣганіе къ оружію для рѣшенія международныхъ споровъ составляетъ обычай, отвергаемый религіей, разумомъ, закономъ и чувствомъ гуманности, поэтому, цивилизованный міръ обязанъ принять мѣры къ полному устраненію этого обычая. 2) Дѣло величайшаго значенія потребовать отъ правительствъ, чтобы всѣ международныя недоразумѣнія рѣшались дружелюбно, на основаніяхъ закона и справедливости, третейскимъ судомъ, по правиламъ, установляемымъ въ трактатахъ. Суперарбитры или верховный международный судъ будетъ рѣшать споры безапелляціонно. 3) Слѣдуетъ желать, чтобы въ ближайшемъ времени состоялся международный конгрессъ, составленный изъ представителей всѣхъ народовъ, для выработки кодекса, регулирующаго международныя отношенія; принятіе такого кодекса всѣми народами даетъ одно изъ средствъ для достиженія всеобщаго мира. 4) Необходимо обратить вниманіе правительствъ на неизбѣжность всеобщаго и одновременнаго разоруженія, если ихъ намѣренія въ дѣйствительности направлены къ тому, чтобы устранить всякіе поводы къ постоянному взаимному раздраженію и въ тоже время сократить тяжесть государственныхъ расходовъ. Установленіе взаимнаго довѣрія и обмѣнъ услугъ равно желательны какъ для пользы каждой отдѣльной страны, такъ и для поддержанія всеобщаго мира и благосостоянія всѣхъ народовъ.

денія общаго союза народовъ, единственной цѣлью котораго должно быть составленіе законовъ, обезпечивающихъ миръ въ международныхъ отношеніяхъ, и созданіе верховнаго суда для рѣшенія вопросовъ о взаимныхъ обязанностяхъ и правахъ, возникающихъ изъ международныхъ отношеній".

Такъ какъ между членами конгресса насчитывалось не мало людей практическихъ, то въ числѣ его постановленій оказалось и энергическое осужденіе займовъ и поборовъ, совершаемыхъ для веденія войнъ съ цѣлью завоевательною или тщеславною. Если это осужденіе было высказано въ формѣ, не включившей всѣхъ войнъ вообще, независимо отъ цѣли ихъ, то лишь потому, что большинство иноземныхъ членовъ конгресса хотѣло избѣгнуть подозрѣнія въ намѣреніи касаться событій минуты и, между прочимъ, тогдашней интервенціи французскихъ войскъ въ дѣла Рима.

Конгрессъ завѣщалъ своимъ членамъ трудиться въ своемъ отечествѣ надъ дѣломъ искорененія политическихъ предубѣжденій и ненависти, которыя не разъ бывали причиной страшныхъ войнъ. Съ такимъ же воззваніемъ онъ обратился къ духовнымъ лицамъ всѣхъ исповѣданій, святая обязанность которыхъ заключается въ водвореніи и поддержаніи мирныхъ отношеній между людьми.

Съ не менѣе категорическимъ желаніемъ конгрессъ обратился къ печати, какъ къ органу цивилизаціи. Наконецъ, онъ указалъ и на необходимость совершенствованія средствъ взаимнаго сообщенія между странами, для чего полезно введеніе объединительныхъ почтовыхъ правилъ, единство мѣръ и монетной системы и проч.

Слѣдующій конгрессъ поборниковъ мира происходилъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, на которомъ снова были повторены резолюціи предшествовавшихъ конгрессовъ.

Такимъ образомъ, около половины нынѣшняго столѣтія мы замѣчаемъ стремленіе къ разрѣшенію вопроса уже не въ тиши кабинетовъ, а въ практическомъ приложеніи, помощью ассоціацій и конгрессовъ. Вопросъ сталъ понятенъ не только избраннымъ умамъ, но и широкимъ слоямъ общества. Дѣло уже не въ распространеніи мысли, а въ ея реальномъ воплощеніи. При этомъ увеличивается надежда склонить націи къ вступленію въ союзъ представителей разныхъ державъ и къ передачѣ спорныхъ вопросовъ на разрѣшеніе третейскихъ судовъ.

Первые протесты противъ войны вылились изъ сердца людей, на столько проникнутыхъ гуманностью, что ихъ ужасалъ самый процессъ войны. Даже провозглашавшіе принципъ вѣчнаго мира философы обращались болѣе къ чувствамъ, чѣмъ къ умамъ, предпочитая созданіе утопій точному и доказательному изслѣдованію. Такова обыкновенная судьба идей. Онѣ поражаютъ своей красотой ранѣе, чѣмъ истинностью. Но если идея имѣетъ будущее, то наступаетъ другой фазисъ: является наука, перестраиваетъ и чаще всего уменьшаетъ размѣры зданія, созданнаго фантазіей, но зато устанавливаетъ его на непоколебимомъ основаніи своихъ истинъ. Въ данномъ случаѣ произошло нѣчто подобное. Наука явилась сторонницей мира на основаніи изслѣдованія общественной эволюціи. Уже Сенъ-Симонъ доказывалъ, что эпоха войнъ подходитъ къ концу и что настаетъ эпоха промышленности. Его ученикъ Контъ развилъ и обосновалъ эту мысль: будущее принадлежитъ не убійственной борьбѣ, а труду. Тотъ же тезисъ поддерживается Боклемъ въ извѣстной, переведенной на всѣ языки, «Исторіи цивилизаціи въ Англіи».

Проповѣдь мира въ эту эпоху совпала съ благопріятными для него условіями, какъ политическими, такъ и общественными. Необыкновенное развитіе путей сообщенія не переставало сближать народы между собой, а развитіе промышленности обогащало ихъ. Послѣднее обстоятельство увеличивало опасеніе бѣдствій войны. Прогрессъ техники дошелъ почти до того состоянія, о какомъ нѣкогда мечтали философы прошлыхъ вѣковъ. Онъ уже и теперь живетъ какъ бы въ одной, общей всѣмъ, европейской республикѣ. Хотя у послѣдней и нѣтъ общихъ законовъ, но къ каждому изъ этихъ законовъ, введенному въ какое либо государство, примѣняются техническіе интересы всѣхъ прочихъ, вслѣдствіе полнѣйшей, въ этомъ отношеніи, зависимости ихъ между собой.

Въ прежнее время событія, совершившіяся не въ сосѣднемъ государствѣ, возбуждали къ себѣ не болѣе какъ простое любопытство. Теперь же они касаются насъ непосредственно, такъ какъ отъ нихъ зачастую зависитъ наше личное благосостояніе. Весьма сложные и притомъ непрерывно продолжающіе далѣе осложняться торговые и промышленные интересы народовъ становятся болѣе и болѣе

чувствительными къ политическимъ потрясеніямъ и совершенно неспособными переносить безправіе войны.

Перемѣны, происшедшія въ политическихъ понятіяхъ и устройствѣ европейскихъ обществъ, оказали не малое содѣйствіе идеѣ вѣчнаго мира. Дипломатія и вообще правительства убѣдились, что пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ или же стѣснять его не всегда возможно, такъ какъ въ немъ уже существуютъ нравственныя силы, способныя постоять за свои стремленія. Замѣчая, что общественное мнѣніе повсюду, за малыми исключеніями, придерживается антивоинственныхъ убѣжденій, государственные люди стали сообразовать свою дѣятельность съ этой наклонностью современныхъ обществъ, ставшей для всѣхъ очевидною.

Въ это время французскій престолъ уже занималъ человѣкъ, всячески старавшійся расположить къ себѣ общественное мнѣніе Европы. Наполеонъ III болѣе всего опасался, чтобы Европа, не забывшая войнъ его воинственнаго дяди, не приписывала ему желанія слѣдовать преданіямъ первой имперіи. Поэтому онъ не переставалъ повторять, что «имперія это миръ», и старался доказать свое миролюбіе, прилагая всевозможныя старанія къ тому, чтобы создать всеобщій конгрессъ для обсужденія и устройства международныхъ интересовъ. Онъ твердилъ, что идея союза народовъ есть лучшая изъ наполеоновскихъ идей и всякій разъ, когда въ Европѣ выдвигался какой-либо международный вопросъ, Наполеонъ выступалъ съ предложеніемъ о созывѣ международнаго конгресса. Ему это удалось въ 1856 году, когда въ совѣтъ европейскихъ державъ впервые былъ допущенъ представитель Турціи. На парижскомъ конгрессѣ Дунай и Черное море объявлены были открытыми для всемірной свободной торговли, а затѣмъ 34 государства Европы и Америки подписали договоръ о преслѣдованіи корсаровъ, о правахъ нейтральнаго флага и нейтральныхъ грузахъ на судахъ воюющихъ державъ и проч.

На этомъ собраніи представителей большей части цивилизованнаго міра былъ даже поднятъ вопросъ о возможности полнаго предупрежденія войны посредствомъ мирнаго разбирательства возникающихъ споровъ въ соотвѣтственныхъ судебныхъ установленіяхъ. Честь поднятія этого вопроса на европейскомъ ареопагѣ принадлежала англійскому уполномоченному, лорду Кларендону, представившему въ конгрессъ

предложеніе, чтобы предоставленное Турціи право обращенія къ посредничеству прочихъ державъ было распространено и на прочія страны Европы. Такимъ образомъ, предполагалось возвести преграду противъ недоразумѣній, которыя часто потому только и возникаютъ, что средства объективнаго обсужденія ихъ не существуютъ. Представитель Франціи, графъ Валевскій, горячо поддержалъ это предложеніе и оно было принято въ такой редакціи: «Уполномоченные государствъ не колеблясь заявляютъ отъ лица своихъ правительствъ, что они проникнуты желаніемъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія серьезныхъ международныхъ несогласій, державы, прежде чѣмъ браться за оружіе, обращались къ посредничеству дружественныхъ державъ. Уполномоченные питаютъ надежду, что государства, не имѣющія представителей на конгрессѣ, пожелаютъ присоединиться къ благой мысли, вдохновившей конгрессу высказанное пожеланіе».

Впрочемъ, и это скромное пожеланіе было ограничено слѣдующимъ примѣчаніемъ къ нему: «Этимъ заявленіемъ конгрессъ ни въ чемъ не связываетъ рѣшеній державъ въ случаяхъ, когда затронуто ихъ достоинство». Поэтому, приведенное постановленіе конгресса никого и ни къ чему не обязывало и осталось лишь pium desiderium.

Какъ бы ни было, но и оно доказываетъ, что стремленіе къ достиженію вѣчнаго мира, столь часто приравниваемое скептиками къ фантастическимъ изобрѣтеніямъ утопистовъ, все-таки получило реальное признаніе, хотя и въ условной формѣ, оффиціальныхъ представителей большей части государствъ.

Противувоенное движеніе достигло наибольшаго развитія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Франція шла впереди его. Въ 1867 году была основана въ Парижѣ Фридрихомъ Пасси католическо-консервативная «Международная лига мира». Сессія ея въ Парижѣ, въ 1869 году, получила всеобщую извѣстность. Извѣстный экономистъ Мишель Шевалье предложилъ этому собранію резолюцію, принятую единогласно и заключающую слѣдующія положенія: «Оправданіе войны равносильно съ вызовомъ, брошеннымъ общественной совѣсти. Явились новыя силы, которыя больше, чѣмъ въ прошлыя времена, составляютъ противовѣсъ войнѣ; силы эти—промышленность и политическая свобода. Громадное большин-

ство населенія Европы желаетъ мира, и однако, вопреки собственному интересу, вся Европа находится на вооруженномъ положеніи. Единственнымъ средствомъ прекращенія этого является болѣе тѣсное и всестороннее общеніе людей и политическое объединеніе, въ родѣ существующаго въ Соединенныхъ Штатахъ».

Въ томъ же 1867 году французы образовали въ Женевѣ другое общество, отличавшееся болѣе свободомыслящимъ духомъ, подъ названіемъ «Международной лиги мира и свободы». Успѣхъ новаго общества былъ великъ: черезъ самое короткое время число членовъ увеличилось до 60.000, а между примкнувшими были Викторъ Гюго, Гарибальди, Карно, Фавръ, Литтрэ, Милль и др. Затѣмъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ конгрессовъ мира: въ Женевѣ (1867), въ Бернѣ (1868, подъ предсѣдательствомъ В. Гюго), въ Лозаннѣ (1869) и въ Базелѣ (1870). Совѣщанія конгрессовъ возбудили долго неослабѣвавшій интересъ во всей Европѣ.

Враги войны нашлись также среди нѣмцевъ. Въ 1868 г. собрался въ Прагѣ съѣздъ «философовъ», состоявшій въ значительной степени изъ нѣмцевъ. Собравшіеся представители науки высказали въ окончательной резолюціи, что «конгрессъ признаетъ всѣ нравственныя и легальныя средства, ведущія къ окончательному упраздненію пошлости, грѣха и позора войны. Главнымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли является система постоянныхъ армій, способствующая искушеніямъ нарушенія мира и совершенія насильственныхъ дѣйствій».

Проф. Вирховъ, поддерживаемый депутатами свободомыслящей партіи, попробовалъ перенести дѣло съ почвы теоретическихъ соображеній на почву практическую и внесъ въ прусскій сеймъ слѣдующее предложеніе: «Принимая во вниманіе, что возвышеніе налоговъ въ Сѣверо-германскомъ союзѣ является результатомъ чрезмѣрнаго увеличенія военнаго бюджета, постоянная же готовность къ борьбѣ не проистекаетъ изъ зависти народовъ, а изъ дипломатическихъ отношеній кабинетовъ,—предлагаемъ королевскому правительству способствовать дипломатическимъ путемъ общему разоруженію». Хотя предложеніе это и было отвергнуто большинствомъ 215 голосовъ противъ 99,—самый фактъ его внесенія заслуживаетъ вниманія.

Теченіе въ пользу вѣчнаго мира въ концѣ шестидеся-

тыхъ годовъ стало походить на рѣку, въ которую со всѣхъ сторонъ сливаются ручьи, потоки и меньшія рѣки, и которая становится все шире и течетъ съ возрастающею скоростью. Вслѣдъ за окончаніемъ прусско-австрійской войны, возникъ изъ-за Люксембурга споръ между Франціей и Пруссіей, грозившій новымъ кровопролитіемъ. Общества мира принялись энергично за дѣло, съ цѣлью не допустить до этого. Ихъ лозунгъ «guerre à la guerre» вызвалъ откликъ во всѣхъ классахъ обоихъ народовъ, а совѣщавшійся въ Брюсселѣ конгрессъ рабочихъ энергически протестовалъ противъ вооруженной расправы.

Однако, подобное нравственное противодѣйствіе не могло бы измѣнить естественнаго теченія вещей, какъ не измѣнило ихъ два года спустя, если бы тогдашнія политическія условія не придали ему особой силы. Пруссія только-что окончила войну; ей нужно было отложить моментъ столкновенія, а потому и проповѣдь вѣчнаго мира приходилась для Бисмарка какъ нельзя болѣе кстати. Онъ даже самъ способствовалъ ея распространенію, входя въ роль рѣшительнаго сторонника вѣчнаго мира и всеобщаго союза народовъ. Во Франціи, послѣ неудачи мексиканскаго похода, авторитетъ Наполеона III сильно поколебался, а противувоенное движеніе распространялось тѣмъ легче, что съ нимъ естественно соединялась оппозиція противъ намѣреній императора.

Въ то время, когда дѣятельность враговъ войны въ Европѣ носила отпечатокъ теоретическій и касалась болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, — идея мирнаго улаженія международныхъ споровъ привилась въ Америкѣ на практической почвѣ. Соединенные Штаты уладили мирно рядъ споровъ, возникшихъ съ сосѣдними государствами, и, что важнѣе, этимъ же мирнымъ путемъ рѣшенъ былъ извѣстный споръ о крейсерѣ «Элэбэма», изъ-за котораго едва было не возгорѣлась англо-американская война. Собравшійся въ Женевѣ третейскій судъ призналъ Англію виновной въ несогласномъ съ международнымъ правомъ пособничествѣ крейсерамъ южанъ и предложилъ ей уплатить правительству Соединенныхъ Штатовъ стоимость понесенныхъ имъ и частными лицами убытковъ. Достаточно было иниціативы одного человѣка, г. Дюрана, чтобы въ 1863 году собрать въ Женевѣ конгрессъ 36 представителей разныхъ государствъ. Воен-

ный элементъ преобладалъ, и собраніе составило десять резолюцій, касавшихся учрежденія въ каждой странѣ особыхъ комитетовъ, помогающихъ санитарнымъ военнымъ отрядамъ. Женевская конвенція 1864 года обезпечила «нейтральность» лазаретовъ, раненыхъ и санитарнаго персонала воюющихъ сторонъ и придала международный характеръ человѣколюбивому учрежденію Краснаго Креста. Война 1866 года выяснила на опытѣ неполноту конвенціи 1864 года, вслѣдствіе чего въ 1867 году собрался новый конгрессъ для дополненія этой конвенціи. Выработанъ былъ проектъ новыхъ облегченій судьбы раненыхъ участниковъ войны. Проектъ заключалъ пятнадцать статей, изъ коихъ пять дополняли рѣшенія конвенціи 1864 года, а десять касались охраны санитарной службы при морской войнѣ. Этотъ проектъ не былъ никогда ратификованъ. Однако, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и авторитета серьезныхъ и гуманныхъ рѣшеній, они были признаваемы на практикѣ настолько, что, начиная съ 1868 года, воюющія стороны стремились къ соблюденію добавочныхъ статей такъ же, какъ и къ соблюденію требованій первоначальной конвенціи.

Война 1870 года является историческимъ моментомъ, съ котораго началось обостреніе въ отношеніяхъ народовъ, чувства гуманности ослабѣли и сталъ замѣтенъ поворотъ къ духу той безпощадности въ борьбѣ, которая считалась нѣкогда военной добродѣтелью. Война 1870 года была борьбой двухъ народовъ, изъ-за преобладанія, изъ-за вѣковыхъ ненависти и мести, война безпощадная, съ разстрѣливаніемъ волонтеровъ, сожиганіемъ селеній, съ неслыханною по размѣрамъ контрибуціею, цѣлью которой было прямо—разорить побѣжденнаго противника, сломить его силу на долгое время. Этой борьбѣ между двумя безусловно враждебными національными организмами, болѣе чѣмъ какой-либо иной войнѣ въ новѣйшія времена, былъ присущъ характеръ „борьбы за существованіе“. Заключившее ее оторваніе отъ Франціи двухъ областей сдѣлало то, что миръ не положилъ этой борьбѣ конца: самый миръ обусловилъ вѣроятность, почти неизбѣжность ея возобновленія. А возгорится она съ удвоеннымъ взрывомъ страстей; можно сказать, что даже самыя приготовленія къ ней ведутся съ обѣихъ сторонъ не только съ разсчетомъ, но со страстью, со злобой.

Естественно, что при такомъ настроеніи не было уже

мѣста для соображеній о способахъ смягченія ужасовъ войны. Съ небывалымъ еще увлеченіемъ стала работать изобрѣтательность по созданію возможно болѣе смертоносныхъ орудій и снарядовъ. Динамитъ, пироксилинъ, мелинитъ нашли широкое примѣненіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Военные писатели стали говорить, какъ о необходимыхъ условіяхъ будущей войны, о кавалерійскихъ набѣгахъ для опустошенія непріятельской страны, о примѣненіи каперства, о громадныхъ контрибуціяхъ. Франція и Германія наперерывъ перегоняютъ одна другую въ усиленіи своей артиллеріи, умноженіи кадровъ, возведеніи укрѣпленій, постоянно увеличивая народное бремя по вооруженіямъ. Понятно, что другія державы не могли отставать въ дѣлѣ готовности къ оборонѣ.

Что начало 70-хъ годовъ представило собой тотъ поворотный пунктъ, когда, подъ вліяніемъ національной ненависти, разсѣялись прежнія мысли о болѣе человѣчныхъ пріемахъ при веденіи войны,—это можетъ быть иллюстрировано слѣдующимъ фактомъ. Еще въ 1868 году, состоялась въ Петербургѣ международная декларація противъ употребленія ружейныхъ разрывныхъ пуль на войнѣ. Но когда, затѣмъ, русское же правительство, прямо указывая на путь, намѣченный женевскою конвенціею 1864 года о раненыхъ и петербургскою деклараціею 1868 года, обратилось въ 1874 году къ европейскимъ кабинетамъ съ проектомъ международной конференціи относительно законовъ и обычаевъ войны, то это предложеніе было встрѣчено довольно холодно въ Берлинѣ. Правда, конференція состоялась въ Брюсселѣ и засѣдала съ конца іюля по конецъ августа, подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго барона Жомини и при участіи представителей Германіи, Франціи, Англіи, Австріи, Италіи, Испаніи, Швеціи, Бельгіи, Даніи, Нидерландовъ, Швейцаріи и Греціи. Но въ виду слабой поддержки, какую проектъ встрѣтилъ въ конференціи, бар. Жомини принужденъ былъ отказаться отъ мысли о заключеніи чего-либо въ родѣ конвенціи и придалъ работамъ конференціи характеръ простаго „изслѣдованія". Только благодаря этому, конференція пришла къ соглашенію, приняла проектъ деклараціи, касающейся законовъ и обычаевъ войны, значительно, впрочемъ, отличный отъ первоначальнаго. Въ заключительномъ протоколѣ мотивировка начинается слѣдующими словами: „Было еди-

нодушно признано, что успѣхи цивилизаціи должны руководствоваться цѣлью уменьшать, насколько возможно, бѣдствія войны, что единственная законная цѣль государствъ во время войны должна состоять въ ослабленіи непріятеля, не причиняя ему при этомъ безполезныхъ страданій". Протоколъ также ссылается на женевскую конвенцію и на петербургскую декларацію.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ долженъ былъ служить предметомъ дальнѣйшихъ переговоровъ между кабинетами. Но къ новому приглашенію изъ Петербурга въ 1875 году, о возобновленіи конференціи, въ Берлинѣ отнеслись крайне сдержанно, а изъ Лондона отвѣчали отказомъ, что́ можно приписать внушенію изъ Берлина, такъ какъ нынѣ извѣстно, что въ 1875 г. князь Бисмаркъ затѣвалъ новый погромъ Франціи, а англійская нота была подписана 20 января. Такъ конференція болѣе и не собиралась.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что Англія и къ первому созыву конференціи отнеслась съ недовѣріемъ, опасаясь, что цѣлью ея могло быть именно ограниченіе способовъ веденія войны на морѣ. Сентджемскій кабинетъ согласился прислать своего уполномоченнаго въ Брюссель только послѣ формальнаго удостовѣренія, что военныя дѣйствія на морѣ вовсе не будутъ подлежать обсужденію конференціи, при чемъ заявилъ, что его уполномоченный не будетъ имѣть права приступать къ какимъ-либо обязательствамъ и что вообще Англія сохраняетъ за собой полную свободу дѣйствій относительно рѣшеній конференціи.

Тѣмъ не менѣе, хотя и не облеченные въ форму трактата, труды конференціи не остались безъ пользы для человѣчества, и есть полная надежда разсчитывать, что въ будущей войнѣ, наряду съ дополнительными постановленіями къ женевской ковенціи, будутъ соблюдаться и постановленія конференціи 1874 г., тѣмъ болѣе, что они вошли въ изданное въ 1880 г. институтомъ международнаго права «Руководство по законамъ сухопутной и морской войны». Съ тѣхъ поръ во Франціи, Германіи (Данъ), въ Италіи (Берти), въ Голландіи (ванъ-деръ-Бееръ-Португаль), изданы были для военныхъ особыя сокращенныя «Руководства».

Эти обстоятельства не лишены значенія. Они доказываютъ, что не вошедшее еще въ законодательство ограниченіе войны соглашеніями вошло уже въ наши идеи и нравы.

Прогрессъ идей не позволяетъ уже войнамъ вырождаться въ неограниченныя насилія.

Постепенно утверждаются принципы, что на войнѣ дозволено только безусловно необходимое для военныхъ цѣлей, что войны не должны быть направлены къ разрушенію государствъ и истребленію ихъ населенія, что государства могутъ стремиться не къ уничтоженію другъ друга, а лишь къ преобладанію въ извѣстной сферѣ, что каждая воюющая сторона должна признавать, даже въ военное время, законность властей другой и не пользоваться крайними средствами, дѣлающими невозможнымъ возвращеніе къ мирному состоянію [1].

Будемъ надѣяться, что слова, высказанныя его высочествомъ княземъ Николаемъ Лейхтенбергскимъ въ письмѣ къ проф. Мартенсу, могутъ быть принимаемы за выраженіе чувствъ всѣхъ вождей въ будущую войну: „Я утверждаю и повторяю, что, по моему глубокому убѣжденію, во всѣхъ современныхъ арміяхъ уважаются принципы международнаго права. Очень мало случаевъ, въ которыхъ отклоненіе отъ принциповъ добра и справедливости могло бы быть оправдываемо [2]".

V.

Движеніе противъ войны послѣ 1870 года. Общества мира и конгрессы.

Чувство ужаса овладѣло сторонниками вѣчнаго мира при видѣ того, какъ велась война 1870 года. Послѣ счастливаго разрѣшенія спора изъ-за Люксембурга, они имѣли нѣкоторое право предаваться розовымъ надеждамъ. Война, между тѣмъ, торжествовала. Избивались взаимно съ дикимъ увлеченіемъ избранники человѣчества, два народа, стоящіе во главѣ прогресса. Уничтожались съ вандальскимъ варварствомъ богатства, накопившіяся въ теченіе десятилѣтій въ сердцѣ Европы, а прусскія бомбы покушались обратить въ кучу развалинъ столицу культурнаго міра—Парижъ.

Въ первое время эта страшная война усилила мирныя

[1]) A. Pillet, «Le droit de la guerre». Paris. 1892 г.
[2]) «Recueil du droit international». 1881. P. 308.

стремленія, привлекла даже безучастныхъ къ этому дѣлу, особенно въ странахъ нейтральныхъ. Кое-гдѣ увлекались обманчивой надеждой скораго прекращенія ужаснаго кровопролитія.

Дж. Стюартъ Милль писалъ въ „Times“: „Если бы мы при взрывѣ этой постыдной войны рѣшительно объявили, что каждый народъ, нападающій на сосѣднюю страну, встрѣтитъ врага въ лицѣ Англіи, то, по всему вѣроятію, мы бы помѣшали войнѣ и открыли бы новую эру въ исторіи разрѣшенія международныхъ споровъ“.

Война 1870—71 годовъ нанесла сильнѣйшій ударъ пропагандѣ мира. Такой результатъ является естественнымъ и понятнымъ.

Изувѣченная и приниженная Франція стала съ тѣхъ поръ нечувствительной къ общечеловѣческимъ призывамъ и занялась исключительно мыслію о возмездіи. Вѣчный миръ не далъ бы ей возможности смыть позоръ Седана и возвратить, быть можетъ, потерянныя области. Охлажденіе французовъ было для дѣла мира неисправимой потерей, ибо всѣ привыкли видѣть ихъ впереди во всемъ, что касалось осуществленія высшихъ соціальныхъ идеаловъ. Безъ содѣйствія французовъ, идея не могла успѣшно распространяться. Но и другой, участвовавшій въ войнѣ 1870—71 годовъ, народъ сталъ также относиться къ этой идеѣ безучастно.

Новая Германская имперія, созданная торжествомъ оружія, сплоченная кровью и желѣзомъ, должна была основать всѣ свои надежды въ будущемъ на силѣ милитаризма. Она не могла разсчитывать безъ этого ни на уваженіе, ни на сохраненіе своей территоріи. Всѣ тѣ, кого она лишила областей, стали бы домогаться отъ международнаго трибунала возстановленія своихъ правъ. На учрежденіе такого трибунала могутъ согласиться только народы, у которыхъ совѣсть чиста. Отечество кн. Бисмарка должно противиться такому учрежденію.

Такъ быстро начавшая свою дѣятельность, „Лига мира и свободы“ превратилась, послѣ этой роковой войны, изъ полноводной рѣки въ заглохшій ручей. Собравшійся въ 1872 г. въ Лугано, конгрессъ уже не былъ похожъ на предшествующіе и не отразился, какъ было прежде, эхомъ въ другихъ странахъ.

Затѣмъ, собирались такъ называемыя конференціи, число

участниковъ которыхъ все уменьшалось. Органъ лиги „Etats-Unis de l'Europe" влачилъ жалкое существованіе. Никто его уже не читалъ и никто съ нимъ не считался. Если лига не прекратила своего существованія, то только благодаря усиліямъ одного Лемонье (нынѣ уже умершаго сенъ-симониста), который посвятилъ все свое время, трудъ и состояніе служенію дорогой идеи. Онъ продолжалъ обращаться къ министрамъ всѣхъ государствъ, указывая на пользу всеобщаго мира и требуя учрежденія международнаго трибунала. Но его обращенія проходили безслѣдно, ему или не отвѣчали вовсе, или отвѣчали отказами.

Погибла ли, однако, окончательно идея вѣчнаго мира въ крови сраженій, подъ Гравелотомъ и Вертомъ? Нѣтъ. Она, правда, не олицетворяется нынѣ однимъ обществомъ, не имѣетъ представителя въ особой лигѣ, но она распространяется по всему міру, пріобрѣтаетъ право гражданства въ теоріи и реальную почву въ практикѣ.

Жизнь вообще эластична; одно изъ главныхъ ея свойствъ— видоизмѣняться и приспособляться къ всевозможнымъ условіямъ.

Отсюда явленія, не разъ поражавшія философовъ и саціологовъ. Кто знаетъ, быть можетъ ей суждено самымъ непредвидѣннымъ образомъ упразднить войну. Возможно, что за этимъ послѣдуютъ иныя, доселѣ неизвѣстныя, неожиданныя бѣдствія. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что кровавыя международныя столкновенія становятся съ каждымъ днемъ менѣе популярными.

Соединенные Штаты, послѣ третейскаго суда по дѣлу объ Элэбэмѣ и вслѣдъ за франко-германской войной, принялись за осуществленіе идеи о международныхъ третейскихъ судахъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Американское „Общество мира" отправило въ 1873 году одного изъ своихъ секретарей, г. Майльза, въ Европу для установленія правильнаго общенія съ европейскими пропагандаторами идеи вѣчнаго мира. Предполагался, затѣмъ, созывъ общаго конгресса для утвержденія принциповъ, принятыхъ въ рѣшеніи по дѣлу „Элэбэмы", и для учрежденія особаго сената изъ публицистовъ всѣхъ народовъ, въ числѣ пятидесяти, съ цѣлью выработки руководящихъ началъ для дѣятельности международныхъ третейскихъ судовъ. Выработанныя начало предполагалось представить особому международному собра-

нію, созванному въ одну изъ европейскихъ столицъ. Майльзъ объѣздилъ главные города Европы и, хотя не достигъ своей цѣли, успѣлъ, однако, пріобрѣсть симпатію всѣхъ наиболѣе авторитетныхъ въ наукѣ международнаго права ученыхъ. Сторонниками проекта явились Кальво, считавшій до тѣхъ поръ идею вѣчнаго мира утопіей, Мессо, Манчини, Пьерартони, Гефферъ, Гольцендорфъ и др. Благодаря усиліямъ этихъ лицъ, въ 1873 г. возникло общество кодификаціи международнаго права, бюро котораго имѣетъ мѣстопребываніе въ Лондонѣ, а члены съѣзжаются ежегодно въ разныхъ городахъ Европы.

На съѣздѣ въ Гагѣ въ 1875 году читался докладъ Блюнчли о всеобщемъ разоруженіи. Германскій ученый считаетъ разоруженіе въ настоящее время невозможнымъ, но полагаетъ, что оно осуществимо при условіи соглашенія державъ. На этомъ же съѣздѣ читались посланія Лабулэ и Франка. Первый заявлялъ, что рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ будетъ зависѣть отъ каприза народныхъ убѣжденій и самолюбія правителей до тѣхъ поръ, пока не будутъ признаваемы права отдѣльныхъ государствъ и не будетъ учрежденъ международный трибуналъ. Второй считаетъ реформу и кодификацію международнаго права благороднѣйшей и полезнѣйшей цѣлью, какую только могутъ поставить себѣ въ наше время публицисты, юристы и философы.

Во время парижской всемірной выставки 1878 года, 15 обществъ мира различныхъ странъ устроили конгрессъ съ цѣлью организаціи „Всеобщей федераціи мира“ и выработки руководящихъ началъ дальнѣйшей дѣятельности. Конгрессъ призналъ, что идея вѣчнаго мира можетъ легче всего осуществиться тогда, когда къ ней примкнутъ законодательныя собранія, могущія склонить правительства разныхъ странъ къ введенію въ международныя отношенія юрисдикціи третейскихъ судовъ. Конгрессомъ было предложено учрежденіе постояннаго международнаго трибунала, состоящаго изъ ежегодно назначаемыхъ представителей государствъ, по два отъ каждаго; назначеніе зависѣло бы отъ правительствъ, участіе же законодательныхъ собраній состояло бы въ избраніи кандидатовъ. Передавая дѣло мира европейскимъ законодательнымъ учрежденіямъ, конгрессъ имѣлъ всѣ основанія полагать, что они представляютъ удобную почву для взрощенія сѣмянъ этой идеи.

Объявляя о съѣздѣ 1891 года въ Бернѣ, постоянное бюро конгресса обратилось съ слѣдующимъ воззваніемъ къ народамъ: «Европа стонетъ подъ тяжестью военныхъ расходовъ, безполезно ее истощающихъ. Такое положеніе не можетъ не влiять на замедленіе въ развитіи соціальнаго благосостоянія. Промышленность стѣснена непроизводительно растрачиваемыми налогами и неувѣренностью въ прочности мира. Для государствъ, и для каждаго лица въ отдѣльности, такое положеніе является постоянной угрозой приближающагося разоренія и рискомъ потери близкихъ сердцу людей среди ужасовъ европейскаго кровопролитія, всегда готоваго вспыхнуть. Теперь еще есть возможность спасенія, но завтра же можетъ случиться, что голосъ благоразумія уже будетъ заглушенъ бранными криками и бряцаніемъ оружья. Поэтому приступимъ къ дѣлу не медля. Старые люди, знающіе по опыту, что приноситъ съ собой война; молодые люди, не желающіе превратиться въ пушечное мясо; женщины, у которыхъ сердце замираетъ при приближеніи страшнѣйшаго изъ привидѣній—войны; городскіе рабочіе, жаждущіе обезпечивающаго ихъ постояннаго труда; земледѣльцы, которымъ дороги плоды ихъ заботъ,—вы всѣ соедините ваши голоса, чтобы они прозвучали подъ самыми небесами однимъ, общимъ вамъ всѣмъ, призывомъ на землю *мира!* Мира для блага вашихъ семей, мира для счастія будущихъ поколѣній и ради утоленія людскихъ страданій! Пусть голосъ цѣлаго свѣта достигнетъ слуха тѣхъ, отъ кого зависитъ жизнь мильоновъ людей. Да и могутъ-ли желать войны сами правительства, которымъ извѣстно, что она истощаетъ какъ побѣжденнаго, такъ и побѣдителя, и которые, тѣмъ не менѣе, нерѣдко увѣряютъ, будто народъ жаждетъ войны? Заблужденіе это ведетъ лишь къ страшнымъ катастрофамъ. Пусть же узнаютъ они истину чрезъ посредство петицій, организованныхъ обществомъ мира въ нашей странѣ, пусть эта манифестація окажется достаточно рѣшительной и всеобщей, чтобы не оставалось сомнѣнія въ силѣ неудержимаго стремленія народовъ препятствовать ненавистному началу войны. Мы жаждемъ братства народовъ, мы жаждемъ общаго благоденствія. То и другое можетъ быть достигнуто лишь мирнымъ трудомъ».

Въ 1893 году международный конгрессъ мира происходилъ во время всемірной выставки въ Чикаго, причемъ об-

ратился ко всѣмъ правительствамъ съ слѣдующимъ адресомъ: «Современныя намъ громадныя арміи наводятъ на мысль, что европейскія правительства гораздо болѣе озабочены обученіемъ своихъ гражданъ искусству убивать, чѣмъ искусству пользоваться творческими силами своей страны. Соединенные Штаты, въ теченіи нашего столѣтія, вели лишь три войны: съ Англіей (1812 — 1814), съ Мексикой (1845 — 1848) и междоусобную (1861—1865). При шестидесятимильонномъ населеніи, С.-А. Штаты содержатъ всего 25.000 солдатъ. Это число оказывается достаточнымъ для поддержанія порядка внутри государства и никому изъ сосѣдей не угрожаетъ. Безопасность наша основана на нашей личной свободѣ и нашихъ правахъ, которыми мы надѣлены, на достоинствѣ нашихъ гражданъ, страстной привязанности ихъ къ свободнымъ учрежденіямъ и, наконецъ, на томъ, что наши правители не заключаютъ договоровъ, ведущихъ къ осложненіямъ взаимныхъ отношеній».

Въ 1894 году конгрессъ мира состоялся въ Антверпенѣ. На немъ было рѣшено обратиться къ народамъ съ воззваніемъ, въ которомъ были бы выяснены цѣль мирныхъ усилій и современное ихъ состояніе. Воззваніе это начинается съ того положенія, что человѣческій умъ во всѣ времена противился воинственнымъ стремленіямъ и старался указывать на ихъ послѣдствія, и затѣмъ идетъ краткое изложеніе дѣятельности обществъ мира и достигнутыхъ ими результатовъ.

Въ заключеніе воззваніе говоритъ:

«Зачѣмъ же медлить съ постоянно угрожающей намъ войною, какія препятствія могутъ намъ стать на пути къ осуществленію вѣчнаго мира между народами? Единственно кровожадный инстинктъ, подстрекаемый ненавистью, не исчезнувшей еще изъ международныхъ отношеній. Для многихъ еще представляется выгоднымъ поддерживать ее соблазнами кровавыхъ успѣховъ новой войны. Вѣрнѣйшее средство къ тому исканіе въ каждомъ иноземцѣ врага. Въ видахъ общей пользы, пора уже оставить дикую привычку каждый поступокъ его объяснять злоумышленнымъ намѣреніемъ, малѣйшее недоразумѣніе раздувать въ крупную обиду, ежеминутно подстрекать толпу посредствомъ преувеличенныхъ или прямо ложныхъ извѣстій. Все это средства, очень часто употребляемыя недобросовѣстными политиками и пе-

чатью, которыми стараются воспрепятствовать установленію мирныхъ отношеній между народами Европы».

Задача всѣхъ обществъ мира заключается лишь въ противопоставленіи нарушителямъ мира всѣхъ имѣющихся на лицо доказательствъ возможности рѣшать несогласія полюбовнымъ разбирательствомъ.

Въ недавнее время одинъ изъ весьма заслуженныхъ государственныхъ людей, гр. Кальноки, обращался къ обществамъ мира, чтобы они противодѣйствовали установившейся въ журналистикѣ привычкѣ разглашать тревожныя политическія извѣстія, не ожидая ихъ подтвержденія. Конгрессы всегда это и дѣлали. Но для того, чтобы ихъ усилія принесли должную пользу, необходимо содѣйствіе всѣхъ здравыхъ общественныхъ силъ, существующихъ въ обществѣ.

«Только при этомъ условіи — говорится въ заявленіи антверпенскаго конгресса—народы получатъ возможность безъ опасенія смотрѣть въ будущее. Современная же жизнь людей освободится отъ тяготѣющихъ надъ ней чрезвычайныхъ вооруженій, угнетающихъ промышленность, торговлю, земледѣліе и прочія производительныя силы всякой страны. И такъ, мы обращаемся къ многочисленнымъ друзьямъ мира, которые до настоящей минуты оставались въ сторонѣ отъ нашей задачи, и призываемъ ихъ къ укрѣпленію въ себѣ чувства милосердія. Боритесь вмѣстѣ съ нами противъ войны. Вступайте въ наши общества, которыя примутъ васъ съ распростертыми объятіями, и еще до окончанія нашего столѣтія благодѣтельный порывъ вашъ разсѣетъ темныя тучи страшной грозы, висящія нынѣ надъ цѣлыми странами».

Движеніе, стремящееся къ упраздненію войны, существуетъ и въ Россіи. Въ 1880 году основано было въ Петербургѣ «Общество международнаго права». Оно имѣетъ цѣлью способствовать усиліямъ кодификаціи началъ международнаго права, содѣйствовать установленію дружественныхъ отношеній съ иностранными державами и пропагандировать идею вѣчнаго мира.

Возникаетъ уже мысль о созданіи международной юрисдикціи для рѣшенія споровъ. Понятіе о составѣ, призваніи и пріемахъ международнаго трибунала, какъ его представляютъ себѣ ученые поборники этого учрежденія, мы представимъ на основаніи посвященнаго ему сочиненія про

фессора графа Л. Камаровскаго *). Такой международный судъ могъ бы состоять изъ равнаго числа представителей отъ каждаго изъ государствъ, причемъ малыя государства, по желанію, могли бы и не присылать представителей, но не должны имѣть права передавать свой голосъ другимъ; желательно, чтобы отъ каждаго государства было не менѣе двухъ представителей. Государства, составляющія союзы или состоящія въ личной уніи, должны составлять одну политическую единицу **), Такъ какъ въ Европѣ, не считая Турціи, оказывается 18 такихъ единицъ, а въ Америкѣ 12, то трибуналъ состоялъ бы изъ 60 судей. Судьи должны быть несмѣняемы иначе, какъ по рѣшенію полнаго собранія самаго трибунала, не должны занимать никакихъ другихъ должностей, ни принимать пожалованій или подарковъ орденами, званіями, землями и т. д.

По компетенціи трибуналъ представлялъ бы судъ по добровольному соглашенію, полюбовный; но однажды передавъ ему рѣшеніе какого-либо дѣла, стороны были бы *юридически обязаны* подчиниться этому рѣшенію, при условіи согласія его съ международнымъ правомъ и установленными формами судебнаго разбирательства. Трибуналъ представлялъ бы учрежденіе постоянное, но собирался бы лишь въ случаѣ надобности. Это учрежденіе не устранило бы на землѣ дѣйствія злой воли, но существованіе его постепенно установило бы правильное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ для тѣхъ, кто дѣйствительно и добросовѣстно желалъ бы мира. Добровольность обращенія къ трибуналу не исключала бы возможности частныхъ, а затѣмъ и общихъ соглашеній между государствами относительно признанія обязательнымъ для нихъ обращаться въ опредѣленныхъ случаяхъ къ рѣшенію международнаго трибунала. Этимъ путемъ, сперва на дѣлахъ второстепенныхъ, выработался бы самой практикою кругъ компетенціи международнаго суда, обнимающій въ теченіе времени большее и большее число дѣлъ.

Компетенція трибунала была бы опредѣлена въ двухъ отношеніяхъ: территоріальномъ и по роду дѣлъ. Въ первомъ смыслѣ она распространилась бы только на государства

*) «Le tribunal international». Paris. 1887.

**) Мысль вполнѣ основательная, такъ какъ странно было бы разногласіе между представителями членовъ союза въ международномъ вопросѣ. Однако, при этомъ является такая аномалія, что, напримѣръ, Баварія не имѣла бы представителей, а у Черногоріи они бы были.

Европы и Америки, какъ руководствующіяся международнымъ правомъ; во второмъ отношеніи, внѣ компетенціи суда оставались бы всѣ дѣла внутреннія каждаго государства, подлежали бы ей лишь сношенія внѣшнія, причемъ трибуналъ рѣшалъ бы только спорные вопросы въ юридическомъ отношеніи.

По свойству дѣлъ, трибуналъ дѣлился бы на четыре департамента: 1) *Департаментъ дипломатіи*—для разсмотрѣнія споровъ, возникающихъ вслѣдствіе столкновеній между представителями внѣшнихъ сношеній (дипломатами, консулами, коммисарами) и нарушенія ими международнаго права; онъ же рѣшалъ бы вопросы по истолкованію статей трактатовъ. 2) *Департаментъ дѣлъ сухопутно-военныхъ и военно-морскихъ* наблюдалъ бы за исполненіемъ воюющими сторонами женевской конвенціи и законовъ о веденіи войны, установленныхъ въ трактатахъ и декларацiяхъ или принятыхъ обычаемъ; рѣшалъ бы споры относительно морскихъ призовъ, нарушенія нейтральности и по частнымъ жалобамъ по этимъ предметамъ. 3) *Департаментъ частнаго международнаго права* рѣшалъ бы споры, возникающіе вслѣдствіе несогласія между существующими въ разныхъ государствахъ законодательствами, гражданскими и уголовными, и вопросы о законной силѣ рѣшеній національныхъ судовъ на территоріи иностранной; онъ же рѣшалъ бы вопросы относительно выдачи преступниковъ, а также судилъ бы тѣхъ политическихъ преступниковъ и анархистовъ, которые отвергаютъ всякій общественный порядокъ. 4) *Департаментъ международнаго права соціальнаго*. Ему подлежали бы вопросы объ охраненіи почтово-телеграфныхъ международныхъ сообщеній, желѣзныхъ дорогъ, рѣчнаго судоходства и о свободѣ морей, о принятіи общихъ мѣръ противъ эпидемій, по защитѣ литературной и художественной собственности, изобрѣтеній и фабричныхъ марокъ.

Трибуналъ имѣлъ бы двоякія собранія: полныя, въ составѣ всѣхъ членовъ, и обыкновенныя. Первыя имѣли бы дисциплинарную власть надъ членами трибунала и, кромѣ того, составляли бы кассаціонную инстанцію. Вторыя, призванныя разсматривать международные споры и вопросы, состояли бы изъ нѣкотораго числа членовъ того департамента, которому должно подлежать дѣло, причемъ такое присутствіе составлялось бы для каждаго случая по выбору

заинтересованныхъ государствъ изъ числа членовъ департамента, принадлежащихъ къ государствамъ нейтральнымъ въ данномъ дѣлѣ. Трибуналъ и каждое собраніе сами избирали бы своихъ президентовъ, имѣя мѣстопребываніемъ Брюссель, а языкомъ дѣлопроизводства—языкъ французскій. Рѣшенія, постановляемыя по большинству голосовъ, обнародывались бы съ мотивами и не нуждались бы въ ратификаціи державъ, имѣя собственное юридическое значеніе; но государства, въ продолженіе опредѣленнаго срока, имѣли бы право указать на юридическіе же поводы къ кассаціи. Тогда дѣло поступало бы на разсмотрѣніе общаго (полнаго) собранія трибунала, и въ случаѣ отмѣны рѣшенія, передавалось бы для разбора вновь образованному присутствію, которое, на этотъ разъ, состояло бы уже изъ членовъ по выбору президента международнаго трибунала.

Авторъ приводитъ тѣ возраженія, которыя исходятъ изъ невозможности придать рѣшеніямъ международнаго трибунала силу принудительную, и изъ принципа, что сила принудительная составляетъ одно изъ необходимыхъ условій положительнаго права вообще. Но онъ полагаетъ, что авторитетъ международнаго суда на первыхъ же порахъ имѣлъ бы значеніе, а затѣмъ старанія нейтральныхъ въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ государствъ могли бы постепенно облечь исполненіе его рѣшеній даже и извѣстной долей фактическаго давленія или принужденія. Едва-ли было бы сочтено удобнымъ, однажды предоставивъ дѣло рѣшенію международнаго трибунала, затѣмъ не подчиняться его рѣшенію, а въ случаѣ послѣдовавшей войны, рѣшеніе трибунала придавало бы нравственную силу противникамъ государства, ему не подчинившагося. Наконецъ, могли бы быть употребляемы нейтральными государствами противъ нарушителя международнаго суда и права такія мѣры, какъ: перерывъ дипломатическихъ съ нимъ сношеній, отреченіе отъ заключенныхъ съ нимъ трактатовъ, воспрещеніе его гражданамъ пріѣзжать на территоріи нейтральныхъ странъ, недопущеніе его товаровъ, даже совмѣстная блокада его портовъ. Конечно, такое укрѣпленіе власти трибунала должно было бы совершаться лишь постепенно, а мѣры принужденія, вызываемыя полномочіемъ со стороны трибунала, должны бы быть обсуждены и рѣшены особымъ конгрессомъ или соглашеніемъ нейтральныхъ государствъ.

Возможность того, что государства придутъ къ необходимости международной юрисдикціи, графъ Камаровскій основываетъ на такихъ доводахъ, какъ постепенное усиленіе въ нашъ вѣкъ принципа интернаціонализма вообще, тягость милитаризма, который поглощаетъ въ Европѣ ежегодно 3 милліарда на войска и флотъ, наконецъ, очевидная нелогичность удержанія такого средства для охраненія своей безопасности, когда самое это средство и составляетъ главную опасность, такъ какъ оно питаетъ въ народахъ взаимное недовѣріе и раздраженіе.

Мы не станемъ вдаваться въ критику этого проекта тѣмъ болѣе, что авторъ его самъ предвидѣлъ и привелъ нѣкоторыя возраженія. Такъ, Гольцендорфъ замѣчаетъ, что самое возрастаніе солидарности и сплетеніе интересовъ между народами приведутъ къ тому, что для обсужденія возникающихъ вопросовъ трудно будетъ найти безусловно нейтральныя стороны.

VI.

Движеніе противъ войны въ законодательныхъ собраніяхъ и международныхъ представительствахъ.

Идею мира проповѣдуютъ устно и письменно не только частные люди; встрѣчаются и оффиціальные представители державъ, не заподозрѣваемые вообще въ мечтательствѣ, которые признаютъ пользу полюбовнаго рѣшенія международныхъ дѣлъ и чувствуютъ необходимость правильной его организаціи.

Въ 1873 году англійскій парламентъ, принявъ предложеніе горячаго врага войны, Генри Ричарда (98 голосами противъ 88), просилъ въ особомъ адресѣ (8 іюля) королеву, чтобы поручено было министру иностранныхъ дѣлъ войти въ переговоры съ прочими государствами, съ цѣлью выработки лучшей системы международнаго права и учрежденія международнаго третейскаго суда. Отвѣтъ послѣдовалъ 17 іюля. Королева выразила горячее сочувствіе филантропическимъ стремленіямъ, высказаннымъ въ адресѣ, и заявила, что она всегда дѣйствовала въ томъ направленіи, чтобы международные споры рѣшались не оружіемъ, а мнѣніями незаинтере-

сованныхъ государствъ. Въ концѣ дано было обѣщаніе, что королева и впредь не сойдетъ съ этого пути. Такимъ образомъ, вопросъ былъ обойденъ.

Не лучшіе результаты были достигнуты и въ 1887 году, когда лордъ Бристоль представилъ свой проектъ учрежденія международнаго трибунала. Во время преній по этому поводу, лордъ Стенли д'Альдерлей объявилъ себя въ пользу посредничества папы. Маркизъ Солисбери возразилъ на это общими мѣстами. „Никогда народы не будутъ питать довѣрія къ безпристрастію трибунала и притомъ не существуетъ компетентной власти для исполненія его приговоровъ. Рѣшеніе суда можетъ развѣ только отдалить войну и повліять на рѣшимость государства вести войну съ противникомъ, болѣе его приготовленнымъ къ ней". Англійскій министръ отвергалъ самое существованіе международнаго права. По его мнѣнію, оно не имѣетъ иного основанія, какъ мнѣніе автора соотвѣтственнаго руководства *).

Впрочемъ, въ парламентахъ большихъ государствъ пренія по существу вопроса объ упроченіи мира возникаютъ рѣдко. Гораздо чаще они происходятъ въ представительныхъ собраніяхъ государствъ второстепенныхъ. Представленіе Бюлера о разоруженіи было отвергнуто въ 1880 г. германскимъ парламентомъ безъ преній. Та же судьба постигла и петицію Майргофера въ австрійской палатѣ.

Въ томъ же году, 24 ноября, Манчини предложилъ итальянской палатѣ вотировать слѣдующую резолюцію: „Палата выражаетъ желаніе, чтобы королевское правительство стремилось въ международныхъ отношеніяхъ къ учрежденію третейскаго суда во всѣхъ случаяхъ, когда это окажется возможнымъ". Резолюція была принята.

Въ іюнѣ и іюлѣ 1890 года Бонги въ парламентѣ, а де-Состеньо въ сенатѣ добились единогласнаго утвержденія внесенной ими резолюціи „о безусловно цивилизующемъ началѣ полюбовнаго суда". «Мы убѣждены, сказалъ по этому поводу Криспи, что когда нибудь разумные совѣты будутъ приняты всѣми государствами».

Но всего легче, чаще и рѣшительнѣе высказываются за учрежденіе международнаго трибунала второстепенныя государства. Небольшія государства особенно не сочувствуютъ

*) «Journal du droit international privé». 1887.

войнѣ, зная, что тамъ, гдѣ дѣло рѣшается силой, слабому нельзя разсчитывать на справедливость.

Такъ, 27 ноября 1874 г. нидерландскій парламентъ принялъ 35-ю голосами противъ 30 предложеніе Бредини о томъ, чтобы полюбовный судъ былъ признанъ справедливымъ для всякаго рода недоразумѣній между государствами, и затѣмъ, чтобы обращеніе къ нему считалось условіемъ, включеннымъ во всѣ международные договоры. Но уже въ 1878 году Ванъ-Экъ вынужденъ былъ высказать сожалѣніе по поводу того, что принятый законъ остается мертвою буквой, на что министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ обычными „серьезными завѣреніями".

Въ такомъ же родѣ внесено предложеніе и въ испанскую палату депутатомъ Маркоарту. При обсужденіи (16 іюня 1890 г.) оно было поддержано министромъ Ла-Вега-де Армихо, который настаивалъ на обязательномъ введеніи полюбовныхъ судовъ по международнымъ дѣламъ.

Шведская нижняя палата одобрила 21 марта 1874 года совершенно аналогичное предложеніе депутата Іонассена и затѣмъ тоже самое начало признано и норвежскимъ стортингомъ въ мартѣ 1890, о чемъ упомянуто и въ адресѣ къ королю. Въ тоже время (въ мартѣ 1890 г.) въ датскомъ рикстагѣ утверждено рѣшеніе по такому же вопросу, внесенному въ 1875 году.

Нейтральное положеніе Бельгіи дѣлаетъ ее особенно горячей приверженцей мира. По этому вопросу происходили чрезвычайно оживленныя пренія въ бельгійской палатѣ въ 1875 году, при обсужденіи доклада Куврера и Тониссена, по которому требовалось: 1) распространеніе полюбовной юрисдикціи на всякаго рода спорныя дѣла, какія могутъ подлежать компетенціи международныхъ судовъ; 2) составленіе основныхъ положеній для организаціи и дѣятельности такихъ судовъ и 3) введеніе условій соглашенія въ существующіе трактаты.

Обѣ партіи палаты приняли это предложеніе большинствомъ 81 голоса противъ двухъ, не выразившихъ никакого мнѣнія ни за, ни противъ. Въ сенатѣ оно прошло съ такимъ же успѣхомъ.

Сторонники мира не ограничились поддержкой своей идеи въ отдѣльныхъ парламентахъ, а рѣшили устроить для болѣе широкаго обсужденія вопроса о мирѣ международ-

ный совѣтъ изъ представителей законодательныхъ собраній разныхъ странъ Европы и Америки. Намѣреніе это вскорѣ было осуществлено. Испанскій депутатъ Маркоарту вступилъ въ переговоры по этому предмету съ членами законодательныхъ собраній другихъ государствъ.

Въ 1887 году 234 члена палаты общинъ и 36 членовъ палаты лордовъ обратились съ адресомъ къ президенту и конгрессу С.-Американскихъ Штатовъ, въ которомъ заявлялось о намѣреніи потребовать у англійскаго правительства, чтобы оно передавало всѣ спорные вопросы, возникающіе между американской республикой и Англіей, въ тѣхъ случаяхъ, когда дипломатическія условія окажутся безуспѣшными, на рѣшеніе полюбовнаго суда. Событіе это произвело столь сильное впечатлѣніе во всей Европѣ, что вызвало подраженіе и во французскомъ парламентѣ. Такой же докладъ былъ внесенъ въ послѣдній 112-ю депутатами.

Затѣмъ, 31 октября 1888 г. состоялось въ Парижѣ историческое засѣданіе предварительной конференціи по этому вопросу, на которомъ присутствовали члены парламентовъ обѣихъ странъ, а въ 1889 году (29 и 30 іюня) уже происходили засѣданія международной конференціи подъ предсѣдательствомъ Жюля Симона, въ которыхъ приняли участіе 99 членовъ парламентовъ французскаго, англійскаго, итальянскаго, испанскаго, датскаго, венгерскаго, греческаго и Соединенныхъ штатовъ сѣв. Америки. На этихъ засѣданіяхъ рѣшены были вопросы по международному соглашенію относительно передачи дѣлъ на разбирательство полюбовнаго суда, по включенію въ торговые трактаты условій арбитража, по конвенціи о литературной и художественной собственности и по нѣкоторымъ другимъ спеціальнымъ пунктамъ.

Въ іюлѣ 1890 г. въ Лондонѣ состоялась вторая конференція изъ 116 членовъ, представителей 12 странъ. Норвежскій парламентъ принялъ на свой счетъ расходы своихъ депутатовъ, избранныхъ имъ на эту конференцію, и такимъ образомъ придалъ имъ характеръ оффиціальный.

Президентомъ этого собранія былъ избранъ американскій юристъ Давидъ Дедлей-Фильдъ. Первое же засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ лорда Гершеля, бывшаго великобританскаго лорда-канцлера. Тысячи писемъ изъ разныхъ странъ привѣтствовали этотъ съѣздъ; между ними особенное впечатлѣніе произвело посланіе маршала Канро-

бера, въ которомъ этотъ старый воинъ говорилъ далеко иначе, чѣмъ Мольтке, не щадившій выраженій для порицанія стремленій къ миру.

Когда въ 1891 году собрался въ Римѣ конгрессъ мира, то легко было замѣтить значительный прогрессъ въ его дѣятельности. Между прочимъ, бросался въ глаза и самый выборъ мѣста для засѣданій его. Въ Парижѣ они происходили въ частной залѣ, въ Лондонѣ—въ помѣщеніи городской мэріи; въ Римѣ же въ распоряженіе конгресса предоставили капитолій и всю его оффиціальную обстановку. На этотъ конгрессъ съѣхались представители уже не отъ 10 или 12 государствъ, а отъ всѣхъ существующихъ парламентовъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ европейскихъ державъ. Делегатами были депутаты преимущественно изъ числа занимающихъ положеніе президентовъ, вице-президентовъ, секретарей и другихъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ лицъ.

Представителями Франціи были 11 сенаторовъ и 45 депутатовъ законодательнаго собранія; Англіи—3 члена верхней палаты и 40 нижней; Германіи—16 депутатовъ рейхстага; Австріи—32 депутата; Бельгіи—сенаторъ и 2 депутата; Даніи—3 члена фолькетинга; Испаніи—13 сенаторовъ и 27 депутатовъ; Греціи—6 депутатовъ; Швейцаріи — 17 депутатовъ; Италіи—90 сенаторовъ и 267 депутатовъ; Венгріи—13 депутатовъ; Швеціи—5 членовъ сейма; Норвегіи—3 члена стортинга; Румыніи—16 сенаторовъ и 40 депутатовъ; Португаліи—1 членъ палаты перовъ и 2 депутата законодательнаго собранія; Голландіи—7 членовъ генеральныхъ штатовъ.

Предсѣдательствовалъ на конгрессѣ президентъ итальянской палаты депутатовъ Біанкери. На конгрессѣ присутствовали: Смолька—президентъ австрійскаго парламента, Баумбахъ —вице-президентъ германскаго рейхстага, Константопуло— президентъ греческаго парламента, Перейра—президентъ португальской палаты пэровъ, оба президента двухъ нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ, президенты румынскаго сената, сербской скупщины и швейцарскаго союзнаго совѣта. Засѣданія продолжались съ 4-го по 8-е ноября. Оффиціальнымъ языкомъ съѣзда, по докладу одного изъ нѣмецкихъ представителей, принятъ былъ языкъ французскій.

На этихъ засѣданіяхъ обсуждено было не мало существенныхъ вопросовъ, какъ основныхъ, такъ и относительно организаціи съѣздовъ.

Съѣздъ, между прочимъ, призналъ, что миръ можетъ быть обезпеченъ единственно лишь повсемѣстнымъ признаніемъ принципа уваженія правъ каждой національности и что «всякій трактатъ, рѣшающій судьбу народа безъ его вѣдома и согласія, а тѣмъ болѣе вопреки его желаніямъ, составляетъ препятствіе къ упроченію мира». По предложенію 50 членовъ, конференція единогласно постановила, что на будущее время въ конгрессахъ мира будутъ обсуждаться важнѣйшіе вопросы текущей политической жизни и что малыя государства, участвующія въ нихъ, будутъ пользоваться голосомъ, одинаково съ большими.

Представители каждой страны избрали изъ своей среды по одному для веденія корреспонденціи между парламентскими комитетами и исполнительнымъ комитетомъ съѣзда. Кромѣ того, установлены прямыя сношенія между комитетами разныхъ государствъ и порядокъ оповѣщенія о времени конференцій, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ.

На главнаго секретаря конференціи возложена обязанность храненія архива, собиранія статистическихъ данныхъ, сообщенія справокъ, а въ случаѣ необходимости, и подготовительныхъ работъ по разборкѣ матеріаловъ и проч. для имѣющихся въ виду конференціи вопросовъ.

На будущемъ съѣздѣ предположено внести въ очередь вопросъ объ организаціи международнаго полюбовнаго суда.

Въ глазахъ сторонниковъ вѣчнаго мира эти международныя конференціи парламентскихъ представителей разныхъ странъ являются какъ бы провозвѣстниками новыхъ учрежденій и свидѣтельствуютъ о полной возможности *) дѣйствія такого совокупнаго установленія, политическаго или судебнаго, которое способно было бы обсуждать и рѣшать ко всеобщему благополучію европейскія замѣшательства и взаимныя недоразумѣнія и претензіи государствъ.

Возможность эта уже не разъ осуществлялась по ту сторону Атлантическаго океана, а панамериканскій конгрессъ, созванный въ 1889 году тогдашнимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Гаррисономъ, стремился не только къ установленію теоретическихъ положеній, но и къ фактическому упраздненію войны во всей Америкѣ. Въ слѣдующемъ году, 14-го февраля, вашингтонскій сенатъ принялъ вопросъ

*) Ferdinand Dreyfus, «L'arbitrage international».

къ свѣдѣнію, а 28-го апрѣля того же года представители Соединенныхъ Штатовъ, Гватемалы, Никарагуи, Санъ-Сальвадора, Гондураса, Боливіи, Эквадора, Гаити и Бразиліи подписали соглашеніе, на основаніи котораго всѣ возникающіе между упомянутыми государствами споры будутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ европейскихъ государствъ.

Однимъ словомъ, то, что до послѣдняго времени было въ Европѣ лишь мечтой, почитаемой многими за праздную фантазію, стало въ Америкѣ совершившимся фактомъ. Этотъ примѣръ имѣетъ, конечно, важное значеніе: съ нимъ должны считаться всѣ политическія и общественныя сферы и всѣ мнѣнія. Фактъ убѣдитъ широкія сферы общества гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія, да и самыя разсужденія о вѣчномъ мирѣ станутъ реальнѣе, опираясь на явленія жизни.

Вопросъ о вѣчномъ мирѣ въ литературахъ культурныхъ народовъ.

Несомнѣнно, что лучшимъ освѣщеніемъ и руководствомъ для изученія даннаго предмета было бы собраніе всего высказаннаго о немъ наиболѣе выдающимися умами и сведеніе наиболѣе убѣдительныхъ аргументовъ за и противъ, высказанныхъ въ различныя времена, писателями разныхъ странъ и направленій.

Въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ, какъ и во всѣхъ капитальныхъ *вопросахъ жизни*, человѣчество далеко не дошло до единомыслія. Рядомъ съ горячимъ убѣжденіемъ, что стремленіе къ вѣчному миру должно входить догматомъ въ задачи цивилизаціи, мы видимъ ироническое отношеніе къ самой искренности желанія вѣчнаго мира со стороны „Адамова племени", въ которомъ злые инстинкты еще до такой степени интенсивны, что въ катаклизмахъ войны приходится, пожалуй, видѣть естественное предохранительное средство противъ опасности для населеній погрязнуть въ крайностяхъ личнаго эгоизма и матеріализма.

Война соединилась такъ тѣсно съ исторіей человѣчества, играла столь выдающуюся роль во всѣхъ фазисахъ развитія, съ ней связаны столь многія дорогія и даже святыя для каждаго народа воспоминанія, что невозможно удивляться тому, что до послѣдняго времени громадное большинство обитателей земли не только не чувствовало къ ней отвращенія, но, наоборотъ, окружало ее блескомъ почета.

Историческая и соціальная стороны войны отодвинули на задній планъ всѣ ея нравственные и физическіе ужасы. Сохранились воспоминанія о цѣляхъ и задачахъ войны, касавшихся столь достойныхъ уваженія основаній, какъ честь и безопасность обществъ; поэты всѣхъ странъ и временъ черпали въ воспоминаніяхъ и откликахъ давнихъ войнъ свои вдохновенія; художники изображали геройство рыцарей; въ

творенiяхъ искусства славились мужество, самопожертвованiе, братство воиновъ. Оставалось какъ бы въ тѣни или забывалось, что цѣль войны не всегда была достойна уваженiя и не оправдывала пролитiя потоковъ крови; не замѣчалось мукъ тысячей людей, умиравшихъ подъ знойными лучами солнца или въ снѣгахъ, безъ всякаго утѣшенiя и помощи; стоны ихъ не слышались и забывались вмѣстѣ съ невознаградимою гибелью людей въ полномъ цвѣтѣ силъ и молодости.

Въ войнѣ видѣли только побѣду таланта и славу народа. Военный генiй превозносился выше всякихъ иныхъ.

Если къ этому присовокупить рутинность человѣческой мысли, всегда склонной видѣть естественное и разумное въ томъ, что существовало споконъ-вѣка; если обратимъ вниманiе на безсознательный пессимизмъ большинства людей, не признающихъ постепеннаго развитiя жизни и совершенствованiя человѣческой природы; если возьмемъ въ разсчетъ типическое свойство военныхъ специалистовъ, именно привязанность ихъ къ своей дѣятельности и возникающую изъ этого односторонность взглядовъ,—то мы исчерпаемъ такимъ образомъ почти всѣ мотивы, побуждающiе людей защищать идею войны.

I.

Сторонники и противники войны среди ученыхъ.

Вотъ краткiй перечень главнѣйшихъ доводовъ въ пользу войны, высказанныхъ замѣчательными людьми нашего вѣка, въ противорѣчiе тѣмъ нападкамъ на войну, какiя въ наше время стали почти общимъ мѣстомъ всѣхъ соцiологическихъ ученiй.

Ксавье де Местръ называлъ „цивилизацiю растенiемъ, требующимъ, для успѣшнаго произрастанiя, поливки кровью...“

Гегель говоритъ, что „войны освѣжаютъ человѣчество, подобно тому какъ бури предохраняютъ море отъ гнiенiя“.

Юмъ думаетъ, что „постоянныя войны обратили бы людей въ дикихъ звѣрей, а постоянный миръ въ рабочихъ скотовъ“.

Кузенъ считаетъ войны неизбѣжными, потому что ихъ корень заключается въ расходящихся, по природѣ своей, идеяхъ народовъ одной и той же эпохи: „откажитесь отъ войнъ, говоритъ онъ, и вы должны будете отказаться

въ то же время отъ прогресса. Побѣды и пораженія составляютъ приговоры, произносимые цивилизаціею, совмѣстно съ Провидѣніемъ, надъ человѣчествомъ. Совершающаяся, въ границахъ извѣстнаго государственнаго строя, борьба партій служитъ основою жизни извѣстнаго народа; борьба же между народами извѣстной эпохи составляетъ жизнь этой эпохи".

Жанъ Баптистъ Сэ полагаетъ, „что война есть необходимое зло, необходимое не только для того, чтобы спасать государства, но и для того, чтобы предохранять общества отъ разложенія".

Сводя эти афоризмы къ общему выводу, мнѣніе защитниковъ войны можетъ быть выражено слѣдующимъ положеніемъ: «Война представляетъ собой явленіе неизбѣжное въ развитіи человѣческихъ обществъ, и такъ какъ явленіе это неустранимо, то люди должны съ нимъ примириться и признать его неизбѣжнымъ факторомъ нормальнаго теченія ихъ земной жизни».

Обратимся теперь къ писателямъ, спеціально посвятившимъ себя изслѣдованію того же вопроса.

*Максъ Егусъ**) говоритъ: «Война истекаетъ изъ естественнаго права, права неизбѣжнаго, хотя прибѣгаютъ къ нему существа свободныя. Ужасы войны дѣйствительно неустранимы, но въ замѣнъ этого она служила и будетъ служить человѣчеству могущественнымъ двигателемъ цивилизаціи, возбудителемъ мужественныхъ добродѣтелей. На ея полѣ взращивается лучшій цвѣтъ человѣчества — героизмъ. Идея вѣчнаго мира недостижима и всѣ усилія, сдѣланныя доселѣ, чтобы изгнать войну изъ обычаевъ свѣта, остались безъ послѣдствій. Учрежденіе всемірной монархіи повело бы къ обезличенію народовъ, между тѣмъ какъ народы могутъ существовать лишь какъ индивидуальности. Международные трибуналы могли бы распутывать только нѣкоторыя изъ недоразумѣній между государствами, большая же часть ихъ, особенно тѣ, какія порождены историческими предразсудками и страстями, не поддадутся никакой законной формулировкѣ...» «Война всегда была и доселѣ остается началомъ всего. Прогрессъ человѣческій заключается въ облагороженіи ея требованій, въ точномъ примѣненіи правила — вреди

---

*) Maks Jähus, «Über Krieg, Frieden und Kultur.» Berlin. 1893.

врагу лишь настолько, насколько этого требуетъ цѣль войны, а не въ безполезныхъ мечтахъ о вѣчномъ мирѣ».

Фельдмаршалъ *Мольтке* написалъ въ введеніи къ сочиненію Блюнчли слѣдующее изреченіе: «Вѣчный миръ — мечта и не всегда прекрасная мечта. Война — это составная часть Богомъ установленнаго міроваго порядка. Она развиваетъ благороднѣйшія качества человѣка: мужество, преданность общему дѣлу, духъ самопожертвованія. Если бы не было войны, міръ разложился бы въ гніеніи и погрязъ бы въ грубомъ матеріализмѣ».

Но знаменитый фельдмаршалъ не всегда былъ такого мнѣнія и, какъ ни страннымъ это можетъ показаться, нѣкогда былъ въ числѣ провозвѣстниковъ вѣчнаго мира. Вотъ что онъ писалъ въ 1841 году: «Мы признаемъ себя открыто сторонниками столь часто осмѣиваемой идеи вѣчнаго европейскаго мира, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы должны были прекратиться долгія, кровавыя столкновенія, чтобы арміи были распущены, а пушки расплавлены, нѣтъ; но не является ли весь ходъ исторіи прогрессомъ, стремящимся къ миру? Возможна ли въ наше время война изъ-за испанскаго наслѣдства *), или изъ-за «beaux yeux de Madame»? Возможность возжечь войну зависитъ нынѣ лишь отъ немногихъ державъ. Войны будутъ случаться все рѣже, ибо онѣ стали слишкомъ дороги, какъ въ смыслѣ денежныхъ издержекъ, такъ и въ смыслѣ интересовъ, которые приходится отодвигать на задній планъ. Не возросло ли населеніе Пруссіи на цѣлую четверть въ теченіе 25 лѣтъ мира при хорошемъ и мудромъ управленіи? Нѣтъ ли въ ней нынѣ 15 милліоновъ жителей, лучше питающихся, лучше одѣтыхъ и болѣе образованныхъ, чѣмъ тѣ 11 милліоновъ, которые были до этого періода? Не стоитъ ли это успѣшной кампаніи или завоеванія провинціи? Мы должны признать, что вотируемые ежегодно на содержаніе европейскихъ армій милліарды денегъ и милліоны людей, отрываемыхъ въ цвѣтѣ лѣтъ отъ своихъ занятій для цѣлей возможной войны — что всѣ эти громадные рессурсы могли бы быть употреблены гораздо болѣе продуктивно. Увидитъ ли когда-либо Европа всеобщее разору-

*) По ироніи судьбы, Мольтке, спустя 30 лѣтъ, стяжалъ свои славнѣйшіе лавры въ войнѣ, первымъ поводомъ къ которой была кандидатура Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

женіе? Говорятъ, что безъ войны человѣкъ потерялъ бы свою нравственную энергію и отучился бы жертвовать жизнью для чести, вѣры, славы, любви къ отечеству и къ религіи. Есть, быть можетъ, въ этомъ доля истины. Чѣмъ рѣже будутъ случаться въ Европѣ войны, тѣмъ необходимѣе будетъ находить новое поле дѣйствій для рзсцвѣтающей энергіи молодыхъ поколѣній. Англія нашла для этого арену во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и на всѣхъ моряхъ. Она находитъ тамъ занятіе для молодыхъ членовъ своей аристократіи, поводы для проявленія военнаго мужества своей молодежи, новые пути для своей торговли и новые рынки для промышленности. Не должна ли Германія пользоваться этимъ примѣромъ и распространять за своими границами нѣмецкую культуру, энергію, трудолюбіе и честность?»

Но въ позднѣйшіе годы Мольтке измѣнилъ свои взгляды. Оттого ли, что онъ сталъ фельдмаршаломъ, или оттого, что долгія размышленія развѣяли юный оптимизмъ? Мы не намѣрены утверждать, чтобы въ позднѣйшихъ мнѣніяхъ мыслящаго молчальника, какъ нѣмцы называли Мольтке, не заключалась доля истины. Возможно, что идея о вѣчномъ мирѣ такъ и останется мечтой, что война будетъ всегда потрясать жизнь человѣчества. Но и въ такомъ случаѣ усилія сторонниковъ мира не должны считаться безплодными. Медицина не нашла лекарства, упраздняющаго болѣзнь и смерть, но, тѣмъ не менѣе, врачебная помощь приноситъ во многихъ случаяхъ несомнѣнную пользу.

Однимъ изъ пылкихъ защитниковъ войны оказался извѣстный (недавно умершій) профессоръ *Трейчке*. Онъ приписываетъ ей высшее, благодѣтельное вліяніе на нравы, называетъ ее благословеніемъ человѣчества. «Осужденіе войны и ея надеждъ не только нелѣпо, но и безнравственно» *).

Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «Deutschen Geschichte im neunzehnten Jahrhundert» профессоръ Трейчке, осуждая вѣнскій конгрессъ, говоритъ: «Какъ нѣкогда (во время утрехтскаго мира) Сенъ-Пьеръ мечталъ о наступленіи полнаго удовлетворенія и спокойствія всѣхъ вслѣдъ за насильственнымъ измѣненіемъ карты Европы, такъ и теперь многіе проникнулись грезами о вѣчномъ мирѣ. Эти мечты—обыкновенное явленіе въ эпохи всеобщаго умственнаго разслабленія. Въ такія вре-

*) H. v. Treitschke, «Historische und polit. Antsätze». 4-е изд. Т. III, стр. 535.

мена даже наиболѣе выдающіеся государственные люди поддаются искушенію и совершенно серьезно подчиняются надеждѣ, что ходъ міровой исторіи можетъ пріостановиться въ виду мудрыхъ рѣшеній ареопага дипломатовъ».

Съ неменьшимъ жаромъ убѣжденія защищаетъ значеніе войны относительно ея послѣдствій ученый прусскій генералъ *фонъ Богуславскій*. Войну онъ считаетъ за нѣчто неотдѣлимое отъ судебъ человѣческаго рода и усиливается доказать, что необходимость безпрерывныхъ къ ней приготовленій и прибѣганіе къ этому высшему и послѣднему аргументу не только не представляетъ собой проклятія, висящаго надъ человѣчествомъ, а, напротивъ, является благомъ, ибо, говоритъ сей генералъ: «Война—зло не безусловное, а относительное. Она обладаетъ воспитательной силой. Военная доблесть не могла бы существовать на землѣ, а между тѣмъ это одно изъ наиболѣе высокихъ проявленій человѣческой жизни и одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ поэзіи. А военный духъ храбрости, чести, дисциплины, преданности отечеству, самопожертвованія, презрѣнія, ради интересовъ родины, своими выгодами и самою жизнью, развѣ всѣ эти качества не дѣлаютъ народъ болѣе способнымъ для мирнаго труда и преуспѣянія въ прогрессѣ цивилизаціи? Истребительныя послѣдствія войны не должны мѣшать намъ цѣнить ее, какъ великую воспитательницу человѣка. Она требуетъ отъ него физическаго и нравственнаго здоровья и способности ко всему прекрасному и полезному»...

«Правда, война временно бываетъ истребительницей благосостоянія и жизни людей, но зато какое множество отраслей производствъ, для которыхъ она является питающимъ началомъ, сколько открытій и изобрѣтеній она вызываетъ, служа въ тоже время къ распространенію наукъ и расширяя кругъ міровоззрѣнія народовъ!»*)

Продолжая свои возраженія противъ проповѣдниковъ вѣчнаго мира, генералъ Богуславскій, между прочимъ, утверждаетъ, что подъ знамя благородныхъ, хотя и не достигающихъ цѣли усилій, направленныхъ противъ войны, охотно пристегиваются разнородные враги государства. На первомъ планѣ между ними стоятъ соціалисты, цѣль которыхъ—представить войну въ видѣ массовыхъ убійствъ для того, чтобы

*) General von Boguslavsky. «Der Krieg in seiner wahren Bedeutung».

влить ядъ разложенія въ ряды арміи. Относительно федераціи государствъ можно только то сказать, что еслибы даже удалось ее создать въ Европѣ, то это не гарантировало бы ее отъ войны, ибо, какъ извѣстно, кровавыя столкновенія возможны и въ формѣ междоусобій. Въ доказательство этого достаточно вспомнить послѣднюю войну въ С.-Американскихъ Штатахъ.

Болѣе спокойно, съ меньшей безусловностью, но гораздо шире смотритъ на этотъ предметъ ген. Лееръ.

„Война можетъ казаться исключительнымъ зломъ только тѣмъ, кто смотритъ на нее съ узкой точки; кто изъ жизни народа выхватитъ только періодъ войны, тотъ, дѣйствительно, увидитъ только кровопролитіе и разрушеніе, гибель отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ. Но взгляните нѣсколько шире на дѣло, возьмите періодъ въ жизни народа непосредственно передъ войною и непосредственно послѣ войны, — съ перваго же взгляда станетъ ясно, какой громадный шагъ сдѣлалъ народъ въ дѣлѣ внутренняго развитія; васъ поразитъ рядъ реформъ капитальной важности, непосредственно слѣдующихъ обыкновенно за каждою войною". „Нѣтъ сомнѣнія, что желательно было бы на пути къ цивилизаціи и улучшенію матеріальнаго благосостоянія народовъ обходиться безъ войнъ. Сочувствуя этому стремленію и не отчаяваясь въ томъ, что эта сегодняшняя мечта обратится въ отдаленномъ завтра въ фактъ, — исторія всего человѣчества и даже простой взглядъ на настоящее убѣждаютъ насъ, что мы еще далеки отъ того періода, когда человѣчество найдетъ возможнымъ отказаться отъ войнъ". «Война въ сущности есть явленіе естественное въ жизни народовъ,—борьба лежитъ въ основаніи всего живущаго,—которое хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое, въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества" *).

Логическимъ выводомъ изъ вышеприведенныхъ мнѣній можно считать слѣдующія положенія, заимствованныя нами изъ курса военной исторіи, читаннаго въ 1882 году въ Парижской высшей военной школѣ (L'école supérieure de la

*) Проф. Лееръ, «Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны».

guerre): «Если война въ дѣйствительности покоится на стремленіи человѣчества къ нравственному и матеріальному прогрессу, то весьма важно, чтобы каждое поколѣніе испытало бодрящее вліяніе войны и чтобы традиціи переходили непосредственно отъ отцовъ къ дѣтямъ. Отсюда слѣдуетъ, что надо желать, чтобы она случалась по меньшей мѣрѣ каждыя 20 лѣтъ. Интересы арміи сходятся въ этомъ отношеніи съ интересами народа. Болѣе 20 лѣтъ сряду миръ не долженъ продолжаться, и надо желать, чтобы такая крайняя продолжительность мира случалась возможно рѣже».

Авторъ цитируемаго курса утверждаетъ, что достиженіе вышеуказаннаго благополучія, какъ и прекращеніе слишкомъ длиннаго мирнаго періода, особеннаго затрудненія произвести не могутъ. «Монархи, говоритъ онъ, которымъ понадобится война, не должны особенно заботиться о справедливости и законности начатой войны. Достаточно объявить войну, а министру предоставляется обязанность доказывать ея справедливость. Неизбѣжность войны и основательность поводовъ для нея могутъ быть доказаны лишь потребностями народа. Война не можетъ быть ни справедливою, ни несправедливою; она бываетъ или политична или неполитична».

Аргументы сторонниковъ войны, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, могли бы совмѣститься въ двухъ положеніяхъ: 1) война *неизбѣжна*, потому что всюду и во всѣ времена она существовала, и 2) война *необходима*, потому что она, подобно бурѣ, очищаетъ общественную атмосферу, испорченную среди мира, вызываетъ забытыя добродѣтели: мужество, солидарность, самопожертвованіе и стремленіе къ идеаламъ.

Первое изъ этихъ положеній побѣдоносно опровергнуто *Кантомъ*, который указалъ на то, что современныя отношенія между народами не лучше тѣхъ, какія практиковались между единичными лицами въ дикомъ состояніи общества, пока они не стали организоваться на началахъ справедливости, т. е. на сознаніи потребностей жизни. Если могъ наступить такой моментъ въ отношеніяхъ единичныхъ особей, то пробьетъ часъ и для измѣненія взаимныхъ отношеній между организмами болѣе сложнаго порядка, между отдѣльными народами. Въ этомъ порукой можетъ быть безостановочное развитіе цивилизаціи именно въ этомъ направленіи.

Когда въ глубокой древности лишь немногіе избранные стали домогаться замѣны права сильнаго какимъ либо, болѣе совершеннымъ мѣриломъ правоты, то, несомнѣнно, эти избранные были встрѣчены недовѣріемъ, насмѣшками и увѣреніями, въ родѣ того, что «существовавшее всегда должно остаться навсегда».

Если войну можно считать явленіемъ естественнымъ, неизбѣжнымъ до извѣстнаго періода, то изъ этого не слѣдуетъ, что она должна быть естественной необходимостью вездѣ и во всѣ времена. *Бокль*, въ знаменитомъ своемъ сочиненіи „Исторія цивилизаціи Англіи", считаетъ войну необходимымъ регуляторомъ отношеній только на первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. По мѣрѣ совершенствованія условій быта, потребность вооруженныхъ столкновеній становится рѣже, къ нимъ во многихъ случаяхъ не прибѣгаютъ; война переходитъ изъ категоріи обыденныхъ явленій въ категорію явленій исключительныхъ и случается все рѣже. Соціальныя условія таковы, что съ каждымъ годомъ война становится вреднѣе, и придетъ такое время, когда націи не будутъ въ состояніи переносить ее. Бокль настаиваетъ особенно на томъ, что вредъ прогрессу наносится не столько самою войной, сколько развивающейся въ извѣстные моменты склонностью къ войнѣ. Бокль разъяснилъ и распространилъ мысль о томъ, что исторія міра является, прежде всего, плодомъ внутренняго развитія народовъ и ихъ умственнаго прогресса, а не воли и талантовъ хотя бы самыхъ сильныхъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому не произволъ, а неизмѣнные и твердые, хотя и неизвѣстные намъ еще, законы управляютъ судьбами исторіи. Если война исчезнетъ, благодаря общественному прогрессу, то никто не можетъ возвратить ей прежняго значенія. Въ варварскомъ прошедшемъ родъ боролся съ родомъ, городъ съ городомъ, провинція съ провинціей,— нынѣ уже невозможно вернуться къ такимъ отношеніямъ. На низшихъ ступеняхъ культуры воинъ является привилегированнымъ дворяниномъ, обладающимъ почетомъ и властью. Между тѣмъ, въ Англіи уже нынѣ офицеры надѣваютъ мундиръ только на службѣ и безусловно никогда не явятся въ немъ ни въ обществѣ, ни даже на гуляньи. Словомъ, наука доказываетъ не только то, что человѣчество можетъ обойтись безъ войнъ, но и то, что война современемъ должна исчезнуть навсегда.

Изъ новѣйшихъ писателей этой стороны вопроса довольно обстоятельно коснулся ученый біологъ и психологъ *Шарль Рише*.

«Разрѣшеніе этого вопроса было бы несравненно важнѣе, чѣмъ самыя точныя границы, въ настоящее время опредѣляющія взаимныя отношенія между народностями. Эти отношенія находятся въ стадіи полнѣйшаго варварства. Международнаго права нѣтъ, ибо что же представляетъ собою война, какъ не отрицаніе права и торжество грубой силы? Мы видимъ, что непрерывное военное положеніе, скрытое или открытое, есть нормальный порядокъ отношеній между государствами. Неужели такое положеніе никогда не прекратится? На вопросъ этотъ съ полнымъ убѣжденіемъ можно отвѣтить: непремѣнно прекратится".

«Настанетъ минута, когда люди поймутъ нелѣпость войны. Всего четыреста лѣтъ тому назадъ жители двухъ городовъ (Лукка и Пиза) пылали другъ къ другу такой неудержимой ненавистью, что, казалось, она переживетъ вѣка. Остался ли теперь отъ нея хоть малѣйшій слѣдъ? Точно также много ли останется черезъ нѣсколько вѣковъ отъ той нелѣпой взаимной ненависти, какую нынѣ питаетъ пруссакъ къ французу, своему «наслѣдственному врагу»? Мы можемъ быть увѣренными, что эти чувства будутъ казаться нашимъ праправнукамъ столь же забавными, какъ и ссоры Пизы съ Луккой, Аѳинъ со Спартой и т. д. Вѣроятно, наши правнуки остановятся на мысли, что всякое иное дѣло лучше, чѣмъ стараніе наносить другъ другу вредъ, что у нихъ есть общій врагъ — бѣдность, темнота, болѣзни, что усилія ихъ должны соединиться для борьбы противъ этихъ бѣдствій, а не направляться противъ нашихъ товарищей по испытанію одинаковыхъ съ нами невзгодъ. Поэтому придетъ время, когда не будетъ войны и когда всѣ недоразумѣнія и раздоры между націями будутъ обсуждаться безъ участія раздраженія, какъ разбираются дѣла между частными лицами. Вопросъ въ томъ, когда это время настанетъ, и при этомъ возникаютъ тяжкія сомнѣнія».

«Идея вѣчнаго мира не принадлежитъ къ числу неосуществимыхъ утопій. Быть можетъ, однако, что утопіей слѣдуетъ считать надежду на ея осуществленіе въ близкомъ будущемъ» *).

---

*) Ch. Richet, „Démographie dans cent ans". («Revue scientifique»).

Противъ увѣреній, что война полезна возбужденіемъ въ людяхъ высокихъ качествъ души и тѣмъ, что она сохраняетъ послѣднюю отъ плѣсени мира, возражали многіе писатели прежняго и новѣйшаго времени. Они горячо доказывали всему міру, что война ничего не приноситъ ему, кромѣ бѣдствій, разоренія и нравственнаго упадка. Изъ множества сочиненій и статей на эту тему мы извлекаемъ лишь небольшое число цитатъ, въ которыхъ сосредоточены наиболѣе характеристическіе и убѣдительные взгляды противниковъ войны.

Гердеръ, въ своихъ «Письмахъ о человѣческомъ развитіи», говоритъ: „Война, насколько она не вынуждена необходимостью защиты, есть явленіе противочеловѣческое, гораздо худшее, чѣмъ свирѣпость животнаго... Но еще ужаснѣе, нежели она сама, ея послѣдствія: болѣзни, эпидеміи, голодъ, грабежъ, насилія, разореніе страны, одичаніе понятій и чувствъ, семейная порча и т. под. Честные люди должны распространять это убѣжденіе, горячо проникаясь имъ изъ любви къ человѣчеству. Пусть отцы и матери внушаютъ дѣтямъ ненависть къ самому слову «война», которое теперь съ такою легкостью произносится. Понятіе о войнѣ должно возбуждать такой же ужасъ и отвращеніе, какъ и представленіе о чумѣ, голодѣ и иныхъ великихъ бѣдствіяхъ".

Молинари, извѣстный бельгійскій экономистъ, утверждаетъ, что „война въ наше время вовсе не неизбѣжное условіе для упроченія или развитія цивилизаціи. Она не болѣе какъ искусственное и вредоносное отраженіе первобытнаго варварскаго быта человѣка. Надо, однако, признать, что по мѣрѣ того, какъ она теряла свой смыслъ, ей приходилось изыскивать мотивы оправданія себя передъ обществомъ. Отсюда явились патріотическія и даже гуманитарныя цѣли войны, при помощи которыхъ стараются возстановить прежнюю популярность войны. Но фальшь этихъ увѣреній становится болѣе и болѣе понятною. Военное поприще въ Европѣ уже не привлекаетъ къ себѣ лучшихъ силъ страны и только суровыя мѣры государства вынуждаютъ населеніе къ исполненію обязанности становиться подъ знамена. Военная слава уже не затмѣваетъ славы изобрѣтателей, ученыхъ, артистовъ..."

Туже мысль въ 1894 году развивалъ *Фредерикъ Пасси* *),

---

*) Fr. Passy, „La question de la paix".

который еще съ большей полнотой пояснилъ вліяніе войны на нравы и понятія общества.

„Правду говоря, въ настоящее время человѣкъ уже не воюетъ, а лишь управляетъ орудіями истребленія. Раньше, чѣмъ арміи успѣютъ взаимно оглядѣться, современная ужасающая военная техника превратитъ ихъ въ лужи крови и въ клочья тѣлъ. Этотъ результатъ можетъ постигнуть обѣ воюющія стороны одновременно. Неодушевленныя силы чудовищнаго механизма произведутъ дѣло истребленія. не заботясь объ участи людей, пустившихъ эти силы въ ходъ. Есть ли здѣсь мѣсто для героизма? Куда дѣнется поэзія минувшихъ битвъ, въ которыхъ зачастую то хладнокровіе, то пылкость, то непоколебимость, то вдохновеніе предводителей и солдатъ измѣняли успѣхи дня и оставляли исторіи цѣлый рядъ безсмертныхъ именъ, въ родѣ Винкельрида?“

Въ наше время слишкомъ достаточно иныхъ поприщъ для развитія и примѣненія энергіи, отваги, самопожертвованія и прочихъ свойствъ, присущихъ добродѣтели и героизму. Развѣ не героизмъ руководитъ пожарнымъ, бросающимся въ огонь, чтобы вытащить изъ него человѣка, которому угрожаетъ гибель; горнорабочимъ, спасающимъ изъ шахты угорѣвшихъ въ ней отъ газовъ; многочисленными добровольцами, спасающими утопающихъ? Развѣ не самопожертвованіе со стороны врачей и сестеръ милосердія, когда они, забывая о собственной опасности, подвергаются дѣйствію заразы ради помощи населенію? Развѣ мало явили такой же способности къ самопожертвованію изслѣдователи неизвѣстныхъ странъ и неизслѣдованныхъ силъ природы? Развѣ всѣ эти герои менѣе полезны и заслуги ихъ не столь же несомнѣнны? Станетъ ли кто нибудь утверждать, что для доставленія случаевъ проявленія душевнаго величія слѣдуетъ распространять болѣзни, пожары, устраивать катастрофы и т. д.?“

Противникомъ войны заявилъ себя и одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ соціологовъ-философовъ, *Гербертъ Спенсеръ*. По его мнѣнію, жизнь заключается въ непрерывномъ приспособленіи внутреннихъ свойствъ организма къ внѣшнимъ вліяніямъ, и такъ какъ условія существованія общества болѣе и болѣе настоятельно домогаются закономѣрности, то и вѣчный миръ можетъ явиться послѣдствіемъ такого постояннаго стремленія общественнаго организма къ приспособленію.

Въ своей „Этикѣ“ Спенсеръ говоритъ: „Хотя уже не мало времени столь противуположныя явленія жизни, какъ военная дѣятельность и промышленность, существуютъ одна на ряду съ другой, но природа человѣка никакъ не можетъ окончательно приспособиться ни къ тому, ни къ другому“. Далѣе же говоритъ онъ: „До тѣхъ поръ, пока существованіе войны творитъ изъ безправія основу отношеній между отдѣльными обществами, нельзя допустить, чтобы при этомъ справедливость могла управлять внутренними отношеніями въ такихъ обществахъ“.

Глубоко прочувствована та картина современнаго положенія взаимныхъ отношеній между народами, какую рисуетъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ писателей, у которыхъ сила искренняго убѣжденія составляетъ отличительное свойство таланта. „Для чего намъ что либо дѣлать, что либо предпринимать?—спрашиваетъ Эдуардъ Родъ *).—Развѣ возможно чувствовать любовь къ людямъ въ такія бурныя, исполненныя всевозможныхъ угрозъ, времена? Все, что предпринято, всѣ созрѣвающія мысли и дѣла, все доброе, что предполагалось совершить, развѣ это все не сметется нависшей надъ нами бурей? Мысль наша тревожится подъ подавляющимъ представленіемъ о размѣрахъ катастрофы, угрожающей человѣчеству въ концѣ вѣка, какъ результатѣ прогресса нашей эры. Между тѣмъ, къ такому положенію пора привыкнуть. Въ теченіи 20 лѣтъ могущество добытыхъ знаній исчерпывается на дѣло усовершенствованія смертоносныхъ истребителей и скоро дойдетъ до того, что будутъ изобрѣтены способы уничтоженія громадныхъ армій“.

„Кого не гнететъ нынѣ *достовѣрность безнадежности?* Мы трудимся, какъ матросы на утопающемъ кораблѣ. Наши удовольствія—это развлеченіе приговореннаго, которому предоставленъ выборъ любимаго блюда за четверть часа передъ смертью. Едва-ли во всей исторіи можно найти моментъ, въ которомъ жизнь была бы менѣе обезпечена, въ которомъ бы она была такъ подавлена размѣромъ надвигающейся грозы“.

Императоръ Францъ-Іосифъ высказалъ одному аккредитованному нѣкогда въ Вѣнѣ дипломату и сообщенныя одной парижскою газетой и неопровергнутыя никѣмъ слова: „Кто въ настоящее время можетъ желать войны,—никто! Не мо-

*) Edouard Rod. «Le sens de la vie».

жетъ быть никого, кто бы питалъ столь пагубное желаніе, покрайней мѣрѣ я не думаю. Не знаю, кѣмъ было сказано, будто войны всегда являлись результатомъ желаній самихъ народовъ, которые навязывали ихъ своимъ миролюбиво настроеннымъ правительствамъ. Такое мнѣніе, очевидно, не согласно съ истиной".

„Какой же интересъ побуждалъ бы народы желать войны? Они не могутъ желать ея. Война иногда является въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, не будучи никѣмъ вызвана намѣренно. Всегда она представляется бѣдственной случайностью, въ которой виновны неопытность людей или недостатокъ у нихъ хладнокровія. Чтобы ни говорили, война, по свой природѣ, вовсе не составляетъ неустранимой необходимости. Достаточно нѣсколько ума и умѣнья владѣть собой, чтобы отвратить ее".

Присоединимъ сюда изъ другой, оффиціальной рѣчи, произнесенной тѣмъ же монархомъ въ прошломъ году, вслѣдъ за сессіею мирнаго конгресса въ Римѣ, слѣдующія слова: „въ виду того, что потребность въ мирѣ сознается всѣми столь единогласно, можно ожидать, что есть надежда на достиженіе упомянутой цѣли (устраненіе политическихъ опасностей и пріостановленіе вооруженій) современемъ. Да будетъ мнѣ дано сообщить моимъ народамъ радостную вѣсть, что насталъ конецъ заботамъ и тягостямъ сопряженнымъ со всѣмъ, что угрожаетъ миру".

Покойный статсъ-секретарь Н. К. Гирсъ былъ также убѣжденнымъ приверженцемъ идеи мира и выразилъ это въ своемъ письмѣ къ президенту конгресса мира, бывшаго въ Антверпенѣ.

Къ безусловнымъ порицателямъ и ненавистникамъ войны принадлежитъ знаменитѣйшій изъ русскихъ писателей, *гр. Левъ Толстой*. Не разъ возвышался его голосъ, какъ художественнаго повѣствователя, какъ философа и публициста, какъ христіанина, и всегда способствовалъ усиленію въ обществѣ противувоенныхъ убѣжденій. Къ голосу этого писателя, переведеннаго на всѣ языки, прислушивается вся Европа.

Противувоенныя убѣжденія высказалъ также знаменитѣйшій изъ реформаторовъ современной мысли, *Огюстъ Контъ*, и всѣ ученики его дѣятельно распространили ихъ въ теченіи послѣдняго полустолѣтія.

Профессоръ *Франкъ* предостерегаетъ поборниковъ мира отъ осужденія войны, ибо, говоритъ онъ, бросая въ нее камнемъ, вы клевещете на все прошлое человѣчества. «Война, по его мнѣнію, въ свое время вліяла благодѣтельно». Далѣе онъ утверждаетъ, что она создала и развила въ человѣчествѣ много хорошаго. Вмѣсто прежней анархіи, ею введенъ порядокъ, она возвела въ почетъ отвагу, пріучила людей соединяться въ одно цѣлое. Если отрицать это, то останутся непонятными многія вдохновенныя дѣла, совершенныя войной. «Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, философія не можетъ не признать, что въ наше время война стала уже анахронизмомъ».

Помимо всѣхъ воззваній такого рода къ гуманности, уму и сердцу, поборники мира стараются направить свои доводы и въ область цифръ, которыя ясно убѣждаютъ насъ въ томъ, что одни лишь ожиданія войны обходятся такъ дорого, что въ состояніи разорить цѣлую часть свѣта. *Фредерикъ Пасси* утверждаетъ, что «война въ теченіи нынѣшняго вѣка поглотила въ Европѣ 12—15 милліоновъ человѣческихъ жизней и сотни милліардовъ денегъ, т. е. болѣе той суммы, въ какую оцѣнивается все имущество Франціи. Что цифры эти не преувеличены, можно заключить уже изъ того, что одни войны имперіи, начиная съ 1804 года, стоили 6—8 милліоновъ человѣкъ; по разсчету же *Леруа Больє*, одинъ двѣнадцатилѣтній періодъ съ 1854 по 1866 годъ потребовалъ около 2 милліоновъ жертвъ. Издержки войны за тотъ же періодъ времени онъ считаетъ приблизительно въ 50 милліардовъ франковъ. Въ разсчетъ вошли только очевидныя потери, доступныя для вычисленія. Правда и то, что въ эту сумму вошли расходы американскаго междоусобія. Что касается стоимости франко-германской войны, то, по вычисленію Фовилля, она обошлась по крайней мѣрѣ въ 30 милліардовъ франковъ. Увеличившіеся съ тѣхъ поръ размѣры военныхъ бюджетовъ во Франціи и Германіи доказываютъ, что дальнѣйшія издержки на вооруженія потребовали еще болѣе значительныхъ суммъ. Въ то же время и остальная Европа издержала не менѣе, такъ что, какъ справедливо замѣтилъ Жюль Симонъ, за Садову и Седанъ поплатились не одни побѣжденные и побѣдители (Австрія, Франція и Германія), но и всѣ государства Европы. Въ настоящее время во всѣхъ бюджетахъ цивилизованнаго міра бросается въ глаза та общая имъ

черта, что большая часть ($^{2}/_{3}$) государственныхъ издержекъ предназначена, при отсутствіи войны, на приготовленія къ ней въ ожидаемомъ будущемъ и на оплату расходовъ кровавыхъ столкновеній въ прошломъ и лишь $^{1}/_{3}$ на всѣ прочія нужды. Такимъ образомъ, расходуя на дѣло смерти вдвое больше, чѣмъ на потребности жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, наиболѣе цивилизованная часть міра—европейскія государства оставляютъ, въ назиданіе будущимъ историкамъ, примѣръ веденія хозяйства едвали достойный подражанія, но весьма поучительный для сторонниковъ идеи полезности войны. И вотъ почему родъ людской, ознакомившись съ подобными балансами, удостовѣрившись, откуда идетъ зло, отказывается поддерживать его въ дальнѣйшемъ. Вотъ почему, не входя въ прочія подробности, не останавливаясь на ужасахъ массовыхъ убійствъ въ битвахъ и смертности въ госпиталяхъ, не указывая на явныя противорѣчія между стремленіями и дѣятельностью мирнаго и военнаго времени, намъ уже пора сдѣлать выборъ между ними. Пора уже признать, что желѣзо и люди пригодны на что либо иное, чѣмъ на превращеніе ихъ въ пушки и трупы; что народы отнынѣ намѣрены почитать не того, кто болѣе другихъ опустошитъ землю, а того, кто ее успѣшнѣе обработаетъ. Люди желаютъ жить и развиваться въ мирѣ; они его предпочитаютъ войнѣ, которая лишь увеличиваетъ сумму страданій на землѣ и истребляетъ плоды мира"...

Такою же убѣдительностью дышатъ доводы *Генриха Ферри*. «Современная Европа, говоритъ онъ, держитъ на готовѣ 9 милліоновъ людей, кромѣ пятнадцатимилліоннаго резерва. Эта предусмотрительность обходится ей до 4-хъ милліардовъ франковъ ежегодно. Продолжая вооружаться болѣе и болѣе, Европа парализуетъ источники общественнаго и индивидуальнаго благосостоянія и можетъ уподобиться тому человѣку, который, ради обладанія цѣннымъ оружіемъ, приговариваетъ себя къ лишеніямъ и тѣмъ обезсиливаетъ себя до такой степени, что дѣлается безсильнымъ держать пріобрѣтенное оружіе въ рукахъ и падаетъ подъ его тяжестью».

Карлъ Бутъ, говоря о чудовищныхъ издержкахъ, поглощаемыхъ военными приготовленіями Европы, обращаетъ вниманіе, что они составляютъ лишь меньшую часть потерь отъ войны. Сверхъ извѣстныхъ статей расходовъ военнаго бюджета государствъ, слѣдуетъ принять въ разсчетъ гро-

мадный вредъ, наносимый народу отвлеченіемъ наиболѣе цвѣтущей части населенія отъ всякаго рода производительнаго труда. Что же касается постоянныхъ денежныхъ затратъ на военныя приготовленія, то они влекутъ за собой одно лишь послѣдствіе—непомѣрное возрастаніе государственныхъ долговъ. Бо̀льшая часть ихъ въ Европѣ произошла исключительно вслѣдствіе потребностей войны и они уже дошли (въ 1877 году) до 4 милліардовъ фунтовъ стерлинговъ или 40 милліардовъ кр. рублей.

Въ послѣднее время экономисты всевозможныхъ направленій единогласно указываютъ на слѣдующее многозначущее явленіе. Производительность старой Европы встрѣчаетъ все болѣе и болѣе усиливающуюся конкурренцію въ Америкѣ и частью въ другихъ заокеанскихъ странахъ, усиливающуюся съ каждой, переживаемой старымъ свѣтомъ, войной. Лишь только европейская война пріостановитъ у насъ дѣятельность фабрикъ и разоритъ предпринимателей, какъ тотчасъ потерянные рынки переходятъ къ недремлющимъ заатлантическимъ соперникамъ и уже навсегда остаются въ ихъ власти. На эту опасность войны указываетъ, между прочимъ, извѣстный германскій экономистъ *Рудольфъ Мейеръ*.

„Въ моментъ, когда милліоны людей пойдутъ въ огонь, производительность воюющей страны упадетъ и начнется гибель того, къ чему направлены были усилія многихъ десятковъ лѣтъ. Англія же и Америка, оставаясь нейтральными, будутъ продолжать производить и продавать".

«Если и теперь мы не можемъ справиться съ конкурренціей Англіи въ промышленности и Америки въ земледѣліи, то каково же будетъ наше положеніе въ случаѣ новой общественной войны? По окончаніи ея вся Европа очутится во власти англійскаго и американскаго капитала».

„Освободивъ изъ рядовъ $3^1/_2$-милліонной арміи $2^1/_2$ милліона солдатъ, сокративъ военный бюджетъ съ 4 милліардовъ на $1^1/_2$ милліарда марокъ, мы пріобрѣтемъ $2^1/_2$ милліона людей, способныхъ къ труду, которые будутъ въ состояніи ежегодно заработать, въ среднемъ, не менѣе какъ по 1.000 марокъ на человѣка или $2^1/_2$ милліарда марокъ. При этомъ условіи мы не будемъ опасаться конкурренціи Англіи и Америки, пользующихся и теперь подобнымъ преимуществомъ" *).

---

*) „Das Sinken der Grundrente".

Даже представители царствующихъ семей, всюду почитаемыхъ за горячихъ наслѣдственныхъ сторонниковъ стараго порядка вещей, нерѣдко уже произносятъ слова осужденія войнѣ, указывая на вредныя начала, заключающіяся въ ней, и на то, что цѣлью цивилизаціи должно быть содѣйствіе къ упроченію мира.

Въ запискахъ художника *Верещагина*, напечатанныхъ въ журналѣ „Die Waffen Nieder", мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „Война, говорили мнѣ принцъ Георгъ Саксонскій и тогдашній наслѣдникъ прусскаго престола принцъ Фридрихъ, есть нѣчто обособленное, противорѣчащее всему тому, къ чему обязываетъ христіанская нравственность. „Не трогай чужаго", говоритъ эта нравственность, „хватай, что можешь", приказываетъ война. „Не обманывай", говоритъ одна, „обманывай, вѣроломствуй", твердитъ другая. Чѣмъ больше совершишь убійствъ, тѣмъ заслуга твоя вѣрнѣе зачтется на этомъ и томъ свѣтѣ".

Бывшій германскій канцлеръ Каприви въ своей рѣчи въ Данцигѣ сказалъ: „Императоръ считаетъ возможнымъ, что будущій вѣкъ будетъ стремиться къ общему союзу европейскихъ народовъ."

Однородное съ этимъ заявленіе сдѣлалъ и покойный президентъ французской республики *Карно*. Присутствуя на одномъ изъ народныхъ торжествъ, онъ сказалъ: „На этихъ праздникахъ труда народы получаютъ возможность сблизиться и понять другъ друга. Здѣсь должны зародиться чувства симпатіи и уваженія, которыя не преминутъ благодѣтельно повліять на судьбы міра, приближая моментъ, когда народное достояніе будетъ употребляться исключительно на мирныя задачи".

Приводя эти разносторонніе взгляды на вопросъ о мирѣ и войнѣ, мы догадываемся о недоумѣніи нашего читателя, которому естественно должно придти на мысль освѣдомиться: какого же мнѣнія держатся сами спеціалисты военнаго дѣла и всѣ ли между ними смотрятъ на значеніе войны съ точки зрѣнія вышеприведенныхъ умозаключеній прусскаго генерала фонъ-Богуславскаго; полагаютъ ли они, что война теперь, какъ и всегда, представляетъ собою героическое средство для очищенія и дезинфекціи испорченной миромъ нравственной атмосферы, пропитавшейся эгоизмомъ? Мы можемъ удовлетворить любознательность нашихъ читателей, указавъ на мно-

гіе авторитетные голоса военнаго міра, далеко не согласные съ мотивами генерала, восхваляющаго благодѣтельное вліяніе войны на умственный и нравственный прогрессъ человѣчества. Встрѣчаются и между военными спеціалистами люди, всею душой преданные стремленіямъ и надеждамъ арміи мира и громко возвышающіе свой голосъ въ пользу преимуществъ мирнаго движенія цивилизующихъ началъ, въ сравненіи съ торжествомъ силы. Такъ, генералъ *Гордонъ*, по прибытіи въ Хартумъ и привѣтствуемый народомъ, называвшимъ его избавителемъ, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Я прибылъ къ вамъ безъ войска, но съ Богомъ, чтобы вознаградить васъ за притѣсненія суданцевъ. Къ иной арміи, кромѣ справедливости, обѣщаю не прибѣгать".

Особенно важную услугу дѣлу мира оказываютъ военные писатели, выясняющіе обществу, что можетъ ему принести будущая война. Затрогивая поочередно то одну, то другую ея сторону, они воспроизводятъ всю ужасающую картину ожидаемыхъ отъ нея бѣдствій для населенія государствъ. Въ предлагаемомъ трудѣ мы неоднократно приводили взгляды военныхъ писателей, которые, послѣ яркаго изображенія дѣйствія новѣйшихъ способовъ истребленія, приходятъ къ тому заключенію, что между воюющими сторонами въ концѣ концевъ самъ собою долженъ образоваться поясъ, котораго ни одна изъ нихъ не перейдетъ. Такимъ образомъ, столкновенія останутся неразрѣшенными въ смыслѣ побѣды которой либо изъ болѣе или менѣе равныхъ силъ. Это равенство силъ явится непремѣнно вслѣдствіе постояннаго стремленія военной техники не отставать отъ усовершенствованій ея въ другихъ странахъ.

При такихъ условіяхъ, цѣль войны не можетъ быть достигнута и всѣ расходы, жертвы, разореніе, обѣдненіе, насилія и пролитая кровь не принесутъ не только дѣйствительной, но и предполагаемой, кажущейся пользы.

Австрійскій генералъ-интендантъ, кавалеръ *фонъ-Котье*, возбудилъ еще болѣе важный вопросъ: существуетъ ли возможность содержать продолжительное время громадное число войскъ, не ввергая населенія въ нищету? Вопросъ этотъ много разъ былъ затронутъ въ парламентѣ, но предметы этого рода обсуждаютъ тамъ неохотно, быть можетъ, потому, чтобы не возбуждать неудовольствія населенія, не пріучать его вни-

кать въ подобные вопросы и не подготовлять въ немъ оппозиціи въ случаѣ увеличенія состава военныхъ силъ.

Обращаясь къ роли, какую разыгрываетъ общественное мнѣніе въ эпоху „народа подъ ружьемъ“, авторъ говоритъ: „мудрость каждаго государства заключается въ томъ, чтобы умѣть возбудить въ населеніи полную увѣренность къ его руководителямъ“. Вникая въ эти слова, дѣлается понятнымъ намекъ автора на то, что въ Западной Европѣ война легко можетъ привести къ соціальнымъ движеніямъ. Этому вопросу далѣе мы посвятимъ особую главу; здѣсь же упоминаемъ объ этомъ, какъ объ одномъ изъ образчиковъ откровеннаго изложенія компетентными спеціалистами тѣхъ сторонъ предмета, которыя служатъ поддержкой мнѣній противниковъ войны.

Несомнѣнно, что большая продолжительность войны можетъ вызвать осложненія, которыя предвидятъ многіе изъ военныхъ авторовъ.

И дѣйствительно, въ состояніи ли будутъ правительства, особенно въ виду той пропаганды и тѣхъ настроеній, какія нынѣ дѣйствуютъ въ народныхъ массахъ на Западѣ, оставаться безучастными и предоставить установленіе цѣнъ естественнымъ условіямъ спроса и предложенія? Или правительства примутъ на себя заботы о пропитаніи семействъ людей, призванныхъ подъ знамена? Такихъ вопросовъ нельзя рѣшать впередъ.

Если же правительства вынуждены будутъ принять дѣйствительно участіе въ регулированіи цѣнъ и въ содержаніи населенія, то легко ли будетъ, послѣ войны, отказаться отъ этого и предоставить вновь продовольствованіе—торговцамъ, по свободно назначаемымъ ими цѣнамъ? Этотъ моментъ могъ бы вызвать осложненія характера соціальнаго. Впрочемъ, мы возвратимся къ этому далѣе, при разсмотрѣніи вопроса о возможномъ вліяніи соціализма на ходъ военныхъ событій.

Но такое тяжелое положеніе можетъ сдѣлаться еще серьезнѣе въ случаѣ, если война затянется, а, по мнѣнію весьма авторитетныхъ военныхъ писателей, это болѣе чѣмъ вѣроятно.

„Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, — говоритъ генералъ Лееръ,—періодъ подготовительныхъ операцій значительно сократился. Между тѣмъ, въ маршахъ, маневрахъ и боѣ, желѣзными дорогами можно будетъ воспользоваться развѣ только

въ крайне рѣдкихъ случаяхъ; операціонными линіями онѣ служить не могутъ. Нынѣшнія большія массы не могутъ двигаться по обыкновеннымъ дорогамъ со скоростью наполеоновскихъ армій. Онѣ же должны охватить и большее пространство, какъ вслѣдствіе ихъ величины (для облегченія продовольствія и размѣщенія ихъ), такъ и вслѣдствіе болѣе широкихъ задачъ, которыя имъ будутъ ставиться".

Затѣмъ авторъ, переходя отъ отдѣльныхъ операцій къ цѣлымъ войнамъ, говоритъ:

„И при меньшихъ массахъ, 1812-й, 13-й и 14-й годы представляютъ въ сущности сплошную трехлѣтнюю войну. Сколько же времени понадобиться на то, чтобы побороть (по выраженію фонъ-деръ-Гольца) нынѣшняго Антея и оторвать его отъ земли, высылающей ему армію за арміей? Предстоящая буря не можетъ кончиться быстрыми громовыми ударами, а будетъ продолжаться, быть можетъ, цѣлые годы".

Также и по мнѣнію выдающихся нѣмецкихъ и французскихъ военныхъ писателей, война, напримѣръ, съ Россіей не можетъ быть окончена въ одинъ годъ; она потребуетъ нѣсколькихъ кампаній.

Къ составу германскихъ сухопутныхъ силъ принадлежитъ все годное къ военной службѣ мужское населеніе страны въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ включительно. Считая, что для сельскихъ работъ пригодны рабочіе отъ 15 до 65 лѣтъ, окажется, что 56% всего рабочаго класса могутъ быть призваны подъ знамена.

Въ случаѣ крайняго напряженія силъ, если даже допустить, что не всѣ обязанные службою будутъ утилизированы для войны, то все-таки, если Германія думаетъ, какъ то заявлялъ канцлеръ Каприви, вести наступательную войну на два фронта, необходимо будетъ отнять у труда такое количество рабочихъ силъ, что необязанные военной службой, очевидно, не въ состояніи будутъ выполнить количество работы, въ обыкновенное время выполнявшееся полнымъ составомъ рабочаго мужскаго населенія.

Военные авторы не ограничиваются тѣмъ, что рисуютъ обществу перспективу войны и ея послѣдствій, они нерѣдко сообщаютъ ему свои личныя впечатлѣнія, отъ которыхъ читателя охватываетъ ужасъ. Такъ, напримѣръ, майоръ X. (бельгіецъ), въ брошюрѣ, озаглавленной „Ce que nous réserve la prochaine guerre", называетъ будущую войну „катаклизмомъ,

хотя и предвидѣннымъ, но неизбѣжнымъ, который можно сравнить лишь съ самими ужасными судорогами природы". Войну авторъ потому считаетъ неизбѣжной, что великимъ державамъ придется выбирать между войной внѣшней или войной соціальной. Окажется, что они бросили милліарды въ бездонную пропасть для того, чтобы ожидать банкротства подъ угрозой анархіи".

Даже самъ Мольтке, этотъ первосвященникъ современнаго милитаризма, не безъ ужаса помышлялъ объ ожидавшейся войнѣ, когда въ парламентѣ произносилъ слѣдующія знаменательныя слова: „Мудрое правительство никогда не вызоветъ войны, послѣдствія которой нельзя предвидѣть. Горе тому правительству, которое рѣшится первымъ бросить искру въ бочку пороха, подложенную подъ нынѣшнее состояніе Европы".

Нельзя не упомянуть еще одной стороны, съ которой война выдерживаетъ постоянную атаку и которая со временемъ обѣщаетъ снискать друзьямъ мира сильнаго союзника. Мы говоримъ о служителяхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Многочисленные писатели не разъ обращали вниманіе на то, что европейскія государства и общества, съ гордостью называющія себя христіанскимъ міромъ, придаютъ высокое значеніе христіанскому происхожденію своей цивилизаціи, главнымъ основаніемъ которой признается любовь къ ближнему, какъ высшій изъ нравственныхъ принциповъ жизни. Но развѣ этому ученію не противорѣчитъ взаимная ненависть, ведущая къ пролитію крови ближнихъ?

Служители церкви, христіанскіе проповѣдники и писатели выступаютъ еще рѣшительнѣе противъ войны.

Защитники войны, напротивъ, требуютъ отъ христіанскихъ пастырей участія въ нарушеніи мира. По этому поводу *Бертело* говоритъ: „если мнѣ доступенъ смыслъ священнаго писанія, то я долженъ придти къ убѣжденію, что, замалчивая вопросъ о безнравственности войны, люди доказываютъ, что они вовсе не христіане, а только притворяются ими. Я прожилъ много лѣтъ, а увѣщаній съ амвона въ пользу мира мнѣ не удавалось слышать болѣе шести разъ. Когда лѣтъ двадцат тому назадъ въ салонѣ, въ которомъ присутствовало человѣкъ сорокъ, я объ этомъ заговорилъ, на меня стали смотрѣть, какъ на дикаго фанатика. Мысль о томъ, что можно обойтись безъ войны, всѣмъ

казалась нелѣпой и доказывала лишь непростительную слабость соображенія".

Съ этой стороны почитателей войны особенно искусно атакуетъ Л. Толстой. Указаніе противорѣчія между христіанскимъ чувствомъ и войной составляетъ центръ тяжести критическаго отношенія этого писателя къ современному состоянію нравственной жизни европейскихъ народовъ. „Христіанскіе народы,—говоритъ онъ,—живутъ, повидимому, общею жизнью. Въ какомъ бы концѣ христіанскаго міра ни объявилась благая, плодотворная мысль, она обѣгаетъ отъ одного конца до другаго весь этотъ міръ, возбуждая повсюду одни и тѣ же чувства радости и гордости, независимо отъ національности. И вдругъ мы, принадлежащіе къ тому же міру, которые такъ любимъ мыслителей, поэтовъ и ученыхъ чужихъ народностей, мы, гордые ими, мы прямо любящіе людей всякихъ національностей—французовъ, нѣмцевъ, американцевъ, англичанъ, мы, которые не только способны цѣнить качества другихъ, но и наслаждаться тѣмъ, что они существуютъ, радостно на нихъ улыбаться, мы, которымъ было бы ужасно подумать не только о войнѣ съ ними, но даже о какой либо размолвкѣ, мы почему то вдругъ должны будемъ всѣ идти на призывъ къ убійствамъ, которыя должны не сегодня—завтра совершиться".

Въ заключеніе всего сказаннаго надо указать на то, что даже періодическая печать въ самое послѣднее время, въ лицѣ большинства ея представителей, стала относиться къ вопросу о мирѣ съ меньшей односторонностью противъ прежняго времени, когда на печать легла значительная доля вины въ раздуваніи международной ненависти. Прежняя иронія въ отзывахъ о поборникахъ вѣчнаго мира мало по малу исчезаетъ *).

*) Въ виду весьма яркаго примѣра, характеризующаго вступленіе на путь протеста противъ крайностей милитаризма, приводимъ слѣдующій небольшой образчикъ осужденія милитаризма, недавно напечатаннаго въ одной изъ распространенныхъ у насъ газетъ.

«Каждый разъ, какъ предлагались германскому парламенту военные законопроекты, благомыслящіе люди возбуждали вопросъ о переобремененіи податныхъ силъ народа безконечными милитарными затѣями, «не терпящими ни малѣйшаго отлагательства». На несчастіе этихъ трезвыхъ умовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на несчастье всей Европы, фактическія данныя ни мало не подтверждали податнаго переобремененія нѣмцевъ, по сравненію съ другими великими націями. По этому поводу про-

Да иначе и быть не можетъ. Среди европейскихъ народовъ возникаетъ все болѣе и болѣе энергическая агитація въ смыслѣ установленія посредническаго суда и противъ самой возможности войны. Договоръ, заключенный между Соединенными Штатами и Англіею много способствовалъ распространенію пропаганды въ этомъ направленіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что движеніе въ этомъ направленіи не ново.

Шерманомъ было внесено въ вашингтонскомъ сенатѣ предложеніе объ уполномоченіи президента Соед. Штатовъ, согласно съ постановленіемъ 3 апрѣля 1890 года, поручить дипломатическимъ агентамъ Союза сдѣлать представленія правительствамъ или же назначить коммиссію, которая отправилась бы заграницу, для переговоровъ объ учрежденіи международнаго суда.

На конгрессѣ мира, бывшемъ въ 1897 году была принята, по предложенію коммиссіи пропаганды, слѣдующая резолюція:

„Конгрессъ принимаетъ къ свѣдѣнію фактъ, что въ Скандинавіи были собраны полмилліона подписей къ прошенію объ упроченіи мира, и рекомендуетъ къ подражанію образъ дѣйствій и средства, которыми скандинавскіе друзья мира достигли столь прекраснаго результата".

изведено даже было спеціальное изслѣдованіе сравнительнаго обремененія народовъ финансовыми бюджетами ихъ. Изслѣдованіе проф. Кауфмана («Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ». Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. А. Гурьева. 1895), дѣйствительно показало, что расходы по оборонѣ страны и по государственному долгу всего менѣе обремѣняютъ пруссаковъ. Объясняется это тѣмъ, что Пруссія обладаетъ обширными казенными хозяйствами, приносящими прекрасный доходъ. Для покрытія ежегодныхъ расходовъ по военной части и государственному кредиту, къ этимъ «собственнымъ» доходамъ государственнаго казначейства, пруссакъ долженъ приплачивать 8,62 марокъ, русскій—12,25, австріецъ—19,14, итальянецъ — 25,20, англичанинъ—29,84, французъ—40,49. Если бы 30 милліоновъ пруссаковъ сдѣлались сегодня французами, то они должны были бы уплачивать всѣхъ вообще государственныхъ налоговъ и сборовъ, вмѣсто теперешнихъ 701 мил. марокъ, 1,788 мил. марокъ. Конечно, при такихъ фактическихъ обстоятельствахъ нельзя говорить о податномъ переобремененіи пруссаковъ. Противники военныхъ законопроектовъ германскаго правительства на этомъ пунктѣ были разбиты на голову и толки о «бремени милитаризма» начали затихать».

«Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ встрѣтилась въ Германіи брошюра молодаго профессора экономиста Ястрова, проливающая совсѣмъ другой свѣтъ на этотъ вопросъ. Авторъ устанавливаетъ иную и, на нашъ взглядъ, единственно правильную точку зрѣнія на оцѣнку «бремени милитаризма».

«Гнететъ ли насъ милитаризмъ? Страждемъ ли мы отъ него? Вотъ вопросъ, на который такъ часто слышится въ Германіи отрицательный отвѣтъ. А между тѣмъ, этотъ оптимизмъ крайне ошибоченъ: онъ коренится въ совершенно неправильной точкѣ зрѣнія. *Бремя милитаризма заключается не въ томъ, что мы жертвуемъ ему наличные, а въ томъ, отъ чего мы принуждены отказываться изъ-за этихъ пожерт-*

Остается сказать еще нѣсколько словъ о возраженіяхъ противъ того аргумента защитниковъ войны, что будто ряды арміи и даже милитаризмъ вообще представляютъ собою превосходную школу, въ которой воспитываются народныя чувства, понятія и нравы. Въ этой школѣ молодежь учится любить отечество, пріучается къ порядку и дисциплинѣ и проч. Кромѣ того, служба подъ знаменами служитъ противоядіемъ соціализму. Противники войны возражаютъ на это, что если даже допустить вѣроятность развитія ума и сердца въ казарменномъ быту, то, во всякомъ случаѣ, школа эта обходится слишкомъ дорого, не говоря уже о томъ, что народу приходится расплачиваться за нее кровью своихъ сыновъ. Между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, казармы никакъ нельзя приравнивать къ воспитательному учрежденію. Военный духъ имѣетъ свои требованія, неодинаковыя съ требованіями общечеловѣческаго воспитанія. Прежде всего, ему нужны упражненія и дрессировка, для которыхъ нужно употреблять значительную часть времени пребыванія солдата на службѣ. Въ общемъ, въ казарменной жизни, царство слѣпаго подчиненія, вовсе не способствующее самостоятельному умственному развитію и зачастую ведущее къ злоупотребленію власти, кромѣ обязательнаго отученія отъ производительнаго труда, вліяетъ и на лучшія стороны человѣческой природы, путемъ взаимной передачи нравственныхъ свойствъ

ваній. Современный милитаризмъ вывелъ военное дѣло изъ подобающаго ему положенія. Изъ служебной роли, изъ средства для достиженія совсѣмъ иныхъ цѣлей, военное дѣло выродилось въ нѣчто самодѣльное, въ какое-то искусство для искусства, въ поэзію милитаризма. Потребности культурной жизни, то, для чего создается эта могущественная охрана, отходятъ на задній планъ, уступая первенствующее мѣсто органу служебному. *Только военныя надобности признаются «безотлагательными, всѣ остальныя — потерпятъ».* И вотъ, гражданинъ уже лишается права требовать отъ государства удовлетворенія насущныхъ потребностей культурной жизни. Судебныя дѣла лежатъ въ судахъ безъ движенія по 4—5 мѣсяцевъ за недостаточностью персонала. Судейскія должности для экономіи замѣщаютъ молодыми асессорами. Для засѣданій не имѣется достаточнаго числа помѣщеній: торопятся разбирательствомъ дѣлъ, чтобы очистить зало для другихъ засѣданій. Въ берлинской технической школѣ аудиторіи не вмѣщаютъ слушателей. Въ берлинскомъ университетѣ, этой гордости германской науки, назначеніе часовъ лекцій сообразуется уже не съ педагогическими потребностями, а со случайностью размѣровъ тѣхъ или иныхъ аудиторій. Открытіе новыхъ сорока судейскихъ должностей въ Берлинѣ принимаетъ характеръ какого-то чрезвычайнаго благодѣянія, тогда какъ при такомъ ростѣ города, нужно каждый годъ открывать столько-же новыхъ должностей, да и послѣднее-то не переходило бы предѣлы элементарнаго судебнаго благоустройства. Строительныя смѣты гражданскихъ вѣдомствъ разсрочиваются на цѣлыя десятилѣтія, точно дѣло идетъ о какихъ-то затѣяхъ роскоши, а не о школахъ, судахъ и т. п. основныхъ институтахъ культурной жизни. Фабричная инспекція недостаточна, ремесленное страхованіе хромаетъ и т. д. и т. д.».

неустановившихся характеровъ и взглядовъ. Это подготовляетъ лишь благопріятную почву для соціалистической агитаціи, а иногда и для полной деморализаціи.

Недаромъ *Ляррокъ*, еще ранѣе наступленія современной намъ эпохи крайняго развитія милитаризма, жаловался, что люди поступаютъ въ ряды войска для того, чтобы или ничего не дѣлать или дѣлать не то, что приноситъ пользу другимъ *).

„Вся народная праздность—говоритъ *Вреде*—выхолена въ арміи и оттуда распространяется на всѣ слои общества, а праздность всегда ведетъ къ желанію жить на чужой счетъ; отсюда настоящее происхожденіе завоевательныхъ инстинктовъ и начало милитаризма".

Авторъ извѣстной «Уголовной соціологіи» (Sociologia criminale), *Колоянни*, въ заключеніи своего сочиненія говоритъ: «Однимъ словомъ, война и милитаризмъ порождаютъ отвращеніе къ труду, порождаютъ въ солдатѣ новыя потребности, которыхъ онъ удовлетворить не имѣетъ возможности, пробуждаютъ въ немъ всѣ первобытные дикіе инстинкты, развиваютъ тщеславіе, пріучаютъ къ уваженію не закона, а грубой силы, чтó и проявляется въ раболѣпствѣ и нахальствѣ, и наконецъ непосредственно ведутъ къ нищенству, нравственному паденію, пьянству, преступленіямъ и нерѣдко къ самоубійству».

Сторонники мира, сверхъ того, утверждаютъ, что развитіе милитаризма не способствуетъ воспитанію народа, но является препятствіемъ къ развитію учрежденій, въ дѣйствительности предназначенныхъ просвѣщать народъ, ибо на послѣднія не достаетъ средствъ. Депутатъ прусскаго сейма Либкнехтъ, между многими примѣрами, подтверждающими это положеніе, приводитъ слѣдующій: „Въ Дюссельдорфѣ ремесленная школа обратилась къ правительству съ просьбой о ежегодной субсидіи въ 565 марокъ. Ей было отказано по неимѣнію на это средствъ. Между тѣмъ, въ тоже время въ томъ же Дюссельдорфѣ построены были казармы стоимостью въ 2.350,000 марокъ». „При подобныхъ условіяхъ—спрашиваетъ депутатъ Либкнехтъ—можетъ ли быть рѣчь о развитіи ремеслъ, о развитіи культуры?"

*) Larroque, «La guerre». Paris. 1864.

Впрочемъ, у поборниковъ войны есть еще одинъ аргументъ въ запасѣ. „Война, говорятъ нѣкоторые изъ нихъ, предупреждаетъ неумѣренное увеличеніе населенія“. Но самое обращеніе къ подобнымъ доводамъ въ пользу необходимости войны доказываетъ лишь крайнюю трудность въ пріисканіи для этой цѣли какихъ либо мотивовъ болѣе убѣдительныхъ, болѣе научныхъ и болѣе согласованныхъ съ христіанской этикой цивилизованнаго міра.

II.

Сторонники и противники войны среди поэтовъ, романистовъ и художниковъ.

Мы привели достаточно примѣровъ изъ сочиненій ученыхъ,—примѣровъ, направленныхъ къ тому, чтобы путемъ логическихъ сопоставленій склонить умъ читателя къ признанію началъ войны далекими отъ преслѣдуемаго христіанскою нравственностью идеала, несогласными съ научными положеніями соціологіи и совершенно несовмѣстимыми съ интересами культурнаго прогресса человѣчества. Но мы еще не касались эволюціи въ той области литературы, которая дѣйствуетъ не только на умъ читателя, но преимущественно на его чувство. Сила поэзіи, какъ извѣстно, могуча своею способностью непосредственнаго дѣйствія на чувство читателя.

Въ прежнее время война служила поэтамъ неистощимымъ и почти единственнымъ матеріаломъ вдохновенія. Въ военныхъ подвигахъ, сохраненныхъ письменнымъ или устнымъ преданіемъ, они охотнѣе и легче всего находили канву для похожденій своихъ героевъ, надѣляемыхъ различными тѣлесными и душевными свойствами, сообразно фантазіи поэта и понятіямъ его времени. Доблесть героевъ и красота поля битвы были главными аксессуарами всѣхъ подобныхъ поэтическихъ произведеній, начаная съ Гомера и до Пушкина включительно; отрицательныхъ сторонъ въ дѣяніяхъ излюбленныхъ героевъ, отвратительныхъ картинъ истребленія сильными слабыхъ поэты (особенно романтической эпохи) избѣгали. Не удивительно поэтому, что пѣсни и образы ихъ неудержимо увлекали современниковъ на поле брани, на которомъ чуялась

полнота жизни и достижимость созданныхъ ими несложныхъ идеаловъ высшаго человѣческаго достоинства.

Мало по малу, однако, эти идеалы перестали удовлетворять поэтовъ. Жизнь осложнилась и героизмъ тѣмъ временемъ сталъ аклиматизироваться во всѣхъ иныхъ областяхъ дѣятельности человѣка. Замѣчательно, однако, что въ началѣ нашего вѣка, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ войнъ во время первой республики и имперіи, когда Европа, усталая отъ кровопролитій, казалось-бы, не могла не ощущать благъ мирнаго времени, большинство поэтовъ и романистовъ продолжали восторженно воспѣвать военный героизмъ и главнѣйшаго изъ виновниковъ только-что закончившихся кровопролитій, какимъ они же признавали Наполеона, чѣмъ не мало содѣйствовали культу великаго полководца.

Но въ тоже время вдохновеніе многихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и такихъ первоклассныхъ лириковъ, какъ Байронъ и В. Гюго, чаще и чаще стало настраиваться на мотивы, полные рѣшительнаго убѣжденія въ безчеловѣчности войны, которую они провозглашали наслѣдіемъ Каина, остаткомъ нравовъ дикарей и вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что человѣчество еще не доросло до истинныхъ понятій о справедливости. У Байрона встрѣчаются, впрочемъ, не одни негодованія и проклятія по адресу войны; ему же принадлежитъ и знаменитый, впервые имъ высказанный, софизмъ, на которомъ и до нашего времени любятъ выѣзжать современные поборники мнѣнія о полезности періодическихъ чудовищныхъ кровопусканій. Въ IX-й пѣсни „Донъ-Жуана“ онъ говоритъ: „Я охотно выразилъ бы омерзѣніе противъ войны, еслибы не былъ убѣжденъ, что только она одна спасаетъ міръ отъ плѣсени и гнили“. Но это не болѣе какъ остроумный оборотъ мысли, между тѣмъ какъ порицаніе войны и отвращеніе отъ человѣческой бойни въ поэзіи Байрона встрѣчаются всякій разъ, когда онъ обращается съ упреками къ современному человѣчеству по поводу несовершенства его природы, а извѣстно, что такихъ упрековъ онъ расточилъ не мало и что сарказмы его составляютъ едва ли не существеннѣйшую часть всѣхъ его поэмъ. „Донъ-Жуанъ“ весь испещренъ сближеніями между войною и самою тупою готовностью совершать злѣйшія жестокости ради удовлетворенія честолюбія—этой самой растяжимой и различно понимаемой изъ всѣхъ людскихъ страстей.

Oh, foolish mortals! Always taught in vain!
Oh, glorious laurel!—since for one sole leaf.
Of thine imaginary deathless tree,
Of blood and tears must flow the unebbing sea *).

(Canto VII.—68).

Въ произведеніяхъ старинныхъ поэтовъ и художниковъ, вдохновлявшихся военными событіями, вовсе не отражаются ужасы убійства и смерти. Всѣ отвратительнѣйшія проявленія варварства всегда у нихъ какъ бы прикрыты идеальной завѣсой, сквозь которую видно одно лишь величіе мужества, самопожертвованія и славы.

Въ наше время такое направленіе искусства далеко уже перестало быть общимъ. Теперь не мало писателей и живописцевъ, снявшихъ съ картинъ войны эту завѣсу, придававшую ей нѣкогда такъ много привлекательности, и изображающихъ военныя дѣянія нераздѣльно со всѣми сопровождающими ихъ явленіями, изъ числа которыхъ смерть людей, за минуту передъ тѣмъ полныхъ жизни, можетъ считаться наименѣе ужаснымъ въ ряду всевозможнаго рода страданій.

Почти одновременно съ поэзіей Байрона (во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка) впервые прозвучали строфы Беранже:

J'ai vu la Paix descendre sur la terre
Semant de l'or, des fleurs et des épis.
L'air était calme, et du dieu de la guerre
Elle étouffait les fondres assoupis.

„Ah, disait elle, égaux par la vaillance,
Français, Anglais, Belge, Russe ou Germain,
Peuples formez une sainte alliance,
Et donnez-vous la main“ **).

*) «О люди, о безумцы (говоритъ поэтъ)! Неужели опытъ прошлаго для васъ не существуетъ? Неужели изъ-за вашихъ лавровъ должны вѣчно потоками литься кровь и слезы?»

**) «Мнѣ снилось, что на землю сошелъ Миръ; онъ осыпалъ ее золотомъ, цвѣтами и колосьями и упразднялъ навсегда заснувшіе громы войны. Онъ говорилъ: «вы, равные доблестью, французы, англичане, бельгійцы, русскіе или нѣмцы, всѣ народы, вы сами составьте священный союзъ и подайте другъ другу руку».

На тотъ же мотивъ не разъ пѣлъ и Гейне, напримѣръ:

Wir wollen auf Erden glücklich sein,
Und wollen nicht mehr darben,
Verschlämmen soll nicht der faule Bauch,
Was fleiszige Hände erwarben *).

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ явственнѣе становятся негодующіе противъ войны голоса поэтовъ. Для оправданія своихъ порицаній и проклятій, они прибѣгаютъ къ изображенію всѣхъ ужасающихъ подробностей кровавыхъ столкновеній, разсѣевая такимъ образомъ прежній туманъ очарованія и стараясь представить войну со стороны, вызывающей лишь ужасъ и отвращеніе.

Очень естественно, что война давала особенно обильную пищу для поэтовъ пессимистическаго направленія, одна изъ наиболѣе видныхъ представительницъ котораго, Л. Аккерманъ, посвятила ей, между прочимъ, слѣдующія извѣстныя строфы:

Liberté, droit, justice, affaire de mitraille!
Pour un lambeau d'état, pour un pan de muraille.
Sans pitié, sans remords, un peuple est massacré.
—Mais il est innocent!— Qu' importe? On l'extermine.
Pourtant la vie humaine est de source divine:
N'y touchez pas, arrière. Un homme, c'est sacré! **).

* *
*

Sous des vapeurs de poudre et de sang, quand les astres
Pâlissent indignés parmi tant de désastres,
Moi-même à la fureur me laissant emporter,
Je ne distingue plus les bourreaux des victimes:
Mon âme se soulève, et devant de tels crimes
Je voudrais être foudre et pouvoir éclater ***).

* *
*

*) «Мы хотимъ быть счастливы на землѣ, не хотимъ болѣе гибнуть; лѣнивое брюхо не должно болѣе поглощать того, что создано прилежными руками».

**) «Свобода, право, справедливость—все это жертва картечи! Изъ-за лишняго куска земли для государства, изъ-за нѣсколькихъ стѣнъ, безжалостно, безъ угрызеній совѣсти, умерщвляется цѣлый народъ.—Но онъ невиновенъ!—Что за дѣло! Его истребляютъ.—А вѣдь жизнь человѣческая истекаетъ отъ Бога: не прикасайтесь къ ней! Человѣкъ это—святыня».

***) «Среди пороховаго дыма и пара крови, когда при видѣ такого бѣдствія блѣднѣютъ звѣзды, меня увлекаетъ бѣшенство, я перестаю различать палачей отъ жертвъ, душа моя возмущается и при такихъ злодѣяніяхъ я хотѣла бы быть громомъ, чтобы ударить въ нихъ».

Du moins te poursuivant jusqu' en pleine victoire
A travers tes lauriers, dans les bras de l'histoire
Qui, séduite, pourrait t'absoudre et te sacrer,
O guerre, guerre impie, assassin qu' on encense,
Je resterai, navrée et dans mon impuissance,
Bouche pour te maudire, et coeur pour t'exécrer! *)

Однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ противниковъ войны и милитаризма оставался, въ продолженіи всей своей литературной дѣятельности, величайшій изъ лириковъ нашего вѣка, Викторъ Гюго. При всякомъ случаѣ онъ обращался къ міру съ увѣщаніями, посылая по адресу возбудившихъ кровопролитія слова негодованія и стараясь вразумить человѣчество, еще не отвыкшее отъ того, чтобы видѣть ореолъ величія, заслугъ, славы въ дѣяніяхъ, основанныхъ на убійствахъ. Въ 1867 году, по поводу парижской выставки, онъ писалъ: „Въ двадцатомъ столѣтіи народъ съ трудомъ будетъ находить различіе между побѣдоноснымъ военоначальникомъ и испачканнымъ въ крови мясникомъ. Онъ будетъ взирать на поле битвы съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ мы смотримъ на мѣста, гдѣ нѣкогда возвышались костры инквизиціи. Миръ — это Богъ; миръ — кормилецъ народовъ. Возсядемъ среди гражданъ всѣхъ странъ, ибо одна лишь борьба должна существовать на землѣ: соревнованіе въ стремленіи къ прогрессу. Народомъ XX вѣка будетъ вся великая Европа, затѣмъ и все человѣчество".

Вотъ какими чертами рисуетъ поэтъ современное положеніе человѣка: „Періодъ силы миновалъ для него навсегда. Слава сильныхъ людей оказалась изъ разсыпающагося металла. Такого рода величіе исчезаетъ въ прогрессѣ. Оно основано на власти, поддерживаемой мечемъ, на выковываніи закона изъ насилія, на отстраненіи справедливости и истины, подавляемыхъ гнетомъ совершившихся фактовъ. Теперь, при видѣ величія столь сомнительнаго достоинства, люди пожимаютъ плечами. Шумливые герои, правда, и доселѣ сбиваютъ съ толку человѣческій разумъ, но, очевидно, начинаютъ уже его утомлять. Разсудокъ, при видѣ ихъ,

*) «Но при безсиліи моемъ, я всетаки преслѣдую тебя, о война, о прославляемый убійца, преслѣдую среди самой побѣды и въ объятіяхъ исторіи, которая соблазняется тобой и можетъ тебя простить и прославить: я, пораженная горемъ, преслѣдую тебя словомъ проклятія и ненавистью сердца».

долго закрывалъ глаза и затыкалъ уши въ виду убійствъ, именуемыхъ сраженіями. Время великихъ убійствъ прошло. Отнынѣ выросшее и сознавшее себя человѣчество желаетъ обходиться безъ нихъ. Пушечное мясо стало размышлять и ему уже не льститъ роль приносимыхъ жертвъ".

Въ современной нѣмецкой литературѣ, не смотря на недавнія побѣдныя торжества, способствовавшія увлеченію Германіи шовинизмомъ, нерѣдко появляются поэтическія произведенія, въ которыхъ о военныхъ подвигахъ упоминается не иначе, какъ съ ироніей и болѣзненнымъ чувствомъ стыда за совершенныя и совершаемыя жестокости. Изъ одного такого произведенія, принадлежащаго извѣстному поэту Роберту Гаммерлингу, мы заимствуемъ слѣдующія строфы:

„Schar um Schar entsendet
Zum Schanzensturm der Feldherr. Sie gehorchen,
Sie ziehen stumm dahin, gleichgiltig fast.
Wie Schlächter, Henker ziehn an's Tagewerk" *).

Другой современный поэтъ, Эрнестъ Вильденбрухъ, высказывается не менѣе презрительно по отношенію къ военнымъ доблестямъ:

„Dass der allergrösste,
Erfindungsreichste Meister in der Kunst
Des Tötens ist der Mensch, und dass er nicht,
Wie Tiger etwa, nur an Einzelmord
Sich labt, vielmehr am liebsten würgt in Massen
Und seinesgleichen" **).

Въ послѣднее время краснорѣчивою проповѣдницею мира и противницею войны съ большимъ успѣхомъ выступила талантливая романистка Берта Суттнеръ. Прекрасно написанный, въ формѣ повѣсти, трактатъ этой писательницы «Die Waffen nieder» переведенъ на всѣ европейскіе языки, а въ Германіи заголовокъ произведенія этой писательницы сдѣ-

---

*) «Дружину за дружиной высылаетъ полководецъ на штурмъ окоповъ. Люди идутъ послушно, молчаливо, какъ бы равнодушно. Онъ, какъ мясникъ, какъ палачъ, принялся за обычное дѣло».

**) «Величайшій, самый изобрѣтательный въ искусствѣ убивать, это – человѣкъ; притомъ онъ тѣшится не единичнымъ убійствомъ, какъ тигръ, но убоемъ массовымъ и существъ ему подобныхъ».

лался лозунгомъ цѣлаго направленія въ литературѣ и именемъ «Die Waffen nieder», между прочимъ, названъ новый ежемѣсячный журналъ, сколько извѣстно, весьма распространенный и поставившій себѣ цѣлью сосредоточеніе въ изданіи всего касающагося развитія и осуществленія идеи вѣчнаго мира.

Извѣстно, однако, что, не смотря на значительное число поборниковъ и пропагандистовъ идеи всеобщаго замиренія народовъ, противники ея въ послѣднее двадцатипятилѣтіе тоже не дремали. Однако, никто изъ ученыхъ соціологовъ, историковъ, философовъ, беллетристовъ и поэтовъ (кромѣ недавно умершаго профессора Трейчке) не рѣшился возразить противъ мнѣнія Дж. Дрэпера, по которому „нѣтъ большаго литературнаго преступленія, какъ возбужденіе ненависти соціальной, національной и особенно теологической". Никто не оспаривалъ и того, что „ради собственнаго достоинства литературное общество не должно терпѣть въ своей средѣ такихъ безобразій" *).

Если къ этому прибавить, что почти во всѣхъ европейскихъ кодексахъ существуютъ статьи, воспрещающія возбуждать вражду между разнородными частями государства, то будущимъ поколѣніямъ покажется почти невѣроятнымъ фактическій успѣхъ тѣхъ способовъ, какими пользовался бисмарковскій «Reptilienfond» для привлеченія журналистовъ-кондотьеровъ къ дѣлу, по цѣли прямо противуположному примиряющимъ стремленіямъ огромнаго большинства европейскихъ писателей.

Между писателями, съ особеннымъ талантомъ и усердіемъ боровшимися противъ войны, едва ли не первое мѣсто принадлежитъ Л. Н. Толстому. И какъ публицистъ, и какъ беллетристъ, онъ немало содѣйствовалъ ознакомленію читателей съ отрицательными сторонами военнаго дѣла. Въ качествѣ непосредственнаго очевидца, онъ описывалъ походы и сраженія, побѣды и бѣдствія съ тою реальностью, какой могъ достигнуть лишь его громадный талантъ. Въ цѣлой серіи литературныхъ произведеній онъ неутомимо разоблачалъ военное дѣло отъ всѣхъ поэтическихъ прикрасъ, въ какія доселѣ лѣтописцы, поэты и разсказчики всѣхъ странъ считали нужнымъ облекать военныя похожденія своихъ героевъ.

---

*) Джонъ Дрэперъ, «Исторія умственнаго развитія Европы», т. II, стр. 633.

Не отступая ни на шагъ отъ истины, авторъ излагаетъ сущность войны, въ картинахъ безконечнаго ряда дикихъ жестокостей, человѣческихъ страданій и смертоубійствъ. Въ художественномъ же отношеніи выше его „Войны и мира“ едва ли можно поставить хотя одно литературное произведеніе во всей европейской литературѣ новѣйшаго времени.

Капитальное твореніе Эмиля Золя „la Débâcle“, написанное на сюжетъ франко-германской войны, трактуетъ предметъ тоже съ точки зрѣнія порицанія дикихъ обычаевъ, порождаемыхъ и въ наше время, всякій разъ, лишь только начинается взаимная травля народовъ. Страшныя и безцѣльныя страданія, какимъ подвергаются люди, приносимые въ жертву во имя предразсудка, будто кровопролитія неизбѣжны, представлены въ этомъ романѣ во всей наготѣ. Авторъ изображаетъ, напримѣръ, какъ совершенно обыкновенный, средній человѣкъ, подъ впечатлѣніемъ происходящихъ на его глазахъ убійствъ, невольно свирѣпѣетъ, превращается въ дикаго звѣря и бросается на ближняго, подстрекаемый уже создавшимся въ немъ внутреннимъ побужденіемъ. Забывается всякая добродѣтель, никто не помнитъ, во имя чего происходитъ смертоубійство, и, вмѣсто пресловутаго самопожертвованія, выдвигается на сцену физическая сила и инстинктъ самосохраненія въ самой грубой формѣ, ужасныя въ своей сущности и отвратительныя по послѣдствіямъ. Тріумфомъ ихъ является истребленіе всего того, что люди пріобрѣтаютъ долговременнымъ трудомъ, стараніемъ многихъ поколѣній. Картины и лица, выводимыя въ романѣ Золя, оставляютъ въ читателѣ тѣмъ болѣе сильное негодованіе противъ войны, что самъ авторъ относится къ ней вполнѣ объективно. Представитель современнаго литературнаго реализма высказалъ по этому поводу свой взглядъ, въ сущности даже весьма недалекій отъ полнаго оправданія военныхъ кровопролитій. „Я нахожу войну—сказалъ Золя—роковой необходимостью. Неизбѣжность ея возникаетъ изъ тѣсной зависимости природы человѣка отъ природы всего существующаго“. Натурализмъ Золя, такимъ образомъ, переноситъ цѣликомъ законъ дарвиновской „борьбы за существованіе“ въ общественную жизнь человѣка и полагаетъ, что въ этой борьбѣ заключается высшее право, непереступимое даже для самой высокой цивилизаціи.

Такими же представляются и убѣжденія другаго французскаго беллетриста, Жюля Кларети, извѣстнаго своими пре-

восходными историческими разсказами изъ эпохи борьбы 1870 года. Сердце автора постоянно возмущается при воспоминаніи о проявленіяхъ варварства въ наше время, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Его простыя, правдивыя документальныя свидѣтельства жестокихъ безчинствъ, совершавшихся въ недавнюю эпоху столкновенія между двумя образованными націями, нельзя читать безъ содроганія. По нимъ можно бы было заключить, что этотъ писатель—безусловный противникъ войны; и однако, изъ разсужденій его оказывается, что онъ не рѣшается высказать своего окончательнаго приговора о войнѣ. Скептицизмъ, сомнѣніе относительно возможности искать справедливости помимо кровавыхъ способовъ войны, беретъ верхъ надъ всѣми иными соображеніями.

„Шпіонство, предательство, засады, обманы всякаго рода—въ войнѣ все дозволено, говоритъ этотъ писатель *). Прибавьте къ этому грабежъ, убійства, поджоги. Война узакониваетъ всякое преступленіе. У ней свой словарь: воровство на ея языкѣ называется реквизиціей, удачныя и чудовищныя убійства—побѣдой. Едва ли когда нибудь съ точностью можно будетъ опредѣлить всю сумму нравственнаго вреда, претерпѣваемаго человѣчествомъ вслѣдствіе всего, напримѣръ, десятимѣсячной войны. Усвоенная міромъ честность сокращается значительно. Мяснику всегда легче пролить кровь, чѣмъ земледѣльцу. Пріученные къ убійству — убиваютъ. Большое зло, если въ человѣкѣ просыпается дремлющій тигръ. Это не пародоксъ и не преувеличеніе. Множество дикихъ инстинктовъ, скрывается въ груди человѣка и всѣ они воскресаютъ отъ запаха пороха, среди смятенія и грома битвъ“.

„Война — далѣе говоритъ тотъ же писатель — стала ужаснѣе и отвратительнѣе прежняго съ тѣхъ поръ, какъ она попала въ распоряженіе механизма цивилизаціи, пользующагося ею для своихъ видовъ. Довольно хоть одинъ разъ своими глазами видѣть эти кучи убитыхъ и раненыхъ, которыми наполняютъ вагоны, которыхъ тащатъ на носилкахъ и перевозятъ въ омнибусахъ, чтобы понять всѣ ужасы взаимной рѣзни. Все, что въ мирное время служило ко благу или утѣшенію человѣка, вдругъ становится враждебнымъ ему и получаетъ окраску злѣйшей ироніи. Въ сраженіяхъ преж-

*) Jules Claretie, «La guerre nationale».

нихъ временъ всѣ безчисленныя преступленія, все кровопролитіе обыкновенно совершались подъ прикрытіемъ густаго пороховаго дыма. Но лишь дымъ разсѣевается, поле битвы представляется во всемъ своемъ безобразіи. Все возмутится въ васъ, если вы его увидите, не только совѣсть, но и простыя чувства — зрѣніе, обоняніе... Нѣтъ такого существа между людьми, которое не было бы подавлено ужасающимъ впечатлѣніемъ вида этого поля, а между тѣмъ ему-то, этому полю битвы и будутъ потомъ посвящены восторженныя описанія поэтовъ и художниковъ".

Однако, въ другомъ мѣстѣ тотъ же Кларети пишетъ: „Къ несчастію міромъ не управляютъ ни филантропы, ни философы; поэтому слѣдуетъ почитать большимъ счастіемъ, что границы наши охраняются солдатами, ибо доселѣ они представляютъ собою наиболѣе вѣрную гарантію для всѣхъ насъ драгоцѣннаго мира. Миромъ можетъ наслаждаться лишь тотъ, кто силенъ и рѣшителенъ".

Человѣчество въ своемъ, хотя и медленно подвигающемся, но непрерывномъ развитіи, постепенно созрѣваетъ къ воспринятію новыхъ истинъ, и когда наступитъ извѣстный моментъ, то уже никакія препятствія, никакой консерватизмъ, не въ силахъ бываютъ удержать прежнія понятія. Нынѣшніе безпрестанные и вдохновенные протесты противъ войны, даже такихъ людей, которые не предвидятъ возможности ея окончательнаго упраздненія, не доказываютъ ли приближеніе той эпохи, когда кровавыя столкновенія станутъ рѣшительнымъ анахронизмомъ, когда всякая попытка обращенія къ помощи оружія для рѣшенія международныхъ вопросовъ будетъ встрѣчаться презрѣніемъ всего міра?

Философы гораздо ранѣе поэтовъ пришли къ заключенію, что война безнравственна въ самой своей основѣ. То, что высказывали и доказывали Монтань и Паскаль въ XVI столѣтіи, нашло отзвукъ лишь въ поэзіи 19-го вѣка. Отрицательное отношеніе къ войнѣ хотя и встрѣчается въ духовныхъ гимнахъ, созданныхъ во времена христіанства до крестовыхъ походовъ, но въ этихъ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу война изображается какъ нѣчто независимое отъ воли человѣка, неотразимое, ниспосылаемое Провидѣніемъ на людей въ видѣ заслуженной кары, наравнѣ съ моромъ, гладомъ, потопомъ и иными бѣдствіями, на которыя въ тѣ времена воля человѣка не пыталась воздѣйствовать. Война разсма-

тривалась какъ стихiйная сила и, слѣдовательно, она не могла въ то время подлежать этической оцѣнкѣ, наравнѣ съ произвольными людскими дѣянiями. Понятiя объ отвѣтственности за поводъ къ войнѣ возникли гораздо позже и чуть ли не впервые формулированы въ дипломатическихъ актахъ, налагавшихъ наказанiе, въ видѣ контрибуцiй и проч. (впрочемъ, всегда только на побѣжденную сторону). Это понятiе объ отвѣтственности за войну, однако, крѣпко запало въ душу человѣческихъ обществъ и, постепенно распространяясь, развиваясь и усиливаясь, дало, наконецъ, столь очевидные результаты, что между современными писателями и художниками почти нельзя указать такихъ, которые бы къ войнѣ не относились отрицательно.

Каждая новая идея, брошенная въ умы, говоритъ одинъ англiйскiй мыслитель, проходитъ три стадiи своего развитiя: въ первой она большинству представляется нелѣпостью, во второй она начинаетъ казаться опасной, а въ концѣ концовъ кажется, будто ее всегда всѣ знали.

Но время прохожденiя этихъ стадiй весьма неравномѣрно, и особенной продолжительностью отличаются стадiи въ отношенiи идей, захватывающихъ область нравственныхъ понятiй человѣка. Медленность прогресса нравственныхъ понятiй, въ связи съ совершенствованiемъ самой природы человѣка, справедливо приравнивается къ геологической постепенности образованiя земной коры. Неудивительно поэтому, что познанiе точныхъ законовъ эволюцiи, видоизмѣняющей этическiя воззрѣнiя человѣческихъ обществъ въ различныя эпохи, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ проблемъ, разрѣшить которыя суждено лишь будущимъ отдаленнымъ поколѣнiямъ.

Что касается собственно идеи о возможности прекращенiя кровавыхъ столкновенiй между народами, то хотя она и не далеко ушла отъ разряда благихъ пожеланiй, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ движенiя человѣческой мысли, въ этихъ желанiяхъ и мечтахъ уже явственно обнаруживаются признаки, свойственные всякому возрастающему стремленiю. Къ такимъ признакамъ слѣдуетъ отнести измѣнившiяся направленiя современныхъ творцовъ всѣхъ видовъ произведенiй искусства. Военные побѣдители рѣже и рѣже служатъ имъ темой идеальныхъ изображенiй жизни человѣческой. Поэзiя и живопись, еще недавно искавшiя и находившiя идеалъ

красоты въ битвахъ, воспроизводятъ послѣднія въ смыслѣ наиболѣе яркихъ уликъ низменности человѣческой природы. Таланты прежнихъ писателей и художниковъ, рисуя увлекательными красками поле брани, не мало содѣйствовали восторженнымъ взглядамъ на войну и вызывали страсть къ военному ремеслу.

Въ наше время рѣшительный поворотъ въ этическихъ понятіяхъ о войнѣ замѣчается не только въ литературѣ, но и въ живописи.

На парижской выставкѣ 1867 года посѣтители восхищались произведеніями Артура Гроттгера, изъ которыхъ извѣстная серія картинъ «Долина слезъ» пріобрѣтена австрійскимъ императоромъ, а снимки имѣются повсюду. Это рядъ картоновъ на тему страданій человѣческихъ вслѣдствіе войны. Здѣсь отнимаютъ у матери сына, тамъ плачъ жены и дѣтей, разстающихся съ своимъ кормильцемъ, который уходитъ на войну, гдѣ его ожидаетъ смерть; дальше поруганныя церкви, оскорбленныя святыни, а тамъ убійства, грабежъ, пожары и люди, обратившіеся въ шакаловъ. Послѣ того какъ артистъ, которому геній показалъ всѣ эти темы, достойныя воспроизведенія его кистью, возвращается въ свою мастерскую, онъ видитъ, что всѣ эти ужасныя впечатлѣнія сосредоточиваются въ Еговѣ, рука котораго поднята для проклятія, чело его объято гнѣвомъ, а на устахъ презрительное восклицаніе: «о родъ людской, о племя Каина!»

Но особенно сильное впечатлѣніе произвели картины знаменитаго художника Верещагина. Участвуя лично въ русско-турецкой и туркестанской войнахъ, онъ глубоко прочувствовалъ все видѣнное въ походахъ, битвахъ и слѣдахъ разрушенія и перенесъ на полотно цѣликомъ свои помыслы и чувства.

Морицъ Брашъ, по поводу этихъ картинъ, говоритъ *): «Развѣ не можетъ показаться, что сама природа какъ бы окаменѣла отъ ужаса при видѣ человѣческихъ бѣдствій и трагизма этихъ массовыхъ убійствъ? Развѣ можетъ быть болѣе яркое свидѣтельство въ пользу идеи вѣчнаго мира?»

И дѣйствительно, каждый, кто видѣлъ эти картины, подтвердитъ мысль Браша. Экспрессія картинъ Верещагина въ высшей степени могущественна и понятна каждому. Она

*) «Мысль вѣчнаго мира въ связи съ политикой и правомъ народовъ».

хватаетъ зрителя прямо за сердце и увлекаетъ. Отъ этихъ картинъ прольются не только легко высыхающія слезы, но на всегда западутъ на умъ глубокія размышленія надъ участію подвергаемаго столь тяжкимъ страданіямъ рода человѣческаго.

Изображенные на этихъ картинахъ люди — не идеализированные герои, это самый обыкновенный народъ, повседневно и вездѣ встрѣчаемый, это наши ближніе въ самомъ прямомъ значеніи этого слова, которыхъ художникъ показываетъ въ условіяхъ самыхъ ужасныхъ, среди мукъ и смерти, среди ледянаго равнодушія природы. Живыхъ людей окружаютъ трупы, у которыхъ жизнь отнята рукою не вражескою, не преступною. Убили ихъ люди для нихъ чужіе, равнодушные, быть можетъ честные и добрые. Всѣ эти мысли мучительно преслѣдуютъ зрителя верещагинскихъ картинъ.

Одна изъ нихъ «На Шипкѣ все спокойно» представляетъ видъ мѣстности, занесенной снѣгомъ, который продолжаетъ идти, заволакивая дневной свѣтъ. Среди мертвой пустынной природы бьется одно лишь одинокое сердце солдата на часахъ. Онъ остается на ногахъ, не смотря на очевидное изнуреніе, не смотря на пронизывающій его морозный буранъ. Прислонившись кое-какъ, онъ пытается согрѣть окостенѣвшіе свои члены воспоминаніями о родной землѣ, о весенней порѣ, о родимомъ гнѣздѣ. А вѣтеръ, между тѣмъ, шумитъ и снѣгомъ заметаетъ его глубже и глубже. Простая, самая обыкновенная фигура рядового армейца привязываетъ къ себѣ зрителя до такой степени, что нельзя оторваться отъ нея, и потомъ долго чудится вамъ этотъ съежившійся отъ холода человѣкъ. Между тѣмъ, на Шипкѣ все спокойно!

На переднемъ планѣ нѣкоторыхъ изъ картинъ Верещагина видны тутъ и тамъ распростертые трупы. Здѣсь уже не видно никакой борьбы. Въ травѣ лежатъ спокойныя и суровыя лица покойниковъ, обращенныя къ небесамъ, точно послѣдняя ихъ мысль заключалась въ жалобѣ предъ престоломъ Всевышняго на несправедливое и ненужное отнятіе жизни, которая была еще такъ необходима на землѣ.

Плевненская дорога, не лишенная признаковъ цивилизаціи въ видѣ телеграфныхъ столбовъ, покрыта насквозь той страшной пылью отъ постояннаго движенія военныхъ обозовъ, которую такъ несравненно описалъ нѣкогда Л. Тол-

стой въ „Войнѣ и Мирѣ“. По ней тянется безконечный рядъ повозокъ съ ранеными. Вначалѣ, сразу нельзя понять всего грознаго зрѣлища этой смертной процессіи, но, всматриваясь въ полотно, вы увидите внутри фургоновъ такое зрѣлище, отъ котораго похолодѣетъ кровь въ вашихъ жилахъ. Вы увидите истекающія кровью раны, увидите изуродованныя части тѣлъ людей, увидите людей въ позахъ, обнаруживающихъ предсмертныя судороги. Смотря на нихъ, кажется даже, будто слышишь раздирающіе душу крики и стоны. Гораздо счастливѣе тѣ, которыхъ уже по-просту сложили около телеграфныхъ столбовъ. Здѣсь на лица и обнаженныя ноги уже усѣлись, почуявшіе новую добычу, вóроны. Они приступаютъ къ своей трапезѣ не торопливо, ибо пищи теперь для нихъ вдоволь. Въ то время, когда они примутся клевать тѣло солдата, его родные, тамъ, гдѣ-то вдали, со слезами на глазахъ, молятся о благополучномъ его возвращеніи...

Какъ ни ужасны картины знаменитаго художника, но всѣ они дышатъ голой истиной и множество живыхъ свидѣтелей всего происходившаго во время событій войны, иллюстрированной Верещагинымъ, подтвердили это своимъ болѣе или менѣе громкимъ авторитетомъ. Такъ, между прочимъ, мы находимъ подобное удостовѣреніе и въ сочиненіи К. М. Чичагова, изданномъ съ Высочайшаго соизволенія въ 1887 г. подъ заглавіемъ: „Дневникъ пребыванія Государя-Освободителя въ Дунайской арміи“. Въ немъ мы встрѣчаемъ такія же сцены и сюжеты, какія послужили темой для разработки ихъ въ живописи Верещагина.

„По дорогѣ пыль или грязь до осей колесъ. *) По ней тащится нескончаемый обозъ раненыхъ изъ повозокъ самаго разнообразнаго вида, запряженныхъ изнуренными лошадьми или волами. Больные и раненые въ лихорадочномъ жару, а тутъ еще солнце палитъ, жажда невыносимая. Въ мокрую же погоду ихъ пронизываетъ дождемъ, бѣлье и перевязки сырѣютъ насквозь. Солдаты и офицеры сидятъ или лежатъ въ повозкахъ по двое, по трое, мертвенно блѣдные, полуживые, иногда въ безсознательномъ, обморочномъ состояніи отъ боли. Большею же частью они стонутъ, извиваются, кричатъ отъ

---

*) Мы привели эти слова «Дневника», къ сожалѣнію, не дословно, такъ какъ не имѣли подъ рукой подлиннаго сочиненія г. Чичагова и намъ пришлось привести ихъ по иностраннымъ извлеченіямъ.

невыносимыхъ мукъ, особенно когда измученная лошадь станетъ, а потомъ, понукаемая, вдругъ дернетъ повозку изъ ухаба или грязи. Скончавшіеся по дорогѣ продолжаютъ пребывать рядомъ еще съ живыми. Нѣкоторые бросаются передъ собой въ горячкѣ и выкрикиваютъ непонятныя слова. Все это происходитъ на фонѣ ужасающихъ звуковъ отъ неумолкающаго скрипа колесъ, раздирающаго даже здоровые нервы".

„Очень часто на повозкѣ не видно ничего, кромѣ окровавленной солдатской шинели, а подъ нею лежитъ посинѣвшее тѣло, которое нельзя отличить отъ трупа. Ни стона, ни иного звука не слышно. Неизвѣстно, живъ ли человѣкъ. Иные поворачиваетъ голову, оглядываясь на проѣзжающихъ мимо. Но что это за взгляды! Въ нихъ и отчаяніе, и мольба, и ужасъ, и угроза. Онѣмѣвшіе отъ боли, они оцѣпенѣли отъ полнаго упадка силъ".

„На каждомъ ухабѣ раненые подвергаются мучительнымъ ударамъ другъ о друга. Нѣкоторые изъ нихъ, для уменьшенія тряски, держатся за товарища судьбы, обнимая его руками и тѣмъ удерживаясь въ одномъ положеніи".

„Исцарапанныя лица, почернѣвшія отъ кровоподтековъ, припухшія вѣки, губы, слившіяся съ носомъ и совершенно измѣнившія человѣческое лицо въ какую то безформенную массу, встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ концѣ концевъ, раненые не знаютъ, какъ имъ сѣсть, какъ лечь, перевѣшиваются на край телѣги, высовывая головы, руки, ноги. Пораженные въ грудь, не могутъ вовсе опереться".

„По сторонамъ дороги, рядомъ съ повозками идутъ пѣшкомъ раненые. У одного рука подвязана, у другого шея, у третьяго голова забинтована".

„Случается, что обозъ раненыхъ не поспѣваетъ за-свѣтло къ перевязочному пункту, и тогда ночь настигаетъ его среди дороги. Приходится остановиться и стоять до утра. Продолженіе пути угрожаетъ возможностью опрокинуть повозки, что и бывало неразъ. Легко себѣ представить, что при этомъ творится съ ранеными".

„Случается, что смотритель, призванный больнымъ, находитъ его рядомъ съ покойникомъ, который, во время агоніи, схватилъ живого человѣка за что попало, иногда въ раненое мѣсто, и такъ застылъ".

„Особенно ужасно, если дорога идетъ въ гору или съ

горы. И однако, нужно особенное счастіе, чтобы попасть хоть въ какой нибудь транспортъ. Случается, что непопавшіе въ него принуждены тащиться, съ простреѣленной ногой или израненнымъ желудкомъ, по нѣсколько верстъ до перевязочнаго пункта или госпиталя".

„А вѣдь всѣ эти мученики хотятъ жить! Между тѣмъ, въ головѣ ихъ роятся мысли, одна другой мрачнѣе и страшнѣе. То, что такъ недавно еще составляло ихъ стремленія, желанія и цѣль жизни, все это представляется имъ въ видѣ дѣтскаго сна, и только предчувствіе смерти болѣзненно сжимаетъ сердце. Нѣтъ никакой надежды, и при этомъ безотрадное одиночество. Никому изъ близкихъ неизвѣстно, что съ нимъ, никто не знаетъ, какія муки онъ претерпѣваетъ. У одного мать, у другого сестра, у третьяго жена или невѣста, у четвертаго дѣти. О, какъ хотѣлось бы взглянуть на нихъ, услышать ихъ голосъ!.. Но дѣйствительность слишкомъ безжалостна и ужасна, чтобы можно было предаваться воспоминаніямъ и искать въ нихъ облегченія отъ страданій. Все окружающее занято своими муками, никто не можетъ ни помочь ближнему, ни даже услышать стоны. Если судьба сохранитъ жизнь—впереди долгіе дни въ госпиталѣ, а тамъ, быть можетъ, калѣчество и нужда. Кого же умолять о помощи и спасеніи?!"

Невольно вспоминаются стихи русскаго поэта:

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ воюетъ онъ.... Зачѣмъ?.. *).

---

*) М. Лермонтовъ («Валерикъ»).

СОЦІАЛИЗМЪ, АНАРХИЗМЪ и ПРОПАГАНДА ПРОТИВЪ МИЛИТАРИЗМА.

«Современный умъ ненавидитъ войну; она стремится къ свободѣ, имѣющей эмансипировать и усовершенствовать трудъ!»
Кастелляръ (Lettre à Blasko).

Очеркъ развитія соціализма.

Направленные противъ войны голоса ученыхъ и усилія филантроповъ нашли уже отзывъ и въ средѣ народныхъ массъ. Разумѣется, всякая идея иначе представляется въ умѣ избранномъ, въ которомъ наука и самая привычка къ умственному труду развили способность анализа, умѣнье различать и взвѣшивать всѣ тонкости понятій, наконецъ не упускать изъ вида причинности явленій и исторической необходимости,—и въ малоразвитомъ умѣ рабочаго, дѣйствующаго въ тѣсномъ кругѣ нуждъ повседневной жизни, судящаго о всемъ, что происходитъ въ мірѣ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія личныхъ потребностей. Подобно тому, какъ солнечный свѣтъ, наполовину поглощаемый малопрозрачной средой, производитъ фантастическіе призраки, такъ точно и случайный лучъ научнаго вывода,может, при неблагопріятныхъ условіяхъ, производить иллюзіи и ошибки.

Прежде всего, умъ, неразвитый научно, не въ состояніи схватывать вещи въ ихъ отвлеченномъ значеніи, а все принимаетъ съ смыслѣ конкретномъ. Такъ, война и миръ для ума, умѣющаго мыслить, это—результаты цѣлаго ряда причинъ, которыхъ начало исчезаетъ въ туманѣ доисторическаго быта обществъ. Ученый или филантропъ, при обсужденіи вопроса о войнѣ и мирѣ, имѣетъ въ виду обѣ его стороны и, однажды придя къ собственному выводу, старается убѣдить въ немъ другихъ, опровергнуть такіе аргументы, кото-

рымъ онъ и самъ, быть можетъ, въ прежнее время поддавался, но которыхъ ошибочность ему теперь уяснилась. Простой человѣкъ, наоборотъ, останавливается только на послѣднихъ выводахъ и, однажды принявъ ихъ, вѣритъ въ нихъ безусловно, такъ что въ немъ не остается доли сомнѣнія, которая могла бы умѣрить его стремленіе къ непосредственному осуществленію вывода на дѣлѣ. Онъ не понимаетъ возможности существованія несходныхъ искреннихъ убѣжденій, но прямо подозрѣваетъ въ несогласіи злую волю.

Масса не понимаетъ, что есть вредныя общественныя явленія, которыхъ происхожденіе такъ же, какъ и средства противъ нихъ, должны быть сперва изслѣдованы. Встрѣчаясь со зломъ, масса тотчасъ ищетъ виновныхъ, готова судить тѣхъ, кого заподозритъ, и непосредственно исполнить приговоръ. Такого же рода впечатлѣніе должны были произвесть среди массъ и проникшія въ ихъ среду разсужденія на тему, что война есть величайшее зло и притомъ зло устранимое. Естественнымъ послѣдствіемъ явилось страстное требованіе возстановленія нарушеннаго общественнаго благополучія. Популяризированію взгляда, что милитаризмъ является главнымъ препятствіемъ къ достиженію массами благосостоянія, содѣйствовали ученія соціалистовъ. Два эти умственныя теченія слились, подобно тому, какъ соединяются сродные химическіе элементы, такъ что одно дополнилось другимъ. Соціализмъ представилъ идейное основаніе, а нерасположеніе къ военнымъ тягостямъ подкрѣпило соціализмъ доводомъ для всѣхъ доступнымъ и сильно дѣйствующимъ, которому нельзя отказать и въ томъ, что, именно вслѣдствіе огромнаго усиленія жертвъ на вооруженія, онъ является современнымъ.

Такъ какъ мы говоримъ о движеніи противъ войны, уже проявляющемся среди народныхъ массъ на Западѣ, а самое подготовленіе массъ къ вліянію на ходъ дѣлъ совершается тамъ при участіи соціалистическихъ союзовъ и подъ вліяніемъ провозглашаемыхъ въ нихъ ученій, то намъ необходимо бросить краткій взглядъ на самое значеніе этой новѣйшей пропаганды.

„Соціализмъ — говоритъ Эмиль де Лавелэ въ соч. „Le socialisme contemporain“ — въ разныхъ его видахъ, получилъ необычайное распространеніе. Въ формѣ стремленія къ насильственному перевороту, онъ завладѣлъ умами почти всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, а нынѣ про-

никъ уже и въ деревни; въ видѣ научной теоріи, онъ передѣлалъ политическую экономію и господствуетъ на большинствѣ кафедръ Германіи и Италіи, а подъ именемъ соціализма „государственнаго", онъ проникъ даже въ кабинеты царствующихъ лицъ; наконецъ, въ формѣ соціализма „христіанскаго", тоже ученіе утвердилось въ кабинетахъ епископовъ католической церкви, а тѣмъ болѣе—протестантскихъ пасторовъ".

Естественно, что соціализмъ, какъ умственное движеніе, охватившее, по отзыву бельгійскаго ученаго, едва ли не всѣ общественныя сферы, долженъ былъ отнестись враждебно къ господствующему въ настоящее время въ Европѣ факту, то есть къ милитаризму. Для того, чтобы объяснить взаимное отношеніе этихъ двухъ явленій, необходимо обратиться къ исторіи. Но, сверхъ того, надо еще ближе присмотрѣться къ тому, что называется собственно соціализмомъ, такъ какъ подъ этимъ названіемъ разумѣются ученія весьма различныя.

Мы, конечно, не предпринимаемъ писать ни исторіи, ни критики соціализма. Для цѣлей нашего труда будетъ достаточно привести и объяснить нѣсколько моментовъ изъ исторіи соціалистическаго движенія во Франціи и въ Германіи. Понятно, почему мы останавливаемся при этомъ на двухъ названныхъ странахъ. Дѣло въ томъ, что во Франціи, во первыхъ, возникъ современный соціализмъ, какъ ученіе, а во вторыхъ, дважды—въ 1848 и 1871 годахъ—онъ выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ на улицы, какъ страшная сила, угрожающая насильственнымъ общественнымъ переворотомъ. Невозможно имѣть увѣренности, что такая опасность не повторится во Франціи или что нѣчто ей подобное не можетъ произойти и въ какой либо иной странѣ, при кризисѣ, вызванномъ войною или слѣдующимъ за пораженіемъ. Намъ необходимо бросить взглядъ на дѣло соціализма во Франціи уже и по той причинѣ, что страна эта продолжаетъ служить очагомъ новыхъ идей и движеній, сообщающихся другимъ европейскимъ народамъ.

Что касается Германіи, то развитіе въ ней соціализма, въ смыслѣ какъ теоретическомъ, то есть въ видѣ ученія, такъ и практическомъ, т. е. въ образѣ политической партіи, представляетъ также крупныя и характерныя черты. Можно сказать, что новѣйшій, современный намъ соціализмъ, какъ экономическая доктрина, вышелъ изъ Германіи; тамъ же

ученіе это приняло разный характеръ, получило различные оттѣнки, смотря по тому, кѣмъ оно провозглашалось. Въ Германіи явился соціализмъ революціонный, профессорскій (Katheder-Sozialismus), государственный, наконецъ христіанскій. Съ другой стороны, соціалистская организація въ формѣ партіи получила именно въ Германіи наибольшее распространеніе и особую прочность. Этому способствовало фактическое существованіе въ Германіи сословнаго неравенства, несмотря на отмѣну привилегій въ законѣ, а сверхъ того и особая тягость милитаризма въ Германіи, какъ странѣ менѣе богатой, чѣмъ Франція, причемъ самое отбываніе воинской повинности въ Германіи, гдѣ начальствующія лица принадлежатъ къ особой сословной кастѣ, а въ военной сферѣ сохранили духъ старинной прусской выправки, особенно тяжело.

Въ Германіи существуетъ въ настоящее время вполнѣ правильно организованная соціалистская партія, въ которую входятъ какъ представители ея въ рейхстагѣ, такъ и рабочіе союзы. И если предположить, что гдѣ-либо власть законодательная можетъ современемъ прочно перейти въ руки представителей рабочихъ, то скорѣе всего такую гипотезу можно допустить именно для Германіи, гдѣ число соціалистовъ въ имперскомъ сеймѣ сильно возрастаетъ при каждыхъ новыхъ выборахъ; стало быть, не исключена возможность, что соціалисты современемъ составятъ большинство въ имперскомъ законодательномъ собраніи и удержатъ его за собою. Но при этомъ не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида и того, что въ германскомъ законодательствѣ участвуетъ еще и союзный совѣтъ, состоящій изъ представителей правительствъ и представляющій болѣе сильную преграду, чѣмъ французскій сенатъ. Наконецъ, наслѣдственная правительственная власть въ Германіи, съ широкими правами, все таки менѣе нуждается въ сдѣлкахъ съ парламентскими партіями, чѣмъ центральная власть во Франціи, самый составъ которой непосредственно зависитъ отъ выборовъ. Поэтому, въ Германіи, менѣе чѣмъ во Франціи, мыслима такая неожиданность, какъ случайный, временный захватъ власти соціалистами.

Итакъ, мы обратимся къ обзору соціалистскихъ движеній сперва во Франціи, затѣмъ въ Германіи.

I. Соціализмъ во Франціи.

Прежде всего, какъ опредѣлить, что такое соціализмъ? Со словомъ „соціализмъ", въ его повседневномъ употребленіи, обыкновенно соединяется понятіе о коммунизмѣ, а еще болѣе, особенно въ настоящее время, представленіе вообще о насильственномъ переворотѣ существующаго общественнаго строя.

Литтре говоритъ, что названіе «соціализмъ» можетъ быть относимо ко всякой системѣ, предлагающей проектъ такихъ общественныхъ реформъ, которыя находятся въ противорѣчіи съ естественными законами и съ нормальнымъ общественнымъ порядкомъ.

Но вслѣдствіе того, что движеніе сдѣлалось слишкомъ сильнымъ, чтобы можно было парализировать его, нѣкоторыя консервативныя партіи и даже тѣ или другія правительственныя мѣропріятія стали, какъ это укажемъ ниже, называться соціалистическими, такъ что это понятіе сдѣлалось менѣе отчетливымъ. Къ соціализму часто относятъ и всѣ проекты объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ, по собственному ли почину ихъ, или при содѣйствіи со стороны государства.

Очевидно, тутъ двѣ вещи разныя, и становится понятнымъ, почему при характеристикѣ соціализма мы встрѣчаемся со столь различными опредѣленіями.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Ф. Бастіа говоритъ прямо: „соціализмъ это—воплощеніе деспотизма", и далѣе, доказавъ, что соціализмъ ведетъ къ коммунизму, тотъ же ученый экономистъ говоритъ: „отнять у однихъ, чтобы отдать другимъ, вотъ къ чему несознательно приходятъ соціалисты-коммунисты". В. Консиderанъ же видитъ въ соціализмѣ не ту или другую опредѣленную теорію, но направленіе современныхъ умовъ, состояніе общественной атмосферы, народное стремленіе. По мнѣнію Э. де-Жирардена, соціализмомъ слѣдуетъ назвать „самую цивилизацію, сущностью его должна быть наука, какъ милосердіе есть сущность христіанства". Очевидно,

что основная идея такого и многихъ ему подобныхъ опредѣленій, высказанныхъ школой нѣмецкихъ ученыхъ, какъ напр. Шеффле, можетъ заключаться только въ томъ, что государство обязано оказывать экономическую помощь или содѣйствіе членамъ общества, въ особенности же живущимъ ручнымъ заработкомъ, которымъ слѣдуетъ доставить справедливую долю какъ труда, такъ и благосостоянія.

Чтобы хотя нѣсколько оріентироваться между столь различными понятіями и опредѣленіями того движенія, которое на Западѣ можетъ оказать нѣкоторое вліяніе на самую судьбу будущихъ войнъ, но въ особенности на полученіе средствъ для расходовъ по приготовленіямъ къ войнѣ, необходимо бросить взглядъ на прошлое.

Соціалистическія идеи и вызываемыя ими движенія не составляютъ факта временнаго и мѣстнаго. Они проявлялись эндемически на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, но въ настоящее время, вслѣдствіе современныхъ условій производительности, распредѣленія капиталовъ и образованія, уже приняли характеръ эпидемическій и угрожаютъ всему человѣчеству.

Дѣйствительно, стремленія въ смыслѣ полнаго коммунизма и хотя бы современнаго намъ соціализма проявлялись еще въ глубокой древности, но, конечно, имѣли иной характеръ. Таковы были, напримѣръ, въ древне-еврейскомъ законѣ періодическое упраздненіе долговъ и періодическій же передѣлъ землевладѣнія. Въ законодательствѣ Ликурга распредѣленіе земли на неотчуждаемые участки и возложеніе на государство продовольствованія гражданъ истекли изъ той же идеи. При этомъ появлялось вмѣшательство государства въ распредѣленіе богатства, съ цѣлью его уравненія. У буддистовъ и эссеніянъ общины, которыхъ члены, ставъ внѣ окружающаго ихъ населенія, живутъ вмѣстѣ, вмѣстѣ работаютъ и молятся, представляютъ уже начало коммунистическое.

Земледѣльческія общины, ремесленныя артели, цехи и гильдіи, съ ихъ разнообразными тенденціями, могутъ быть разсматриваемы, какъ мирныя проявленія соціалистической идеи въ теченіе среднихъ вѣковъ. Ярче она выступала среди анабаптистовъ и моравскихъ братьевъ, которые, подъ покровомъ религіознаго ученія, старались практически осуществить ее, — одни въ видѣ возстанія противъ богатыхъ классовъ и истребленія ихъ, другіе въ видѣ взаимопомощи и взаимнаго контроля.

Послѣдователями мирной теоріи Руссо о возвращеніи человѣчества къ природѣ, къ равенству, о государствѣ, основанномъ на „соціальномъ договорѣ", о правѣ законодателя передѣлывать самое общество, являются при французской революціи люди кровавыхъ дѣлъ. Маратъ, Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ прославляли идеи всемогущества государства и раздѣла имущества. Подъ вліяніемъ тѣхъ же идей уравненія, Бабефъ провозгласилъ уже прямо начало безусловнаго коммунизма; основанная имъ „секта равныхъ" приближаетъ насъ уже къ коммунизму въ его новѣйшей формѣ, которая представляетъ собой отрицаніе свободы личности и ведетъ къ упраздненію ея свободной дѣятельности.

Но послѣ коммунизма, стремившагося къ общности во имя уравненія, явилось новое, болѣе сложное ученіе, которое уже присвоиваетъ себѣ значеніе науки о лучшемъ строѣ соціальнаго быта, а потому и называетъ себя „соціализмомъ". Названіе это недавнее. Первымъ на этомъ пути выступилъ графъ Сенъ-Симонъ, за нимъ французскіе же публицисты: Фурье, Луи Бланъ и Прудонъ, а за ними уже усвоили себѣ тоже названіе нѣмецкія секты того же ученія. Графъ Сенъ-Симонъ, потомокъ автора извѣстныхъ мемуаровъ о царствованіи Людовика XIV, на 19 году жизни сражался за освобожденіе Америки и былъ произведенъ Вашингтономъ въ полковники республиканской арміи. Онъ посвятилъ себя основанію научной школы съ цѣлью общественнаго обновленія, причемъ, издержавшись на пропаганду, и на барскую жизнь, онъ въ концѣ концевъ принялъ должность въ городскомъ ломбардѣ съ жалованьемъ въ 1 тыс. франковъ. Сенъ-Симонъ издалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ развивалъ свои идеи: „Lettres d'un habitant de Genéve à ses contemporains", „Introduction aux travaux scientifiques du dix-neuvième siècle", „Science de l'homme", „Nouveau christianisme". Въ концѣ жизни онъ пришелъ къ совершенной бѣдности и послѣ попытки самоубійства жилъ помощью пріятелей.

Приведемъ характерныя противопоставленія Сенъ-Симона. «Доселѣ,—говоритъ онъ,—человѣкъ эксплоатировалъ человѣка; владѣльцы и рабы, патриціи и плебеи, господа и ихъ подчиненные, землевладѣльцы и съемщики участковъ, люди праздные и люди рабочіе—вотъ прогрессивная исторія человѣчества до нашихъ дней. Будущностью же нашей должна быть—всеобщая ассоціація. Каждому по мѣрѣ его способности

и его труда—вотъ тотъ новый законъ, который смѣнитъ собой права по завоеванію и рожденію. Собственность и наслѣдство составляютъ привилегіи, которыя должны исчезнуть. Капиталъ во всѣхъ его видахъ и орудія труда должны перейти въ руки работающихъ". Сенъ-Симонъ выдвигалъ на первый планъ всемогущество государства. Умъ этого мыслителя былъ синтетическій, и нельзя отказать ему въ глубинѣ, несмотря на увлеченіе его совершенно произвольными фантазіями. Впрочемъ, Сенъ-Симонъ оставался въ области теоріи, не предлагая практической формы для переустройства общества.

Такую форму Фурье́ указалъ въ своемъ „фаланстерѣ", т. е. въ рабочемъ общежитіи, которое служило бы клѣточкой всего общественнаго организма. Между Сенъ-Симономъ и Фурье та разница, что первый былъ и остался „бариномъ", а второй прямо называлъ себя „лавочнымъ приказчикомъ". Сравнивая ихъ по сущности идей, надо сказать, что Фурье не былъ коммунистомъ, какъ Сенъ-Симонъ; въ фаланстерахъ прибыль должна была распредѣляться соразмѣрно внесенному капиталу, количеству приложеннаго труда и цѣнности этого труда (личнымъ способностямъ и силамъ), при чемъ нѣсколько бо́льшая доля признавалась за количествомъ труда, средняя— за капиталомъ, а нѣсколько меньшая—за личной способностью. И такъ, собственно экономическая идея фаланстера заключалась именно въ общинной предпріимчивости и общинномъ трудѣ, но безъ устраненія личной собственности.

Оба эти писателя, хотя были утопистами, но несомнѣно дали толчекъ новому, болѣе всестороннему обсужденію экономическихъ вопросовъ. Ими уже были высказаны и главныя изъ тѣхъ идей, отъ которыхъ отправлялись дальнѣйшіе теоретики соціализма. Оба они, вмѣстѣ съ Луи Бланомъ и Прудономъ, предшествовали второй французской революціи (1848 г.) и должны быть разсматриваемы какъ главные внушители того соціалистическаго движенія, которое, наконецъ, въ 1848 г. выразилось въ кровавомъ мятежѣ на улицахъ Парижа. Представителемъ основныхъ мыслей Фурье вторая республика застала Консидерана; онъ послѣ государственнаго переворота отправился съ группою своихъ приверженцевъ въ Техасъ и долго работалъ надъ руководительствомъ основаннаго имъ тамъ фаланстера, который, однако, окончился неудачею. Другимъ вождемъ соціализма во время той же республики явился

Луи Бланъ, который стоялъ выше Консидерана, какъ самостоятельный соціологическій мыслитель и вмѣстѣ историкъ.

Соціальной «клѣточкой» у Луи Блана, вмѣсто фаланстера, служила «національная мастерская» то-есть союзы всѣхъ производителей и рабочихъ въ каждой области труда, вмѣстѣ съ общимъ ихъ союзомъ въ государствѣ. Отъ государства онъ не требовалъ надзора за этой организаціей, но ожидалъ предоставленія кредита производителямъ. Солидарность труда при помощи государства и устраненіе конкурренціи—такова была основная его идея. По этому взгляду, конкурренція составляетъ причину взаимнаго антагонизма въ обществѣ, обусловливающаго нищету. Вотъ почему личность, свободно примыкающая къ ассоціаціи рабочихъ, должна поглощаться ею, и каждый человѣкъ, «имѣя право на трудъ», долженъ въ этомъ союзѣ производить по мѣрѣ своихъ способностей и получать по мѣрѣ своихъ потребностей.

Такимъ образомъ, Луи Бланъ хотя и не требовалъ, чтобы государство силою уничтожило частную, конкурренціонную предпріимчивость, но все-таки предполагалъ, что прямое покровительство и содѣйствіе государства «національной» организаціи промысловъ (включая и земледѣльческій) убьетъ предпріимчивость разрозненную, частную. «Равенство въ правѣ на наслажденіе и благосостояніе... Если какія-либо попытки къ улучшенію быта рабочаго класса возможны, то точкою отправленія для нихъ можетъ служить только слѣдующая истинная мысль: каждому по его способности, а каждой способности по ея заслугамъ (oeuvres)». Надо замѣтить, что при этомъ Луи Бланъ не дѣлалъ различія между человѣкомъ интеллигентнымъ и неинтеллигентнымъ, между трудомъ, состоящимъ въ приготовленіи, распредѣленіи, приспособленіи матеріала, и трудомъ чисто-исполнительнымъ. Уравненіе же благосостоянія, еслибы оно и было возможно для массы, означало бы неблагосостояніе для людей выше одаренныхъ и болѣе развитыхъ.

Для осуществленія своей программы, Луи Бланъ ставилъ еще слѣдующія требованія: 1) должно быть учреждено «министерство прогресса», котораго призваніемъ будетъ выкупъ желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ, преобразованіе французскаго банка (имѣющаго нынѣ акціонерный характеръ) въ исключительно государственный банкъ, централизація въ рукахъ государства кассъ страхованія и, наконецъ, устройство довольно

сложной государственной кредитно-промысловой операціи. Послѣдняя заключалась бы въ учрежденіи государственныхъ складовъ для продуктовъ и товаровъ, съ выдачей производителямъ квитанцій (варрантовъ), которыя обращались бы на рынкѣ, представляя собой бумажныя деньги, вполнѣ, однако, гарантированныя товарами, и государственныхъ же базаровъ для торговли мелочной, точно такъ, какъ склады служили бы для торговли оптомъ. 2) Изъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, страхованій, банка, поступающихъ нынѣ въ руки частныхъ спекуляторовъ и имѣющихъ, по этому проекту, обратиться въ пользу государства, «министръ прогресса» составлялъ бы свой особый бюджетъ—«бюджетъ рабочихъ». 3) Изъ этихъ доходовъ, по оплатѣ процентовъ и погашенія упомянутой выше операціи, остальная часть была бы употребляема на ссуду капитала рабочимъ производительнымъ ассоціаціямъ и на основаніе земледѣльческихъ колоній. 4) Для того, чтобы воспользоваться этой государственной помощью, промышленныя и земледѣльческія общины рабочихъ должны быть основаны на началѣ братской солидарности, такъ что бы онѣ могли, по мѣрѣ своего развитія, пріобрѣсть капиталъ коллективный, неотчуждаемый и постоянно возростающій. Это составило бы единственно-возможное средство, «чтобы уничтожить ростовщичество и достичь того результата, чтобы капиталъ пересталъ быть элементомъ тираніи, владѣніе орудіями труда утратило бы характеръ привилегіи, кредитъ пересталъ бы быть товаромъ, благосостояніе—исключеніемъ, а праздность—правомъ».

Нѣтъ, конечно, надобности доказывать, что прежде, чѣмъ была бы осуществлена „братская солидарность“, произошла бы страшная борьба интересовъ и что, по отсутствію достаточно энергическихъ стимуловъ для правильнаго веденія предположенныхъ предпріятій, эти послѣднія перестали бы давать правильныя прибыли и обратились бы только въ средство для взиманія налоговъ, а тѣмъ самымъ оказались бы тяжелыми и для тѣхъ, чье благополучіе при этомъ исключительно имѣлось въ виду. Стало быть, и вся эта попытка создать въ государствѣ новый привилегированный классъ рабочихъ не принесла бы ожидаемой пользы.

Третьимъ изъ главныхъ представителей французской соціалистической школы, работавшей во время орлеанской монархіи и второй республики, былъ Прудонъ, котораго,

впрочемъ, и вторая имперія не тронула. Прудонъ не уступалъ Сенъ-Симону въ своеобразности и глубинѣ ума, былъ похожъ на него и тѣмъ, что оставался въ области одной теоріи, но разнился отъ главнаго своего предшественника тѣмъ, что отвергъ коммунизмъ, какъ, впрочемъ, отвергалъ и личную собственность, и былъ болѣе ученымъ экономистомъ, чѣмъ Сенъ-Симонъ.

На мѣсто собственности, которую онъ назвалъ „кражею", Прудонъ ставитъ личное пользованіе, провозглашаетъ принципъ дороваго государственнаго кредита производителямъ и поглощеніе частныхъ капиталовъ посредствомъ высокаго, прогрессивнаго подоходнаго налога. Умъ Прудона былъ, по преимуществу, полемическій; онъ отрицалъ равноправность женщинъ, возставалъ противъ идеи національностей, противъ машинъ.

Приведемъ нѣсколько строкъ изъ его опредѣленія машины. „Машину можно опредѣлить такъ: это—видъ соединенія разрозненныхъ частицъ труда, союзъ нѣсколькихъ пріемовъ, упрощеніе труда, уменьшеніе расхода, удешевленіе продуктовъ, успѣхъ производительности и общаго благосостоянія. Но она же вызываетъ и разные виды зла: прежде всего, она отнимаетъ у человѣка его трудъ и низводитъ его на работу низшую; вмѣсто того, чтобы оставаться рабочимъ, онъ уже превращается въ прислужника (domestique) машины; четыре тысячи километровъ желѣзныхъ дорогъ дадутъ Франціи прибавокъ въ 50 тысячъ крѣпостныхъ (serfs). Поставленное между стоглавой гидрой раздѣленія труда и дракономъ машины, къ чему придетъ человѣчество?". Приведя этотъ вопросъ, одинъ писатель отвѣчаетъ: „Человѣчество пойдетъ впередъ и выростетъ, если только этому не помѣшаютъ тѣ дикія революціи, которыя умѣютъ только разрушать, сами ничего не созидая" *).

Соединяя освободительныя и альтруистическія идеи, высказывавшіяся въ разныя вѣка, Прудонъ старался построить изъ нихъ позитивную соціальную теорію. Въ ней государство представляется уже только управленіемъ, призваннымъ къ охраненію свободы личностей и предоставленію имъ дѣйствительной равноправности. Власти уже нѣтъ, она почіетъ въ рукахъ каждаго гражданина и проявляется лишь

*) Guyon, «L'internationale et le socialisme».

въ тѣсныхъ границахъ территоріальной общины. Раздѣленіе на государства исчезаетъ и народы живутъ въ братствѣ: имъ нечего защищать, такъ какъ повсюду царствуетъ справедливость, истекающая изъ равноправности, и собственности нѣтъ.

Одновременно движеніе въ томъ же направленіи началось и въ Англіи. Представителемъ его явился Робертъ Оуэнъ. Онъ еще въ 1811 году требовалъ государственнаго вмѣшательства для покровительства рабочимъ, для опредѣленія закономъ максимума рабочихъ часовъ въ днѣ. Съ этимъ предложеніемъ онъ въ 1818 году обратился въ просьбѣ къ монархамъ, собравшимся на конгрессъ въ Ахенѣ. Въ то же время Оуэнъ обращалъ вниманіе рабочихъ на огромное значеніе начала коллективности, на необходимость ассоціацій рабочихъ, принципу которыхъ онъ далъ названіе «cooperation», вошедшее въ общее употребленіе. Перейдя отъ ученія къ дѣлу, Оуэнъ сталъ агитаторомъ и организаторомъ рабочихъ обществъ; при помощи восторженныхъ приверженцевъ, онъ первый вызвалъ въ Англіи то кооперативное движеніе, которое привело къ учрежденію множества рабочихъ обществъ и союзовъ. Не только среди радикальной партіи, которая прозвала его «патріархомъ разума», но сперва и въ англійской аристократіи Оуэнъ нашелъ горячихъ приверженцевъ. Вскорѣ, однако, вслѣдствіе крайнихъ взглядовъ, какіе сталъ высказывать Оуэнъ, приверженцы изъ высшихъ классовъ признали ученіе его опаснымъ и отпали отъ него, послѣ чего Оуэнъ и обращался уже исключительно только къ рабочимъ классамъ.

Всѣ эти теоріи и мечты, имѣвшія цѣлью улучшеніе быта трудящихся классовъ, производили значительное вліяніе на настроеніе во Франціи въ періодъ 1830—1850 годовъ и разжигали страсти. При республикѣ, какъ мы уже напоминали, онѣ, при всемъ своемъ взаимномъ несогласіи, вызвали весьма серьезное возстаніе парижскихъ рабочихъ. Правительство республики, въ первые же мѣсяцы, желая занять рабочихъ, въ виду наступившаго застоя въ промышленности, сдѣлало попытку организаціи народнаго труда и устройства „національныхъ мастерскихъ“, по образцу Луи Блана. Какъ извѣстно, эти мастерскія не только не удались, но вызвали даже нѣкоторыя забавныя явленія. Впрочемъ, надо замѣтить, что такъ какъ временное правленіе респуб-

лики 1848 года состояло изъ умѣренныхъ республиканцевъ, а не соціалистовъ, и видѣло въ учрежденіи національныхъ мастерскихъ только уступку, имѣвшую цѣлью удовлетворить соціалистовъ на первое время, то дѣло не велось ни искренно, ни сколько нибудь серьезно. По крайней мѣрѣ, Луи Бланъ всегда протестовалъ противъ тогдашняго приступа къ осуществленію его идеи.

Но соціализмъ въ то время во Франціи былъ моднымъ, такъ что его идеямъ болѣе или менѣе подчинялись писатели весьма различныхъ направленій, какъ Шатобріанъ, Беранже, Викторъ Гюго, Ламменэ, Жоржъ Сандъ, Эженъ Сю, Лашамбоди и др. Недаромъ Гейне писалъ: «на сторонѣ соціализма та выгода, что ученіе это дѣйствуетъ на великіе умы, между тѣмъ какъ противники приводятъ противъ него только общія мѣста и сами не вѣруютъ въ свои основы».

И за границами Франціи, въ западной Европѣ, представители и популиризаторы идей соціализма всѣ группировались, въ то время, около той или другой изъ французскихъ школъ этого ученія или старались сочетать тѣ или другія его разновидности. Таковы были: въ Бельгіи—Демёръ, Кастіо, Эленсъ, Жераръ, Матве, Спильторнъ; въ Швейцаріи—Гриссъ-Траутъ и Бюркли; въ Испаніи — Абреу и де Беллэ; въ Италіи—Леви; въ Даніи—Дрейеръ.

Кровавые іюньскіе дни и страхи передъ дальнѣйшими возстаніями соціалистовъ бросили Францію въ объятіи претендента Людовика-Наполеона, избраннаго президентомъ республики. Государственный переворотъ и созданная имъ вторая имперія уничтожили соціалистовъ, какъ политическую партію, на долге время и даже отвлекли общественное вниманіе во Франціи отъ ихъ теорій. Знамя соціалистическаго ученія было поднято уже вновь внѣ Франціи. Проповѣдниками соціализма, въ новомъ его направленіи, явились: Марксъ, Лассаль, Бакунинъ, Коллинсъ, Шэффле, Грэгемъ, Рускинъ и др. Новое направленіе представилось въ томъ, что соціализмъ сошелъ съ облаковъ гуманитарности и безсловной справедливости на поле практической борьбы и анялся организаціею своихъ силъ.

„Франція—писалъ Пельтанъ въ своей книгѣ „Nouvelle Babylone“ — перестала мыслить... даже забыла то, о чемъ мыслила... порывъ налетнаго вѣтра почти погасилъ ея душу.“ Вторая имперія, какъ извѣстно, была господствомъ грубой

силы, торжествомъ плутократіи и общественной деморализаціи. Но эти же явленія подкапывали ея будущность и когда грубая сила впала въ роковую ошибку самомнѣнія и торжествующій непріятель вступилъ на территорію Франціи, то почва подъ имперіею немедленно всколыхнулась, такъ что зданіе ея исчезло въ одинъ день.

И вотъ, въ результатѣ неуспѣшной „національной обороны", въ Парижѣ вновь возстали соціалисты и парижская „коммуна", то есть городская община, превратилась въ правленіе воинствующаго соціализма. Коммуна, однако, не издала ничего, даже не представила приступа къ какой-нибудь созидательной работѣ. Вообще, исторія показываетъ, что каждая попытка произвести внезапный переворотъ въ существовавшемъ общественномъ строѣ встрѣчала отпоръ со стороны самой общественной силы, которая далеко превосходила усилія ниспровергателей. Разсматривая ходъ общественной борьбы въ разныя времена, нельзя не прійдти къ тому заключенію, что успѣшныя преобразованія всегда принимали за основаніе порядокъ, въ данное время существующій, и перерабатывали его путемъ постепеннаго усовершенствованія; всѣ же такія теоріи, каковъ бы ни былъ ихъ принципъ, которыя стремились къ внезапному и полному перевороту данныхъ общественныхъ условій, оказывались совершенно безплодными; такими же, по мнѣнію всѣхъ глубже вникающихъ умовъ, онѣ окажутся и въ будущемъ.

Зато, дѣло разрушенія, которое было предпринято коммуной, вызвало крайне жестокія мѣры при ея подавленіи и эти-то мѣры послужили для соціалистовъ въ иныхъ странахъ поводомъ къ заявленію коммунѣ сочувствій. Соціалистическое движеніе вдругъ получило толчокъ въ разныхъ странахъ.

Въ самомъ Парижѣ соціалисты стали окружать героевъ коммуны ореоломъ мученичества и „майская годовщина" въ сборищахъ на кладбищѣ Пэръ-Лашезъ, въ произносимыхъ тамъ рѣчахъ, стала принимать характеръ какого-то культа. Въ этихъ-то фанатическихъ рѣчахъ и въ статьяхъ соціалистскихъ газетъ по поводу майскихъ годовщинъ сѣялись тѣ сѣмена, изъ которыхъ впослѣдствіи возникли покушенія Равашоля, Валльяна и имъ подобныхъ.

Для характеристики приведемъ образчикъ этихъ фанатическихъ протестовъ. Это — отрывки изъ манифеста, помѣ-

щеннаго въ одной газетѣ *) въ годовщину „Кровавой Недѣли“.

Осыпая бранью „версальцевъ“, то есть правительство 1871 года, которое подавило коммуну, фанатики приравниваютъ къ „версальцамъ“ также и правительство и палаты 1893 года, конечно, за преслѣдованіе покушеній. Этотъ манифестъ или памфлетъ весь состоитъ изъ подбора ругательныхъ дополненій къ эпитету «версальцы».

«Изъ всѣхъ эпитетовъ, какими неумолимая исторія заклеймила палачей человѣчества, враговъ справедливости, трусливыя и жестокія касты, погрязшія въ злодѣяніяхъ орды, наиболѣе презрѣнія и отвращенія вызываетъ названіе *версальцы*. Версальцы — это слово означаетъ поощреніе доноса, нравственной и физической проституціи, почетъ, воздаваемый шпіонству, возведеніе лупанара на степень домашняго очага. Версальцы — это побѣда бандитовъ, поставленіе честныхъ людей внѣ закона; это сабля, торжествующая надъ книгой, униженіе науки передъ животнымъ невѣжествомъ; это побѣда церкви и казармы, отступленіе свѣта передъ мракомъ предразсудка, убійство и разореніе, смѣняющія цивилизацію»... Послѣ нѣсколькихъ десятковъ строкъ въ этомъ родѣ, заявлялось, что рабочіе пойдутъ справлять на кладбищѣ кровавую годовщину для того, чтобы тѣмъ выразить презрѣніе къ „версальцамъ“ 1893 года, которые не лучше Тьера, Фавра, Галлиффе и „другихъ подобныхъ Мак-Магоновъ 1871 года“, а именно — презрѣніе „къ министрамъ этой плачевной республики, къ сборищу мерзавцевъ, засѣдающихъ въ дворцахъ Бурбонскомъ и Люксембургскомъ (палаты), къ сонму мошенниковъ и продажныхъ душъ и враговъ соціальной справедливости“.

Это — только образчикъ того тона, которымъ говорятъ агитаторы, возбуждая рабочихъ противъ существующаго порядка и противъ всякой власти вообще. Но наряду съ подобными обращеніями къ страстямъ и съ покушеніями, началась и во Франціи работа болѣе серьезная, систематическое стремленіе соціалистовъ къ пріобрѣтенію большинства на выборахъ, посредствомъ распространенія теорій общественнаго переворота въ массахъ, съ цѣлью завладѣть властью. Подобная перспектива во Франціи можетъ, пожалуй, предста-

*) «Le Parti Ourrier» (26—27 mai 1893).

виться болѣе близкою, чѣмъ въ Германіи; но зато въ Германіи организація соціалистовъ крѣпче и успѣхи ихъ при каждыхъ новыхъ всеобщихъ выборахъ, по крайней мѣрѣ доселѣ, шли быстрѣе.

Именно въ послѣднее время, то есть, съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи уже образовалось и держалось нѣсколько мѣсяцевъ министерство радикальное, выступившее съ проектомъ подоходнаго налога, и пало только подъ ударомъ сената, трудно предвидѣть результатъ слѣдующихъ выборовъ. Онъ будетъ зависѣть отъ того, какой кабинетъ будетъ руководить выборами, и если эта роль достанется кабинету радикальному, который искалъ бы опоры у соціалистовъ противъ умѣренной, хотя и республиканской буржуазіи, то соціалисты могли бы сразу получить въ новой французской палатѣ такую силу, какую они не такъ еще скоро могутъ пріобрѣсть въ германскомъ рейхстагѣ. Именно въ виду выясненія этого вопроса, мы и сочли необходимымъ подробнѣе указать на разныя средства борьбы къ какимъ прибѣгаютъ агитаторы, и въ соотвѣтственныхъ главахъ нашего труда остановиться на разныхъ видахъ ведущейся пропаганды: противъ капитала, противъ существующей податной системы, противъ патріотизма и противъ милитаризма.

Коммуна 1871 года случайно послужила поводомъ къ распространенію во Франціи воззрѣній Маркса. Малу указываетъ на слѣдующій фактъ *). При подавленіи коммуны и въ первое время послѣ этой борьбы, печать и ораторы „версальцевъ“ старались оправдать жестокость побоища, многочисленность разстрѣляній и пытокъ—возведеніемъ на коммуну всевозможныхъ, отчасти и измышленныхъ, обвиненій. Однимъ изъ послѣднихъ представлялось утвержденіе, будто коммуна была орудіемъ нѣмцевъ и имѣла цѣлью разрушеніе Франціи. И вотъ, когда у одного изъ членовъ коммуны было найдено письмо Карла Маркса, то „версальская“ печать набросилась на это обстоятельство, какъ на подтвержденіе сношеній коммуны съ нѣмцами. „Вскорѣ узнали—говоритъ Малу (тѣмъ самымъ неумышленно выдавая невѣжество французскихъ газетъ относительно другихъ странъ)—что Марксъ былъ однимъ изъ основателей «Интернаціоналя» и самымъ вліятельнымъ изъ ея делегатовъ, наконецъ, что онъ—авторъ

*) Malon. «Précis du socialisme»

наиболѣе ученаго и наиболѣе самостоятельнаго изъ всѣхъ сочиненій, вызванныхъ новѣйшимъ соціализмомъ. Такимъ образомъ, и авторъ, и его трудъ внезапно сдѣлались знаменитыми (т. е. во Франціи)».

Воинствующему французскому соціализму наиболѣе наруку были именно такія воззрѣнія Маркса, «что капиталистическое производство поглощаетъ мелкое; что въ Европѣ и Америкѣ оно лишило самостоятельнаго промысла цѣлые милліоны хозяевъ-ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и землевладѣльцевъ; что машина, это орудіе труда, обратилась въ оружіе капитала противъ рабочихъ классовъ, лишающее ихъ средствъ къ существованію; что, заставляя однихъ работать сверхъ силъ, она тѣмъ самымъ лишаетъ другихъ труда и что крупная промышленность, стремясь къ завоеванію всемірнаго рынка посредствомъ пониженія цѣнъ, низводитъ у себя дома вознагражденіе рабочихъ до уровня проголоднаго существованія и разрушаетъ внутренній рынокъ». Изъ этого извлекался такой выводъ, что «капиталистическое производство убійственно для массы непосредственныхъ производителей, т. е. рабочихъ, разорительно для средней и мелкой буржуазіи и неспособно само управлять тѣми силами производства, которыя имъ же были созданы».

Вообще, за послѣдніе годы соціалистическое движеніе сдѣлало во Франціи значительные успѣхи. Увеличилось число такихъ большихъ городовъ, въ которыхъ соціалисты получили перевѣсъ въ составѣ муниципальныхъ совѣтовъ и состоятъ даже мэрами, какъ напр. въ самомъ Марселѣ. Сила соціалистовъ и слабость по отношенію къ нимъ правительства обнаруживаются при каждомъ столкновеніи между предпринимателями и рабочими.

Для примѣра мы укажемъ на длящійся уже три года споръ между горно-заводской компаніей въ Кармо и ея рабочими. Въ 1892 году правленіе уволило одного рабочаго, который, бывъ избранъ въ мэры соціалистическимъ большинствомъ муниципальнаго совѣта, сталъ пренебрегать работою. Рабочіе усмотрѣли въ этомъ посягательство на избирательное право и отказались работать до тѣхъ поръ, пока мэръ не будетъ снова принятъ на службу компаніи. Произошли безпорядки, при которыхъ подверглась опасности жизнь одного изъ директоровъ. Когда зачинщики подверглись судебному приговору, то рабочіе потребовали ихъ освобожденія. Споръ

былъ, наконецъ, предоставленъ на рѣшеніе президента совѣта министровъ Лубэ, въ качествѣ посредника. Лубэ рѣшилъ дѣло въ смыслѣ благопріятномъ для рабочихъ, но такъ какъ нѣкоторыя изъ ихъ требованій были имъ всетаки отвергнуты, то рабочіе не признали и всего рѣшенія. Затѣмъ, при помощи вліятельныхъ депутатовъ, они добились еще дальнѣйшихъ уступокъ. Компанію обязали принять вновь на службу уволеннаго ею работника, а осужденные за безпорядки были помилованы президентомъ республики. Безпорядки возобновлялись нѣсколько разъ и директоръ, наконецъ, былъ убитъ. Это дѣло произвело сильное впечатлѣніе и за предѣлами Франціи.

Нельзя не признать, что отношенія рабочихъ къ такъ называемымъ «правящимъ классамъ» во Франціи сильно ухудшились послѣ 1871 года. Факты говорятъ объ этомъ еще краснорѣчивѣе, чѣмъ графъ Л. Толстой объясняетъ причину, по которой недовольство рабочихъ классовъ въ наше время сильнѣе, чѣмъ оно было въ прежнія времена, хотя положеніе ихъ въ старину было несомнѣнно хуже. Приведемъ здѣсь его объясненіе.

«Они знаютъ,—говоритъ онъ,—что они въ рабствѣ и гибнутъ въ нуждѣ и мракѣ для того, чтобы служить похотямъ меньшинства, держащаго ихъ въ рабствѣ. Они знаютъ и высказываютъ это. И это сознаніе не только увеличиваетъ, но составляетъ сущность ихъ страданія».

«Древній рабъ зналъ, что онъ рабъ отъ природы, а нашъ рабочій, чувствуя себя рабомъ, знаетъ, что ему не надо быть рабомъ, и потому испытываетъ мученія Тантала, вѣчно желая и не получая того, что не только могло, но должно бы быть... Рабочій нашего времени, еслибы даже работа его и была много легче работы древняго раба, если бы онъ даже добился восьмичасоваго дня и платы трехъ долларовъ за день, не перестанетъ страдать, потому что, работая вещи, которыми онъ не будетъ пользоваться, работая не для себя, не по своей охотѣ, а по нуждѣ, для прихоти вообще роскошествующихъ и праздныхъ людей и въ частности для наживы одного богача, владѣтеля фабрики или завода, онъ знаетъ, что все это происходитъ въ мірѣ, въ которомъ признается не только научное положеніе о томъ, что только работа есть богатство, что пользованіе чужими трудами есть несправедливость, незаконность, казнимая законами, но—въ мірѣ, въ которомъ

исповѣдуется ученіе Христа, по которому мы всѣ братья, и достоинство и заслуга человѣка только въ служеніи ближнему, а не въ пользованіи имъ. Онъ знаетъ все это и не можетъ не страдать мучительно отъ этого вопіющаго противорѣчія всего того, что должно бы быть, и того, что есть.—«По всѣмъ даннымъ и по всему, что я знаю, что исповѣдуютъ всѣ», говоритъ себѣ рабочій человѣкъ, «я бы долженъ быть свободенъ, равенъ всѣмъ другимъ людямъ, любимъ; а я—рабъ, я униженъ и ненавидимъ». И онъ самъ ненавидитъ и ищетъ средствъ спастись отъ своего положенія».

„Высшіе классы — продолжаетъ тотъ же писатель — чуютъ ту бѣду, которая угрожаетъ имъ, и страхъ, который они испытываютъ, переходитъ въ чувство самозащиты и въ ненависть. Они знаютъ, что если на минуту ослабнутъ въ борьбѣ съ угнетенными ими рабами, то сами погибнутъ, потому что рабы озлоблены, и озлобленіе это ростетъ съ каждымъ днемъ угнетенія. Угнетающіе, если бы они и желали этого, не могутъ перестать угнетать. Они знаютъ, что сами погибнутъ, какъ скоро не только перестанутъ, но ослабѣютъ въ угнетеніи. Они не дѣлаютъ это, не смотря на носимыя заботы о благоденствіи рабочаго, о 8-ми-часовомъ днѣ, о запрещеніи работъ малолѣтнимъ и женщинамъ, о пенсіяхъ и вознагражденіяхъ. Все это обманъ, или забота о томъ, чтобы рабъ былъ въ силахъ работать; но рабъ остается рабомъ, и господинъ, не могущій жить безъ раба, меньше, чѣмъ когда нибудь, готовъ освободить его“.

II. Соціализмъ въ Германіи.

Въ Германіи заявленія соціалистовъ не такъ шумны и не столь страстны, какъ во Франціи. Возможность захвата ими власти въ свои руки въ близкое время въ Германіи несравненно слабѣе. Но при всемъ томъ, организація германскаго соціализма и его политика солиднѣе и серьезнѣе. Соціалистская партія во Франціи представляется преимущественно агитаторами, которые опираются на тайныя общества, распространенныя въ рабочей средѣ. Между тѣмъ, въ Германіи армія этой партіи состоитъ изъ огромнаго числа правильно устроенныхъ и состоящихъ во взаимной связи рабочихъ союзовъ,

имѣющихъ цѣлью вспоможеніе, образованіе, однимъ словомъ задачи практическія, которыя придаютъ имъ жизненное значеніе и связуютъ своихъ членовъ общими интересами. Эта армія болѣе дисциплинирована и составъ ея не случайный. Въ ней меньше предводителей, то есть агитаторовъ по профессіи, соціалистовъ-политиковъ, которые засѣдаютъ въ муниципальныхъ совѣтахъ и занимаются устройствомъ демонстрацій. Но она имѣетъ большее число убѣжденныхъ и готовыхъ дѣйствовать рядовыхъ, имѣетъ болѣе прочную организацію.

Во Франціи можетъ повториться нѣчто въ родѣ коммуны. Но это было бы опять кратковременное торжество экзальтированныхъ людей, идущихъ за фанатиками немедленнаго и рѣзкаго переворота. Въ Германіи же опасность назрѣваетъ болѣе постепенно, согласно народному характеру, болѣе систематично и едва-ли не болѣе серьезно.

Въ манифестахъ и рѣчахъ германскихъ агитаторовъ говорится гораздо менѣе объ истребленіи „враговъ справедливости" и о немедленной экспропріаціи всякой собственности. Но къ установленію „государства рабочихъ (Arbeiterstaat)", къ измѣненіямъ въ общественномъ порядкѣ рабочіе союзы въ Германіи относятся болѣе сознательно. Здѣсь не мѣшаетъ привести изъ одной рѣчи Бебеля мѣсто, которое весьма характерно для уясненія духа собственно германскаго соціалистическаго движенія.

Во время памятныхъ дебатовъ въ рейхстагѣ въ 1893 году, когда соціалисты были принуждены заявить въ общихъ чертахъ свою программу, имъ возразили, что такія цѣли могли бы быть достигнуты только путемъ страшнаго кровопролитія. Тогда Бебель согласился, что, при упорномъ сопротивленіи имущественныхъ классовъ, дѣло можетъ вызвать и кровопролитіе. Но при этомъ онъ представилъ характеристическія оговорки, которыя мы приведемъ буквально. „Однако, скажу еще разъ — заявилъ онъ — мы вовсе не вѣримъ, что дѣло непремѣнно *должно* дойти до кровопролитія. Вы, господа, ожидаете этого въ будущемъ только потому, что ваши отцы, то есть не родные отцы, но предшественники ваши дѣйствовали такъ въ прошломъ; вотъ почему вы приписываете и намъ такой образъ дѣйствій. Напр., ваши предшественники во Франціи въ годы, слѣдовавшіе за 1789 г., говорятъ, отрубили головы 30 тысячамъ аристократовъ и

поповъ, какъ въ то время выражались. Не знаю, столько-ли именно, да это для меня и неважно. Но вѣдь они дѣйствовали такъ потому, что, согласно уровню образованія тогдашней буржуазіи, они были убѣждены, что если рубить головы людямъ, то вслѣдствіе того измѣнится положеніе. Но вѣдь сущность заключалась не въ томъ. Если бы французская революція только рубила головы, а не измѣнила самаго положенія посредствомъ законовъ, и въ особенности такихъ соціальныхъ измѣненій, какъ конфискація имуществъ духовенства и дворянства, съ раздачею этихъ земель прежнимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, то она не одержала-бы побѣды, хотя бы отсѣкла не 30, а цѣлыхъ 300 тысячъ головъ. И наоборотъ, я думаю, что дѣло свое, при введенныхъ перемѣнахъ, революція сдѣлала бы совершенно также основательно, если-бы не отсѣкла ни одной головы, начиная съ головы Людовика XVI. Вотъ въ томъ-то, мм. гг., и различіе между современными людьми и тогдашними вашими предками: мы нынѣ вполнѣ понимаемъ, что главное не въ людяхъ, а въ порядкахъ (dass der schwerpunkt nicht in den Personen, sondern in den Dingen liegt)".

О силѣ соціалистической партіи въ Германіи лучше всего свидѣтельствуетъ та готовность, съ какою даже всѣ другія партіи, ученые, самъ кн. Бисмаркъ старались перенимать у соціалистовъ хоть нѣкоторые взгляды, приспособляя ихъ, конечно, къ своимъ цѣлямъ.

Есть тамъ соціализмъ государственный, сторонники котораго разсуждаютъ такъ: „сдѣлаемъ сами то, къ чему они стремятся, и тогда мы будемъ спасены". Самъ нынѣшній императоръ, судя по многократнымъ его заявленіямъ, сочувствуетъ этому направленію. Какъ извѣстно, первымъ дѣломъ молодого германскаго монарха былъ созывъ международной конференціи для рѣшенія рабочаго вопроса. Затѣмъ, есть «соціализмъ евангелическій», называемый такъ потому, что проповѣдниками его являются пасторы. Въ этой партіи видна забота правительственная; цѣль ея—употребить соціалистическія стремленія для усиленія монархической идеи, такъ какъ одна монархія, умножая регламентацію въ экономическихъ дѣлахъ, можетъ принять на себя роль соціалистическаго коллективнаго хозяина-распорядителя. Далѣе представляется группа соціалистовъ-католиковъ. Католическій соціализмъ явился вслѣдствіе изданнаго Майнцскимъ епископомъ,

весьма извѣстнымъ монсиньоромъ Кеттелеромъ, сочиненія: «Рабочій вопросъ и христіанство», которое произвело въ Германіи значительное впечатлѣніе. М-ръ Кеттелеръ, идя главнымъ образомъ по стопамъ Лассаля, предлагаетъ учрежденіе производительныхъ артелей, которыя могутъ перемѣстить самый капиталъ въ руки рабочихъ и такимъ образомъ разрѣшить удовлетворительно вопросъ о заработкахъ.

Прибавимъ соціализмъ профессорскій (Katheder-Socialismus). Здѣсь встрѣчаются теоріи, значительно отстоящія одна отъ другой, и крайнею можно признать теорію Вагнера, которая требуетъ ограниченія частной собственности и расширенія собственности общественной. Но профессорскій соціализмъ сводится весь, все-таки, на соціализмъ государственный, на регулированіе отношеній труда къ капиталу и на многообразное вмѣшательство государства въ экономическія отношенія.

Наконецъ, есть соціализмъ „настоящій", т. е. тотъ, который представляетъ уже не одну теорію только, но и готовую организацію съ арміею рабочихъ союзовъ.

Причинами особенныхъ успѣховъ пропаганды соціализма среди германскихъ рабочихъ служатъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ Германіи массы болѣе образованы, чѣмъ во Франціи, а между тѣмъ не настолько, чтобы понимать несправедливость нѣкоторыхъ обвиненій, предъявляемыхъ соціалистами на общественный строй, и несбыточность ихъ обѣщаній; во-вторыхъ, въ Германіи остатки феодализма хотя устранены изъ законовъ, но далеко еще не исчезли изъ нравовъ; такъ, напримѣръ, неравенство происхожденія въ Германіи и доселѣ играетъ еще не малую роль въ общественныхъ отношеніяхъ; въ третьихъ, наконецъ, милитаризмъ, который во Франціи и Италіи представляетъ собой только фактъ, въ Германіи, подъ господствомъ Пруссіи, является чѣмъ-то въ родѣ принципа, системы. Кромѣ того, союзъ съ соціалистами прогрессистовъ, собственно въ оппозиціи противъ вооруженій и войны, увеличиваетъ вліяніе соціалистовъ.

Несмотря на различіе въ организаціи и духѣ соціалистскаго движенія въ Германіи и во Франціи, несомнѣнно, что самое ученіе, въ основныхъ его чертахъ, перешло въ Германію изъ Франціи. Первымъ проповѣдникомъ соціализма въ Германіи былъ портняжный рабочій Вейтлингъ, который, живя въ Парижѣ, усвоилъ себѣ воззрѣнія коммунистовъ и фурье-

ристовъ. Воззрѣнія эти онъ изложилъ въ сочиненіи «Garantien der Harmonie und Freiheit». Во имя именно идей коммунизма и фаланстера, проживавшие заграницей германскіе пролетаріи группировались въ общины, въ которыхъ проявлялось столько увлеченія, что правительства французское и бельгійское выслали нѣмецкихъ соціалистовъ и даже союзное правительство Швейцаріи приняло противъ нихъ стѣснительныя мѣры *).

Затѣмъ, сильный толчекъ этому движенію въ Германіи былъ данъ событіями 1848 года. Одинъ изъ революціонныхъ манифестовъ, явившихся въ началѣ 1848 года, былъ подписанъ неизвѣстными въ то время именами Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Онъ былъ направленъ противъ бюргерства или буржуазіи. Въ немъ краснорѣчиво описывалась революціонная роль, сыгранная буржуазіею, и переворотъ, произведенный ею въ общественномъ строѣ. На мѣсто феодальныхъ, патріархальныхъ, цеховыхъ связей между людьми, буржуазія поставила «безчувственную ликвидацію отношеній на наличныя деньги». «Вмѣсто прежнихъ представленій и чувствъ—религіозныхъ, родовыхъ, традиціонныхъ, и идеальныхъ воззрѣній о долгѣ, прикрывавшихъ давнюю эксплуатацію массы, буржуазія установила эксплуатацію открытую, безстыдную, прямую и сухую. Она сорвала повязки всѣхъ священныхъ и трогательныхъ иллюзій съ общественнаго строя и семейныхъ отношеній и свела все къ матеріальному интересу, а привилегіи, обезпечивавшія права и налагавшія обязанности, она замѣнила безсовѣстной свободой одной торговли. Реакція смотритъ нынѣ съ умиленіемъ на чудеса силы, проявленныя прошлымъ. Но буржуазія явила чудеса силы еще гораздо болѣе внушительныя, чѣмъ египетскія пирамиды и хотя бы крестовые походы» и т. д.

Соціализмъ въ Германіи, быть можетъ, и не сдѣлалъ бы такихъ успѣховъ, какими онъ похваляется нынѣ, еслибы власть оказалась уступчивѣе къ требованіямъ бюргерства. Но именно упорство власти вогнало либеральное бюргерство, если не въ союзъ, то все-таки въ общеніе съ элементами общественнаго переворота.

Бюргерскій элементъ, игравшій главную роль въ Германіи при событіяхъ 1848 года, наиболѣе былъ недоволенъ тою

---

*) Malou, «Précis du socialisme». 1892.

реакціей, которая наступила послѣ того и сопровождалась преслѣдованіями, которыя повліяли даже на эмиграцію, усиливъ ее. Большинство бюргерства въ Пруссіи принадлежало къ партіи либеральной, и самовольное измѣненіе конституціи раздражило его. Смѣлый полетъ мысли великихъ германскихъ метафизиковъ, которые въ своей жизни оставались, однако, типами зауряднаго бюргерства, прогрессистскія стремленія Nationalverein'a, свободолюбивыя стремленія студентовъ — все это проявлялось давно, не смущая спокойствія жизни повседневной. Но движеніе 1848 г. и послѣдовавшая за нимъ реакція впервые (за исключеніемъ развѣ одного Кургессена) внесли въ германское общество примѣръ борьбы фактической, элементъ злобы въ отношеніяхъ между сословіями. Изъ стоявшаго впереди другихъ сословій во время движеній либеральное бюргерство вдругъ превратилось въ преслѣдуемое или заподозрѣваемое мѣщанство.

А между тѣмъ, фактическое значеніе этого сословія въ ту именно эпоху начало сильно возрастать. Огромное развитіе промышленности подъ вліяніемъ примѣненія пара, открытіе залежей каменнаго угля въ Прирейнской области, возвышеніе спроса издѣлій въ Америку—усиливали крупную промышленность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вели къ поглощенію ею многихъ промысловъ ремесленныхъ, создавая недовольныхъ среди самого мѣщанства.

Неудачи или неполный успѣхъ стремленій политическихъ предрасполагали самое бюргерство къ воспринятію такого ученія, которое имѣло цѣлью обезпечить за прогрессомъ содѣйствіе народныхъ массъ. Вотъ почему, даже въ глазахъ высшаго бюргерства, первые глашатаи этого ученія являлись окруженными ореоломъ народныхъ трибуновъ, низшіе же слои они привлекали не столько въ этомъ качествѣ, сколько по самой сущности высказываемыхъ ими обѣщаній переустройства общественнаго быта на пользу классовъ недостаточныхъ.

Творцомъ соціализма, въ современныхъ его смыслѣ и направленіи, слѣдуетъ признать Карла Маркса. Сынъ высшаго чиновника въ прусскомъ горнозаводствѣ, Марксъ окончилъ курсъ въ Боннѣ и женился въ 1843 году на сестрѣ Вестфалена, впослѣдствіи прусскаго министра въ реакціонномъ кабинетѣ Мантейфеля. Человѣкъ съ большимъ знаніемъ и философскимъ умомъ, Марксъ, занявшись изученіемъ рабочаго вопроса, дошелъ до убѣжденій крайнихъ; онъ оставилъ государ-

ственную службу, которая, при его связахъ и способностяхъ, могла доставить ему видное положеніе. Послѣ запрещенія выходившей въ Кёльнѣ „Rheinische Zeitung", которой онъ былъ редакторомъ, Марксъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ вступилъ къ сношенія съ нѣмецкими эмигрантами, а потомъ, высланный изъ Парижа по требованію Пруссіи, переселился въ Брюссель, откуда также былъ высланъ за обнародованіе коммунистическаго „манифеста". Пользуясь революціоннымъ движеніемъ 1848 года въ Германіи, Марксъ возвратился въ Кёльнъ и сталъ издавать „Neue Rheinische Zeitung", но въ 1849 году былъ изгнанъ изъ Пруссіи, а затѣмъ, снова, изъ Парижа; наконецъ, онъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ и написалъ два главныя свои сочиненія: „Zur Kritik der politischen Oekonomie" (вышла въ Берлинѣ, въ 1859 г.) и „Das Kapital" (томъ I, тамъ же, въ 1867 г.).

Въ обоихъ сочиненіяхъ излагается та же теорія, но вполнѣ она выражена въ книгѣ о капиталѣ, которая, несмотря на свою тенденціозность, представляетъ замѣчательный трудъ, такъ что съ ней пришлось считаться всѣмъ экономистамъ, которые касались вопроса объ отношеніи между капиталомъ и трудомъ. Основное положеніе Маркса, что источникъ цѣнности есть трудъ, заимствовано имъ у Риккардо, но изъ этого положенія Марксъ выводитъ полное отрицаніе законности барыша частнаго капиталиста въ производительномъ предпріятіи. Частный капиталъ, владѣніе фабриками, машинами, землею представляется имъ какъ узурпація, какъ порабощеніе посредниками истинныхъ и единственныхъ производителей цѣнности. Онъ требуетъ, чтобы всѣ орудія труда, включая землю и капиталъ во всѣхъ другихъ его формахъ, напр. фабрики, желѣзныя дороги и т. д., сдѣлались достояніемъ общимъ, собственностью производителей, вслѣдствіе чего должны исчезнуть порабощеніе и эксплоатація рабочихъ капиталомъ.

Книга, по своему изложенію и языку, недоступна для пониманія не только массъ, но даже и читателей-дилеттантовъ. Зато она представила собой, такъ сказать, основной завѣтъ новѣйшаго коммунизма и обильный источникъ для популяризаторовъ. Только благодаря имъ, идеи Маркса проникли отчасти и въ массы, гдѣ,—согласно съ тѣми свойствами отраженія въ нихъ идей, о которыхъ мы упоминали выше,—были поняты, конечно, уже не какъ ученые теорети-

ческіе взгляды, но какъ пункты обвинительнаго акта противъ всѣхъ учрежденій и цѣлыхъ классовъ, какъ девизы для немедленнаго ниспроверженія всего существующаго строя.

Экономисты оспариваютъ основную идею Маркса, а именно его положеніе, что основою и мѣриломъ цѣнности служитъ трудъ. Они возражаютъ, что Марксъ принимаетъ это положеніе какъ аксіому, а между тѣмъ это только софистическая форма для извлеченія желаемыхъ выводовъ, а вовсе не научно-доказанный экономическій законъ. Если бы мѣриломъ цѣнности товаровъ служило только количество труда, употребленнаго для ихъ производства, то тѣ товары, которые потребовали равнаго количества труда, имѣли бы одинаковую цѣнность, независимо отъ того, какъ значителенъ былъ капиталъ, затраченный на ихъ производство. А между тѣмъ, этого нѣтъ и процентъ съ затраченнаго капитала и барышъ капиталистовъ входятъ въ цѣны товаровъ и разнообразятъ ихъ, независимо отъ количества труда, потребнаго для производства. Словомъ, Марксу возражали, что его ученіе о количествѣ труда, какъ основномъ мѣрилѣ цѣнности, оправдывалось бы лишь въ такомъ случаѣ, еслибы процентъ съ капитала и барышъ капиталистовъ были уже устранены.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ соціалистовъ-агитаторовъ первый воспользовался научными указаніями Маркса — Фердинандъ Лассаль. Онъ и въ своихъ блестящихъ произведеніяхъ, и въ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ, разъѣзжая по городамъ, неутомимо проповѣдывалъ новыя идеи. Суть его программы была отлична отъ позднѣйшаго направленія партіи. Онъ стоялъ на почвѣ національной и государственной, требовалъ всенароднаго голосованія, какъ точки опоры для каждой отдѣльной личности и какъ средства образованія громадныхъ взаимныхъ ассоціацій, которымъ должно было помогать государство.

Главнымъ результатомъ дѣятельности Лассаля былъ основанный въ 1863 г. „Allgemeine Arbeiter Verein“, послужившій точкою отправленія для агитаціи позднѣйшихъ проповѣдниковъ соціализма, скоро своротившихъ съ того пути, который имъ указалъ Фердинандъ Лассаль.

Насколько былъ далекъ этотъ путь отъ современнаго направленія, ясно доказываетъ дружба Лассаля съ Бисмар-

комъ *), который косвенно помогалъ Лассалю въ распространеніи его пропаганды.

Бисмаркъ поддерживалъ это движеніе и совѣщался съ Лассалемъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы употребить его какъ орудіе противъ либеральнаго бюргерства. Вотъ почему, онъ и не принялъ мѣръ противъ явной пропаганды Лассаля, который разъѣзжалъ по Германіи, произнося возбуждавшія рабочихъ рѣчи. Князь Бисмаркъ, вѣроятно, считалъ нелишнею ту тревогу, какую это вызывало въ бюргерствѣ, разсчитывая, что она могла скорѣе склонить либераловъ къ принятію военнаго преобразованія, противъ котораго они такъ возставали.

Но Бисмаркъ же, въ другой изъ своихъ рѣчей, сказалъ и мудрое слово: „еслибы соціалъ-демократовъ совсѣмъ не было, еслибы многія ихъ не боялись, то не было бы даже и тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, какіе намъ доселѣ удалось сдѣлать въ смыслѣ общественныхъ улучшеній (Sozialreform). Страхъ передъ соціальной демократіей, поэтому, является полезнымъ элементомъ въ примѣненіи къ тѣмъ, у кого нѣтъ сердца по отношенію къ нуждающимся согражданамъ». Такой взглядъ нисколько, впрочемъ, не помѣшалъ грозному канцлеру принять строгія мѣры противъ соціалистовъ, въ виду быстрыхъ успѣховъ ихъ пропаганды, причемъ самыя эти мѣры окружили соціалистовъ ореоломъ нѣкоего мученичества.

Но возвратимся къ ходу соціалистическаго движенія въ Германіи. Въ организаціи, созданной Лассалемъ, довольно скоро послѣ смерти его произошелъ нѣкоторый расколъ. Въ органѣ партіи, газетѣ „Social-Democrat“, появилось пять передовыхъ статей, въ которыхъ выражалось сочувствіе національной политикѣ Бисмарка, а вслѣдствіе того наиболѣе видные сотрудники, въ томъ числѣ Бебель и Либкнехтъ, выступили съ протестомъ и съ той поры стало проявляться, постепенно все сильнѣе, раздвоеніе между соціализмомъ, какъ его понималъ Лассаль, и соціализмомъ международнымъ или космополитическимъ. Бебель и Либкнехтъ, поддерживаемые Марксомъ, пріобрѣтали все болѣе приверженцевъ и, при первыхъ же выборахъ, оба были избраны въ сѣверогерманскій сеймъ.

---

*) Бисмаркъ въ одной рѣчи, произнесенной въ октябрѣ 1878 года, самъ сознался, что онъ входилъ въ сношеніе съ Лассалемъ, и оправдывался только такой отговоркой, будто Лассаль не былъ соціалистомъ: «это былъ человѣкъ гораздо болѣе замѣчательный и значительный, чѣмъ его эпигоны».

Соціализмъ въ Германіи распространился вообще съ поражающею быстротою. Нынѣ соціально-демократическая партія имѣетъ значеніе уже въ парламентѣ и пріобрѣтаетъ все большее вліяніе среди народа. Этому помогаютъ два условія, а именно: она имѣетъ среди своихъ членовъ выдающихся способностями людей и обладаетъ матеріальными средствами. Что эти средства не незначительныя, видно изъ того, что соціалисты ведутъ постоянную пропаганду и во время выборовъ не уступаютъ ни въ чемъ остальнымъ партіямъ, располагающимъ значительными собственными фондами. Кромѣ того, партія поддерживаетъ денежными суммами своихъ делегатовъ въ парламентѣ, который, какъ извѣстно, не платитъ участвующимъ въ немъ членамъ никакого жалованья.

Средства, которыми располагаютъ соціалисты, образовались, надо замѣтить, не изъ единовременныхъ пожертвованій какихъ-нибудь милліонеровъ-послѣдователей, а изъ добровольныхъ грошей, давно уже собираемыхъ ежегодно съ каждаго рабочаго, и это одно обстоятельство доказываетъ живучесть и прочность этого явленія.

Въ значеніи и распространеніи агитаціонной пропаганды соціалистовъ наглядно можно убѣдиться изъ бѣглаго просмотра находящихся до сихъ поръ на лицо результатовъ. Въ распоряженіи партіи находятся 60 ежедневныхъ газетъ, имѣющихъ 254.000 покупателей, и 41 журналъ съ 200.000 постоянныхъ подписчиковъ. Къ этому надо присовокупить множество книгъ и разнообразныхъ изданій, предпринимаемыхъ партіею, а также нѣсколькихъ юмористическихъ листковъ, насчитывающихъ около 170.000 абонентовъ.

Цифры эти взяты изъ данныхъ, указанныхъ на послѣднемъ конгрессѣ соціалистовъ, въ Галле.

Вѣроятно, въ нихъ есть нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ всегда вновь возникающія и усиливающіяся партіи стараются, насколько возможно, представить свое положеніе въ выгодномъ свѣтѣ, но даже и при этомъ предположеніи надо признать, что эта партія дѣйствуетъ очень энергично.

И притомъ вѣдь не въ одной только прессѣ выражается эта дѣятельность соціалистовъ. Они организуютъ общества, поддерживающія товарищей въ отсутствіе работы, устраиваютъ публичныя лекціи въ своихъ клубахъ, затѣмъ, въ случаѣ надобности, подготовляютъ манифестаціи и т. п.

Покажемъ на цифрахъ быстроту распространенія соціалистическаго движенія въ Германіи.

Во время первыхъ выборовъ въ германскій сеймъ, партія соціалистовъ выставила 190.000 избирателей. Затѣмъ:

въ 1874 году	352.000	избирателей.
„ 1884 „	350.000	„
„ 1887 „	760.000	„
„ 1890 „	1.427.000	„

Мы видимъ, какъ сильно распространялось соціальное движеніе въ Германіи. Въ 1884 году въ парламентѣ засѣдало депутатовъ-соціалистовъ 24, теперь ихъ тамъ 35 человѣкъ. И это произошло, несмотря на исключительные законы, проведенные Бисмаркомъ. Отсюда ясно, что въ этой партіи представляется нѣчто такое, что можетъ имѣть положительное значеніе при какихъ-либо потрясеніяхъ, вызванныхъ войною.

Посмотримъ теперь, каковъ характеръ и каковы цѣли и стремленія этой партіи въ Германіи.

Организація соціалъ-демократической партіи вполнѣ централистическая. Въ 1876 году управленіе дѣлами передано было комитету изъ пяти членовъ, имѣющему неограбиченную почти власть. Для надзора за дѣйствіями комитета ныла учреждена ревизіонная коммисія изъ 7 лицъ, избраніе же и смѣщеніе выборныхъ предоставлено конгрессу, созываемому одинъ разъ въ извѣстное число лѣтъ.

Что же касается образа дѣйствій, то соціалъ-демократы, согласно съ Марксомъ, въ теоріи отвергаютъ путь насильственнаго переворота, предпочитая постепенное дѣйствіе пропагандой, до завладѣнія самой властью посредствомъ большинства, вышедшаго изъ выборовъ. Само собой разумѣется, что парламентаризмъ для нихъ составляетъ не цѣль, а только средство. Они надѣются, что соціализмъ пріобрѣтетъ себѣ единственную непреодолимую силу—силу общественнаго мнѣнія, безъ которой даже и временная побѣда была бы непрочной. Мысль эту выразилъ, между прочимъ, Либкнехтъ на одномъ конгрессѣ, возставая противъ требованій слишкомъ горячихъ приверженцевъ, въ такихъ словахъ: «Какимъ образомъ меньшинство могло бы дѣйствовать силою противъ большинства? Къ намъ принадлежатъ только 20 про-

центовъ населенія; остальные 80 пока не съ нами». Эта осторожная политика разсчитана на массу такихъ приверженцевъ, которые колеблются и, конечно, отпали бы отъ партіи, если бы она приняла характеръ революціонный. Теперь же они вотируютъ за соціалистовъ просто потому, что считаютъ ихъ наиболѣе надежными оппонентами противъ милитаризма".

Въ настоящее время усилія соціалистовъ, которые уже укрѣпились въ большихъ городахъ, направляются къ завоеванію сельскихъ округовъ, дѣйствуя на сельскихъ батраковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Безъ соучастія или согласія крестьянства, самый переворотъ не былъ бы проченъ. При пропагандѣ въ селеніяхъ, главная роль, конечно, отводится принципу „національизаціи" земельной собственности. Но тѣ крестьяне, которые владѣютъ участками, дорожатъ частной собственностью, хотя отчасти и номинальною только, вслѣдствіе обремененія земли долгами. Поэтому, соціалисты дѣйствуютъ осторожно, но признаютъ необходимымъ „обработать" сельскіе округа. На конгрессѣ въ Галле рѣшено было основать особую газету для крестьянъ *). Если бы герман-

---

*) Поэтому программа, принятая на конгрессѣ въ Галле, составлена въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Укажемъ на главные ея пункты: источникъ богатства и цивилизаціи есть трудъ, а такъ какъ трудъ, приносящій пользу всеобщую, возможенъ только въ видѣ ассоціальномъ, то поэтому продукты труда должны быть раздѣлены между всѣми на основаніяхъ справедливыхъ, соразмѣрно потребностямъ каждаго. При нынѣшнемъ строѣ, орудія труда находятся въ рукахъ капиталистовъ; проистекающая отсюда зависимость рабочаго класса и служитъ причиной нищеты и полнаго порабощенія цѣлой массы трудящихся людей. Надо освободить трудъ отъ такого подневольнаго состоянія, и эта задача должна быть начата и разрѣшена ассоціацією рабочихъ. А для того, чтобы это сдѣлать, необходимо, чтобы орудія труда (разумѣются: оборотный капиталъ, земля, фабрики, машины) перешли въ общую собственность.

Исходя изъ этихъ началъ, соціалисты требуютъ отмѣны существующей системы найма рабочихъ, вообще отмѣны всякаго общественнаго и политическаго неравенства. Кромѣ этого, партія, дѣйствующая теперь исключительно только на національной почвѣ, напряженно слѣдитъ за ходомъ соціальнаго движенія рабочихъ въ другихъ государствахъ и готова предоставить свои средства въ ихъ распоряженіе, дабы единеніе рабочихъ было бы дѣйствительнымъ дѣломъ, а не пустымъ словомъ.

Мы укажемъ теперь по пунктамъ суть этихъ требованій соціалистовъ.

Соціально-рабочіе союзы домогаются слѣдующихъ основъ государственнаго быта: въ 1-хъ, всеобщаго непосредственнаго для всѣхъ права выбора и голосованія, съ тайной и обязательной подачей голосовъ причемъ выборы должны производиться въ праздники; въ 2-хъ, полной передачи законодательства въ руки народа; только онъ одинъ можетъ рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ; въ 3-хъ, безусловнаго уничтоженія теперь существующихъ войскъ и замѣны ихъ всенародной арміей; въ 4-хъ, уничтоженія всякихъ исключительныхъ законовъ; въ 5-хъ, общедоступности суда и безплатности судебной защиты, общаго и одинаковаго для всѣхъ воспитанія и образованія на счетъ государства. Въ этомъ же параграфѣ религія признается дѣломъ совѣсти

скимъ соціалистамъ удалось завербовать крестьянъ въ свой лагерь, тогда они пріобрѣли бы большинство въ райхстагѣ, да и въ арміи могли бы найдти опору.

Итакъ, германскіе соціалисты стремятся завладѣть мнѣніемъ большинства, которое необходимо не только для проведенія переворота путемъ законодательнымъ, но и для упроченія такой перестройки.

Если-бы даже предположить, что соціалистическая пропаганда слабо подвигалась бы въ селахъ, то партія все-таки можетъ рости и впредь, такъ какъ ей остается еще сдѣлать нѣкоторыя завоеванія въ городахъ, а здѣсь успѣхи пропаганды несомнѣнны.

Въ Германской имперіи нѣтъ большаго города, гдѣ бы, начиная съ 1878 и до 1890 года, соціалисты не пріобрѣтали все большее и большее число голосовъ.

Такъ, напримѣръ, въ Берлинѣ въ этотъ періодъ времени

число ихъ избирателей возрасло съ			. .	57.000	до	126.000
Въ Гамбургѣ	„	„	. .	29.000	„	66.000
„ Галле	„	„	. .	1.406	„	12.390
„ Дюссельдорфѣ	„	„	. .	489	„	7.502

Кромѣ того, надо замѣтить, что численное отношеніе народонаселенія постоянно измѣняется и при томъ въ пользу большихъ городовъ. Въ Германіи такое измѣненіе гораздо больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ. Въ трудѣ Брюкнера „Die Entwiekelung der Grosstädtischen Bevölkerung im Deutschen Reich" находимъ слѣдующія сравнительныя данныя:

Приростъ населенія произошелъ за періодъ 1876—85 гг.:

въ большихъ	городахъ	на	. .	26,6%
„ среднихъ	„	„	. .	23,6%
„ малыхъ	„	„	. .	18,3%
„ мѣстечкахъ	„	„	. .	9,9%
„ селеніяхъ	„	„	. .	2,0%
Совокупно въ имперіи		„	. .	8,6%

каждаго. Въ дальнѣйшихъ пунктахъ—всѣ существующіе теперь налоги, обременяющіе народъ, замѣняются прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ. Кромѣ того, выработаны правила о нормальномъ рабочемъ днѣ, о безусловномъ запретѣ дѣтямъ участвовать въ какой бы то ни было работѣ, а женщинамъ въ той, которая вредно отзывается на ихъ здоровьи и служитъ причиною упадка среди нихъ нравственности. (L. Winlerer, «Der Internationale Socialismus von 1885—1890»).

И такъ, чѣмъ значительнѣе поселеніе, тѣмъ прирость въ немъ происходитъ въ большемъ размѣрѣ; за послѣдніе годы населеніе сельчанъ въ Германіи стало уменьшаться, вмѣсто того, чтобы возрастать по-прежнему. Дѣло въ томъ, что такъ какъ въ городахъ рождаемость гораздо ниже, а смертность выше, чѣмъ въ селеніяхъ, то приростъ населенія въ городахъ совершается на счетъ убыли населенія сельскаго. Это обстоятельство благопріятно для соціалъ-демократической пропаганды, такъ какъ новые переселенцы изъ селъ въ города попадаютъ въ затруднительныя условія и являются впечатлительными къ ученіямъ о передѣлкѣ всего общественнаго строя въ пользу пролетаріата.

Наконецъ, города, по своему экономическому и цивилизаціонному значенію и въ качествѣ большихъ центровъ, имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ сельскія поселенія. Поэтому, соціализмъ, завоевывая города, дѣлается *eo ipso* господиномъ всей страны.

Несмотря, однако, на то, что всѣ новѣйшіе вожаки соціальной партіи, какъ то: Бебель, Либкнехтъ и самъ Марксъ — вообще противники революціи, а по отношенію къ Германіи всякій соціальный переворотъ, сопряженный съ насиліемъ, считаютъ преждевременнымъ, все-таки нельзя сказать, чтобы это движеніе не было проникнуто революціонным духомъ. Печатные органы и рѣчи соціалистовъ неустанно вызываютъ неудовольствіе къ настоящему порядку вещей и къ людямъ, его поддерживающимъ.

Они рѣшительно не хотятъ вѣрить въ возможность несочувствія принципу ихъ и дѣлу и видятъ въ такомъ отношеніи къ нимъ сословный или личный эгоизмъ, или лицемѣріе, или же просто недобросовѣстность.

Поэтому, въ тонѣ ихъ рѣчей и брошюръ обыкновенно слышатся или иронія, или обидныя, оскорбительныя ноты. Такой тонъ постоянно держитъ слушателя или читателя въ нервномъ напряженіи, возбуждаетъ даже у спокойнаго человѣка по меньшей мѣрѣ антипатію къ людямъ, которые какъ бы отказываются понимать истину, и, конечно, особенно сильно дѣйствуетъ на низшій классъ народа.

Стоитъ только прочесть полемику Либкнехта, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ говорятъ и пишутъ соціалисты, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что теперешній духъ соціалистовъ все-таки спокойнѣе прежняго.

Если сравнимъ прежнія выходки Либкнехта на сеймѣ въ 1869 г. или въ 1874 г., когда онъ просто ругалъ всю буржуазію и грозилъ переворотомъ, съ рѣчью съ Галле, имѣвшею характеръ почти успокоительный, то замѣтимъ большую перемѣну, значительный успѣхъ, въ смыслѣ умѣренности. Прежде онъ негодовалъ и бушевалъ, теперь проявляетъ спокойствіе завоевателя, увѣреннаго въ побѣдѣ. Но и въ новѣйшихъ рѣчахъ его, конечно, немало, такъ сказать, „взрывчатаго" элемента, что обусловлено самой непримиримостью ученія со всѣми сторонами существующаго порядка.

По отношенію къ юной Германской имперіи, соціалисты съ самаго начала занимали положеніе отрицательное. „Въ Германіи, — восклицаетъ одна брошюра *),— есть только одинъ классъ, довольный настоящимъ, это — бюргерство. Оно получило все, что ему было нужно, получило покровительство для эксплоатаціи имъ силъ народа во всѣхъ отношеніяхъ и, слѣдовательно, право пріобрѣтать и увеличивать свои матеріальныя средства, и теперь, понятно, радуется и благодаритъ правительство за такую заботу о немъ".

„А народъ, понятно, — продолжаетъ брошюра,—какъ ждалъ, такъ и будетъ еще цѣлую вѣчность ждать исполненія тѣхъ обѣщаній, которыя ему давались во время и послѣ франко-прусской войны за труды и лишенія, имъ понесенныя".

Надо, однако, прибавить, что рядомъ съ большинствомъ, которымъ предводительствуетъ Бебель и Либкнехтъ, существуетъ еще и меньшинство, которое рвется къ болѣе энергичному дѣйствію.

Въ 1880 году на конгрессѣ въ Швейцаріи, въ окрестностяхъ Цюриха **), было рѣшено вычеркнуть выраженіе „законнымъ путемъ", какъ не соотвѣтствующее положенію дѣлъ, въ виду изданныхъ Бисмаркомъ законовъ.

А затѣмъ, черезъ три года, на конгрессѣ въ Копенгагенѣ, въ 1883 году, одинъ изъ вліятельныхъ ораторовъ высказалъ мысль, что соціалисты не представляютъ изъ себя

*) «Die parlamentarische Thätigkeit des deutschen Reichstages und der Landtagen, und die social-Demokratie». Leipzig, 1873.

**) Вслѣдствіе введенія исключительныхъ законовъ, соціалистическіе конгрессы происходили за предѣлами Германіи. Въ Германіи же впервые конгрессъ въ Галле, послѣ отмѣны тѣхъ законовъ, былъ совершенно открытымъ.

ни парламентскихъ политиковъ, ни возбудителей революціи, но составляютъ, однако, открытую революціонную партію, потому что они стремятся къ произведенію переворота въ существующемъ строѣ, а было бы иллюзіей полагать, что это можетъ осуществиться мирнымъ путемъ.

Если вникнуть въ слова этого оратора, то въ нихъ нельзя отыскать прямое возбужденіе къ бунту, но въ массѣ, которая не привыкла останавливаться на точномъ пониманіи словъ, эта рѣчь несомнѣнно вызывала революціонныя желанія и мысли.

Публицисты не-соціалистическихъ лагерей, а съ ними, конечно, и политическіе люди въ Германіи, отлично понимаютъ опасность, представляемую распространеніемъ и организаціею соціализма. Рудольфъ Мейеръ *) говоритъ: „ежедневно выростаетъ эта армія пролетаріевъ и самая молчаливость ея, выжиданіе, при затаенной рѣшимости, представляютъ нѣчто грозное... Германскій народъ не оказался достойнымъ той великой судьбы, какую ему возвѣщали войны 1866 и 1870 годовъ". Правительства Германіи подробно изучали этотъ вопросъ и, по почину Пруссіи, пытались предпринять нѣкоторыя мѣры. Но ни въ Германіи, ни въ какомъ-либо другомъ изъ государствъ, зараженныхъ этой общественною болѣзнью, не было доселѣ найдено чего-нибудь въ родѣ систематической методы для ея излѣченія. Уже изъ нашего бѣглаго очерка видно, какъ много тѣхъ причинъ, которыя на Западѣ вызываютъ недовольство массъ и создаютъ почву благопріятную для противообщественныхъ ученій. Положимъ, руководители Германской имперіи предпринимали нѣсколько средствъ, но все это были только палліативы, въ родѣ страхованія рабочихъ, при нѣкоторой помощи государства, отъ несчастныхъ случаевъ и обезпеченія рабочихъ въ случаяхъ неспособности къ труду и въ старости, при той же помощи. Эти средства были похожи на усилія остановить теченіе рѣки посредствомъ нѣсколькихъ досчатыхъ щитовъ, разставленныхъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ. Соціалисты принимаютъ все это, но нисколько не отказываются отъ своей антиправительственной агитаціи.

Правда, князь Бисмаркъ придумалъ еще иное средство обороны: исключительные законы противъ одной изъ всѣхъ

*) «Politische Gründer und die Corruption in Deutschland». Leipzig. 1877.

партій въ государствѣ—партіи соціалъ-демократической. Съ точки зрѣнія парламентаризма, представлялись странными такіе законы, которые партію, имѣющую представителей въ парламентѣ, лишали общаго для всѣхъ гражданъ права собранія и публичнаго заявленія мнѣній. Съ практической же точки зрѣнія, можно сказать, что эти законы принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы. Во всякомъ случаѣ, они не продержались долѣе самого господства Бисмарка въ имперіи.

Гласное заявленіе соціалистами ихъ ученія и программъ полезно тѣмъ, что даетъ разсудительнымъ людямъ возможность убѣждаться въ несостоятельности предполагаемаго соціалистами новаго строя. Сила ихъ ученія заключается преимущественно въ критикѣ существующаго порядка и налагаемыхъ имъ тягостей. Но тотъ порядокъ, который рекомендуется взамѣнъ нынѣшняго, соединенъ съ тягостями, хотя иного рода, но никакъ не меньшими, чѣмъ тѣ, которыя нынѣ лежатъ на всемъ европейскомъ обществѣ. Такъ, предполагаемое „урегулированное производство (planmässige Produktion)“ —не говоря уже о трудностяхъ его осуществленія—вело бы не только къ ограниченію ненавистной соціалистамъ „свободной конкурренціи“, но, очевидно, и къ лишенію производителей всякаго личнаго импульса, т. е. стремленія къ улучшеніямъ, къ удешевленію и расширенію производительности всякаго рода.

Но существуетъ и такое мнѣніе, что такъ какъ масса неспособна разсуждать самостоятельно и безпристрастно, то гласность соціалистической пропаганды приноситъ пользу ей самой. По этому взгляду, какъ бы неосуществимы ни были крайнія предположенія соціализма, но они слишкомъ заманчивы и опасны тѣмъ, что возбуждаютъ въ массахъ тотъ инстинктъ, который можно выразить формулой: возможно меньше работать и возможно лучше жить.

Соціалисты, дѣйствительно, не скупятся на такого рода обѣщанія. Приведемъ, для примѣра, читанную однимъ изъ ораторовъ въ рейхстагѣ выписку изъ сочиненія члена соціалъ-демократической партіи Штерна, подъ заглавіемъ „Thesen über den sozialismus“: „Каждый, по исполненіи заданнаго ему количества труда, получитъ право на всякое потребленіе въ томъ количествѣ, какъ того самъ пожелаетъ: на покупку одежды въ общественныхъ магазинахъ, на любыя блюда въ гостинницѣ или на дому, на комфортабельное

частное помѣщеніе, соединенное съ общественными гостинницами телефономъ, пневматическою почтой“ и т. п. Въ рейхстагѣ смѣялись при этомъ чтеніи, но соціалисты увѣряютъ въ полной осуществимости такого идеала. „Berliner Volksblatt“ говорилъ въ ноябрѣ 1890 г.: „Не станемъ предугадывать, что именно будутъ ѣсть въ соціалистическомъ народномъ государствѣ; но что въ немъ люди будутъ сыты, это мы положительно утверждаемъ. Въ какомъ стилѣ будутъ строиться и какъ отдѣлываться дома, это до насъ не касается; но мы знаемъ достовѣрно, что каждая семья и каждая личность будутъ имѣть помѣщеніе здоровое, просторное и веселое (freundlich und traulich)“.

Правда, одинъ изъ главныхъ вождей партіи, Бебель, высказывался въ рейхстагѣ противъ чрезмѣрныхъ обѣщаній. Онъ заявлялъ, что онъ и его друзья „никогда не убаюкивали рабочихъ иллюзіями; мы говорили имъ только слѣдующее: ваше освобожденіе можетъ быть лишь собственнымъ вашимъ дѣломъ; капиталистическія партіи будутъ бороться противъ васъ въ той или иной формѣ, посредствомъ диктатуры и исключительныхъ законовъ, или безъ нихъ, но все равно будутъ бороться, и вы пріобрѣтете лишь столько, сколько будете имѣть силы завоевать себѣ. Поэтому организуйтесь въ союзы, въ партію освобожденія рабочихъ, приступайте къ этой партіи, къ которой уже принадлежатъ милліоны рабочихъ, къ организованному, сознательному, стремящемуся къ свободѣ германскому пролетаріату—это и есть соціальная демократія“.

Когда же ему доказывали нелѣпость тѣхъ или другихъ ожиданій соціалистовъ, Бебель возражалъ, что онъ не можетъ изложить съ подробностью всѣ тѣ мѣры, какія потребуются для устройства новаго порядка. „Вы, мм. гг., имѣете нынѣ власть, а между тѣмъ, и вы не можете сказать съ точностью, что именно вы сдѣлаете черезъ пять лѣтъ, такъ какъ это зависитъ отъ обстоятельствъ. Точно такъ не можемъ и мы. У насъ есть программа вполнѣ опредѣленная, но она заключаетъ въ себѣ лишь общія положенія. Вотъ они: орудія производства перестанутъ быть частной собственностью; земля, рудники, сырые матеріалы, инструменты, машины, средства сообщенія составятъ собственность общественную; преобразованіе производства товаровъ въ соціалистическое сдѣлаетъ то, что постоянно

возрастающіе размѣры производительности перестанутъ служить источникомъ нищеты и притѣсненія эксплуатируемыхъ классовъ, а напротивъ обратятся въ средство къ поднятію народнаго благосостоянія и къ установленію гармоническаго усовершенствованія. Итакъ, отчужденіе отъ частной собственности орудій труда, которое мы осуществимъ, когда на нашей сторонѣ будетъ сила, послужитъ къ благу не одного пролетаріата, а всего человѣчества, но проведено оно можетъ быть только пролетаріатомъ, ибо взаимно-противоположные интересы другихъ классовъ держатся именно на почвѣ частнаго владѣнія орудіями производства, и эти-то интересы и силятся удержать навсегда нынѣшній общественный строй".

Проф. Штаммлеръ *) излагаетъ основное предположеніе соціализма вполнѣ согласно съ этой программой. „Въ настоящее время—пишетъ онъ—производство полезныхъ, служащихъ для жизни или для удовольствія, товаровъ ведется частными предпринимателями, которые нанимаютъ рабочихъ и производимые товары въ любомъ количествѣ бросаютъ на рынокъ. Соціалисты называютъ это „анархіею въ производствѣ". Они считаютъ возможнымъ регулировать всю производительность по плану, впередъ выработанному въ главныхъ центрахъ. При этомъ орудія производства должны оставаться въ общественной собственности, а частную собственность могли бы составлять лишь предметы, пріобрѣтенные для потребленія".

Но кто-же и какимъ образомъ будетъ опредѣлять и распредѣлять потребное количество труда? Воззрѣнія соціалистовъ по этому предмету слѣдующимъ образомъ изложены въ статьѣ одного изъ вождей, Карла Коцки, въ журналѣ „Revue Socialiste". При полной націонализаціи орудій производства, соціалистическое государство впередъ составляетъ роспись потребнаго производства всѣхъ предметовъ. Для этого статистическія коммисіи исчисляютъ на опредѣленный періодъ совокупность потребностей націи въ продуктахъ и другихъ товарахъ, притомъ исчисляютъ ее съ нѣкоторымъ излишкомъ, такъ, чтобы обезпечить народъ на случай неурожая и постепенно составить продовольственный запасъ. Опредѣливъ, затѣмъ, число часовъ, нужныхъ для производства всей

*) «Die Theorie des Anarchismus». Berlin, 1894.

суммы предметовъ народной потребности, и зная численность въ странѣ способнаго къ работѣ населенія, тѣ же коммисіи опредѣляютъ обязательный минимумъ часовъ ежедневнаго труда, требуемаго отъ каждаго рабочаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и долю его въ дѣлежѣ произведеннаго богатства, согласно съ числомъ отработанныхъ часовъ. Это называется „нормальной долею“. Она всегда будетъ выше того, что строго необходимо для существованія.

Коцки поясняетъ эту комбинацію примѣрными цифрами. Положимъ, исчислено, что для удовлетворенія всѣхъ потребностей требуются 30 милліардовъ рабочихъ часовъ, а число рабочихъ составляетъ 20 милліоновъ. Это значитъ, что каждый изъ нихъ обязанъ будетъ отработать въ году 1.500 часовъ, то есть, считая въ году 300 рабочихъ дней, по 5 часовъ въ день. Опредѣливъ количество производства, труда и доли каждаго, коммисіи распредѣляютъ совокупность наряда между цеховыми корпораціями разныхъ родовъ, которыя уже распредѣляютъ работу между всѣми, а также назначаютъ цѣну рабочаго часа въ каждой отрасли труда. Въ томъ случаѣ, если въ какой либо отрасли окажется недостатокъ рабочихъ, цѣна рабочаго часа въ ней повышается.

Пусть какой-либо цеховой корпораціи даны государствомъ: 1) нарядъ въ 15 милліоновъ рабочихъ часовъ и 2) соотвѣтствующее вознагражденіе въ 15 милліоновъ билетовъ на потребленіе, соотвѣтственно часамъ труда. Если явятся 10.000 рабочихъ, то каждый изъ нихъ произведетъ, въ среднемъ, 1.500 часовъ работы и получитъ равное число билетовъ на потребленіе. Такимъ образомъ, онъ равномѣрно участвуетъ въ дѣлежѣ произведеннаго богатства. Но если въ данной мѣстности явятся только 5.000 желающихъ работать, вмѣсто 10.000, то это докажетъ, что вознагражденіе тамъ опредѣлено слишкомъ низкое и что сумму его слѣдуетъ возвысить до 30 милліоновъ въ билетахъ на потребленіе (bons de travail). Если же рабочихъ явится больше, чѣмъ нужно, напр. 20.000, то это будетъ означать, что вознагражденіе по данному роду труда назначено слишкомъ высокое и что его слѣдуетъ понизить. Наконецъ, въ случаяхъ нужды, для исполненія такихъ работъ, которыми никто не захочетъ заниматься профессіонально, будутъ вызываться добровольцы во имя преданности интересамъ общества (volontaires du

dévouement) «и въ нихъ никогда не будетъ недостатка *)». Вождь прогрессистовъ въ германскомъ рейхстагѣ, Рихтеръ, формулировалъ слѣдующимъ образомъ возраженія, которыя представляются при обсужденіи соціалистическаго идеала производства: «Такой порядокъ устраняетъ личный интересъ въ работѣ, стимулъ собственнаго преуспѣянія; при этой системѣ не стоило бы дѣлать и сбереженій, такъ какъ ихъ нельзя завѣщать дѣтямъ. Предполагается устранить возможность для личности обезпечить ихъ лучшее положеніе трудомъ, стремленіемъ къ усовершенствованію, отысканіемъ средствъ къ сбыту. Словомъ, на мѣсто всякаго личнаго интереса соціалисты хотятъ поставить только какой-то восторгъ общаго благополучія. Люди никогда такимъ образомъ не жили и жить не могутъ. Вотъ почему соціализмъ, основанный на неясности сознанія вещей и природы человѣка, слѣдуетъ назвать введеніемъ рабочихъ въ заблужденіе (Irreleitung)».

Французскій публицистъ, Леруа-Болье, основательно замѣчаетъ, что, при устраненіи фактора личнаго интереса въ усиленіи, улучшеніи труда и въ бережливости, самая сумма общей производительности должна была бы уменьшиться; а потому, хотя бы при этомъ и устранялись несправедливости въ распредѣленіи богатства, но въ общемъ результатѣ человѣчество отъ этого бы не выиграло.

Но приведемъ еще среднее и, такъ сказать, объединяющее мнѣніе о соціализмѣ, высказанное Шеффле, который былъ министромъ финансовъ въ Австріи и отчасти вліялъ на Бисмарка въ смыслѣ необходимости улучшеній въ бытѣ рабочихъ. «Если соціализму—говоритъ онъ — удастся соединить его принципъ общественной солидарности и уничтоженіе какъ ростовщичества, такъ и всякихъ частныхъ монополій — съ тѣми преимуществами, какія представляетъ личный интересъ въ дѣятельности и свободный контроль надъ исполненіемъ общественныхъ функцій; если соціализмъ съумѣетъ такимъ образомъ сохранить всю хорошую сторону нынѣшняго порядка, — то онъ необходимо восторжествуетъ, хотя и не скоро. Дѣйствительно, при этомъ условіи всѣ пріобрѣтенія цивилизаціи, централизація въ государствѣ и въ общественныхъ сношеніяхъ, концентрація механическихъ силъ и наклонность производствъ къ сосредоточенію въ круп-

*) Malou, «Précis du socialisme».

ныя предпріятія, союзы рабочихъ въ крупной промышленности и возрастающая ихъ борьба съ предпринимателями—капиталистами,—все это составитъ огромныя вспомогательныя средства для осуществленія именно соціалистическаго производства и порядка. Но чтобы воспользоваться этими силами, соціалистическій строй долженъ былъ бы явиться въ видѣ естественнаго фазиса развитія, не быть страшнымъ, не предпринимать никакого разрушенія, но просто воспользоваться всѣми уже созрѣвшими плодами общественнаго развитія для того, чтобы придать имъ бóльшую творческую силу. До этого далеко, но напрасно было бы полагать, что достиженіе такого идеала невозможно. Напротивъ, заниматься имъ серьезно—это представляетъ великую, даже вполнѣ консервативную и наиболѣе важную для будущности человѣчества задачу“ *).

Во всякомъ случаѣ, невозможно не признать, что идея о правѣ труда, какъ фактора цѣнности, и работника, какъ непосредственнаго производителя, на нѣтоторое участіе въ самомъ барышѣ производства — не такова, чтобы ее можно было искоренить силою; нельзя не принять ее къ обсужденію, необходимо противополагать крайнимъ изъ нея выводамъ раціональные аргументы, а не однѣ мѣры строгости. Арміи нынѣ составлены изъ людей только что призванныхъ изъ народа и имѣющихъ вскорѣ возвратиться въ народную массу. Если бы масса эта прониклась соціалистическимъ ученіемъ, то на его сторону перешла бы и матеріальная сила.

Уже и теперь есть серьезные мыслители, которые предсказываютъ соціализму торжество въ будущемъ, и политическое значеніе онъ уже имѣетъ немалое. Этому способствовали нѣкоторые, дѣйствительные недостатки въ современномъ государственномъ строѣ и—во главѣ ихъ — тягостная система милитаризма. Отмѣна милитаризма тотчасъ измѣнила бы положеніе. Чтобы подтвердить это предположеніе, мы должны ближе присмотрѣться къ самымъ пріемамъ, при помощи которыхъ соціалистическая пропаганда силится подкопать существующій порядокъ.

*) «Quintessenz des Socialismus».

III. Конгрессы соціалистовъ.

Къ главнѣйшимъ и наиболѣе успѣшнымъ способамъ распространенія соціалистическихъ началъ, привлеченія къ этому ученію новыхъ послѣдователей и поддержанія стойкости въ прежнихъ его сторонникахъ принадлежатъ конгрессы выдающихся корифеевъ науки и практики этого направленія. На этихъ конгрессахъ соціалистическіе дѣятели являются большею частью представителями различныхъ уже существующихъ организацій для обсужденія спорныхъ вопросовъ и соглашенія относительно дальнѣйшаго пріобрѣтенія и постепеннаго расширенія политической почвы, служащей объектомъ дѣятельности соціалистической партіи, и для выработки идеаловъ, согласныхъ съ ея стремленіями. Эти конгрессы, въ виду всеобщаго интереса, возбуждаемаго ими въ Европѣ, заставляютъ говорить о себѣ во всемъ свѣтѣ и служатъ надежнымъ и вѣрнымъ средствомъ соціалистической пропаганды, поднимая значеніе и важность торжественно распространяемой доктрины, непосредственно касающейся массы населенія. На этихъ конгрессахъ ораторы обыкновенно весьма мало сообразаются съ дѣйствительностью, а по большей части всячески стараются лишь о томъ, чтобы пріобрѣсти популярность смѣлыми и эффектными картинами, въ видѣ обѣщаній всеобщаго благоденствія народовъ, имѣющаго наступить какъ только всѣ проникнутся ихъ убѣжденіями.

Всѣ эти конгрессы составляются изъ разнородныхъ организацій, имѣющихся теперь въ каждой странѣ, общей задачей коихъ представляется приближеніе къ конечной цѣли доктрины—замѣнить собою государство. Очевидно, что при такой цѣли соціалистическіе конгрессы могутъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ конгрессы мира. При томъ въ послѣднихъ участвуютъ исключительно люди, принадлежащіе къ высшимъ классамъ по общественному положенію, между тѣмъ какъ соціалистическіе конгрессы привлекаютъ къ себѣ простыхъ рабочихъ и устраиваются при помощи жертвуемыхъ для этого грошей бѣдняковъ. Если идеи мира упрекаютъ въ отвлеченности морали, въ оторванности отъ реальныхъ интересовъ той или иной страны, то, наоборотъ, пренія соціалистовъ не выходятъ изъ области ежедневныхъ

ощущеній, помысловъ, желаній и потребностей большинства населенія.

Но именно эта сторона соціалистической агитаціи и составляетъ ея силу въ Европѣ. Пролетаріатъ не далъ бы денегъ ради одного удовольствія слушать красивыя фразы ораторовъ. Онъ, правда, воспламеняется ими, но, прислушиваясь къ нимъ, онъ ни на минуту не забываетъ о практической пользѣ, какую разсчитываетъ извлечь изъ жертвуемыхъ имъ сантимовъ и пфениговъ. Общее участіе въ дѣлѣ однородныхъ элементовъ населенія разгорячаетъ, фанатизируетъ его до такой стремительности, которая сама по себѣ становится побудительной силой для дальнѣйшаго движенія. Руководители этого движенія очень хорошо это понимаютъ и умѣютъ пользоваться настроеніемъ толпы участвующихъ въ конгрессахъ рабочихъ.

До настоящаго времени уже было множество конгрессовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и международныхъ. Исторія ихъ не всегда оставалась въ связи съ предметомъ, насъ занимающимъ. Поэтому мы остановимся лишь на тѣхъ ея моментахъ и подробностяхъ, въ которыхъ выразилось отношеніе соціалистическаго движенія къ войнѣ и милитаризму.

Вообще, всѣ такіе конгрессы можно раздѣлить на двѣ группы, весьма различныя какъ по своему характеру, такъ и по практическому ихъ значенію, а именно: 1) на группу международныхъ конгрессовъ и 2) на группу мѣстныхъ собраній соціалистовъ. Первые представляютъ собой нѣчто въ родѣ политическихъ манифестацій, имѣющихъ въ виду публичную выставку успѣховъ и завоеваній соціализма. На нихъ разсматриваются преимущественно принципіальные вопросы, касающіеся образа дѣйствій въ наступающемъ періодѣ. Мѣстныя же собранія занимаются, главнымъ образомъ, текущими вопросами въ примѣненіи ихъ къ практической дѣятельности партіи. Такихъ собраній бываетъ особенно много въ Германіи.

Международные конгрессы соціалистовъ.

Мысль о международныхъ конгрессахъ соціалистовъ и осуществленіе ея въ организаціи, такъ называемой, «интернаціоналки», т. е. всеобщаго союза европейскихъ рабочихъ, приписы-

вается извѣстному Марксу, уже въ 1847 году опубликовавшему проектъ, въ которомъ онъ излагалъ свои принципы, ставшіе затѣмъ программою дѣятельности соціалистовъ. Эта программа была одобрена на съѣздѣ рабочихъ въ Лондонѣ, на которомъ участвовали представители этого класса, кромѣ, англійскихъ, изъ всѣхъ государствъ европейскаго материка. На этомъ же собраніи впервые былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи постояннаго международнаго союза рабочихъ, съѣздъ котораго назначенъ былъ въ слѣдующемъ году въ Брюсселѣ, но не состоялся вслѣдствіе событій 1848 года. На лондонскомъ же съѣздѣ принята резолюція, рекомендующая повсемѣстную борьбу съ капитализмомъ, условія которой повсюду одинаковы. Отсюда стремленіе къ соединенію общихъ усилій, которое и было первымъ поводомъ основанія «интернаціоналки».

Въ 1862 году англійскіе рабочіе принимали депутацію французскихъ рабочихъ, прибывшую въ Лондонъ по случаю всемірной выставки. Естественно, что главари и поборники соціализма воспользовались этимъ для своихъ цѣлей. На митингахъ слѣдующихъ двухъ лѣтъ окончательно установились взгляды участниковъ собраній въ пользу учрежденія «международнаго союза рабочихъ». Союзъ этотъ имѣлъ цѣлью пробудить въ мірѣ пролетаріевъ сознаніе ихъ сословныхъ интересовъ и поставить эти интересы главнѣйшею цѣлью всѣхъ усилій въ борьбѣ за освобожденіе *).

Вначалѣ правительства не видѣли повода для того, чтобы считать этотъ союзъ опаснымъ. Въ числѣ принадлежавшихъ къ нему можно было указать на людей сравнительно умѣреннаго образа мыслей; между ними были, напримѣръ, Микель, министръ финансовъ въ Пруссіи **), Жюль Симонъ, покойный Жюль Ферри и т. п.

Въ дальнѣйшемъ направленіи, дѣятельность интернаціональнаго союза рабочихъ обозначилась тремя періодами. Въ

*) Malou, «Précis historique du socialisme. Замѣтимъ, что основная идея такого союза впервые была заявлена женщиною. Въ брошюрѣ (L'union ouvrière), изданной въ 1843 году Флорой Тристанъ, приведены были доводы въ пользу международности интересовъ рабочихъ. Въ той же брошюрѣ проводилась мысль, что сословіе буржуазіи, наслѣдовавшее дворянству, оказалось болѣе многочисленнымъ и болѣе полезнымъ, чѣмъ дворянство; но что грядущее принадлежитъ рабочему сословію, еще болѣе полезному и многочисленному, чѣмъ буржуазія. Чтобы получить должную силу, ему слѣдуетъ лишь организоваться во всемірный союзъ, и тогда осуществятся его требованія относительно права на трудъ и его организацію.

**) D-r Rud. Meyer, «Der Emancipationskampf des vierten Standes», стр. 118.

первомъ изъ нихъ (съ 1865 до 1867) преобладалъ «мутуализмъ» Въ этомъ періодѣ общество находилось подъ вліяніемъ прудоновскихъ теорій. Тогда преобладали въ немъ представители французскихъ и французско-швейцарскихъ рабочихъ. Къ этому же времени относится и женевскій конгрессъ 1866 года, на которомъ Карлъ Марксъ внесъ предложеніе «о возстановленіи Польши на демократическихъ и соціалистическихъ основахъ», измѣненное французскими мутуалистами въ резолюцію «противъ деспотизма». Послѣ конгресса въ Лозаннѣ (въ сент. 1867), на которомъ высказано было осужденіе первому парижскому комитету, наступилъ періодъ, склонявшійся къ идеямъ «коллективизма». До конгресса въ Гаагѣ, въ союзѣ, какъ извѣстно, господствовали тогда взгляды Маркса, Коллинса и Фурье, и особеннымъ вліяніемъ пользовался лондонскій «генеральный совѣтъ», Въ третьемъ же періодѣ (отъ контръ-конгресса въ Сентъ-Имье въ 1872 г. до бернскаго конгресса въ 1876 г.) верхъ надъ прочими ученіями одержали идеи Бакунина, въ которыхъ преобладало направленіе «анархизма». Пораженіе Франціи и разгромъ парижской коммуны нанесли не только этому направленію, но самому «интернаціональному союзу» ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ поправиться. Въ это же время явились въ средѣ его раздоры, которые привели союзъ къ паденію, вслѣдъ за которымъ въ разныхъ странахъ дѣло соціализма перешло въ возникшія «рабочія партіи», предводимыя соціалистами. Эти партіи уже далеко не внушаютъ тѣхъ близкихъ опасеній, какія угрожали бы существующему порядку при наличности прежняго центральнаго руководительства ими международнаго учрежденія, съ его таинственностью и проч.

Ужасы парижской коммуны вызвали осужденіе и реакцію противъ «интернаціоналки», даже въ ея собственной средѣ. Послѣ перенесенія ея центральнаго управленія въ Америку, она вскорѣ прекратила свое существованіе, хотя были попытки и послѣ этого къ возстановленію престижа этого учрежденія, замѣной его періодическими конгрессами. Для насъ эти конгрессы интересны лишь съ той стороны, что на нихъ раздавались постоянно и энергично рѣчи противъ милитаризма, столь же энергично между тѣмъ возраставшаго.

Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ съѣздовъ, наконецъ, собрался болѣе значительный международный конгрессъ въ Парижѣ во время всемірной выставки 1889 года. Онъ болѣе всего памятенъ тѣмъ, что на немъ было постановлено ежегодное устройство въ день 1-го мая манифестацій для выраженія требованій сокращенія рабочаго времени до 8-ми часовъ въ сутки. Полиціи западныхъ государствъ эти сборища доселѣ причиняютъ не мало хлопотъ.

Между различными резолюціями этого конгресса нельзя не остановиться на слѣдующей, принятой по предложенію Вальяна: „Принявъ во вниманіе, что современныя арміи обходятся Европѣ свыше 4-хъ милліардовъ въ годъ и служатъ не столько къ защитѣ, сколько къ разоренію народовъ; что привилегированные классы, создавая въ пролетаріатѣ внутреннихъ враговъ государства, нуждаются въ вооруженныхъ силахъ для употребленія ихъ не столько противъ внѣшнихъ враговъ, сколько противъ внутреннихъ; что безпредѣльно возрастающая тягость вооруженій сама по себѣ представляетъ опасность войны, какъ единственнаго выхода изъ невыносимаго положенія, — конгрессъ: 1) рѣшительно осуждаетъ всякіе завоевательные планы правительствъ, предчувствующихъ близкое наступленіе конца ихъ господства; 2) объявляетъ, что миръ есть первое и необходимое условіе эмансипаціи рабочихъ; 3) желаетъ упраздненія постоянныхъ армій и введенія системы вооруженія населенія, основаннаго на слѣдующихъ принципахъ: армія должна представлять собой исключительно лишь школу, въ которую всякій здоровый гражданинъ вступаетъ лишь на тотъ срокъ, какой требуется для усвоенія военной подготовки; мужское населеніе, по окончаніи училища, зачисляется въ баталіоны своей территоріи, въ которыхъ всѣ знаютъ другъ друга; такіе баталіоны должны быть вполнѣ вооружены, имѣть все необходимое и, въ случаѣ надобности, должны быть готовы къ выступленію въ походъ въ теченіи 24 часовъ; оружіе и амуниція должны храниться, какъ это и теперь практикуется въ Швейцаріи, въ жилищѣ каждаго отдѣльнаго военнаго лица, и употребляться лишь для защиты народной независимости и безопасности отечества».

Согласно съ постановленіемъ парижскаго собранія, въ 1891 году конгрессъ собрался въ Брюсселѣ, на которомъ были провозглашены довольно рѣшительныя резолюціи. Борьба противъ высшихъ классовъ указана, какъ основа обществен-

ной жизни. Сверхъ того, самыя стачки и даже бойкотированіе допущены съ цѣлью настоянія отъ правительствъ покровительства труду. Рѣшено образовать международное бюро и, наконецъ, по обыкновенію, конгрессъ единогласно провозгласилъ себя рѣшительнымъ противникомъ войны и милитаризма. Не смотря на это, соціалистическая печать выразила недовольство результатами конгресса. Въ одномъ изъ изданій этого рода тогда-же появилось слѣдующее резсужденіе: „Слѣдовало бы (говоритъ газета, намекая на сдѣланное предложеніе стачки, въ случаѣ войны) теперь самою энергичною резолюціей пустить блоху въ ухо правительствамъ“.

Изъ того же отчета можно привести еще нѣсколько словъ, характеризующихъ стремленіе руководителей-соціалистовъ представить собранію рабочихъ свою дѣятельность въ лучшемъ свѣтѣ. «Парижскій и брюссельскій конгрессы, говорится въ отчетѣ, составляютъ новый шагъ общественнаго прогресса, такъ какъ эти съѣзды были единственными международными собраніями, на которыхъ обсуждались дѣла, касающіяся всего человѣчества, и обсуждались на основахъ науки, разума, справедливости и т. д.».

Въ 1893 году, въ теченіи восьми дней, происходили засѣданія соціалистическаго конгресса въ Чикаго. Этотъ конгрессъ ознаменовался довольно явственной тенденціей къ анархизму, и потому не удивительно, что въ числѣ принятыхъ имъ резолюцій оказались такія, которыя были предложены самыми крайними фракціями еще на брюссельскомъ конгрессѣ, наприм. относительно провозглашенія всеобщей стачки, въ случаѣ войны.

Въ томъ же году созванъ былъ конгрессъ въ Цюрихѣ, который относительно протестовъ противъ войны не только не отсталъ отъ предшествовавшихъ конгрессовъ, но сосредоточилъ на этомъ вопросѣ все вниманіе своихъ членовъ, возбуждая всю ихъ энергію къ борьбѣ съ современнымъ милитаризмомъ. Главари соціалистической партіи, повидимому, питаютъ надежду на то, что въ милитаризмѣ они найдутъ самое слабое мѣсто въ современномъ государственномъ строѣ, и потому полагаютъ, что въ него именно и слѣдуетъ направлять удары. Выдающійся успѣхъ на цюрихскомъ съѣздѣ выпалъ на долю голландскаго оратора Ньевенгниса, призывавшаго своихъ слушателей къ дѣятельному протесту противъ войны, при посредствѣ создаванія препятствій тому

изъ правительствъ которое вздумало бы прибѣгать къ ней. «Всѣ революціи, — сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, — начинаются съ того, что рядовые отказываются отъ послушанія. Солдаты, призванные въ 1871 году для снятія орудій съ Монмартра, подняли ружья прикладами къ верху, въ знакъ нежеланія дѣйствовать противъ пролетаріата. Такъ началась коммуна. Вотъ примѣръ добровольнаго отказа отъ послушанія, — отказа, никѣмъ не подготовленнаго. Наше дѣло пойдетъ гораздо лучше, лишь только мысль объ отказѣ отъ послушанія проникнетъ въ ряды войска. Могущество армій будетъ уничтожено молодою генераціей, составляющею основу армій и хорошо понимающею, что тотъ, кто сокрушаетъ милитаризмъ, — товарищъ и помощникъ нашъ въ борьбѣ съ капитализмомъ».

Изъ всего сказаннаго видно, что соціалистическіе конгрессы до нѣкоторой степени замѣнили собой «интернаціональный союзъ рабочихъ», хотя, тѣмъ не менѣе, полной организаціи послѣдняго имъ не удалось воскресить. Рождается даже вопросъ: обладала ли когда либо въ дѣйствительности силой «интернаціоналка»? Есть основанія сомнѣваться въ этомъ. Было болѣе шума, болѣе стараній къ устрашенію правительствъ и буржуазіи, чѣмъ силы хотя бы наружно-реальной. Очевидно, что еслибы за нею былъ какой-нибудь raison d'être, то она бы не погибла при первомъ появившемся на дорогѣ препятствіи. Не только попытки созыва новыхъ конгрессовъ, но даже старанія о какомъ-нибудь единеніи между рабочими сосѣднихъ странъ доселѣ не удались. Словъ было много, но какъ только доходило до дѣла, до необходимости взаимной помощи во время безработицы, или отказа отъ заработной платы, чтобы не увеличивать вредной для дѣла конкурренціи, — никакихъ дѣйствительныхъ и полезныхъ результатовъ нельзя было добиться.

Между тѣмъ, въ отдѣльныхъ государствахъ соціалистическое движеніе возрастало, вербуя въ свои ряды все большее число членовъ, причемъ проявляло духъ космополитическій или, по меньшей мѣрѣ, относилось съ ироніею къ стремленіямъ національнымъ.

Мѣстные конгрессы соціалистовъ.

Франція. Изъ рабочихъ конгрессовъ, организованныхъ во Франціи, первый по времени происходилъ въ 1876 году въ Бордо, но открыто соціалистическій характеръ эти собранія получили въ Марселѣ, на конгрессѣ, созванномъ въ этотъ городъ въ 1879 году. Большое оживленіе, вызванное въ рядахъ соціалистической партіи этимъ конгрессомъ, вслѣдствіе весьма широкой программы его занятій, имѣло столь сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу этого рода съѣздовъ, что время его считается началомъ новой эры соціалистической дѣятельности во Франціи. И дѣйствительно, на марсельскомъ конгрессѣ были затронуты всѣ стороны этой дѣятельности. Смѣлыя резолюціи рѣшали вопросы, доселѣ казавшіеся неразрѣшимыми для европейской цивилизаціи, какъ, напр., о регулированіи собственности, о равенствѣ половъ и т. д. Однако, на слѣдующемъ же конгрессѣ въ Гаврѣ многія изъ надеждъ, возникшихъ на марсельскомъ съѣздѣ, оказались преждевременными. Дѣло въ томъ, что большинство представителей синдикальныхъ палатъ отвергли программу дѣятельности чисто соціалистической. Сторонники же послѣдней должны были уступить и затѣмъ обсуждали вопросы отдѣльно, безъ «министерской» фракціи, какъ ее окрестили противники.

Изъ слѣдовавшихъ послѣ гаврскаго конгрессовъ особеннаго вниманія удостоился происходившій въ Сентъ-Этьенѣ. Съѣздъ соціалистовъ въ этомъ городѣ отличался необычнымъ многолюдствомъ, хотя участіе иноземцевъ могло выразиться лишь адресами, въ которыхъ воспѣвались солидарность, братство народовъ и т. п. Эльзасскіе и лотарингскіе рабочіе заявили на съѣздѣ, что на нихъ лежитъ нелегкая задача служить посредниками между нѣмецкимъ и французскимъ пролетаріатомъ. На адресы германскихъ соціалистовъ французскій конгрессъ отвѣчалъ заявленіемъ, въ которомъ, подтверждая солидарность между рабочими обоихъ народовъ, высказался за необходимость сосредоточить всѣ усилія на развитіи этой солидарности. «Она уже и теперь, благодаря началамъ равенства и справедливости, связываетъ интересы рабочихъ цѣлаго свѣта. Мы должны отстранить всѣ поводы,

которые еще раздѣляютъ народы, протянуть дружественныя руки за предѣлы нашихъ границъ, соединиться со всѣми партіями, проповѣдующими одинаковыя съ нашими идеи, стремиться къ достиженію абсолютнаго равенства, чтобы въ концѣ концевъ на всемъ земномъ шарѣ существовалъ лишь одинъ народъ – человѣчество!»

Между резолюціями 9-го народнаго конгресса въ Шарьевиллѣ выдается § 17-й, которымъ постановляется, что „для прекращенія международныхъ столкновеній, необходимо согласить и объединить экономическіе интересы всѣхъ странъ». День, когда рабочіе поймутъ, что имъ угрожаютъ одни лишь потери отъ завоевательной политики, всегда разсчитывающей на ихъ легковѣріе для того, чтобы возбудить въ нихъ охоту къ взаимному истребленію, будетъ днемъ прекращенія на всегда братоубійства, деспотизма и эксплуатаціи населеній. Въ виду этого конгрессъ рѣшилъ добиваться уничтоженія всякихъ запрещеній, касающихся международнаго союза соціалистовъ.

Въ іюнѣ 1891 года состоялся въ Парижѣ десятый конгрессъ французскихъ соціалистовъ, отличавшійся революціоннымъ характеромъ. Между прочимъ, и на этомъ конгрессѣ возбужденъ былъ антимилитарный вопросъ, причемъ приведенъ былъ сводъ мнѣній различныхъ французскихъ соціалистическихъ фракцій и группъ по предмету войны и милитаризма. Бóльшая часть отвѣтовъ на эту тему отличалась характеромъ крайней рѣшительности, въ смыслѣ полнѣйшаго отрицанія войны. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проводилась мысль, что только революція въ состояніи освободить человѣчество отъ бѣдствій войны. Другіе совѣтовали противодѣйствовать возможности войны посредствомъ организованнаго сопротивленія наборамъ. Были голоса, предъявлявшіе требованіе французскому правительству, чтобы оно обратилось ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ ввести полюбовный судъ, какъ единственный способъ разрѣшенія международныхъ тяжбъ.

Окончательная резолюція конгресса по этому вопросу была выражена въ слѣдующей формѣ: „Принявъ во вниманіе: что вооруженное состояніе государствъ превратилось въ открытую язву и ведетъ къ разоренію цивилизованныхъ народовъ; что всѣ народы—братья, понимающіе весь ужасъ братоубійства; что воспитаніе молодыхъ поколѣній въ духѣ

шовинизма закрываетъ передъ ними горизонты международныхъ интересовъ и идей, единственно способныхъ воспитать въ населенiи пониманiе своихъ выгодъ, между тѣмъ какъ военная дисциплина обращаетъ человѣка въ состоянiе полнаго одичанiя; что постоянныя армiи въ рукахъ капиталистовъ и классовъ, стоящихъ у власти, обращаются лишь на подавленiе освободительныхъ стремленiй народа; что на эти постоянныя армiи издерживаются громадныя средства и присуждается къ непроизводительности цвѣтъ населенiя, —конгрессъ домогается упраздненiя постоянныхъ армiй и непосредственнаго вооруженiя народа".

На одномъ изъ засѣданiй парижскаго конгресса соцiалистовъ группа, носящая названiе „La solidarité des tailleurs", заявила (при обсужденiи вопроса объ отношенiяхъ между земледѣльческимъ пролетарiатомъ и промышленнымъ), что, по ея мнѣнiю, „повсюду, гдѣ находится гарнизонъ, надлежитъ вести дѣятельную пропаганду, направленую къ искорененiю въ умахъ молодыхъ солдатъ представленiя о необходимости дисциплины, внушаемой имъ, и вмѣсто того убѣдить эту молодежь, что единственный ея долгъ заключается въ томъ, чтобы быть заодно съ пролетарiатомъ всѣхъ отраслей промышленности".

Вопросъ объ упраздненiи постоянныхъ армiй обсуждался и на одиннадцатомъ французскомъ конгрессѣ соцiалистовъ въ Сенъ-Кантенѣ. Докладчикомъ коммисiи по этому вопросу былъ Жанъ Клеманъ, который заявилъ, что противодѣйствiю милитаризму со стороны соцiалистовъ не должны помѣшать ни обвиненiя, ни клеветы, ни клички „пруссаки", потому что ко всему этому они уже привыкли. Коммисiя, главнымъ образомъ, указывала на громадныя жертвы людьми и деньгами, поглощаемыя войной. По офицiальнымъ статистическимъ свѣдѣнiямъ, опубликованнымъ англiйскимъ военнымъ журналомъ, оказывается, что съ 1859 г. по 1877 годъ въ войнахъ погибло 1.795,000 человѣкъ и издержано 69 миллiардовъ! „Эта масса людей и золота, которые могли бы содѣйствовать развитiю благосостоянiя людей, пошла на ужасное дѣло поддержанiя и возбужденiя худшаго изъ инстинктовъ — безцѣльной ненависти, ведущей къ взаимному отчужденiю народовъ". „И какая страшная картина предстала бы передъ вами, —говоритъ далѣе Клеманъ, —если бы мы стали перечислять всѣ орудiя смерти, изобрѣтенныя въ послѣднее

время для будущей войны. Изобрѣтатели не стыдятся во всеуслышаніе радовать капиталистовъ и пріобрѣтателей, что отнынѣ каждая рана влечетъ за собой смерть, что города и села будутъ горѣть, какъ зажигательныя спички, и что поля битвъ будутъ усѣяны сотнями тысячъ убитыхъ. Кто же послѣ этого откажется соединиться съ нами и, прежде всего, не воспротивятся ли матери повторенію гекатомбъ?"

Затѣмъ, конгрессъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Находя, что постоянныя арміи составляютъ причину разоренія и обѣдненія населеній, что они же представляютъ собой непрерывную угрозу для мира и притомъ находятся въ распоряженіи враговъ народа и служатъ школой одичанія и порчи народныхъ нравовъ, что изъ рядовъ арміи чаще всего появляются бунтовщики противъ государства и тщеславные деспоты, что они никогда не умѣли безъ помощи народнаго ополченія спасти родину отъ завоевателей,—конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы постоянныя арміи были замѣнены организаціей вооруженія народа и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отмѣненъ законъ, воспрещающій существованіе международнаго союза рабочихъ".

„Для противодѣйствія братоубійственнымъ намѣреніямъ правительствъ разныхъ странъ, конгрессъ постановляетъ: на каждое объявленіе войны кѣмъ бы то ни было соціалисты всѣхъ странъ должны отвѣчать объявленіемъ войны соціальной".

Въ заключеніе, конгрессъ провозглашаетъ, что онъ протестуетъ противъ братоубійства въ формѣ войны между народами, противъ всякого рода политической ненависти, что онъ стремится къ упраздненію границъ и что идеалъ его заключается во всеобщемъ мирномъ развитіи труда, среди свободы и справедливости, совершенствуемыхъ подъ покровительствомъ соціальной всеобщей республики.

Кромѣ описанныхъ конгрессовъ, общихъ для цѣлой страны, во Франціи существуютъ еще мѣстные конгрессы въ тѣсномъ смыслѣ то есть такіе, въ которыхъ участіе принимаютъ представители одной какой либо провинціи (congrès régionals). На одномъ изъ такихъ собраній (l'union fédérative), происходившемъ въ 1891 году въ Парижѣ, рабочіе обратились съ воззваніемъ къ производителямъ цѣлаго свѣта (главнымъ образомъ Германіи, Австріи и Италіи), прося ихъ противодѣйствовать всѣми силами всякому военному предпріятію ихъ правительствъ.

Германія. Первый конгрессъ соціалистическаго характера, состоявшійся въ Германіи, собранъ былъ Лассалемъ въ Лейпцигѣ въ 1863 году. Лассаль и его сторонники, какъ извѣстно, стояли на почвѣ чисто народнической и мирились даже съ политикой Бисмарка. Съ общимъ соціалистическимъ направленіемъ ихъ соединяла лишь экономическая сторона ученія; поэтому движеніе это не касается непосредственно занимающаго насъ предмета—агитаціи противъ войны. Впрочемъ, еще при Лассалѣ обнаружилось стремленіе нѣмецкихъ соціалистовъ приблизиться къ идеямъ и организаціи «международнаго союза рабочихъ", и уже нюренбергскій конгрессъ 1868 г., по количеству участвовавшихъ въ немъ отдѣльныхъ обществъ, представлялъ собою довольно импонирующую манифестацію германскихъ рабочихъ, притомъ въ духѣ не Лассаля, а Маркса и его учениковъ *), переходя къ общенію съ «международнымъ союзомъ». Нюренбергскій конгрессъ принялъ начала, выраженныя въ „манифестѣ" Маркса и Энгельса 1847 года, и „манифестъ" этотъ сталъ съ тѣхъ поръ программой германской секціи „международнаго союза". Согласно съ нимъ, нюренбергскій конгрессъ принялъ слѣдующія основныя положенія: для того, чтобы стремленія народовъ къ экономическому освобожденію не оставались безплодными по отсутствію солидарности, необходимо имѣть центръ для братскаго единенія трудящихся классовъ всѣхъ странъ; освобожденіе труда представляетъ собой вопросъ не національный, но соціальный, общій для рабочихъ всѣхъ странъ; освобожденіе это должно совершиться борьбою самихъ трудящихся классовъ не за какія-либо привилегіи, но за уничтоженіе всякаго неравенства; экономическая зависимость рабочихъ отъ собственниковъ орудій труда создаетъ основу рабства, нищеты, нравственнаго приниженія; политическая свобода необходима для освобожденія экономическаго, поэтому оба эти дѣла неразлучны; „международный союзъ" уже объявилъ въ Германіи о своемъ существованіи; затѣмъ необходимо склонить „общій союзъ германскихъ рабочихъ" (основанный Лассалемъ) къ единенію съ „союзомъ международнымъ".

*) Главными сторонниками Маркса и предводителями международнаго соціализма въ Германіи были Бебель и Либкнехтъ.

Въ этой программѣ сущность соціализма разумѣется въ уничтоженіи пролетаріата и передачѣ всего національнаго богатства и самой власти въ руки организаціи, дѣйствующей на началѣ „коллективизма". Въ этомъ направленіи и пошло ближайшее развитіе соціалистической организаціи въ Германіи.

Правда, лагерь лассальянцевъ пробовалъ оказать сопротивленіе идеѣ эманципаціи рабочаго класса собственными его усиліями и соціализму раціоналистическому и республиканскому онъ пытался противопоставить свой соціализмъ — диктаторскій, даже правительственный. Но окончательное противъ лассальянцевъ недовольство возбудило то, отчасти пассивное, отчасти даже сочувственное государству положеніе, какое они заняли при войнѣ 1870 года, въ то время, какъ члены „международнаго общества", съ немалою для себя опасностью, открыто протестовали противъ войны. Бебель и Либкнехтъ подали голоса противъ займа на войну, объявляя, что это — „война династическая, преднамѣренно, издавна подготовленная прусскимъ правительствомъ, для возвышенія и во славу гогенцолернскаго дома". Они же предсказали, затѣмъ, что послѣдствіемъ этой войны явятся со временемъ союзъ Франціи съ Россіею и борьба между германствомъ и славянствомъ. Вмѣстѣ съ Марксомъ, они рѣшительно высказались противъ присоединенія къ Германіи Эльзасъ-Лотарингіи, а за открытое возвеличеніе ими парижской коммуны были обвинены въ государственной измѣнѣ и приговорены къ двухгодовому заключенію въ крѣпости. Это направленіе увлекло германскихъ соціалистовъ и лассалевскія общества были оставлены своими членами, которые присоединились къ «международному союзу».

Въ маѣ 1875 года нѣмецкіе соціалисты собрались на конгрессъ въ Готѣ. Здѣсь обѣ соціалистическія партіи, доселѣ существовавшія въ Германіи отдѣльно, соединились, принявъ общее имъ названіе „Socialistische Arbeiterpartei Deutschlands". Депутатъ Газенклеверъ избранъ былъ ея президентомъ. Но уже въ августѣ того-же года сторонники Лассаля устроили отдѣльный съѣздъ въ Гамбургѣ, послѣ чего окончательное сліяніе обѣихъ партій наступило лишь въ 1876 году.

Готскій конгрессъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи нѣмецкаго соціализма, такъ какъ формулированная на немъ программа признается обязательной до настоящаго времени. Главныя ея основы заключаются въ слѣдующемъ: „Источ-

никомъ всякаго благосостоянія и богатства можетъ быть лишь трудъ. Такъ какъ полезность его является лишь вслѣдствіе общественнаго устройства людей, то всѣ продукты труда составляютъ собственность общества, т. е. всѣхъ отдѣльныхъ его членовъ, и каждый трудящійся имѣетъ право на ту часть продукта, необходимость коей раціонально вычислена. Въ современномъ обществѣ орудія труда составляютъ монополію класса капиталистовъ. Такое положеніе порождаетъ зависимость рабочаго класса, что́ приводитъ послѣдній къ обездоленію и рабству во всевозможныхъ видахъ. Освобожденіе труда требуетъ, чтобы орудія его сдѣлались достояніемъ всего общества, которому предстоитъ распоряжаться ими въ видахъ всеобщей пользы и затѣмъ по справедливости распредѣлять продукты труда. Освобожденіе труда должно быть достигнуто усиліями рабочаго класса, въ отношеніи котораго всѣ прочіе классы признаются реакціонною массой. Исходя изъ этихъ началъ, нѣмецкая партія рабочихъ ставитъ себѣ цѣлью стремиться всѣми законными средствами къ образованію свободнаго государства и соціалистическому устройству общества, къ уничтоженію системы заработной платы, упраздненію эксплоатаціи труда и всякаго рода политическаго и общественнаго неравенства между людьми. Нѣмецкая соціалистическая партія дѣйствуетъ пока лишь въ предѣлахъ своей народности, хотя и признаетъ за этимъ движеніемъ международный характеръ. Поэтому, она рѣшилась, съ своей стороны, исполнить всѣ обязанности, налагаемыя на нее идеей солидарности и братства между рабочими всѣхъ странъ."

Изъ числа средствъ для достиженія этихъ основъ указано было на возможность учрежденія товариществъ при помощи правительства, на всеобщее участіе въ выборахъ и на непосредственное участіе гражданъ въ законодательствѣ; наконецъ, чтобы рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ прямо зависѣло отъ народа, требовалось упраздненіе постоянныхъ армій, вооруженіе всѣхъ гражданъ и. т. д. Конгрессъ, кромѣ того, требовалъ активнаго вмѣшательства въ вопросъ всеобщаго разоруженія.

Исключительные законы, изданнные противъ соціалистовъ въ 1878 году, воспрепятствовали дальнѣйшему устройству конгрессовъ въ Германіи. Поэтому, нѣсколько подобныхъ съѣздовъ происходило заграницей. Усилившаяся, вслѣдствіе

этого воспрещенія, борьба между германскимъ правительствомъ и соціалистами имѣла послѣдствіемъ то, что нѣмецкому соціализму приданъ былъ нѣсколько революціонный характеръ, и на конгрессѣ близъ Цюриха въ 1880 году рѣшено было даже вовсе исключить изъ программы ихъ дѣйствій слова: „законными средствами".

Впрочемъ, всего черезъ три года послѣ этого на конгрессѣ въ Копенгагенѣ уже прямо высказывалась мысль, что хотя соціализмъ не представляетъ собой ни парламентскихъ политиковъ, ни революціонеровъ, но что партію ихъ нельзя не считать революціонною, такъ какъ она стремится къ перевороту существующаго общественнаго строя, и было бы иллюзіей полагать, что осуществленіе этого переворота мирнымъ путемъ возможно.

Если вникнуть въ эти слова, высказанныя вліятельнымъ ораторомъ, то въ нихъ нельзя усмотрѣть прямого возбужденія къ бунту, но въ массѣ, не привыкшей останавливаться на точномъ пониманіи словъ, эта рѣчь вызывала несомнѣнно революціонныя желанія и мысли.

Наиболѣе опытные предводители нѣмецкихъ соціалистовъ, Бебель и Либкнехтъ, всячески старались удержать ихъ на прежнемъ законномъ пути, съ котораго репрессивныя мѣры легко могли столкнуть ихъ въ бездну революціи. Оба эти трибуна подверглись, вслѣдствіе этого, нападкамъ Моста, какъ организатора нѣмецкихъ анархистовъ и участниковъ международнаго конгресса, происходившаго въ 1880 году одновременно съ цюрихскимъ. Наконецъ, и въ средѣ самыхъ соціалъ-демократовъ образовалось крайнее направленіе, но большинство держалось мнѣній Бебеля и Либкнехта и вскорѣ затѣмъ оно дождалось отмѣны исключительныхъ законовъ, касавшихся соціалистовъ. Въ 1890 году германскіе соціалисты имѣли уже возможность устроить собраніе въ предѣлахъ своего отечества. Конгрессъ на этотъ разъ собрался въ Галлѣ.

Съ этого времени мѣстные конгрессы нѣмецкой соціалистической партіи собираются ежегодно въ разныхъ городахъ Германіи и на каждомъ изъ нихъ повторяются резолюціи, касающіяся милитаризма и истощающаго Европу вооруженнаго мира.

Четвертый конгрессъ нѣмецкихъ соціалистовъ былъ посвященъ, главнымъ образомъ, изысканію мѣръ для сообщенія соціалистическаго движенія деревнѣ. Рѣшено заняться орга-

низаціей соотвѣтственныхъ комитетовъ, устройствомъ публичныхъ чтеній и изданіемъ брошюръ. Въ 1895 году конгрессъ происходилъ въ Бреславлѣ, гдѣ обсуждались вопросы о внутренней организаціи партіи и о ея нуждахъ.

Для цѣлей настоящаго труда представлялся бы излишнимъ обзоръ развитія соціализма въ другихъ государствахъ*). Но представленный нами очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не коснулись того особаго стремленія, которое, зародившись въ лонѣ соціализма, произвело расколъ въ организаціи соціалистической партіи и представляетъ спеціальный для насъ интересъ по той причинѣ, что оно служитъ именно ферментомъ, подготовляющимъ безпорядки. Мы говоримъ теперь объ *анархизмѣ*. Теоретическая сторона его гораздо слабѣе, чѣмъ доктрина ученаго соціализма, и потому, въ конечномъ результатѣ, анархизмъ представляется менѣе опаснымъ для существующаго общественнаго строя. Но, разсуждая о тѣхъ фактическихъ, положимъ, только временныхъ пертурбаціяхъ, какія могли бы возникнуть при кризисѣ, вызванномъ войной, мы не можемъ оставить безъ вниманія анархизмъ, который, вѣроятно, и послужилъ бы фитилемъ для взрыва страстей взволнованной толпы и ея инстинктовъ разрушенія.

Очеркъ развитія анархизма.

Теоретической основой анархизма является отрицаніе той принудительной, юридической связи между людьми, которая составляетъ сущность союза государственнаго.

*) Въ дополненіе къ вышеизложеннымъ даннымъ о развитіи соціализма, мы приводимъ здѣсь свѣдѣнія о числѣ соціалистическихъ газетъ, выходящихъ въ разныхъ странахъ.

Въ Франціи	100	Въ Греціи	3
» Германіи	77	» Норвегіи	2
» Италіи	47	» Швеціи	3
» Голландіи	26	» Сербіи	1
» Швейцаріи	16	» Испаніи	13
» Бельгіи	25	» Португаліи	10
» Австріи	35		
» Англіи	11	Всего	458
» Соед. Штатахъ	48		
» Южн. Америкѣ	26	Изъ коихъ	
» Даніи	7		
» Румыніи	4	Въ Европѣ	384
» Болгаріи	4	» Америкѣ	74

Анархизмъ, какъ показываетъ самое его названіе, отрицаетъ именно какое-либо *правленіе*. Но при этомъ, анархисты не отвергаютъ необходимости какой-либо связи, соглашенія между людьми, какой-либо гармоніи въ общественномъ бытѣ. Только въ этомъ отношеніи взгляды ихъ расходятся. Вообще, у нихъ опредѣленна и сильна только сторона отрицательная, положительная же туманна и неопредѣленна.

Какой же возможенъ общественный порядокъ, кромѣ того, который основанъ на законѣ, имѣющемъ принудительную силу? Исканія такого новаго строя у анархистовъ расходятся по двумъ главнымъ направленіямъ, которыя можно обозначить именами двухъ иниціаторовъ: Пьера-Жозефа Прудона (1809—65) и Каспара Шмидта (1806—56), писавшаго подъ псевдонимомъ „Максъ Штирнеръ“.

Прудонъ предполагалъ такую общественную связь, которая заключалась бы въ системѣ экономическаго „мутуализма“, то-есть взаимодѣйствія въ области кредита, производства и обмѣна, съ упраздненіемъ денегъ и всякаго процента (crédit gratuit). Производители являются участниками въ національномъ банкѣ, которому они сдаютъ продукты своего труда: жизненные припасы, предметы одежды, мебель, предметы роскоши и проч. Оцѣнщики банка провѣряютъ поставленное и назначаютъ ему цѣну, которая включаетъ только издержки на производство и употребленное на него рабочее время, безъ всякаго барыша.

За свои продукты и издѣлія производитель (работникъ) получаетъ изъ банка мѣновой билетъ (bon d'échange), на который онъ въ томъ же банкѣ можетъ пріобрѣсть любыя равноцѣнныя вещи. Но сверхъ того, банкъ выдаетъ, въ такихъ же мѣновыхъ билетахъ, ссуды на производство. Такимъ образомъ, мѣновые билеты служатъ только посредниками взаимодѣйствія между производствомъ и потребленіемъ, а деньги и кредитъ, которые нынѣ представляютъ самостоятельную силу, главное орудіе «порабощенія (l'exploitation de l'homme par l'homme)», упраздняются.

Цѣль этой системы была именно анархистская. «Мой проектъ о банкѣ—поясняетъ Прудонъ въ одномъ письмѣ—представлялъ не что иное, какъ заявленіе, что государственная власть лишилась права на существованіе. Я предложилъ устройство, котораго послѣдствіемъ, при успѣхѣ, было бы постепенное упраздненіе всей машины правленія:

государство, съ его полумилліонной арміею и 2 милл. бюджета, исчезало»...

Однако, опытъ учрежденія банка на этихъ началахъ въ 1849 году привелъ къ полной неудачѣ *).

Максъ Штирнеръ написалъ сочиненіе о личности въ ея будущемъ развитіи, гдѣ съ увлеченіемъ и талантомъ проповѣдывалъ освобожденіе личности отъ государства и общественныхъ учрежденій. Мѣсто ихъ должны занять вольныя общины, члены которыхъ будутъ свободны, не будутъ связаны никакимъ принужденіемъ; каждому предоставлено будетъ свободно вступать въ общину и выходить изъ нея, совершенно независимо отъ того, что нынѣ называется идеей долга. Но Штирнеръ былъ скорѣе философъ, чѣмъ публицистъ.

Прудонъ и Штирнеръ не нашли непосредственныхъ продолжателей въ разработкѣ анархистской теоріи. Когда въ 60-хъ годахъ сталъ зарождаться анархизмъ въ его новѣйшемъ смыслѣ, то сторонники его мало ссылались на названныхъ первоучителей. Только въ послѣдніе годы о нихъ заговорили опять. Но сколько нибудь осязательнаго опредѣленія теоріи анархизма не имѣется и до сихъ поръ.

Энергичнымъ пропагандаторомъ анархизма былъ Бакунинъ. Но у него преобладала сторона политическая: онъ отрицалъ государство, замѣняя его вольными общинами, но не объяснялъ началъ ихъ устройства, ссылась на то, что освобожденный народъ самъ выразитъ свой идеалъ. Онъ дѣятельно боролся противъ Маркса и его сторонниковъ; отъ него же ведетъ свое начало анархизмъ воинствующій, террористическій.

Вотъ какъ характеризуетъ Бакунина извѣстный баденскій революціонеръ, Карлъ Блиндъ: «Бакунинъ въ разговорахъ любилъ ссылаться на гегелевскую философію, въ особенности на то, что въ ней есть наиболѣе запутаннаго и темнаго. Извѣстно, что, благодаря этой запутанности, къ ней прибѣгали и консерваторы, и революціонеры: одни чтобы осудить разрушеніе, а другіе съ цѣлью оправдать это разрушеніе, послѣ котораго долженъ настать золотой вѣкъ. Бакунинъ превыше всего ставилъ именно разрушеніе всего

*) Stammler, «Die Theorie des Anarchismus». Berlin. 1891.

существующаго и постоянно повторялъ цитату изъ Гете, довольно загадочную:

Und alles was besteht
Ist werth dass es zu Grunde geht;
Drum besser wär's, das nichts entstände...»

Взятый съ оружіемъ въ рукахъ во время одного революціоннаго движенія, Бакунинъ подлежалъ разстрѣлянію, но былъ вытребованъ Австріею за участіе въ заговорѣ въ Богеміи. Приговоренный во второй разъ къ смертной казни, онъ былъ, однако, выданъ по требованію Россіи и въ 1852 году сосланъ въ Сибирь. Такое удивительное стеченіе обстоятельствъ породило среди германскихъ революціонеровъ враждебные Бакунину слухи. Они возобновились, когда ему удалось бѣжать изъ ссылки. Одни разсказывали, будто онъ вымолилъ себѣ прощеніе, а другіе—будто онъ предалъ своихъ товарищей по ссылкѣ. Русскіе революціонеры, жившіе въ Лондонѣ, торжественно отреклись отъ него.

Въ 1862 году Бакунинъ снова появился въ Лондонѣ и въ изданной въ слѣдующемъ году брошюрѣ развивалъ идею революціонно-панславистскую: освобожденіе всѣхъ славянъ и союзъ ихъ съ угнетенными Италіею, Румыніею и Греціею для борьбы противъ Пруссіи, Австріи и Турціи, съ основаніемъ „великой, свободной всеславянской федераціи". Около 1864 г. онъ поселился въ Швейцаріи и посвятилъ все свое время революціонной пропагандѣ.

Въ 1865 году возникла, такъ называемая, „интернаціоналка", то есть „международный союзъ рабочихъ», но въ немъ не было для Бакунина роли, которая удовлетворяла бы его честолюбіе, такъ какъ преобладавшимъ авторитетомъ былъ Марксъ, нерасположенный къ Бакунину. Вслѣдствіе этого, послѣдній основалъ „международный союзъ соціальной демократіи", изъ котораго чрезъ нѣсколько лѣтъ и вышла собственно анархистская партія.

На четвертомъ конгрессѣ «международнаго союза рабочихъ» въ Базелѣ, Бакунинъ явился уже вліятельнымъ дѣятелемъ и нанесъ пораженіе Марксу декларацією, которая была одобрена большинствомъ голосовъ. Декларація эта основывалась на идеяхъ Прудона и Штирнера. „Мы подаемъ голоса за коллективное пользованіе въ частности—земельной собственностью, а въ общемъ правилѣ —и всѣмъ общественнымъ богат-

ствомъ, въ смыслѣ осуществленія соціальной ликвидаціи. Подъ соціальной ликвидаціею мы разумѣемъ: экспропріацію въ принципѣ (en droit) всей нынѣшней собственности, посредствомъ упраздненія государства политическаго и юридическаго, которое составляетъ единственную санкцію нынѣшней собственности и служитъ единственнымъ ея обезпеченіемъ; затѣмъ — фактическое осуществленіе этой экспропріаціи повсемѣстно, по мѣрѣ возможности и насколько это окажется неотлагательнымъ по силѣ самыхъ событій».

По отношенію къ будущей общественной организаціи, Бакунинъ развивалъ такое начало, что всякій производительный трудъ по необходимости является трудомъ коллективнымъ, такъ какъ даже трудъ единичной личности есть продуктъ коллективности усилій предшествовавшихъ и современнаго поколѣній. Поэтому, онъ предлагалъ составленіе союза вольныхъ общинъ. „Я — говорилъ онъ — рѣшительный противникъ государства и буржуазно-государственной политики. Я требую упраздненія всякихъ государствъ національныхъ и территоріальныхъ и устройства на ихъ развалинахъ международнаго государства рабочихъ." Затѣмъ, на частномъ конгрессѣ интернаціоналистовъ въ французской Швейцаріи, въ Шо-де-Фоссъ, въ 1870 г., Бакунинъ заставилъ марксистовъ удалиться изъ собранія и съ большинствомъ, которое оказалось на его сторонѣ, основалъ «юрскій союзъ (confèderation jurassienne)» въ 1871 году.

Но Марксъ, въ 1871 г., созвалъ общій интернаціональный конгрессъ въ Гагѣ, куда Бакунинъ не могъ явиться, такъ какъ для него былъ закрытъ проѣздъ чрезъ Францію и чрезъ Германію: въ обѣихъ этихъ странахъ надъ нимъ висѣли судебные приговоры. Избравъ мѣстомъ сбора для конгресса Гагу, Марксъ тѣмъ самымъ устранилъ своего противника отъ участія въ этомъ собраніи, въ которомъ и одержалъ верхъ надъ приверженцами Бакунина. Но этотъ послѣдній не остался въ долгу: въ 1873 году, «юрскій союзъ» созвалъ шестой общій конгрессъ интернаціоналистовъ въ Женевѣ, и здѣсь Бакунинъ одержалъ надъ Марксомъ полную побѣду: конгрессъ упразднилъ „генеральный совѣтъ" международнаго союза рабочихъ, чѣмъ былъ нанесенъ окончательный ударъ организаціи, облеченной властью, а вмѣстѣ съ нею — и самому интернаціональному союзу.

На развалинахъ его утвердились приверженцы „федерализма“ и „анти-авторитизма“, то есть приверженцы именно анархизма, который занялъ особое мѣсто среди разныхъ толковъ революціоннаго соціализма, каковы, напр., коллективисты, поссибилисты и др.

Бакунинъ умеръ въ 1876 году въ Швейцаріи, послѣ торжества своихъ началъ, представлявшагося пораженіемъ „интернаціоналки“ и образованіемъ цѣлой партіи, принявшей эти начала.

Осенью того же года, уже послѣ смерти Бакунина, послѣдователи этого, крайняго революціоннаго ученія собрались въ Бернѣ на конгрессъ, въ которомъ и проявились характеристическія черты анархизма. Тамъ выступилъ на международную сцену Крапоткинъ. На этомъ конгрессѣ произнесено было полное осужденіе надъ парижской коммуной— не за поджоги и убійство заложниковъ, но за то, что она представила собой правленіе, облеченное властью, и даже возстановила въ Парижѣ органы администраціи. Доктрина анархизма здѣсь была выражена въ смыслѣ разрушенія существующаго общественнаго порядка и отсутствія какихъ либо постоянныхъ теорій, ограниченныхъ впередъ указанными положительными предѣлами.

Естественно, что ученіе, которое въ сущности сводилось на одно разрушеніе, логически не могло не вызвать на дѣлѣ попытокъ къ разрушенію. Уже на томъ-же конгрессѣ два итальянскихъ делегата, Кафьеро и Малатеста, прочли декларацію, въ которой впервые было заявлено лишь о пропагандѣ посредствомъ дѣйствія. По ихъ заявленію, „итальянскій союзъ полагалъ, что только революціонное дѣйствіе (fait insurrectionnel), имѣющее цѣлью подтвердить на дѣлѣ соціалистическіе принципы, можетъ составить успѣшное средство пропаганды“

И дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1877 года произошла революціонная попытка въ Беневентской области, въ Италіи. Кафьеро съ группою приверженцевъ сожгли архивы въ Летино и Санъ-Гало, захватили оружіе и казначейство и захваченное роздали народу. Въ 1878 году было совершено покушеніе на жизнь короля Гумберта.

Въ Германіи пропаганда Бакунина не имѣла успѣха, такъ какъ его считали тамъ человѣкомъ подозрительнымъ и вообще незаслуживающимъ симпатіи. Но все-таки надо от-

мѣтить, что въ 1878 году произошли два извѣстныя покушенія Нобилинга и Геделя, изъ которыхъ послѣднiй показалъ на судѣ, что къ преступленію его побудили анархистскія ученія. Было еще обстоятельство, которое влекло наиболѣе горячія головы въ то время къ анархизму. Въ октябрѣ 1878 года (по изданіи въ Германіи извѣстныхъ исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ, отмѣненныхъ при императорѣ Вильгельмѣ II), комитетъ, (Parteileitung) соціально-демократической партіи рѣшилъ пріостановить на время демонстраціи и открытую пропаганду. Тогда сторонники крайнихъ мѣръ стали обвинять признанныхъ вожаковъ въ измѣнѣ и хотѣли немедленно поднять знамя революціи.

Главнымъ крикуномъ и агитаторомъ въ этомъ направленіи явился бывшій соціалъ-демократическій депутатъ въ рейхстагѣ, Іоганнъ Мостъ, обладавшій замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и смѣлостью. Онъ сталъ издавать въ Лондонѣ, отъ имени коммунистическаго союза самообразованія рабочихъ, еженедѣльную газету „Freiheit", которая ставила себѣ цѣлью вызвать немедленно возстаніе. Первые нумера этой газеты разсылались безплатно по всѣмъ адресамъ, какіе только были извѣстны Мосту въ Германіи и Австріи. Статьи писались увлекательно и обратили на себя вниманіе, а такъ какъ въ тоже время вся соціалистическая печать въ Германіи была прекращена, въ силу новаго закона, а сходки соціалистовъ разгонялись полиціею и многіе соціалисты подверглись высылкѣ, то все это до такой степени усилило значеніе газеты Моста, что она дѣлалась уже опасною для болѣе умѣренной, соціалъ-демократической партіи. Хотя „Freiheit" и была вскорѣ запрещена въ Германіи, но вожди парламентскаго соціализма, Либкнехтъ и Бебель, все-таки сочли нужнымъ отречься отъ взглядовъ Моста, который за то сталъ осыпать ругательствами всю германскую соціалъ-демократію.

Тогда вожди послѣдней согласились на предложенное имъ книгопродавцемъ Концеттомъ основаніе въ Цюрихѣ органа, подъ названіемъ „Social-Demokrat", для противодѣйствія революціонной агитаціи Моста. Эта газета начала выходить въ октябрѣ 1879 года, и такъ какъ ей былъ переданъ списокъ подписчиковъ прежняго органа соціалъ-демократической партіи, газеты „Vorwärts", которая подверглась запрещенію, то „Social-Demokrat" скоро опередилъ въ подпискѣ „Freiheit", что̀ вызвало со стороны Моста самыя нелѣпыя

обвиненія противъ конкуррента, который на всѣ оскорбленія отвѣчалъ съ пренебрежительною ироніей. Наконецъ, на виденскомъ конгрессѣ, въ августѣ 1880 года, большинствомъ 50-ти голосовъ противъ 2, Мостъ былъ исключенъ изъ состава соціалъ-демократической партіи.

До этого времени Мостъ подвергалъ осужденію только пріемы, тактику соціалъ-демократовъ. Но, затѣмъ, онъ обрушился всей силою на самое міровоззрѣніе и теоретическую программу ихъ. «Соціалъ-демократы учатъ — писалъ онъ — что свобода личности ограничена, что каждый можетъ дѣлать только то, что согласно съ интересами всѣхъ (der Gesammtheit). Но какое мнѣ дѣло до всѣхъ? Я хочу свободы неограниченной, хочу дѣлать или недѣлать все, что мнѣ нравится. Для меня не существуютъ ни законы, ни компромиссы. „Народное государство (Volksstaat)“ соціалъ-демократовъ, это все тотъ же исправительный домъ, только съ названіемъ народнаго. Поэтому — прочь его и давайте намъ общество свободное, въ которомъ каждый устроитъ свою жизнь такъ, какъ самъ захочетъ“. Такимъ образомъ, Мостъ и объявился чистымъ анархистомъ.

Какъ уже сказано было выше, анархизмъ стремится, во первыхъ, къ соціальной революціи, къ разрушенію всего существующаго нынѣ общественнаго строя, а во вторыхъ, къ открытію новой соціальной формы, которая имѣетъ тотчасъ утвердиться на развалинахъ прежней.

Но до сихъ поръ онъ состоитъ собственно изъ однихъ отрицаній. По этому ученію, не должно быть ни вождей, ни подчиненныхъ; каждый управляется самъ собой — таковъ идеалъ. Ученіе это проповѣдуетъ жизнь вполнѣ свободную, неподлежащую ничьей власти и никакому стѣсненію.

Такъ и въ самой анархистской партіи нѣтъ какой либо центральной власти — ни генеральнаго совѣта, какъ въ интернаціоналкѣ, ни правительствующаго комитета, какой имѣла коммуна. Образуются отдѣльныя группы, а каждая группа дѣйствуетъ по собственнному убѣжденію. Отсюда, сказать мимоходомъ, особая трудность для полицейскихъ властей слѣдить за предпріятіями анархистовъ; у нѣкоторыхъ нѣтъ признанныхъ вождей, такъ что полиція не знаетъ, за кѣмъ слѣдить, и даже, заручившись содѣйствіемъ какого-либо члена, готоваго предать свою партію, не можетъ добыть никакого общаго плана, ни предвидѣть, что предприметъ та или

другая группа. Члены такой группы собираются, происходитъ обмѣнъ взглядовъ, брошюръ, газетъ; товарищи распредѣляютъ между собой работу пропаганды и условливаются о дальнѣйшихъ публичныхъ или тайныхъ сходкахъ.

„Анархія есть негація власти, которая опирается на семейство, собственность, церковь и проч., создала законы, суды, армію, парламентъ, администрацію—учрежденія, которыхъ необходимость таже власть провозглашаетъ съ цѣлью оправдать свое собственное существованіе. А потому анархисты и должны нападать за всѣ эти учрежденія". Такое опредѣленіе анархизма даетъ Ж. Гравъ въ своей книгѣ объ „Умирающемъ обществѣ (Société mourante)". Въ теоріи анархизма, сверхъ основной его идеи разрушенія, можно еще найти примѣсь коммунизма въ духѣ проповѣдывавшагося сто лѣтъ тому назадъ Бабёфомъ (1795 годъ) и выраженнаго въ формулѣ: „отъ каждаго въ мѣру его способностей, а каждому по мѣрѣ его потребностей". У сенъ-симонистовъ была иная формула: „каждому по его способности, а каждой способности по ея дѣламъ". Итакъ, анархизмъ не произвелъ никакой собственной теоріи въ смыслѣ положительномъ. Насколько авторы-анархисты раскрыли передъ нами тотъ рай, который они обѣщаютъ будущему обществу, этотъ рай, съ его „гармоніею" и „благостью", имѣющими водвориться на землѣ, прямо заимствованы у коммунизма.

Нѣкоторыя откровенія въ этомъ смыслѣ можно найти въ двухъ книгахъ «Conqête du pain» Крапоткина и Société ou lendemain de la révolution» Грава. «Все должно принадлежать всѣмъ — пишетъ Крапоткинъ. Цѣлыя поколѣнія, рожденныя и умершія въ нищетѣ и униженіи, угнетаемыя своими властелинами, падавшія подъ бременемъ труда, завѣщали XIX-му вѣку громадное наслѣдство, которое этимъ вѣкомъ еще сильно пріумножено. Все должно быть для всѣхъ, ибо всѣ въ немъ нуждаются, всѣ работали по мѣрѣ силъ, и представляется невозможнымъ опредѣлить ту часть, какая пришлась бы на каждаго отдѣльно въ суммѣ произведеннаго богатства... Все должно быть для всѣхъ! И коль скоро мужчина и женщина приносятъ свою долю труда, они имѣютъ право на долю всего того, что доселѣ было и впредь имѣетъ быть произведено на цѣломъ свѣтѣ. И одна эта доля уже даетъ каждому достатокъ. Довольно уже по-

сились съ такими двусмысленными формулами, какъ «право на трудъ» или «каждому полностью все произведенное его трудомъ». Мы провозглашаемъ вотъ что: право на *достатокъ*, достаточное положеніе для всѣхъ».

Анархисты не принимаютъ никакого возраженія. Когда „все" растащатъ, они будутъ отпускать довольствіе раціонами. Но не придется-ли имъ кормить лѣнтяевъ? Нѣтъ, лѣнтяевъ, по ихъ убѣжденію, не можетъ быть, когда никто не будетъ работать для обогащенія другаго; только безумецъ „могъ-бы лишить себя удовольствія, доставляемаго трудомъ." Но кто-же возьмется съ удовольствіемъ за работы тяжелыя или отвратительныя? Ихъ будутъ исполнять добровольно по очереди. А какъ же быть съ преступниками? Ихъ не будетъ, когда не станетъ нищеты и рабства. У анархистовъ есть на все готовые отвѣты.

И трудъ, который имъ самимъ представляется столь тяжелымъ, у нихъ, при новомъ строѣ, станетъ легокъ и пріятенъ. Пахать, сѣять, жать, косить — пустяки, прогулки среди полей, гимнастика немного утомительная, зато здоровая. А работа въ рудникахъ сдѣлается ли легче при новомъ строѣ? Навѣрное, найдется средство. Впрочемъ, Кропоткинъ полагаетъ, что она можетъ сдѣлаться излишнею. „Придумаютъ — говоритъ онъ — такую машину, которая будетъ собирать и направлять солнечные лучи и заставитъ работать лучи настоящаго и будущаго времени; тогда не будетъ нужды спускаться подъ землю и откапывать тамъ продукты солнечныхъ лучей минувшихъ періодовъ."

Проф. Штаммлеръ *) отводитъ особое мѣсто анархизму „индивидуалистическому", который также предполагаетъ все устроить на основаніи добровольнаго согласія, но отчасти расходится съ другими соціалистическими ученіями, какъ относительно практическихъ пріемовъ, такъ и въ самыхъ принципахъ. Въ литературѣ главными представителями этой, сравнительно небольшой, группы анархистовъ являются Тэккеръ, издатель нью-іоркской газеты „Liberty not the daughter but the mother of order", и Маккай, талантливый авторъ полу-беллетристическаго сочиненія „Die Anarchisten". Къ нимъ можно причислить и Ибсена. Вотъ что онъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Брандесу: „Государство — это

*) Stammler, «Die Theorie des Anarchismus». Berlin. 1894.

гибель личности. Чѣмъ куплена государственная сила Пруссіи? Полнымъ изчезновеніемъ личности въ политическо-географическомъ понятіи. Долой государство! Въ этомъ переворотѣ я приму участіе. Слѣдуетъ подкапывать понятіе о государствѣ и основаніемъ всякаго союза ставить добровольное согласіе и духовное сродство (das geistig Verwandte); въ этомъ только и можетъ заключаться доступъ къ такой свободѣ, которая имѣетъ цѣну".

Возвращаясь къ воинствующему лагерю анархистовъ, повторимъ, что изъ ученія о разрушеніи естественно должны были истечь попытки пропаганды посредствомъ самаго разрушенія. Но анархистами не выяснено, какими именно путями осуществятся „гармонія" и „благость", кромѣ предлагаемаго гр. Толстымъ нравственнаго самоусовершенствованія человѣка, на которое мало надежды въ массахъ. Мало того, анархисты расходятся и въ самыхъ пріемахъ пропаганды. Газета Крапоткина «Révolté» высказала, что «дѣйствіе не сказывается и не пишется, но дѣлается»... Она признавала „пропаганду дѣйствіемъ", но полагала, что не дѣло печати „указывать личностямъ: дѣлайте это, дѣлайте такъ". Люди сознательные и убѣжденные должны знать сами, что имъ слѣдуетъ дѣлать".

Но «Révolté» не нравился крайнимъ. Въ маѣ 1890 года сталъ выходить въ Лондонѣ ихъ органъ «International», прямо внушавшій «пропаганду дѣйствіемъ». Прислушаемся на минуту и къ этому голосу. «Наряду съ теоретической пропагандой, которая ведется неустанно, необходимо, при кризисѣ, чрезъ какой проходитъ нынѣ дѣло анархизма, запугивать всѣми средствами хищную буржуазію, предметъ непримиримой нашей ненависти». «Кража, убійство и поджогъ естественно становятся нашими законными средствами для того, чтобы заявить нашъ ультиматумъ всѣмъ правящимъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Но къ этимъ средствамъ мы, не колеблясь, присоединяемъ тѣ, которыя даетъ химія. Ихъ могучій голосъ безусловно необходимъ, чтобы заглушить шумъ общественной суеты и добыть въ наши руки непріятельское богатство, не расточая нашей крови».

Эта цитата изъ перваго нумера „International". Въ другой статьѣ, въ немъ же, подъ заглавіемъ „Средства къ положительной эманципаціи", рекомендовалось сжечь церкви, дворцы, монастыри, казармы, присутственныя мѣста, конторы

нотаріусовъ, адвокатовъ и судебныхъ приставовъ, крѣпости и тюрьмы и „взять массою все то, что могло жить доселѣ на счетъ человѣческаго труда, не участвуя въ немъ; займемся химіею и станемъ дѣлать бомбы, динамитъ и проч.; это дѣйствительнѣе баррикадъ и ружей, это скорѣе разрушитъ нынѣшній порядокъ и вмѣстѣ сбережетъ дорогую кровь нашихъ". Въ концѣ нумера приложенъ былъ курсъ прикладной химіи для анархистовъ. Этотъ курсъ былъ впослѣдствіи напечатанъ въ видѣ брошюры съ заглавіемъ: „Анархистскій указатель (Indicateur Anarchiste)". Тамъ преподаны способы приготовленія динамита, экразита, нитробензина, нитроглицерина, бомбъ съ удушливымъ газомъ и т. п.

Отъ критики существующаго, отъ теоретическаго новаторства анархисты быстро перешли къ дѣйствію. Газета „Révolté" была основана Крапоткинымъ въ 1879 г., вмѣстѣ съ Дюмартезэ и Герцигомъ, въ Женевѣ. Въ ней Крапоткинъ взывалъ къ пропагандѣ дѣйствіемъ. Въ томъ же году былъ конгрессъ рабочихъ въ Марсели, на которомъ рѣшена была экспропріяція безъ вознагражденія и коллективное владѣніе, какъ землею, такъ и всякимъ капиталомъ.

Въ 1880 году происходилъ другой конгрессъ анархистовъ въ Швейцаріи. На немъ Крапоткинымъ было предложено замѣнить названіе „коллективизмъ" титуломъ „анархическій коммунизмъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, агитаторъ настаивалъ на необходимости весть пропаганду среди сельскаго населенія, такъ какъ городскимъ рабочимъ, безъ помощи крестьянъ, не сдѣлать революціи. Въ 1881 г. происходилъ конгрессъ въ Парижѣ, съ котораго анархисты вышли, оставивъ мѣсто революціоннымъ коллективистамъ или соціалистамъ, которые хотятъ не отмѣнить государственную власть, но захватить ее въ свои руки. Былъ и другой, уже чисто-анархистскій конгрессъ въ Лондонѣ, на которомъ вновь провозглашалась польза пропаганды дѣйствіемъ. Вслѣдствіе зажигательныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ при этомъ случаѣ, Крапоткинъ въ томъ же году былъ высланъ изъ Швейцаріи.

Въ 1882 году анархистское движеніе проявилось особенно въ Ліонѣ: произошли взрывы въ театрѣ Bellecour и въ помѣщеніи коммиссіи по воинскому призыву. Въ 1883 г. тамъ же происходилъ процессъ 66 анархистовъ, принадле-

жавшихъ къ интернаціанали; изъ нихъ 15 бѣжали. Крапоткинъ былъ приговоренъ къ тюрьмѣ.

Далѣе, послѣ нѣсколькихъ анархистскихъ покушеній въ Испаніи и Германіи, настало болѣе спокойное время. Но тогда же, для пропаганды дѣйствіемъ, придумано было празднованіе рабочими всѣхъ странъ 1 мая, въ видѣ демонстраціи единенія рабочихъ и силы рабочей арміи. Въ 1890 году въ первый разъ происходило это празднованіе. Изъ множества манифестовъ, которые выпускались анархистами въ Парижѣ, приведемъ въ отрывкѣ одинъ, розданный въ казармѣ военной школы человѣкомъ, служившимъ прежде на телеграфной станціи, находящейся при этой казармѣ. Манифестъ обращался къ войскамъ: „Солдаты! Паріи общества, голодные братья ваши, рабочіе выйдутъ на улицу, требуя себѣ правъ! Какъ всегда, самодержавная буржуазія пошлетъ васъ дѣйствовать оружіемъ противъ ея враговъ. Но не забудьте, что среди нихъ у васъ есть отецъ или братъ... что сегоднишніе ихъ противники завтра будутъ вашими, когда вы оставите казарму, эту школу праздности и опошленія... 1871 годъ уже далекъ отъ насъ. Далеко то время, когда въ соціалистахъ видѣли или мечтателей или просто мошенниковъ. Идея пошла впередъ. Нынѣ съ ними уже спорятъ и возрастающее ихъ число внушаетъ общее опасеніе... Вы сами знаете, кто ваши враги: это—тѣ бандиты съ шитьемъ и галунами, тѣ отвратительные паразиты, которые называются вашимъ начальствомъ; это—ваши тюремщики, которыхъ надменность и жестокость столько разъ возмущала въ васъ сознаніе свободныхъ людей. Вы вспомните объ этомъ, и когда они скомандуютъ вамъ: пали! вы повернете свои ружья на нихъ... Долой отечество! Смерть начальству! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ анархія!“ *).

Въ 1891 году въ Сенъ-Дени, дѣйствительно, произошелъ протестъ новобранцевъ, оказавшихся анархистами, причемъ рядовой Вилльмежонъ былъ приговоренъ къ заключенію на годъ; въ Леволлуа по случаю 1 мая была демонстрація съ чернымъ знаменемъ, въ Шарлевиллѣ и Нантѣ были динамитные взрывы; газета „Père Peinard“ была осуждена за оскорбленіе арміи.

---

*) S. Gastine, «Patria».

Въ тоже время начался цѣлый рядъ покушеній посредствомъ динамита въ Италіи, Испаніи, Германіи, а особенно во Франціи, постоянно повторявшихся до половины 1894 года. За этотъ періодъ слѣдуетъ отмѣтить анархистскій конгрессъ въ Чикаго, пистолетный выстрѣлъ (на воздухъ) анархиста Вилисса во время русско-французскихъ празднествъ, въ смыслѣ протеста противъ нихъ, и бомбу, брошенную Вальяномъ въ палату депутатовъ въ декабрѣ 1893 г. Въ январѣ 1894 г. онъ судился въ іенскомъ ассизномъ судѣ и былъ приговоренъ къ смерти. Тотъ же судъ, въ февралѣ, приговорилъ къ пожизненному заключенію рабочаго Леотье, который, начитавшись анархистскихъ воззваній и возгорѣвшій желаніемъ „de crever un bourgeois", поразилъ кинжаломъ сербскаго министра въ Парижѣ Георгіевича, который, однако, остался живъ. Черезъ нѣсколько дней былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію анархистъ Марпо, совершившій воровство и затѣмъ убившій городоваго (gardien de la paix), который собирался арестовать его.

Въ концѣ апрѣля того-же года, тѣмъ же судомъ былъ приговоренъ къ смерти молодой Эмиль Анри, сынъ генерала войскъ парижской коммуны, за произведенный имъ взрывъ въ Парижѣ въ ресторанѣ Terminus и другой взрывъ въ помѣщеніи полицейскаго участка на улицѣ des Bons Enfants, причемъ погибли нѣсколько полицейскихъ и дѣлопроизводитель участка. Въ іюлѣ, тотъ же судъ приговорилъ къ вѣчному заточенію анархиста Менье за произведенный имъ взрывъ въ ресторанѣ Véry, гдѣ былъ схваченъ Равашоль. Наконецъ, 3 августа ассизный судъ Роны произнесъ смертный приговоръ надъ итальянцемъ Санто Казеріо, который убилъ кинжаломъ президента республики Карно.

Въ силу новаго закона противъ анархистовъ, первый день 1894 года ознаменовался двумя тысячами обысковъ, произведенныхъ по всей Франціи, и сотней арестованій. Съ своей стороны, англійское правительство признало необходимость дѣйствовать противъ иностранныхъ анархистовъ, злоупотреблявшихъ оказаннымъ имъ въ Англіи гостепріимствомъ для подготовленія взрывовъ на материкѣ. Даже и сами теоретики анархизма, какъ Поль Реклю, Жанъ Гравъ, Себ. Форъ были привлечены къ процессу лицъ, обвиненныхъ въ разныхъ покушеніяхъ. Но выяснилось, что низшія орудія анархизма не знали лично его проповѣдниковъ и всѣ обви-

ненные въ этомъ процессѣ тридцать человѣкъ были оправданы.

Вслѣдъ за убійствомъ Карно, какъ извѣстно, была усилена строгость законовъ противъ анархистовъ, что, повидимому, оказало свое дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, съ того времени число покушеній во Франціи значительно уменьшилось.

Не разъ ставился вопросъ—каково можетъ быть число анархистовъ въ разныхъ странахъ? Понятно, что даже и приблизительно-точное исчисленіе здѣсь невозможно. Анархисты набираются изъ всѣхъ профессій, а не только изъ фабричныхъ и изъ журналистовъ. По крайней мѣрѣ, во Франціи полагаютъ, что въ числѣ анархистовъ есть и чиновники, и даже офицеры. Единственнымъ проявленіемъ того, что вырабатывается внутри этой партіи, служатъ анархистскіе конгрессы, о которыхъ мы уже говорили,

Авторъ сочиненія „Le péril anarchiste“ даетъ слѣдующую примѣрную справку о числѣ анархистовъ во Франціи. Въ Парижѣ считается около сотни анархистскихъ группъ, а группа состоитъ, въ среднемъ, изъ 15-ти «товарищей». Въ остальной Франціи такихъ группъ отъ 400 до 500. Такимъ образомъ, число дѣятельныхъ, воинствующихъ анархистовъ во всей Франціи можетъ быть принято примѣрно въ 10 тысячъ чел. Но къ этому числу надо присоединить еще много такихъ анархистовъ, которые извѣстны только нѣсколькимъ изъ своихъ «товарищей»: робкихъ, боящихся за свое положеніе; тѣ поддерживаютъ партію только денежными взносами. Есть и такіе, которые уклоняются отъ участія въ сходкахъ по старости или вслѣдствіе своего крайняго «индивидуализма»; есть только сочувствующіе и т. п. Но всѣ они, въ томъ или иномъ отношеніи, могутъ оказывать поддержку партіи. Въ совокупности, по отзыву автора, число анархистовъ во Франціи можно принять въ 20—30 тысячъ. Лондонскій ихъ органъ, газета «International», въ 1890 году опредѣляла ихъ число въ 50 т.; эта цифра, по мнѣнію того же автора, была преувеличена для того времени, но съ тѣхъ поръ идея сдѣлала не малые успѣхи.

Главной связью между группами и единичными товарищами служитъ печать. Въ газетахъ этого лагеря отводятся цѣлые столбцы сообщеніямъ группъ и личной корреспонденціи. Тамъ-то лучше всего и можно изучить организацію

партіи. Сотрудники анархисткихъ органовъ пишутъ даромъ, но и при этомъ газеты не покрываютъ выручкой отъ продажи нумеровъ расходъ по изданію; недохваты пополняются добровольными взносами.

Первая анархистская газета явилась не въ Парижѣ, а въ Ліонѣ, гдѣ затѣмъ возникло ихъ очень много, но всѣ прекратились сами собой. Да и во Франціи вообще множество анархистскихъ органовъ держались лишь короткое время. Приведемъ для примѣра нѣсколько названій: „Droit social“, «Elendard révolutionnaire», «Drapeau noir», «Terre et liberté», «Émeute», «Ça Ira!» «International» (въ Лондонѣ). Отмѣтимъ «Le Conscrit»,—издающійся группою «освободителей» сборникъ статей разныхъ, не исключительно анархистскихъ, писателей, представлявшихъ военный бытъ въ свѣтѣ неблагопріятномъ. Въ дни, назначенные для пріема новобранцевъ, передъ входомъ въ каждую мэрію раздаются экземпляры этого сборника и ихъ расходится тысячъ пятьдесятъ.

Въ 1894 году анархистскихъ газетъ на французскомъ языкѣ выходило восемь, а именно: во Франціи 3, въ Бельгіи 3, въ Швейцаріи 1 и въ Соединенныхъ Штатахъ также 1; на англійскомъ языкѣ издавались шесть, изъ которыхъ 4 въ Англіи и 2 въ Америкѣ; на нѣмецкомъ десять: 1 въ Берлинѣ, 2 въ Австріи, 1 въ Англіи и 6 въ Америкѣ; на итальянскомъ выходило ихъ одиннадцать: 8 въ Италіи и 3 за океаномъ; на испанскомъ девять: 6 въ самой Испаніи и 3 за океаномъ; на итальянскомъ и испанскомъ одновременно 3, на португальскомъ 2, на голландскомъ 1 и на чешскомъ 3 *).

---

*) Приводимъ списокъ анархистскихъ изданій въ цѣломъ свѣтѣ, выходившихъ въ 1894 году.

Французскія: «Révolte» (Парижъ), «Revue Libertaire» (Парижъ), «Harmonie» (Марсель), «Société nouvelle» (Брюссель), «Le Libertaire (Брюссель), «XX Siècle» (Брюссель), «Avenir» (Женева), «Réveil des mineurs» (Соед. Штаты).

Англійскія: «Freedom», «Commonweal», «Torch» (всѣ три въ Лондонѣ), «Liberty», «Solidarity» (оба въ Нью-Іоркѣ), «Worker's» «Friend», еврейскимъ шрифтомъ (въ Лондонѣ).

Нѣмецкія: «Sozialist» (Берлинъ), «Zukunft» (Вѣна), «Allgemeine Zeitung» (Зальцбургъ, «Brandfackel» (Нью-Іоркъ), «Anarchist» (тамъ же), «Freiheit», «Freie Arbeiter-Stimme», еврейскимъ шрифтомъ (обѣ тамъ же), «Vorbote» (Чикаго), «Der Arme Teufel» (Детруа въ Соед. Штатахъ).

Итальянскія: «Sempre Avanti» (Ливорно), «Ordine» (Туринъ). «Uguaglianza Sociale» (Марсала), «Riscatto» (Мессина), «Favilla» (Мантуя), «Pensiero» (Кіети), «Propaganda» (Имола), «Articolo 248» (Анкона), «Grido degli Oppressi» (Нью-Іоркъ). «Riscossa» (Буэносъ-Айресъ), «Asino Umano» (Санъ-Паоло, въ Бразиліи).

Вспомогательную роль при раздачѣ этихъ изданій и весьма значительную для пропаганды вообще играютъ анархистскія библіотеки-читальни. Въ составъ ихъ входятъ обыкновенно произведенія Дарвина, Бюхнера, Бабёфа, радикальныхъ соціологовъ вообще и публицистовъ анархистскаго лагеря. Книгъ этого послѣдняго разряда еще не особенно много: Прудона—„Qu' est- ce que la propriété?" „Creation de l'orde"; Макса Штирнера — „L'Individu et son avenir"; Бакунина— „Dieu et l'état"; Крапоткина — два сборника разбросанныхъ его статей, подъ заглавіями: „Paroles d'un révolté" и „Conquête du pain"; Жана Грава—«La société mourante et l'anarchie» и „La société ou lendemain de la révolution".

Опуская нѣкоторыя менѣе извѣстныя сочиненія анархистовъ, назовемъ еще нѣсколько анархистскихъ, а частью и вовсе не анархистскихъ книгъ, которыя охотно читаются молодежью: Луизы Мишель—«Le livre des misères», Шарля Малято—«Révolution chrétienne et révolution sociale», Э. Леверде — «Les assemblées parlementaires»; переводы: Меншикова — «La civilisation et les grands fleuves», Толстаго—«Le salut est en nous», Достоевскаго — «La maison des morts», Чернышевскаго—«Que faire?» и сочиненій Ибсена; оригинальныя: Золя—«Germinal», Журдена—L'atelier chanterel» Флоридора Дюма—«Au palais», Элизе Реклю — La terre et les hommes», Рагонесса—«Fabrique de pions», Летурно — поэзіи, Декова—«Les Sous-Off» Дарвена—«Biribi», Амона—«Psychologie du militaire professionnel», Шарнѐ—«Catéchisme du soldat».

Изъ всего сказаннаго нами объ анархизмѣ можно бы вывесть заключеніе, что онъ представляетъ собою явленіе весьма опасное для общественнаго порядка. Между тѣмъ, это вовсе не такъ. Мы остановились нѣсколько дольше надъ анархизмомъ именно съ цѣлью показать, сколько въ теоріи его очевидно преувеличеннаго, произвольнаго и фанстати-

---

Испанскія: «Corsario» (Ла Корона), «Revancha» (Реусъ), «Rebelde» (Сарагосса), «Conquista del Pan» (Барселона), «Contraversia» (Валенсія), «Oprimido» (Альхесиросъ), «Oprimido» (Боронъ, въ Чили), «Perseguido» (Буэносъ-Айресъ), «Despertar» (Нью-Іоркъ).

Испанско-итальянскія: «Demoliamo» (Санта-Фе), «Derecho alla Vida» (Монтевидео).

Португальскія: «Revolta» (Лиссабонъ), «Tribuna Operaria» (Пара, въ Бразиліи).

Голландское: «Anarchist» (Кролингенъ, въ Голландіи).

Чешскія: «Volne Listy» (Вѣна), «Volne Listy» (Нью-Іоркъ), «Pemsta» (тайной типографіи).

ческаго, а въ рекомендуемыхъ нѣкоторыми изъ его вождей пріемахъ — возмутительнаго и претящаго человѣческому чувству.

Вотъ почему невозможно допустить мысли, чтобы ученіе это могло овладѣть умами всѣхъ слоевъ общества и хотя бы даже классовъ трудящихся. Въ немъ слишкомъ много противнаго и здравому смыслу, и здравому чувству. А между тѣмъ, опытъ исторіи поучаетъ насъ, что только идеи могутъ одолѣть идеи, что какъ внѣшнія средства не могутъ подавить распространенія идей анархизма, такъ и насилія анархистовъ не произведутъ общаго переворота, потому что предпринимаются въ имя идей несостоятельныхъ, не могущихъ быть усвоенными народами, неспособныхъ къ творчеству.

Если въ нынѣшнемъ общественномъ строѣ и замѣчаются, дѣйствительно, нѣкоторые такіе недостатки, которые зависятъ отъ преобладанія силы капитала надъ трудомъ, то необходимо принять во вниманіе, что самая сила капитала постепенно уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря не только успѣхамъ образованія среди массы, но и все большему ихъ доступу къ власти въ однѣхъ странахъ, большему значенію, какое дается ихъ интересамъ въ другихъ странахъ— бытовые недостатки постепенно будутъ сглаживаться, безъ всякихъ потрясеній.

Время, которое видоизмѣняетъ, преобразуетъ все на свѣтѣ, само работаетъ для улучшеній въ общественномъ строѣ. Приведемъ только одинъ примѣръ. Не болѣе 30 лѣтъ назадъ, движимые капиталы на самомъ Западѣ давали 6 проц. въ годъ, а земля приносила 5 проц. чистаго дохода. Во что же это обратилось теперь? Денежные капиталы приносятъ всего 3, даже $2^1/_2$ проц., а земельная собственность—едва 2 проц. Уже не трудно предвидѣть такое время, когда всякій капиталъ будетъ давать неболѣе 1 — $1^1/_2$ процента. И такъ, сравнительное значеніе производительнаго труда возрастаетъ и кредитъ становится все дешевле, хотя и не дѣлается даровымъ, какъ у Прудона.

Юліусъ Кирхманнъ разчитывалъ еще въ 1866 году, теоретически вѣрно, что если средній размѣръ интереса, существовавшій въ то время въ Пруссіи, а именно $4^1/_2$% годовыхъ, вслѣдствіе болѣе медленнаго прироста рабочаго населенія въ странѣ, понизится только на 1%, то 150 милл.

талеровъ изъ дохода отъ ежегоднаго національнаго производства не попадутъ уже въ кассы капиталистовъ, но останутся въ рукахъ рабочихъ классовъ. Настолько, стало быть, долженъ былъ бы возрасти ежегодный доходъ рабочихъ, что, при 3 милліонахъ рабочихъ семей, составило бы по 50 талеровъ, въ среднемъ, на каждую семью.

И не только размѣръ доли въ общемъ доходѣ отъ производства передвигается въ пользу рабочихъ и въ ущербъ капиталу, не и самое бремя работы. Достаточные, даже богатые люди въ наше время работаютъ несравненно болѣе, чѣмъ сто лѣтъ назадъ, и паденіе денежной ренты заставляетъ ихъ посвящать работѣ все бо́льшее число часовъ.

Будущность, очевидно, будетъ принадлежать тѣмъ, кто старается болѣе производить, а не тѣмъ, кто предпринимаетъ разрушеніе. Для дѣйствительнаго улучшенія быта нуждающихся несомнѣнно болѣе пользы принесъ тотъ, кто создалъ общество потребителей, чѣмъ кто написалъ воззваніе: „да здравствуетъ анархизмъ!"-

Но съ другой стороны, возрастающія, а отчасти даже ожесточенныя нападки на огромные военные расходы, которыхъ дѣйствительная потребность все слабѣетъ въ общественномъ сознаніи, возбуждаютъ въ обществѣ нѣкоторое мирное, но несомнѣнно назрѣвающее движеніе противъ милитаризма. И если оно доселѣ еще не выказало силы, то, въ конечномъ результатѣ, борьба эта можетъ оказать услуги истинному прогрессу.

Пропаганда противъ милитаризма.

Требуемыя отъ народа пожертвованія на содержаніе и постоянное совершенствованіе вооруженныхъ силъ обыкновенно оправдываются, какъ естественное послѣдствіе самаго существованія государственнаго союза, имѣющаго первой цѣлью общую оборону. Но противъ этого положенія пропагандисты противъ милитаризма возражаютъ теоріею, которая оспариваетъ необходимость всякой войны вообще, хотя-бы даже оборонительной. Они стремятся доказать, что неимущественные классы вовсе не заинтересованы въ такой оборонѣ, между тѣмъ какъ тяжесть этой обороны лежитъ преимущественно именно на неимущественныхъ классахъ, у кото-

рыхъ, кромѣ матеріальныхъ пожертвованій на содержаніе постоянныхъ армій, отрываютъ отъ семей и отъ мирнаго труда, для службы въ войскахъ, наиболѣе здоровыхъ молодыхъ людей. Поэтому, оспаривая необходимость войны вообще, противники милитаризма отрицаютъ и необходимость существованія войска. Далѣе, они оспариваютъ самое чувство патріотизма, которое приводится въ оправданіе войны и обусловленной ею необходимости содержанія постоянныхъ армій, считая это чувство не прирожденнымъ, а внушеннымъ или внушаемымъ искусственно. Пропаганду свою они ведутъ и въ населеніи, и въ самыхъ войскахъ путемъ распространенія издаваемыхъ ими газетъ, книгъ и брошюръ.

I. Пропаганда противъ войска.

Чтобы познакомить читателей съ своеобразными взглядами безусловныхъ противниковъ милитаризма мы приведемъ, прежде всего, нѣсколько образчиковъ ихъ разсужденій противъ отбыванія воинской повинности. Разсужденія эти заимствованы изъ разныхъ новѣйшихъ изданій, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто отведено двумъ произведеніямъ знаменитаго русскаго писателя.

Начнемъ съ нѣсколькихъ выписокъ изъ статьи французскаго автора, озаглавленной: „Ai je mon compte (Какая мнѣ выгода?“ *)

„Я родился въ обществѣ, которое устроилось безъ моего участія. Оно говоритъ мнѣ: ты—членъ союза; вотъ твои права и вотъ твои обязанности... Прекрасно; но это должно значить, что въ такомъ союзѣ я равноправенъ и одинаково со всѣми заинтересованъ. Если онъ мнѣ выгоденъ, я подписываю договоръ и вѣрно его исполняю; а если—нѣтъ, то я протестую. И вотъ, что я нахожу по провѣркѣ: отъ меня требуютъ, въ видѣ налоговъ, часть моего труда (въ общемъ, стало быть, и въ моемъ интересѣ) и готовность пожертвовать самой моей жизнью для защиты этого союза... Допустимъ, что союзъ принялъ на равныхъ правахъ какъ того, кто владѣетъ 20-ю тысячами франковъ дохода, такъ и того, кто

*) Léon Bienvenue, «Almanach de la question sociale pour 1892».

зарабатываетъ 57 сантимовъ въ день. Но это бы предполагало, что отъ второго изъ нихъ союзъ не требуетъ большей части его заработка, чѣмъ отъ перваго—его дохода, и что все пріобрѣтаемое тѣмъ и другимъ въ равной степени обезпечено обществомъ, что тому и другому предоставлены одинаковыя орудія для труда и одинаковое оружіе для жизненной борьбы... Однакоже, ничего подобнаго не существуетъ: второй платитъ налоговъ, сравнительно съ суммой дохода, впятеро противъ перваго, да и большая часть труда втораго изъ этихъ мнимыхъ компаньоновъ идетъ на обогащеніе тѣхъ, которые ничего не дѣлаютъ».

„И если я нахожусь въ положеніи *втораго* изъ этихъ членовъ мнимаго союза, то какая-же мнѣ отъ него выгода? Пусть богатый идетъ сражаться и гибнетъ за свое отечество; для него это естественно: онъ защищаетъ свои блага —ту землю, которой онъ владѣетъ и всегда будетъ владѣть онъ одинъ, независимость, которая составляетъ только его удѣлъ, матеріальныя наслажденія, которыми одинъ онъ пользуется. А бѣдный что будетъ защищать? Нѣтъ у него и никогда не будетъ ни земли, ни независимости, ни наслажденій. У богатаго внѣшній непріятель можетъ отнять все, у бѣднаго—ничего. Богатаго чужеземецъ можетъ всего лишить и еще обратить на подневольную работу; а съ бѣднаго, у котораго только и есть что трудъ, чужеземцу нечего взять. Все равно, въ какомъ бы положеніи ни находилась нація, трудъ будетъ нуженъ,—крестьянскій, чтобы кормиться, ремесленный, чтобы одѣваться и строить жилища. И рабочихъ, все равно, придется кормить для того, чтобы они работали. А возможно-ли кормить ихъ еще скуднѣе, чѣмъ нынѣ? Нѣтъ. Возможно-ли обращаться съ ними еще хуже? Невозможно. Стало быть, имъ нечего терять ни въ благосостояніи, ни въ достоинствѣ".

„Итакъ, хотя говорятъ, что воинская повинность для общей обороны равна для всѣхъ, но я утверждаю, что это неправда; для богатыхъ она нужна, но мнѣ-то какая-же отъ нея выгода?... Станутъ стыдить меня: скажутъ, что разсужденіе это подлое, противное патріотизму, что мои отвратительныя слова составляютъ призывъ иноземнаго нашествія. Вовсе нѣтъ: они скорѣе призывъ къ здравому смыслу. Ибо не кто иной, но именно вы—патріоты эгоизма, неравенства, патріоты эксплуатаціи, вы-то прямо и ведете дѣло къ тому,

чтобы убить въ сердцахъ массы вашъ пресловутый патріотизмъ... Люди все-таки — только люди и немыслимо, чтобы тѣ „участники союза", которые только вѣчно жертвуютъ для него и ничего не получаютъ, не сказали себѣ, наконецъ: какая-же намъ выгода? А это и убьетъ патріотизмъ."

Въ другомъ сочиненіи того-же рода *), на вопросъ, справедлива-ли общеобязательная личная воинская повинность, отвѣтъ, конечно отрицательный, мотивируется слѣдующимъ образомъ: „Отъ того, кто ничего не имѣетъ и никакимъ правомъ не пользуется, несправедливо требовать защиты такого порядка, въ сохраненіи котораго онъ не заинтересованъ." Затѣмъ, на вопросъ, какимъ-же образомъ заинтересовать весь народъ въ оборонѣ страны, авторъ отвѣчаетъ такъ: „Признать за всѣми право на существованіе посредствомъ труда; только тогда народъ сдѣлается въ самомъ дѣлѣ непобѣдимымъ, такъ какъ каждый будетъ знать, что, рискуя своей шкурой, онъ по крайней мѣрѣ защищаетъ для себя и своихъ близкихъ средство къ жизни матеріальной и нравственной. А то, по какому праву родина возлагаетъ повинность на того, кого сама оставляетъ на произволъ судьбы? Родина? Да у голоднаго нѣтъ ея. Какъ пасынокъ знать не хочетъ мачихи, такъ и парій среди общества отрекается отъ родины. Вотъ это-то положеніе дѣлъ и должно быть измѣнено."

Сами по себѣ, такого рода призывы могли бы и не имѣть особаго значенія; но дѣло въ томъ, что нынѣ уже и въ верхнихъ слояхъ общества встрѣчается не мало людей, которые находятъ, что соціалисты вовсе не такъ виновны, когда требуютъ упраздненія войны и эксплуатаціи въ то время, когда цивилизованная Европа изнемогаетъ подъ тягостью вооруженій, въ ожиданіи чего-либо въ родѣ монгольскаго истребленія.

Въ этомъ отношеніи невольно обращаетъ на себя вниманіе такой фактъ, что однимъ изъ проповѣдниковъ идеи объ упраздненіи государства, во имя началъ нравственности и любви, является великій русскій писатель, принадлежащій по происхожденію и воспитанію къ высшему классу общества, къ тому же — бывшій военный, участникъ славной защиты Севастополя. Само собой разумѣется, что публицистъ, стоящій на реальной почвѣ, долженъ признать неосуществимымъ обще-

*) «Catéchisme des revendications nécessaires», par Beumont. Paris. 1890.

ственное устройство, основанное на „непротивленіи злу", то-есть допускающее безнаказанность преступниковъ и всякое злоупотребленіе силою, которымъ противопоставлялись бы только нравственное осужденіе злыхъ дѣлъ, а для предупрежденія ихъ — лишь просвѣщеніе и любовь. Но какъ ни фантастичны нѣкоторые изъ взглядовъ, высказанныхъ графомъ Л. Толстымъ, они имѣютъ значеніе для цѣлей нашего труда, въ смыслѣ характеристики тѣхъ умственныхъ пріемовъ, къ какимъ прибѣгаетъ современная пропаганда противъ милитаризма. Въ этомъ смыслѣ мы и коснемся двухъ его произведеній, тѣмъ болѣе, что въ нихъ излагаются не только личные его взгляды, но и поученія нѣкоторыхъ другихъ порицателей войны и проповѣдниковъ братства между людьми.

Въ одномъ сочиненіи *) онъ аргументируетъ такъ, что когда къ человѣку нашего времени, живущему спокойно и занятому своими дѣлами, приходятъ другіе люди и предлагаютъ ему, чтобы онъ во всемъ повиновался имъ, отдавалъ имъ часть своего заработка на собственное закрѣпощеніе и согласился притворяться, будто, принимая участіе въ выборахъ, онъ управляетъ государствомъ, согласился-бы участвовать въ жестокостяхъ надъ «заблудшими и развращенными» и въ войнѣ съ дружественными ему людьми другихъ странъ, — то „всякій неодуренный человѣкъ нашего времени", казалось-бы, можетъ только устраниться отъ всего этого. „Зачѣмъ я пойду участвовать въ выборахъ, когда я знаю очень хорошо, что управленіе въ рукахъ тѣхъ, въ рукахъ кого войско? пишетъ онъ. Зачѣмъ я пойду въ судахъ участвовать въ истязаніяхъ и казняхъ людей за то, что они заблуждаются?.. И зачѣмъ, главное, буду содѣйствовать, лично-ли или наймомъ военной силы, порабощенію и убійству своихъ братьевъ и отцовъ? Зачѣмъ я буду сѣчь самъ себя? Все это мнѣ не нужно, и все это мнѣ вредно, и все это, со всѣхъ сторонъ, безнравственно... Казалось-бы, не только религіозное или нравственное чувство, но самое простое разсужденіе и разсчетъ должны-бы заставить человѣка нашего времени отвѣтить и поступить такъ. Но нѣтъ: люди общественнаго жизнепониманія находятъ, что надо продолжать, какъ мужики у стонового, сѣчь другъ друга, утѣшая себя тѣмъ, что то, что мы болтаемъ въ палатахъ и собраньяхъ...

*) Гр. Л. Толстой, «Царство Божіе въ насъ».

сдѣлаетъ, что мы, все больше и больше закабаляя себя, очень скоро освободимся. Ничто не мѣшаетъ столько освобожденію людей, сколько это удивительное заблужденіе".

Въ томъ же сочиненіи излагается ученіе умершаго въ 1890 году американскаго духовнаго проповѣдника Балу о томъ коренномъ противорѣчіи, въ которое неизбѣжно впадаетъ добрый христіанинъ и вмѣстѣ хорошій гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ. Оставаясь вѣрнымъ конституціи, онъ необходимо долженъ измѣнить основамъ христіанскаго ученія и наоборотъ. Такое противорѣчіе пытаются устранить увѣреніемъ, будто и война есть также христіанская обязанность. Убивать ближнихъ, разорять и сжигать города—„самое настоящее средство прощать обиды и любить враговъ; если мы только дѣлаемъ это въ духѣ любви, то ничего не можетъ быть болѣе христіанскаго, чѣмъ такое огульное убійство". Но тотъ же Балу ставилъ вопросъ: „сколько же нужно людей, чтобы преобразить злодѣйство въ праведность? Одинъ человѣкъ не долженъ убивать; два, десять, сто человѣкъ, если они сдѣлаютъ это—они убійцы. Но государство или народъ можетъ убивать, сколько хочетъ, и это не будетъ убійство, а хорошее, доброе дѣло; только собрать побольше народа и бойня десятковъ тысячъ людей становится невиннымъ дѣломъ".

Правило „непротивленія злу" высказано у Балу въ особомъ „катехизисѣ", составленномъ имъ для паствы, высказано въ самомъ рѣшительномъ и обязательномъ смыслѣ: „не дѣлать никакого сопротивленія злу; противиться злу всякими праведными средствами, но никакъ не зломъ". Балу упорно работалъ въ этомъ направленіи въ теченіи 50 лѣтъ, но остался неизвѣстнымъ, въ чемъ гр. Толстой видитъ признакъ, „что существуетъ какой-то невысказанный, но твердый уговоръ—замалчиванья такихъ попытокъ".

Далѣе, приводится „Сѣть Вѣры", сочиненіе чеха Хельчицкаго, написанное въ XV вѣкѣ. Хельчицкій учитъ тому же, чему учили и учатъ теперь непротивляющіеся менониты, квакеры, въ прежнія времена богомилы, павликіане и мн. др. Онъ учитъ, что христіанство, требующее отъ своихъ послѣдователей кротости, смиренія, незлобія, прощенія обидъ, подставленія другой щеки, когда бьютъ по одной, любви къ врагамъ, несовмѣстимо съ насиліемъ, составляющимъ необходимое условіе власти. По отзыву русскаго автора, и это, и всѣ ему подобныя сочиненія умышленно замалчиваются людьми всѣхъ партій.

Такова еще изданная въ Лондонѣ въ 1824 г. книга Дэймонда «On War (о войнѣ)» и книга американца Мэссера «No resistance ossented. Kingdom of Christ and Kingdom of this wordl separated (несогласіе на противленіе, царство Христово, отдѣленное отъ царства міра сего), вышедшая въ 1864 году. Въ обѣихъ этихъ книгахъ ставится практическій вопросъ: „какъ же обязанъ поступить подданный, который вѣритъ, что война несовмѣстима съ его религіею, но отъ котораго правительство требуетъ участія въ военной службѣ?" На этотъ вопросъ Дэймондъ отвѣчаетъ, что: „обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы съ скромностью, но и твердостью отказаться отъ службы". Тотъ же Дэймондъ опровергаетъ увѣреніе, будто такъ какъ солдатъ только повинуется, то отвѣтственность за войну и исполненіе всякихъ приказаній остается на правительствѣ и на начальникахъ, а на солдатъ не падаетъ. Онъ спрашиваетъ: „А если начальникъ велитъ убить ребенка вашего сосѣда, убить вашего отца, вашу мать—послушаетесь вы? Если же вы не послушаетесь, то и все разсужденіе никуда не годится: человѣкъ не можетъ снять съ себя отвѣтственности за свои поступки... И потому, обязанность каждаго человѣка, считающаго, что война несовмѣстима съ христіанствомъ—кротко, но твердо отказываться отъ военной службы".

Въ книгѣ Мэссера, написанной по поводу вербовки волонтеровъ сѣверными и южными штатами во времи междоусобной борьбы, упоминается, что въ Соединенныхъ Штатахъ издавна находилось много сознательныхъ противниковъ войны; ихъ называютъ «non resistant» или «defenceless», т. е. непротивляющимися или беззащитными христіанами.

Далѣе, гр. Толстой такъ передаетъ слова американскаго автора: „До сихъ поръ эта религіозная причина была уважаема правительствами, и тѣ, которые выставляли ее, были освобождаемы отъ службы". Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о правительствѣ уашингтонскомъ. Но мы замѣтимъ, что такъ какъ войска обѣихъ сторонъ состояли именно изъ волонтеровъ, а принудительнаго набора вовсе не было, то уашингтонскому правительству и не приходилось освобождать отъ службы „непротивляющихся христіанъ", которые, конечно, сами не поступали въ волонтеры.

Упоминая о менонитахъ, квакерахъ, духоборцахъ и молоканахъ, которые отказываются отъ военной службы, гр.

Толстой приводитъ случаи заключенія ихъ или ссылки, въ видахъ охраненія въ государствѣ дисциплины. Но, тѣмъ не менѣе, нынѣшніе солдаты все-таки уже не таковы, какіе были въ прежнія времена: — «отказавшіеся отъ трудовой естественной жизни и посвятившіе свою жизнь исключительно разгрому, грабежу и убійству, какъ какіе нибудь римскіе легіонеры или воины 30-ти-лѣтней войны, или хоть недавніе 25-ти-лѣтніе солдаты; все это теперь люди большею частью недавно взятые изъ семей", и потому, и на войну, и въ особенности на усмиреніе безпорядковъ, они пойдутъ уже съ иными чувствами. «Правда, что всѣ они прошли черезъ ту страшную, искусную, вѣками выработанную муштровку, убивающую всякую самостоятельность человѣка, и такъ пріучены къ механическому повиновенію, что при словахъ команды: пальба шеренгой! шеренги... пли! и т. п. у нихъ сами собой подымаются ружья и совершаются привычныя движенія. Но вѣдь «пли»! будетъ значить теперь не то, что забавляться стрѣляя въ мишень, и означаетъ убивать своихъ... отцовъ, братьевъ» и пр. Ярко описаны въ той же книгѣ Толстаго проводы новобранцевъ въ деревнѣ, гульба ихъ, постепенное превращеніе ихъ въ иныхъ людей посредствомъ муштровки въ казармахъ.

Хотя идеи „непротивленія злу" и осужденія войны знаменитый русскій писатель выводитъ непосредственно изъ христіанства, но опровергнуть ихъ нельзя такимъ аргументомъ, что если, какъ онъ же говоритъ, общество, признающее войну, является уже только по имени христіанскимъ, то, стало быть, оно уже можетъ не считать для себя обязательнымъ отказъ отъ войны во имя вѣры. Дѣло въ томъ, что хотя осужденіе войны и выводится авторомъ изъ христіанскаго ученія, но онъ высказываетъ, что такое осужденіе обязательно и во имя одной идеи гуманности, которая должна пріобрѣсть преобладаніе, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія.

Воззрѣнія Толстаго и цитируемыхъ имъ авторовъ могутъ быть признаны крайними: «непротивленіе», въ смыслѣ безнаказанности для «заблуждающихся» воровъ и убійцъ, едва ли окажется когда либо осуществимымъ. Необходимо замѣтить еще, что въ человѣческомъ обществѣ невозможно все основывать только на любви; что какъ бы высоко-развитымъ ни было общество, въ немъ всегда сохранится еще то или иное по-

нятіе о *справедливости*, идею которой проповѣдникъ всепрощенія, конечно, оставляетъ совершенно въ сторонѣ. Но какъ бы то ни было, и даже полагая, что „непротивленіе злу" не осуществится никогда, а полная отмѣна милитаризма осуществится еще не скоро, нельзя, однако, не допустить, что проповѣдь этихъ идей можетъ все-таки содѣйствовать распространенію среди европейскаго общества убѣжденія въ необходимости хотя бы только уменьшенія тяжскаго бремени милитаризма, сокращенія размѣровъ вооруженій, а тѣмъ самымъ и ослабленія тѣхъ опасностей, какія могутъ возникнуть въ будущемъ.

II. Пропаганда противъ патріотизма.

Въ другомъ своемъ сочиненіи *) графъ Л. Толстой не только проводитъ тоже осужденіе войны во имя христіанскихъ началъ, но подвергаетъ критикѣ самую идею и чувство патріотизма, которыя призываются въ оправданіе войны. Въ этой книгѣ менѣе увлеченія, менѣе красотъ художественныхъ, зато въ ней сильнѣе сторона публицистическая. Характерными въ ней чертами являются ѣдкая критика и замѣчательная простота и спокойствіе въ изложеніи, такъ что въ французскомъ (очень хорошемъ) текстѣ нѣкоторыя страницы этого сочиненія сильно напоминаютъ, именно по названнымъ качествамъ, знаменитые нѣкогда памфлеты Поля-Луи-Курье.

„Вѣдь Францію лишили двухъ областей: отняли дѣтей у матери—такъ говоритъ гр. Толстой.—Вѣдь не можетъ же Россія допустить, чтобы Германія навязывала ей свою волю и лишала ее исторической роли ея на востокѣ. Неужели Россія потерпитъ, чтобы у нея отняли губерніи балтійскія, польскія, кавказскія, какъ отняли двѣ области у Франціи?.. Вѣдь не можетъ же Германія отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя она купила столькими жертвами... А Англія развѣ отречется отъ владычества на моряхъ?.." Приведя такія разсужденія, авторъ указываетъ въ основѣ ихъ, предполагаемую впередъ, готовность каждаго изъ упомянутыхъ народовъ принять всѣ жертвы для достиженія названныхъ патріотическихъ цѣлей.

*) «Христіанскій духъ и патріотизмъ».

При этомъ допускается, какъ нѣчто неоспоримое, „что патріотизмъ есть чувство прирожденное всѣмъ людямъ и столь высокое нравственно, что, при слабости его въ комъ-либо, необходимо внушать это чувство искусственно".

„А между тѣмъ, оба эти предположенія ложны. Я прожилъ полвѣка среди сельскаго люда и въ теченіи всего этого времени не видалъ ни одного выраженія подобнаго чувства, не считая, конечно, готовыхъ патріотическихъ фразъ, заимствованныхъ изъ чтенія или изъ казармы. Ни разу я не слыхалъ, чтобы народомъ высказывалась идея патріотизма; но, наоборотъ, постоянно видѣлъ, что наиболѣе серьезные и уважаемые люди въ народѣ относились съ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ къ разнымъ манифестаціямъ. Совершенно тоже я наблюдалъ и среди иныхъ народовъ, и такое мое наблюденіе было подтверждаемо мнѣ образованными французами, нѣмцами и англичанами, съ которыми я бесѣдовалъ. Трудящееся населеніе слишкомъ занято заботою объ обезпеченіи своего существованія, чтобы интересоваться тѣми политическими вопросами, которые служатъ матеріаломъ для патріотизма... Простому человѣку всегда останутся чуждыми заботы, гдѣ пройдетъ та или другая граница, кому будетъ принадлежать Константинополь и т. п. Ему даже все равно, въ чью пользу выплачивать сборы и въ чью службу отдавать сыновей. Наоборотъ, онъ живо интересуется тѣмъ, какъ велика будетъ падающая на него сумма сборовъ, какой срокъ установленъ для военной повинности, каковы цѣны на землю и за трудъ — все вопросы, не имѣющіе съ политикой ничего общаго... Вотъ почему, несмотря на всѣ усилія, массы доступны идеямъ общественной перестройки, а патріотизмъ, внушавшійся имъ извнѣ, въ нихъ болѣе и болѣе изчезаетъ, удерживаясь въ классахъ образованныхъ, которымъ онъ доставляетъ выгоды".

„Если и случается, какъ было въ Тулонѣ и въ Парижѣ, что патріотизмъ охватываетъ народную толпу, то это происходитъ подъ вліяніемъ гипноза, исходящаго сверху, и патріотизмъ держится въ той толпѣ, лишь пока продолжается дѣйствіе гипноза... Простой человѣкъ не имѣетъ понятія объ отечествѣ, а знаетъ только „свои мѣста"; онъ знаетъ не согражданъ, а только „земляковъ" въ тѣсномъ смыслѣ. Какъ прежде русскіе переселенцы шли въ Австрію и Турцію, такъ и теперь они столь-же охотно пошли-бы въ новыя мѣста

въ Турціи или Китаѣ, какъ и въ Россіи... Если крестьянамъ поставить выборъ между любовью къ отечеству, завѣтными національными преданіями, священнымъ прахомъ предковъ и—лучшими, болѣе просторными землями на чужой сторонѣ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они предпочтутъ послѣднее".

Манифестаціи въ родѣ тѣхъ, какія происходили въ Тулонѣ и Парижѣ, а въ Германіи въ честь Бисмарка или въ Лотарингіи въ честь императора Вильгельма, Толстой объясняетъ тѣми могущественными средствами, какія находятся въ распоряженіи правительствъ и правящихъ классовъ, чтобы вызвать этотъ шумъ, отуманить толпы внушенными статьями въ газетахъ, привлечь уличныя массы любопытствомъ къ зрѣлищамъ и разными приманками. „Но глубокое равнодушіе массы въ смыслѣ патріотизма и доказывается всего лучше ничтожествомъ тѣхъ результатовъ въ народномъ сознаніи, которые выставлялись, какъ неудержимые порывы національнаго чувства". „Такъ цыгане-барышники, подсыпавъ лошади подъ хвостъ перцу и щедро надѣливъ ее ударами, выводятъ ее затѣмъ къ покупателю и сами вѣшаются у ней на недоузкѣ, притворяясь безсильными сдержать пылкаго, неукротимаго коня... Во Франціи равно восторженно привѣтствовали на улицахъ выѣздъ Наполеона I въ походъ на Россію и въѣздъ императора Александра I въ Парижъ, опять Наполеона и снова союзниковъ, потомъ Бурбоновъ, Орлеановъ, республику, Наполеона III и Буланже. Такъ и въ Россіи съ увлеченіемъ привѣтствовали тѣ или иные перемѣны, равно восторженно встрѣчали нашихъ братьевъ славянъ, и прусскаго короля, и французскихъ моряковъ. Да тоже самое дѣлается и въ Англіи и въ Америкѣ, въ Германіи и въ Италіи, однимъ словомъ—вездѣ".

Обращаясь къ сущности патріотизма, авторъ замѣчаетъ, что она совершенно вѣрно выражается нѣмецкой пѣснью „Deutschland, Deutschland über Alles (Германія, Германія, выше всего на свѣтѣ)". Стоитъ только перемѣнить названіе страны — и вотъ сущность каждаго патріотизма, котораго поддержаніе выгодно въ интересахъ цѣлости государствъ. Но высокимъ этого чувства авторъ признать не можетъ, во первыхъ, потому, что считать свой народъ выше всѣхъ другихъ не умно, а во вторыхъ, стремиться къ тому, чтобы обидѣть другихъ для собственной пользы, безнравственно и, во всякомъ случаѣ,

прямо противно христіанству. Патріотизмъ можно сказать, неестественъ въ современныхъ государствахъ, которыя всѣ включаютъ національные элементы различные, и ненуженъ, такъ какъ христіанскій завѣтъ любви ко всѣмъ людямъ включаетъ привязанность къ своимъ ближнимъ и упраздняетъ принесеніе въ жертву своимъ близкимъ—интересовъ *ближняго* вообще.

„Патріотизмъ въ наше время походитъ на лѣса, которыя помогали возвысить зданіе; теперь они уже только заграждаютъ входъ въ него; но ихъ не снимаютъ, потому что въ томъ заинтересованы нѣкоторые люди... Между христіанскими народами не должно быть поводовъ къ борьбѣ... Съ какой стати казанскимъ мужикамъ, посылающимъ свой хлѣбъ нѣмцамъ, ненавидѣть тѣхъ же нѣмцевъ, которые въ обмѣнъ снабжаютъ мужиковъ косами и другими орудіями?.. Что касается ученыхъ, художниковъ, писателей во всей Европѣ, которые всѣ живутъ общими интересами, независящими отъ различія національности и правительства, то даже смѣшно допустить, чтобы они имѣли какую-либо причину къ національной враждѣ“.

„Но эта вражда поддерживается: divide et impera... Во имя патріотизма, русскіе и французы прежде сражались одни съ другими, а теперь собираются вмѣстѣ бить нѣмцевъ, нѣмцы же, въ силу патріотизма, хотятъ сражаться на оба фронта. И чувство патріотизма вызываетъ не только войну: имъ оправдываютъ еще и угнетеніе одной національностью другихъ въ одномъ и томъ же государствѣ“.

Авторъ указываетъ далѣе на то обстоятельство, что хотя успѣхи грамотности и образованія, которымъ сильно способствовало книгопечатаніе, должны были вести ко взаимному ознакомленію народовъ и къ устраненію предразсудковъ, стало быть, и международной вражды, но тѣ же успѣхи образованія и таже печать дали правительствамъ и господствующимъ классамъ гораздо болѣе средствъ дѣйствовать на народъ въ смыслѣ прививки имъ патріотизма. А такъ какъ при новѣйшемъ порядкѣ „число тѣхъ лицъ высшаго класса, которыя могутъ извлекать для себя выгоды изъ патріотизма, стало несравненно значительнѣе, чѣмъ оно было при прежнемъ, болѣе простомъ строѣ, то находится и гораздо болѣе людей, занимающихся распространеніемъ и укрѣпленіемъ этого удивительнаго предразсудка. Чѣмъ правительствамъ труднѣе поддерживать свою власть, тѣмъ большее и

большее число людей они привлекаютъ къ участію въ этой власти».

Къ такимъ людямъ, которые солидарны съ правительствами въ поддержаніи и возбуженіи патріотизма, авторъ относитъ не только чиновниковъ и духовенство, но и землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рантьеровъ, банкировъ, выборныя сословія, профессоровъ, ученыхъ вообще, а прежде всѣхъ—журналистовъ. „Всѣ эти люди,—говоритъ онъ,—сознательно или нѣтъ, распространяютъ обманъ патріотизма, который имъ необходимъ для обезпеченія выгоднаго ихъ положенія... Даже тѣ люди непосредственно изъ народа, которымъ удалось на время прервать трудъ кормовой и поучиться, подвергались въ школѣ и внѣ школы такому гипнотизированію сверху, столькимъ угрозамъ и соблазнительнымъ предложеніямъ, что и они становятся на сторону правительствъ. Можно сказать, что у дверей школы протянута сѣть, въ которую ловятся всѣ успѣвшіе проскользнуть въ школу изъ задавленной вседневнымъ трудомъ массы»...

«Сила правительствъ имѣетъ своимъ основаніемъ общественное мнѣніе. Но, владѣя въ данное время силою матеріальною, правительства, посредствомъ своихъ орудій: чиновниковъ, судей, учителей, духовенства и печати, могутъ сами вызывать то общественное мнѣніе, какое имъ нужно для поддержанія своей власти. И такъ, общественное мнѣніе производитъ силу, но и сила производитъ общественное мнѣніе. Изъ этого круга, повидимому, нѣтъ выхода». Но затѣмъ гр. Толстой объясняетъ, что «истинное общественное мнѣніе совсѣмъ не то, которое проявляется по заказу сверху, вѣчно въ однѣхъ и тѣхъ же формулахъ шаблоннаго патріотизма, но—то, которое слагается изъ свободныхъ, личныхъ впечатлѣній и сужденій, произносимыхъ единичными людьми среди домашнихъ и знакомыхъ. Это истинное общественное мнѣніе гораздо менѣе поддается вліянію и притомъ оно не застываетъ въ шаблонныхъ, указныхъ формахъ, а постоянно видоизмѣняется, прогрессируется, Такъ, то, что не особенно еще давно считалось нелѣпостью, бреднями праздныхъ умовъ, какъ напр. возможность обходиться безъ рабства, безъ пытокъ, безъ тѣлесныхъ наказаній, нынѣ сдѣлалось уже безповоротнымъ достояніемъ не только общественнаго *убѣжденія*, но даже и оффиціальнаго общественнаго мнѣнія». Въ этомъ-то неуловимомъ и неподчиненномъ, вѣчно возрастающемъ, не-

поддѣльномъ внутреннемъ убѣжденіи народовъ и исчезаетъ или слабѣетъ патріотизмъ, несмотря на искусственныя подогрѣванія.

Это внутреннее, независимое убѣжденіе скоро стало бы всемогущей силою, если бы каждый дѣйствовалъ согласно съ нимъ или уклонялся отъ дѣйствій, съ убѣжденіемъ несогласныхъ. Нѣтъ силы противъ силы всѣхъ, ясно сознавшихъ свой интересъ. Но для этого всѣмъ слѣдуетъ всегда, даже въ мелочахъ, держаться именно своего убѣжденія и выражать его съ опредѣленностью и ясностью. «Скажите, ну велика-ли важность—прокричать «vive la France» или «ура» въ честь какого-нибудь побѣдителя? Неужели — преступленіе участвовать въ патріотическомъ торжествѣ и произносить тосты и лестныя слова въ честь такихъ людей, которыхъ не знаешь и съ которыми не имѣешь никакого дѣла?... Положимъ, каждое, отдѣльно взятое, изъ этихъ дѣйствій и неважно. Но именно только отказавшись отъ ихъ всѣхъ и заявляя, каждый по мѣрѣ своихъ силъ, пустоту вещей, которыя дѣйствительно намъ представляются пустыми, мы и вступимъ во владѣніе нашей силой, той непобѣдимой силой, какую составитъ общественное мнѣніе истинное, неподдѣльное, то, которое, постоянно прогрессируя, и создаетъ прогрессъ человѣчества».

Пропаганда не только противъ системы милитаризма, но и противъ самаго патріотизма, какъ источника этой системы, ведется также и германскими писателями. Приведемъ въ видѣ дальнѣйшей иллюстраціи къ нашему очерку этой пропаганды, сужденія одного изъ нѣмецкихъ авторовъ о патріотизмѣ. „Переносить и постоянно увеличивать бремя колоссальныхъ бюджетовъ на вооруженіе побуждаетъ народъ—патріотизмъ, то есть безразсудное расположеніе людей къ тому, чтобы такую-то *ихъ* націю, *ихъ* страну сдѣлать господствующею, командующею. Этотъ патріотизмъ сталъ въ наше время столь-же пагубнымъ для народовъ, какъ были нѣкогда славолюбіе и жадность правителей, стремившихся къ завоеваніямъ“. Замѣчательно, что, указывая на опасности для мира, вызывавшіяся патріотизмомъ, нѣмецкій анти-патріотическій авторъ не упоминаетъ ни о нападеніи Пруссіи и Австріи на Данію, ни о нападеніи Австріи на Пруссію, а войну 1870 года, которая была вызвана Бисмаркомъ, относитъ къ безразсуднымъ крикамъ „à Berlin!“ въ Па-

рижѣ. Зато онъ указываетъ на войны перваго Наполеона, на избраніе Наполеона III — изъ патріотизма, затѣмъ — на русскій панславизмъ и на отнятіе у Франціи Эльзаса-Лотарингіи, ставшее постоянной опасностью для европейскаго мира.

My country, right or wrong (за отечество, право оно или неправо) — таковъ повсемѣстный девизъ патріотовъ этого рода и означаетъ онъ, что всякая справедливость должна молчать, какъ только въ дѣлѣ замѣшаны «патріотическія стремленія»... Тѣ самыя дѣянія, которыя патріотъ признаетъ безнравственными, когда ихъ совершаютъ частные люди, которыхъ онъ клеймитъ названіями воровъ, разбойниковъ и убійцъ, представляются ему честными и почтенными, если они совершаются, по указанію правительства, надъ гражданами другаго государства. Грабежъ и убійство называются въ этомъ случаѣ патріотическими подвигами.

Далѣе тотъ-же писатель опровергаетъ увѣренія *такихъ* патріотовъ, будто для государства унизительно подчинять международные споры рѣшенію третейскаго суда, между тѣмъ какъ рѣшеніе дѣлъ судомъ, а не насиліемъ, представляетъ характеристическій признакъ культурнаго состоянія вообще. Въ дѣйствительности, патріотами при этомъ руководитъ именно желаніе несправедливаго рѣшенія и насильственнаго захвата. А между тѣмъ, постоянные успѣхи человѣческаго ума, устраняя одинъ предразсудокъ за другимъ, уничтожатъ, наконецъ, и тотъ крупнѣйшій изъ нихъ, который не признаетъ справедливости въ отношеніяхъ между тѣми-же людьми, раздѣленными на народы. По мнѣнію автора, уже недалеко то время, когда поймутъ, что истинный патріотизмъ одинаковъ съ истинной гражданской свободой, то есть, долженъ заключаться въ охраненіи своей самостоятельности и своего развитія безъ нарушенія чужихъ правъ на то-же самое. Перечисляя снова разные новѣйшіе примѣры нарушенія ложнымъ патріотизмомъ чужихъ правъ или созданія постоянныхъ опасностей для европейскаго мира, какъ-то: „à Berlin“, русскій панславизмъ, отказъ англичанами ирландцамъ въ home-rule и итальянское предпріятіе въ Абиссиніи, тотъ-же авторъ высказываетъ осужденіе и насильственному присоединенію къ Германіи Эльзаса-Лотарингіи и Шлезвига, вопреки не только истинному патріотизму, но и благосостоянію самого германскаго народа.

По такимъ собственно вопросамъ, въ которыхъ, по ходячему мнѣнію, замѣшана «національная честь», нѣкоторые публицисты, какъ Кальво, отвергаютъ рѣшеніе ихъ третейскимъ судомъ, а другіе, какъ Бульмеринкъ, допускаютъ такое рѣшеніе. Ревонъ *) говоритъ: «Мы безъ колебанія присоединяемся къ этому послѣднему мнѣнію. Англійскій дипломатъ сэръ Стаффордъ Норткотъ высказалъ, что именно вопросы, касающіеся національной чести, легче всего и могутъ быть предметомъ третейскаго рѣшенія. Такъ, было уже нѣсколько примѣровъ, что британская щекотливость преклонялась передъ подобными рѣшеніями, и это понятно, такъ какъ самое согласіе, данное на арбитражъ, охраняетъ національное самолюбіе въ случаѣ неблагопріятнаго рѣшенія». Эмиль Боссиръ **) разсуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ: «Вопросъ о чести (le point d'honneur) почти всегда представляетъ собой мотивъ, далеко не соотвѣтствующій столь важному и ужасному дѣйствію, какъ объявленіе войны. Австрія была готова уступить Венеціанскую область; но, по держащемуся еще среди европейскихъ народовъ воззрѣнію, честь не дозволяла ей сдѣлать этого иначе, какъ послѣ исхода войны ***). Но развѣ это истинная честь?... Тоже случается и при поединкахъ. Иногда одинъ изъ противниковъ сознаетъ, что ему слѣдовало-бы извиниться, но «честь» препятствуетъ сдѣлать это иначе, какъ доказавъ прежде свое мужество, то есть, подвергнувъ опасности свою и чужую жизнь. Въ дуэляхъ стороны, по крайней мѣрѣ, рискуютъ собственной жизнью, а на войнѣ правящіе приносятъ въ жертву десятки тысячъ жизней».

Такимъ языкомъ говорятъ люди науки. Но крайніе агитаторы соціализма выражаются проще. Вотъ, для примѣра, два «соображенія», предпосланныя резолюціями „VII соціальнаго (т. е. французско-соціалистическаго) конгресса", засѣдавшаго въ Парижѣ отъ 30 сентября до 7 октября 1883 года: «Принимая во вниманіе, что идея отечества составляетъ понятіе буржуазное и обветшалое; что рабочіе въ разныхъ странахъ вовсе не являются естественными между

*) Revon, «L'arbitrage interantional», p. 505.

**) E. Beaussire, «Les principes du droit». X.

***) Напомнимъ, что въ 1866 году, несмотря на побѣду австрійцевъ при Кустоццѣ, участь войны ихъ съ Италіею еще не была рѣшена, такъ какъ итальянская армія шла за отступавшею австрійскою.

собою противниками, но, напротивъ, имѣютъ одинаковые интересы и ведутъ борьбу противъ своихъ международныхъ эксплуататоровъ» и т. д.

Приведемъ еще два образчика сужденій, высказанныхъ французскими соціалистами. «Интернаціонализмъ (т. е. международный союзъ рабочихъ) уничтожитъ границы, что повлечетъ за собой упраздненіе постоянныхъ армій и военныхъ бюджетовъ. Тогда милліоны рукъ будутъ возвращены труду и производительности. При нынѣшнемъ, хуже чѣмъ варварскомъ устройствѣ обществъ, цвѣтъ населенія, молодые и здоровые люди держатся въ казармахъ, будучи предназначаемы на убой, а продолженіе рода предоставляется слабымъ и калѣкамъ, отчего происходитъ вырожденіе человѣчества *)».

Этотъ-же авторъ пишетъ: «Соціализмъ, въ самомъ принципѣ, не признаетъ идеи отечества и патріотизма, такъ какъ войны ведутся исключительно въ интересахъ династій и капитализма... Что буржуа столько кричатъ о своемъ патріотизмѣ, то это только обнаруживаетъ ихъ желаніе защитить посредствомъ арміи ихъ привилегіи противъ эксплуатируемаго ими народа»...

Тотъ-же авторъ замѣчаетъ, что именно въ наше время война является особенно нелогичною и невыгодною, такъ какъ она разорительна не только для побѣжденныхъ, но и для побѣдителей. Въ прежнія времена побѣдитель грабилъ города, отнималъ все имущество у побѣжденныхъ и обращалъ ихъ въ рабство. Такъ какъ наши нравы уже не допускаютъ этого, то къ чему-же служитъ война? Въ старину побѣдители поступали болѣе жестоко, но несомнѣнно логичнѣе, чѣмъ мы. Гораздо раціональнѣе была-бы война угнетаемыхъ противъ угнетателей, или, какъ говоритъ поэтъ (Souetre, «Chant du soldat socialiste»):

«Une guerre plus légitime
«C'est la guerre à qui nous opprimme,
«La seule que nous ne faisons pas».

Авторъ, однако, признаетъ французскій патріотизмъ, но только въ смыслѣ именно этой борьбы; ибо Карлъ

---

*) P. Argyriades. «Essai sur la socialisme scientifique».

Марксъ сказалъ, что «революція будетъ возвѣщена галльскимъ пѣтухомъ»... «При первой войнѣ, объявленной какимъ либо монархомъ, пусть соціалисты сплотятся, захватятъ власть въ свои руки и будетъ приступлено немедленно къ экспропріаціи капитала, съ провозглашеніемъ соціальнаго равенства. Тогда тотчасъ произойдутъ революціи и среди тѣхъ націй, которыя начали войну, и общая побѣда надъ правителями и капиталистами будетъ обезпечена».

Другой соціалистъ, депутатъ Аттидъ Бэйе, пишетъ: «Мы составляемъ группу безумцевъ убѣжденныхъ, что цивилизація требуетъ уничтоженія варварства войны, требуетъ разоруженія, установленія международнаго посредничестве и братства народовъ. Но тѣ мудрецы, которые нами управляютъ, противъ нашей воли, доказываютъ, что гораздо человѣчнѣе и умнѣе для народовъ пожирать другъ друга и бросать на это баснословныя суммы, которыя разоряютъ плательщиковъ податей. И такъ, пусть славяне пожираютъ германцевъ, германцы—франко-галловъ, англо-саксы—славянъ (?!), венгерцы—румынъ, христіане—магометанъ, а буддисты—фетишистовъ. Нечего сказать, много поумнѣло человѣчество».

Очевидно, что подобные призывы и хотя бы даже ученыя разсужденія на эту тему, сами въ себѣ, не имѣли бы заразительной силы и не составляли бы опасности, если бы въ Европѣ не было на лицо обстоятельствъ весьма серьёзныхъ. Увеличеніе населенія, которому не соотвѣтствуетъ возрастаніе его покупной силы, не даетъ достаточнаго сбыта на европейскомъ рынкѣ продуктамъ колоссально развившейся промышленной производительности и задерживаетъ дальнѣйшее развитіе ея въ такихъ размѣрахъ, чтобы для прироста населенія создавалось достаточное количество заработковъ. Въ Европѣ становится тѣсно, и громадная эмиграція уже указываетъ на ненормальность положенія.

А одновременно, налоги все возрастаютъ на быстро идущую, непрерывную надстройку современной вавилонской башни—милитаризма, т. е. такого зданія, котораго окончательныхъ размѣровъ нельзя и предвидѣть. До какой степени современная общественная почва будетъ въ состояніи выдерживать все возрастающую тяжесть этого гигантскаго сооруженія? Вотъ тотъ вопросъ, при размышленіи надъ которымъ, и слабыя логически, фантастичныя разглагольствованія пропагандистовъ пріобрѣтаютъ значеніе и даже предсказанное

Марксомъ „пѣніе галльскаго туха“ пѣне представляется забавнымъ.

III. Пропаганда въ войскахъ.

Понятно, что для противниковъ существующаго государственнаго и общественнаго строя важнѣйшей задачей представляется пріобрѣтеніе вліянія на войска. Здѣсь мы должны повторить сказанное уже въ иномъ мѣстѣ, а именно, что дѣятельность въ этомъ направленіи крайнихъ агитаторовъ находитъ для себя поддержку и во взглядахъ, проповѣдуемыхъ людьми мирнаго характера, представителями науки и искусства, которые даютъ практической пропагандѣ основу принципіальную.

Въ предшествующемъ очеркѣ развитія идей соціализма и анархизма мы не касались тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ пропаганда эта распространяется; но въ настоящей главѣ мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть, такъ сказать, нравственныя средства дѣйствія, употребляемыя агитаціею. Въ вопросѣ о будущей войнѣ эта сторона можетъ имѣть не малое значеніе. Число приверженцевъ анти-государственныхъ идей растетъ на Западѣ съ замѣчательной быстротой, а это обстоятельство можетъ повліять на вѣроятность войны двояко: или сдѣлать ее просто невозможною, или, если-бы она все-таки вспыхнула, несмотря на многочисленные легіоны ея противниковъ, могли бы произойти катастрофы, результаты которыхъ трудно было бы предвидѣть.

Послѣдовали - ли бы затѣмъ попытки къ установленію какого-нибудь новаго строя, или наступила бы просто анархія — гадать о томъ напрасно. Одно только вѣроятно, что еслибы дѣло дошло до подобнаго кризиса, то уже невозможно было бы просто возвратиться къ прежнему status quo. Такимъ образомъ, могло бы оправдаться предсказаніе Монтескье, что Европа погибнетъ отъ милитаризма.

Мы, конечно, не станемъ излагать здѣсь систематически тѣ эпизоды начавшейся борьбы, которые уже записаны въ современной исторіи, такъ какъ изложеніе ихъ все-таки не объясняло бы главнаго. А главнымъ, по отношенію къ нашему предмету представляются именно тѣ умственные пріемы, посредствомъ которыхъ агитаторы подкапываются

подъ устои нынѣшняго порядка. При этомъ отдѣльные примѣры послужатъ намъ только для характеристики общихъ замѣчаній.

Лишенія, трудности воинской службы, жестокое обращеніе съ солдатами.

Прежде всего, пропаганда противъ милитаризма старается распространить убѣжденіе, что отъ него страдаютъ солдаты и близкіе имъ люди въ отношеніи экономическомъ, гигіеническомъ, политическомъ и нравственномъ. Вмѣсто того, чтобы по прежнему работать для себя и своихъ близкихъ, солдатъ принужденъ трудиться для начальства, а близкіе люди нерѣдко еще должны сами работать для того же солдата. Къ тому же, онъ лишается возможности работать производительно именно въ лучшіе годы своей жизни, когда работа для него представляется наиболѣе цѣнною.

Но пропагандисты идутъ далѣе и утверждаютъ, что на вступающихъ въ ряды арміи людей налагаются обязанности и трудности непомѣрныя, несогласныя съ потребностями жизни. Въ давнія времена, когда массы жили бѣднѣе и въ болѣе грубыхъ условіяхъ, не было столь большаго, какъ нынѣ, различія между бытомъ домашнимъ и бытомъ казарменнымъ. Но, вслѣдствіе подъема общаго благосостоянія и при осуществившемся смягченіи условій жизни въ семьѣ и въ обществѣ, при установившихся юридической равноправности и неприкосновенности личности, строгія требованія военной дисциплины внушаютъ страхъ, а жизнь въ казармахъ и обремененіе ученьями, которое обусловлено самой краткосрочностью службы, оказываютъ вредное вліяніе на здоровье новобранцевъ *). Солдатская служба стала сложнѣе и отъ солдатъ требуются не одни физическія, но и умственныя усилія для скораго усвоенія сложныхъ пріемовъ и правилъ, что большинству дается не легко. Вотъ тѣ условія, которыя эксплуатируются агитаторами для возбужденія ненависти къ милитаризму.

Съ высоты парламентскихъ трибунъ ведется открытая пропаганда въ пользу отмѣны содержанія постоянныхъ

---

*) Dr. Seeland, «Zur Aetiologie der Sterblichkeit der Soldaten». Статья въ «Vierteljahrschrift für öffentliche Gesundheitspflege». 1871.

арміи. Какую благопріятную почву въ народѣ нашла себѣ идея уничтоженія постояннаго войска—можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго факта. Въ 1880 году, Бебель прочелъ въ парламентѣ письмо Мольтке къ одному рабочему, въ Капштадтѣ, который умолялъ его упросить императора по крайней мѣрѣ уменьшить наличное количество войска. «Всякій присоединится къ горячему и искреннему желанію,—писалъ Мольтке,—уменьшить это народное бремя, которое несетъ Германія по необходимости, находясь среди могучихъ сосѣдей. Но эта перемѣна возможна лишь тогда, когда всѣ народы придутъ къ заключенію, что война, даже самая побѣдоносная, есть страшный бичъ для нихъ самихъ и для всего человѣчества» („Volkszeitung", 1890, № 251).

Такъ представляется это дѣло Мольтке и другимъ дѣятелямъ и ученымъ людямъ, и въ такомъ духѣ они говорятъ объ этомъ съ народомъ; но народныя массы смотрятъ на это дѣло проще, предполагая, что если люди, власть имѣющіе, не хотятъ ускорить рѣшеніе этого вопроса, то, значитъ, выполненіе этой задачи долженъ взять на себя самъ народъ.

Однако, паденіе Бисмарка, отмѣна исключительныхъ законовъ и успѣхи на выборахъ успокоили немного расходившіяся страсти и несомнѣнно доказали, что и „легальный путь" можетъ все-таки къ чему нибудь пригодиться; это явившееся сознаніе увеличило значеніе Бебеля и Либкнехта и вообще придало болѣе увѣренности въ своихъ силахъ наиболѣе умѣренной части соціалистовъ.

Въ то время, какъ значеніе соціалистовъ въ народѣ ростетъ и крѣпнетъ, въ правительственныхъ сферахъ ихъ считаютъ врагами государства.

Не говоря уже о Бисмаркѣ, который былъ постояннымъ и упорнымъ врагомъ соціальнаго движенія *), мы можемъ для примѣра указать на его преемника графа Каприви, который въ 1891 году прямо сказалъ въ рейхстагѣ: „Требую отъ васъ увеличенія числа унтеръ-офицеровъ; они мнѣ нужны не столько для войны съ врагомъ, сколько для огражденія васъ самихъ отъ случайностей уличной борьбы".

Русскій писатель графъ Левъ Толстой дѣлаетъ къ этому

*) Кокетничанье съ Лассалемъ было только одной изъ уловокъ «откровеннаго» политика.

слѣдующее примѣчаніе: «Каприви сказалъ только то, что всякій знаетъ, хотя это и старательно скрывается отъ народовъ; онъ сказалъ то, почему нанимались гвардіи швейцарцевъ и шотландцевъ къ французскимъ королямъ и папамъ. Смыслъ рѣчи Каприви, переведенный на простой языкъ, тотъ, что деньги нужны не для противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, а для подкупа унтеръ-офицеровъ, съ тѣмъ, чтобы они были готовы дѣйствовать противъ подавленнаго рабочаго народа».

Графъ Толстой приводитъ еще тотъ фактъ, что въ Америкѣ, гдѣ содержится мало войска, «въ послѣднее время, по мѣрѣ усиленія единенія между рабочими, слышатся все чаще и чаще голоса, требующіе увеличенія войска, хотя никакое внѣшнее нападеніе не угрожаетъ Америкѣ. Высшіе правящіе классы знаютъ, что 50 тысячъ войска скоро будетъ недостаточно и, не надѣясь уже на армію Пинкертона, чуютъ, что обезпеченіе ихъ положенія заключается только въ усиленіи войска».

Успѣхи оппозиціи противъ милитаризма въ Германіи лучше всего были выражены въ рѣчи Бебеля, произнесенной въ рейхстагѣ послѣ выборовъ. Онъ указалъ, что за кандидатовъ тѣхъ партій, которыя были противъ новаго военнаго закона, т. е. соціалистовъ, центра, демократовъ, южно-германской партіи, датчанъ и вельфовъ было подано 4.233 000 голосовъ, а за кандидатовъ партій, высказавшихся въ пользу военнаго закона — 3.225.000 голосовъ, такъ что народъ отвергалъ тотъ законъ большинствомъ 1.097.000 голосовъ, между тѣмъ какъ въ избранномъ рейхстагѣ большинство оказалось въ пользу закона.

Нѣсомнѣнно, развитію въ Германіи оппозиціи противъ милитаризма въ самой арміи, включающей весь народъ, благопріятствовали условія политическаго и общественнаго быта; жестокое обращеніе съ солдатами истекаетъ, въ сущности, изъ сословно-надменнаго отношенія офицеровъ къ низшимъ классамъ, а унтеръ-офицеры подражаютъ своимъ офицерамъ.

Примѣрами такого обращенія съ солдатами соціалисты всегда пользовались для возбужденія массы.

Такъ, въ одной брошюрѣ они называютъ армію сборомъ тунеядцевъ *), въ другой же — милитаризмъ называется

*) Fluschein, «Auf friedlichem Wege». Braunschweig. 1884.

Молохомъ, въ честь котораго приносятся человѣческія жертвы *).

Несомнѣнно, недоброжелательное отношеніе къ милитаризму проявляется въ Германіи не среди всѣхъ классовъ, но все-таки оно очень значительно. На конгрессѣ въ Галле Бебелю прямо былъ сдѣланъ оффиціальный запросъ, почему онъ такъ умѣренно дѣйствуетъ противъ милитаризма и иногда даже какъ бы дѣлаетъ уступки, противныя духу соціалистической партіи?

Онъ отвѣчалъ, что только вслѣдствіе того, что его голосъ былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, онъ не хочетъ теперь настойчиво требовать всеобщаго разоруженія. «Буржуазія,—сказалъ онъ,—никогда не согласится на это по многимъ причинамъ, а между прочимъ и потому, что ея согласіе уничтожитъ для ея сыновей возможность получать выгодныя мѣста въ арміи». Эти слова вызвали бурю аплодисментовъ.

Зная отлично,—какъ это высказалъ Бебель, — что ихъ голоса будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, соціалъ-демократы поэтому дѣйствуютъ иначе. Они подрываютъ среди публики престижъ арміи постояннымъ указаніемъ въ брошюрахъ и газетныхъ статьяхъ на тѣ несправедливости, которыя въ ней допускаются, и пропагандой своихъ идей среди солдатъ.

Напримѣръ, въ извѣстной уже намъ брошюрѣ «Die parlamentarische Thätigkeit» etc. упоминается о большихъ наградахъ, данныхъ генераламъ и офицерамъ, въ то время, какъ солдаты не получили ничего, а семьи убитыхъ и раненыхъ — только скудныя пенсіи.

Приводя, между прочимъ, новый военный законъ, эта же брошюра сильно нападаетъ на суровость и строгость наказаній при самомъ незначительномъ поступкѣ со стороны солдата и на полную поблажку въ отношеніи начальниковъ.

„Если *случайно*, — говоритъ брошюра, — унтеръ-офицеръ въ шутку велитъ повѣсить солдата, какъ это случилось въ Ольденбургѣ въ 1872 году, или если офицеръ обожжетъ сигарой носъ своему денщику, какъ это было въ Данцигѣ, или, наконецъ, прикажетъ дать пощечину ни въ чемъ неповинному и смирно сидящему статскому, — солдатъ долженъ

*) Gilles, «Demokratie und Bismark».

быть послушнымъ, если не желаетъ познакомиться ближе съ военнымъ кодексомъ о наказаніяхъ. Солдатъ въ Германіи долженъ быть только машиной—это цѣль новаго военнаго закона".

Понятное дѣло, что обнаруженіе и подчеркиваніе подобныхъ фактовъ производитъ на публику извѣстное впечатлѣніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникаетъ вопросъ, насколько подъ вліяніемъ возбужденія среди массъ возможно имѣть увѣренность въ слѣпомъ послушаніи солдатъ.

Что въ военныхъ сферахъ въ Германіи вовсе не считаютъ безусловно невозможными случаевъ нарушенія дисциплины въ войскахъ въ виду внутренняго непріятеля, видно изъ того, что въ нихъ уже разсматривался даже вопросъ о военныхъ мятежахъ, въ связи съ стратегическими вопросами междоусобной войны вообще, какъ-то о бомбардированіи и штурмѣ возмутившихся городовъ и т. п. Военное министерство образовало два корпуса войскъ, спеціально для поддержанія порядка внутри имперіи при войнѣ. Но нѣтъ повода предполагать, что въ этихъ новыхъ корпусахъ будетъ менѣе соціалистовъ, чѣмъ въ прежнихъ. Бебель высказывалъ въ парламентѣ свое мнѣніе объ ошибочности такого взгляда, который распространяетъ „на всю вѣчность" увѣренность въ безусловной преданности арміи. По его словамъ, „по мѣрѣ того, какъ соціальная демократія завоевываетъ массы, она проникаетъ и въ войска"... «Соціалъ-демократы, исполняя воинскую повинность подъ знаменами, исполнятъ свой долгъ наравнѣ со всѣми. Но вы не должны имѣть увѣренности, что навсегда и безусловно будете имѣть въ этой арміи послушное орудіе, которое обратите противъ кого вамъ угодно. Это еще вопросъ — такой, на который я не могъ бы отвѣчать разъ навсегда".

Особое отличіе, какое было оказано самимъ императоромъ Вильгельмомъ II тому часовому, который положилъ на мѣстѣ двухъ оскорблявшихъ его людей, выказываетъ, повидимому, сознаніе, что въ подобномъ случаѣ не каждый часовой поступилъ бы такъ.

Возраженіе, что въ нынѣшнемъ составѣ германской арміи, состоящей подъ знаменами, ничѣмъ не проявляется духъ соціализма, не опровергаетъ ничего. Во-первыхъ, соціалистическими ученіями заражаются не столько люди 20—23-лѣтняго возраста, сколько старшіе возрасты, которые при-

будутъ на войну въ ландверѣ. Во-вторыхъ, проявленію соціалистическихъ взглядовъ среди солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, препятствуетъ страшная германская дисциплина: люди могутъ думать свое, но не подвергаться возможнымъ въ казармахъ истязаніямъ, а при войнѣ настроеніе ихъ все-таки скажется *).

Какъ уже было замѣчено выше, срокъ службы въ войскахъ крайне сократился, а требованія возрасли: отсюда всевозможное и даже невозможное напряженіе физическихъ и умственныхъ силъ новобранцевъ. Одинъ изъ прошедшихъ чрезъ нѣмецкую казарму описываетъ ее, какъ настоящій „застѣнокъ“ того Молоха, который называется милитаризмомъ. По отзыву его, тамъ совершаются ужасныя вещи и изъ ихъ виновниковъ, все равно, какъ изъ числа преступниковъ въ гражданскомъ обществѣ, уличаются и наказываются только менѣе ловкіе и менѣе опасные. А между тѣмъ, необходимо стараться разоблачить такія жестокости, хотя это становится все труднѣе. Депутатъ Рихтеръ въ одной рѣчи, произнесенной въ 1893 году, указалъ на то, что прежде учебные плацы были виднѣе для прохожихъ, а теперь они ограждены высокими стѣнами или ученья производятся въ манежахъ; жизнь военной службы все болѣе и болѣе замыкается отъ взоровъ общества. Семьи унтеръ-офицеровъ переведены въ казармы, для офицеровъ устроены особыя собранія.

Вообще, въ Германіи слышалось наиболѣе жалобъ на крутое обращеніе съ солдатами. Появлялось много брошюръ, указывавшихъ на это зло; но имъ не особенно вѣрили въ публикѣ, считая показанія ихъ преувеличенными. Но вдругъ, какъ ударъ грома въ ясную погоду, раздался голосъ герцога Георга Саксонскаго, командующаго 12 армейскимъ корпусомъ, въ рапортѣ о случаяхъ жестокаго обращенія съ солдатами начальниковъ, преимущественно фельдфебелей, ун-

*) Въ этомъ отношеніи характерно одно заявленіе Либкнехта въ рейхстагѣ. Противъ опасеній относительно «пропаганды въ казармахъ» онъ возражалъ, что ея вовсе и не нужно, такъ какъ соціально-демокартическій духъ вносится въ армію каждымъ новобранцемъ, который въ нее поступаетъ. Точно такъ, въ 1848 году, не нужно было особой пропаганды въ казармахъ, когда каждый рекрутъ вносилъ въ батальоны и полки духъ тогдашней «буржуазной демократіи», которымъ баденская армія была даже вся заражена. «Теперь мы находимся въ эрѣ соціальной демократіи и ея бактерія носится въ воздухѣ, какъ въ 1848 году носилась бактерія демократіи буржуазной. Дѣлайте, что хотите, заведите себѣ особаго профессора Коха при казармахъ, чтобъ онъ ловилъ эту бактерію, но и тогда не захватите ея, не пресѣчете ея вторженія въ казармы».

теръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ случаевъ, многіе имѣютъ характеръ тѣмъ болѣе возмутительный, что указываютъ на систематическое преслѣдованіе нѣкоторыхъ личностей, а всѣ — на видимую невозможность для солдатъ жаловаться на самыя несправедливыя и жестокія дѣйствія. Болѣе всего такихъ случаевъ указано въ 11 полку пѣшей артиллеріи и въ 6 полку пѣхоты: унтеръ-офицеръ Цваръ приказалъ вылить на лицо рядовому кипящій кофе; унтеръ-офицеръ Цэме, въ январьскую ночь, въ 1890 г., вызвалъ своихъ людей въ однѣхъ рубашкахъ и произвелъ имъ ученіе; въ другой разъ онъ заставилъ ихъ становиться передъ нимъ на колѣни безчисленное множество разъ; ефрейторъ Либингъ билъ солдата ремнями до потери послѣднимъ сознанія; фельдфебель Лохель приказывалъ схватывать непонравившихся ему новобранцевъ въ охапку и бить ихъ головами объ стѣну, а тѣхъ, у которыхъ находилъ грязные носки, заставлялъ въ теченіе 5 минутъ жевать эти носки; унтеръ-офицеръ Гейльсдорфъ заставлялъ солдатъ взлѣзать на шкафъ и на немъ становиться на колѣни и вставать 900 разъ, такъ что полъ былъ залитъ катившимся съ нихъ пóтомъ; кто хотѣлъ избѣгнуть наказанія — платилъ ему деньги; унтеръ-офицеръ Куянъ внушилъ одному запасному своими жестокостями такой ужасъ, что тотъ, однажды, при видѣ своего мучителя, получилъ внезапное разслабленіе желудка: Куянъ принудилъ его съѣсть калъ, посыпавъ его солью.

Весьма примѣчательно заключеніе г. Гауссмана, при обсужденіи запроса по этому предмету въ рейхстагѣ: «канцлеръ сказалъ вчера, что если нравственность въ арміи съ каждымъ годомъ понижается, то это потому, что она падаетъ въ самомъ населеніи; между тѣмъ, дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ: грубость и варварство, господствующія въ казармѣ, сквозь которую проходитъ весь народъ, заражаютъ его нравы, и вотъ печальный результатъ прогресса за послѣднія 20 лѣтъ».

Въ заключеніе преній по запросу, рейхстагъ, большинствомъ 143 голосовъ противъ 100, вопреки желанію правительства, потребовалъ гласности военнаго судопроизводства. Но будетъ ли достаточно этого средства для отвращенія тѣхъ грубыхъ насилій, которыя въ огромномъ большинствѣ не доходятъ до суда, весьма сомнительно.

Столь компетентнаго свидѣтельства, какъ рапортъ герцога Саксонскаго, опровергнуть было невозможно. Тогда противники милитаризма повели атаку еще далѣе, указывая, что, помимо прямыхъ истязаній, начальники имѣютъ въ своемъ распоряженіи страшное средство — арестъ, на который не допускаются никакія жалобы. По этимъ отзывамъ, употребляемые продолжительные аресты въ темныхъ, душныхъ и холодныхъ карцерахъ, на хлѣбѣ и водѣ, бываютъ причиной упадка силъ, заболѣваній тифомъ, безумія и самоубійствъ.

Во Франціи пропаганда дѣйствуетъ еще сильнѣе. Заимствуемъ у одного французскаго писателя характеристику взглядовъ на армію и войну. «Главнымъ назначеніемъ войскъ нынѣ является подавленіе требованій, заявляемыхъ пролетаріатомъ. Генералъ Шангарнье, въ прокламаціи къ ліонской арміи въ 1849 г., высказалъ это прямо, говоря, что назначеніемъ нынѣшнихъ армій служитъ не столько борьба съ внѣшнимъ врагомъ, сколько защита порядка противъ внутреннихъ мятежниковъ. Но, съ другой стороны, самое существованіе органа вызываетъ дѣйствіе его; неудивительно поэтому, что созданіе грозныхъ армій произвело возбужденіе національизма, которому покровительствуютъ правительства, видя въ немъ диверсію противъ опасности; оно потрясло Европу посредствомъ «желѣза и крови» и создало ужасающее современное международное положеніе. Теперь мы живемъ подъ вѣчной угрозой столкновенія, которое вызоветъ борьбу между десяткомъ милліоновъ людей, вооруженныхъ молніеноснымъ оружіемъ. Въ давнія времена войны бывали, пожалуй, иногда и полезны. Какъ, по легендѣ, Зевсъ послалъ троянскую войну для того, чтобы освободить народы отъ чрезвычайнаго множества царьковъ и ихъ героевъ, такъ и Петръ Пустынникъ оказалъ услугу человѣчеству, положивъ начало крестовымъ походамъ, въ которыхъ гибли жестокіе и жадные феодальные владыки и рыцари, занимавшіеся дома ограбленіемъ и мученіемъ своихъ крѣпостныхъ. Но нынѣ положеніе дѣлъ совсѣмъ иное: военное столкновеніе охватитъ не высшія сферы, но массы пролетаріата, и среди его скоситъ безчисленныя жертвы, хотя пролетаріатъ желаетъ только свободы и справедливости, но самъ не въ состояніи принудить къ ихъ осуществленію, не смотря на то, что

онъ составляетъ большинсто. Такова печальная иронія современнаго положенія» *).

Приведемъ здѣсь еще въ видѣ образца нѣсколько строкъ изъ заключительной главы сочиненія Амона, надѣлавшаго довольно много шума **):

„Цѣлью военной профессіи представляется война, а всякая война влечетъ съ собою насилія, какъ-то: убійства, насилованія, грабежъ, поджоги. Избирающіе это ремесло люди побуждаются личнымъ интересомъ: идея преданности отечеству, коллективности вполнѣ чужда такому выбору. Истинными же его мотивами служатъ: обезпеченіе себѣ жизни безъ заботъ въ пріисканіи хлѣба, полученіе постояннаго жалованья, подобно чиновникамъ, но съ болѣе почетнымъ положеніемъ и мундиромъ, который открываетъ доступъ въ гостинныя; тщеславная потребность командовать другими людьми, которые обязаны исполнять всякое приказаніе подъ опасеніемъ тяжкихъ каръ; неспособность или безсиліе проложить себѣ дорогу занятіемъ литературой, наукой, искусствомъ, торговлей, финансами».

Амонъ объясняетъ, такимъ образомъ, что каждый человѣкъ, облеченный властью, непремѣнно увлекается къ злоупотребленію ею. „При нынѣшнемъ общественномъ строѣ, всякое должностное лицо облечено властью разъ навсегда и пользуется ею по отношенію ко всѣмъ безъ всякаго иного ограниченія кромѣ того, какое начальникъ находитъ въ самомъ себѣ. Ибо ограниченіе, полагаемое законами, установляющими равенство и свободу людей, уничтожается взаимной солидарностью всѣхъ лицъ, облеченныхъ властью... А злоупотребленіе ею, свойственное природѣ человѣка, усиливается съ продолженіемъ пользованія ею, потому что чувство справедливости и чувствительность вообще все больше притупляются привычкой стоять выше другихъ людей... Въ военной средѣ злоупотребленіе властью проявляется въ наиболѣе грубой формѣ, такъ какъ характерную черту военщины составляетъ именно насиліе. Даже военные врачи, призванные по своему спеціальному призванію къ человѣколюбію, до такой степени подвергаются вліянію среды, что становятся какъ

*) B. Malou, «Précis historique du socialisme». Paris. 1892.
**) Hamon, «Psychologie du militaire professionel.» 1894.

можно болѣе военными и какъ можно менѣе врачами. Короче, происхожденіе подобныхъ преступленій объясняется слѣдующими мотивами: идеей власти, отожествляемой съ понятіемъ о безграничномъ пользованіи ею; страстью къ начальствованію, которая пріобрѣтается вслѣдствіе самой привычки къ нему и къ униженному послушанію подчиненныхъ; взаимной профессіональной солидарностью и подражаніемъ, которое переходитъ въ соревнованіе; наконецъ, характеромъ насилія, присущнымъ самой военной профессіи".

Болѣзненность, смертность и самоубійства въ войскахъ.

Требовательность, предъявляемая къ солдатамъ, иногда, дѣйствительно, чрезмѣрная, не можетъ не способствовать значительной заболѣваемости и смертности, которыя наблюдаются въ войскахъ и на которыя указываютъ противники милитаризма. Доказательствомъ служатъ слѣдующія цифры смертности, съ показаніемъ ея отдѣльно для солдатъ въ первомъ году службы. Во французской арміи на 1.000 чел. каждой категоріи умерло:

	въ 1889 г.	въ 1890 г.
На 1.000 офицеровъ	5,49	4,94
" " унтеръ-офицеровъ	4,56	4,38
" " рядовыхъ, служащихъ болѣе года	5,49	6,21
" " " " менѣе года	8,27	8,19

По родамъ оружія, въ той же арміи умирало изъ 1.000 ч., въ среднемъ, ежегодно (въ 1880—1885 г.г.):

Въ артиллеріи . . . . —	7,4
» кавалеріи . . . . —	8,8
» пѣхотѣ . . . . —	10,2
» рабочихъ домахъ . . . . . . —	18,2
» дисциплинарныхъ ротахъ . . —	31,0

Значеніе этихъ цифръ возрастаетъ при сравненіи ихъ со смертностью среди гражданскаго населенія обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, такъ какъ войска представляютъ собой цвѣтъ населенія, между тѣмъ какъ въ общемъ его составѣ одна смертность дѣтей уже сильно возвышаетъ цифры.

Однако, позволительно еще сомнѣваться, чтобы только что приведенныя оффиціальныя данныя дѣйствительно выражали полную смертность во французскихъ войскахъ.

Валленъ *), пытавшійся опредѣлить, какова была бы смертность среди войскъ, если бы, во первыхъ, не производилось никакого выбора ревизіонными совѣтами, которые увольняютъ всѣхъ больныхъ, и еслибы, во вторыхъ, солдаты, заболѣвшіе во время службы неизлечимыми болѣзнями, не были увольняемы въ отставку, получилъ огромную цифру въ 18,60 смертныхъ случаевъ на 1.000 человѣкъ наличнаго состава, и это на основаніи нижеслѣдующихъ вычисленій:

Дѣйствительное число смертныхъ случаевъ на 1.000 человѣкъ внутренняго войска (1862—1869)	9,41
Смертные случаи, предупрежденные освобожденіями и увольненіями	3,59
Шансы смертности, устраненные благодаря выбору ревизіонными совѣтами	3,60
Шансы смертности, устраненные освидѣтельствованіемъ поступающихъ вторично на службу	2,00
Итого	18,60

Въ 1874 году Морашъ опредѣлялъ смертность французской арміи въ теченіи періода отъ 1862 до 1869 года, съ принятіемъ въ разсчетъ вышеуказаннаго обстоятельства—въ 18 смертей на 1.000 человѣкъ наличнаго состава.

Въ новѣйшемъ сочиненіи А. Марво „Болѣзни солдатъ“ **) приняты во вниманіе числа увольняемыхъ больныхъ и затѣмъ составлена таблица, которая воспроизводитъ разницы, наблюдаемыя между европейскими арміями съ точки зрѣнія заболѣваемости и смертности въ каждой изъ нихъ:

*) *E. Vallin*, «De la salubrité de la profession militaire». («Annales d'hyg. et de méd. légale». 1868. 2-e serie, томъ XXXI).

**) А. Марво, «Болѣзни солдатъ». Перев. Вериго. Спб. 1895 г.

АРМІИ.	Число поступ. въ госпитали и лазареты на 1.000 ч. наличн. состава.	Петери.		Общее число потерь.	Примѣчанія.
		Вслѣдствіе смертельн. случаевъ.	Вслѣдствіе увольненія.		
Французская, внутренняя, въ 1888 г.	500	6,1	21,0	27,1	
Нѣмецкая, 1883—84 г.	849	3,9	29,0	32,9	[1]) Включая сюда больныхъ на дому.
Австрійская, 1887 г.	995 [1])	6,9	15,0 [2])	21,9	
Итальянская, 1887 г.	760	8,7	28,0	36,7	[2]) Болѣе 27% наличнаго состава подвергается временному увольненію.
Англійская, внутренняя, 1884—85 г.	877	5,2	20,0	25,2	
Бельгійская, 1887—88 г.	338 [3])	3,9	17,0	20,0	[3]) Нѣтъ полковыхъ лазаретовъ.
Русская, 1880—84 г.	845	8,9	31,3	40,2	
Испанская, 1886 г.	?	13,5	30,8	44,3	

Мы видимъ, какое выгодное мѣсто среди европейскихъ армій занимаетъ здѣсь французская армія, такъ какъ лишь одна бельгійская представляетъ лучшее санитарное состояніе. Правда, нѣмецкая армія даетъ, повидимому, по сравненію съ французскими войсками, болѣе низкую смертность, но этотъ результатъ зависитъ отчасти отъ большаго числа увольненій, какъ временныхъ, такъ и окончательныхъ, даваемыхъ въ этой арміи: болѣе 27% наличнаго состава подвергаются увольненію.

Между тѣмъ, смертность среди гражданскаго населенія составляетъ только 8 на 1.000 (того же пола и возраста).

Такимъ образомъ, несмотря на улучшенія гигіеническихъ условій быта солдатъ, введенныя почти во всѣхъ арміяхъ въ недавніе годы, отчасти именно подъ вліяніемъ возникшаго движенія противъ милитаризма, смертность въ войскахъ все-таки представляется еще значительной и навѣрное сильно превосходитъ смертность среди гражданскаго населенія того же пола и возраста. Но такъ какъ сравнительная статистика смертности требуетъ сложныхъ разсчетовъ и не можетъ быть разрабатываема популярными изданіями, сообразно съ ихъ цѣлями, то вниманіе массъ привлекается не столько показаніями этой статистики, сколько инаго рода свѣдѣніями о страданіяхъ и ненормальномъ положеніи въ войскахъ.

Свѣдѣнія о тягости военной службы проникаютъ въ массы и этому можно приписать значительное число случаевъ нанесенія себѣ увѣчья людьми призывнаго возраста, съ цѣлью спастись отъ повинности. На частые случаи такого самоизувѣченія въ самыхъ войскахъ указываетъ д-ръ Вагнеръ, главный врачъ хирургическаго отдѣленія Пржемысльскаго гарнизоннаго госпиталя, въ Галиціи, въ статьѣ, помѣщенной въ вѣнскомъ изданіи „Clinische Zeit und Streitfragen". Для этой цѣли употребляются преимущественно рѣжущія или рубящія орудія. Д-ръ Вагнеръ разсказываетъ, что въ теченіи 2 лѣтъ было множество такихъ случаевъ. Два гусара отрѣзали себѣ части пальцевъ бритвою, другіе кавалеристы и пѣхотинцы прибѣгали для нанесенія себѣ увѣчій къ топору, разнымъ ножамъ, заступамъ, держали пальцы между зубами лошади, „нанося ей побои, чтобы она откусила пальцы". Одинъ пѣхотинецъ штыкомъ Манлихоровскаго ружья искрошилъ сперва себѣ ладонь, потомъ верхъ руки, другой раздавилъ себѣ палецъ, зажавъ его въ двери, и т. д. Рѣже для той же цѣли прибѣгаютъ къ огнестрѣльному оружію, но и это бываетъ. Изъ 14 такихъ случаевъ, упоминаемыхъ Вагнеромъ, въ одиннадцати солдаты прямо сознались въ своемъ намѣреніи освободиться отъ службы, а въ трехъ объяснили ихъ покушеніемъ на самоубійство или неосторожностью.

Подобные случаи бываютъ и въ другихъ арміяхъ. То обстоятельство, что въ Галиціи они особенно часты, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что тягость военной службы чувствуется еще сильнѣе тѣми солдатами, которые, поступая подъ знамена, находятся среди массы товарищей и начальниковъ иной національности.

Здѣсь представила бы интересъ цифра смертности въ русскихъ войскахъ — солдатъ изъ уроженцевъ польскихъ губерній. Д-ръ Зееландъ *), который имѣлъ подъ рукой статистику русскихъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, опредѣляетъ смертность въ нихъ въ 10 на 1.000 чел. Но это цифра общая и не выражаетъ смертности въ числѣ молодыхъ солдатъ изъ уроженцевъ того края, которая, взятая отдѣльно, по всей вѣроятности, нѣсколько выше, особенно въ частяхъ, расположенныхъ въ восточныхъ и хотя-бы центральныхъ губерніяхъ государства.

---

*) «Vierteljahrschrift für öffentliche Gesundheitspflege» 1871, статья: «Zur Aetiologie der Sterblichkeit der Soldaten».

Сверхъ случаевъ нанесенія себѣ солдатами или призывными увѣчья, для избавленія отъ воинской службы, о тягости ея свидѣтельствуютъ и бо̀льшая преступность, оказывающаяся въ войскахъ, сравнительно съ гражданскимъ населеніемъ (по даннымъ д-ра Зееланда, она превышаетъ въ 2,58 разъ преступность среди крестьянъ) и, особенно — цифры случающихся въ войскахъ самоубійствъ. Бебель въ рѣчи, произнесенной 13 марта 1891 г. въ рейхстагѣ, выступилъ съ обличеніемъ, которое мы приведемъ здѣсь.

„Еслибы, — говорилъ онъ, — въ какой-либо мѣстности государства оказалась среди гражданскаго населенія, въ возрастѣ 20—30 лѣтъ, такая пропорція самоубійствъ, то вы, господа, воскликнули бы съ ужасомъ: какая причина этихъ явленій и какое средство для ихъ предотвращенія?“

„Въ арміи число самоубійствъ равняется 1/4 всего числа умирающихъ. Это отношеніе уже давно съ удивительной постоянностью повторяется въ нашей арміи, и до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ для ослабленія этого явленія. Я записалъ для памяти изъ оффиціальнаго рапорта врачей причины и поводы самоубійствъ въ арміи. Большинство этихъ оффиціальныхъ причинъ такъ прозрачны, что за ними можно угадать настоящіе поводы. Напр., лицъ, которымъ «надоѣла жизнь», показано 23 человѣка. Виданное ли это дѣло, господа, чтобы люди, самое большее 22 - 23-лѣтняго возраста, давали столь большой сравнительно процентъ самоубійствъ? Далѣе въ графѣ самоубійцъ вслѣдствіе физическихъ страданій находимъ 21, съ умственнымъ страданіемъ 97 человѣкъ. Гдѣ причина этихъ мозговыхъ и психическихъ болѣзней? Надо думать, что наборъ захватываетъ людей уже предрасположенныхъ къ психической болѣзни, которая на военной службѣ, вслѣдствіе строгаго обращенія, у нихъ разростается и доводитъ до умопомѣшательства. Самоубійцъ подъ вліяніемъ аффекта показано 43 человѣка. О какихъ аффектахъ здѣсь говорится? Отъ пороковъ — 15. И тоже нѣтъ указанія, какіе это пороки. А вотъ 35 человѣкъ кончило жизнь самоубійствомъ по случаю дурныхъ отношеній къ нимъ родителей или перемѣны матеріальнаго благосостоянія. Откуда эти дурныя отношенія съ родителями? Что за причины, наконецъ, этого стыда, этихъ укоровъ совѣсти, подъ рубрикой которыхъ занесено оффиціально 14 человѣкъ? Далѣе рубрика самоубійцъ вслѣдствіе оскорбленія чести включаетъ 61 ч.

вслѣдствіе страха передъ наказаніемъ—314 человѣкъ. Эта послѣдняя рубрика совершенно понятна и поучительна. Господа, страхъ передъ наказаніемъ доводитъ людей до самоубійства. Отсюда можно видѣть, какъ жестокъ военный законъ".

Не болѣе утѣшительны и данныя относительно числа самоубійствъ въ другихъ арміяхъ.

Цифры эти представляютъ большое различіе въ арміяхъ разныхъ странъ. Такъ, ежегодныя числа самоубійствъ на 10.000 чел. наличнаго состава оказывались въ арміяхъ:

Австрійской	12,53
Германской	6,33
Итальянской	4,07
Французской	3,33
Бельгійской	2,44

Въ арміи русской, среднее число самоубійствъ достигало въ періодѣ 1873 по 1890 г., — при чемъ исключены годы отъ 1876 до 1878 г. по неполнотѣ относящихся къ нимъ данныхъ,—нѣсколько свыше 2,33 на 10 т. чел. наличнаго состава. Наибольшая цифра — 3,10 относилась къ 1882 г., а наименьшая—1,57 къ 1887 году.

Сравнимъ эти данныя съ тѣми, какія имѣются для гражданскаго населенія *). Изъ населенія сравнивать въ этомъ отношеніи съ солдатами можно только мужчинъ и притомъ въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, такъ какъ извѣстно, что самоубійства среди женщинъ случаются рѣже, и сверхъ того общія числа самоубійствъ возрастаютъ съ годами. И вотъ, сравнительно съ соотвѣтствующими возрастами гражданскаго мужскаго населенія, прусская армія представляетъ почти двойное (точнѣе въ 1,8 раза большее) число самоубійствъ. Изъ другихъ странъ, насколько можно считать достаточными данныя по этому предмету, имѣющіяся въ литературѣ, числа самоубійствъ въ войскахъ превышаютъ числа самоубійствъ въ гражданскомъ мужскомъ населеніи: въ Австріи въ 8 разъ, въ Италіи въ 3—4 раза, во Франціи въ 1,3 раза и Англіи въ 2,2 раза **).

*) «Militär-Wochenblatt» 1894. «Die Selbstmorde in der preuss. Armee».

**) По Адольфу Вагнеру, на 100 самоубійствъ гражданскаго населенія, соотвѣтствовало въ арміяхъ: во Франціи (1856—60 гг.) 253, въ Пруссіи (1849 г.) 293 и въ Австріи (1851—57 гг.) 643. Итакъ, современныя цифры представляютъ для Франціи и Австріи улучшеніе, а для Пруссіи ухудшеніе.

Изъ числа самоубійствъ въ Пруссіи, происшедшихъ въ періодѣ 1876 до 1890 г., имѣли побужденіемъ:

	Въ арміи.	Среди населенія.
отвращеніе къ жизни	2 проц.	9 проц.
физическія страданія	1 »	7 »
душевная болѣзнь	7 »	29 »
страсти	4 »	3 »
пороки	1 »	8 »
скорбь по утратѣ	1 »	5 »
горе	5 »	11 »
раскаяніе, стыдъ	1 »	8 » *)
страхъ передъ наказаніемъ	31 »	— »
гнѣвъ, ссра	12 »	2 »
дурное или жестокое обращеніе	1,5 »	— »
другія и неизвѣстныя причины	32 »	18 »

Отсюда видно, что страхъ передъ наказаніемъ составляетъ, по числу случаевъ, главную причину самоубійствъ среди нижнихъ чиновъ, а это уже даетъ понятіе о тягости многихъ, употребляемыхъ въ арміи, наказаній. Къ категоріи самоубійствъ, вызванныхъ оскорбительнымъ или жестокимъ обращеніемъ, относятся всего 1,5 проц. Но такъ какъ самоубійствъ среди нижнихъ чиновъ по причинамъ другимъ и неизвѣстнымъ показывается 32 проц., между тѣмъ какъ среди населенія ихъ оказывается всего 18 проц., то довольно вѣроятно, что въ эту категорію зачислено и немалое число случаевъ, вызванныхъ дурнымъ обращеніемъ.

Замѣчательно, что особенно высокъ процентъ самоубійствъ среди унтеръ-офицеровъ. На 10 тысячъ чел. наличнаго состава унтеръ-офицеровъ и прочихъ нижнихъ чиновъ, въ періодѣ 1876 до 1890 г., приходилось самоубійствъ:

унтеръ-офицеровъ	11,4
ефрейторовъ и рядовыхъ	5,6

Такимъ образомъ, въ прусской арміи относительное число самоубійствъ среди унтеръ-офицеровъ вдвое больше, чѣмъ

*) Здѣсь въ этой цифрѣ включены и самоубійства изъ страха наказанія.

среди солдатъ. Во французской арміи первое даже втрое значительнѣе втораго, а въ итальянской оно также держится свыше 10 на наличный составъ унтеръ-офицеровъ, то есть немногимъ уступаетъ тому, какое замѣчается въ прусскихъ войскахъ.

Среди рядовыхъ, въ томъ-же періодѣ, числа самоубійствъ распредѣляются на первый, второй и третій годы службы въ пропорціи какъ 3 къ 1,5 и какъ 1,5 къ 1. Но такъ какъ наличный составъ по годамъ службы не равенъ, то эти отношенія не опредѣляютъ съ точностью раздѣленія чиселъ самоубійствъ по годамъ состоянія подъ знаменами. Однакоже, вполнѣ доказано, что наибольшее ихъ число приходится на первый годъ службы и что въ теченіи перваго года они всего чаще, почти вдвое, случаются именно въ первое полугодіе.

Доселѣ мы приводили среднія цифры вообще для германской арміи. Но въ ней самой числа самоубійствъ весьма различны. Значительную разницу въ цифрахъ отдѣльно по каждому корпусу авторъ цитированной нами статьи въ „Militär-Wochenblatt" объясняетъ различной степенью склонности къ самоубійству въ самомъ гражданскомъ населенія разныхъ областей. Но во всякомъ случаѣ чрезвычайно важное значеніе имѣетъ при этомъ тотъ фактъ, что общія цифры самоубійствъ въ арміи значительно превышаютъ тѣ, которыя относятся къ гражданскому населенію.

Здѣсь мы должны отмѣтить еще то характерное обстоятельство, что мѣстности въ Германіи, которыя обнимаются тѣми избирательными округами, гдѣ наиболѣе утвердились соціалисты, даютъ высшія цифры самоубійствъ.

Приведенныя данныя относительно неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находятся молодые люди, отбывающіе воинскую повинность, служатъ для соціалистовъ надежнымъ средствомъ для возбужденія въ массахъ нерасположенія къ военной службѣ. Въ своихъ газетахъ, брошюрахъ и рѣчахъ они излагаютъ лишенія, которымъ подвергаются солдаты въ казармахъ, указываютъ на предъявляемыя имъ чрезмѣрныя требованія, на жестокое съ ними обращеніе, на полное и безнаказанное господство произвола въ войскахъ, приводятъ цифры болѣзненности, смертности и самоубійствъ солдатъ, освѣщая и объясняя эти цифры надлежащимъ образомъ,—

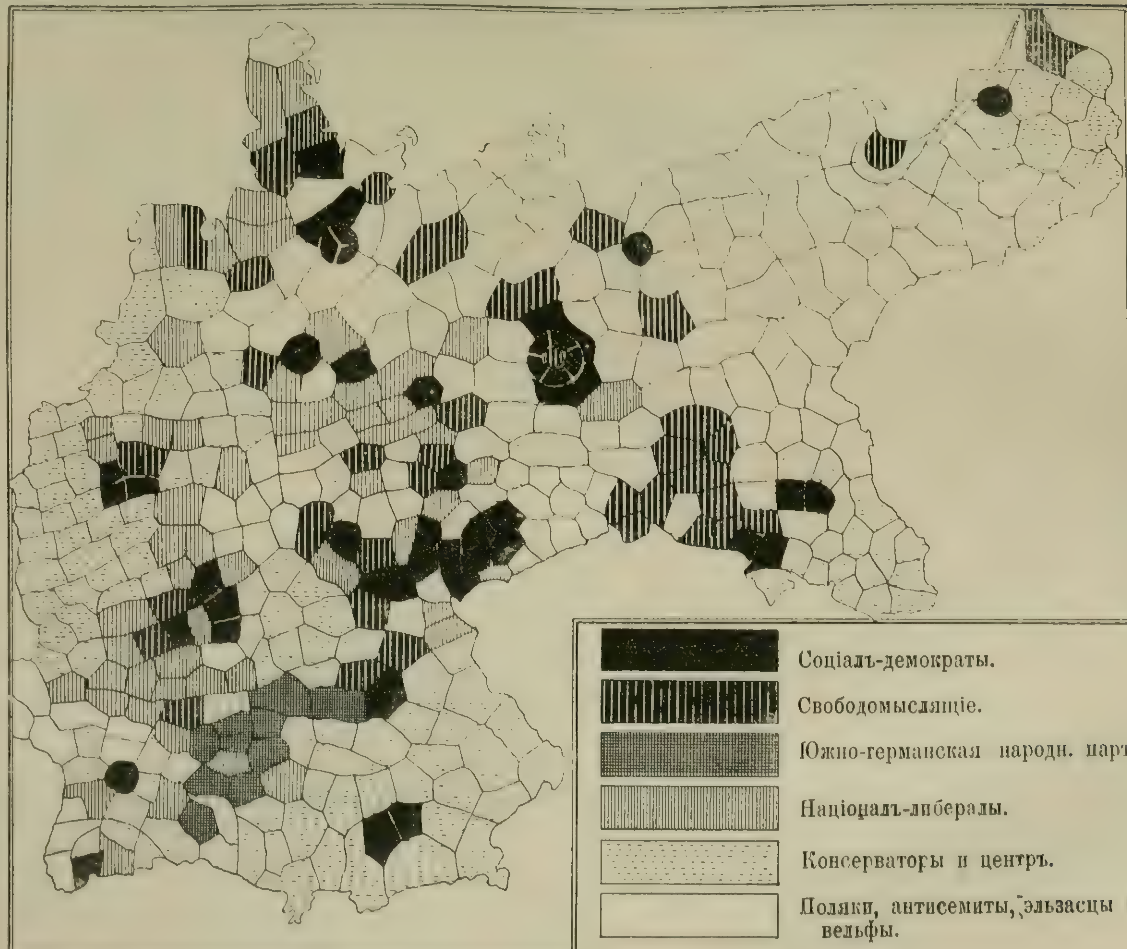
словомъ, разоблачаютъ всѣ, дѣйствительно, печальныя стороны казарменной жизни. Эти разоблаченія, изложенныя языкомъ простымъ, доступнымъ для пониманія каждаго, производятъ среди населенія сильное впечатлѣніе, вызывая въ немъ неудовольствіе къ такому порядку вещей, при которомъ возможны эти явленія, и къ лицамъ, его создавшимъ и поддерживающимъ. Въ молодыхъ людяхъ, подлежащихъ призыву къ отбыванію воинской повинности, эти разоблаченія заранѣе расшатываютъ чувство долга, ослабляютъ готовность жертвовать собою для блага родины и вообще охлаждающимъ образомъ дѣйствуютъ на чувство патріотизма. Призванные подъ знамена новобранцы, подъ вліяніемъ этихъ разоблаченій, прямо уже вносятъ въ армію духъ соціализма, такъ что вести соціалистическую пропаганду спеціально въ казармахъ, дѣйствительно, нѣтъ надобности, какъ сказалъ Либкнехтъ въ рейхстагѣ.

Пропаганда соціалистовъ на почвѣ непорядковъ и злоупотребленій въ казармахъ, въ связи съ другими, изложенными выше, доводами противъ милитаризма, въ сильной степени содѣйствуетъ успѣхамъ соціализма: соціалистическое движеніе въ Германіи распространяется все болѣе и болѣе, захватывая и тѣ мѣстности, гдѣ до сихъ поръ преобладали другія политическія партіи. Выше мы уже показали въ цифрахъ, что число избирателей-соціалистовъ въ германскій парламентъ постоянно, изъ года въ годъ, увеличивается. О сравнительномъ значеніи соціалистической партіи въ настоящее время можетъ дать наглядное представленіе помѣщаемая въ приложеніи (см. приложеніе къ стр. 204) карта мѣстностей съ преобладающимъ вліяніемъ той или другой политической партіи. Мѣста на картѣ зачерненныя показываютъ тѣ мѣстности, въ которыхъ преобладаетъ соціалистическая партія.

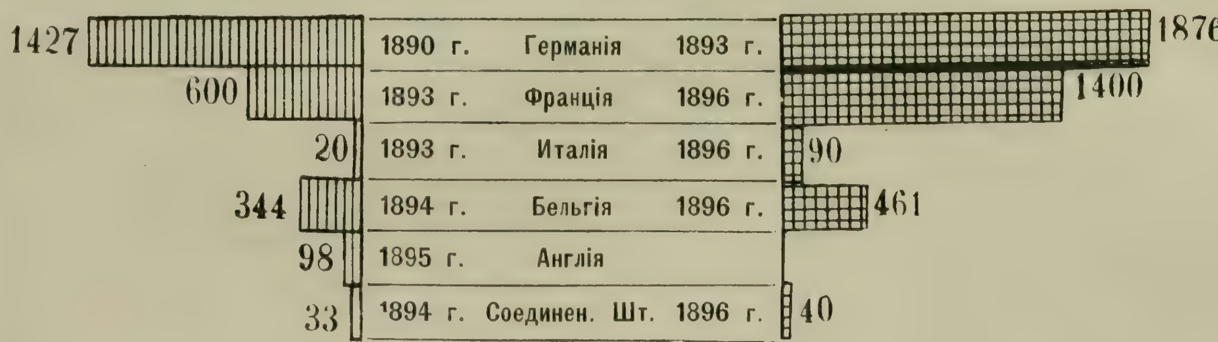
Заключеніе.

И такъ, соціализмъ въ наше время, какъ ученіе, до извѣстной степени уже повліялъ на теорію народнаго хозяйства, въ широкомъ значеніи этого слова. Экономисты и законодатели обратили болѣе вниманія на вопросы о возмож-

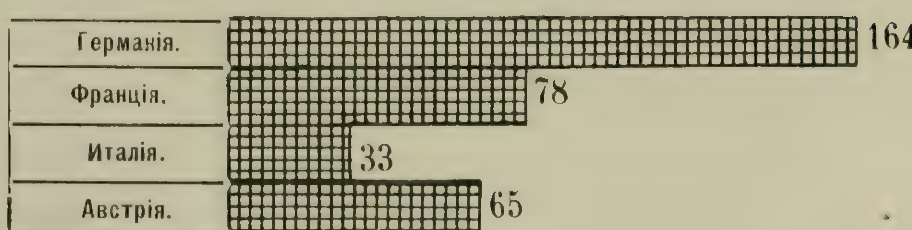
Карта Германіи, показывающая развитіе въ ней политическихъ партій, по данным выборовъ въ Парламентъ въ 1893 г.

Количество соціалистическихъ голосовъ въ парламентахъ важнѣйшихъ государствъ, въ тысячахъ.

Число органовъ соціалистической партіи.

ности улучшенія въ положеніи рабочихъ и объ уравненіи бремени налоговъ.

Соціализмъ, какъ политическая партія, пріобрѣлъ на Западѣ значеніе, въ виду постоянно возростающихъ его успѣховъ на выборахъ. Наконецъ, соціализмъ—и это особенно важно для цѣлей нашего труда — пользуясь современной тягостью вооруженій для своей анти-государственной пропаганды, тѣмъ самымъ усилилъ и продолжаетъ усиливать умственное движеніе противъ войны, которое еще раньше было начато учеными мыслителями. Практическая роль соціализма въ этомъ послѣднемъ отношеніи заключается въ томъ, что онъ своей пропагандой въ массахъ подкапываетъ популярность войны, являясь, въ этомъ смыслѣ, союзникомъ успѣховъ образованія въ массахъ и смягченія нравовъ культурою.

Въ трудѣ нашемъ посвящены особыя главы описанію стремленій противъ войны, постепенно нароставшихъ въ высшихъ и низшихъ общественныхъ сферахъ, и одновременныхъ усилій писателей и поэтовъ къ ослабленію и уничтоженію того обаянія, какимъ издревле пользовались война и воинская доблесть, а также изложенію успѣховъ мысли о третейскомъ разрѣшеніи международныхъ споровъ и перечисленію конгрессовъ мира. Есть также спеціальныя главы о пропагандѣ соціалистовъ противъ отбыванія воинской повинности и противъ патріотизма.

На этомъ мѣстѣ мы хотимъ—въ заключеніе нашей характеристики развитія соціализма—упомянуть лишь въ главныхъ чертахъ именно о той роли соціализма, что, выступая съ своей стороны противникомъ войны и милитаризма, онъ шелъ въ этомъ отношеніи руку объ руку съ успѣхами культуры, усиліями ученыхъ, конгрессами мира и самымъ измѣненіемъ состава армій. Всѣ эти явленія подготовили почву для дальнѣйшаго веденія умственной борьбы противъ вооруженій и противъ той цѣли, для которой они дѣлются.

Въ своей пропагандѣ среди массъ, соціалисты, какъ уже нами сказано, пользуются тягостью милитаризма, только какъ средствомъ для поколебанія въ умахъ идей о необходимости государства, о политическомъ долгѣ гражданъ и о патріотизмѣ. Но наиболѣе практическимъ результатомъ такихъ ихъ усилій является именно усиленіе среди массы недовольства милитаризмомъ и нерасположеніе къ войнѣ. Въ своей про-

пагандѣ соціалисты усиливаются осмѣять патріотизмъ, а государство представить въ видѣ эксплуатаціи народа правящими классами, для защиты интересовъ этихъ классовъ. Соціалисты не скупятся при этомъ на грубыя выходки, преувеличенія и даже клеветы. Они никогда не допускаютъ мысли, что ихъ противники могутъ дѣйствовать или говорить добросовѣстно, по дѣйствительному убѣжденію; во всякомъ отпорѣ, даже въ каждомъ, предъявляемомъ имъ, возраженіи соціалисты непремѣнно указываютъ сословный эгоизмъ, лицемѣріе и злую волю.

Они любятъ распространяться о злоупотребленіяхъ въ арміи, о жестокомъ обращеніи съ солдатами, всегда представляютъ армію, какъ толпу тунеядцевъ, хотя Бебель и объявлялъ нѣсколько разъ, что, въ случаѣ внѣшняго нападенія на Германію, соціалисты будутъ защищать ее, сражаясь подъ знаменами ненавистнаго имъ порядка. Когда Бебелю, на конгрессѣ соціалистовъ въ Галле, былъ поставленъ вопросъ: почему онъ допускаетъ такую уступку, несогласную со всѣмъ ученіемъ соціализма, и даже недостаточно настаиваетъ на необходимости немедленной отмѣны милитаризма, — то агитаторъ отвѣчалъ, что требовать этого было бы напрасно; что буржуазія покамѣстъ ни за что не согласится на уничтоженіе арміи, въ которой видитъ, «во первыхъ, защиту своихъ интересовъ, а во вторыхъ источникъ для обогащенія поставками и, наконецъ, должности для своихъ сыновей».

Нѣтъ сомнѣнія, что пропаганда соціалистовъ содѣйствуетъ ослабленію въ массахъ популярности войны и идеи о воинской доблести. Можно предположить, что до нѣкоторой степени не остается безуспѣшной пропаганда въ средѣ войскъ и что это послѣднее обстоятельство не могло бы остаться безъ вліянія при большой войнѣ и вызванномъ ею экономическомъ кризисѣ. Въ случаѣ пораженія, бѣдствіе будетъ столь велико, сравнительно со всѣми, что бывало доселѣ, что вліяніе разрушительныхъ идей могло бы выразиться въ деморализаціи нѣкоторыхъ частей, которая заставила бы прекратить войну изъ страха передъ внутренними неустройствами.

А въ случаѣ успѣха, вооруженный и побѣдоносный народъ, положимъ—въ Германіи, не могъ-ли бы потребовать какихъ-либо реальныхъ улучшеній въ своемъ бытѣ? Не вспом-

нилъ-ли бы онъ при этомъ, что за страшное напряженіе силъ и огромныя пожертвованія, въ 1870—71, какъ и въ 1813—1814 годахъ, онъ никакой реальной для себя пользы не пріобрѣлъ, несмотря на данныя ему неопредѣленныя обѣщанія, и что, напротивъ, наградой, за пожертвованія и побѣды постоянно являлись только увеличенія лежащихъ на немъ государственныхъ тягостей?

Но, какъ уже нами замѣчено выше, почва для ослабленія обаянія войны, для перемѣны народнаго настроенія въ смыслѣ ей неблагопріятномъ, была подготовлена, независимо отъ усилій соціалистовъ, самымъ преобразованіемъ во многихъ условіяхъ быта и, сверхъ того, измѣненіемъ состава армій. Сложность экономическихъ условій, взаимная связь разныхъ производствъ, преобладаніе въ новѣйшемъ государствѣ экономическихъ интересовъ и производительнаго труда надъ всѣми прочими функціями, естественно отвращаютъ отъ войны и заставляютъ видѣть въ ней не только бѣдствіе въ случаѣ неудачи, но и источникъ тягостныхъ затрудненій, потерь, потрясеній, какъ-бы велики ни были одержанныя побѣды.

Съ другой стороны, если въ тѣ времена, когда арміи состояли изъ наемниковъ или изъ профессіональныхъ, долгослужившихъ солдатъ и офицеровъ, война для этихъ людей представлялась цѣлью ихъ службы, путемъ къ заслугамъ и улучшенію положенія, то въ наше время, когда подъ знамена призывается народная масса, занятая мирными интересами, видящая въ войнѣ не только личную опасность, но и разстройство своихъ дѣлъ, разореніе семей—ясно, что на войну въ самыхъ войскахъ должны смотрѣть иначе. Всѣ подлежащіе призыву настроены прямо противъ какихъ-либо воинственныхъ предпріятій, а находящіеся подъ знаменами разсчитываютъ черезъ годъ, два, три возвратиться къ своему настоящему призванію, къ труду для себя и близкихъ имъ людей, такъ что перспектива недалекой войны и имъ нисколько не улыбается.

Въ главахъ о конгрессахъ мира и о третейскомъ рѣшеніи международныхъ споровъ мы указываемъ, что надежда на установленіе вѣчнаго мира имѣетъ своимъ основаніемъ введеніе отношеній между народами на почву законности, то есть установленіе этихъ отношеній на той-же нравственной и юридической основѣ, которая обусловли-

ваетъ и регулируетъ отношенія между единичными гражданами или группами гражданъ въ государствѣ. Идея эта истекаетъ изъ успѣховъ цивилизаціи и представляется необходимымъ ихъ дополненіемъ.

Но она поддерживается одновременно и многочисленностью, многообразностью тѣхъ экономическихъ и нравственныхъ нитей, которыя нынѣ соединяютъ всѣ культурныя страны. Наконецъ, простой подсчетъ хотя-бы только тѣхъ расходовъ, какіе вызываютъ войны и приготовленія къ нимъ, неопровержимо указываетъ умамъ на необходимость положить конецъ такому колоссальному истощенію средствъ, добываемыхъ производительнымъ трудомъ. Такъ, въ одной изъ таблицъ, помѣщенныхъ въ иномъ мѣстѣ нашего труда, мы показываемъ, что рядъ войнъ, которыя вели европейцы только во второй половинѣ нашего столѣтія (начиная съ крымской войны), обошлись почти въ 30 милліардовъ франковъ; а если включить сюда и междоусобную войну въ Соединенныхъ Штатахъ, то общая сумма расходовъ составляетъ 62 милліарда франковъ! А чего стоило и еще будетъ стоить содержаніе огромныхъ армій во время мира и постоянная перемѣна военнаго матеріала?

Успѣхи культуры, перемѣны въ общественномъ бытѣ и въ составѣ армій,—все это, повторяемъ, подготовляло, независимо отъ соціализма, распространеніе идей, противныхъ войнѣ и самой основѣ милитаризма. Соціализмъ воспользовался отсталостью того, что еще существуетъ—отъ идей, которыя уже несомнѣнно ушли впередъ, подготовляя упраздненіе, съ теченіемъ времени, международныхъ боенъ, нѣкогда казавшихся неотвратимымъ удѣломъ человѣчества.

Соціализмъ воспользовался такимъ очевиднымъ контрастомъ, что идея войны слабѣетъ въ умахъ человѣчества, а тягость милитаризма все возрастаетъ на его плечахъ. Этотъ контрастъ соціалисты эксплуатируютъ для подкапыванія представленія о необходимости самого государства. Но при этомъ они все-таки приносятъ и нѣкоторую пользу, ускоряя распространеніе въ массахъ настроенія, враждебнаго воинственнымъ предпріятіямъ, и возставая противъ непроизводительныхъ расходовъ во время мира, для приготовленія къ такимъ предпріятіямъ.

Неравномѣрный приростъ народонаселенія въ разныхъ государствахъ, какъ поводъ къ войнѣ.

Какъ прежде, такъ и теперь, стремленіе къ сохраненію такъ называемаго политическаго равновѣсія можетъ вызывать между государствами значительныя осложненія и столкновенія, иногда оканчивающіяся войною. Однѣми изъ главныхъ причинъ нарушенія такого равновѣсія являются, конечно, какія-нибудь неожиданныя и при томъ важныя перемѣны въ исторической жизни извѣстнаго народа, какъ, напримѣръ, революціи, увеличеніе территорій путемъ наслѣдствъ и т. п., которыя заставляютъ сосѣдей вступать въ коллизіи между собою, а также—и эту причину необходимо считать значительною—неравномѣрный приростъ народонаселенія въ какомъ-нибудь одномъ государствѣ по сравненію съ другимъ.

Если возьмемъ для примѣра два государства, стоящія приблизительно на одномъ уровнѣ цивилизаціи, то ихъ жизненныя силы болѣе или менѣе прямо зависятъ отъ количествъ ихъ народонаселенія или, говоря математически, прямо пропорціональны этимъ количествамъ. Это ясно изъ того обстоятельства, что чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ выше матеріальное благосостояніе народа, а также и его военная сила—армія, такъ какъ эта послѣдняя уже всецѣло находится въ зависимости отъ числа единицъ, могущихъ быть призванными въ ея ряды.

Если же между двумя государствами есть существенная разница въ степени ихъ культуръ, то, несомнѣнно, могутъ быть случаи, что преимущество во всѣхъ отношеніяхъ будетъ имѣть государство, хотя и меньшее по количеству

народонаселенія, но болѣе цивилизованное. Однако, съ теченіемъ времени, эти пробѣлы и недочеты культуры уничтожатся, такъ сказать, скрасятся, между тѣмъ какъ численное превосходство, можно думать, даже возрастетъ, потому что приростъ народонаселенія у менѣе культурныхъ народовъ болѣе значителенъ.

Вслѣдствіе только-что приведенныхъ соображеній, вопросъ о количествѣ народонаселенія интересуетъ умы какъ ученыхъ, такъ и государственныхъ дѣятелей. Сравнительныя данныя о народонаселеніи и его приростѣ въ разныхъ государствахъ мы и разсмотримъ теперь настолько, насколько это можетъ относиться къ вопросу о войнѣ.

Вопросъ о войнѣ съ цѣлью возстановленія равновѣсія, нарушеннаго чрезвычайнымъ приростомъ населенія въ одномъ государствѣ, по сравненію съ сосѣдними странами, съ давнихъ временъ составлялъ предметъ обсужденія для теоретиковъ международнаго права. Слѣдуя за Гуго Гроціемъ, Кантъ формулировалъ высказанные большинствомъ ихъ взгляды такимъ образомъ, что „народамъ принадлежитъ право всячески охранять свое существованіе и стремиться всѣми мѣрами къ наибольшему развитію, насколько это, впрочемъ, не угрожаетъ развитію сосѣдей".

Но сущность вопроса представляется въ невозможности согласить право одного государства на усиленіе съ такимъ же правомъ сосѣдей, а сверхъ того въ трудности найти помѣщеніе для прибывающаго населенія; а потому немудрено, что вопросъ этотъ остается спорнымъ по соображеніямъ свойства практическаго.

Люди государственные по необходимости мало обращаютъ вниманія на взгляды ученыхъ, а только взвѣшиваютъ еще во время мира, на сколько усиленіе одного государства, совершающееся естественнымъ и мирнымъ путемъ быстраго прироста населенія, представляетъ опасности для другаго государства, а стало быть, можетъ дать послѣднему поводъ для войны съ первымъ. При этомъ принимается въ соображеніе вся совокупность условій, то-есть вѣроятность не только успѣха или неуспѣха возможной войны, но и тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія могутъ ослабить значеніе успѣха, а тѣмъ болѣе усилить ужасъ пораженія, причемъ взвѣшиваются и самые факторы, обусловливающіе разность въ приростѣ. При разсмотрѣніи вопросовъ, включаемыхъ

будущей войною или хотя бы большей или меньшей ея вѣроятностью, мы должны принять въ разсчетъ не только объективную ея перспективу, но еще и тотъ субъективный элементъ, который представляется въ заботахъ и сомнѣніяхъ, на какія неизбѣжно наводятъ въ томъ или другомъ государствѣ самыя предвидѣнія войны. Этотъ элементъ также имѣетъ свое особое значеніе, такъ какъ онъ не можетъ не влiять на степень рѣшимости того или другаго государства къ почину въ войнѣ.

I.

Во Франціи приростъ народонаселенія крайне малъ и почти доходитъ до нуля: въ 1890 году, напримѣръ, число смертей на 38.446 превышало число рожденій. Отсюда прямой выводъ, что могущество французскаго народа должно ослабѣвать, въ сравненіи съ силами другихъ странъ, гдѣ процентъ увеличенія народонаселенія болѣе нормаленъ. Не будемъ, однако, упускать изъ вида того обстоятельства, что такое положеніе вещей имѣетъ, хотя бы временно, и нѣкоторыя хорошія стороны. Дѣло въ томъ, что при такомъ слабомъ и незначительномъ приростѣ народонаселенія, въ государствѣ является бóльшій просторъ для труда, болѣе, такъ сказать, мѣста и менѣе борьбы при развитіи производительныхъ силъ. Кромѣ того, народъ тратитъ меньше средствъ на воспитаніе и образованіе подростающаго поколѣнія, а тѣмъ самымъ болѣе сберегаетъ; далѣе, капиталы не раздробляются, какъ это можно видѣть въ другихъ, болѣе населенныхъ, государствахъ, и вслѣдствіе того матеріальное благосостояніе увеличивается.

Конечно, для человѣка неблизорукаго такіе факты все-таки не устраняютъ того результата, что силы Франціи съ каждымъ годомъ истощаются и слабнутъ въ сравненіи съ силами сосѣдей. Но для массы, живущей настоящимъ, будущее заслоняется обманчивымъ блескомъ временнаго благополучія.

Положеніе этого дѣла въ Австріи также не особенно благопріятно для будущаго. Габсбургская монархія, какъ извѣстно, представляетъ собой соединеніе разнородныхъ, не только по языку, религіи, нравамъ и обычаямъ, но даже по своимъ физическимъ качествамъ народовъ, вслѣдствіе чего

степень прироста тамъ очень неодинакова. Въ Венгріи и Чехіи, напримѣръ, ежегодный приростъ народонаселенія колеблется отъ 0,6% до 0,9%, въ Галиціи приростъ достигаетъ своего максимума (1%—1,4%), хотя, строго говоря, онъ все-таки не великъ. Во всей Австріи, кромѣ Галиціи и Чехіи, приростъ народонаселенія равняется 0,7%—0,8%, т. е. почти одинаковъ съ соотвѣтственнымъ процентомъ, указаннымъ для Чехіи и Венгріи. Но австрійское правительство не обращаетъ доселѣ особеннаго вниманія на это обстоятельство.

Наоборотъ, германское правительство очень заботливо относится къ этому вопросу, хотя цифры показываютъ, что въ Германіи приростъ народонаселенія не особенно малъ. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ Германіи числилось населенія:

		Ежегодный процентъ прироста составлялъ:
Въ 1835 году	23.635.000	—
„ 1850 „	29.934.000	1,8%
„ 1870 „	38.891.000	1,5 „
„ 1880 „	44.564.000	1,5 „
„ 1890 „	49.418.000	1,1 „
„ 1894 „	51.758.000	1,1 „

Итакъ, можно сказать, что вообще приростъ населенія не малъ, но этотъ процентъ систематически понижается. Но, кромѣ этого обстоятельства, германское правительство обезпокоено другимъ, не менѣе важнымъ — эмиграціею. Обращаясь къ цифрамъ, мы увидимъ, что въ нѣкоторые годы эмиграція доходила до огромныхъ размѣровъ.

Такъ:

въ 1871	году	эмигрировало	75.912	человѣкъ	
» 1872	»	»	125.650	»	
» 1875	»	»	30.773	»	
» 1879	»	»	33.327	»	
» 1880	»	»	106.190	»	т. е. 0,3% всего населенія.
» 1881	»	»	210.547	»	
» 1882	»	»	193.869	»	
» 1885	»	»	107.238	»	
» 1886	»	»	79.875	»	
» 1889	»	»	90.259	»	
» 1890	»	»	91.925	»	или 0,2 всего населенія.

въ 1891	году	эмигрировало	115.000	человѣкъ
» 1892	»	»	112.000	»
» 1893	»	»	84.000	»
» 1894	»	»	39.000	» или 0,08 всего населенія.

Къ этому надо прибавить, что эти цифры не вполнѣ точны, такъ какъ представляютъ только количества эмигрантовъ, отправляющихся изъ германскихъ портовъ. Числа же лицъ, эмигрирующихъ черезъ Бельгію, Францію, Англію, Италію и Россію, совершенно не контролируются. Слѣдовательно, мы не ошибемся, если скажемъ, что послѣдніе годы даютъ цифру эмигрирующихъ гораздо большую, нежели она была лѣтъ 20 тому назадъ. Дойдя до maximum'а въ 1881—1882 годахъ, она затѣмъ, правда, падаетъ, но съ 1889 года она снова начинаетъ возрастать; два же послѣдніе года (1893 и 1894) представляютъ значительное ослабленіе.

Причины столь страннаго на первый взглядъ явленія весьма многочисленны и разнообразны. Несомнѣнную роль въ этомъ вопросѣ играютъ, конечно, расовыя особенности германскаго племени, затѣмъ уже болѣе частныя обстоятельства, какъ-то: малая производительность земли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и вообще неудовлетворительное экономическое положеніе, вызванное густотою народонаселенія и слишкомъ отяготительными налогами, а также, какъ многіе доказываютъ, спеціально воинская повинность. Кромѣ этого, надо предположить, что не малое значеніе имѣютъ въ этомъ дѣлѣ политическія и религіозныя отношенія.

Переселенецъ изъ Германіи очень цѣнится за границею своего отечества. Въ нѣкоторыхъ, хотя и не во всѣхъ странахъ, онъ, пробывъ нѣсколько времени на чужбинѣ, ассимилируется съ окружающею средою, и тогда трудъ его обращается вполнѣ на пользу принявшей его страны.

Въ виду всего этого, въ Германіи давно уже горько жалуются на то, что ея силы текутъ на обогащеніе другихъ, иногда даже непріязненныхъ ей народовъ. Давно уже слышатся также требованія мѣръ для регулированія эмиграціи такимъ образомъ, чтобы она не совсѣмъ терялась для Германіи и чтобы самые ея размѣры уменьшились.

Между тѣмъ славянское племя быстро размножается, оставаясь на родной почвѣ, и передъ нимъ открывается перспектива, которую трудно охватить даже воображеніемъ.

Британская раса, постепенно захватывая въ свои руки цѣлые континенты, распространилась на такихъ пространствахъ, какъ половина Америки, вся Австралія, цѣлыя полосы на берегахъ Африки, и добирается до самой средины „темнаго континента“. На основаніи этого, многіе въ Германіи стали утверждать, что если правительство не приметъ своевременно мѣръ для устраненія эмиграціи, или направленія, ея съ пользою для германской расы, то эта расса, несмотря на свои блестящія побѣды, должна будетъ современемъ сойдти на степень второстепеннаго племени.

Этимъ вопросомъ занялся энергично въ свое время кн. Бисмаркъ. Онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ правильно организовать эмиграціонное движеніе и для этого рѣшился захватить часть Африки и тамъ создать пункты поселеній для эмигрантовъ и условія, которыя бы ихъ привлекали. Однако, такихъ незанятыхъ мѣстностей, которыя бы могли соперничать со странами, куда доселѣ направлялась эмиграція, не оказалось—все лучшее было уже занято.

Кромѣ того, нѣмцы съ незапамятныхъ временъ привыкли стремиться на востокъ—въ Польшу и въ Россію, чему способствовала близость этихъ государствъ къ Германіи. Такимъ образомъ, когда попытка создать въ Африкѣ большія нѣмецкія добровольныя колоніи не удалась, то лозунгъ „Drang nach Osten“ получилъ еще большее значеніе.

Но почти одновременно съ этимъ Востокъ рѣшилъ воспротивиться новому наплыву иноземцевъ. Россія, прежде дававшая привилегіи стремившимся въ ея предѣлы нѣмцамъ, неожиданно ограничила право для нихъ пріобрѣтенія земли, пребыванія, отправленія должностей и т. д.

Это было сильнымъ ударомъ для Германіи, тѣмъ болѣе, что протестъ былъ немыслимъ, потому что такая политика вполнѣ согласовалась съ политикою кн. Бисмарка, который своимъ примѣромъ показалъ сосѣдямъ, что онъ не стѣсняется съ наплывомъ иноземцевъ. Изъ Восточной Пруссіи совершенно неожиданно было выселено около 30.000 человѣкъ, которые занимались тамъ добываніемъ себѣ куска хлѣба и вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они были подданными чужой страны.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, въ Россіи появились указанныя выше ограниченія для переселенцевъ изъ Германіи. Вслѣдствіе того, усилился потокъ германской эмиграціи въ

Америку и въ Австралію, — потокъ, представляющій собой невозвратимую потерю массъ людей, находящихся обыкновенно въ томъ возрастѣ, когда они могли бы быть самыми полезными работниками на родинѣ. Переселеніе нѣмцевъ въ пограничныя области Россіи, съ сохраненіемъ ими германскаго подданства, не отрывало ихъ навсегда отъ родины и могло даже подавать надежду на германизированіе этихъ областей въ будущемъ. Но послѣ ограниченія переселенія въ Россію усилилась та эмиграція, которая направляется за океанъ, т. е. теряется для военной службы и для усиленія Германіи въ будущемъ. Въ виду всего этого, ограничительныя правила, поставленныя Россіей, встревожили общественное мнѣніе; послышались голоса, что Германія можетъ быть доведена до безсилія, несмотря ни на какіе милліоны войска, такъ какъ она будетъ съ каждымъ днемъ ближе и ближе подходить къ грани, которая означаетъ чрезмѣрное переполненіе.

Нельзя отрицать, что въ этихъ голосахъ заключается нѣкоторая доля правды. Однако, зло не лежитъ только въ стѣсненіяхъ, созданныхъ для германской эмиграціи Россіею.

Если бы это было такъ, то были бы сдѣланы попытки къ тому, чтобы добиться отмѣны этихъ ограниченій путемъ переговоровъ и дать эмиграціи на востокъ— вмѣсто выселенія за океанъ—поддержку, хотя бы рискуя войною. Но государственные люди не могутъ не принимать въ соображеніе тѣхъ сравнительныхъ выгодъ, какія поселенцы находятъ въ разныхъ странахъ и которыя, главнымъ образомъ, и обусловливаютъ направленіе эмиграціи.

Что германскую эмиграцію и впредь, даже если бы не было ни малѣйшихъ препятствій на восточныхъ окраинахъ, будетъ привлекать Сѣверная Америка, въ этомъ можно убѣдиться изъ обзора мѣстныхъ условій, какъ они излагаются въ оффиціальной статистикѣ Сѣверо-Американскаго союза. Приводимъ относящуюся сюда выписку изъ доклада о переписи [1]. „Слѣдуетъ признать, —говорится въ докладѣ — что весьма благопріятными условіями у насъ представляется свобода отъ воинской повинности и содержанія постоянной арміи, что позволяетъ населенію обращать свои денежныя тяготы на цѣли производительныя. Такое положеніе и произ-

[1]) «Tenth Census (Statistics of manufacture)».

водитъ богатые плоды, несмотря на плохое хозяйство въ двухъ-трехъ изъ нашихъ большихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ штатовъ. Войско у насъ такое, что оно служитъ только пограничною полиціей. Мы имѣемъ хорошихъ офицеровъ, но карьеру эту избираютъ лишь весьма немногіе, а малочисленность войска не отрываетъ силъ отъ труда. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ положеніи гораздо лучшемъ, чѣмъ народы европейскаго материка.

„Стало быть, намъ нечего опасаться германской конкурренціи и для насъ не трудно изгнать нѣмецкіе продукты съ нейтральныхъ рынковъ, которые для насъ столь же близки и доступны, какъ и для Германіи. Въ міровой торговлѣ самая незначительная разница въ цѣнѣ имѣетъ весьма большое значеніе, а бремя расходовъ по содержанію постоянныхъ армій не можетъ не падать именно на производительность страны. Впрочемъ, потери, какія мы несемъ отъ германской конкурренціи на нейтральныхъ рынкахъ, не такъ велики, какъ тѣ, которыя мы наносимъ германской промышленности, отвлекая отъ нея рабочія силы. Германскіе рабочіе уже знакомы съ Техасомъ. Мы можемъ оказать имъ гостепріимство на 60 тысячахъ квадратныхъ миль; въ одномъ Техасѣ, который самъ уже превосходитъ пространствомъ всю Германскую имперію, они найдутъ для себя просторъ и здоровыя условія быта. Если рабочіе изъ Германіи переселятся въ достаточномъ для того числѣ, то они на поверхности одного Техаса могутъ собирать столько хлопка, сколько его производитъ весь нашъ югъ, т. е. 5 милл. балленовъ, и такое же количество ячменя, какое производитъ нашъ сѣверъ, т. е. 400 милл. бушелей, считая при этомъ сборъ только на тѣхъ земляхъ, которыя доселѣ еще не обработываются".

Передъ нами еще другой документъ, доказывающій, насколько лучше дѣйствительно живется эмигрантамъ въ Америкѣ. Недавно опубликованъ чрезвычайно интересный докладъ особой коммисіи, занимавшейся, по порученію вашингтонскаго департамента труда (Department of Labor), изслѣдованіемъ международныхъ условій производства и труда. Въ докладѣ этомъ сравниваются матеріальныя и нравственныя условія, въ которыхъ находятся рабочіе, занятые въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки, Англіи, Франціи, Германіи и Бельгіи добычей каменнаго угля и обработкой желѣза и стали.

Обратимся къ показаннымъ отношеніямъ, такъ какъ они

могутъ служить мѣриломъ и относительно другихъ отраслей народнаго труда, и возьмемъ для сравненія Соединенные Штаты и Германію. Годовой заработокъ рабочей семьи въ упомянутыхъ отрасляхъ промышленности представляется въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Добыча угля.	Желѣзо.	Сталь.
Соединенные Штаты	2.751 фр.	3.920 фр.	3.317 фр.
Германія	1.957 „	1.411 „	1.250 „

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Америкѣ доходъ семьи доставляется главнымъ образомъ работой мужа, тогда какъ въ Германіи жена и дѣти въ болѣе значительной мѣрѣ помогаютъ главѣ семьи въ добываніи средствъ существованія. Нужно также имѣть въ виду, что семья въ Соед. Штатахъ состоитъ изъ 4,8 до 5 человѣкъ, въ Германіи же изъ 6 до 7 человѣкъ.

Подраздѣленіе доходовъ на расходныя статьи въ проц. дохода даетъ еще болѣе поучительные результаты.

Чтобы не усложнять разсчетовъ, возьмемъ для примѣра рабочую семью, занятую въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности—желѣзодѣлательной (приводимъ подлинныя цифры).

Расходы.	Соед. Штаты.	Германія.
на жилище	16 проц.	6,2 проц.
„ пищу	41,9 „	51,2 „
„ одежду	18,4 „	19,8 „
„ газеты	1,2 „	0,8 „
„ спиртные напитки	3,7 „	5,1 „
„ табакъ	2 „	1,4 „
„ остальн. расходы	15 „	16 „

Нельзя не замѣтить, что между тѣмъ, какъ у американскаго рабочаго остальные расходы, послѣ удовлетворенія первыхъ потребностей, составляютъ 562 фр. и сумма эта можетъ быть употреблена въ его пользу, у германскаго рабочаго остается только 232 фр. и изъ нихъ приходится уплачивать крупные налоги.

Американскій рабочій изъ суммы остающихся у него 562 фр., если вѣрить отчету, можетъ дѣлать сбереженія,

между тѣмъ какъ германскій рабочій едва сводитъ концы съ концами.

Еще болѣе поразительные результаты получаются при сравненіи нѣкоторыхъ деталей въ жизненныхъ условіяхъ рабочей семьи въ разныхъ странахъ. Стоитъ напр. отмѣтить то обстоятельство, что меньшая, по числу составляющихъ ее членовъ, американская рабочая семья занимаетъ въ среднемъ 6 комнатъ, нѣмецкая даже не цѣлыя 2 комнаты [1]).

Въ Америкѣ около 20 проц. рабочихъ семей живутъ въ собственныхъ домикахъ, а въ Германіи едва 5 проц. Далѣе, на пищу американскій рабочій (при относительно нѣсколько меньшей цифрѣ расхода по этой статьѣ) абсолютно тратитъ значительно больше, нежели рабочіе всѣхъ другихъ странъ. Къ тому же въ Америкѣ пищевые продукты гораздо дешевле, чѣмъ въ Германіи, такъ что американскій рабочій даже при равныхъ расходахъ можетъ питаться лучше. Такъ, мясо въ Германіи на 23 проц. дороже, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ. Равнымъ образомъ масло, хлопокъ, шерсть, кожа и др. предметы потребленія тамъ очень дешевы.

Далѣе, изъ данныхъ того же доклада, о житьѣ-бытьѣ рабочихъ эмигрантовъ въ сравненіи съ кореннымъ населеніемъ, видно, что въ Соединенныхъ Штатахъ эмигрантамъ-нѣмцамъ живется лучше самихъ янки: въ среднемъ они зарабатываютъ больше рабочихъ всѣхъ другихъ національностей.

Если оказываются такого рода результаты относительно вознагражденія за трудъ, то они обусловливаются прямо тѣмъ, что въ Германіи слишкомъ много населенія.

Съ увеличеніемъ народонаселенія условія жизненныя становятся все труднѣе и труднѣе. Первымъ симптомомъ переполненія страны населеніемъ является то обстоятельство, что земля уже не въ состояніи бываетъ прокормить своихъ обитателей. Требуется подвозъ запасовъ извнѣ, гдѣ есть еще избытокъ насущнаго хлѣба, но такой подвозъ, во-первыхъ, стоитъ дорого, а во-вторыхъ, никогда нельзя ручаться за его постоянство и своевременность.

Ученый географъ и экономистъ Равенштейнъ вычислилъ, что если на всемъ земномъ шарѣ раціонально обработать землю, то она въ состояніи прокормить почти 6 милліардовъ (5.994 милліона) душъ. Между тѣмъ теперь, по приблизи-

[1]) Французская 4 комн., англійская 4,2 комн., бельгійская 3,5 комнатъ.

тельному разсчету, все населеніе на землѣ составляетъ лишь около $1\frac{1}{2}$ милліарда. Принимая во вниманіе, что приростъ народонаселенія въ теченіе 10 лѣтъ составляетъ 8%, можно заключить, что уже около 2072 года, т. е. чрезъ 175 лѣтъ, земля будетъ имѣть на своей поверхности максимально-возможное число обитателей.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ земля еще дешева и гдѣ большая часть ея остается еще невоздѣланной, увеличеніе народонаселенія не грозитъ особенной опасностью, по крайней мѣрѣ на долгое время. Въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ находятся, напр., Россія и Соединенные Штаты, заселенные, преимущественно — первая славянами, а послѣдніе, британскимъ племенемъ. Въ виду этого, нынѣшнія отношенія между народами, какъ въ цивилизованномъ мірѣ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, завоевываемыхъ цивилизаціею, долго сохраняться не могутъ. Д-ръ Гибе Шлейденъ вычислилъ *), на основаніи данныхъ о приростѣ населенія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ — сколько каждая раса будетъ имѣть представителей въ концѣ будущаго столѣтія:

Численность населенія европейскихъ національностей (въ тысячахъ душъ).

	1850 г.	1875 г.	1980 г.
Германской	52.930	64.470	146.000
Русской	63.010	83.790	275.000
Англійской	55.817	90.564	927.000
Романскаго племени . . .	113.142	127.588	212.200
Нидерландской	7.500	9.202	20.500
Скандинавскаго племени .	6.272	8.134	24.000

Итакъ, германское племя, составлявшее еще въ 1875 году, по своей численности, 71% русскаго и 77% англійскаго племени,—уже черезъ сто лѣтъ сойдетъ на 53% въ первомъ отношеніи и на 15% во второмъ.

Въ свою очередь, Чарльзъ Дилькъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Problems of Greater Britain» говоритъ: „Главною силою, которая выдвинула и поддерживаетъ наше могущество, было преобладающее положеніе нашего, тѣсно связан-

*) Dr. Hübbe Schleiden «Deutsche Colonisation».

наго между собою, народа. Въ результатахъ его грандіозной дѣятельности не можетъ быть никакого сомнѣнія. Великіе народы Стараго Свѣта, кромѣ англичанъ, будутъ принуждены оставаться въ нѣкоторыхъ границахъ, обусловленныхъ климатомъ. Франція, Германія и другія государства могутъ надѣяться въ будущемъ столѣтіи только на весьма ограниченную роль, а будущность принадлежитъ какъ нашему племени (Англіи и Соединеннымъ Штатамъ), такъ и русскому племени, которое одно на континентѣ Европы обладаетъ неизмѣримыми внѣ-европейскими пространствами урожайной земли, имѣющей такой климатъ, при которомъ возможна всякая ея обработка".

Въ только-что вышедшемъ изслѣдованіи о народонаселеніи Франціи, сравнительно съ другими странами, Левассёръ приходитъ къ такому выводу: въ общемъ населеніи принятыхъ въ разсчетъ государствъ, французскій элементъ составлялъ при Людовикѣ XIV 38 проц., непосредственно передъ революціею уже только 25 проц., послѣ Ватерлоо 21 проц., послѣ Седана 15 проц., а въ 1891 году уже всего 12 проц. Другой ученый, профессоръ Рише, выступаетъ съ печальнымъ предсказаніемъ, что упомянутое отношеніе къ 1930 году сведется уже на 7 проц.

Отсюда возникаетъ вопросъ, какая же судьба будетъ предстоять Франціи, если она, раньше всѣхъ сосѣдей, перестанетъ пополнять равносильные военные ряды? На правительствѣ лежитъ обязанность употребить всѣ усилія для отвращенія этой „національной опасности", по справедливому выраженію г. Фрари. Извѣстный статистикъ Фовилль предполагаетъ съ этой цѣлью нѣкоторыя общественныя реформы, благопріятствующія, до извѣстной степени, подъему годичной рождаемости, напр., на 2 рожденія въ каждой общинѣ, въ среднемъ, и такому же уменьшенію смертности. Тогда была бы возстановлена та прогрессія въ ростѣ населенія, какая существовала 25 лѣтъ тому назадъ.

Пока Германія оставалась раздробленной, въ ней не обращали вниманія на грозящую опасность, предполагая, что осуществленіе единства германскаго народа вполнѣ обезпечитъ ему счастливое будущее. Между тѣмъ, только какія-нибудь неожиданныя обстоятельства могли бы измѣнить естественный ходъ вещей, обусловливающій въ буду-

щемъ сравнительное ослабленіе германскаго племени по отношенію къ англійскому и русскому.

Если бы, напр., были найдены совершенно особые способы приготовленія питательныхъ веществъ, то они, конечно, могли бы на долгое время предотвратить кризисъ. Такое предположеніе нельзя отнести только къ фантазіи въ виду того, что уже теперь изъ воздуха химики съ успѣхомъ пробуютъ добывать азотъ, но разсчитывать на такіе гадательные факты невозможно.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ [1]) мы, между прочимъ, указали на то обстоятельство, что Германія нуждается въ ввозѣ въ свои границы значительнаго количества хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ, стараясь, въ свою очередь, высылать за свои предѣлы какъ можно болѣе издѣлій своихъ рукъ и фабрикъ. Вывозъ издѣлій изъ Германіи, вслѣдствіе ихъ дешевизны, значителенъ—въ Америку и въ европейскія страны, особенно въ Россію. Но это явленіе нельзя считать постояннымъ. Соединенные Штаты сами идутъ исполинскими шагами въ развитіи своей промышленности и уже теперь думаютъ о захватѣ всемірныхъ рынковъ, а спросъ въ Россіи на нѣмецкія издѣлія, за послѣднее время, крайне уменьшился.

А между тѣмъ, послѣднія данныя представляютъ положеніе вещей въ не совсѣмъ благопріятномъ свѣтѣ. Однодневная перепись 1 декабря 1890 года дала цифру народонаселенія въ Германіи—въ 49.423.000 душъ. Такимъ образомъ, приростъ населенія за послѣднія десять лѣтъ выразился въ почтенной цифрѣ—4 милліоновъ, для которыхъ необходимо соотвѣтсвенное увеличеніе средствъ для существованія. На основаніи вычисленій, произведенныхъ ученымъ статистикомъ Фихбаномъ, можно видѣть, что въ продолженіе года на потребленіе одного человѣка необходимо: 362 фун. зерна [2]), 51 фун. мяса, 360 литровъ молока, 60 шт. яицъ, $2^1/_2$ фун. шерсти, 5 аршинъ льняной ткани и 16 аршинъ шерстяной ткани.

Къ этому, конечно, надо присоединить расходы на помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, мебель и т. п.

---

[1]) См. томъ IV, отдѣлъ «Отраженіе войны на насущныхъ потребностяхъ населенія».

[2]) Послѣднія вычисленія даютъ даже цифру—570 фунт., но мы оставимъ цифру, принятую авторомъ, чтобы не вставлять въ столь щекотливомъ вопросѣ собственныхъ разсчетовъ.

Для 4.000.000 человѣкъ получимъ соотвѣтственно слѣдующія цифры, показывающія насколько, вслѣдствіе прироста, увеличились потребности населенія:

14,4	милліоновъ	центнеровъ	зерноваго хлѣба.
2	»	»	мяса.
1440	»	литровъ молока.	
240	»	штукъ яицъ.	

около	9	милліоновъ	фунтовъ шерсти.	
»	20	»	аршинъ льняной ткани.	
»	64	»	»	шерстяной.

Эти цифры ясно доказываютъ, какъ громадно было увеличеніе потребностей: $14^1/_2$ милліоновъ центнеровъ зерноваго хлѣба могутъ быть получены при приблизительномъ разсчетѣ съ 700.000 гектаровъ земли, а $1^1/_2$ миліарда литровъ молока могутъ быть получены только отъ милліона коровъ. Гдѣ же брать эти средства, какъ удовлетворить съ каждымъ годомъ увеличивающіяся потребности?

Отвѣты ученыхъ, занимающихся этими вопросами, сводятся къ слѣдующему: „Государство, которое принуждено пользоваться хлѣбомъ и мясомъ, привозимыми извнѣ, ставитъ свое существованіе въ полную зависимость отъ весьма перемѣнныхъ условій международной торговли. Нельзя допустить, чтобы такое государство, какъ Германія, мирилось со столь мало обезпеченнымъ существованіемъ. Надо—это есть задача всякаго цивилизованнаго народа — освободить себя отъ этихъ узъ и удовлетворять свои потребности средствами, взятыми изъ собственныхъ источниковъ“ [1]).

II.

Изъ вычисленій, сдѣланныхъ Hübbe Schleiden'омъ, по даннымъ Равенштейна, для отдѣльныхъ государствъ и колоній въ нынѣшнихъ ихъ границахъ, на основаніи нынѣшней силы прироста населенія и возможности добыванія пропитанія въ каждомъ изъ нихъ, получаются слѣдующія цифры,

[1]) «Die Bevolkerungsfrage in ihrer Beziehung zu den sozialen Nothständen der Gegenwart». Dr. Zacharias. Jena. 1892.

представляющія отношенія между ихъ населеніемъ въ не особенно отдаленномъ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ не слишкомъ далекомъ будущемъ.

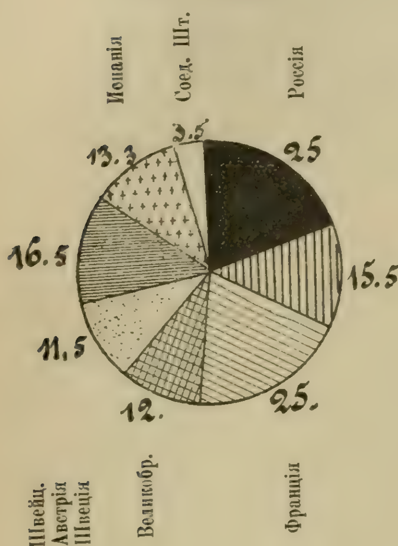
Населеніе (въ милліонахъ):

	1788 г.	1888 г.	1950 г.	2000 г.
Германія	15,5	48	70	80
Европ. Россія	25	90	200	300
Швейцарія, Австрія, Швеція, Норвегія, Голландія	11,5	26	33	40
Соединенные Штаты	3,5	60	200	400
Великобританія	12	37	50	60
Канада, Австралія, Капландія	—	10	59	140
Франція	25	38	44	50
Испанія	13,3	21	24	30
Италія	16,5	30	40	50

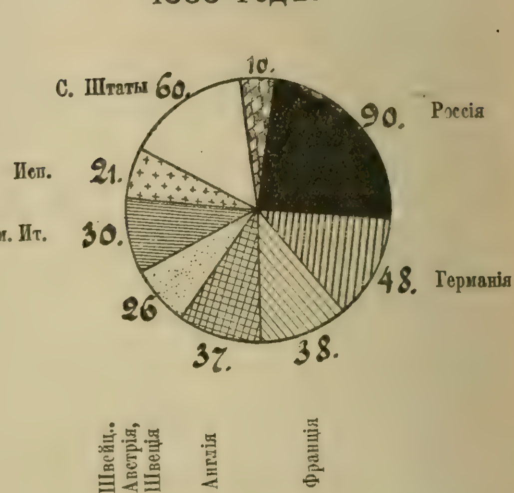
Отсюда видно, какимъ значительнымъ перемѣнамъ подвергается количественное отношеніе населенія, а значитъ и сила государствъ. Сто лѣтъ тому назадъ населеніе Германіи составляло $^3/_5$ народонаселенія Россіи, въ настоящее время оно равняется только $^1/_2$, черезъ 50 лѣтъ будетъ составлять $^1/_3$, черезъ сто лѣтъ уже всего $^1/_4$. Для того чтобы яснѣе представить картину этого столь важнаго явленія, мы позволимъ себѣ привести изъ статьи „Blicke in die Zukunft“, помѣщенной въ „Deutsche Kolonial Zeitung“, графическое изображеніе интересующаго насъ вопроса:

Число населенія въ 1788 и 1888 гг. и вѣроятное его увеличеніе въ 1950 и 2000 гг.

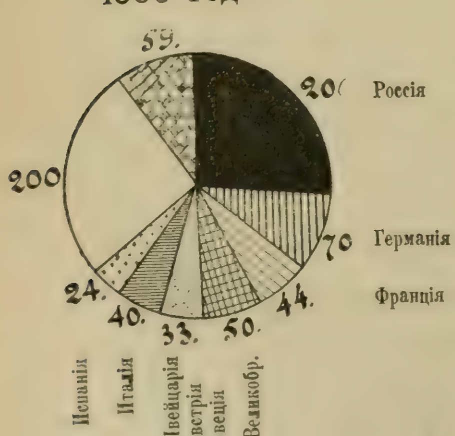
1788 годъ.

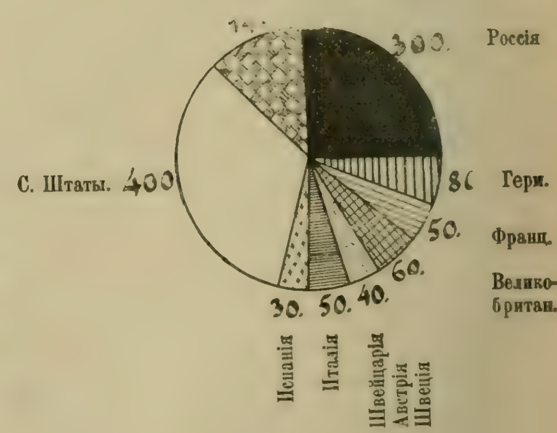
1888 годъ.

1950 годъ.

2000 годъ.

Если же возьмемъ не только Европейскую Россію, но и Азіатскую, то тогда для двухъ-тысячнаго года будемъ имѣть цифру уже не въ 300 милліоновъ, но 340 и даже

350, каковая перемѣна во всякомъ случаѣ не можетъ клониться въ пользу Германіи. Если примемъ приростъ народонаселенія въ Германіи въ 11,7 на 1000 душъ ежегодно, то увидимъ, что черезъ 100 лѣтъ Германія могла бы имѣть жителей 170.000.000. Но, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ не будетъ принята во вниманіе эмиграція, а во-вторыхъ, при такомъ разсчетѣ, на каждый квадратный километръ земли во всемъ государствѣ приходилось бы 300 человѣкъ населенія, а такого количества ни одна страна прокормить не могла бы. Существуютъ, правда, оптимисты, которые утверждаютъ, что въ случаѣ необходимости на нѣмецкой почвѣ появится другой Justus von Liebig, который научитъ свой народъ, какъ увеличить производительность земли, но само-собой разумѣется, подобныхъ фантазій нельзя принимать въ соображеніе при разработкѣ серьезныхъ вопросовъ. Можно вполнѣ логично предположить, что въ странахъ, близкихъ къ переросту народонаселенія, ежегодный процентъ прироста будетъ уменьшаться, по причинамъ или нравственныхъ вѣяній, являющихся въ смыслѣ ослабленія производительныхъ силъ народа, какъ это мы видимъ во Франціи, или же вслѣдствіе возрастанія эмиграціоннаго движенія, какъ это и происходитъ въ Германіи, и, наконецъ, дойдя до какой-нибудь величины, остановится.

Въ такомъ случаѣ число жителей Германской имперіи въ 2000 году будетъ ниже цифры 80.000.000. Между тѣмъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Россіи до такого, вообще, положенія дѣло дойти не можетъ, ибо обѣ эти страны находятся еще очень далеко отъ чрезмѣрнаго числа народонаселенія, да кромѣ того, онѣ поставлены въ такія условія, что могутъ съ успѣхомъ расширить, по степени надобности, свою территорію.

Все это несомнѣнно безпокоитъ Германію, но не въ одинаковой степени. Быстрое разростаніе Америки, т. е. англійской національности, можетъ только затрогивать самолюбіе нѣмцевъ, но не представляетъ особенной опасности, во-первыхъ, потому, что это развитіе чисто промышленное, во-вторыхъ, въ виду положенія Соединенныхъ Штатовъ по ту сторону океана и, наконецъ, въ виду отсутствія какой-либо вѣковой вражды между національностями британскою и нѣмецкою.

Другое дѣло—Россія. Здѣсь отсутствіе какой-либо есте-

ственной преграды между соприкасающимися на длинной полосѣ государствами — вызываетъ опасенія и представляетъ поводы къ войнѣ.

Кромѣ того, Германская имперія заключаетъ въ своихъ предѣлахъ значительную часть земли, нѣкогда принадлежавшей племенамъ славянскимъ. Да и нынѣ въ восточныхъ ея провинціяхъ насчитывается 7.410.000 жителей, говорящихъ на языкѣ славянскомъ и во всякомъ случаѣ недовольныхъ своимъ теперешнимъ политическимъ положеніемъ. Предположивъ даже, что это недовольство никогда бы не выразилось реально, нѣмцы все-таки всегда должны быть на-сторожѣ по отношенію къ этому, враждебному имъ, элементу.

Такимъ образомъ, усиленіе Россіи является для Германіи вопросомъ, которымъ стоитъ заняться и который вызываетъ у руководителей германской политики естественное желаніе если не сломить, то хотя бы ослабить возрастающее могущество своего сосѣда.

Здѣсь должно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Въ Германіи число ремесленниковъ постоянно увеличивается, а число земледѣльцевъ падаетъ, и въ этомъ можно видѣть явленіе неблагопріятное для военной обороны.

Земледѣлецъ болѣе выносливъ въ отношеніи климатическихъ перемѣнъ и условій лагерной жизни, скорѣе можетъ оріентироваться въ полѣ, нежели городской житель-ремесленникъ.

На эту тему Горгенъ, авторъ недавно изданной брошюры, расхваленной въ „Militär Zeitung", рисуетъ мрачными красками вѣроятные результаты такой перемѣны въ составѣ населенія.

Изъ послѣднихъ оффиціальныхъ данныхъ, говоритъ онъ, видно, что на 1.000 мужчинъ въ земледѣльческихъ округахъ вступаетъ въ военную службу 11 чел., въ промышленныхъ-же только 3. Эти цифры краснорѣчивы. Въ настоящій моментъ населеніе городовъ въ Германіи составляетъ около 12 милл.; стало быть, отношеніе между контингентами, дѣйствительно вступающими въ военную службу изъ городскихъ центровъ и селеній, составляетъ 1 къ 1½. Тридцать лѣтъ назадъ отношеніе было 1 къ 2, а стало быть, еще послѣ 30 лѣтъ, если не произойдетъ чего-либо чрезвычайнаго, отношеніе выразится уже какъ 1 къ 1, показывая тѣмъ, что число

городскаго населенія въ имперіи сравнялось съ числомъ населенія сельскаго.

Въ виду такого результата, Горгенъ говоритъ: „все наше населеніе должно сдѣлаться болѣе деревенскимъ (sich verbauern), то-есть, крестьянинъ долженъ сильнѣе привязаться къ своему земельному участку, а фабричный пусть сдѣлается владѣльцемъ хотя бы малаго куска земли, хоть огорода или сада, работа на которыхъ обезпечитъ ему здоровье тѣла и духа". Къ подобному, болѣе или менѣе, результату стремился проектъ опредѣленія неотчуждаемости минимальныхъ участковъ земли («homestead»), который поддерживался покойнымъ Мольтке.

Изъ только-что изложенныхъ видовъ на будущее слѣдовало бы, что народы, а въ особенности германцы, которымъ грозитъ ослабѣніе вслѣдствіе условій прироста, должны бы быть готовы начать войну хоть сейчасъ съ другими народами, поставленными въ болѣе благопріятныя относительно будущаго развитія условія, для отвоеванія у нихъ земель. Но дѣло въ томъ, что есть обстоятельства, которыя этого не допускаютъ или этому противодѣйствуютъ.

При данномъ положеніи война, цѣлью которой было-бы завоеваніе провинціи безъ участія въ этой войнѣ Германіи, не мыслима, а между тѣмъ самая удачная война для Германіи, вслѣдствіе особыхъ условій, не могла бы измѣнить ея на благопріятное положеніе относительно силы, которую придаетъ приростъ населенія.

Политическое положеніе Германіи въ случаѣ самыхъ блестящихъ побѣдъ, которыя бы сдѣлали возможнымъ для нея пріобрѣтеніе новыхъ значительныхъ территорій на западѣ или востокѣ, не улучшилось бы. Чтобы въ этомъ убѣдиться необходимо разсмотрѣть настоящее ея положеніе.

Объединеніе Германіи; возникшіе изъ него опасности и союзы.

Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ введена общеобязательность военной службы, арміи сдѣлались народными, и въ духѣ ихъ на войнѣ будетъ отражаться настроеніе народа, а стало быть наибольшее единство духа должно предполагать въ арміяхъ государствъ, имѣющихъ наиболѣе односоставное въ смыслѣ этнографическомъ населеніе.

Поэтому, казалось бы, одною изъ такихъ армій, въ которыхъ, по нѣмецкому выраженію, должна сильно проявиться «душа народа (die Volksseele)», будетъ и армія германская, такъ какъ элементы не-нѣмецкіе составляютъ въ ней лишь слабую примѣсь. И дѣйствительно, такъ можетъ быть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ нѣмцы будутъ проникнуты однимъ чувствомъ, когда пруссакъ окажется только нѣмцемъ, а нѣмецъ будетъ чувствовать себя пруссакомъ.

Въ германской арміи, дѣйствительно, будетъ сильно отражаться народное настроеніе, но дѣло въ томъ, что, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, самое настроеніе народа можетъ проявиться различно въ разныхъ частяхъ Германіи. Правительствамъ другихъ большихъ военныхъ державъ будетъ легче возбудить народныя чувства и даже предразсудки въ требующемся направленіи, чѣмъ это представится для правительства въ Германіи.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что единство Германіи было осуществлено все-таки силою, завоеваніемъ, хотя и произведеннымъ во имя народныхъ стремленій къ объединенію. Стремленія эти вовсе не включали въ себѣ желанія, чтобы

употреблено было насиліе, чтобы нѣсколько государствъ союза были просто обращены въ прусскія провинціи. Только война противъ „наслѣдственнаго врага“ въ 1870 г., увѣнчанная побѣдою, высоко поднявшая нѣмецкое самолюбіе, такъ сказать, прикрыла лаврами тѣ расщелины, которыя оказывались послѣ 1866 года. Но онѣ остались и до сихъ поръ. Настроеніе въ странахъ южной и средней Германіи можетъ оказаться далеко несходнымъ съ настроеніемъ нѣмцевъ въ Пруссіи, и даже возможно предположить случаи, когда интересы нѣмца, какъ нѣмца, будутъ противоположны интересамъ подданнаго Гогенцоллерновъ.

Въ памятной рѣчи, съ которою Бисмаркъ впервые выступилъ осенью 1862 года, какъ прусскій министръ-президентъ, упоминалось, что Пруссія носитъ вооруженіе слишкомъ тяжелое для ея узкаго тѣла и что отсюда-то и истекала необходимость исправить неудовлетворительныя границы Пруссіи. Но хотя присоединеніе Ганновера, Кургессена, Нассау и проч. расширило тѣло прусской монархіи, однако же оно усилило и тяжесть вооруженія, такъ что и для самого населенія Пруссіи военная тягость вовсе не сдѣлалась менѣе чувствительной. А между тѣмъ, для всей остальной Германіи, которая прежде была свободна отъ прусской военной системы, тягость ея, вдобавокъ возросшая, представилась просто непомѣрною.

Въ результатѣ побѣды Германіи въ будущей войнѣ могло бы представиться лишь расширеніе прусской территоріи на востокъ, но для внѣ-прусской Германіи это означало бы только созданіе на востокѣ такого же повода къ реваншу, какой въ 1871 году былъ созданъ на западѣ, и перспективу дальнѣйшихъ усиленныхъ вооруженій въ теченіе, быть можетъ, десятковъ лѣтъ.

Съ другой стороны, въ прусскихъ правительственныхъ сферахъ, какъ извѣстно, наряду съ теченіемъ «германскимъ», берущимъ свое начало изъ самаго факта объединенія Германіи, постоянно проявляется и другое теченіе, специфически-прусское, исходящее изъ того историческаго факта, что для прусской политики народныя объединительныя стремленія служили, въ дѣйствительности, средствомъ къ увеличенію территоріи и къ созданію первостепеннаго могущества Пруссіи. Въ этомъ направленіи правительственной мысли сказывается и такой взглядъ, что „игра въ германство

(Deutschthuerei)" для Пруссіи — только средство, а не цѣль. Между тѣмъ, и послѣ новой, успѣшной войны, населеніе разныхъ частей Германіи, разныя германскія племена (Volkstämme) вовсе не были бы расположены къ быстрой пруссификаціи ихъ, посредствомъ внѣшнихъ мѣръ.

Немаловажное значеніе имѣетъ и различіе вѣроисповѣданій. Католическое населеніе Германіи не вполнѣ мирится съ протестантскимъ характеромъ имперской власти, который, при усиленіи ея, долженъ былъ бы проявиться рельефнѣе *).

Затѣмъ, надо признать, что масса въ Германіи стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ образованія, чѣмъ въ другихъ странахъ, и уже поэтому не такъ легко поддается искусственной „обработкѣ" общественнаго мнѣнія въ желательномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что темпераментъ ея болѣе спокойный и уступающій разсудительности. Только горсть такъ называемыхъ „юнкеровъ", наслѣдственно принадлежащая къ военной профессіи, можетъ быть расположена къ войнѣ. Весь же народъ, даже независимо отъ пропаганды прогрессистовъ и соціалистовъ, по самому своему темпераменту и вслѣдствіе относительной образованности, смотритъ на войну, какъ на бѣдствіе, котораго не слѣдовало бы допускать въ наше время.

Все это позволяетъ думать, что если бы имперское правительство рѣшилось на войну наступательную, когда не оказывалось бы никакого покушенія на Германію, то въ ней проявилось бы неудовольствіе противъ такого неоправданнаго опасностью почина, въ которомъ усмотрѣли бы только прусское самолюбіе и желаніе окончательно „пруссифицировать" Германію.

Наконецъ, и въ самой Пруссіи новые военные успѣхи могли бы принести пользу только тому реакціонернему дворянскому классу, который называется „Junkerpartei" и не пользуется популярностью какъ въ Пруссіи, такъ и въ остальной Германіи.

Итакъ, еслибы рѣчь шла только о вѣроятности наступательной войны со стороны Германін противъ Франціи, то было бы уже достаточно и сказаннаго нами доселѣ, чтобы признать стремленіе германскаго общества къ войнѣ невѣро-

---

*) Constantin Frantz. «Deutschlands Weltpolitik».

ятнымъ. Но вопросъ представляется нѣсколько иначе по отношенію къ Россіи.

Мы уже говорили, что для германскаго имперскаго правительства болѣе, чѣмъ для какого-либо иного, можетъ, въ какой-нибудь критическій моментъ, вызванный противогосударственными стремленіями внутри страны, представиться искушеніе—отвлечь умы войною, подготовивъ сперва общественное мнѣніе къ ея неизбѣжности. Но для этого могла бы пригодиться именно война на востокѣ, такъ какъ соціалисты, которые противились бы войнѣ съ Франціею, гораздо легче приняли бы войну съ Россіею. Да и не одни они, а и все германское общество, послѣ того какъ Франція была побѣждена, скорѣе было бы склонно къ наступательной войнѣ съ Россіей, чѣмъ съ Франціей.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что со времени Берлинскаго конгреса и русское общество относится съ недовѣріемъ къ прусской дипломатіи и даже съ нѣкоторымъ недружелюбіемъ къ германскому народу, который долгое время не выказывалъ порицанія вѣроломной политикѣ князя Бисмарка относительно Россіи, какъ бы забывъ совершенно услуги, которыя она оказала Германіи при ея объединеніи.

Причина такого настроенія глубоко коренится какъ въ жизни Германіи, а особенно Пруссіи, такъ и въ жизни Россіи. Оно не есть дѣло случая. Какъ для каждаго человѣка —то, что онъ переживаетъ въ настоящемъ, является послѣдствіемъ того, что онъ пережилъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнее настроеніе Германіи по отношенію къ Россіи и сей послѣдней по отношенію къ Германіи имѣетъ причины историческія.

Къ сожалѣнію, изслѣдователи и практическіе дѣятели, особенно у насъ, при рѣшеніи вопросовъ государственнаго и международнаго характера, часто пренебрегаютъ историческимъ методомъ. Между тѣмъ, только этотъ методъ въ состояніи охранить изслѣдователя отъ односторонности взглядовъ. Совершенно правъ полковникъ Гейсманъ, говоря въ оправданіе широкаго развитія историческаго отдѣла въ своемъ почтенномъ трудѣ *), что раньше перенесенія военныхъ вопросовъ на спеціально-военную почву, необходимо

*) «Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 и 1866 гг. Причины неуспѣховъ австрійцевъ въ 1866 г.». С.-Петербургъ. 1892.

параллельное изученіе вопросовъ общеисторическихъ и спеціальныхъ военно-историческихъ, равно какъ и исторіи военнаго искусства и исторіи развитія народовъ и обществъ, въ видахъ достиженія наиболѣе полныхъ и всестороннихъ выводовъ.

Для того, чтобы выяснить упомянутыя историческія причины современныхъ взаимныхъ отношеній Германіи и Россіи, намъ необходимо бросить взглядъ на самое объединеніе Германіи подъ имперскимъ скипетромъ въ рукахъ Гогенцоллерновъ и на тѣ отношенія, въ какія становилась русская политика къ Германіи въ нѣкоторые моменты истекшаго полустолѣтія: во-первыхъ, тогда, когда Германія имѣла до извѣстной степени причины быть недовольною отношеніями къ ней Россіи, а затѣмъ — въ тѣ моменты уже послѣ объединенія Германіи, когда въ свою очередь интересы Россіи были самымъ существеннымъ образомъ нарушены. И за симъ только мы будемъ въ состояніи представить картину особенностей германской арміи, могущихъ имѣть значеніе въ будущей войнѣ.

I.

Безсиліе Германіи и борьба за ея объединеніе.

Германскій союзъ, созданный Вѣнскимъ конгресомъ, не представлялъ уже политическаго тѣла, какое, несмотря на свое федеративное устройство, представляла прежняя имперія, разрушенная Наполеономъ. Столь могущественная нѣкогда имперія превратилась въ конгломератъ совершенно независимыхъ политическихъ единицъ, крупныхъ и мелкихъ, подъ главенствомъ Австріи. Въ него входили 39 владѣній, въ томъ числѣ и тѣ германскія земли, которыя принадлежали государямъ иностраннымъ, вслѣдствіе чего членами германскаго союза являлись короли датскій, нидерландскій и даже англійскій.

Такимъ образомъ, сколько-нибудь цѣльнымъ политическимъ организмомъ германскій союзъ не былъ, не представлялъ и единства германскаго народа даже настолько, какъ прежняя, могущественная нѣкогда, хотя и дѣлившаяся на

сотни свѣтскихъ и духовныхъ владѣній, имперія. Единственнымъ принципомъ, которымъ соединялись государства союза, былъ принципъ реакціи *).

Уже и прежняя Германская имперія, вслѣдствіе войнъ тридцатилѣтней, а особенно семилѣтней, утратила свое могущество. Но германскій союзъ, въ которомъ всякая внѣшняя иниціатива парализовалась соперничествомъ Пруссіи съ Австріею, былъ еще болѣе безсиленъ, въ смыслѣ европейской державы, а отъ прежней имперіи унаслѣдовалъ только всѣ невыгоды дробленія націи на многочисленныя государственныя единицы. Каждое владѣніе имѣло свое войско, проявлявшее при такомъ порядкѣ вещей значеніе прежде всего полицейское; каждое имѣло свою монету и свои таможни, такъ что въ нѣкоторыхъ пунктахъ теченія Рейна дозволенъ былъ перевозъ товаровъ только съ праваго берега на лѣвый, въ другихъ—наоборотъ; въ третьихъ позволялось перевозить только пассажировъ. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, таможенныя заставы и паспортныя стѣсненія на водяныхъ и сухопутныхъ сообщеніяхъ представлялись крайне тяжкими для экономическаго развитія. То же самое слѣдуетъ сказать о бумажныхъ деньгахъ, которыя въ каждомъ владѣніи были другія, основанныя на такой или иной системѣ обезпеченія.

Такое положеніе было крайне тягостнымъ для германской націи какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Въ первомъ оно представляло полное безсиліе, во второмъ—эксплоатацію народа въ пользу множества правительствъ.

Пруссія съумѣла извлечь для себя пользу изъ такого положенія, съ весьма вѣрнымъ разсчетомъ начавъ свои виды объединенія съ отношеній экономическихъ, наиболѣе осязательныхъ для народной массы. Первымъ и весьма важнымъ шагомъ къ объединенію Германіи подъ прусскимъ владычествомъ было осуществленіе германскаго „таможеннаго союза" („Zollverein"). Австрія осталась внѣ этого союза, и уже это обстоятельство предсказывало будущность. Нація не могла не дѣлать сравненій между Пруссіею, ведущею къ улучшеніямъ, и Австріею, упирающеюся въ застоѣ.

---

*) Dr. Otto Henner Rhynn «Die Einigung Deutschlands».

По отношенію къ составу войскъ, положеніе Пруссіи также было болѣе благопріятно. Съ небольшой примѣсью поляковъ и литовцевъ, вездѣ, во всѣхъ гарнизонахъ, преобладалъ элементъ германскій, нѣмецкій языкъ; въ австрійской арміи наоборотъ: хотя венгерскіе полки посылались въ Тироль, итальянскіе въ Чехію, галицко-польскіе въ Вѣну, Тріестъ и т. д., но въ общемъ все-таки представлялось настоящее „смѣшеніе языковъ".

Въ помощь видамъ Пруссіи на преобразованіе и объединеніе союза подъ ея господствомъ, явился и тотъ экономическій переворотъ съ начала сороковыхъ годовъ, который положительно не благопріятствовалъ партикуляристскому дробленію власти политической и разнообразію финансовыхъ условій, потому что онъ совершался въ смыслѣ противоположномъ дробленію промышленности и торговли. Промышленность ремесленная переходила въ фабричную, мелкая мѣстная торговля — подъ власть капиталистовъ, оперирующихъ на большомъ пространствѣ.

Примѣненіе паровой силы къ сообщеніямъ водянымъ и сухопутнымъ дало быстрое и огромное развитіе торговымъ оборотамъ и международнымъ сношеніямъ. Въ виду этого, существованіе мелкихъ владѣній, съ различными пошлинами, разной монетой, множествомъ своеобразныхъ ограниченій и запрещеній, становилось аномаліей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе силы пара въ промышленность вызвало изобрѣтеніе безчисленныхъ механизмовъ, которые дали фабрикамъ огромное преимущество надъ ручной ремесленной работой. Желѣзныя дороги, срочное пароходство, возникновеніе огромныхъ фабрикъ, дающихъ работу значительному числу мѣстнаго населенія и даже рабочимъ, приходящимъ изъ другихъ странъ, совершенно измѣнили характеръ торговли и промышленности и произвели то, что самыя реальныя и очевидныя потребности указывали на невозможность удерживать долѣе систему безпрестанно встрѣчавшихся заставъ и разнообразныхъ стѣсненій. Общественная жизнь уже не могла по-прежнему замыкаться въ тѣсныхъ границахъ крайняго политическаго дробленія, существовавшаго къ тому же именно въ Германіи, то-есть въ самомъ центрѣ Европы, и кромѣ того въ странѣ, гдѣ уже въ то время народное образованіе стояло выше, чѣмъ гдѣ-либо.

Первая французская революція и нашествія Наполеона

вызвали въ правившихъ классахъ европейскаго континента крайнюю реакцію, подозрительность ко всякимъ общественнымъ союзамъ и даже къ школѣ, упорство въ охраненіи стараго строя, несклонность къ уступкамъ духу времени. Между тѣмъ толчекъ умамъ уже былъ данъ, потребности жизни измѣнились, образованіе распространилось въ классахъ среднихъ, проникло и въ народныя массы. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ наверху короче стягивали бразды, доводя реакцію почти до фанатизма, внизу стали проявляться увлеченіе и фанатизмъ въ смыслѣ необходимости и возможности внезапнаго и полнаго переворота въ политическомъ устройствѣ.

Первая половина столѣтія протекла въ скрытой, а затѣмъ и явной борьбѣ между фанатизмами реакціоннымъ и революціоннымъ. Революціонное стремленіе въ Германіи и Австріи, наконецъ, зажглось у того вулкана, который продолжалъ дымиться во Франціи. Новый взрывъ его въ 1848 году и провозглашеніе во Франціи республики были сигналомъ для движенія въ Германіи, которое повело къ возстаніямъ въ Берлинѣ. Вѣнѣ, Дрезденѣ, Баденѣ и Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV далъ своему народу конституцію и хотѣлъ поддержать національное возстаніе въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, но былъ удержанъ отъ этого нѣкоторыми кабинетами.

Національно-объединительныя стремленія въ Германіи, реально проявившіяся въ лицѣ National-Verein'а, а затѣмъ собранія представителей разныхъ населеній союза, во Франкфуртѣ на Майнѣ, объявившаго себя парламентомъ, возлагали надежды на прусскаго короля, которому упомянутый „парламентъ“ и предложилъ имперскую корону. Въ нашу задачу не входитъ сколько нибудь систематическій очеркъ событій той эпохи, тѣмъ болѣе, что они общеизвѣстны, но мы лишь мимоходомъ упоминаемъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя послужили главными этапами къ объединенію Германіи подъ прусскимъ господствомъ.

Германскіе патріоты должны были возлагать надежды на Пруссію уже потому, что безусловно не могли возлагать ихъ на Австрію, которой правительственныя сферы были главнымъ очагомъ европейской реакціи. Можно сказать, что Меттернихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ подготовилъ путь для Бисмарка.

Тогдашнюю Австрію ненавидѣли не только за ея предѣлами, но и сами ея разноплеменные подданные. Полный застой, финансовая неурядица, доведшая до банкротства, „Piombi“ въ Венеціи и крѣпость Шпильбергъ для итальянскихъ патріотовъ и внушенная агентами правительства галиційскимъ крестьянамъ рѣзня помѣщиковъ, которые даже и не были виновны въ возстаніи—таковы были послѣдствія внутренней системы, основанной прямо на одномъ мертвомъ застоѣ и слѣпомъ отрицаніи какихъ-либо новыхъ потребностей, системы, положительно несостоятельной какъ въ финансовомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Нелишне будетъ сослаться здѣсь на современный отзывъ о тогдашнемъ внутреннемъ положеніи Австріи. Дряхлость людей, держащихъ въ рукахъ бразды правленія, обнаруживаетъ, быть можетъ, въ преувеличенномъ свѣтѣ, дряхлость вещей... Должно согласиться, что кризисъ, въ которомъ находится Австрійская монархія—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ. Нельзя ручаться за будущность этой монархіи, если ея союзники не придутъ къ ней на помощь и поддержкою нравственной, а въ случаѣ нужды и матеріальною, не доставятъ ея правительству необходимую силу и энергію. Князь Меттернихъ не разъ жаловался, что союзники покинули Австрію. Ждутъ слова русскаго Императора, какъ якоря спасенія: якорь спасенія заключался въ деньгахъ, которыхъ австрійское правительство просило у русскаго *)“.

Помощь была оказана, и не только деньгами. Когда, среди возстаній: венгровъ противъ правительства, кроатовъ противъ венгровъ, Вѣны противъ Меттерниха—тронъ Габсбурговъ совершенно поколебался и, быть можетъ, палъ бы навсегда — явилась могущественная военная поддержка Австріи со стороны Россіи. Эта интервенція Императора Николая всѣми признается нынѣ за одну изъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ виду не реальнаго русскаго интереса, но отвлеченнаго принципа—консерватизма.

Въ Германіи вмѣшательство это было въ высшей степени непопулярно, тѣмъ болѣе, что оно, поддержавъ Австрію, привело къ крайнему униженію Пруссію.

Съ другой стороны, въ самой Пруссіи поддерживалось

*) С. М. Соловьевъ. «Россія, Австрія и Англія во время движенія 1848 - 49 гг.»

мнѣніе о постоянномъ тяготѣніи русскаго вліянія надъ дѣйствіями прусскаго правительства. Такое вліяніе несомнѣнно проявилось въ тѣ моменты, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV намѣревался поддержать шлезвигъ-гольштейнское возстаніе и когда ему была предложена корона германскаго императора. Но общественное мнѣніе въ Германіи заходило далѣе, и каждое реакціонерное дѣйствіе берлинскаго правительства объяснялось вліяніемъ Россіи. Такъ было понято и самовольное измѣненіе прусскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ пунктовъ имъ же самимъ октроированной конституціи.

Естественно, что насколько прусское правительство колебалось стать во главѣ національнаго движенія, а затѣмъ уже прямо отъ него отставало, ослабѣвали и симпатіи къ Пруссіи германскихъ патріотовъ. Однажды во время дѣятельности франфуртскаго парламента толпа выбила окна въ домѣ прусскаго уполномоченнаго въ союзномъ сеймѣ, графа Дёнгоффа. „При такомъ ходѣ дѣлъ—сказалъ онъ извинявшимся представителямъ города—Пруссія возьметъ все, что̀ будетъ въ состояніи взять“ *). И она впослѣдствіи, дѣйствительно, взяла себѣ болѣе, чѣмъ предвидѣлъ ея посланникъ.

Но въ то время у короля недоставало рѣшительности. Онъ постоянно колебался между видами честолюбія и кокетничаньемъ съ „германскою идеей“ — съ одной стороны, собственными реакціонерными убѣжденіями и давленіемъ кабинетовъ петербургскаго и вѣнскаго, съ другой. Когда въ 1848 году къ нему явилась депутація отъ франкфуртскаго парламента съ предложеніемъ императорской короны, то австрійскій посланникъ сказалъ Фридриху-Вильгельму IV: „я никогда не повѣрю, чтобы ваше величество возложилъ на свою голову корону, вынутую изъ революціонной грязи, свинскую корону“ **). Король находился подъ впечатлѣніемъ этого представленія барона Прокеша, когда писалъ Бунзену: „корона, которою вы, къ несчастью, такъ интересуетесь, опозорена“.

*) «Das neue Preussen und seine Zukunft». 1891.
**) «La Prusse et son roi».

II.

Противодѣйствіе Императора Николая народнымъ движеніямъ.

Вполнѣ согласно съ австрійскимъ правительствомъ относился къ „германскимъ" начинаніямъ Фридриха Вильгельма IV Императоръ Николай I, который имѣлъ на короля большое вліяніе. На этомъ вліяніи необходимо остановиться для того, чтобы выяснить тѣ чувства недовѣрія и нерасположенія къ Россіи, какія общество въ Пруссіи, а за ней и въ Германіи, вообще усвоило себѣ именно въ то время, чувства, которыя не исчезли и впослѣдствіи, несмотря на долговременныя дружественныя отношенія между правительствами русскимъ и прусскимъ.

Императоръ Николай, какъ извѣстно, считалъ себя призваннымъ къ охраненію во всей Европѣ тѣхъ началъ, которыя легли въ основаніе священнаго союза. Въ 1830 году онъ намѣревался двинуть свои войска во Францію для усмиренія революціи и изгнанія похитителя власти у законнаго короля *). Въ силу того же принципа, онъ подавилъ и возстаніе венгровъ противъ императора австрійскаго. Строгая опредѣленность взглядовъ Императора Николая, твердость его характера и всеобщее сознаніе, что онъ способенъ былъ не только рѣшительно выражать свою волю, но и приступать тотчасъ къ дѣйствіямъ, давали голосу Государя могущественной страны весьма большое значеніе во всей Европѣ.

Къ полной ясности воззрѣнія и къ силѣ характера слѣдуетъ прибавить то личное обаяніе Императора, о которомъ свидѣтельствуютъ современники. Даже Гизò, недоброжелательно относившійся къ нему, увидавъ его въ Лондонѣ, долженъ былъ признать именно его личное обаяніе, величіе и любезность, какими онъ умѣлъ плѣнить королеву Викторію, ея министровъ, лордовъ, дамъ и все смотрѣвшее на него населеніе **). Королева Викторія, въ письмахъ къ королю бельгійскому Леопольду, нѣсколько разъ возвращалась къ описанію наружности русскаго Императора и впечатлѣ-

*) С. С. Татищевъ. «Николай I и іюльская монархія».

**) Guizot. «Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps». VI p., 208–209.

нію *), которое онъ на нее произвелъ. „Суровость его взгляда—пишетъ она, между прочимъ—исчезаетъ въ значительной степени, по мѣрѣ того, какъ знакомишься съ нимъ, и измѣняется сообразно тому, владѣетъ ли онъ собою или нѣтъ... Видъ его, безъ сомнѣнія, поражаетъ, онъ все еще очень хорошъ собою, профиль его прекрасенъ, а манеры полны достоинства и граціи. Онъ очень вѣжливъ, его внимательность и любезность даже внушаютъ опасеніе. Но выраженіе очей его строго и не походитъ ни на что, прежде видѣнное мною. Онъ производитъ на Альберта и на меня впечатлѣніе человѣка несчастливаго, котораго давитъ и мучитъ тяжесть его безмѣрнаго могущества и положенія... Въ немъ есть многое, съ чѣмъ я не могу помириться, и я думаю, что надо разсматривать и понимать его характеръ такимъ, каковъ онъ есть. Онъ суровъ и строгъ, вѣренъ точнымъ началамъ долга, измѣнить которымъ не заставитъ его ничто на свѣтѣ".

„Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло — единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ; онъ не обращаетъ вниманія на искусства и на всѣ болѣе нѣжныя занятія, но онъ искрененъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, искрененъ даже въ наиболѣе деспотическихъ своихъ поступкахъ, будучи убѣжденъ, что таковъ единственно возможный способъ управлять. Я увѣрена, что онъ не подозрѣваетъ ужасныхъ случаевъ личнаго несчастія, столь часто имъ причиняемыхъ, ибо я усмотрѣла изъ различныхъ примѣровъ, что его содержатъ въ невѣдѣніи о многихъ дѣлахъ, совершаемыхъ его подданными въ высшей степени продажными путями, тогда какъ онъ считаетъ себя чрезвычайно справедливымъ. Онъ помышляетъ объ общихъ мѣрахъ и не входитъ въ подробности; и я увѣрена, что многое не достигаетъ до его слуха, да и не можетъ достигнуть, если пристально вглядѣться въ дѣло".

„Вѣсть о быстромъ и плачевномъ концѣ іюльской монархіи произвела потрясающее впечатлѣніе на Императора Николая,—говоритъ С. С. Татищевъ **) со словъ непосредственнаго свидѣтеля. – Если вѣрить показанію современника

*) С. С. Татищевъ. «Императоръ Николай въ Лондонѣ».
**) «Николай I и іюльская монархія».

и очевидца, то всеобщая война представилась Государю, какъ неизбѣжное ея послѣдствіе. „Сѣдлайте вашихъ коней, господа: во Франціи республика“, — таковы были слова, съ которыми Его Величество обратился къ офицерамъ на праздникѣ въ Зимнемъ дворцѣ, держа въ рукахъ депешу о парижскихъ событіяхъ. Младшимъ сыновьямъ своимъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, онъ замѣтилъ, что, быть можетъ, имъ придется будущимъ лѣтомъ продолжать свое образованіе на поляхъ сраженій“.

Положеніе Европы между 1830 и 1848 годами было такое: Австрія, германскіе и итальянскіе владѣтели думали только о реакціи противъ революціонныхъ началъ, Англія была ненавидима во Франціи и вновь оправдала эту ненависть, составивъ „четверной союзъ“ противъ Франціи изъ-за египетскихъ дѣлъ, союзъ, въ которомъ любопытно было то, что Россія защищала Турцію, какъ нѣсколько лѣтъ спустя Россія же спасла Австрію. Франція оставалась совершенно изолированною и держала себя несмѣло, въ виду постоянно готовой составиться противъ нея коалиціи.

Между тѣмъ, Россія пріобрѣла преобладающее значеніе еще при Александрѣ I, который признавался освободителемъ Европы отъ Наполеона и сталъ во главѣ священнаго союза.

Было вполнѣ естественно, что при упомянутомъ положеніи дѣлъ и при своемъ энергическомъ характерѣ, Императоръ Николай пріобрѣлъ въ Европѣ авторитетъ еще большій. Ошибка его заключалась лишь въ томъ, что этотъ высокій авторитетъ, который всѣми признавался, онъ приписывалъ только могуществу своего государства и своей твердости, упуская изъ виду то политическое положеніе Европы, которое не мало способствовало силѣ его вліянія. И дѣйствительно, какъ только, увлекшись сознаніемъ своего огромнаго значенія въ Европѣ, онъ коснулся такого вопроса, въ которомъ все положеніе измѣнялось и онъ уже не могъ стоять во главѣ коалиціи, то произошло нѣчто совсѣмъ для него неожиданное: по восточному вопросу составилась коалиція — противъ него.

Но до того момента, воля Императора Николая имѣла въ самомъ дѣлѣ огромное, часто даже рѣшающее, значеніе въ международныхъ дѣлахъ. Зная это, онъ не считалъ даже нужнымъ особенно щадить самолюбій. Только къ монархамъ Австріи и Англіи онъ относился какъ къ равнымъ; „королю

французовъ“ онъ неоднократно давалъ чувствовать незаконность его власти; къ владѣтелямъ второстепеннымъ и мелкимъ въ Италіи и Германіи онъ относился благосклонно, постольку, поскольку они держались началъ священнаго союза и тѣмъ самымъ были непопулярны. Къ королю же прусскому, близкому своему свойственнику, Николай I относился снисходительно, но держалъ себя съ нимъ, какъ старшій братъ, не стѣсняющійся давать частые совѣты и дѣлать замѣчанія даже по домашнимъ дѣламъ брата.

Онъ не особенно церемонился и съ Людовикомъ-Филиппомъ. Когда въ Парижѣ хотѣли поставить пьесу „L'impératrice Catherine“, оскорбительную для памяти монархини, то русскій посланникъ въ Парижѣ графъ Паленъ, по личному повелѣнію Императора, полученному во время обѣда у короля, настоятельно попросилъ Людовика-Филиппа встать изъ-за стола и дать ему немедленную аудіенцію, на которой сообщилъ ему требованіе Императора, чтобы пьеса была запрещена и всѣ экземпляры ея конфискованы, прибавивъ, что Императоръ беретъ на себя всѣ послѣдствія этого требованія. На вопросъ короля, означаетъ ли это угрозу войной, посланникъ допустилъ возможность этого и только по настояніямъ Людовика-Филиппа, что онъ—король конституціонный и не можетъ ничего обѣщать, безъ совѣщанія съ министрами, посланникъ далъ королю 24-часовой срокъ, предваривъ, что по истеченіи срока тотчасъ выѣдетъ, если требованіе не будетъ исполнено. И оно было исполнено. Былъ еще подобный же случай, когда въ Парижѣ ставилась пьеса „L'empereur Paul“: Императоръ самъ написалъ Людовику-Филиппу, что если эта пьеса пойдетъ на сценѣ, то онъ пришлетъ въ Парижъ милліонъ зрителей для надлежащей ея оцѣнки. Понятно, что такіе случаи оставляли раздраженіе.

Что касалось короля прусскаго, то Императоръ не пропускалъ ни одного случая, чтобы не указать ему на все, въ чемъ самъ видѣлъ неудобство или промахи. Когда Императоръ прибылъ въ Берлинъ въ 1852 году, то въ тамошнихъ придворныхъ кругахъ радовались, что парламентская сессія была уже заключена. Много характеристическихъ указаній на такое вмѣшательство и на то, какъ къ нему относились въ Берлинѣ, находится въ извѣстныхъ „Запискахъ“ Фарнгагена-фонъ-Энзе. Извлеченія изъ нихъ, касающіяся отношеній къ

Россіи, были переведены въ „Русской Старинѣ", откуда мы позволимъ себѣ заимствовать нѣсколько мѣстъ, бросающихъ яркій свѣтъ на тогдашнія отношенія.

„Во время народныхъ демонстрацій въ Кельнѣ, въ 1846 г., войска и полиція вынуждены были отступить. Такъ какъ кельнскія событія сильно возмутили принца прусскаго *), то и русскій Императоръ счелъ себя въ правѣ возвысить свой голосъ. По поводу этихъ событій, онъ надѣлалъ нашему правительству столько упрековъ, будто они произошли въ его собственномъ государствѣ". Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что Императоръ не согласился въ 1851 г. на предположеніе основать университета въ Познани, которое и было оставлено.

Въ 1847 г. Фарнгагенъ писалъ: „Разсказывали, что русскій Императоръ будто бы сказалъ, что если, вслѣдствіе созванія прусскихъ представителей сословій, возникнутъ безпокойства, то его вмѣшательство въ дѣло сдѣлается необходимымъ, ибо пожаръ въ сосѣднемъ домѣ угрожаетъ его собственнному дому". Къ 1848 г. относится слѣдующее замѣчаніе: „Послѣдняя надежда нашихъ реакціонеровъ—на Россію". И надежда эта, вѣроятно, оправдалась бы, еслибы того пожелало прусское правительство. Въ самомъ дѣлѣ, когда прусскій генералъ Донъ, сопровождая Императора на маневрахъ, хвалилъ молодцоватость войскъ, то Императоръ сказалъ ему: „Нравятся вамъ мои войска—такъ они вполнѣ къ вашимъ услугамъ: возьмите ихъ и ведите на мятежный Берлинъ". На это Донъ могъ только отвѣтить, что прусскій генералъ идетъ на войну лишь по повелѣнію своего государя.

Какъ видимъ изъ дальнѣйшихъ отмѣтокъ Фарнгагена, движеніе русскихъ войскъ къ западной границѣ вызывало въ берлинскомъ обществѣ опасеніе войны Россіи съ Пруссіей. „Положеніе Россіи относильно насъ становится все болѣе угрожающимъ, а положеніе Германіи сомнительнымъ... Наконецъ, начинаютъ опасаться намѣреній русскихъ. Крѣпости Познань и Торнъ приводятся на военное положеніе... Россія прибѣгаетъ къ угрозамъ за нашу датскую политику; угрозы адресуются не непосредственно къ нашему кабинету, а про-

*) Впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I.

износятся въ Копенгагенѣ и Лондонѣ. Война, повидимому, неизбѣжна... Но можетъ все измѣниться"...

Въ 1849 году Фарнгагенъ писалъ: „Важныя сообщенія о соглашеніяхъ прусскаго двора съ русскимъ. Еще лѣтомъ было готово русское реакціонное войско для помощи Австріи и Пруссіи. Еслибы въ Берлинѣ не было войска и Врангеля, мы бы непремѣнно узрѣли здѣсь русскихъ; то же самое случилось бы и съ Вѣною... Русскія войска прослѣдовали по желѣзной дорогѣ прусскими владѣніями (Силезіей). Сначала министры отрицали этотъ фактъ... Генералъ Раухъ въ Варшавѣ долженъ былъ разсказывать Императору всѣ подробности революціи (въ Берлинѣ), начиная съ мартовскихъ дней. Императоръ необыкновенно ухаживаетъ за генераломъ, но о королѣ судитъ строго и жестко и даже его настоящее положеніе находитъ фальшивымъ... Недавно русскій Императоръ передъ генераломъ Линдгеймомъ выражался о королѣ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ: „Я, вы и Раухъ,—сказалъ онъ,—единственные (друзья Пруссіи), всѣ другіе—сумасброды и эгоисты"...

„Генералъ-адъютантъ Нейманъ привезъ изъ Варшавы королю не совсѣмъ пріятныя наставленія. Русскій Императоръ говорилъ: „Тѣмъ не уничтожаешь революціи, если ее подавляешь только у другихъ, а у себя дома, посредствомъ конституціонныхъ фарсовъ, готовишь ей свѣжую почву". Ему не нравятся обнаруживающіяся стремленія къ объединенію Германіи... Писалъ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи. Императоръ Николай чувствуетъ состраданіе къ Пруссіи и щадитъ государство, надѣясь, что въ немъ опять воцарится абсолютизмъ; но объ особѣ короля выражается всегда (крайне неодобрительно)"...

Изъ всего этого видно, что отношенія были въ самомъ дѣлѣ неблагопріятныя. Но прусское правительство старалось выставить ихъ въ своей странѣ еще въ гораздо худшемъ свѣтѣ. Фарнгагенъ говоритъ: „Съ намѣреніемъ напугать насъ, правительство (прусское) распространяетъ слухи о русскихъ угрозахъ (Пруссіи)... Угрозы Россіи относительно войны (Пруссіи) съ Даніей принимаютъ все болѣе и болѣе строгій и повелительный тонъ. Лучшіе изъ нашихъ высшихъ военныхъ чиновъ начинаютъ обижаться и говорить, что честь Пруссіи требуетъ дать энергическій отпоръ. Но реакція, гвардейскіе офицеры и всѣ придворные... настроены совер-

шенно на русскій ладъ; только въ союзѣ съ Россіей видятъ возможность сохранить честь Пруссіи; полагаютъ, что нужно уступить и, ни въ какомъ случаѣ, не доводить дѣла до разрыва съ Россіей".

Къ 1850 г. относятся слѣдующія замѣтки: „Русскій Императоръ вторично выразился гнѣвно объ Арадскихъ экзекуціяхъ, совершаемыхъ австрійцами въ Венгріи. Наслѣдному прусскому принцу также пришлось выслушать нѣсколько жесткихъ словъ; порицали въ сильныхъ выраженіяхъ поведеніе короля и министровъ за изданные законы о печати. Императоръ, между прочимъ, сказалъ про короля, что онъ надавалъ слишкомъ много обѣщаній, но, разъ обѣщавъ, необходимо было держать слово"...

„Императоръ повелительно требуетъ, чтобы наблюдательный корпусъ былъ удаленъ съ границъ Гольштиніи; въ противномъ случаѣ угрожаетъ занять восточную Пруссію. Прусскій принцъ Карлъ долженъ былъ ожидать въ Силезіи разрѣшенія прибыть въ Варшаву. Австрійскій императоръ ожидалъ на границѣ встрѣчи русскаго Императора; но прождавъ тщетно цѣлый часъ, продолжалъ свой путь въ Варшаву. Говорятъ о позорѣ, нанесенномъ (Россіей) королю тѣмъ, что (Россія) не признаетъ власти перваго министра Радовица и поручила своему повѣренному въ дѣлахъ передавать депеши непосредственно въ руки самого короля. Конечно, все это мелочи, но дождемся и большаго. Войско съ Гольштинской провинціи прибыло, и тѣмъ отступленіе, по приказанію Императора (русскаго), начато. Въ Варшавѣ первый министръ, графъ Бранденбургъ, пытался объяснить Императору прусскій образъ мыслей относительно неправильности дѣйствій курфюрста Гессенскаго и его министра Гассенфлюга, но только возбудилъ сильный гнѣвъ" . . .

. . . .

Въ мартѣ 1851 г. записано: „король искренне ненавидитъ французовъ, но не менѣе того и русскихъ. Первое объясняется легче, чѣмъ послѣднее. Говорятъ, что причины совершенно личныя. Должно удивляться, съ какимъ равнодушіемъ смотрятъ здѣсь на варшавское свиданіе. Никто не заботится о немъ, никто не постарается проникнуть тайны. Будто всѣ впередъ уже знаютъ, что дѣло не обойдется безъ новыхъ униженій (для Пруссіи)".

За то 30 лѣтъ спустя (въ 1880 г.), когда прусской по-

литикѣ потребовалось возбуждать общественное мнѣніе противъ Россіи, издана была книжка, воспроизводившая такіе документы, которые могли быть сообщены только изъ архива иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ сочиненіи *) авторъ опредѣлилъ задачу такъ: „доказать, что прежняя дружба между Пруссіею и Россіею была обусловлена безсиліемъ раздробленной Германіи и антагонизмомъ Австріи съ Пруссіею; что продолженіе этой дружбы до самаго послѣдняго времени зависѣло ужъ только отъ случайнаго совпаденія интересовъ; наконецъ, что дружба эта непремѣнно должна была рушиться, какъ только выступили на сцену истинные и постоянные интересы обоихъ государствъ".

И вотъ, этотъ же авторъ, говоря о только-что упомянутомъ съѣздѣ въ Варшавѣ, старается убѣдить своихъ читателей въ довольно невѣроятномъ фактѣ, будто прусскій уполномоченный, графъ Браненбургъ, умеръ черезъ шесть дней по возвращеніи изъ Варшавы не отъ чего иного, какъ отъ испытанныхъ имъ тамъ огорченій. А черезъ нѣсколько дней былъ уволенъ (неугодный Россіи) генералъ Радовицъ. „Германская миссія Германіи — говоритъ авторъ — казалась похороненной навсегда, подчиненіе Пруссіи австрійскому преобладанію представлялось упроченнымъ. Въ инстанціи, на рѣшенія которой апеллировать было некуда, рѣшено было, что имперія, одна треть населенія которой — мадьяро-славянская, другая же треть итальянская, естественно должна быть главой германскаго народа и что *вовсе нѣтъ ни тѣсныхъ связей, ни какого-либо общаго интереса между Пруссіей и остальной Германіей* **). И это было признано во имя истинныхъ традицій *монархіи преимущественно военной*, со ссылкой на *воинственный духъ государей этой страны и ея славное прошлое*, было признано вѣнценоснымъ полюбовнымъ судьею, который руководился при этомъ желаніемъ охранить насъ отъ *паденія на степень государствъ пространныхъ, но слабыхъ, и отъ превращенія Пруссіи въ государство ничтожное, безсильное и лишенное будущности* (*sans durée*)!".

Еще одна отмѣтка Фарнгагена: „Большая роскошь и пышность въ русскомъ посольствѣ по случаю пріѣзда князя

*) «Berlin und Petersburg. Preussische Beiträge zur Geschichte der Russischen-Deutschen Beziehungen».

**) Набранныя курсивомъ слова приведены въ оригиналѣ по-французски также курсивомъ.

Варшавскаго, явившагося съ благодарностью за пожалованный ему титулъ прусскаго фельдмаршала; весь берлинскій генералитетъ и все офицерство спѣшатъ къ нему съ поздравленіемъ; видѣлъ не одну ихъ сотню: на всѣхъ лицахъ замѣтно чувство (неудовольствія)".

По поводу всего приведеннаго, можно сдѣлать одно замѣчаніе: если тогдашняя Пруссія сознавала себя слабою, то напрасно было ей удивляться повелительному отношенію могущественнаго сосѣда. Если же она сознавала свою силу, но не рѣшалась заявить свою самостоятельность, то, очевидно, и не заслуживала иного отношенія къ себѣ.

Отношеніе же въ то время всей вообще западной Европы къ Россіи слѣдующимъ образомъ характеризовалъ Погодинъ *):

„Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь сочиненіемъ какого-нибудь Кюстина и двухъ, трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Церковь наша, во имя которой мы обнажили теперь мечъ, называется ересью; всѣ учрежденія считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною и вся исторія - вчерашнею. На мѣстѣ закона они видятъ вездѣ произволъ. Наше молчаніе, глубокое, могильное, утверждаетъ ихъ въ нелѣпыхъ мнѣніяхъ. Они не могутъ понять, чтобъ можно было такія капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія, и потому считаютъ ихъ положительными и истинными. Чему можетъ она сочувствовать?... Вотъ вредъ, происшедшій отъ нашего пренебреженія общимъ мнѣніемъ. Мы имѣли бы многихъ на своей сторонѣ, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.

„Другіе ненавидятъ Россію, считая ее главнымъ препятствіемъ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что безъ Россіи конституціонныя попытки въ Германіи и повсюду удались бы гораздо полнѣе; они думаютъ, что и впредь на этомъ пути прежде всего встрѣтится имъ Россія. Слѣдовательно, всякое увеличеніе русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развитія, для просвѣщенія, и потому непремѣнно, во что̀ бы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взглядъ такъ-называемой

*) «О политикѣ Россіи 1853 – 1855 гг.».

лѣвой стороны, которую слѣдуетъ вразумлять, что намъ до нея дѣла нѣтъ, хоть на головахъ ходи, лишь только насъ не тронь, пока сама не проситъ нашего участія.

„Къ третьей категоріи принадлежатъ различные выходцы, изгнанники, политическіе бобыли и пролетаріи, которымъ терять нечего, радикалы, которые имѣютъ цѣлью только въ мутной водѣ рыбу ловить.

„Кто же наши союзники въ Европѣ?

„Союзники наши въ Европѣ и единственные, и надежные, и могущественные—славяне, родные намъ по крови, по языку, по сердцу, по исторіи, по вѣрѣ, а ихъ десять милліоновъ въ Турціи и двадцать милліоновъ въ Австріи. Это количество, значительное само по себѣ, еще значительнѣе по своему качеству, въ сравненіи съ изнѣженными сынами Западной Европы“.

Характеръ, какой имѣли международныя отношенія въ теченіе тридцатилѣтняго періода 1825 — 1855 годовъ, не остался безъ послѣдствій и для ближайшихъ къ намъ уже минувшихъ лѣтъ, для настоящаго и, быть можетъ, не останется безъ нѣкотораго вліянія и на ближайшее будущее. Почитая въ особѣ Императора Николая I вѣрность началамъ священнаго союза, европейскія правительства постоянно старались внушать своимъ народамъ терпѣливость, спокойствіе, послушаніе.

Но между тѣмъ, европейскія общества, при новыхъ, неоспоримыхъ потребностяхъ экономическихъ и нравственныхъ и въ виду державшагося застоя, не поддавались внушаемой дисциплинѣ, а наоборотъ волновались, раздѣляясь на меньшинство, солидарное съ реакціею, и на большинство, которое готово было привѣтствовать въ каждой странѣ революцію, какъ привѣтствовали венгерскую революцію въ самомъ Берлинѣ, гдѣ ходили по рукамъ портреты Кошута, Дембинскаго, Бема и проч. При такомъ настроеніи, Императору Николаю приписывали даже гораздо больше того, что онъ дѣйствительно дѣлалъ для отстраненія политическихъ новшествъ. Даже въ высшихъ сферахъ въ Пруссіи пробивалось рѣшительное недружелюбіе къ Россіи.

О либералахъ нéчего и говорить. Но даже и „старопрусскіе“ консерваторы видѣли поставленную со стороны Россіи преграду для расширенія прусскаго могущества.

Фарнгагенъ упоминаетъ о враждебныхъ Россіи листахъ, которые въ 1848 г. наклеивались на улицахъ Берлина.

Понятно, что при такомъ настроеніи какъ въ Пруссіи, такъ и на всемъ Западѣ стали охотно вѣрить любой небылицѣ, неблагопріятной для Россіи. Даже въ правительственныхъ сферахъ подчиненность и униженіе не оставались безъ слѣдовъ. Ихъ переносили, по невозможности освободиться отъ нихъ, но въ сердцахъ тлѣло недоброе чувство. Фарнгагенъ пишетъ между прочимъ: „Недавно король сказалъ: „я покажу Россіи, что можетъ сдѣлать прусскій король". Авторъ „записокъ" замѣчаетъ при этомъ случаѣ: „это—пустыя угрозы; въ дѣйствительности, онъ совершенно подчиняется Россіи". И въ самомъ дѣлѣ, король прусскій отрекся отъ своихъ „германскихъ" начинаній, унизился передъ Австріею, подъ вліяніемъ русской политики, но глубоко чувствовалъ свое униженіе. Онъ отозвалъ свои войска изъ Ютландіи и отказался отъ военной реформы въ Германіи, но, лишенный силы характера, тѣмъ не менѣе глубоко чувствовалъ свое униженіе .

При аудіенціи, данной ольденбургскому полковнику Мозле (6 февраля 1851 г.) *), король говорилъ съ нимъ откровенно, и слова его переданы въ запискахъ этого офицера. „Страшныя опасности для Германіи—говорилъ король—представляются въ нынѣшнемъ вѣкѣ—анархіею и разложеніемъ всего божественнаго и человѣческаго порядка, идущими изъ Франціи; въ будущемъ вѣкѣ — преобладаніемъ русскаго кнута". Сказавъ это, король оглядѣлся кругомъ и прибавилъ: „надѣюсь, что насъ не слышатъ; такихъ вещей нельзя говорить громко, потому что ихъ объяснили бы въ смыслѣ манифестаціи противъ свояка моего, котораго я уважаю и почитаю, который — превосходный государь, признаю это вполнѣ, хотя и имѣю причины на него жаловаться. Какъ бы то ни было, онъ—русскій Императоръ и долженъ оставаться въ своей роли".

Такъ говорилъ не ученикъ, боящійся учителя, но повелитель могущественнаго уже въ то время государства.

Этимъ мы заключимъ характеристику эпохи, въ которой со старыми принципами уже весьма серьезно стали бороться

---

*) «Revue Nouvelle». «La guerre de Crimée».

принципы новые, тѣ, которые должны были оказать вліяніе на новое распредѣленіе самой политической силы въ Европѣ и на внутреннюю жизнь западныхъ народовъ.

Затѣмъ, намъ придется говорить о событіяхъ совершенно иного уже характера, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли не общечеловѣческія стремленія къ улучшеніямъ быта, но злоба борьбы международной и рядомъ съ ней — эгоизмъ вліятельныхъ личностей.

Пока достаточно будетъ замѣтить, что высокомѣрное отношеніе къ Германіи — Россіи, въ то время стоявшей на невысокой степени культуры, сравнительно съ тою, какой гордились нѣмцы, казалось имъ тѣмъ оскорбительнѣе, что въ заграничной печати безпощадно глумились надъ политикой «непрактическихъ идеалистовъ», намѣревающихся осуществить воздушные замки. Всѣ эти мечтатели о всемірномъ гражданствѣ, лишенные національнаго самосознанія, вызывали строгую критику. Лишь послѣ войнъ 1866 и 1870 годовъ было признано, что нѣмецкій народъ способенъ дѣйствовать согласно, когда для достиженія истинно народныхъ задачъ требуется пустить въ ходъ все его могущество. Престижъ Германіи съ этого времени возросъ до чрезвычайности.

III.

Подготовленіе почвы для гегемоніи Пруссіи войнами крымской, австрійской, французской и мексиканской.

Повелительное отношеніе Императора Николая къ правительствамъ европейскаго континента создавало въ Россіи — какъ говоритъ проф. Трачевскій *) — „убѣжденіе, что вся Европа гибнетъ отъ революціи и что государямъ и народамъ придется умолять бѣлаго царя защитить ихъ жизнь и достояніе своею мощною рукой; это самообольщеніе повторялось всюду съ величайшею наивностью... Обаяніе величія поддерживалось при дворахъ безпокойною дипломатіей, которая усердствовала, чтобы въ мірѣ только и было рѣчи, что о Россіи и ея могуществѣ“. Авторъ ссылается при этомъ

*) А. С. Трачевскій, «Пруссія въ крымскую войну». («Историческій Вѣстникъ»).

на отзывъ Ротана, что „русская дипломатія отличалась надменностью и мстительностью; она сразу переходила отъ ласки къ угрозамъ; въ ея тактику входило поражать воображеніе и озадачивать правительства театральностью“.

Какъ только представился случай, по поводу затрудненій возникшихъ на Востокѣ, отплатить Россіи за ея гордость, то этимъ случаемъ поспѣшили воспользоваться.

Вмѣшательство Императора Николая въ дѣла другихъ государствъ логически истекало изъ его убѣжденія, что онъ былъ призванъ стоять на стражѣ легитимнаго порядка и консервативныхъ началъ. Онъ могъ полагать, что задачу эту ему удалось выполнить успѣшно. Правда, 1848 годъ во многомъ нарушилъ прежній порядокъ: явились республика во Франціи, конституція въ Пруссіи, возстаніе въ Италіи противъ австрійцевъ и война Сардиніи съ Австріею. Но къ 1852 году, т. е., такъ сказать, наканунѣ крымской войны, восторжествовала полная реакція противъ бывшихъ движеній. Италія была подавлена Радецкимъ, котораго Императоръ Николай тотчасъ произвелъ въ русскіе фельдмаршалы, конституція въ Пруссіи была «подправлена» правительствомъ безъ согласія палаты, венгерское возстаніе было усмирено русскими войсками, во Франціи былъ совершенъ военною силой государственный переворотъ — республика замѣнена была второю имперіею и отъ парламентаризма оставлена была одна лишь тѣнь.

Политическое положеніе Европы могло снова казаться Императору Николаю удовлетворительнымъ, и онъ былъ убѣжденъ, что всѣ представители поддерживаемаго имъ порядка были ему благодарны и преданы. Отъ него далека была мысль, что Австрія или Пруссія могли хранить недружелюбное къ нему чувство, а что касалось Наполеона III, то этотъ „parvenu“ на престолѣ долженъ былъ, по тому же взгляду, заискивать у законныхъ государей другихъ великихъ державъ. Одна Англія не была заинтересована въ устойчивости порядка на континентѣ и оставалась внѣ русскаго вліянія, но и не противодѣйствовала Россіи.

Но — здѣсь мы повторимъ замѣчаніе, сдѣланное нами выше — какъ ни былъ несомнѣненъ и высокъ авторитетъ Императора Николая въ Европѣ, ошибка его заключалась въ томъ, что этотъ авторитетъ онъ приписывалъ только могуществу Россіи и своему личному значенію, упустивъ изъ

вида, что авторитетъ тотъ создался, если не въ наибольшей, то въ весьма значительной долѣ, самымъ положеніемъ Европы между 1830 и 1848 годами. Оно уже существенно измѣнилось съ 1848 г. по 1852 годъ. Народныя движенія въ Италіи и въ Германіи не могли уже не возобновиться, а конституціонная Пруссія не могла не возвратиться современемъ къ своей германской задачѣ; наконецъ, Францiя не была уже совершенно изолирована, какъ прежде, потому что Наполеонъ III сблизился съ Англіей. Сверхъ этого, избранный народомъ благодаря своему имени и возложивъ на себя корону въ силу наполеоновской традиціи, этотъ человѣкъ, какъ мы уже замѣтили выше, не могъ продолжать заискивающую и робкую политику Людовика-Филиппа.

Между тѣмъ, Императоръ Николай до такой степени полагался на свой личный авторитетъ, что предпринялъ склонить Англію къ участію въ раздѣлѣ Турціи. Онъ не предвидѣлъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ не могло быть достаточно его личнаго авторитета, тѣмъ болѣе, что какъ только Россія возбудила бы восточный вопросъ, то все то политическое положеніе Европы, которое способствовало пріобрѣтенію имъ рѣшающаго въ Европѣ голоса, должно было внезапно и рѣшительно измѣниться. Система реакціи противъ народныхъ движеній должна была отодвинуться на задній планъ, а на первый не могли не выступить интересы международные, въ столкновеніи которыхъ сразу исчезли и остатки священнаго союза, и командующее положеніе русской политики въ Европѣ.

Еще при своемъ посѣщеніи сентъ-джемскаго двора въ 1844 г. Императоръ Николай предлагалъ руководителямъ британской политики заключеніе между Англіею и Россіею соглашенія относительно общей поддержки цѣлости Оттоманской имперіи, а въ случаѣ паденія ея, вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства — относительно того новаго политическаго устройства, какое было бы желательно установить на Балканскомъ полуостровѣ. Предложеніе это въ то время не вызвало никакого отрицательнаго отвѣта со стороны британскихъ государственныхъ людей *).

Но, какъ извѣстно, Императоръ возобновилъ впослѣдствіи бесѣды на эту тему съ англійскимъ посланникомъ въ

*) С. С. Татищевъ. «Императоръ Николай I въ Лондонѣ».

Петербургѣ, незадолго до крымской войны, и получалъ только уклончивые отвѣты, что посланникъ не уполномоченъ входить въ обсужденіе такихъ вѣроятностей. А между тѣмъ, англійское правительство, конечно, приняло къ свѣдѣнію, что Россія замышляла вмѣшательство въ дѣла Турціи, и отнеслось весьма серьезно къ первому же практическому приступу въ этомъ смыслѣ.

Съ другой стороны, Наполеонъ III, котораго Императоръ Николай, конечно, не могъ уважать, не только не оказался заискивающимъ, но послѣ извѣстнаго отвѣта русскаго Императора, въ которомъ вмѣсто обычнаго выраженія „frère" были употреблены слова „bon ami", воспользовался первымъ случаемъ, чтобы проявить въ восточныхъ дѣлахъ иниціативу, которая не могла понравиться въ Россіи.

Что при этомъ Наполеонъ III дѣйствовалъ подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія, это положительно утверждено разсказомъ графа Киселева, бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ *).

Разсказъ этотъ относится къ 1857 году, то-есть къ моменту, когда истекъ уже годъ послѣ заключенія парижскаго трактата. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого разсказа: „За завтракомъ императрица Евгенія, имѣя по правую сторону великаго князя, а по лѣвую меня, коснулась вопроса о союзѣ Франціи, Англіи и Россіи и о причинахъ разрыва съ послѣднею. По поводу словъ, сказанныхъ императрицею великому князю, я ей сказалъ: мнѣ пріятно видѣть что предубѣжденія ваши начинаютъ сглаживаться и что вы становитесь менѣе враждебны къ русскимъ. — „Въ отношеніи политическихъ союзовъ", отвѣчала она, — „это не совсѣмъ такъ; я думаю, что для спокойствія Франціи, для „ statu quo", какъ вы выражаетесь въ дипломатіи, союзъ съ Англіею необходимъ; другое дѣло, когда хотятъ дѣйствовать наступательно, когда думаютъ исправить карту Европы, тогда, и только тогда, союзъ съ Россіею нуженъ. До тѣхъ же поръ мы должны оставаться добрыми друзьями и не идти далѣе, всего же лучше жить въ согласіи со всѣми и въ особенности съ Англіею".

„Императоръ спросилъ, шутя, императрицу, какою политикою мы занимаемся; потомъ онъ повторилъ этотъ во-

*) «Графъ П. Д. Киселевъ и его время».

просъ и, наконецъ, кивнувъ головой, далъ ей замѣтить, что завтракъ конченъ и что всѣ ждутъ. Она встала".

„На другой день, 13-го мая, послѣ продолжительнаго разговора императрицы съ великимъ княземъ, она, обратившись ко мнѣ, съ ея милою улыбкою, сказала: „но мы не кончили нашъ вчерашній политическій разговоръ — императоръ намъ помѣшалъ. Я хотѣла вамъ сказать о письмѣ, которое императоръ получилъ отъ Императора Николая и громко читалъ у меня. Онъ сунулъ письмо въ карманъ и сказалъ: *оно холодно.* Онъ вышелъ, а я осталась подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, которое оно во мнѣ оставило. Когда императоръ вернулся, я ему сказала: письмо Императора Николая *болѣе чѣмъ холодно, оно сурово* (sévère)". При этомъ императрица наклонилась ко мнѣ и сказала мнѣ на ухо: „я употребила другое выраженіе, это письмо *грубо* (grossière), сказала я". — „Въ чемъ?" спросилъ меня императоръ.—„Перечтите еще разъ, и увидите сами". Онъ прочиталъ письмо и былъ пораженъ справедливостью моего замѣчанія. „*Это правда* сказалъ онъ *и я этимъ займусь*".—Война была рѣшена".

Возможно было преградить путь Россіи за Балканы. Но это означало лишь оборону *status quo ante bellum.* Для наступательныхъ дѣйствій, для пораженія противника въ какомъ-либо чувствительномъ для него пунктѣ, двумъ западнымъ державамъ необходимо было склонить къ активному дѣйствію Австрію и Пруссію. «Вокругъ Фридриха-Вильгельма IV —говоритъ проф. Трачевскій – кипѣла ожесточенная борьба между старою и юною Пруссіею. Либералы, опиравшіеся на общественное мнѣніе и рвавшіеся въ бой, чтобы раздѣлить съ Западомъ честь защиты прогресса, были такъ многочисленны, что самъ Мантейфель склонялся на ихъ сторону, изъ опасенія, какъ бы реакціонеры не оттерли его отъ престола и не лишили портфеля. Вождемъ ихъ былъ братъ короля, наслѣдный принцъ (впослѣдствіи императоръ) Вильгельмъ... Онъ сочувствовалъ англичанамъ и не любилъ русскихъ: въ Лондонѣ у него былъ важный, по дружбѣ, союзникъ —Бунзенъ».

Замѣтимъ мимоходомъ, что „вождемъ либераловъ, рвавшихся въ бой (съ Россіей)", является въ ту минуту—принцъ, который незадолго передъ тѣмъ весьма строго усмирилъ возстанія въ Саксоніи и Баденѣ, а впослѣдствіи дружествен-

ному нейтралитету Россіи былъ отчасти обязанъ своей императорской короной и умирая совѣтовалъ своему преемнику жить въ согласіи съ Россіею. «Зато, чиновники и генералы — говоритъ далѣе проф. Трачевскій — вообще стояли за Россію, а принцъ Карлъ, въ пику своему брату, кронпринцу, открыто желалъ торжества дѣлу Николая I».

Естественнымъ было, однако, что прусское правительство не спѣшило стать на сторону Франціи, съ которою Пруссія имѣла давніе счеты, а сверхъ того не могла въ случаѣ успѣха разсчитывать на достаточное вознагражденіе. Бисмаркъ такъ опредѣлилъ это положеніе: «Я не изъ тѣхъ, которые отождествляютъ русскіе интересы съ нашими. Россія можетъ упрекнуть себя во многомъ по отношенію къ намъ. Какъ ни серьезна была бы для насъ война съ русскими, я не буду противиться ей, если она обезпечитъ намъ серьезныя выгоды. Меня страшитъ только мысль о жертвахъ въ пользу Австріи... И что дадутъ Пруссіи въ награду? Конечно, кусокъ Польши, въ которой она не нуждается. Эстляндія и Курляндія не улучшили бы ея географическаго положенія: онѣ только навѣки разссорили бы ее съ Россіей. И кто поручится, что, послѣ войны, Франція и Россія не сговорятся на ея счетъ, сдружившись между собой!» *)

Мнѣнія, высказанныя въ ту эпоху съ такой откровенностью, необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ шансовъ въ будущемъ.

Между тѣмъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV не могъ стать рѣшительно на сторону Россіи не только потому, что самъ тяготился русскою опекой, но и потому именно, что общественное мнѣніе было положительно противъ Россіи. При обсужденіи въ прусской палатѣ политики иностранной по поводу займа, докладчикъ коммисіи, графъ Гольцъ, выступилъ съ отзывомъ, который мы также приведемъ, какъ сохранившій еще и нынѣ нѣкоторое значеніе: „Союзъ съ Россіею невозможенъ: Германія и Пруссія имѣютъ важный интересъ въ томъ, чтобы колоссальный и страшный ихъ сосѣдъ не усилился еще болѣе. Предостереженіе противъ русскаго союза даетъ намъ исторія; уже дважды Россія ставила Пруссію въ свою зависимость. Въ Тильзитѣ Россія расширила свою территорію на нашъ счетъ. Кромѣ того, русская тамо-

*) А. С. Трачевскій. «Пруссія въ Крымскую войну».

женная система и затрудненія, какими обставляется торговля на Вислѣ, составляютъ настоящее бѣдствіе для нашей торговли. Мы не должны забывать и о той враждѣ, съ какой Россія боролась съ прусской политикой въ 1850 году, и о той непріязни, съ какой она относилась къ національному движенію въ Приэльбскихъ герцогствахъ. Сверхъ того, то-есть независимо отъ фактовъ историческихъ, нельзя не считаться и съ тѣмъ несочувствіемъ, какое возбуждаютъ существующія въ Россіи религіозная нетерпимость и система управленія" *). Впервые въ прусскихъ палатахъ такъ открыто высказывалось нерасположеніе къ союзу съ Россіей.

Подобное настроеніе проявлялось и въ другихъ германскихъ странахъ. Бисмаркъ въ своемъ донесеніи отъ 21 декабря 1855 г. писалъ, что баварскій министръ Пфордтенъ, возвратясь изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ аудіенцію у Наполеона III, говорилъ ему, что если Австрія будетъ втянута въ войну, то Баварія соединится съ ней. „При этомъ—замѣчаетъ Бисмаркъ—самъ Пфордтенъ вовсе не сторонникъ такой политики, но люди всѣхъ партій: ультрамонтанцы, конституціоналисты, демократы сходятся въ непріязни къ Россіи, и министръ, который рѣшился бы дѣйствовать наперекоръ этому настроенію, палъ бы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія".

Австрія находилась въ положеніи еще болѣе затруднительномъ. Съ одной стороны, для нея представлялось неудобнымъ пойдти противъ Россіи, которая только-что оказала ей дѣйствительное благодѣяніе, а сверхъ того въ войнѣ Россія могла выказать вліяніе на нѣкоторыя славянскія населенія Австріи, но съ другой стороны ей угрожалъ Наполеонъ III, который могъ возбудить противъ нея новыя революціонныя движенія. Выѣзжая для осмотра войскъ, предназначенныхъ къ дѣйствію противъ Россіи, онъ нашелъ умѣстнымъ дать австрійскому послу, барону Гюбнеру, такое предостереженіе: „Австріи я вполнѣ довѣряю— сказалъ онъ, закуривая сигару,— но вамъ извѣстно, что зажечь Европу для меня такъ же легко, какъ сигару".

Австрія и старалась лавировать, пока могла, что генералъ Летанъ такъ выразилъ въ донесеніи Наполеону III: „она поспѣшитъ на помощь побѣдителю". Самое вступленіе въ

*) «Nouvelle Revue». «La guerre de Crimée».

коалицію противъ Россіи—Сардиніи составляло прямую угрозу для Австріи, и справедливо было замѣчаніе того австрійскаго министра, который сказалъ по этому поводу: „это — пистолетный выстрѣлъ для нашихъ ушей *)“.

Но такъ какъ у Австріи есть свои интересы на Балканскомъ полуостровѣ и успѣха Россіи въ восточной войнѣ она желать не могла, то Австрія, во-первыхъ, согласилась дать обязательство, что она не вступитъ въ союзъ съ Россіею, а затѣмъ, уже передъ концомъ войны, обязалась, при извѣстныхъ условіяхъ, въ случаѣ продолженія войны, присоединиться къ союзу противъ Россіи. Императоръ Николай I имѣлъ основаніе сѣтовать на коварство Австріи еще въ 1854 году, такъ какъ не могъ бы предпринять самой осады Силистріи, еслибы не разсчитывалъ на преданность себѣ Австріи и на полную безопасность съ ея стороны. Между тѣмъ, Австрія приняла такое положеніе, что князь Паскевичъ, главнокомандующій на Дунаѣ, счелъ нужнымъ настаивать на невозможности продолжать дѣйствія, имѣя въ тылу Австрію. „Настало время — писалъ ему Императоръ въ началѣ іюня 1854 г.—готовиться бороться уже не съ турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать ее за безстыдную неблагодарность»; и еще въ другомъ письмѣ: „меня всякій можетъ обмануть *разъ*, но зато послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утеряннаго довѣрія“. Наконецъ, въ письмѣ къ главнокомандующему южною арміею, князю Горчакову, Императоръ пророчески восклицалъ: „Богъ накажетъ ихъ (австрійцевъ) рано или поздно!“

И извѣстно, какія послѣдствія имѣло для Австріи въ 1859 и 1866 годахъ полное безучастіе къ ней Россіи. Антогонизмъ, начавшійся въ 1854 году, остается фактомъ и для будущаго, хотя быть можетъ не лишено для него значенія и замѣчаніе, высказанное генераломъ Летаномъ.

Хотя средне-европейскія государства не принимали участия въ Крымской войнѣ, но и въ ихъ судьбѣ она послужила поворотнымъ пунктомъ, какъ для самой Россіи она составила эру обновленія. Исчезли остатки „священнаго союза“. Правда, уже и въ концѣ первой половины вѣка союзъ этотъ давно

*) «Nouvelle Revue». «La guerre de Crimée».

утратилъ характеръ договорнаго. Но фактически продолжало существовать главное его условіе. Солидарность въ дѣйствіяхъ для подавленія народныхъ движеній предполагала чье-либо руководительство, а такое руководительство, безспорно, принадлежало русскому Императору какъ при Александрѣ I, такъ и при Николаѣ Павловичѣ.

Побѣжденная первымъ Наполеономъ, Европа видѣла, какъ могущество его разбилось о громадность пространства Россіи, выносливость ея народа, при доблести ея войскъ и безпримѣрной способности ея ратей пополняться и возникать вновь, благодаря огромности ея населенія. Только опершись на эту, повидимому, несокрушимую силу, средняя и южная Европа освободилась отъ Наполеонова ига, и потому на цѣлый сорокалѣтній періодъ Европа сохранила не только согласное съ дѣйствительностью, но даже и преувеличенное представленіе о могуществѣ тогдашней Россіи.

Исторія учитъ насъ, что авторитетъ государства во внѣшнихъ сношеніяхъ зависитъ отъ того представленія, какое имѣетъ о его силѣ само его правительство, а особенно другія правительства—еще болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительной силы, какою государство можетъ располагать. Такъ именно было въ тридцатилѣтній періодъ гегемоніи Императора Николая на европейскомъ континентѣ. Само русское правительство вѣрило въ огромную свою военную силу, не отдавая себѣ отчета, что и обученіе, и вооруженіе, и система снабженія войскъ далеко отстали отъ успѣховъ, осуществленныхъ на Западѣ. И среднеевропейскія правительства вѣрили въ несокрушимое военное могущество Россіи, которой всѣ они—прусское (благодаря Тильзиту), австрійское (благодаря венгерской кампаніи), германскія и итальянскія династіи, представлявшія собою нѣчто похожее на муміи, сохранившіяся отъ порядка феодальнаго, который самъ уже окончательно разрушился—были прямо обязаны своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, представленіе о преобладавшемъ военномъ могуществѣ Россіи основывалось только на томъ фактѣ, что Императоръ Николай держалъ вблизи границъ двѣ постоянныя большія арміи. Но изъ нихъ одна парализировалась необходимостью сдерживать и защищать Польшу, а другая, которою можно было располагать по усмотрѣнію, была всетаки положительно слаба противъ коа-

лиціи, слаба даже своей численностью, не говоря уже о неравенствѣ техническихъ условій и обученія.

И вотъ, исходъ Крымской войны разрушилъ представленія о несокрушимомъ могуществѣ Россіи. На Западѣ заговорили о желѣзномъ великанѣ „на глиняныхъ ногахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, не стало могучей личности Императора Николая, не было болѣе его опеки и руководительства. Россія занялась своими внутренними дѣлами, испытавъ сама сходное съ Европой разочарованіе въ своей прежней системѣ. Она отдыхала и собиралась съ силами „La Russie se recueille". Новый ея монархъ, и по личнымъ своимъ качествамъ, смѣнилъ роль гегемона въ консервативной Европѣ на призваніе обновителя условій русской жизни, освободителя своего народа.

Относительно военной силы Россіи, въ Германіи мнѣніе, можно сказать, перешло изъ одной крайности въ другую, и это было началомъ рѣшительной эмансипаціи берлинской политики отъ русскаго вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и о французскомъ военномъ устройствѣ, о силѣ, какую Франція могла выказать въ какой-либо дальнѣйшей войнѣ, германскіе военные люди начали думать безъ всякаго опасенія. Французскимъ военнымъ управленіемъ было совершено во время Крымской войны столько ошибокъ, проявлена была такая безпечность, что прусскій ученый штабъ не могъ не принять того къ свѣдѣнію.

Война 1859 года въ Италіи могла только утвердить тотъ же штабъ въ сознаніи неудовлетворительности какъ австрійскаго, такъ и французскаго военнаго устройства, сравнительно съ прусскимъ. Побѣды при Маджентѣ и Сольферино доказывали только, что австрійскія войска были организованы еще хуже, чѣмъ французскія, и что Австрія могла быть еще менѣе страшна для Пруссіи, чѣмъ Франція. Въ самомъ дѣлѣ, медленность движеній и множество ошибокъ, проявленныя съ французской стороны въ 1859 году, показывали, что опытъ Крымской войны ничему не научилъ Наполеона III. Это былъ человѣкъ, не желавшій слышать правду; во всякихъ заявленіяхъ о недостаткахъ и несовершенствахъ онъ тотчасъ усматривалъ „оппозицію" противъ самаго его правленія. А между тѣмъ, относительные успѣхи французскихъ войскъ и въ Крымскую, и въ Итальянскую войну давали ему поводъ думать, что все въ обученіи и снабженіи арміи обстояло благополучно.

Что прусскому штабу, наоборотъ, были извѣстны недостатки и ошибки французовъ, тому мы представимъ здѣсь примѣръ въ слѣдующемъ отзывѣ объ Итальянской кампанiи 1859 г., который находится въ составленномъ этимъ штабомъ описанiи войны Франко-германской *):

„Опытъ послѣдней Итальянской кампанiи вполнѣ доказалъ, какъ мало способны французскiя войска къ быстрымъ движенiямъ въ большихъ массахъ. По крайней мѣрѣ въ Пруссiи очень хорошо понимали, что императорская армiя, силою всего въ 100.000 человѣкъ, послѣ побѣды при Маджентѣ до Сольферинской битвы, проходила среднимъ числомъ только по одной милѣ въ день (семь верстъ)".

Война 1859 г. выказала, что Наполеонъ III былъ непрочь, для достиженiя своихъ цѣлей, разсчитывать и на содѣйствiе элементовъ революцiонныхъ. Изъ „Записокъ" Кошута оказывается, что онъ вступалъ въ переговоры съ вождями венгерской эмиграцiи, чтобы вызвать возстанiе въ Венгрiи, но мадьяры выказали благоразумную осторожность, потребовавъ какихъ-нибудь гарантiй вознагражденiя за содѣйствiе въ борьбѣ съ Австрiею. Легковѣрнѣе оказались впослѣдствiи поляки. Извѣстно, что наслѣдникъ имени великаго завоевателя помышлялъ о присоединенiи лѣваго берега Рейна, и ослабленiе Австрiи, конечно, было въ его разсчетѣ подготовительнымъ шагомъ къ этому. Ослабляя Австрiю, онъ полагалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ расширенной Сардинiи онъ будетъ имѣть вѣрную союзницу.

Между тѣмъ, дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Холодность отношенiй между Австрiей и Россiей, ослабленiе Австрiи войною 1859 г., военное неустройство Францiи, обнаруженное войнами Крымской и Итальянской, несмотря на ихъ успѣшность, и наконецъ—Мексиканская война, которую предпринялъ Наполеонъ въ 1862 году, все это благопрiятствовало осуществленiю честолюбивыхъ видовъ Пруссiи. Предпрiятiе въ Мексикѣ въ то время, когда Наполеонъ III имѣлъ въ виду подготовить прiобрѣтенiе лѣваго берега Рейна, служило новымъ доказательствомъ туманности, запутанности въ политическихъ воззрѣнiяхъ этого человѣка. Вдаваясь въ это дѣло, онъ считалъ его мелкимъ, какимъ оно и было въ началѣ. Это была вооруженная экспедицiя для полученiя

*) «Франко-нѣмецкая война 1870—1871 гг.», стр. 19.

денежнаго удовлетворенія для нѣкоторыхъ негоціантовъ— англійскихъ подданныхъ.

Наполеонъ III присоединился къ этому, во-первыхъ, вслѣдствіе желанія оказать услугу Англіи, упрочивъ за собой ея союзъ, который, на европейскомъ континентѣ, не могъ принесть ему никакой пользы; во-вторыхъ, онъ при этомъ продолжалъ свою систему отвлеченія вниманія французскаго общества отъ дѣлъ внутреннихъ — къ дѣламъ внѣшнимъ, вознагражденія блескомъ французскаго оружія за похищенную у Франціи свободу. Но предпріятіе это оказалось серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ; а сверхъ того, побуждаемый свойственной ему нелогичной мечтательностью, Наполеонъ III впослѣдствіи превратилъ мелкое дѣло о взысканіи коммерческаго удовлетворенія съ Мексики въ грандіозное предпріятіе — созданія въ Мексикѣ монархіи, поставленія на самой границѣ великой сѣверо-американской республики—преграды къ дальнѣйшему ея росту.

И вотъ, финансовыя и военныя силы Франціи, испытавъ напряженія 1853—1856 и 1859 годовъ, съ 1862 года на нѣсколько лѣтъ поглотились предпріятіемъ фантастическимъ, никакой связи съ завѣтною мыслью втораго императора о Рейнѣ не имѣвшимъ.

Прусская политика могла свободно приступить къ осуществленію своего плана объединенія Германіи подъ владычествомъ Пруссіи. Непосредственнымъ къ этому препятствіемъ служила Австрія, но Австрія ослабленная и изолированная. Затѣмъ, сильное препятствіе могла составить Россія, еслибы она продолжала держаться традицій своей политики. Въ сочиненіи „Berlin und Petersburg“ помѣщенъ, сомнительной, впрочемъ, достовѣрности циркуляръ петербургскаго кабинета къ русскимъ посланникамъ, изъ котораго мы приведемъ мѣсто, въ которомъ однако выражался очевидный интересъ Россіи по отношенію къ германскимъ дѣламъ. „Наши колебанія между Пруссіею и Австріею — говорилось въ немъ — неизбѣжны при данномъ политическомъ положеніи. Самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это—поддерживать равновѣсіе между обоими государствами, наклоняя вѣсы, сообразно нашимъ временнымъ видамъ, то на ту, то на другую сторону. Такова была система дѣйствій Императрицы Екатерины II. Правда, это уменьшаетъ довѣріе къ намъ, но въ новѣйшей политикѣ это чувство не играетъ роли, и не мы его изгнали

(очевидный намекъ на Австрію)". Если этотъ циркуляръ и подложенъ, то можно только сказать se non è vero è ben travato. Но Пруссіи тѣмъ не менѣе удалось, благодаря усиліямъ Бисмарка, бывшаго ея посланникомъ въ Петербургѣ, благодаря строго-монархической программѣ, высказанной въ Кенигсбергѣ новымъ правителемъ Пруссіи Вильгельмомъ, наконецъ, благодаря военной конвенціи, заключенной въ 1863 году съ Россіей, для содѣйствія подавленію польскаго возстанія, — расположить Россію, быть можетъ, вопреки ея очевиднымъ интересамъ, къ дружественному нейтралитету при насильственномъ объединеніи Пруссіею Германіи, а затѣмъ и при разгромѣ Франціи.

IV.

Военная конвенція 1863 г. съ Россіею, какъ первая ступень для достиженія цѣлей Пруссіи.

Съ 1863 года (Бисмаркъ назначенъ былъ прусскимъ министромъ-президентомъ 8 октября 1862 г.) началась сильная распря Пруссіи съ Австріею на франкфуртскомъ сеймѣ, причемъ дѣло доходило до созыва съѣздовъ германскихъ уполномоченныхъ отдѣльно Австріею и отдѣльно Пруссіею. Пока дѣйствія сохраняли характеръ дипломатическій, Австрія постоянно побѣждала Пруссію. „Австрія имѣла надъ нами постоянно преобладаніе при второстепенныхъ германскихъ дворахъ, — писалъ Бисмаркъ прусскому либеральному министру иностранныхъ дѣлъ Шлейницу; — мелкія владѣнія, послѣ каждаго колебанія, съ быстротой магнитной иглы, поворачиваютъ къ своему всегдашнему пункту притяженія — Австріи". Къ этому авторъ сочиненія, которое мы цитируемъ *), прибавляетъ, что то было вполнѣ естественно, такъ какъ мелкія государства предчувствовали опасность для себя со стороны Пруссіи и потому готовы были усвоить себѣ австрійское стремленіе, которое такъ было опредѣлено княземъ Шварценбергомъ: „il faut dêmolir la Prusse" **).

Зная это и чувствуя, что приближается время дѣйствій,

*) «Berlin und Petersburg», стр. 43.
**) Надо подавить Пруссію.

регентъ Вильгельмъ, тотчасъ послѣ вступленія своего въ правленіе въ 1861 г., приступилъ къ преобразованію прусскаго военнаго устройства, а въ 1862 году, будучи уже королемъ, озаботился пріисканіемъ руководителя, способнаго выбрать удобный моментъ, чтобы пустить въ дѣло ultima ratio политики—военную силу. Выборъ его палъ на Бисмарка, котораго онъ и назначилъ своимъ первымъ министромъ. Любопытенъ отзывъ о Бисмаркѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Рехберга. Этотъ отзывъ былъ высказанъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Граммону, въ началѣ 1862 г., вскорѣ по перемѣщеніи Бисмарка на должность прусскаго посла въ Парижѣ, за чѣмъ вскорѣ и послѣдовало назначеніе его прусскимъ министромъ-президентомъ.

„Еслибы г. фонъ-Бисмаркъ говорилъ графъ Рехбергъ герцогу Граммону—получилъ болѣе основательное дипломатическое образованіе, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ, быть можетъ, даже первымъ изъ государственныхъ людей въ Германіи. Онъ смѣлъ, твердъ, исполненъ почина и жара, но онъ неспособенъ пожертвовать какимъ-нибудь предубѣжденіемъ, какимъ-либо партійнымъ предразсудкомъ—самой первостепенной политической идеѣ. *Ему недостаетъ практическаго смысла въ политикѣ.* Онъ въ полномъ значеніи слова — человѣкъ партіи. Но такъ какъ онъ обладаетъ личнымъ обаяніемъ и способенъ пріобрѣсть вліяніе, а при этомъ враждебно настроенъ по отношенію къ намъ, то назначеніе его (прусскимъ посланникомъ въ Парижъ) мы приняли не безъ недовольства и даже безпокойства".

Въ этомъ опредѣленіи была доля правды, хотя теперь странно читать упрекъ бисмарковской политикѣ въ непрактичности. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, одинаково съ гр. Рехбергомъ, ошибся и Наполеонъ III. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Извѣстный юристъ и историкъ Блунчли говоритъ о Бисмаркѣ: „поражаетъ въ этомъ человѣкѣ смѣсь откровенности съ обманомъ, несомнѣнной правды съ намѣренной ложью. Это должно было сбивать съ толку дипломатовъ".

Не менѣе любопытно свидѣтельство изъ совершенно иной среды—отзывъ польскаго публициста Юліана Клячко, постоянно пребывавшаго въ Парижѣ: „его откровенность побуждала насъ преклоняться передъ нимъ и выслушивать съ благоговѣніемъ ложь, съ какою онъ выступалъ потомъ;

его любезность дѣлала то, что безцеремонность, какую онъ проявлялъ вслѣдъ за тѣмъ, представлялась доброжелательной".

Въ сущности Бисмаркъ преслѣдовалъ цѣли, вполнѣ ясно сознанныя, при чемъ проявлялъ страстность, которая могла увлекать людей, приверженныхъ къ его идеѣ, но при своихъ дѣйствіяхъ онъ не церемонился ни съ законами положительными, ни съ законами нравственными. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что система эта практиковалась и раньше. Приведемъ примѣры. Еще въ 1860 году прусское правительство внесло въ палаты проектъ военнаго закона о содержаніи въ мирное время 240 баталіоновъ и 224 эскадроновъ. Но палата представителей не была расположена къ такому увеличенію состава. Она ограничила его въ 1860 г. численностью 175 т., а въ 1863 г. всего 155 т. человѣкъ, что представляло разницу въ расходахъ отъ 10 до 20 милл. талеровъ ежегодно *). Однако, на протесты палатъ не было обращено никакого вниманія.

До какой степени доходило въ то время возбужденіе противъ самовольныхъ мѣръ министерства, доказывается дебатами въ палатѣ, при которыхъ были употреблены такія выраженія, какъ „Erschleichung“ и „Prellerei“ **). Столь рѣшительный и, въ парламентскомъ смыслѣ, безцеремонный образъ дѣйствій прусскаго правительства, очевидно, основывался на сознаніи, что наступила въ то время пора для Пруссіи собрать плоды всѣхъ прежнихъ внутреннихъ усилій и внѣшнихъ, благопріятныхъ для ея честолюбія комбинацій.

И дѣйствительно, въ это время въ политикѣ континентальныхъ правительствъ солидарность исчезла, были уже оставлены совершенно въ сторонѣ прежнія заботы о совмѣстномъ сдерживаніи народныхъ движеній: на первый планъ положительно выступали интересы международные, государственные, явились счеты государства съ государствомъ изъ-за территоріальныхъ вожделѣній. Національный принципъ „principe des nationalités“, высказанный Наполеономъ III, обратился, подъ вліяніемъ этихъ взаимно-противорѣчившихъ стремленій, въ средство для оправданія захватовъ и притѣсненія слабѣйшихъ.

Первый удобный случай для начала осуществленія пла-

*) «Militärdebatten im Preussischen Landtag». 1860.
**) Похищеніе и надувательство. (Тамъ же).

новъ Пруссіи представился въ возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ смутахъ и затѣмъ возстаніи.

Прусская дипломатія, пользуясь польскимъ возстаніемъ, прибѣгла къ двумъ мѣрамъ, въ которыхъ весьма характерно отразился ея излюбленный пріемъ: протягивая руку одной сторонѣ, въ то же время перемигиваться съ другой, какъ бы пытаясь передъ послѣднею оправдать свои дѣйствія въ настоящемъ, при помощи обѣщаній на будущее.

Бросимъ взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ. Наполеонъ III всегда держался двойственной политики и потому не хотѣлъ выпускать изъ рукъ какого-либо оружія, которое могло ему понадобиться современемъ. Еще во время переговоровъ о парижскомъ трактатѣ, онъ сказалъ князю Чарторискому: „въ первый разъ чувствую себя неловко, пожимая вамъ руку; но ничего нельзя было сдѣлать". И онъ же, когда впослѣдствіи поляки добивались отъ него поддержки, отозвался такъ: „что жъ дѣлать: вы упустили тотъ благопріятный случай, какой для васъ представляла Крымская война; впрочемъ, вѣрьте моему участію и надѣйтесь на будущность" *).

Въ то время Наполеону было не до Польши, такъ какъ онъ затѣвалъ изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи, а потому старался сблизиться съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, при свиданіи въ Штутгартѣ, въ 1857 г., съ Императоромъ Александромъ, Наполеонъ рѣшился сказать ему, что, при согласіи всѣхъ интересовъ Франціи и Россіи, одно только обстоятельство слѣдовало бы устранить для того, чтобы обезпечить за этимъ согласіемъ общественное мнѣніе во Франціи, а именное — положеніе дѣлъ въ Царствѣ. По словамъ Зибеля, Наполеонъ совѣтовалъ сдѣлать такія уступки полякамъ, которыя-не были бы несогласны съ интересами Россіи, а Императоръ Александръ отвѣтилъ, что онъ самъ давно желаетъ этого, послѣ чего оба императора разстались вполнѣ дружественно, и нѣкоторыя послѣдствія этого разговора вскорѣ стали ощутительными въ дѣйствіяхъ мѣстнаго управленія. Мы должны однако замѣтить, что графъ Киселевъ **) передавалъ совсѣмъ иначе впечатлѣніе этого разговора, а именно,

*) Sybel. «Die Begründung des Deutschen Reiches».
**) «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». Т. III, стр. 38.

что онъ вызвалъ нѣкоторое охлажденіе: „огласилось только одно слово Императора Александра, сказанное будто бы вслѣдъ за разговоромъ съ Наполеономъ, своимъ приближеннымъ: „Мнѣ осмѣлились говорить о Польшѣ“.

Война Франціи съ Австріею въ 1859 г., сопровождавшаяся революціонными стремленіями въ Италіи, по отзыву Зибеля, ослабила сочувствія русскаго Монарха къ Франціи, а въ 1860 году, вслѣдствіе свиданія его съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ Варшавѣ, нѣсколько улучшились отношенія между Россіею и Австріею. Тогда Наполеонъ III, взбѣшенный сверхъ того неудачей предложенія своего о европейскомъ конгрессѣ, позволилъ принцу Жерому выступить съ грозными статьями противъ Россіи во французскихъ газетахъ, съ заявленіями, что Франція можетъ быть въ согласіи съ Россіею, лишь поскольку то было бы полезно для польскаго дѣла.

Подобныя заявленія французскихъ газетъ производили въ Польшѣ тѣмъ большее впечатлѣніе, что ожидалась новая война Италіи съ Австріею изъ-за Венеціи. Съ этого, именно, момента и началась собственно дѣятельность по подготовленію польскаго возстанія: 12 молодыхъ людей, никѣмъ не уполномоченныхъ, образовали изъ себя тайный комитетъ и, по обычаю революціонеровъ, рѣшились дѣйствовать отъ имени польскаго народа *).

Не вдаваясь въ ходъ внутреннихъ событій въ Царствѣ передъ управленіемъ маркиза Велепольскаго и во время этого управленія, отмѣтимъ только, что частыя перемѣны въ характерѣ дѣйствій вызывали среди польской молодежи догадку, будто уступки дѣлались подъ вліяніемъ Франціи. У русскихъ историковъ можно найдти подтвержденіе, что таково, именно было заблужденіе, въ которое впали поляки. Тѣ же историки удостовѣряютъ, что въ послѣдовавшемъ повстаніи участвовала лишь небольшая часть населенія, преимущественно молодежь.

Французское правительство сочло долгомъ выступить съ предостереженіемъ движенію. Въ „Монитёрѣ“ 23 апрѣля 1861 г. появилось заявленіе, что „правительство не поощряетъ такихъ надеждъ, которыя оно не могло бы оправдать, и что

---

*) Sybel. Die Begründung des Deutschen Reiches».

великодушный образъ мыслей русскаго Императора ручается за его желаніе осуществить въ Польшѣ улучшенія, возможныя при ея положеніи, а потому слѣдуетъ желать, чтобы ему не мѣшали въ этомъ раздражающими манифестаціями".

Лордъ Пальмерстонъ также далъ предостереженіе увлекавшимся, въ рѣчи, произнесенной имъ 4-го апрѣля 1862 года. Въ ней онъ сравнивалъ Польшу съ путникомъ, а національное ея чувство — съ плащемъ, который его грѣетъ: „чѣмъ сильнѣе дуетъ вѣтеръ, тѣмъ крѣпче путникъ придерживаетъ свой плащъ". Затѣмъ, напомнивъ, что при Наполеонѣ I французской политикѣ не удалось возстановить Польшу, Пальмерстонъ заявлялъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, что „Англія не будетъ бороться съ вѣтромъ" *).

Что касалось Австріи, то хотя консервативныя традиціи должны были побуждать ее къ принятію мѣръ противъ притока изъ Галиціи силъ для революціоннаго движенія въ Царствѣ, но она опасалась результатовъ послѣдовавшаго передъ тѣмъ сближенія между Россіею и Франціею, а потому была не прочь благопріятствовать движенію, которое могло затруднить для Россіи какой-либо починъ въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Еслибы однако возстаніе въ Польшѣ не получило поддержки въ видѣ формальной иностранной интервенціи, то оно несомнѣнно вскорѣ было бы прекращено, такъ какъ съ ничтожными силами, какія къ нему примкнули, нелѣпо было ожидать успѣха въ борьбѣ съ Россіей. Будь оно предоставлено само себѣ, возстаніе весьма скоро оказалось бы совершенно безнадежнымъ и должно было бы прекратиться, а въ такомъ случаѣ реформы, введенныя въ Царствѣ, могли упрочиться.

Но совсѣмъ иначе представилось дѣло, когда въ него вмѣшались иностранныя государства, когда, по почину Франціи, всѣ главные кабинеты стали дѣлать дипломатическія представленія въ Петербургѣ. Тогда молодежь стала продолжать возстаніе, напрягая всѣ силы, несмотря на полное разочарованіе въ ожиданіяхъ, что къ нему пристанетъ народъ, что оно могло одержать успѣхъ безсильнымъ оружіемъ повстанцевъ. Возстаніе продолжалось тогда, уже несмотря на очевидную невозможность его побѣды, но единственно для того, чтобы не дать исчезнуть предлогу для иностраннаго вмѣша-

*) I. Klaczko. «Études de diplomatie». 1863—1864.

тельства. Даже нѣсколько сотенъ повстанцевъ, укрывавшіяся въ лѣсахъ, были достаточны въ смыслѣ такого предлога, и вотъ почему возстаніе, вмѣсто того, чтобы оказаться окончательно несостоятельнымъ въ первые же мѣсяцы, продолжалось или, сказать лучше—тлилось слишкомъ два года, съ безчисленными жертвами, какъ огонекъ, ничтожный самъ по себѣ, но все-таки замѣтный для тѣхъ, кто хотѣлъ на него ссылаться.

Между тѣмъ, безпристрастное сопоставленіе событій показываетъ, что иностранное вмѣшательство за польскія стремленія фактически было вызвано иностраннымъ вмѣшательствомъ—противъ польскаго движенія, т. е. навязанною Бисмаркомъ Россіи военною конвенціею 1863 года, которая прямо вызвала вмѣшательство въ это дѣло—Франціи.

Дѣло въ томъ, что въ польскомъ возстаніи прусская политика усмотрѣла поводъ, которымъ можно было воспользоваться, чтобы заручиться нейтралитетомъ и даже сочувствіемъ Россіи при осуществленіи честолюбивыхъ прусскихъ видовъ въ Германіи. Военная конвенція 1863 года послужила, такимъ образомъ, для прусской политики первой ступенью къ достиженію ея завѣтныхъ цѣлей.

Въ 1863 году, на первомъ же году назначенія Отто фонъ-Бисмарка-Шенгаузена министромъ-президентомъ, была опубликована корреспонденція его за предшествующіе годы, когда онъ былъ прусскимъ уполномоченнымъ на сеймѣ во Франкфуртѣ и затѣмъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Корреспонденція эта свидѣтельствовала о глубокомъ убѣжденіи автора ея въ возможности для Пруссіи исторгнуть изъ рукъ Австріи первенство въ Германскомъ союзѣ, причемъ онъ рекомендовалъ для этой цѣли сближеніе съ Россіей и „обработку“ общественнаго мнѣнія въ Германіи посредствомъ печати. Возстаніе въ русской части Польши дало ему удобный поводъ воспользоваться Россіей для своихъ видовъ, направленныхъ противъ Австріи.

Зибель такъ излагаетъ смыслъ бесѣды, въ которой Бисмаркъ австрійскому посланнику, графу Карольи, „съ невозмутимымъ тономъ историка древнихъ временъ, излагалъ будущность Германіи“. Бисмаркъ говорилъ, что отношенія Австріи къ Пруссіи могутъ улучшиться или ухудшиться; что Пруссія желаетъ перваго, но приготовлена и къ послѣднему. — Однако, еслибы Франція напала на Австрію, то

Пруссія все-таки будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Австріею,— замѣтилъ Карольи. Въ отвѣтъ на это Бисмаркъ настоятельно просилъ его всячески стараться разсѣять въ Вѣнѣ подобную иллюзію, завѣривъ его, что исключительно только отъ образа дѣйствій Австріи въ Германіи будетъ зависѣть то— возстановится ли прежняя дружба, или Пруссія вступитъ въ союзъ съ противниками Австріи. Пруссія желала бы идти объ руку съ Австріей, но для этого надо, чтобы Австрія отказалась отъ враждебнаго для Пруссіи воздѣйствія на германскіе дворы. „Это невозможно,—возразилъ Карольи,—это было бы равнозначаще съ вытѣсненіемъ насъ изъ Германіи".—„*Ну, такъ перенесите вашъ центръ тяжести на востокъ*"—воскликнулъ Бисмаркъ.

Этотъ разговоръ произвелъ столь сильное впечатлѣніе на всѣ кабинеты, что Бисмаркъ счелъ нужнымъ, въ циркулярѣ 24 января 1863 года, разослать представителямъ Пруссіи за границею разъясненія. Но та рѣшительность, съ какой онъ заявилъ свою программу графу Карольи, показываетъ, что онъ намѣренъ былъ вскорѣ приступить къ ея исполненію. А тутъ, какъ нарочно, представлялся такой поводъ для приступа къ дѣйствіямъ, какъ польское возстаніе.

Англійскій уполномоченный при франкфуртскомъ сеймѣ писалъ графу Росселлю 20 февраля, что „Бисмарка обвиняютъ въ предложеніи русскому правительству содѣйствія, о которомъ оно не просило и къ которому даже относилось неблагопріятно".

Генералъ фонъ-Альвенслебенъ былъ посланъ въ Петербургъ, а оттуда въ Варшаву съ собственноручнымъ письмомъ прусскаго короля и съ предложеніемъ Пруссіи содѣйствовать военными мѣрами, согласованными съ дѣйствіями русскихъ войскъ, къ скорѣйшему подавленію возстанія. Этотъ шагъ могъ принести прусской политикѣ только выгоды, не вызывая никакой для нея опасности, такъ какъ Бисмаркъ зналъ, что воевать съ Россіей и Пруссіей изъ-за Польши Наполеонъ III все-таки не сталъ бы. Зибель говоритъ, что, „несмотря на сочувствіе во Франціи, Наполеонъ рѣшительно осуждалъ революціонное движеніе въ Польшѣ, которое вступало въ сношенія съ всемірными революціонными стремленіями и явилось какъ разъ въ то время, когда Императоръ Александръ осыпалъ Царство Польское благодѣяніями".

Что вмѣшательство Пруссіи и предложенная ею военная конвенція были вызваны особой цѣлью, а вовсе не опасеніемъ, чтобы возстаніе не охватило Познани, это доказывается простымъ соображеніемъ, что со стороны мятежниковъ было бы уже совершеннымъ безуміемъ навлекать на себя военныя силы не только Россіи, но еще и Пруссіи, а пожалуй и Австріи. Австрійскій министръ графъ Рехбергъ, какъ доносилъ британскій посолъ лордъ Блумфильдъ (въ депешѣ 12 февраля), говорилъ послу, что „не видитъ никакой серьезной причины опасаться за Галицію", а англійскій посолъ въ Берлинѣ, сэръ Андру Боканенъ, писалъ лорду Росселлю (14 февраля), что „никакого, сколько-нибудь важнаго движенія въ Познанскомъ великомъ герцогствѣ не обнаружилось, и полагаютъ, что вожди возстанія не хотятъ, чтобы какія-либо мятежныя попытки произошли въ Познани и Галиціи".

Впрочемъ, мы сейчасъ приведемъ собственныя слова Бисмарка, въ которыхъ вмѣшательство Франціи и другихъ державъ представляется именно какъ послѣдствіе прусско-русской военной конвенціи. Но прежде отмѣтимъ, что ужъ никакъ не Россія подала мысль о необходимости заключенія этой конвенціи. Директоръ дипломатической канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, великаго князя Константина Николаевича, — Тенгоборскій извѣщалъ г. Убри, русскаго посланника въ Берлинѣ, по поводу присылки генераловъ, что для Россіи не представляется ни опасности, ни надобности въ иностранномъ содѣйствіи и что достаточно было бы, чтобы Пруссія наблюдала за своей границей съ Россіей *). Образъ дѣйствій Бисмарка въ эту эпоху напоминаетъ собой пріемъ того человѣка, который толкалъ бы ближняго въ омутъ, чтобы затѣмъ имѣть случай считаться спасителемъ.

Какъ бы то ни было, но конвенція однако состоялась, и Пруссія при этомъ тотчасъ мобилизировала 4 военныхъ корпуса, на всякій случай, хотя, конечно, не требовалось такихъ силъ для охраненія границы отъ перехода повстанскихъ бандъ.

*) J. Klaczko. «Etudes de diplomatie». Письмо это, помѣченное 1 февраля, было перехвачено повстанцами, вмѣстѣ съ другою корреспонденціею. Г-нъ Клячко утверждаетъ, что имѣетъ его въ подлинникѣ.

Теперь послушаемъ самого кн. Бисмарка. Вотъ, что онъ говорилъ въ прусской палатѣ представителей въ январѣ 1866 г.: „какъ только была заключена февральская (1863 г.) конвенція между Пруссіею и Россіею, то Франція предприняла, въ соединеніи съ Англіею и Австріею, а по возможности со всей Европой, энергически выступить за Польшу, при чемъ въ дѣйствительности имѣлось въ виду отъ Россіи не требовать многаго, но наказать Пруссію за ея гордыню, а въ случаѣ возможности, захватить Рейнскую провинцію и Силезію. Въ французскомъ сенатѣ принцъ Наполеонъ открыто выступилъ 17 марта съ заявленіемъ, что Франція должна поддержать поляковъ дѣйствіями (werkthätig)" *).

Итакъ, пожаръ, и въ данномъ случаѣ, былъ зажженъ княземъ Бисмаркомъ. „Пожаръ" мы разумѣемъ здѣсь въ томъ смыслѣ, что именно вмѣшательство Пруссіи, въ видѣ заключенія конвенціи для подавленія польскаго возстанія, для пріобрѣтенія русскаго союза, вызвало дипломатическую интервенцію другихъ державъ въ пользу польскихъ стремленій, а тѣмъ самымъ продолжило повстаніе, несмотря на очевидную для всѣхъ невозможность какихъ-либо успѣховъ его, которые были бы достигнуты собственными его силами.

Между тѣмъ, въ Россіи вмѣшательство Франціи, Австріи и другихъ державъ въ защиту польскихъ стремленій вызвало такой взрывъ національнаго чувства, что, какъ говоритъ Зибель **), „располагая вполнѣ снаряженною для войны арміею свыше 400 т. чел., Императоръ Александръ въ собственноручномъ письмѣ предложилъ королю Вильгельму объявить съ нимъ вмѣстѣ войну Франціи и Австріи". Съ одной стороны, такое предложеніе представлялось для Пруссіи соблазнительнымъ: Австрія совершенно не была приготовлена къ войнѣ и могла быть занята раньше, чѣмъ хотя бы одинъ французскій полкъ явился къ ней на выручку. Тогда Пруссія могла бы распорядиться въ Германіи по желанію. Но, съ другой стороны, дѣло представлялось такъ: Франція обратила бы всѣ свои силы на Пруссію, на долю которой и пришлась бы наиболѣе трудная и рискованная задача, между тѣмъ какъ Франція и Россія могли помириться между собою на ея счетъ, согласно съ прежними

---

*) Radbolsky, «Ein vierrigjähriges Tableau. Rede d. F. Bismarck». стр. 28.
**) Sybel, «Begründung des Deutschen Reiches». II, стр. 517.

французскими симпатіями кн. Горчакова. „Въ этомъ случаѣ— сказалъ Бисмаркъ,—большой конецъ рычага оказался бы въ рукахъ Россіи „Russland würde am längeren Hebelarme sitzen". Король Вильгельмъ и такъ неохотно относился къ войнѣ съ союзной и родственной Австріей и тотчасъ принялъ рѣшеніе противъ войны. Онъ и отвѣтилъ Императору Александру II въ этомъ смыслѣ, съ полной откровенностью изложивъ поводы своего рѣшенія, по собственноручно написанному Бисмаркомъ конспекту *).

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что хотя конвенція 1863 г. и представляла собой „услугу", оказанную Пруссіей Россіи, но услугу мелкую, а вовсе не первостепенную, не такую, изъ которой непремѣнно должны были бы истечь серьезныя обязательства въ будущемъ.

Впрочемъ, мы можемъ привести фактъ, который бросаетъ болѣе яркій свѣтъ на характеръ тогдашней прусской политики. Въ сочиненіи „Berlin und Petersburg" **), несмотря на то, что оно написано именно съ цѣлью выставить мнимую огромность услуги, оказанной въ 1863 г. Россіи Пруссіей, такой услуги, которая должна была обезпечить Пруссіи всегдашнюю благодарность Россіи, мы находимъ взятое изъ исторіи возстанія, написанной г. Бергомъ, указаніе, что въ 1864 году, когда польское возстаніе еще продолжалось, Бисмаркъ сдѣлалъ попытку склонить его вождей къ тому, чтобы они обратились къ покровительству Пруссіи, при чемъ—какъ можно судить изъ его бесѣдъ съ нѣкимъ Клобуковскимъ—имѣлъ въ виду расширеніе прусскихъ владѣній по Вислу.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ нѣчто прибавить къ опубликованнымъ доселѣ свѣдѣніямъ, такъ какъ имѣемъ въ рукахъ въ точныхъ копіяхъ корреспонденцію, изъ которой видно, что Бисмаркъ старался чрезъ посредство Клобуковскаго вступить въ соглашеніе съ княземъ Владиславомъ Чарторискимъ, который въ Парижѣ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ польской революціонной организаціи съ Наполеономъ III.

Быть можетъ, мы когда-нибудь и возвратимся къ этому любопытному въ исторіи дипломатическихъ интригъ эпизоду.

---

*) Бисмаркъ и самъ сообщилъ объ этихъ фактахъ и о мотивахъ рѣшенія въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 8 февраля 1888 г.

**) Стр. 99.

Теперь же можемъ только, на основанiи упомянутой переписки, вполнѣ подтвердить показанiе исторiографа польскаго возстанiя г. Берга, замѣтивъ, что единственная его ошибка заключалась въ томъ, что сношенiя Бисмарка съ приверженцами польскаго возстанiя происходили не въ 1864, но въ 1865 году.

Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Пруссiя сама была достаточно сильна, чтобы изгнать Австрiю изъ германскаго союза и безъ внѣшней помощи, и въ этой оцѣнкѣ ея силы— главная его заслуга, какъ политика; вторая же его заслуга— въ томъ, что онъ съумѣлъ убѣдить къ политикѣ переворотовъ короля, преданнаго консервативнымъ принципамъ. Все остальное пришло, если не само-собой, то все-таки какъ неизбѣжный результатъ столкновенiя силъ, правильно оцѣненныхъ Бисмаркомъ.

Въ 1863 году 5 ноября французское правительство разослало циркулярную ноту, приглашавшую державы на конгрессъ въ Парижѣ для урегулированiя всѣхъ спорныхъ дѣлъ въ виду того, что трактаты 1815 года фактически уже никѣмъ не считались обязательными. Было извѣстно, что при этомъ случаѣ Наполеонъ хотѣлъ провесть утвержденiе Европою Итальянскаго королевства, разсчитывая главнымъ образомъ на согласiе Пруссiи. Вслѣдствiе того, Австрiя встревожилась этимъ предложенiемъ, опасаясь, что отъ нея потребуются дальнѣйшiя территорiальныя уступки.

И Пруссiя въ самомъ дѣлѣ отозвалась благопрiятно. Въ письмѣ къ императору Наполеону, отъ 18 ноября 1863 года, король Вильгельмъ предлагалъ „свое безпристрастное и безкорыстное содѣйствiе къ соглашенiю относительно основанiй будущаго конгресса“, и не отказывался самъ прiѣхать въ Парижъ, „будучи увѣренъ, что встрѣтить тамъ тотъ же сердечный прiемъ, который сдѣлалъ ему столь дорогимъ воспоминанiе о его пребыванiи въ Компьенѣ“.

Поводы при этомъ прусской политики легко понять. О нарушенiи ею трактатовъ на конгрессѣ не могло быть рѣчи (напомнимъ, что это происходило еще до Датской войны). А между тѣмъ, французскiй циркуляръ пришелъ вскорѣ послѣ кончины датскаго короля Фридриха VII, когда, по собственному признанiю Бисмарка, онъ тотчасъ сталъ думать о разрѣшенiи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, – раз-

рѣшеніи, изъ котораго могло истечь объединеніе Германіи Пруссіею.

Для Бисмарка рѣшительно наступала пора пустить въ дѣйствіе „Eisen und Blut". Послѣ конвенціи 1863 г. съ Россіей, онъ оказалъ ей еще „громадную", по оффиціальному представленію, услугу, побудивъ Австрію провозгласить въ Галиціи осадное положеніе; но въ это время новая эта услуга была уже малозамѣтною, такъ какъ дни польскаго возстанія были сочтены, и представлялось неважнымъ — прошли ли бы еще изъ Галиціи въ Царство Польское нѣсколько сотенъ добровольцевъ повстанія или нѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, услугами этими Бисмаркъ устранилъ всякое слово со стороны Россіи по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу въ защиту Даніи, что представляло полное отступленіе русской политики отъ ея образа дѣйствій при Императорѣ Николаѣ, не допустившемъ прусскаго нападенія на Данію.

Ничто такъ не охарактеризуетъ прусскую политику, какъ ловкое привлеченіе къ совмѣстному дѣйствію Австріи въ этомъ вопросѣ. Вотъ какъ самъ Бисмаркъ объясняетъ этотъ шахматный ходъ: „Это — то дипломатическое дѣяніе, которымъ я наиболѣе горжусь. О завоеваніи Шлезвигъ-Гольштейна я сталъ думать тотчасъ вслѣдъ за смертью датскаго короля. Но осуществить это было трудно - все было противъ меня... Самъ король долго не хотѣлъ объ этомъ слышать. У насъ состоялось въ то время совѣщаніе министровъ, на которомъ я изложилъ моимъ слушателямъ относительно Австріи такія вещи, которыя имъ казались преувеличенными и невозможными; судя по ихъ минамъ, они положительно думали, что я выпилъ лишнее за завтракомъ". Бисмаркъ именно доказывалъ, что въ этотъ союзъ противъ Даніи онъ завлечетъ Австрію, въ полномъ убѣжденіи, что изъ него произойдетъ раздоръ. Утверждаютъ, будто въ совѣтѣ министровъ онъ ручался, что изъ совмѣстнаго дѣйствія съ Австріею онъ извлечетъ средства къ тому, чтобы вытѣснить Австрію изъ Германскаго союза *).

Въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, чему болѣе дивиться: тому ли, что авторъ этого признанія рѣшился въ свое время выступить съ подобными заявленіями въ совѣтѣ министровъ,

*) Rathlef. «Bismarck und Oesterreich bis 1866». 1893, стр. 48.

или же потому, что онъ считалъ возможнымъ похваляться впослѣдствіи такимъ, впередъ разсчитаннымъ, вѣроломствомъ.

Бисмаркъ не стѣснялся давать и генераламъ инструкціи въ такомъ духѣ. Въ доказательство можно привесть двѣ телеграммы, заимствованныя изъ сочиненія извѣстнаго итальянскаго генерала маркиза ди-Ла-мармора *). Дѣло въ томъ, что на основаніи гастейнской конвенціи, заключенной между Пруссіею и Австріею 14-го августа 1865 года (черезъ годъ по окончаніи войны съ Даніею), прусскія войска занимали Шлезвигъ, а австрійскія —Гольштейнъ. Командующіе войсками управляли и занятыми ими областями: генералъ баронъ Мантейфель—Шлезвигомъ, а генералъ Габленцъ—Гольштейномъ. Пруссія и Австрія въ это время уже находились въ полномъ антагонизмѣ.

И вотъ, Бисмаркъ, заручившись союзомъ съ Италіей (въ апрѣлѣ 1866 года), предписалъ генералу Мантейфелю въ іюнѣ вступить съ прусскими войсками въ Гольштейнъ, занятый австрійцами, само собою разумѣется, чтобы вызвать тѣмъ Австрію къ объявленію Пруссіи войны. Но Австрія, избѣгая войны, соблюдала строго конвенцію, и генералъ Габленцъ, чтобы избѣгнуть военнаго столкновенія, отступилъ въ южную часть Гольштейна. Генералъ Ла-мармора въ это время былъ президентомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Италіи; графъ Барраль — итальянскимъ посланникомъ въ Берлинѣ.

Теперь приведемъ текстъ упомянутыхъ телеграммъ. „*Берлинъ*, 10 іюня 1866. Бисмаркъ сильно негодуетъ на барона Мантейфеля за то, что тотъ, вмѣсто того, чтобы энергически дѣйствовать противъ австрійцевъ при своемъ вступленіи въ Гольштейнъ, далъ генералу Габленцу убаюкать себя и упустилъ этотъ случай къ столкновенію. Можете вы себѣ представить это? сказалъ онъ мнѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, созывъ представителей, вѣроятно, еще можетъ вызвать столкновеніе. Итакъ, намъ надо еще ждать. *Барраль*“.

Другая телеграмма — самого министра. „*Флоренція*, 11 іюня 1866. Барраль сообщилъ мнѣ, что Бисмаркъ взбѣшенъ на Мантейфеля, который не съумѣлъ вызвать конфликта при занятіи Гольштейна. Но мнѣ непонятно, какъ могъ бы Ман-

*) «Un po' più di luce sugli eventi politici e militari dell' anno 1866». Firenze. 1873.

тейфель стрѣлять по австрійцамъ, когда тѣ отступили безъ сопротивленія. Какъ бы то ни было, Барраль указываетъ на новое замедленіе и говоритъ, что положеніе болѣе запутано, чѣмъ когда-либо. *Ла-мармора*".

О порученіяхъ, которыя были даны тому же генералу Мантейфелю къ русскому правительству, въ біографіи его*) сказано лишь кратко, что онъ былъ посылаемъ къ Императору Александру II въ 1866 г., исполнилъ данное ему порученіе успѣшно и оставался при русскомъ дворѣ до конца августа.

Даже на основаніи оффиціальныхъ прусскихъ документовъ было бы не трудно доказать ложность утвержденія, будто тѣ услуги, которыя Пруссія принесла въ 1863 году Россіи, такъ велики, что послѣдовавшія затѣмъ пріязненныя дѣйствія Россіи были естественнымъ проявленіемъ благодарности, а не какихъ-либо формальныхъ обязательствъ.

V.

Значеніе содѣйствія Россіи при объединеніи Германіи.

Въ Петербургѣ весьма ясно сознавали опасность, какая возникала для Россіи вслѣдствіе прусской гегемоніи въ Германіи. Когда неизбѣжность столкновенія Пруссіи съ Австріею стала дѣломъ очевиднымъ, вопросъ этотъ былъ обсуждаемъ всесторонне, и результатомъ его явился меморіалъ князя Горчакова 1864 года, разъяснявшій дипломатическимъ агентамъ тогдашнее политическое положеніе, подъ заглавіемъ „La politique du présent" **). Въ немъ сказано:

„...Прусская монархія образовалась путемъ завоеваній и стремленія къ расширенію границъ. *Государства удерживаются въ силѣ тѣми же средствами, какими вызвано ихъ основаніе.* Политика Пруссіи честолюбива и безпокойна. Если не имѣть въ виду поощренія Пруссіи на этомъ пути, то мы не имѣемъ иныхъ поводовъ для противодѣйствія ея росту, *пока она не нарушаетъ нашихъ прямыхъ интересовъ*".

---

*) «General-Feldmarschal Edwin Freih. v. Manteuffel». Von Keck.

**) Меморіалъ этотъ напечатанъ въ сочиненіи «Berlin et Petersburg», изданномъ при пособіи прусскаго «Бюро печати».

Относительно нѣмецкаго единства, въ немъ было сказано:

„Въ 1854 году Германія не въ силахъ была противостать давленію нашихъ враговъ и покинула насъ. Намъ, слѣдовательно, нѣтъ разсчета сохранять такое положеніе. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что, съ осуществленіемъ единства, Германія потеряетъ свой безобидный характеръ. Въ 1848 году она заявляла притязанія не только на нѣмецкія провинціи Даніи, но и на Лотарингію, Эльзасъ, нѣмецкую Швейцарію, Лифляндію, Эстляндію и Курляндію. Въ настоящую минуту, мы видимъ, съ какою жадностью она стремится къ присоединенію Шлезвигъ-Гольштейна. При подобныхъ обстоятельствахъ, еслибы славянскій вопросъ сталъ на очередь, она (Германія) могла бы перетянуть вѣсы европейской политики въ сторону, враждебную намъ“.

Далѣе, изъ свѣдѣній о покойномъ фельдмаршалѣ кн. Барятинскомъ, которыя были опубликованы въ „Русскомъ Архивѣ“*), видно, что фельдмаршалъ, въ бытность свою въ Петербургѣ по случаю празднованія серебрянной свадьбы Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны, счелъ долгомъ доложить свое мнѣніе, что Россіи слѣдовало бы принять участіе въ предстоявшей войнѣ Пруссіи съ Австріею. Взглядъ кн. Барятинскаго заключался въ томъ, что въ той войнѣ превосходная прусская армія непремѣнно должна была побѣдить и что побѣда увеличитъ значеніе Пруссіи въ ущербъ Россіи; между тѣмъ какъ, еслибы Австрію побѣдили соединенныя силы Пруссіи и Россіи, тогда можно было создать самостоятельную Венгрію, нѣмецкія области Австріи присоединить къ Пруссіи, области же славянскія—взять подъ покровительство Россіи. Такимъ образомъ, былъ бы пріобрѣтенъ ключъ къ восточному вопросу, „находящійся въ Вѣнѣ“. Еслибы же упущенъ былъ столь удобный случай, то Россіи пришлось бы впослѣдствіи, лѣтъ черезъ пять или десять, дорого поплатиться за это. Фельдмаршалъ передавалъ впослѣдствіи близкимъ лицамъ, что предложенная имъ мысль была подвергнута обсужденію въ особомъ засѣданіи, на которомъ находились, въ присутствіи Императора, министры: графъ Милютинъ и кн. Горчаковъ, а также самъ кн. Барятинскій; но фельдмаршалъ не разрѣшилъ опубликовать свѣдѣнія о результатѣ того засѣданія.

---

*) Цитируемъ по соч. Radbolsky «Ein vierzigjähriges Tableau. Rede des Fürsten Bismarck», стр. 33.

Этотъ инцидентъ весьма характеренъ для существовавшихъ въ то время отношеній и согласуется съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что тотчасъ послѣ прусской побѣды подъ Садовой русская дипломатія протестовала противъ всякой передѣлки карты безъ согласія Россіи. „Баронъ Убри,— говоритъ Зибель *)—формально объявилъ г. фонъ-Вертеру, что русское правительство сочтетъ всякія политическія и территоріальныя измѣненія, какія бы предприняла Пруссія, несостоявшимися („non avenues"), до тѣхъ поръ, пока Пруссія не предложитъ ихъ на свободное рѣшеніе европейской конференціи".

Къ какимъ бы рѣшеніямъ ни пришелъ предполагавшійся конгрессъ, Пруссіи пришлось бы покориться. Правда, Австрія уже потерпѣла неудачу, армія ея была разбита, но она еще не заключила мира и, при иностранномъ содѣйствіи, могла бы еще продолжать борьбу.

Франція предъявила ультиматумъ, по которому за свой нейтралитетъ она потребовала уступки всего лѣваго берега Рейна и отреченія Пруссіи отъ правъ на Люксембургъ.

На Италію Пруссія разсчитывать не могла, потому что она уже получила Венецію, уступленную Австріею Наполеону III, для передачи Итальянскому королевству.

Даже послѣ того какъ пруссаки, побѣдивъ австрійцевъ и союзныя нѣмецкія войска въ 1866 г., написали на своемъ знамени общегерманскій девизъ, они еще не пріобрѣли себѣ нѣмецкихъ симпатій. Положеніе того времени лучше всего охарактеризовалъ Бейстъ, когда сказалъ, что „союзные договоры, навязанные второстепеннымъ дворамъ, представляютъ собой клочки бумаги, а военные договоры, заключенные съ ними,—обоюдоострое оружіе, которое можетъ обратиться противъ Пруссіи, подъ давленіемъ Франціи и Австріи".

Еслибы представились какіе-нибудь шансы для успѣха, то и Данія стала бы стремиться отплатить за 1864 г. Къ тому же и Англія неблагосклонно смотрѣла на нарушеніе трактатовъ 1852 г. Пруссіей, не обратившей вниманія на ея протесты противъ занятія Шлезвигъ-Гольштейна. Неудовольствіе Англіи доходило до такой напряженности, что министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Россель, обращался съ нотою къ

---

*) Sybel. «Begründung des Deutschen Reiches», а также «Berlin und Petersburg» стр. 159.

французскому кабинету, предлагая ему войти по поводу этого занятія въ соглашеніе съ Россіею и Швеціей *).

Общественное мнѣніе Германіи не сочувствовало намѣреніямъ Пруссіи. Этому содѣйствовало отчасти вліяніе Ватикана на нѣмецкихъ католиковъ, но, главнымъ образомъ, непопулярность прусскаго правительства среди либераловъ, вслѣдствіе памятнаго „конфликта" съ прусскою палатою представителей. Самая эта палата прямо протестовала противъ войны и была распущена. Только вслѣдствіе блестящей побѣды надъ Австріею, въ Пруссіи произошелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи, и самая палата пошла на примиреніе съ правительствомъ.

Но наканунѣ войны вся Германія относилась несочувственно къ предпріятію Пруссіи, видя въ немъ вызываемую честолюбіемъ Гогенцоллерновъ „братоубійственную борьбу". Въ то время еще не существовала готская историческая школа, которая, послѣ побѣдъ Пруссіи, теоретически оправдывала ихъ необходимость на томъ основаніи, что Пруссія, якобы, „чисто германская" страна, а потому все, что ни дѣлала Пруссія, оказывалось всегда на пользу Германіи.

„Германская миссія" Пруссіи до войны 1866 г. разумѣлась въ Германіи совсѣмъ не въ смыслѣ „Blut und Eisen", но въ объединеніи Германіи Пруссіею, которая бы шествовала во главѣ народныхъ стремленій. Германія вовсе не желала ни быть присоединенной къ Пруссіи, ни сдѣлаться прусскою, сохраняя только имя „Германіи". Къ такимъ воззрѣніямъ на конфликтъ 1866 года, на югѣ Германіи присоединялось врожденное чувство антипатіи къ пруссакамъ. Дѣйствительно, этнографическія различія въ данномъ случаѣ весьма рельефны, и ихъ не упразднятъ ни желѣзнодорожныя сообщенія, ни военная выправка на прусскій образецъ, ни представительство въ общемъ сеймѣ. Замѣчательно, что антипатіи эти не изгладились и нынѣ, несмотря на общее участіе въ славныхъ военныхъ дѣлахъ и на гордость всѣхъ нѣмцевъ могуществомъ Германіи, фактически вышедшимъ, все-таки, какъ бы о томъ ни думать, изъ прусской казармы.

Еслибы Россія не устранилась въ то время отъ цѣлой массы нагромоздившихся противъ Пруссіи недоброжела-

---

*) «Auswahl wichtiger Actenstücke zur Geschichte des XIX Jahrhunderts», стр. 403.

тельствъ, не отказалась бы отъ предлагавшагося тогда конгресса и не помогла этимъ Пруссіи, то критическое положеніе послѣдней могло бы сдѣлаться отчаяннымъ.

Согласиться на предложеніе Наполеона III значило бы потерять больше, чѣмъ было пріобрѣтено при помощи игольчатыхъ ружей, и дискредитировать себя передъ лицомъ новыхъ нѣмецкихъ союзниковъ. Рискнуть новой войной съ коалиціей было крайне опасно, а между тѣмъ эта опасность казалась неизбѣжною. Во Франціи рѣшено было созвать палаты, сдѣлать заемъ въ милліардъ франковъ, выставить армію въ 100 т. чел. на восточной границѣ и предостеречь короля Вильгельма, что если Пруссія предприметъ такія территоріальныя расширенія, которыя могли бы угрожать европейскому равновѣсію, то Франція займетъ весь лѣвый берегъ Рейна.

Неудивительно поэтому, что когда, 6-го августа, посолъ французскій Бенедетти обратился съ рѣшительнымъ заявленіемъ къ Бисмарку, то на послѣдняго угроза Франціи подѣйствовала настолько, что былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ Мольтке заявилъ, что силы Пруссіи достаточны для сильной обороны въ окрестностяхъ Праги; противъ Франціи же возможно будетъ выставить въ началѣ сентября болѣе 200 т. чел. войскъ сѣверогерманскихъ и 80 т. чел. южногерманскихъ. Войну и тамъ—прибавилъ онъ—можно вести только оборонительную, но нечего ея опасаться; между тѣмъ, малѣйшая добровольная земельная уступка въ пользу Франціи сдѣлала бы немыслимымъ будущее предводительство Пруссіи въ Германіи. Вопросъ былъ рѣшенъ Бисмаркомъ. „Итакъ, — сказалъ онъ, — Мольтке думаетъ объ оборонительномъ дѣйствіи какъ въ Богеміи, такъ и на Рейнѣ; но это затянетъ дѣло, и мы подвергнемся еще чьему-нибудь вмѣшательству. Вотъ, еслибы Мольтке полагалъ возможнымъ сперва отдѣлать Австрію, а потомъ прогнать французовъ, пришедшихъ хотя бы въ Берлинъ, то я бы понялъ это. Но игра по оборонительной системѣ для меня слишкомъ рискованная: мы постараемся устроить миръ“.

Но Зибель, конечно, какъ оффиціальный историкъ возникновенія Германской имперіи, представляетъ положеніе дѣла въ менѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Правда, потери въ сраженіяхъ, включая и кениггрецкій бой, доходили у австрійцевъ до 72.874 человѣкъ,

между тѣмъ какъ у пруссаковъ онѣ составляли всего 16.313 человѣкъ; но, тѣмъ не менѣе, австрійская армія, послѣ перемирія, готова была еще съ большимъ ожесточеніемъ возобновить бой. Къ этому поощряла ее дислокація, занятая прусскою арміей. Въ 1866 году пруссаки имѣли въ виду, главнымъ образомъ, безостановочность въ веденіи главныхъ операцій, чему подчиняли все остальное. Это не могло не отразиться и на устройствѣ ихъ тыла.

„Послѣ кениггрецкаго погрома и занятія Праги, приходилось устраивать вспомогательный базисъ вдоль желѣзнодорожной линіи Прага—Пардубицъ—Бемишъ—Трюбау; но этотъ базисъ, едва удовлетворяя условіямъ хозяйственнымъ, не удовлетворялъ условіямъ боевымъ: въ тылу его находились три второстепенныхъ австрійскихъ крѣпости: Терезіенштадтъ, Іозефштадтъ и Кениггрецъ, а въ 60 верстахъ отъ лѣваго фланга—сильная австрійская крѣпость Ольмюцъ, гдѣ, по отступленіи австрійской арміи, оставался все-таки сильный гарнизонъ. Въ тылу пруссаковъ начинали формироваться и дѣйствовать партизанскіе отряды, съ кадрами изъ состава гарнизоновъ крѣпостей, начавшіе нападенія на прусскіе транспорты".

„При такихъ условіяхъ довольствіе войскъ было сопряжено съ большими затрудненіями, а потому для пруссаковъ пріобрѣтала въ высшей степени важное значеніе возможность пользоваться желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ съ Силезіею и Саксоніею; но вышеупомянутыя крѣпости тому препятствовали. Пруссакамъ пришлось пользоваться рѣчными линіями и дорогами шоссейными и даже обыкновенными".

„При подобной обстановкѣ, для сколько-нибудь удовлетворительнаго обезпеченія операціонной линіи, въ смыслѣ линіи коммуникаціонной и пути отступленія, пруссаки должны были назначить весьма значительныя силы. Всего, ко времени заключенія перемирія, 22-го іюня, въ тылу трехъ прусскихъ армій, силою около 194.000 чел., находилось около 49.600 чел., а считая венгерскій партизанскій отрядъ въ 2.000 чел., около 51.600 чел., или болѣе $^1/_5$ всего итога силъ пруссаковъ, находившихся на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій" *).

---

*) Полковникъ Гейсманъ. «Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 и 1867 годахъ».

Все это возбуждаетъ сомнѣнiе въ осуществимости выраженной Мольтке надежды держаться съ успѣхомъ оборонительно на двухъ театрахъ войны.

Бисмаркъ началъ, съ одной стороны, затягивать переговоры съ Бенедетти, съ другой—приступилъ къ исканiю помощи у Императора Александра II.

Изъ донесенiй Бенедетти видно, что Бисмаркъ указалъ ему лишь на необходимость нѣкотораго измѣненiя въ редакцiи французскихъ предложенiй. Этимъ онъ какъ бы выказывалъ по существу согласiе на условiя и только представилъ родъ контръ-предложенiя, отвѣтомъ на которое скоро былъ присланъ изъ Парижа подробный проектъ союза между Францiей и Пруссiей. Въ Парижѣ, значитъ, вѣрили въ возможность его осуществленiя.

Между тѣмъ, отправленъ былъ къ петербургскому двору посолъ съ письмами отъ прусскаго короля. Этимъ довѣреннымъ лицомъ оказался генералъ Мантейфель, пользовавшiйся одинаковымъ расположенiемъ какъ Вильгельма II, такъ и петербургскихъ высшихъ сферъ *).

Неизвѣстно, какого рода увѣренiя давалъ въ Петербургѣ прусскiй посолъ, но по нѣкоторымъ указанiямъ, имѣющимся въ сочиненiи Зибеля **), дѣло произошло такимъ образомъ.

Заключенiе мира съ Австрiей не приходило къ концу. Для того, чтобы произвести давленiе на нее, Пруссiя стягивала войска изъ южной Германiи на богемскiй театръ войны, причемъ Бисмаркъ надѣялся ублаготворить Францiю дальнѣйшими неопредѣленными обѣщанiями, а между тѣмъ поручилъ Мантейфелю -- позондировать въ Петербургѣ, не согласится ли Россiя, въ случаѣ войны между Пруссiею и Францiею, подѣйствовать на Австрiю *дипломатически, такъ, чтобы удержать ее отъ вмѣшательства въ эту войну — противъ Пруссiи*. Мантейфель отвѣчалъ: „*Горчаковъ формально ничего не обѣщаетъ, но во всякомъ случаѣ вы можете выступить противъ Францiи энергически*“. Такимъ образомъ, было сдѣлано все для того, чтобы въ случаѣ войны устранить возможность коалицiи противъ Пруссiи.

Зибель увѣряетъ, что на рѣшенiе Россiи повлiяли виды ея на уничтоженiе статьи Парижскаго трактата, лишавшей

*) Rothan «Origines de la guerre de 1870».
**) «Begründung des Deutschen Reiches».

ее права имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Но нужна была бы немалая доля наивности, чтобы повѣрить этому. Въ мемуарахъ *), относящихся къ тому времени, дѣло представляется иначе.

Въ Царскомъ Селѣ находился присланный отъ короля ганноверскаго генералъ Кнезебекъ съ порученіемъ склонить Россію къ вмѣшательству; онъ питалъ надежду на успѣхъ до того момента, когда пріѣхалъ Мантейфель съ заявленіемъ, что если Россія воспрепятствуетъ исполненію миссіи Пруссіи относительно объединенія Германіи, то Пруссія впослѣдствіи чрезъ присоединеніе къ врагамъ Россіи будетъ также въ состояніи парализовать ея силы на сѣверо-западѣ. Такъ какъ, *вслѣдствіе миссіи Мантейфеля, произошло полное согласіе съ Пруссіею*, то Кнезебекъ уѣхалъ безъ всякаго результата.

Лишь впослѣдствіи, когда откроются всѣ архивы,— выяснятся всѣ относящіяся къ этому времени обстоятельства, но, принимая даже буквально версію Зибеля, во всякомъ случаѣ, надо согласиться, что Пруссія воспользовалась громадной услугой со стороны Россіи. Можно себѣ представить радость Бисмарка, когда Бенедетти пришлось послать донесеніе своему государю о томъ, что Пруссія заключила союзъ съ другой великой державой. Въ виду этого, Наполеонъ III не рѣшился поддерживать свои притязанія силой и сталъ искать союза съ Австріей, которая въ то время должна была заключить миръ.

Послѣ войны 1866 года, Австрія и Франція не переставали помышлять о прісканіи комбинацій, могущихъ уменьшить силу Пруссіи.

Австрійскій канцлеръ графъ Бейстъ подалъ проектъ заключенія австро-италіано-французскаго союза.

Особенно изобиленъ интригами, если вѣрить опубликованнымъ въ послѣднее время свѣдѣніямъ, былъ 1867-й годъ.

По одному извѣстію **), Австрія въ январѣ 1867 года, т. е. черезъ полгода по заключеніи мира съ Пруссіею, заявляла Россіи готовность разрѣшить въ согласіи съ ней восточный вопросъ, если бы только Россія захотѣла помочь ей противъ Пруссіи. Но когда Россія на это не пошла, потому что уже не опасалась противодѣйствія Австріи, ослабленной

---

*) Oskar Meding. «Memoiren zur Zeitgeschichte».
**) «Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik».

выходомъ изъ германскаго союза, и предпочитала рѣшать восточный вопросъ одна, Пруссія, въ свою очередь, будто бы сдѣлала вѣнскому двору 14 апрѣля 1867 г. предложеніе — поддерживать Австрію въ восточныхъ дѣлахъ противъ Россіи. Наученный горькимъ опытомъ, графъ Бейстъ отвѣчалъ на это 15 мая отказомъ, ссылаясь на то, что Пруссія, заключеніемъ военныхъ конвенцій съ южно-германскими государствами, нарушила пражскій трактатъ. Указаніе на сущность непринятыхъ въ то время Австріею предложеній Бисмарка мы находимъ въ другомъ сочиненіи *), авторъ котораго утверждаетъ, что они состояли въ заключеніи австрійско-французскаго-германскаго союза противъ Россіи по восточнымъ дѣламъ.

Все это раскрываетъ цѣлую сѣть постоянныхъ интригъ, которую Бисмаркъ ткалъ то въ одну сторону, то въ другую, нисколько не стѣсняясь ни провозглашавшеюся имъ дружбою, ни только-что данными обѣщаніями. Невольно при этомъ припоминается отзывъ французскаго лѣтописца Фруассара, который еще въ XIV в. писалъ: „нѣмцы по натурѣ грубы и неповоротливы, кромѣ въ алчности своей за добычей, въ чемъ они весьма обстоятельны и искусны; отмѣнно коварны и больше прочихъ всякихъ людей, а что обѣщали, изъ того ничего не исполняютъ; подобные люди хуже сарацинъ да и язычниковъ“. **)

Въ такихъ отношеніяхъ находились державы къ концу 60-хъ годовъ. Несомнѣнно, что условія эти были въ высшей степени благопріятны для новой инициативы со стороны Пруссіи. И дѣйствительно, она проявилась сперва въ возбужденіи Бисмаркомъ вопроса о Люксембургѣ, а затѣмъ въ поставленіи кандидатуры Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

Война 1870 года вспыхнула раньше, чѣмъ окончены были переговоры между Франціею и Австріею о формальномъ союзѣ. Между ними существовало однако соглашеніе, въ видѣ писемъ, которыми обмѣнивались оба императора, и въ Парижѣ разсчитывали на помощь какъ Австріи, такъ и Италіи; но уже 20-го іюля графъ Меттернихъ, бывшій австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, вручилъ правительству Наполеона III ноту, въ которой Бейстъ, несмотря на объявленный 11-го того же іюля нейтралитетъ Австріи, заявлялъ объ *искрен-*

*) «Berlin-Wien-Rom. Zwölf Jahre: 1870—1891».
**) I. Klaczko. «Etudes de diplomatie».

немъ желаніи дружественно вмѣшаться въ распрю, однако указывалъ на препятствія къ этому со стороны Россіи. Бейстъ говорилъ, что, по его мнѣнію, война могла бы при этомъ развиться по всей Европѣ *).

Послѣднее утвержденіе графа Бейста было вполнѣ основательно. Россія готова была вполнѣ обезпечить Пруссію съ восточной стороны.

До какихъ предѣловъ доходила солидарность Россіи съ Пруссіей, можно было заключить изъ того, что уже сдѣланы были распоряженія со стороны военнаго министра и министра путей сообщенія относительно плана передвиженія войскъ къ австрійской границѣ. Но извѣстія о рѣшительныхъ побѣдахъ германскихъ войскъ получились такъ скоро, что не было уже времени для перевезенія войскъ, и оно было отмѣнено.

Но спрашивается, каковы были бы результаты войны для Пруссіи, еслибы Россія слѣдовала иной политикѣ? Министръ-резидентъ Ротанъ разсказываетъ, а найденныя въ Сенъ-Клу бумаги Наполеона III подтверждаютъ это, что въ февралѣ 1870 г. пріѣзжалъ въ Парижъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, чтобы условиться на счетъ плана кампаніи противъ Пруссіи, а затѣмъ, въ маѣ, генералъ Лебрёнъ ѣздилъ съ той же цѣлью въ Вѣну, причемъ было рѣшено, что Франція мобилизируетъ въ 14 дней 400.000 человѣкъ, что французы перейдутъ Рейнъ, а въ Франконіи съ ними соединятся 100.000 австрійцевъ.

Далѣе мы видимъ, изъ депеши Бейста къ кн. Меттерниху, австрійскому послу въ Парижѣ, отъ 20-го іюля, что и въ положеніи Австріи произошла перемѣна всего черезъ нѣсколько дней послѣ начала военныхъ дѣйствій между Германіею и Франціею. Мы приведемъ дословно то мѣсто этой депеши, которымъ удостовѣряется фактъ предшествовавшихъ соглашеній о совмѣстномъ дѣйствіи: „Повторите императору Наполеону и его министрамъ—пишетъ Бейстъ послу—что, будучи вѣрными обязательствамъ, установленнымъ въ тѣхъ письмахъ, какими обмѣнивались оба государя въ концѣ прошедшаго года, мы смотримъ на дѣло Франціи, какъ на собственное наше дѣло, и будемъ содѣйствовать въ предѣлахъ возможнаго успѣхамъ ея оружія. Эти предѣлы обусловливаются какъ внѣшними, такъ и внутренними соображеніями. Мы

*) Нота гр. Бейста.

имѣемъ основанія къ увѣренности, что Россія будетъ держаться своего союза съ Пруссіею и что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вмѣшательство русскихъ войскъ не только вѣроятно, но несомнѣнно. *Намъ извѣстно, что какъ только мы начали бы дѣйствія, то же самое сдѣлаетъ и Россія, которая будетъ угрожать намъ не только въ Галиціи, но и на Прутѣ, и на низовьяхъ Дуная.* Вслѣдствіе того, въ настоящій моментъ видимой цѣлью нашей политики должно быть только удержаніе Россіи въ положеніи нейтральномъ, до тѣхъ поръ, когда позднее время года не позволитъ ей стягивать войска; теперь же мы должны избѣгать всего, что могло бы дать Россіи поводъ къ вмѣшательству..." Далѣе, объясняя, что онъ, съ сожалѣніемъ, принужденъ примѣнить къ положенію, какое временно должна занимать Австрія, слово „нейтралитетъ", министръ объяснялъ, что эта нейтральность представляетъ лишь средство для Австріи докончить ея вооруженія, а вмѣстѣ сообщалъ, что онъ уже вошелъ въ сношенія съ итальянскимъ правительствомъ въ цѣляхъ желаемаго императоромъ Наполеономъ посредничества Австріи и Италіи. Онъ прибавлялъ еще слѣдующее: „Я уже телеграфировалъ вамъ о необходимости выхода французскихъ войскъ изъ Рима. Какъ только Римъ будетъ очищенъ отъ французовъ, итальянцамъ можно будетъ занять его съ согласія Франціи и Австріи. Итальянцы не будутъ искренно на нашей сторонѣ, пока мы не вырвемъ у Италіи этой занозы въ Римѣ".

Но, какъ извѣстно, Наполеонъ III не рѣшился во-время на этотъ шагъ, а стало быть не безъ основанія принцъ Наполеонъ-Жеромъ писалъ *), что „клерикальная партія господствовала надъ Наполеономъ III и что желаніе сохранить свѣтскую власть папы стоило Франціи Эльзаса и Лотарингіи". Правда, французскія войска вскорѣ все-таки были отозваны изъ Рима, но это послѣдовало уже послѣ германскихъ побѣдъ, при Спихеренѣ и Вёртѣ. Тогда итальянцы тотчасъ заняли Римъ, но уже не считали себя связанными услугой со стороны Франціи и обѣщаннымъ ими за нее содѣйствіемъ.

Итакъ, въ 1870 году, какъ и въ 1866 г., быстрота военныхъ успѣховъ Пруссіи помѣшала приведенію въ дѣйствіе созданныхъ дипломатіею соглашеній за и противъ нея. По-

*) «Revue des Deux Mondes, 1878».

бѣда слѣдовала за побѣдой, а потому и не состоялась австрійская мобилизація, а стало быть, не оказалось нужды и въ мобилизаціи русскихъ войскъ противъ Австріи. Но окончательное рѣшеніе о невмѣшательствѣ Австріи въ войну состоялось не ранѣе, чѣмъ въ ноябрѣ, на особомъ военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ императора. Это обстоятельство, какъ прусскій король писалъ о томъ въ свое время фонъ-Грунеру, заставило Вильгельма, несмотря на состоявшійся уже разгромъ французской арміи, „серьезно задуматься“ *).

Итакъ, существованіе въ то время обязательствъ между Россіею и Пруссіею вполнѣ доказывается дипломатическою перепиской. И это представлялось естественнымъ, такъ какъ для Россіи было выгодно ослабленіе Австріи, какъ всегдашней ея противницы на востокѣ; если, конечно, при этомъ могла существовать увѣренность, что та новая, могущественная держава, единая Германія, которая создавалась въ то время, непремѣнно станетъ преслѣдовать на востокѣ иныя, чѣмъ Австрія, цѣли. Между тѣмъ, общественное мнѣніе въ Россіи инстинктивно, но вѣрно угадало, что захватъ Германіи Пруссіею не будетъ имѣть выгодныхъ послѣдствій для Россіи: къ неожиданнымъ и удивительнымъ побѣдамъ нѣмцевъ надъ французами русское общество относилось съ несочувствіемъ и сожалѣніемъ.

Наоборотъ, вліятельныя сферы были крайне довольны такимъ оборотомъ дѣлъ и, надо полагать, имѣли къ тому какіе-либо, неизвѣстные публикѣ, поводы. Иначе нельзя объяснить такого отношенія къ тріумфамъ Пруссіи, которое являлось совершенно несогласнымъ со взглядами, заявленными русской дипломатіей въ 1864 г., по поводу стремленія Пруссіи къ гегемоніи въ Германіи.

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что Россія оказала содѣйствіе къ объединенію Германіи. Какъ сильно было, на первыхъ порахъ, чувство признательности за такую услугу, удостовѣрялось телеграммой короля Вильгельма къ Императору Александру II 7 февраля 1871 года: „Пруссія никогда не забудетъ, что она Вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла болѣе широкихъ размѣровъ. Благо-

*) «Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik».

словеніе Божіе на Васъ! Навсегда Вамъ благодарный Вильгельмъ".

И дѣйствительно, война Пруссіи съ Австріею въ 1866 году и франко-прусская война 1870 года могли доставить Пруссіи столь блестящіе результаты лишь вслѣдствіе перемѣны во взглядахъ на объединеніе Германіи русскаго правительства.

VI.

Послѣдствія противодѣйствія Россіи новому разгрому Франціи.

Послѣдствіемъ событій, которымъ во всякомъ случаѣ не препятствовала политика русскаго кабинета, были: объединеніе Германіи подъ прусскимъ жезломъ и перемѣщені центра тяжести политической силы изъ Парижа въ Берлинъ. Такіе результаты имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ громадное вліяніе на взаимныя настроенія народовъ и, въ связи съ нимъ, на духъ армій. Въ арміи прусско-германской сталъ господствовать духъ самоувѣренности побѣдителя — въ начальникахъ, начиная съ унтеръ-офицеровъ, въ то время, какъ среди массы рядовыхъ ослабѣли сепаратическія наклонности и недовольство тягостью повинности и налоговъ. Въ арміи же французской, напротивъ, хотя идея реванша нѣсколько и оживляла военный духъ, но ей, вслѣдствіе вынесеннаго горькаго опыта, противорѣчили и весь ходъ жизни, и то обстоятельство, что народъ, съ провозглашеніемъ республики, сталъ менѣе податливымъ, чѣмъ прежде, къ увлеченіямъ военной славой.

Что же касается Россіи, то она вскорѣ должна бы испытать, насколько вѣрно правило восточной мудрости, что въ союзники не слѣдуетъ брать сосѣдей, могущихъ имѣть противоположные интересы. Объединеніе Германіи—фактъ, превосходившій, вѣроятно, ожиданія какъ Фридриха Великаго, такъ и самого Бисмарка—состоялось; присоединивъ къ себѣ Эльзасъ-Лотарингію, Германія подвинула свою границу на самый хребетъ Вогезовъ, на разстояніе всего 12-тидневнаго похода къ самому Парижу, лишивъ при этомъ Францію и рѣкъ, и горъ для защиты.

Не одно военное могущество, но и торговля и промыш-

ленность возросли, что̀ отразилось и на увеличеніи благосостоянія населенія.

Мы уже неоднократно приводили мнѣнія военныхъ авторитетовъ, что въ настоящее время, для вѣроятной оцѣнки результатовъ военныхъ предпріятій, недостаточно принимать въ разсчетъ одну численность армій, а необходимо имѣть въ виду и всю сумму экономическихъ и общественныхъ силъ государства. Поэтому мы находимъ умѣстнымъ привести здѣсь съ самаго начала нѣкоторыя изъ убѣдительныхъ цифръ, которыя покажутъ намъ, какими замѣшательствами грозитъ каждая продолжительная война.

Извѣстный статистикъ Soetbeer вычисляетъ, что съ 1874 по 1888 годъ общая сложность доходовъ въ Германіи, превышавшихъ 3 тысячи марокъ, возросла на 44 проц., между тѣмъ какъ число населенія увеличилось всего на 14 проц.

Что же касается спеціально Пруссіи, то тотъ же писатель указываетъ на благопріятный ходъ распредѣленія въ ней народныхъ доходовъ въ 1884—85 гг., сравнительно съ 1872 г.

Разряды доходовъ.	Процентная доля каждаго разряда въ общемъ итогѣ. 1872 г.	1884—85 гг.
До 525 марокъ	39,10 проц.	43,18 проц.
Отъ 525 до 2.000 марокъ	56,20 »	51,44 »
» 2.000 » 6.000 »	4,15 »	4,43 »
» 6.000 » 20.000 »	0,50 »	0,79 »
Свыше 20.000 марокъ	0,05 »	0,16 »
	100,00%	100,00%

Но въ послѣднее время экономическая жизнь подверглась могущественнымъ вліяніямъ во всѣхъ странахъ, такъ что является вопросъ: не обозначаютъ ли эти цифры, относящіяся къ Германіи и Пруссіи, результатовъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ какіе оказываются въ иныхъ странахъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, лучше всего сдѣлать сравненіе съ Англіею.

Приростъ населенія, этотъ важнѣйшій изъ признаковъ народнаго благосостоянія, при нормальныхъ условіяхъ, представлялъ съ 1875 по 1885 г. въ Пруссіи 10 проц., а въ Англіи 10,6 проц., т. е. былъ почти одинаковъ. Но если

принять при этомъ въ разсчетъ болѣе значительную эмиграцію изъ Германіи, чѣмъ изъ Англіи, обусловленную причинами скорѣе политическими, чѣмъ экономическими, то перевѣсъ прироста останется на сторонѣ Германіи *).

Общій приростъ дохода съ 1875 по 1886 г. составлялъ въ Пруссіи 13,7%, въ Англіи же всего 8,7%. Средній доходъ на 1 жителя въ Пруссіи за то же время возросъ на 3%, между тѣмъ какъ въ Англіи онъ уменьшился на 1,9%. Итакъ, въ Германіи оказался приростъ дохода, а въ Англіи уменьшеніе.

Взглянемъ на другія данныя, по которымъ можно судить объ уровнѣ благосостоянія.

Вклады въ сберегательныхъ кассахъ Пруссіи въ десятилѣтіе 1876—1885 гг. почти удвоились, а именно съ 1.221 милліона марокъ возросли до 2.260 милл., причемъ число вкладчиковъ возросло съ 2.371 до 4.209. Приростъ въ этомъ отношеніи, замѣчаемый въ Англіи, гораздо менѣе значителенъ, а именно: въ 1876 году тамъ было въ почтовыхъ и другихъ сберегательныхъ кассахъ вкладовъ на 73 милліона фунтовъ ст., а въ 1886 г.—97 милл. фунтовъ.

Сверхъ того, можно указать на огромное возрастаніе въ Пруссіи суммы страхованій отъ смертныхъ случаевъ. Въ 1867 году было всего 188 тысячъ лицъ, застраховавшихъ жизнь, въ совокупности на капиталъ въ 520 милліоновъ марокъ; въ 1888 же году оказывается уже 406 тыс. страхующихся, на капиталъ въ 1.225 милліоновъ марокъ. Такимъ образомъ, число страхующихся болѣе чѣмъ удвоилось, а цифра застрахованнаго капитала возрасла еще значительнѣе.

Размѣры операцій по страхованію пожизненныхъ доходовъ возросли еще въ большей степени. Въ 1867 г. было 267 тысячъ лицъ, а въ 1886 г. уже 755 тысячъ, то-есть

*) Эмиграція изъ Германіи по оффиціальнымъ даннымъ составляла:

въ періодъ	1851—60 гг.	. . . . . .	1.130.000 душъ.
» »	1861—70 »	. . . . . .	970.000 »
» »	1871—80 »	. . . . . .	595.000 »
» »	1881—83 »	. . . . . .	570.000 »
	Итого	. .	3.265.000 душъ.

Но эта цифра должна быть еще значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ множество эмигрантовъ избѣгаютъ провѣрки, отправляясь изъ портовъ негерманскихъ.

цифра втрое большая. Сумма застрахованныхъ капиталовъ составляла въ 1867 г. всего 765 милл. марокъ, а въ 1886 г. уже 2.973 милл., т. е. почти учетверилась. Изъ этого ясно, что хотя пожертвованія для обезпеченія семействъ и остаются нѣсколько ниже взносовъ для обезпеченія самого себя въ старости или болѣзни, но тѣмъ не менѣе они показываютъ несправедливость нареканій на ослабленіе семейныхъ основъ. Эти цифры, напротивъ, доказываютъ, что заботы объ участи остающихся семей все болѣе и болѣе увеличиваются.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что большая часть капиталовъ, вложенныхъ въ эти страхованія, принадлежитъ лицамъ такъ называемаго средняго сословія.

Необходимо указать, что экономическій прогрессъ текущаго столѣтія представляется еще большимъ во Франціи.

Народное богатство во Франціи по отношенію къ числу населенія возросло почти въ шесть разъ. Сто лѣтъ тому назадъ народное богатство, при 25 милліонахъ населенія, исчислялось въ 38 милліардовъ франковъ, а въ настоящее время, при населеніи, невполнѣ еще удвоившемся, оно составляетъ 235 милліардовъ франковъ, и движеніе въ этомъ направленіи постоянно и быстро усиливается.

Въ періодъ съ 1869 по 1889 г., не взирая на бѣдствія войны съ Германіею и послѣдствія ихъ, народное богатство возрасло во Франціи на 90 милліардовъ франковъ. При этомъ, распредѣленіе доходовъ приняло совсѣмъ иной видъ, чѣмъ въ прежнія времена. Въ 1789 году, буржуазія и крестьяне, вмѣстѣ, владѣли всего $^1/_4$ недвижимостей, а уплачивали $^3/_4$ общей суммы земельныхъ сборовъ. Теперь же, по опредѣленію Leroy-Beaulieu, около $^1/_2$ суммы чистаго дохода съ земли принадлежитъ мелкимъ собственникамъ, т. е. не превышаетъ 1.000 фр. на собственника; $^1/_4$ поступаетъ въ руки собственниковъ среднихъ, составляя отъ 1.000 до 3.000 франковъ на владѣльца; затѣмъ, никакъ не болѣе $^1/_4$ приходится на долю того, что называется громкимъ именемъ „крупнаго" землевладѣнія, включая въ него весь классъ собственниковъ, получающихъ не менѣе 3.000 франковъ чистаго дохода въ годъ. Но для сравненія необходимо принять въ разсчетъ, что во Франціи цифра населенія возрастаетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Великобританіи и Германіи, а въ послѣднее время приращеніе населенія во Франціи ничтожно.

Понятно, что раздѣляя народное богатство Франціи на число душъ населенія, получаются результаты болѣе благопріятные, чѣмъ въ Германіи; однако сравнивать этихъ относительныхъ цифръ нельзя, такъ какъ на разность ихъ имѣетъ вліяніе особая причина.

Въ Пруссіи, конечно, зорко слѣдили за указанными нами признаками возстановленія силъ Франціи послѣ испытанныхъ ею бѣдствій. Особенно были удивлены тѣмъ фактомъ, что уплата пятимилліардной контрибуціи не представила для нея особенныхъ затрудненій. Кромѣ того, третья республика, въ самомъ началѣ своего учрежденія вынужденная къ подавленію междоусобицы, съумѣла водворить порядокъ и организовать импонирующую армію.

Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что Франція— страна неожиданностей, что это страна, въ которой великіе люди рождаются чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что чрезвычайныя дѣла въ извѣстныя эпохи принадлежатъ къ числу обыденныхъ. Поэтому возникъ планъ новаго нападенія, болѣе рѣшительнаго, чѣмъ прежнее. Въ августѣ 1874 г. собралась въ Брюсселѣ международная конференція, имѣвшая цѣлью кодифицированіе международнаго права. Извѣстный публицистъ Блунчли пишетъ въ своемъ дневникѣ: „сегодня мы обѣдали вмѣстѣ,—я вынесъ такое впечатлѣніе, что генералъ ф. Фохтсъ-Рецъ, какъ, навѣрное, вся прусская военная партія, желаетъ войны и надѣется, что она будетъ. Генералъ сказалъ мнѣ: „мы видимъ, что Франція напрягаетъ всѣ усилія, чтобы приготовиться къ отмщенію. Неужели намъ ждать, пока французы будутъ совершенно готовы?“

Вскорѣ послѣ того германскій посолъ въ Парижѣ заявилъ, что „огромное увеличеніе французской арміи свидѣтельствуетъ о непосредственно-воинственныхъ намѣреніяхъ Франціи, что́ можетъ побудить Германію предупредить противника и нанести первый ударъ, въ случаѣ, если не будутъ произведены значительныя сокращенія“ *).

Но планъ этотъ оказался невыполнимымъ потому только, что Россія не пожелала повтореній событій 1870—71 гг. Война была уже рѣшена **), когда Императоръ Александръ II,

---

*) «Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik», стр. 39.

**) Генералъ Лефло, бывшій посланникъ въ С.-Петербургѣ. «Императоръ Александръ II и Франція въ 1875 г.».

въ бытность свою въ Берлинѣ (въ маѣ 1875), рѣшительно отговорилъ отъ нея императора Вильгельма. Канцлера Горчакова упрекаютъ въ томъ, что онъ счелъ нужнымъ огласить это событіе особымъ циркуляромъ. Въ циркулярѣ указывалось на то, что если миръ въ Европѣ не былъ нарушенъ, то благодаря русскому Императору. Бальдеръ *) говоритъ, что Бисмарка это привело въ бѣшенство, а кн. Горчакову, какъ опытному дипломату, должно было быть извѣстнымъ, что злопамятность составляетъ одну изъ главныхъ чертъ характера Бисмарка. Такъ, въ теченіи одного года — съ 1876 по 1877 — прокуратурою возбуждено было 1.140 дѣлъ по обвиненію въ оскорбленіи канцлера. Въ одной газетѣ было приведено сложеніе всѣхъ сроковъ заключенія, которые были результатомъ такихъ процессовъ, и оказалось, что сумма составляла цѣлыя тысячи лѣтъ. И все-таки Бисмаркъ еще жаловался въ сеймѣ на снисходительность судовъ въ дѣлахъ этого рода. Легко себѣ представить, какую все это вызывало массу ненависти и стремленія къ мести.

Постоянной характеристической чертой Бисмарка было — вносить элементъ личнаго раздраженія въ отношенія политическія. Г-ну Жюдѐ, сотруднику «Petit Journal», онъ сообщилъ: „я въ то время говорилъ князю Горчакову, что пусть онъ поѣдетъ въ Парижъ и постарается соорудить себѣ статую съ крыльями на спинѣ и съ непрерывнымъ освѣщеніемъ бенгальскими огнями; съ той минуты можно считать мой разрывъ — не съ Россіею, но съ кн. Горчаковымъ".

Бушъ, который издалъ извѣстную книгу о Бисмаркѣ **), пишетъ, что канцлеръ сдѣлалъ слѣдующее признаніе: „Горчаковъ въ то время хотѣлъ вознестись, какъ спаситель Франціи; я ему сказалъ: „когда вы лишили себя нашей дружбы изъ пустаго желанія выказать свою свободу дѣйствія ***), вы сдѣлали нѣчто, съ чѣмъ нельзя васъ поздравить; я вамъ скажу прямо, что я другу — надежный другъ, а врагу — надежный врагъ". Съ того момента возгорѣлась ненависть между обоими канцлерами. Съ этого же времени начались старанія Бисмарка создать затрудненія русской политикѣ на Востокѣ. Его меч-

---

*) Balder «Die Wahrheit über Bismarck». 1892.

**) «Bismarck und seine Leute, während des Krieges». 1890.

***) Объявленіемъ объ отмѣнѣ дѣйствительности трактата 1856 г., относительно Чернаго моря.

той было втянуть Россію въ большую войну противъ Турціи, въ которой со стороны Франціи, еще не возвратившей себѣ прежняго военнаго могущества, можно было ожидать поддержки лишь нравственной. Затѣмъ, когда Россія истощится въ денежныхъ средствахъ, подстрекнуть противъ нея Англію и Австрію и въ это время явиться арбитральнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ Европы *).

Но въ этихъ видахъ перехватили черезъ край. Бисмаркъ постарался внушить германскому народу, дотолѣ весьма скромному, безграничное самомнѣніе. Народный эгоизмъ былъ возведенъ въ неопровержимый догматъ. Между тѣмъ ясно, что германскій, какъ и каждый играющій выдающуюся роль въ политикѣ, народъ не можетъ не возбуждать зависти и недружелюбія сосѣдей. Впрочемъ, въ Россіи чувства неудовольствія по отношенію къ Германіи были вызваны поводами, болѣе существенными— неисполненными обѣщаніями. Обстоятельство это имѣетъ для насъ вдвойнѣ важное значеніе.

Не мѣшаетъ напомнить, что нѣмецкое общество вводимо было систематически въ заблужденіе относительно услугъ, оказанныхъ Россіей Германіи, и какого рода вознагражденіе затѣмъ послѣдовало со стороны этой искони дружественной державы. Впрочемъ, удивляться этому не слѣдовало бы. Іоганъ Шэрръ въ своей „Исторіи 1870—71 гг.“ говоритъ **): „Политики „честной“, въ обычномъ смыслѣ этого слова, не бывало никогда, да и не могло быть. Творческое искусство политика создаетъ свое произведеніе, не заботясь о томъ, будетъ ли оно вредно его противникамъ или покажется имъ „нечестнымъ“. Искусство политика обусловливается не миражами такъ называемаго нравственнаго міроваго порядка, но жесткой реальностью и совокупностью какъ самыхъ прозаическихъ интересовъ, такъ и страстей благородныхъ и низменныхъ. Вотъ почему эгоизмъ всегда былъ и будетъ душою этого искусства“.

Соблюденіе нѣкоторой мѣры не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, а въ данномъ случаѣ на эту истину не было вовсе обращено вниманія.

Кромѣ того были и иные поводы для войны 1877 года,

*) Debidour. «Histoire diplomatique de l'Europe», 1891.
**) Томъ I, стр. 5.

слишкомъ извѣстные, чтобы о нихъ здѣсь говорить. Мы хотѣли только указать на ту роль, которую разыграла нѣмецкая дипломатія въ восточныхъ замѣшательствахъ относительно Россіи. Охлажденіе, происшедшее съ этого времени между Россіей и Германіей,—дѣло руководителя нѣмецкой политики. Русскій народъ въ правѣ былъ видѣть въ этомъ вызовъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда сдѣлалось для всякаго, даже поверхностнаго, наблюдателя яснымъ, что въ Германіи начали сѣять сѣмена вражды къ Россіи, долженствующія заглушить воспоминаніе о тѣхъ услугахъ, которыя Россія оказала Германіи.

Дѣйствія Бисмарка въ этомъ отношеніи должны были быть тѣмъ рѣшительнѣе, что при этомъ представлялся удобный случай выдвинуть на первый планъ свои личныя заслуги.

Несомнѣнно, что значительная доля заслугъ въ дѣлѣ современнаго устройства Германіи принадлежала Бисмарку, который, поэтому, изъ личныхъ видовъ, и употреблялъ всѣ средства, чтобы постоянно напоминать о той благодарности, какою обязанъ ему нѣмецкій народъ. Съ этой цѣлью онъ позволялъ себѣ прибѣгать къ средствамъ довольно предосудительнымъ и весьма равнодушно смотрѣлъ на тѣ случаи, когда политика его нарушала добрыя отношенія къ сосѣднимъ государствамъ. Онъ то и дѣло откапывалъ изъ архивовъ документы въ доказательство враждебности Россіи къ Германіи. Каждая новая брошюра или журнальная статья, написанныя въ этомъ направленіи, тотчасъ эксплоатировались цѣлымъ сонмомъ журналовъ, бывшихъ на иждивеніи извѣстнаго „рептиліенъ-фонда“.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о размѣрахъ этого рода пропаганды, и какой характеръ придавалъ ей самъ канцлеръ, достаточно вспомнить, что при присоединеніи Ганновера къ Пруссіи секвестрованъ былъ капиталъ, принадлежавшій ганноверскому королевскому дому, такъ называемый „фондъ Вельфовъ“, составлявшій 48 милліоновъ марокъ, и ежегодные проценты съ этого капитала поступали въ распоряженіе Бисмарка, будто бы на противодѣйствіе „вельфскимъ проискамъ“.

Для вящшаго удобства капиталъ этотъ былъ цѣликомъ помѣщенъ у банкира Блейхредера, и канцлеру представилось такимъ образомъ безъ всякаго сравненія удобнѣе распоря-

жаться этими средствами, чѣмъ если бы ихъ приходилось требовать изъ правительственныхъ казначействъ, привыкшихъ къ прусской аккуратности и „отчетливости". Разсчитываютъ, что доходовъ съ упомянутаго фонда поступило съ 1870 г. до увольненія Бисмарка — до 29 милліоновъ марокъ, которые и были имъ употреблены, конечно, не для противодѣйствія проискамъ Вельфовъ, каковое вовсе не требовало денегъ, но на разные секретные расходы и — главнымъ образомъ — на субсидированіе печати, какъ въ Германіи, такъ и за границей. Въ послѣднемъ отношеніи любопытенъ былъ фактъ, раскрытый швейцарскимъ правительствомъ, а именно, что выходившая въ Цюрихѣ анархистская газета содержалась на средства прусскаго „фонда Вельфовъ".

Отчета въ употребленіи этихъ огромныхъ суммъ не имѣется, такъ какъ въ то время, когда такой отчетъ былъ потребованъ, что случилось передъ увольненіемъ Бисмарка, онъ заявилъ, какъ обнаружилось изъ преній въ рейхстагѣ, что счеты представлялись имъ покойному императору Вильгельму I и затѣмъ, съ его согласія, сжигались.

Такая непрерывная оффиціозная пропаганда должна была вызвать въ народѣ высокомѣріе непогрѣшимости. Неудивительно, что германскій народъ пріучился видѣть идеалъ въ своемъ „желѣзномъ канцлерѣ", неразборчивостью средствъ перещеголявшемъ, однако, всѣхъ политиковъ нашего столѣтія.

VII.

Восточная война 1877 года и бисмарковская „политика магарычей".

Ничуть не разсчитывая на то, чтобы нашъ голосъ могъ повліять на перемѣну образа мыслей въ Германіи, мы тѣмъ не менѣе, въ виду высказаннаго нами выше убѣжденія, что общественное настроеніе всегда вліяетъ на вопросъ объ объявленіи войны, попробуемъ изложить фактическую сторону политики того времени въ томъ освѣщеніи, какое получилось благодаря позднѣйшимъ документальнымъ свѣдѣніямъ.

Еще Гишарденъ сказалъ, что повелители всегда склонны считать мудрыми лишь тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, которые упрямы въ своихъ мнѣніяхъ.

Князь Бисмаркъ всячески раздувалъ значенiе услугъ, будто бы оказанныхъ имъ Россiи на Берлинскомъ конгрессѣ, услугъ, за которыя, по его словамъ, „слѣдовало бы обсыпать брильянтами всѣ имѣющiеся у него русскiе ордена, еслибы это уже не было сдѣлано раньше“.

Сомнительно, чтобы нѣмецкая политика согласилась раскрыть свои архивы для уясненiя полной истины переговоровъ эпохи, о которой мы говоримъ. Съ другой стороны, можетъ быть, еслибы это сдѣлала русская дипломатiя, то возбудила бы неудовольствiе сосѣдей. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время остается неяснымъ вопросъ о томъ, въ какой степени къ войнѣ, предпринятой Россiею въ 1877 г., побуждали ее отношенiя, установившiяся съ Германiей со времени оказанныхъ дружественныхъ услугъ въ 1866 и 1870 годахъ. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ нерѣшенный вопросъ можетъ пролить статья «Revue Nouvelle»: «La guerre Russo-Turque d'après des documents inédits» *). Авторомъ этой статьи считался бывшiй профессоръ Цiонъ, будто получившiй матерiалы для нея изъ штаба русскаго главнокомандующаго.

Авторъ утверждаетъ, что рѣшенiе покончить съ затрудненiями въ Турцiи при помощи оружiя было принято еще до возстанiя въ Герцеговинѣ и что „Россiя приступила къ военнымъ приготовленiямъ со времени 1866 года“. „Въ 1871 г., по словамъ статьи,—генералу Обручеву было поручено объѣздить Болгарiю и изучить балканскiе проходы, и порученiе это было исполнено вмѣстѣ съ г. Хитрово. Въ 1875 году, полковники генеральнаго штаба, Бобриковъ и Артамоновъ, сдѣлали новыя изысканiя относительно различныхъ проходовъ черезъ Балканы, которыми могли бы воспользоваться наступающiя войска“.

Далѣе авторъ статьи говоритъ, что, „послѣ рѣшенiя вести войну, оставалось лишь заручиться нейтралитетомъ Австрiи и Англiи, и что, несмотря на рейхштадтское свиданiе и союзъ трехъ императоровъ, Австрiя возбуждала извѣстныя опасенiя. Хотя этотъ союзъ не гарантировалъ Россiи свободу дѣйствiй на Востокѣ, однако, германское правительство не дожидалось войны, чтобы признать ея неизбѣжность. Таковъ былъ взглядъ канцлера задолго до событiй. Мы не осмѣлимся утверждать, что князь Бисмаркъ

*) 1 и 15 Juin 1880.

подстрекнулъ Россію къ войнѣ, желая обезсилить могущественное сосѣднее государство, но мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что, начиная съ первыхъ стычекъ между Турціей и Сербіей, онъ находился въ курсѣ положенія".

Авторъ указываетъ, какъ на фактъ, удостовѣряющій близость отношеній, если не между правительствами, то между обоими дворами, что великій князь Николай Николаевичъ получилъ первое извѣстіе о своемъ будущемъ назначеніи главнокомандующимъ изъ устъ императора Вильгельма. Это было на сентябрьскихъ маневрахъ 1876 г.; на нихъ присутствовалъ великій князь, къ которому императоръ Вильгельмъ обратился съ словами: „Вы скоро будете призваны командовать великою арміею и показать ваши военныя дарованія"; произошло это въ присутствіи принца Фридриха-Карла и другихъ лицъ императорской свиты. Оффиціальное же извѣщеніе великій князь получилъ отъ Императора Александра II лишь 29-го октября въ Ливадіи, причемъ будто бы великій князь обратился съ вопросомъ къ Государю относительно цѣли кампаніи и получилъ въ отвѣтъ одно лишь слово: „Константинополь". Отвѣтъ этотъ служилъ бы поясненіемъ телеграммѣ, посланной главнокомандующимъ Императору изъ Санъ-Стефано: „Приказаніе Вашего Величества исполнено: наша армія подъ стѣнами Константинополя".

Авторъ статьи въ „Revue Nouvelle" изъ всѣхъ этихъ данныхъ приходитъ къ выводу, что „война противъ Турціи была рѣшена положительно съ осени 1876 года и что окончательною цѣлью ея былъ Константинополь".

Статья эта обратила на себя общее вниманіе, слѣдствіемъ чего въ октябрьской книжкѣ того же журнала появилась новая статья на ту же тему — „La guerre Russo-Turque", приписываемая извѣстному русскому дипломату Жомини.

Признавая за предшествующей статьей достоинства „замѣчательнаго политическаго и военнаго изслѣдованія" *), авторъ второй статьи, тоже въ качествѣ очевидца, оппонируетъ противъ главныхъ ея положеній, а именно: „1) что война съ Турціей была задумана, рѣшена и подготовлена съ 1876 года, и 2) что объектомъ этой войны было обладаніе Константинополемъ".

---

*) Стр. 764.

По мнѣнію автора, еслибы доказать, что Россія была вовлечена въ войну противъ желанія, что она къ войнѣ не готовилась и увлеклась въ нее какъ бы по наклонной плоскости, между тѣмъ какъ сама охотно бы отъ нея отказалась, — то и заключенія автора статьи, противъ которой оппонируетъ вторая статья, оказались бы опровергнутыми.

Обратимся къ любопытнымъ доводамъ второго автора.

„Россія, — говоритъ онъ, — послѣ Крымской войны, по либеральной инициативѣ Императора Александра II, вступила на путь внутреннихъ преобразованій, требовавшихъ для своего осуществленія времени. Жатва постоянныхъ реформъ еще далеко не созрѣла. Прежняя организація арміи была замѣнена новою, основанною на общей воинской повинности. Армія находилась въ переходномъ положеніи, которое требовало много лѣтъ для своего окончанія. Такое же положеніе было и относительно перевооруженія ея. Финансы Россіи едва лишь начали поправляться. Равновѣсія въ бюджетѣ уже достигли, но денежное обращеніе еще далеко не было исправлено.

„Въ такомъ положеніи, — спрашивается — возможно ли, чтобы правительство, котораго развитость и политическая мудрость всѣми признана, могло съ легкимъ сердцемъ желать, искать, вызывать въ подобный моментъ войну, которой трудности и тяжесть оно не могло не предусмотрѣть? Возможно ли, чтобы оно желало войны въ виду Европы, вооруженной съ головы до ногъ и свободной въ своихъ дѣйствіяхъ, которая, слѣдовательно, въ состояніи была вызвать непредвидѣнныя политическія осложненія, способныя ниспровергнуть плоды цѣлаго ряда лѣтъ, посвященныхъ мирному труду?"

Все, что разсказываетъ авторъ первой изъ указанныхъ нами статей въ „Revue Nouvelle" относительно разговора Вильгельма I съ великимъ княземъ и лаконическаго указанія объекта войны, выразившагося однимъ словомъ „Константинополь" — по словамъ второй статьи — „не болѣе какъ предположенія, не заключающія въ себѣ даже внѣшняго правдоподобія".

„Людямъ, близко стоящимъ къ подобнаго рода дѣламъ и событіямъ, хорошо извѣстно, что они происходятъ въ совершенно иномъ видѣ".

Причину войны съ Турціей авторъ видитъ въ томъ, что

„стремленія русскаго правительства побудить Европу къ содѣйствію, въ смыслѣ мирнаго разрѣшенія кризиса, остались безъ послѣдствій. Еслибъ предложенія Россіи были приняты Европой, миръ не былъ бы нарушенъ. Бездѣйствіе великихъ державъ, не умѣвшихъ внушить къ себѣ въ туркахъ уваженія, а поддерживавшихъ въ нихъ одно лишь раздраженіе, возбуждавшихъ христіанъ и въ то же время оставлявшихъ ихъ безъ защиты, довело восточный кризисъ до неизбѣжности войны“.

Далѣе, касаясь кульминаціоннаго пункта вопроса, сербскаго и черногорскаго движенія, авторъ говоритъ: „мнѣ извѣстно, что русское правительство подозрѣваютъ въ томъ, что оно къ этому поощряло тѣхъ и другихъ. Между тѣмъ, я былъ личнымъ свидѣтелемъ усилій, какія принимались для того, чтобы удержать ихъ. Но иногда обстоятельства бываютъ сильнѣе, чѣмъ воля людей. Европа была увѣрена въ побѣдѣ Порты и гарантировала ей безнаказанность. Христіанскимъ населеніямъ не оставалось ничего болѣе, какъ или подставлять горло подъ ножъ, или соединиться для побѣды или смерти, въ надеждѣ, что Европа не останется равнодушной къ ихъ мужеству и страданіямъ“.

„Что сербы болѣе всего разсчитывали на традиціонныя симпатіи Россіи и что они надѣялись побудить ее къ оказанію имъ помощи, этого мы не опровергаемъ. Событія оправдали ихъ въ этомъ. Намъ важно установить, что дѣйствія русскаго правительства находились въ зависимости отъ совокупности политическаго положенія, пользъ имперіи и народнаго одушевленія, которое не разсуждаетъ и не разсчитываетъ. Конституціонныя правительства охотно прикрываются общественнымъ мнѣніемъ и приписываютъ то же свойство правительствамъ самодержавнымъ. Это большая ошибка. Движеніе народнаго чувства, проявившееся въ Россіи, не представляло собою „общественнаго мнѣнія“ въ смыслѣ европейскомъ Это было народное чувство, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ оно въ основѣ было глубже, и чѣмъ неопредѣленнѣе были его границы. Самодержавное правительство менѣе всякаго другого можетъ противиться подобному порыву. Въ такой странѣ монархъ связанъ неразрывными узами съ народомъ. Между ними нѣтъ посредниковъ. Это единеніе составляетъ силу страны, оно—основаніе власти, но оно налагаетъ на нее и обязанности. Тамъ, гдѣ конституціонный

монархъ имѣетъ возможность стать позади отвѣтственныхъ министровъ и слагаетъ съ себя отвѣтственность, смѣняя ихъ, абсолютный монархъ—единственное отвѣтственное лицо въ государствѣ передъ народомъ, отдѣлиться отъ котораго онъ не можетъ. Всякое народное потрясеніе отдается въ его собственномъ сердцѣ, особенно, если дѣло касается чувствъ, укоренившихся преданіями".

„Исторія должна будетъ искать объясненія могущественнаго движенія, вызвавшаго войну 1877 года, гораздо больше въ причинахъ психологическихъ, чѣмъ въ политическихъ разсчетахъ. Несмотря на усилія сдержать воодушевленіе, въ сербскую армію отправилось такое число добровольцевъ, которое, во всякомъ случаѣ, нельзя было бросить на вѣрную гибель".

Авторъ излагаетъ причины, вызвавшія войну, которой Россія не могла желать, съ такою ясностью и убѣдительностью, что невольно приходитъ мысль, почему не было употреблено никакихъ стараній, чтобы отрезвить и ослабить тогдашнее движеніе умовъ въ Россіи и чтобы не поддаться ему, не увлечься имъ къ войнѣ? Правда, движеніе это было сильно, но, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и не могло быть иначе, такъ какъ общество думало, что оно идетъ за дѣйствительными намѣреніями правительства, и заявленіями своими, жертвами, высылкою добровольцевъ—помогаетъ достиженію цѣлей. Изъ предшествующаго видно, что сперва общество просто ошибалось. Но какъ же ему было не ошибаться, когда офицеры получали отпуски изъ полковъ и отправлялись въ качествѣ добровольцевъ, а дамы высшаго свѣта въ Петербургѣ открыто собирали пожертвованія?

Съ другой стороны, въ высшемъ русскомъ обществѣ могли не предвидѣть самой возможности занятія Австріею враждебнаго положенія во время войны или по ея окончаніи. Извѣстно было, что покойный Императоръ Александръ II, принимая австрійскаго посла 1-го декабря 1871 г., сказалъ ему: „Неблагопріятныя отношенія между обѣими имперіями, начиная отъ Крымской войны, продолжались слишкомъ долго, и такъ какъ взаимное настроеніе нынѣ улучшилось, то имъ слѣдовало бы придти къ непосредственному соглашенію въ восточныхъ дѣлахъ".

Союзъ трехъ императоровъ, заключенный въ 1872 г. и соотвѣтствовавшій видамъ Германіи, которая хотѣла закрѣ-

пить имъ свои новыя пріобрѣтенія, давалъ основаніе предполагать, что изъ-за восточнаго вопроса не могло уже произойти столкновенія между Россіею и Австріею. И дѣйствительно, въ маѣ 1876 г. состоялось соглашеніе относительно занятія восточныхъ областей Европейской Турціи русскими войсками съ тѣмъ, чтобы Австрія заняла провинціи западныя. Это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ заключенія берлинскаго трактата. Когда русскія газеты стали сильно нападать на роль, какую игралъ при этомъ Бисмаркъ, то „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" сообщила, что въ маѣ 1876 г. состоялось въ Берлинѣ соглашеніе между кн. Бисмаркомъ, кн. Горчаковымъ и графомъ Андраши, на основаніи котораго русскій Императоръ при рейхштадтскомъ свиданіи, въ іюлѣ того же года, изъявилъ согласіе на занятіе австрійцами Босніи и Герцеговины.

Намъ кажется, что дипломатія дѣйствительно не желала войны, но проявленіе народнаго возбужденія пришлось ей кстати, какъ средство для того, чтобы, указавъ на него своему союзнику, убѣдить его къ содѣйствію въ достиженіи мирнымъ путемъ цѣли.

Какъ далеки были планы Россіи, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, увѣренія автора статьи (первой) „Revue Nouvelle", что объектомъ ихъ былъ Константинополь, ошибочны.

3-го ноября 1876 года прибывшій въ Ливадію англійскій посолъ имѣлъ аудіенцію у русскаго Императора. Изъ бесѣды этой два отрывка могутъ быть приведены въ точности, ибо они увѣковѣчены въ отчетѣ лорда Лофтуса. „Упомянувъ о переговорахъ и поясняя свой образъ дѣйствій, Государь сказалъ, что онъ желалъ не отдѣляться отъ европейскаго согласія (concert); но что настоящее положеніе ему представляется невыносимымъ. Оно не можетъ продолжаться, и если Европа не расположена проявить твердость и энергію, то онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать одинъ".

Далѣе въ отчетъ включены слѣдующія слова покойнаго Государя: „Россіи приписываютъ стремленіе завоевать Индію и взять Константинополь. Чтó можетъ быть нелѣпѣе этого? Первое вполнѣ невозможно, а что касается втораго предположенія, я снова торжественно повторяю, что на это у меня нѣтъ ни желанія, ни намѣренія *).

*) D'Avril. «Négociations relatives au traité de Berlin».

И дѣйствительно, возможно ли было мечтать о столь широкихъ планахъ, когда германскій союзникъ, который задумывалъ еще въ 1875 году раздѣлить Францію и долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія по настоянію Россіи, хотя и не имѣлъ ничего противъ предпринятія ею войны, но могъ потомъ, какъ это и случилось впослѣдствіи, лишить ее возможности воспользоваться плодами своихъ побѣдъ.

Нѣтъ нужды вѣрить тому, будто, какъ говорилъ Кюшеваль-Клариньи въ «Revue des deux mondes», инсургенты въ Герцеговинѣ платили за покупаемыя ими ружья — германскими монетами въ 20 марокъ. Но со стороны Германіи достаточно было обратить вниманіе Россіи, что если она пропуститъ удобный моментъ для разрѣшенія восточнаго вопроса при помощи Германіи, то едва-ли онъ въ будущемъ можетъ скоро повториться.

Осенью 1876 года, во время пребыванія въ Варшавѣ Императора Александра II, туда же прибылъ генералъ Мантейфель, тотъ самый, который былъ уже посредникомъ въ 1866 году. Въ собственноручномъ письмѣ императора Вильгельма къ Государю, какъ тогда утверждали, заключались увѣренія, что со стороны Германіи Россія встрѣтитъ такую же помощь относительно ея свободы дѣйствій, какую Россія оказала Пруссіи въ 1866 и 1870 годахъ. Въ біографіи генерала Мантейфеля, къ сожалѣнію, не приведено подробностей относительно его миссіи, а имѣется лишь указаніе, что въ 1876 году онъ былъ посланъ въ Варшаву „съ важнымъ порученіемъ". Обратимъ особое вниманіе на это выраженіе *).

Миссія Мантейфеля отразилась предсказаніемъ близкой войны на биржахъ. На берлинской биржѣ русскій заемъ, котировавшійся въ сентябрѣ по 93, упалъ до 83, а билеты выигрышнаго займа съ 163 понизились до 143.

Послѣдовавшія событія подтвердили общія ожиданія: 30-го октября (вслѣдствіе пораженія сербской арміи) Турціи былъ предъявленъ ультиматумъ русскаго правительства, результатомъ котораго было заключеніе перемирія до 1-го января слѣдующаго года.

Миролюбіе покойнаго Государя заставляло его колебаться. Министръ финансовъ Рейтернъ категорически заявлялъ, что денежныхъ средствъ на веденіе войны не имѣется,

*) «General-Feldmarschal Edwin Freih. von Manteuffel». Von Keck.

причемъ имъ представлена была докладная записка о вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя неминуемо произойдутъ вслѣдствіе войны для экономическаго состоянія государства. Въ этомъ замѣчательномъ меморіалѣ предсказывались общее обѣднѣніе и застой въ дѣлахъ, какіе должны будутъ возникнуть вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, и расширеніе поля для революціонной пропаганды, которая въ то время уже обнаружилась. Докладъ Рейтерна выражалъ опасеніе, что такимъ образомъ славное царствованіе, сіявшее міру постояннымъ блескомъ, можетъ омрачиться тѣнью неожиданныхъ волненій*).

Нуженъ былъ сильный толчекъ для того, чтобы вызвать окончательную рѣшимость Россіи воевать.

На открытомъ засѣданіи рейхстага 5 декабря 1876 г. Бисмаркъ сказалъ, что „союзъ, заключенный на продолжительное время тремя императорами, остается въ полной силѣ", что онъ, германскій канцлеръ, не будетъ совѣтовать активнаго участія Германіи въ восточномъ спорѣ, пока этотъ споръ на затрогиваетъ какого-либо интереса, „который стоилъ бы здоровыхъ костей хотя бы одного померанскаго мушкатера". Итакъ, канцлеръ заявлялъ, что союзъ съ Россіею продолжается, несмотря на приближающуюся войну, а стало-быть никакое дѣйствіе Германіи противъ Россіи не мыслимо. Мало того, Бисмаркъ прибавилъ: „Никто, кромѣ самого императорско-русскаго правительства, не въ состояніи разорвать столѣтнюю дружбу, соединяющую прусское и русское правительства".

Геффкенъ **), который могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія, представляетъ дѣло такъ, какъ будто Бисмаркъ непосредственно толкнулъ Россію къ войнѣ. Онъ говоритъ: „Когда румынское правительство, предвидя затрудненія для себя отъ войны, просило совѣта въ Берлинѣ, то канцлеръ далъ такой возбудительный отвѣтъ, что Братіано, получивъ его, воскликнулъ: „Bismarck veut la guerre"! Когда въ Петербургѣ до послѣдней минуты еще колебались и искали иного исхода, то Бисмаркъ, будто бы, сказалъ г. Убри: „я слышу, что Императоръ колеблется; но я знаю Россію и скажу вамъ, что у васъ будетъ плохо, если вы не начнете войны". Геффкенъ увѣряетъ, что бельгійскій министръ двора, Дево, видѣлъ

---

*) См. нашъ трудъ «Финансы Россіи въ XIX столѣтіи».

**) K. Heinrich Geffcken. «Frankreich-Russland und der Dreibund». Berlin. 1893.

у русскаго посла въ Парижѣ, кн. Орлова, копію депеши г. Убри, въ которой этотъ разговоръ былъ сообщенъ.

Само собою разумѣется, что если это и правда, то эта одна фраза не могла имѣть значенія. Скорѣе могло повліять другое обстоятельство, упоминаемое Гефкеномъ, а именно, что, когда лордъ Сольсбэри ѣхалъ черезъ Берлинъ въ Константинополь на конференцію передъ самой войной, то Бисмаркъ такъ настроилъ Сольсбэри, что германскому уполномоченному на конференціи оставалось только помалчивать и уклоняться, а Россіи предстояло затѣмъ только выбрать одно изъ двухъ: или полное дипломатическое пораженіе, вслѣдствіе неудачи конференціи, или войну.

Много было исписано бумаги съ цѣлью объяснить загадку: почему отъ момента приступа къ мобилизаціи русской арміи до начала военныхъ дѣйствій противъ Турціи въ 1877 г. пропущено было пять мѣсяцевъ, и почему не воспользовались моментомъ, когда турки, разбитые во всѣхъ стычкахъ съ черногорцами, съ трудомъ защищали свои границы противъ Сербіи. Набранная большею частью изъ пастуховъ или крестьянъ, только-что оторванныхъ отъ плуга, сербская армія подъ командой Черняева, казалось, должна бы была разбѣжаться при первой встрѣчѣ съ турецкими регулярными войсками. Между тѣмъ, послѣднимъ пришлось сперва лишь защищать свои границы. Всѣ очевидцы-свидѣтели Турецко-Сербской войны согласно утверждаютъ, что достаточно было въ то время двухъ дивизій европейскихъ войскъ, чтобы разсѣять армію Абдулъ-Керима,—такъ плохо она была организована и такъ плохо управлялась.

По этому поводу было высказано много соображеній. Брали въ разсчетъ обстоятельства климатическія, топографическія, стратегическія. Болѣе всего имѣетъ за себя основаній предположеніе, что сосредоточеніе русскихъ войскъ въ Бессарабіи было слѣдствіемъ рѣшенія дѣйствовать путемъ демонстраціи.

До послѣдняго момента разсчитывали на то, что, быть можетъ, дѣло обойдется безъ войны и что готовность къ войнѣ послужитъ достаточнымъ стимуломъ для того, чтобы побудить Турцію на уступки русскимъ требованіямъ. Вѣроятность такого предположенія оправдывается притомъ относительной малочисленностью первоначальной операціонной арміи.

Едва-ли въ то время не преувеличивали разсчетовъ на то, что дипломатическія старанія двухъ такихъ могущественныхъ державъ, какъ Россія и Германія, положатъ конецъ возникшей бурѣ. Къ такого рода разсчетамъ поощряли дѣятельность и усердіе берлинскаго кабинета, который выказывалъ услужливость и, какъ мы видѣли, бралъ на себя во многихъ случаяхъ роль режиссера.

Трудно допустить, чтобы въ такое время, когда голосъ Франціи былъ слишкомъ слабъ вслѣдствіе недавней войны и происходившей въ ней внутренней борьбы между республикой и монархистами, а Австрія въ значительной степени уже подчинилась внушеніямъ берлинскаго гипнотизера, чтобы, повторяемъ, въ такое время энергическое и вполнѣ согласное воздѣйствіе на Турцію Россіи и Германіи не могло заставить Порту пойти на всевозможныя уступки.

Передъ началомъ войны кн. Бисмаркъ всячески старался заявлять дружбу къ Россіи, желалъ выказать передъ всѣмъ міромъ, что еслибы составилась европейская коалиція съ цѣлью воспрепятствовать побѣдоносному движенію русской арміи за Балканы, то Германія ни въ какомъ случаѣ къ коалиціи этой не пристанетъ. Такъ, на одну статью въ „Times“, которая превозносила заслуги и авторитетъ германскаго канцлера, приглашая его взять въ свои руки общее направленіе дѣлъ на континентѣ и выступить въ роли могущественнаго посредника въ восточномъ вопросѣ, въ союзѣ съ Англіею, органъ канцлера, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, въ рѣзкой отповѣди, заявилъ, что ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ не представляется основанія къ такому союзу, и что Англіи хотѣлось бы только чужими руками выгребать каштаны изъ восточной печи.

Въ тотъ моментъ преобладающая роль, которая шесть лѣтъ ранѣе принадлежала Россіи, перешла къ Германіи, и могло казаться, что Германія думала только о томъ, чтобы отплатить Россіи дружбою за ту услугу, которая ей была оказана Россіею въ 1866 и 1870—71 годахъ.

Дипломатическое воздѣйствіе на Турцію не отвратило войны, которая, какъ всѣмъ памятно, привела русскія войска почти подъ стѣны Царьграда и закончилась санъ-стефанскимъ трактатомъ 3 марта 1878 г., по которому въ непосредственномъ владѣніи падишаха остался лишь небольшой лоскутокъ Балканскаго полуострова, а вновь созданное княжество Болгарское должно было простираться отъ Адріа-

тики до Чернаго моря и едва не до окрестностей Константинополя; Сербія, Румынія и Черногорія пріобрѣли территоріальное расширеніе, а России была возвращена утерянная вь 1856 г. часть Бессарабіи, въ Азіи же уступлены были Ардаганъ, Карсъ и Батумъ.

Санъ-стефанскій трактатъ имѣлъ значеніе не прелиминарнаго, но окончательнаго, и 17 марта былъ ратификованъ въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, ему не суждено было осуществиться. Первою высказалась противъ него Австрія. Гр. Андраши потребовалъ отъ делегацій кредита въ 60 милл. гульд. на военныя цѣли, англійская эскадра вышла изъ Ламанша къ Мальтѣ, въ Англіи начаты были созывы резервовъ и приготовленія къ доставкѣ войскъ изъ Индіи въ Средиземное море. Графъ Дэрби, бывшій противникъ энергическаго дѣйствія, уступилъ портфель иностранныхъ дѣлъ маркизу Сольсбери, и новый министръ заявилъ въ циркулярѣ, что Англія не можетъ признать санъ-стефанскаго трактата и въ европейскомъ конгрессѣ для его разсмотрѣнія не можетъ принять участія иначе, какъ подъ условіемъ, что конгрессу этому будетъ предоставлена полная свобода пересмотра всѣхъ постановленій трактата.

Ясно, что сентъ-джемскій кабинетъ рѣшился на столь энергическую инициативу лишь потому, что могъ разсчитывать на дѣятельную поддержку со стороны одной изъ великихъ континентальныхъ державъ, а именно Австріи, которая первая и возвысила голосъ противъ санъ-стефанскаго трактата. Но при этомъ-то и невозможно было не поставить вопросъ: куда же дѣвались прежнія обѣщанія Германіи, что она устранитъ какія-либо осложненія со стороны Австріи?

Россія имѣла основаніе вѣрить, что Германія сдержитъ свое слово, какъ Россія исполнила свое обѣщаніе въ 1870 году. Положеніе было сходное: не заручившись обѣщаніемъ России сдерживать Австрію, Германія въ 1870 году не могла бы рѣшиться на войну, въ которой имѣла бы противъ себя двѣ, а можетъ быть и три державы. Безъ обѣщанія Бисмарка сдерживать Австрію, Россія, быть можетъ, не рѣшилась бы на войну 1877 года. Между тѣмъ, успокоивъ на этотъ счетъ Россію, а впослѣдствіи не сдержавъ обѣщанія, Германія, съ намѣреніемъ или нѣтъ, но какъ бы вовлекла Россію въ войну, изъ которой потомъ помѣшала ей извлечь

результаты, которые бы сколько-нибудь соотвѣтствовали огромнымъ жертвамъ людьми и деньгами.

Посылка генерала Мантейфеля въ Варшаву вѣдь имѣла же прямой цѣлью— убѣдить Россію, передъ началомъ войны, что моментъ для нея благопріятный и что подобный моментъ не скоро можетъ повториться. А между тѣмъ впослѣдствіи, соглашенія кн. Бисмарка съ Австріею и рѣчи его въ рейхстагѣ не оставляли сомнѣнія, что въ затрудненіяхъ къ исполненію санъ-стефанскаго трактата онъ принималъ участіе. Правда, онъ заявилъ въ то время, что хочетъ быть „честнымъ маклеромъ". Но въ томъ-то и дѣло, что самой нужды въ маклерствѣ не могло бы быть, еслибы въ Вѣнѣ знали, что Германія столь же искренно и рѣшительно намѣрена была сдержать Австрію въ 1878 г., какъ Россія въ 1870 г. Но этого не было, и Россія, послѣ побѣды надъ Турціею, оказалась стоящею лицомъ къ лицу съ двумя великими державами, открыто готовившимися къ войнѣ съ нею.

Здѣсь можно спросить: не была ли перемѣна въ намѣреніяхъ канцлера вынуждена измѣненіемъ въ самомъ положеніи Европы, не случилось ли такъ, что его планы разстроились, и онъ принужденъ былъ поступать вопреки своимъ видамъ и желаніямъ? Тогда Бисмарка можно было бы упрекать только въ легкомысленности при составленіи плановъ. Но въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало выступать съ такими заявленіями, какъ тѣ, которыя находимъ въ его рѣчи въ рейхстагѣ 19 февраля 1878 г., т. е. въ тотъ моментъ, когда Россія, послѣ непредвидѣнныхъ ею напряженій, какихъ ей стоила война съ Турціею, очутилась съ перспективой войны съ Англіею, а можетъ быть и съ Австріею, и положительно нуждалась въ содѣйствіи друзей искреннихъ.

Въ этой рѣчи тройственный союзъ императоровъ названъ былъ уже не союзомъ, но „отношеніями" („Verhältniss"). „Отношенія, въ какихъ находятся императоры,—говорилъ Бисмаркъ,—не основываются на какихъ-либо письменныхъ обязательствахъ и не понуждаютъ кого-либо изъ трехъ императоровъ къ подчиненію голосамъ двухъ другихъ"... Далѣе онъ высказывалъ, что тѣ правительства, которыя были бы недовольны дѣйствіями Россіи, имѣли бы, несмотря на „отношенія", полное право воспротивиться ея требованіямъ, хотя бы при помощи оружія. За Германію онъ, въ той же рѣчи,

рѣшительно отказывался отъ роли „европейскаго полисмена“... „Только въ защиту нашей независимости я рѣшился бы совѣтовать его величеству войну“. Такое заявленіе должно было сильнѣе всего подѣйствовать въ Англіи, гдѣ въ данную минуту проявлялось наибольшое возбужденіе *).

Такимъ образомъ, Бисмаркъ открывалъ для Англіи и Австріи свободу дѣйствій и тѣмъ несомнѣнно вліялъ на положеніе дѣлъ, хотя, при нѣкоторой энергіи, Россія, конечно, могла игнорировать произвольное толкованіе Бисмаркомъ тогдашняго тройственнаго союза, такъ какъ реальныя отношенія между державами во всякомъ случаѣ должны были опредѣляться реальною силой, какою каждая изъ нихъ могла располагать, а не тѣмъ или другимъ „крылатымъ словомъ“ талантливаго германскаго импровизатора.

Есть писатели, которые высказываютъ даже такое предположеніе, что Бисмаркъ охотно увидѣлъ бы войну между Россіею, Австро-Венгріею и Англіею, и при этомъ случаѣ захватилъ бы для Германіи Нидерланды **). Но для Англіи такая перспектива представлялась нежелательною, и вскорѣ отношенія между ней и Россіею улучшились настолько, что сдѣлался возможнымъ конгрессъ для пересмотра санъ-стефанскаго трактата. Князь Бисмаркъ не желалъ этого конгресса и, въ то же время, предлагалъ, на всякій случай, чтобы онъ собрался въ Берлинѣ. Британскій посолъ доносилъ своему правительству изъ Берлина 13-го марта 1878 года: „Князь Бисмаркъ просилъ меня сообщить вамъ, что Германія безъ Англіи не приметъ участія въ конференціи ***) и что она не понимаетъ возможности конгресса по европейскимъ дѣламъ безъ участія Англіи, одной изъ главныхъ сторонъ („one of the chief contractors“)“.

Въ концѣ концовъ берлинскій конгрессъ состоялся, но рѣшенія его не удовлетворили ни главныхъ державъ, ни второстепенныхъ, которыя были въ немъ заинтересованы, и, вмѣсто того, чтобы примирить ихъ между собою, создалъ между ними раздоръ. Только въ Австріи торжествовали по поводу предоставленія ей конгрессомъ занятія Босніи и Герцеговины, безъ всякой жертвы со стороны монархіи Габсбур-

---

*) Geffcken. «Frankreich-Russland und der Dreibund».
**) Debidour. «Histoire diplomatique de l'Europe», p. 518.
***) Предварительной.

говъ. Но Россія не могла не принять во вниманіе, что занятіе австрійцами Босніи и Герцеговины совершалось при нарушеніи того, чѣмъ оно было обусловлено, а именно при передѣлкѣ границъ Болгаріи, выговоренныхъ Россіею въ санъ-стефанскомъ трактатѣ. Берлинскій конгрессъ, очевидно, нарушилъ равновѣсіе, осуществляя для одной стороны то, что должно было служить вознагражденіемъ для другой за осуществленіе ея видовъ, которое, въ силу поставленныхъ трудностей, не состоялось.

Что австрійское правительство было довольно предоставленіемъ ему временнаго занятія Босніи и Герцеговины, которое затѣмъ обратилось въ постоянное и нынѣ фактически считается окончательнымъ — это доказывается тѣмъ, что, какъ видно изъ депеши прежняго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Тувенеля къ герцогу Граммону, послу въ Вѣнѣ *), въ 1861 году, „Австрія желала присоединенія Босніи и Герцеговины въ вознагражденіе за утрату Ломбардіи", стало быть даже еще раньше, чѣмъ она лишилась и Венеціанской области.

Но главное обстоятельство при этомъ, которое заслуживаетъ вниманія, это то, что предоставленіе Босніи и Герцеговины временному будто-бы занятію австрійцами вполнѣ согласовалось съ видами Бисмарка, представляя собой не что иное, какъ вознагражденіе, данное Австріи Германіею на чужой счетъ, для возстановленія добрыхъ отношеній между двумя великими „нѣмецкими" державами. „Fremden-blatt", извѣстный органъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, отозвался такъ, что „Россія оказалась неспособной разрѣшить восточный вопросъ, а потому на долю Австріи—въ согласіи съ Германіею и съ остальной Европою—выпадаетъ задача осуществить освобожденіе балканскихъ областей отъ турецкаго деспотизма".

„При этомъ — продолжала газета — политика Австріи должна быть противоположна русской политикѣ. Вмѣсто того, чтобы возбуждать національныя и религіозныя страсти, Австрія должна стараться соглашать интересы и изглаживать контрасты. Вмѣсто того, чтобы, возбуждая возстанія и ведя войну, разрушать благосостояніе придунайскихъ и балканскихъ областей, Австрія должна поставить себѣ цѣлью

*) «Le secret de l'empereur», стр. 211.

содѣйствовать экономическому возрожденію Турціи и княжествъ; даже въ интересахъ самой своей торговли, Австрія должна, по заключеніи мира, слѣдовать такой именно политикѣ"...

Со стороны Германіи готова была всякая помощь Австріи для исполненія такой ея „культурной миссіи" на востокѣ. Послѣ берлинскаго трактата Порта стала обращаться въ Берлинъ за чиновниками, которымъ поручалось обновленіе Турціи. А какъ это обновленіе Турціи понималось въ Берлинѣ, видно изъ слѣдующаго отзыва одной берлинской газеты *): „одни наши чиновники обновить Турцію, разумѣется, не могутъ; но они укажутъ ту роль, какая можетъ принадлежать нѣмцамъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Давно уже мы твердимъ нашимъ колонистамъ, отправляющимся въ Америку, что почти подъ бокомъ есть чудныя страны, которыя слѣдовало бы завоевать для цивилизаціи". Великолѣпная перспектива для тѣхъ странъ; но прошедшее показываетъ, что вслѣдъ за піонерами цивилизаціи изъ Германіи—идетъ солдатъ.

Какъ было уже указано нами, принимаясь изгонять Австрію изъ германскаго союза, Бисмаркъ совѣтовалъ ей перенести „центръ тяжести" ея политики на востокъ. Занятіе Босніи и Герцеговины было важнымъ шагомъ къ этой цѣли, вдвойнѣ выгоднымъ для Германіи. Съ одной стороны, оно обозначаетъ путь, на которомъ со временемъ Германія могла бы вознаградить Австрію за отнятіе у нея нѣмецкихъ провинцій для окончательнаго завершенія германскаго единства, а съ другой—цѣль болѣе близкая—занятіе Босніи и Герцеговины дѣлало изъ Австріи естественную соперницу и противницу Россіи въ восточномъ вопросѣ, а тѣмъ самымъ обѣ эти державы становились менѣе опасными для Германіи. Для Австріи устанавливалась, вслѣдствіе того, потребность до нѣкоторой степени постоянно подчиняться Германіи; а въ случаѣ, еслибы Австрія стала искать новыхъ союзовъ, то для Германіи открылась бы возможность опереться противъ нея на Россію.

Берлинскій трактатъ потому и не создалъ положенія, которое бы прочно обезпечивало миръ, что принятыя на немъ рѣшенія не соотвѣтствовали результатамъ, какіе были

*) «National Zeitung», въ августѣ 1880 г.

достигнуты войною. Приведемъ здѣсь отзывъ сэра Чарльза Дилька *), который, какъ бывшій министръ имѣлъ возможность составить себѣ мнѣніе, основанное на надежныхъ данныхъ. „Берлинскій трактатъ, который долженъ былъ создать мирное урегулированіе европейскихъ дѣлъ, если не навсегда, то на долгое время,—говоритъ онъ,—вмѣсто того, открылъ воинственную эру, такъ какъ сопровождался тайными соглашеніями, отчасти получившими огласку. Хотя подобные пріемы и не были новы въ исторіи дипломатіи, но никогда еще они не были столь безцеремонны".

„Еще въ 1866 году была изобрѣтена эта „политика магарычей", когда Италія спрашивала совѣта въ Парижѣ, на чью сторону ей стать—Пруссіи или Австріи, такъ какъ и та и другая изъ этихъ державъ предлагали Италіи, въ вознагражденіе за союзъ съ ними, Венеціанскую область. Любопытенъ былъ отвѣтъ императора Наполеона, который заявилъ, что подождетъ истощенія обоихъ противниковъ, чтобы завладѣть Рейномъ, и потому желаетъ, чтобы война оставалась возможно дольше безъ результата; а такъ какъ Пруссія представлялась ему слабѣе, чѣмъ Австрія, то онъ совѣтовалъ Италіи соединиться съ Пруссіею, для того, чтобы уравновѣсить силы. Въ 1870 году Италія снова колебалась и опять продала свое участіе за высокую цѣну. Бездѣйствіе же Австріи въ то время было явнымъ нарушеніемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ. А между тѣмъ, ни въ 1866, ни въ 1870 годахъ Европа не бросалась такъ на раздѣлъ добычи, какъ въ 1878 году, когда представители ея собрались съ цѣлью установить миръ".

Вполнѣ естественно было впечатлѣніе, которое такой оборотъ дѣлъ произвелъ въ Россіи, гдѣ въ немъ увидѣли результатъ неискренняго по отношенію къ ней образа дѣйствій князя Бисмарка. Войну Россія вела одна, такъ какъ Румынію можно не считать, одна перенесла всю тягость войны и пожертвованія, которыхъ она потребовала. Россія побѣдила, а между тѣмъ за Россіею не было признано даже права на свободный проходъ ея военныхъ судовъ черезъ проливы. Великая Болгарія, какъ она была признана на предварительной конференціи въ Константинополѣ, была раздроблена берлинскимъ трактатомъ на три куска, а Боснія съ Герцего-

*) «L'Europe en 1887», стр. 3—4.

виной фактически были присуждены Австро-Венгріи. Наконецъ, Россія сама сочла необходимымъ, при данныхъ обстоятельствахъ, выговорить независимость Румыніи и Сербіи, хотя первоначально это, быть можетъ, и не входило въ ея планы. Въ послѣднемъ отношеніи представляетъ нѣкоторый интересъ показаніе лорда Лофтуса, бывшаго посла въ Петербургѣ, будто на одной, данной ему аудіенціи, упомянувъ, что „независимость Сербіи и Румыніи, къ которой стремятся оба эти княжества, представляла бы первый шагъ къ разложенію Турецкой имперіи", онъ получилъ въ отвѣтъ, что „нѣтъ и рѣчи о возведеніи ихъ въ королевства; что это было бы ошибкой („une maladresse")" *).

При измѣнившихся обстоятельствахъ оказалось необходимымъ выговорить независимость для Румыніи и Сербіи, уже хотя бы потому, что этому благопріятствовала Австрія. Но то обстоятельство, что Австрія, а тѣмъ болѣе Германія играли при урегулированіи результатовъ войны роль, равную съ ролью Россіи, между тѣмъ какъ Россія для того только и способствовала объединенію Германіи, чтобы сдѣлать Австрію безвредною для себя въ восточномъ вопросѣ—не могло не вызывать раздраженія въ Россіи.

Въ виду всего этого, представляются маловѣроятными слухи, будто тотчасъ по заключеніи трактата, Россіею были сдѣланы въ Берлинѣ предложенія относительно какого-то военнаго союза. Но какъ бы то ни было, есть поводъ предположить, что и Бисмаркъ не былъ расположенъ послѣ войны къ болѣе тѣсному союзу съ Россіею. По крайней мѣрѣ, вотъ какъ передавалъ сотрудникъ „Новаго Времени" г. Львовъ отвѣтъ, данный ему Бисмаркомъ въ маѣ 1890 года относительно желательности союза съ Россіею: „отдѣлить себя отъ всей Европы союзомъ съ Россіею я тѣмъ менѣе могъ рѣшиться, что Россія стала отзываться о насъ съ недовѣріемъ и злобой („grimmig"). При такомъ настроеніи, союзъ этотъ не представлялъ гарантій прочности". Нѣмецкій авторъ, по которому мы цитируемъ этотъ отвѣтъ **), замѣчаетъ, что Бисмаркъ, пожалуй, былъ и правъ, если только не онъ же самъ „посѣялъ тотъ вѣтеръ, который произвелъ бурю".

Любопытно то, что никто лучше самого Бисмарка не

*) D'Avril. «Négociations relatives au traité de Berlin».

**) «Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik».

выразилъ того впечатлѣнія, какое было вызвано въ Россіи его „честнымъ маклерствомъ“. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ въ 1878 году онъ такъ выражалъ взгляды „противныхъ Германіи партій“ въ Россіи, взгляды, которымъ онъ затѣмъ, конечно, отказывалъ въ какой-либо справедливости: „Онѣ могутъ сказать: какъ были велики тѣ жертвы въ людяхъ и сокровищахъ, которыя мы принесли для того, чтобы достигнуть вѣковой цѣли русскаго честолюбія! Плоды этихъ нашихъ пожертвованій мы съумѣли бы оборонить отъ тѣхъ противниковъ, которые имѣли въ самомъ дѣлѣ интересъ въ томъ, чтобы результаты эти у насъ оспаривать. Но не Австрія, съ которой мы давно живемъ въ умѣренно-интимныхъ отношеніяхъ (!), и не Англія, которая имѣетъ интересы открыто противоположные нашимъ, нѣтъ—ближайшій нашъ другъ тотъ, кому мы прежде оказали услуги, за которыя считали себя вправѣ ожидать равныхъ услугъ—Германія, которая здѣсь даже не имѣетъ противнаго намъ интереса, она, за нашей спиной, обнажила на насъ не мечъ, но—кинжалъ“.

Прекрасно сказано, и странно, что такіе „взгляды противныхъ Германіи партій въ Россіи“ не были ораторомъ-канцлеромъ предвидѣны заранѣе.

Посмотримъ теперь, какія послѣдствія повлекла за собой эта „политика магарычей“.

VIII.

Возстановленіе нарушеннаго равновѣсія посредствомъ союзовъ.

Былъ въ свое время распространенъ и такой слухъ, будто Россія въ 1879 г. предлагала союзъ Франціи, но Гамбетта будто бы на него не рѣшался. Это уже слѣдуетъ отнести къ категоріи фантазій. Едва-ли не въ ту же категорію слѣдуетъ зачислить разсказъ Буша, бывшаго секретаря Бисмарка *), будто послѣ подписанія берлинскаго трактата германскій канцлеръ крайне безпокоился предположеніемъ о соглашеніи между Россіею и Австріею, соглашеніемъ на такомъ основаніи, что Австрія признала бы за Россіею полную

*) Busch, «Unser Reichs-Kanzler», I, стр. 448.

свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ — въ извѣстныхъ географическихъ границахъ, и за то Россія помогла бы Австріи возстановить ея значеніе и вліяніе въ германскомъ союзѣ. Бушъ говоритъ, что опасеніе это, вызванное, между прочимъ, поѣздкою графа Андраши въ Петербургъ, разсѣялось само-собой, когда тотъ же министръ явился затѣмъ въ Гаштейнъ, гдѣ встрѣтились императоры австрійскій и германскій.

Нельзя иначе, какъ съ особой осторожностью, относиться къ разнымъ газетнымъ извѣстіямъ и слухамъ о томъ, какъ выразились въ ближайшее время тѣ недоразумѣнія между Россіею и Германіею, которыя были вызваны берлинскимъ трактатомъ. Остановимся лишь на томъ фактѣ, что въ августѣ 1879 года, во время пребыванія Императора Александра Николаевича въ Варшавѣ, туда былъ снова присланъ императоромъ Вильгельмомъ I, какъ говорили—безъ спроса Бисмарка - генералъ Мантейфель. Но о результатѣ тѣхъ аудіенцій, какія онъ имѣлъ, неизвѣстно ничего положительнаго, кромѣ того, что, по всей вѣроятности, онѣ подготовляли свиданіе между обоими монархами въ Александровѣ.

И по отношенію къ этому свиданію отзывы были взаимно противоположны. Нѣкоторые, на основаніи позднѣйшихъ заявленій Бисмарка, утверждаютъ, что Россія относилась къ Германіи съ угрозами, другіе увѣряютъ, что свиданіе произвело успокоительное дѣйствіе, такъ какъ монархи будто бы согласились въ томъ, что воевать другъ съ другомъ они никогда не будутъ. Дѣйствительное содержаніе тогдашнихъ переговоровъ можетъ раскрыться только въ будущее время. Одно только удостовѣряется фактически: черезъ десятокъ слишкомъ дней послѣ свиданія монарховъ Россіи и Пруссіи въ Александровѣ, было подписано соглашеніе между Германіею и Австріею.

Въ этомъ соглашеніи, говорятъ, упоминалось и объ отношеніи къ Франціи, но сущность касалась именно Россіи. До какой степени неотложнымъ признавалъ Бисмаркъ обезпеченіе Германіи такимъ соглашеніемъ, доказывается тѣмъ, что 15-го октября оно уже было подписано представителями Германской имперіи и Австріею, и затѣмъ тотъ же часъ созванъ былъ германскій союзный совѣтъ („Bundesrath“) для

утвержденія этого соглашенія всѣми германскими правительствами.

Роль императора Вильгельма во всемъ этомъ дѣлѣ весьма загадочна, ибо нельзя же допустить, чтобы отъ него скрывали заключеніе и ратификацію трактата.

Впрочемъ, станемъ на точку зрѣнія Австріи. Еслибы князю Бисмарку не было извѣстно заранѣе о предполагавшемся съѣздѣ въ Александровѣ, и онъ не могъ бы предупредить будущихъ союзниковъ о неожиданномъ инцидентѣ, то вѣсть объ этомъ какъ громомъ поразила бы вѣнскую дипломатію. Это дало бы поводъ къ подозрѣніямъ и опасеніямъ. Потребовались бы новыя увѣренія, поясненія, справки, чего, даже при величайшей поспѣшности, нельзя бы было совершить менѣе, чѣмъ дней въ двѣнадцать, съ 3-го по 15 октября. Австрія не стала бы торопиться, ибо она хорошо знала, на что способны прусская дипломатія и ея тогдашній руководитель.

Вся заключающаяся въ этомъ невѣроятность, однако, тотчасъ исчезаетъ, если только предположить, что князь Бисмаркъ въ данномъ случаѣ не отступалъ отъ традиціонной системы вести двойную дипломатическую игру, сценарій которой онъ самъ устроилъ и направлялъ къ одной и той же цѣли. Кто же, какъ не онъ, былъ мастеромъ, подъ прикрытіемъ показной дружбы, усыплять бдительность другихъ дипломатовъ? Такимъ образомъ новый союзъ безпрепятственно осуществился и достаточно окрѣпъ.

Г-нъ Татищевъ сообщаетъ, что, узнавъ въ Вѣнѣ о намѣреніи Бисмарка относительно трактата, онъ тотчасъ отправился въ Баденъ-Баденъ, чтобы предупредить о нихъ князя Горчакова. Но русскій канцлеръ не хотѣлъ этому повѣрить, ссылаясь на съѣздъ въ Александровѣ. Вся игра, слѣдовательно, удалась, и цѣль была достигнута.

До какой степени въ Берлинѣ считали важнымъ держать въ тайнѣ дѣло заключенія новаго трактата, видно изъ слѣдующаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора, когда уже текстъ его былъ напечатанъ въ газетахъ, прусскій министръ исповѣданій Путткамеръ, на торжествѣ въ Эссенѣ, провозгласилъ тостъ въ честь императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вы, конечно, читали въ „Kölnische Zeitung“ и уже знаете, какъ нашъ монархъ превозмогъ себя и принесъ стремленія своего сердца въ жертву

народному благу. Подчиняясь долгу, онъ заключилъ трактатъ, который обезпечитъ Европу по всей вѣроятности продолжительнымъ миромъ. Да здравствуетъ императоръ!"

Князь Бисмаркъ за этотъ тостъ такъ разсердился на безтактнаго министра (который не могъ не знать о секретномъ вѣнскомъ соглашенiи), что послѣднiй вынужденъ былъ подать въ отставку.

Отставка эта была тогда не принята императоромъ Вильгельмомъ потому только, что вскорѣ должны были начаться засѣданiя палатъ, но она тѣмъ не менѣе нѣсколько позже состоялась, а оффицiозная печать разразилась рѣзкими статьями противъ Путткамера, въ которыхъ онъ обвинялся въ излишней довѣрчивости къ лживымъ газетнымъ слухамъ. „Между тѣмъ Путткамеръ, какъ утверждаетъ нѣмецкiй публицистъ *), ровно ничего такого не сказалъ, что бы не оправдалось впослѣдствiи фактически".

А вѣдь Путткамеръ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ поборниковъ бисмарковской системы и пользовался полнымъ довѣрiемъ канцлера. Отсюда видно, какое значенiе придавали въ Берлинѣ политической тайнѣ, и съ другой стороны этотъ случай показываетъ, до какой степени тамъ въ ходу насилованiе истины, и какъ мало гарантируютъ ее оффицiальныя утвержденiя и опроверженiя.

Читатель, конечно, замѣтилъ, что мы вовсе не касаемся политической цѣнности Австро-Германскаго союза, его неизбѣжности для отечества князя канцлера, и не беремся рѣшать, ему ли дѣйствительно Европа обязана прочнымъ миромъ послѣднихъ лѣтъ (хотя и вооруженнымъ). Мы обращаемъ вниманiе лишь на систему, которой слѣдовалъ руководитель нѣмецкой политики.

Трактатъ заключенъ, правда, *оборонительный*. Но на гибкомъ языкѣ дипломатовъ это слово зачастую означаетъ наступательный образъ дѣйствiй. Мы остановились на этомъ обстоятельствѣ съ тѣмъ только, чтобы показать, какъ мало довѣрiя заслуживаютъ самыя торжественныя обѣщанiя, исходящiя изъ Берлина.

Князь Бисмаркъ пытался заманить во вновь заключенный союзъ и Францiю. Съ этой цѣлью онъ имѣлъ свиданiе съ французскимъ дипломатомъ Тесерранъ-де-Боръ, котораго

*) «Radbolsky. «Die Mitteleuropäische Friedensliega», стр. 86.

увѣрялъ въ своемъ расположенiи къ республиканскому сосѣду. «Je ne me sers jamais de ma parole pour déguiser ma pensée» *), сказалъ онъ ему. „Г-нъ Ваддингтонъ,—продолжалъ онъ далѣе,—имѣлъ на это доказательства въ Берлинѣ, и мое желанiе поддержать сердечность къ Францiи искренно“.

Намѣренiя Бисмарка, насколько можно судить вообще о намѣренiяхъ его, въ то время заключались въ томъ, чтобы, устроивъ среднеевропейскiй союзъ, направить его противъ Россiи и Англiи. Онъ доказывалъ, что изъ борьбы Францiи съ Германiей извлекли пользу лишь Англiя и Россiя, чрезмѣрно распространившiя свои владѣнiя. Если соперничество и несогласiя между государствами центральной Европы продолжатся, то Босфоръ и прочее наслѣдство Турцiи неминуемо перейдетъ къ этимъ державамъ. Но планъ этотъ не осуществился, благодаря, между прочимъ, влiянiю Гамбетты. Популярность эксъ-диктатора въ то время была такъ велика, что ему не трудно было провести на практикѣ свой политическiй догматъ относительно необходимости полнаго согласiя съ Англiей. Какъ бы въ отвѣтъ на предложенiя Бисмарка, Гамбетта произнесъ свою извѣстную рѣчь въ Шербургѣ, въ которой завѣщалъ Францiи возстановленiе прежняго политическаго блеска посредствомъ армiи.

Надо полагать, что и самъ Бисмаркъ не питалъ большихъ надеждъ на осуществленiе своихъ филофранцузскихъ затѣй. Но нельзя не согласиться, что союзъ съ Францiей могъ бы ему развязать руки для полной свободы дѣйствiй на востокѣ и былъ бы точнымъ повторенiемъ комбинацiй 1870—1871 гг. Неудача предварительныхъ заигрыванiй съ Францiею заставила канцлера усиленно искать новыхъ подкрѣпленiй своему союзу. Можно было имѣть виды на Италiю и Испанiю. Первая представляла, разумѣется, болѣе данныхъ для этой цѣли, какъ по сравнительному военному могуществу, такъ и по суммѣ политическихъ вожделѣнiй, которыми можно было заманить это государство, стремящееся поддержать свое значенiе первоклассной державы. Ей было указано на Триполи, Тунисъ, Албанiю, преимущественное влiянiе на Средиземномъ морѣ.

Въ Европѣ преобладаетъ на этотъ счетъ мнѣнiе, что Италiя поступила крайне неосмотрительно, связавшись съ

*) «Я никогда не прибѣгаю къ словамъ, чтобы скрыть мои мысли».

Германіей договоромъ. Союзъ, заключенный съ Германіей и Австріей, не можетъ быть популярнымъ въ странѣ, обязанной благодарностью Франціи за свое освобожденіе. Такія же чувства отталкиваютъ ее отъ Австріи, въ которой еще осталось 700.000 итальянцевъ, мечтающихъ объ отдѣленіи отъ нея. Кромѣ того, не вѣрно и не ясно опредѣленныя выгоды въ будущемъ, представляемыя тройственнымъ союзомъ для Италіи, оплачиваются слишкомъ дорогою цѣною, и едва-ли она будетъ въ состояніи выдержать долго настоящее положеніе, требующее непосильныхъ для нея средствъ на вооруженіе.

Пріобрѣтеніе третьяго союзника, тѣмъ не менѣе, поддержало жизненность австро-германскаго соглашенія; оно, какъ извѣстно, существуетъ до настоящаго времени.

Дальнѣйшій ходъ взаимныхъ отношеній между Россіей и Германіей постоянно видоизмѣнялся. Въ 1882 году повторилась газетная война съ обѣихъ сторонъ, совершенно такая же, какая происходила въ 1875 и 1879 годахъ. Шумъ, поднятый нѣмецкою прессою, взбудораживалъ общественное мнѣніе. Газеты были полны извѣстіями, въ родѣ того, что „Аннибалъ у воротъ государства!“ Полу-оффиціальныя прусскія газеты указывали на скопленіе русскихъ войскъ у границы и обращались къ правительству съ вопросомъ: „готово ли оно къ войнѣ съ Россіей?“ Замѣчательно, что въ это же время въ Вѣнѣ и Пештѣ, несмотря на существованіе обоюднаго оборонительнаго договора, берлинскія алярмистскія извѣстія не отразились ни малѣйшимъ эхомъ. Тамошнія газеты ограничились перепечаткой этихъ извѣстій, не добавляя отъ себя ничего такого, что могло бы усилить тревогу и возбудить общественное мнѣніе. Для читателей было ясно, что угрожающія вѣсти принимались условно, оставляя ихъ точность на отвѣтственности германской прессы. Эта разница участія въ газетномъ шумѣ прямо доказывала, что надобность въ немъ признавалась лишь Берлиномъ, т. е. княземъ Бисмаркомъ, который этимъ путемъ хотѣлъ заставить парламентъ согласиться на новые кредиты, для увеличенія и безъ того громадныхъ вооруженій.

Въ 1883 и 1884 годахъ казалось, что отношенія между Россіей и Германіей окончательно измѣнились. Русскаго министра иностранныхъ дѣлъ ожидали въ Парижѣ—и передъ глазами нѣмецкой прессы выросъ призракъ другого союза.

Союзъ этотъ можно было и слѣдовало бы предвидѣть, но берлинскіе дипломаты полагали, что они съумѣютъ его отстранить. Усилившееся дипломатическое движеніе разрѣшилось союзомъ императоровъ, заключеннымъ на три года, начиная съ 1-го апрѣля 1884 года.

Начался рядъ дружественныхъ манифестацій: русская эскадра сопровождала германскаго наслѣднаго принца изъ Генуи въ Испанію. Германскій императоръ лично выразилъ удовольствіе по поводу сохраненія добрыхъ отношеній къ Россіи. Въ февралѣ 1884 года, по случаю празднованія семидесятилѣтія со дня возведенія императора Вильгельма въ число георгіевскихъ кавалеровъ, въ Берлинъ прибылъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ сопровожденіи другихъ высшихъ представителей русской арміи. Князь Долгорукій посѣтилъ Фридрихсруэ; графъ Вальдерзее, съ чрезвычайной миссіей, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Князь Орловъ назначенъ былъ посломъ въ Берлинъ. Графъ Гербертъ Бисмаркъ снова провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Ко дню празднованія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника прибылъ въ Петербургъ принцъ Вильгельмъ прусскій, нынѣшній императоръ германскій, и провелъ въ немъ недѣлю. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Европа еще разъ убѣдилась въ обоюдной симпатіи двухъ государствъ—на реальномъ проявленіи ея, когда Германія оказала Россіи помощь при заключеніи займа. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что миръ на сѣверо-востокѣ Европы вполнѣ обезпеченъ.

Третій союзникъ—Австро-Венгрія, въ началѣ, казалось, былъ немало пораженъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, вѣнская и пештская печать указывали не безъ горечи и не безъ оттѣнка нескрываемаго неудовольствія и нѣкоторой ироніи на усиливающуюся русско-нѣмецкую дружбу. Отношенія обоихъ сосѣднихъ государствъ къ Россіи не одинаковы. Германія не имѣетъ поводовъ, подобно Австріи, страшиться восточнаго сосѣда, ибо между ними не существуетъ такихъ вопросовъ, которые могли бы въ каждый моментъ выступить впередъ и привести къ неизбѣжному столкновенію. Между тѣмъ у Россіи съ Австріей не только не окончены, но съ каждымъ днемъ обостряются недоразумѣнія по восточному вопросу, со всѣми возникающими изъ него осложненіями и противоположными интересами. Пока

все это не разрѣшится—не можетъ быть рѣчи о прочномъ соглашенiи.

Поэтому, основанiемъ для союза трехъ императоровъ могло бы служить намѣренiе или, по крайней мѣрѣ, желанiе ликвидировать мирнымъ путемъ турецкое наслѣдство въ Европѣ, принимая во вниманiе права и выгоды всѣхъ сторонъ. Увѣряютъ, будто вопросъ этотъ трактовался во время съѣзда монарховъ въ Скерневицахъ и въ слѣдующемъ году, при свиданiи Государя Императора съ императоромъ австрiйскимъ.

Казалось бы, что союзъ монарховъ, освященный личными свиданiями, совершенно отстранялъ необходимость сепаратнаго союза между Германiей и Австро-Венгрiей, цѣлью котораго могли быть лишь взаимныя условiя на случай войны съ Россiей. Въ данную же минуту опасности такой со стороны союзника не предстояло, и притомъ прежнiй союзъ еще не былъ расторгнутъ. Текстъ отдѣльнаго соглашенiя не былъ обще-извѣстенъ; стороны ограничивались заявленiемъ, что новое соглашенiе имѣло въ виду интересы и задачи, независимые отъ общаго договора. Ясно было, однако, что ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ не довѣряли продолжительности послѣдняго.

И дѣйствительно союзъ этотъ не повлiялъ на характеръ дальнѣйшаго хода событiй на востокѣ Европы.

Возникла сербо-болгарская война, и Австрiя, ради спасенiя отъ разгрома Сербiи или, точнѣе говоря, короля Милана, подала ему руку помощи въ видѣ требованiя прiостановки военныхъ дѣйствiй и примиренiя между воюющими сторонами.

Затѣмъ, въ сентябрѣ 1885 года, вспыхнула революцiя въ Румелiи, завершившаяся присоединенiемъ этого вассальнаго княжества Турцiи къ Болгарiи. Совершилось это вопреки желанiямъ и совѣтамъ Россiи. Князь Болгарiи (Баттенбергъ), принявъ власть въ Румелiи, вызвалъ этимъ неудовольствiе Россiи, и безъ того уже имѣвшей къ тому поводы.

11-го августа 1886 года произошла въ Софiи революцiя, свергнувшая князя Александра съ престола. Контръ-революцiя черезъ нѣсколько дней вновь призвала его изъ-за границы на тронъ, а затѣмъ, вслѣдствiе депеши русскаго Государя, онъ окончательно уѣхалъ изъ Болгарiи. Въ Софiю былъ от-

правленъ уполномоченный въ лицѣ генерала Каульбарса. Въ это время антагонизмъ Австріи и Россіи усилился, а черезъ годъ послѣ этого наступили новые выборы на вакантный княжескій престолъ, на который былъ избранъ принцъ Кобургскій, только недавно признанный державами а главное Россіей.

Съ окончаніемъ срока союза трехъ императоровъ, печать и общественное мнѣніе не только не сокрушались о минованіи его, но выражали желаніе, чтобы онъ не возобновлялся. Россія вступила на путь политики, ничѣмъ не связанной, а союзъ трехъ императоровъ смѣнился новымъ соглашеніемъ между Германіею и Австріею, къ которому присоединилась Италія. Такъ возникъ тройственный союзъ между Германіей, Австріей и Италіей.

Въ слѣдующемъ году Бисмаркомъ высказано въ многочисленныхъ рѣчахъ много словъ, касавшихся исторіи заграничной политики. Въ одной изъ нихъ отношеніе Германіи къ сосѣднему государству онъ характеризировалъ тѣмъ обстоятельствомъ, что участь Болгаріи ни въ какой мѣрѣ не интересуетъ Германію („что мнѣ до Гекубы и что Гекубѣ до меня!"). Онъ утверждалъ, что отношенія между Германіей и Австріей такъ хороши, что исторія представляетъ мало подобныхъ примѣровъ. Дружба между Германіею и Россіею вполнѣ испытанная.

Дипломатія союза, по словамъ канцлера, не только всячески старается поддержать эти добрыя отношенія, но и присоединиться къ нимъ. Усердіе князя-канцлера простиралось до того, что подвергало его въ Вѣнѣ упрекамъ въ преданности Россіи, а въ Петербургѣ—обвиненіямъ въ пристрастіи къ Австріи. Словомъ, этому миротворцу уже перестали вѣрить.

Тройственный союзъ способствовалъ болѣе точному противъ прежняго опредѣленію международныхъ отношеній. Онъ сдѣлался или стремился сдѣлаться центромъ притяженія для прочихъ государствъ, и такимъ образомъ на европейскомъ горизонтѣ обрисовались два лагеря.

Есть основаніе предполагать, что по этому поводу уже велись переговоры съ большею частью европейскихъ государствъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ. Рядомъ съ усиліями въ видахъ привлеченія ихъ къ тройственному союзу, съ другой стороны, вѣроятно, происходили и обратныя ста-

ранія: отвлечь свободныя въ своей политикѣ державы отъ вступленія въ союзъ. Прежде всего, конечно, хлопотали о включеніи въ союзъ большихъ державъ, какъ Англія, Турція, затѣмъ дѣло шло о Румыніи, Сербіи, Болгаріи и Греціи.

Что касается Турціи, то уже одно ея согласіе на открытіе Дарданельскаго пролива для русскаго флота можетъ служить указаніемъ того, что среднеевропейскій союзъ не пользуется въ эту минуту особеннымъ вліяніемъ въ Стамбулѣ.

Болѣе правдоподобнымъ казалось присоединеніе къ этому союзу Англіи, особенно послѣ того, какъ съ устраненіемъ Бисмарка англо-германскія отношенія несомнѣнно измѣнились къ лучшему. (Извѣстно, что тотъ союзъ среднеевропейскихъ государствъ, который предполагалъ основать въ 1879 году Бисмаркъ, имѣлъ между прочимъ цѣлью противодѣйствовать англійскому вліянію). Но и до настоящаго момента нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько присоединеніе къ тройственному союзу Англіи приблизилось къ осуществленію.

Особенныя старанія были пущены въ ходъ для привлеченія къ союзу Румыніи, королевскій дворъ которой связанъ узами родства съ берлинскимъ. Извѣстно, что въ 1880 году князь Карлъ ѣздилъ въ Берлинъ и Вѣну, хлопотать о замѣнѣ княжескаго титула на королевскій. Такъ какъ въ политикѣ никакихъ услугъ даромъ не оказываютъ, то судя по той помощи, какую оказали Румыніи, при переименованіи ея въ королевство, Австрія и Пруссія, надо думать, что послѣднія двѣ державы заручились какимъ-нибудь договоромъ со стороны Румыніи на случай войны. Но въ сущности это только догадка, которая находитъ себѣ опроверженіе въ извѣстномъ заявленіи одного изъ румынскихъ депутатовъ въ палатѣ 1890 года: „правительство, которое бы пожелало заключить союзъ съ Австро-Венгріей на случай войны, было бы проклято цѣлой страной". Заявленіе это было встрѣчено шумными одобреніями собранія.

Въ Европѣ занимаетъ всѣхъ вопросъ: существуетъ ли уже писанный договоръ между Франціей и Россіей?

Но еслибы такого договора и не было, то развѣ все то, чему всѣ были свидѣтелями въ послѣдніе годы, не равносильно писанному договору? Развѣ можно сомнѣваться, что въ случаѣ военнаго столкновенія эти два государства будутъ дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану?

Мы остановились долго на тѣхъ событіяхъ, которыя служатъ основаніями для нынѣшнихъ международныхъ отношеній и возможныхъ комбинацій къ достиженію тѣмъ или другимъ государствомъ главной цѣли его внѣшней политики. Но вопросы, которыхъ мы коснулись, находятся въ тѣсной связи съ предметомъ настоящаго труда. Несомнѣнно, что существующія международныя отношенія, причины, которыми они были вызваны, и разные пути, какіе пріискивались дипломатіею за послѣдніе 25 лѣтъ для достиженія ея цѣлей, будутъ имѣть на степень вѣроятности и близости войны и на самые способы ея веденія не меньшее вліяніе, чѣмъ тѣ или другія новыя средства военной техники.

Съ 1864 года, то-есть въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, всѣ войны и произведенныя ими измѣненія въ положеніи Европы произошли по иниціативѣ берлинскаго кабинета, за исключеніемъ только войны 1877—1878 гг., да и въ этой войнѣ, германская дипломатія, какъ мы видѣли, не оставалась безучастною; на берлинскомъ же конгрессѣ она играла весьма вліятельную роль.

Логично будетъ поэтому и при обсужденіи вѣроятности будущей войны обращать главное вниманіе на то, насколько она можетъ входить въ разсчеты германской политики. Но въ этомъ отношеніи возможны пока однѣ догадки, основываемыя на томъ или другомъ отдѣльномъ дѣйствіи Германіи.

Созданы громадныя средства для войны, и тяжесть пожертвованій на вооруженія повсемѣстно велика. Уже это одно, казалось бы, предвѣщаетъ войну въ недалекомъ будущемъ. Но можетъ быть и то, что война уже какъ бы ведется и въ настоящее время—посредствомъ самыхъ вооруженій и безъ пролитія крови. Германія, которая и доселѣ въ дѣлѣ усиленія вооруженій идетъ впереди другихъ державъ, быть можетъ, думаетъ импонировать самымъ видомъ своего военнаго могущества и этимъ вооруженно-мирнымъ способомъ окончательно упрочить свое положеніе, да еще завоевать себѣ у сосѣдей ту или другую желательную ей уступку.

Въ Парижѣ однажды учредилось новое телеграфное агентство. Собранъ былъ капиталъ, устроены были связи, наняты помѣщенія и служащіе, изъ которыхъ инымъ выданы были даже небольшіе авансы изъ жалованья. Многія семьи были обрадованы новыми заработками, устроились въ виду

новаго занятія и со дня на день ожидали его начала. Вдругъ оказалось, что цѣль предпріятія была совсѣмъ иная, что учредители вовсе и не думали снабжать публику извѣстіями о томъ, что происходитъ на свѣтѣ, а просто хотѣли испугать агентство „Havas" конкурренціею и сорвать съ него отступное. Но это агентство не поддалось угрозѣ, и фиктивное предпріятіе тотчасъ разстроилось, съ нѣкоторыми убытками для учредителей, но съ весьма чувствительными потерями — и въ надеждахъ и въ затратахъ — для многихъ бѣдныхъ людей.

Нѣчто похожее возможно примѣнить и къ тому непрерывному нагроможденію средствъ для войны, въ которомъ Германія подаетъ примѣръ другимъ странамъ. Кажется, напряженіе силъ уже столь велико, что неизбѣжна близкая катастрофа. А между тѣмъ, представлялись, и даже совсѣмъ недавно, моменты благопріятные для начатія войны, но ими не воспользовались или если воспользовались, то лишь для того, чтобы отвратить какую-нибудь нежелательную комбинацію, или получить ту или другую уступку. Посреди всеобщихъ вооруженій политика идетъ по пути неожиданностей. Возобновленіе прусско-русской дружбы на краткое время въ 1883—1884 гг. представляло такую же неожиданность, какъ послѣдовавшее затѣмъ заключеніе нынѣшняго „тройственнаго союза."

Правда, прусскою политикою уже не управляетъ Бисмаркъ. Но онъ былъ только образцовымъ, счастливѣйшимъ ея представителемъ, а не творцомъ ея. Отъ вассальнаго Бранденбургскаго курфиршества до велико-державной Пруссіи было, пожалуй, дальше, чѣмъ отъ сильнаго военнаго королевства—до имперіи. А та энергія, то умѣніе и та неразборчивость въ средствахъ, какими прусская политика обладала и до Бисмарка, навѣрное остались за ней и послѣ него.

Можно, однако, предположить, что для отношеній между Пруссіею и Россіею увольненіе Бисмарка было благопріятно, въ томъ собственно смыслѣ, что оно устранило отъ нихъ элементъ личнаго раздраженія прежняго германскаго канцлера и свойственной ему лично мстительности. Онъ никогда не забывалъ циркуляра кн. Горчакова 1875 году. Не разъ кн. Бисмаркъ изъявлялъ также и глубокое свое раздраженіе по тому поводу, что роль его во время послѣдней восточной войны и на берлинскомъ конгрессѣ была вѣрно понята и

сильно осуждена русскою печатью. Никто, конечно, не рѣшится утверждать, что дѣйствія германской политики соотвѣтствовали тому обѣщанію, какое давалъ король Вильгельмъ I, когда просилъ русскаго Императора о поддержкѣ въ 1866 году. Въ письмѣ его, привезенномъ генераломъ Мантейфелемъ, находились слѣдующія строки: „ничто такъ не близко моему сердцу, какъ укрѣпленіе узъ, насъ соединяющихъ; ни въ одной изъ моихъ политическихъ комбинацій не будетъ причинено ущерба интересамъ Россіи; наоборотъ, я сочту за счастіе найдти въ будущемъ случай, чтобы доказать Вамъ, что постоянно вижу въ нихъ интересы давнѣйшаго и самаго близкаго союзника Пруссіи“ *).

Послѣ того, а именно въ 1870—71 годахъ, Россія оказала Пруссіи еще большую услугу, чѣмъ въ 1866 году. А между тѣмъ, Бисмаркъ не удержалъ Австріи въ 1878 г. отъ приготовленій къ войнѣ съ Россіею, а берлинскій конгрессъ, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, доставилъ больше выгодъ въ Европѣ—Австро-Венгріи, которая не участвовала въ войнѣ, чѣмъ Россіи, войска которой стояли въ двухчасовомъ переходѣ отъ Константинополя. Невозможно серьезно утверждать, что такія комбинаціи прусской политики не причинили ущерба русскимъ интересамъ.

А между тѣмъ, справедливое недовольство Россіи настроило бывшаго канцлера еще болѣе противъ нея. На дѣлѣ онъ поставилъ Германію въ открытый антагонизмъ съ Россіею, заключивъ оборонительный союзъ съ Австріею, къ которому затѣмъ привлекъ и Италію. На словахъ же, Бисмаркъ послѣ восточной войны никогда не упоминалъ о Россіи иначе, какъ съ тономъ раздраженія. „Прошло то время – заявляетъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ—мы уже не стараемся снискать любовь ни Франціи, ни Россіи; русская печать, русское общественное мнѣніе указали дверь давнишнему, надежному и могущественному другу; мы не навязываемся. Мы пытались возстановить давнія, близкія отношенія, но бѣгать мы ни за кѣмъ не станемъ“.

Элементъ этого личнаго раздраженія Бисмарка теперь устраненъ. Но то, что было устроено прусскою политикою къ невыгодѣ Россіи, остается. Вмѣсто взаимной нейтрализаціи Австріи и Пруссіи въ германскомъ союзѣ, мы видимъ

*) Sybel. «Die Begründung des Deutschen Reiches».

Австрію, твердою ногой ставшую на Балканскомъ полуострові, и потому соперничествующую съ Россіею и отчасти подчиненную Пруссіи; мы видимъ единство Германіи подъ прусскимъ военнымъ жезломъ и тройственный союзъ подъ предводительствомъ Берлина. Мы видимъ рядомъ дѣйствительно безпримѣрныя народныя ликованія во Франціи по поводу дружбы съ Россіею. Удостовѣрено съ высоты престола, что со стороны Россіи дружественныя отношенія съ Франціею имѣютъ цѣлью обезпеченіе мира. Дѣйствительно, дружба между Франціею и Россіею возстановляетъ въ положеніи Европы равновѣсіе, которое было нарушено заключеніемъ тройственнаго союза. Но при всемъ искреннемъ желаніи могущественной Россіи охранить миръ, полная устойчивость достигнутаго равновѣсія могла бы сдѣлаться несомнѣнною лишь тогда, когда удалось бы осуществить всеобщее сокращеніе вооруженій. Пока же вооруженія съ обѣихъ сторонъ возрастаютъ, Европа будетъ представлять два громадныхъ лагеря, поддерживающіе миръ только болѣе или менѣе равною готовностью обѣихъ сторонъ къ будущей войнѣ.

Вопросъ о степени вѣроятности войны съ политической точки зрѣнія.

Представивъ въ предшествующей главѣ очеркъ условій, въ которыхъ совершалось объединеніе Германіи, а также возникшихъ изъ него опасностей и союзовъ, разсмотримъ теперь, какія причины могли бы способствовать войнѣ и какія, соотвѣтственно этому, могли бы проявиться при войнѣ настроенія.

Но, конечно, мы можемъ бросить только бѣглый взглядъ на существеннѣйшіе пункты, и притомъ касающіеся только тѣхъ государствъ, отъ воли которыхъ въ сущности зависитъ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Этого будетъ вполнѣ достаточно для цѣлей нашего изслѣдованія.

I.

Германія.

1. Союзы, какъ тормазы противъ внезапныхъ столкновеній.

Чрезвычайное нагроможденіе вооруженій составляетъ уже само по себѣ опасность. Какъ всякая искра можетъ зажечь груду легко воспламеняющихся матеріаловъ, такъ и неважный, непредвидѣнный случай въ политикѣ можетъ подать поводъ къ употребленію въ дѣло огромныхъ средствъ, накопляемыхъ народами для войны, съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Въ Пруссіи корпусъ офицеровъ составляется преимущественно изъ наслѣдственно-военнаго сословія; военныя сферы тамъ всегда расположены къ проявленію той дѣятельности, которая продолжаетъ традицію сословія, открывая

блестящую карьеру бѣднымъ молодымъ дворянамъ и ждущимъ долгіе годы дальнѣйшаго производства штабъ-офицерамъ.

Несомнѣнно, что самый духъ корпуса офицеровъ въ прусской арміи и большое вліяніе военныхъ сферъ представляютъ нѣкоторую опасность въ смыслѣ войны. Офицерское сословіе тамъ весьма многочисленно, а всѣ новѣйшія военныя распоряженія имѣютъ цѣлью еще возможное увеличеніе численности офицеровъ.

Еслибы даже не Германія первая начала войну, то и тогда все-таки слѣдовало бы признать, что главнѣйшимъ образомъ Германіи обязана Европа тѣмъ положеніемъ, изъ котораго въ каждый моментъ можетъ возникнуть война. Еще Монтескьё сказалъ, что „войну производитъ не тотъ, кто ее объявляетъ, а тотъ, кто дѣлаетъ ее неизбѣжною". А въ этомъ смыслѣ несомнѣнно, что возникновенію новой войны содѣйствовало объединеніе Германіи, потому, во-первыхъ, что всѣ ея силы поступили въ распоряженіе традиціонно-завоевательнаго прусскаго военнаго сословія, а во-вторыхъ, что самый захватъ Эльзаса и Лотарингіи былъ какъ бы разсчитанъ на то, чтобы зажечь въ Европѣ неугасаемый очагъ раздраженій. Не даромъ извѣстный историкъ и философъ Іоганнъ Шерръ, горячій приверженецъ Бисмарка, восхваляющій его за объединеніе Германіи, безцеремонно называетъ, однако, своего героя, чтобы дать понятіе о его характерѣ,— „Раскап" или „Хватай", т. е. прилагаетъ къ его характеру кличку, которая употребляется для гончихъ. И дѣйствительно, сперва Бисмаркъ неистово бросался на всѣхъ, кто мѣшалъ объединенію Германіи, потомъ на всякаго „врага имперіи", какъ онъ называлъ каждаго дѣятеля, который не хотѣлъ подчиниться хотя бы даже его капризу, а наконецъ, онъ внесъ этотъ элементъ личнаго раздраженія и въ отношенія къ иностраннымъ кабинетамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился отъ дѣлъ, раскрылись архивы и появилось множество брошюръ и статей, раскрывшихъ цѣлую массу коварствъ, лжи и насилій, совершенныхъ Бисмаркомъ и значительно уменьшившихъ прежнее представленіе о геройскомъ самоотверженіи, съ какимъ онъ будто бы жертвовалъ и своими личными чувствами, и своими силами для великаго дѣла единства Германіи. И вотъ, нынѣ уже въ самой Германіи одними изъ главныхъ упрековъ Бис-

марку являются тѣ, которые осуждаютъ его образъ дѣйствій по отношенію къ Россіи, а Бисмаркъ, сознавая, какъ ему вредятъ упреки такого рода, старается опровергнуть ихъ въ разговорахъ съ разными лицами и при помощи немногихъ, оставшихся ему вѣрными, газетъ. Въ настоящее время все чаще слышатся въ Германіи воспоминанія въ родѣ слѣдующихъ: „что самое ополченіе Германіи противъ Франціи въ 1813 году въ значительной степени должно быть отнесено къ помощи Россіи, что побѣда Германіи въ 1870 году была возможна только потому, что за спиной ея была нейтральная Россія". „Какъ дружественны были въ то время наши отношенія,—продолжаетъ авторъ, котораго мы цитируемъ,—свидѣтельствуетъ фактъ, что въ тотъ 1870 годъ допускалось въ нѣмецкихъ церквахъ въ Россіи открытое моленіе за побѣду германскаго оружія" *).

Впрочемъ, обстоятельство, что слышатся такіе голоса, имѣетъ значеніе собственно по отношенію къ Бисмарку, а не въ смыслѣ какихъ-либо международныхъ чувствъ. Вся исторія Пруссіи свидѣтельствуетъ, что прусская политика, въ своемъ отношеніи къ каждому народу, какъ и къ каждому обстоятельству, была неизмѣнно готова жертвовать всѣмъ для возвышенія себя, во что бы то ни стало.

Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ пессимистично на настроеніе самого германскаго народа. Хотя и не должно разсчитывать на благодарность, а Ренанъ **) сказалъ даже, что „исторія вовсе не есть повѣствованіе о вознагражденіи добродѣтели, но, наоборотъ, она повѣствуетъ о карахъ за добро и наградахъ за зло", но все-таки не слѣдуетъ думать, что въ Германіи укоренилась слѣпая ненависть къ Россіи и что такая ненависть могла бы сдѣлаться причиною войны. Въ виду уже указаннаго нами нерасположенія германскаго народа къ войнѣ и вообще высокой степени его культуры, только какія-нибудь слишкомъ крупныя ошибки со стороны другихъ государствъ могли бы вызвать войну изъ ненависти. Самые союзы, созданные объединеніемъ Германіи, хотя и могутъ внушать мысль, что слѣдуетъ, если война неизбѣжна, воспользоваться ими, пока они существуютъ, но на дѣлѣ затрудняютъ починъ въ войнѣ

*) Grenzboten. «Der Deutschenhass bei unsern Nachbarn». 1893.
**) «Histoire du peuple d'Israël».

тѣмъ, что починъ этотъ зависитъ уже не отъ воли одного кабинета, но и отъ согласія союзниковъ, которые были бы вовлечены въ ту же войну.

Канцлеръ графъ Каприви сказалъ въ рейхстагѣ, что „для готовности народа къ войнѣ необходимъ элементъ народнаго энтузіазма, но трудно найти общее основаніе для энтузіазма трехъ разныхъ народовъ, какъ не легко и обезпечить ихъ согласнымъ высшимъ командованіемъ и подчинить общему плану дѣйствій. Еще труднѣе согласить желанія. У Италіи и Австріи небольшія желанія, за то онѣ и не рискуютъ много потерять; у Германіи уже нѣтъ никакихъ желаній, а рискуетъ она всѣмъ, а именно—имперіею“.

2. Что могла бы Германія выиграть въ войнѣ съ Россіей?

У Германіи нѣтъ желаній, а въ войнѣ она рискуетъ всѣмъ—имперіею. Если это—такъ, то при несомнѣнно развитомъ въ германскомъ народѣ политическомъ смыслѣ, можно было бы имѣть увѣренность, что Германія не хочетъ войны.

Напрасно было бы полагать, что расположеніе народа не имѣетъ значенія для прусскаго правительства. Правда, примѣръ 1866 года доказываетъ, что народное настроеніе не имѣетъ для берлинскихъ сферъ значенія рѣшающаго. Но что же могъ бы обѣщать себѣ и самъ берлинскій кабинетъ?

Той увѣренности въ превосходствѣ военныхъ силъ Пруссіи, съ какой она начала и провела войну 1870 года—какъ это уже указано—нынѣ она имѣть не можетъ даже по отношенію къ Франціи, а тѣмъ болѣе по отношенію къ соединеннымъ силамъ Франціи и Россіи. Уже одни географическія условія при войнѣ съ Россіею внушаютъ въ Германіи сомнѣнія и опасенія, которыя и высказываются въ посвященныхъ „русской войнѣ“ брошюрахъ и статьяхъ.

Разсчитывать на полученіе отъ Россіи, въ случаѣ успѣшной противъ нея войны, колоссальнаго денежнаго вознагражденія, какое было вынуждено у Франціи, Германія не можетъ. Будущая война потребуетъ отъ всѣхъ государствъ столь значительныхъ жертвъ, что народныя сбереженія истощатся, а кредитъ поколеблется, даже—тѣхъ государствъ, въ которыхъ онъ имѣетъ наиболѣе устойчивости; пошатнется кредитъ и тѣхъ странъ, которыя бы побѣдили, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя были бы побѣждены.

Что касается завоеваній, то несмотря на гаданія, которыя высказывались въ этомъ отношеніи Сарматикусомъ и другими авторами брошюръ, сомнительно, чтобы государственные люди въ Германіи когда-либо разсчитывали на отвоеваніе у Россіи какихъ-либо областей съ пользою для Германіи. Даже и тѣ рьяные прожектеры, которые мечтали объ отвоеваніи у Россіи цѣлой пограничной полосы, разсуждали однако такъ, что еслибы подобный результатъ могъ представить выгоду, то лишь для Пруссіи, а не для Германіи, да и для Пруссіи только въ такомъ случаѣ, еслибы она могла быстро онѣмечить всю вновь пріобрѣтенную на востокѣ окраину, направивъ туда волны германской эмиграціи, такъ чтобы въ скоромъ времени осуществить полную ассимиляцію новыхъ областей.

Но имѣютъ ли германскіе государственные люди основанія, чтобы признавать это возможнымъ? Оправдывалось ли бы такое предположеніе той степенью успѣха германизаціи, какая была достигнута доселѣ въ предѣлахъ нынѣшнихъ восточныхъ областей Пруссіи, и возможно ли было бы колонизированіе нѣмцами въ большихъ размѣрахъ сколько-нибудь значительной вновь пріобрѣтенной территоріи?

Мы считаемъ необходимымъ задаться и такимъ вопросомъ, для всесторонней оцѣнки степени вѣроятности войны по почину Германіи. Каждая война, понятно, представляетъ альтернативу побѣды или пораженія. Можетъ побѣдить Германія, можетъ побѣдить Россія. Но когда самъ германскій канцлеръ говоритъ, что въ войнѣ Германія рисковала бы всѣмъ—самой имперіею, то при такой ставкѣ, она, очевидно, могла бы рѣшиться на завоевательную войну только при безусловной несомнѣнности, если не самой побѣды германскаго оружія, то хотя бы огромныхъ выгодъ, какія бы ей доставило завоеваніе — въ томъ случаѣ, еслибы война дѣйствительно была успѣшна.

И вотъ, этого-то безусловнаго убѣжденія германскіе государственные люди имѣть не могутъ, и мы постараемся указать на тѣ обстоятельства, которыя не допускаютъ возможности такого безусловнаго у нихъ убѣжденія.

Въ русской печати довольно распространено мнѣніе, что онѣмеченіе польскихъ областей въ Пруссіи подвигается весьма быстро, и что недалекъ тотъ моментъ, когда волны германизма покроютъ и тѣ славянскіе островки, которые пока еще въ Пруссіи уцѣлѣли. Изъ такого представленія часто извле-

каются немаловажные выводы. А между тѣмъ, оно въ весьма значительной степени ошибочно. Въ процессѣ германской ассимиляціи этихъ областей представляются двѣ стороны, которыя необходимо отличать. Одна изъ нихъ состоитъ въ отчужденіи земель, находившихся во владѣніи коренныхъ жителей, а другая — собственно въ онѣмеченіи населенія.

Въ первомъ отношеніи оказываются дѣйствительные успѣхи, хотя и не столь огромные, какіе иногда принимаются писателями, не наблюдавшими непосредственно положенія дѣлъ. Въ особенности, отношеніе польской крестьянской земельной собственности къ землевладѣнію нѣмецкому измѣнилось лишь едва примѣтно. Что же касается собственно онѣмеченія въ Пруссіи польскаго населенія, то въ этомъ дѣлѣ не только не достигнуто успѣховъ, но, наоборотъ, отношеніе численности польскаго населенія къ нѣмецкому въ прусской Польшѣ значительно возрасло. Такъ, по свѣдѣніямъ, которыя обнародованы императорскимъ статистическимъ бюро, въ Познани считалось:

въ 1867 г.	нѣмецкаго населенія	. .	684.790	душъ
	польскаго "	.	844.020	"
а въ 1890 г.	нѣмецкаго населенія	. .	700.000	"
	польскаго "	. .	1.050.000	"

Итакъ, численность коренного населенія возрасла въ теченіе 23-хъ лѣтъ на 24,5 процента, а численность пришлаго населенія — всего на два процента.

Въ другихъ областяхъ Пруссіи со смѣшаннымъ населеніемъ, а именно въ Силезіи, восточной и западной прусскихъ провинціяхъ, даже въ тѣхъ округахъ, которые считались окончательно онѣмеченными, произошло нынѣ, за послѣднія 25 лѣтъ, совершенно неожиданное и непріятное для нѣмцевъ явленіе, а именно движеніе къ возстановленію славянской народности. И движеніе это произвело такіе результаты, что не только въ тѣхъ мѣстностяхъ основались польскія народныя газеты и разныя польскія ассоціаціи, но даже депутатами въ сеймъ стали тамъ избирать поляковъ, а не нѣмцевъ, какъ было прежде. Наиболѣе досаднымъ для нѣмецкаго самолюбія представляется успѣхъ этого движенія въ Силезіи, которая перешла подъ господство нѣмцевъ уже 500 лѣтъ тому назадъ, и не имѣетъ доселѣ ни крупнаго польскаго землевладѣнія, ни богатаго польскаго интеллигентнаго класса,

а между тѣмъ значеніе польскаго элемента въ ней несомнѣнно усиливается.

Фактъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что германизація происходила въ варварскія времена крѣпостного и феодальнаго безправія, когда люди были довольны и тѣмъ, что сохраняли свое жалкое существованіе.

Когда такіе результаты оказываются въ областяхъ, перешедшихъ къ Пруссіи отъ Польши 100 и даже 500 лѣтъ назадъ, то возможно ли было бы надѣяться на успѣшную германизацію сколько-нибудь обширныхъ областей, которыя были бы вновь завоеваны? Въ этомъ отношеніи никто изъ вліятельныхъ людей въ Германіи не имѣетъ иллюзій, въ особенности послѣ недавняго опыта съ Бисмарковой политикой ограниченій, которая только усилила въ восточныхъ провинціяхъ стремленія къ оборонѣ національности и языка.

Но если представлялось бы невозможнымъ быстрое онѣмеченіе коренного населенія новыхъ областей, то не могла ли бы Пруссія разсчитывать на германизацію ихъ въ смыслѣ направленія туда сильной колонизаціи изъ Германіи? Надъ этимъ вопросомъ стоитъ нѣсколько остановиться. Такъ какъ въ Германіи несомнѣннымъ фактомъ является избытокъ народонаселенія, то было бы естественно ожидать эмиграціи изъ болѣе заселенныхъ западныхъ частей Германіи въ восточныя области Пруссіи. Между тѣмъ, мы видимъ, что эмиграція изъ Германіи направляется преимущественно за океанъ. Это обусловлено многими причинами.

Нами были уже въ другомъ мѣстѣ *) приведены тѣ матеріальныя выгоды и преимущества, которыя получаетъ переселенецъ въ Сѣверной Америкѣ. Имѣющіе намѣреніе заниматься хлѣбопашествомъ находятъ тамъ изобиліе дешевыхъ плодородныхъ земель, высокія заработныя платы, при дешевизнѣ жизненныхъ продуктовъ. Всѣмъ живется тамъ просторнѣе и легче, чѣмъ въ любомъ европейскомъ государствѣ.

Мы обращали также вниманіе и доказывали цифровыми данными, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣмецкимъ эмигрантамъ живется даже лучше, чѣмъ самимъ янки, такъ какъ, въ среднемъ, нѣмцы зарабатываютъ тамъ больше, чѣмъ люди какой-либо другой народности. Но и въ отношеніи нравственныхъ условій быта, нѣмцамъ тамъ живется лучше,

*) Тотъ-же томъ, отдѣлъ «Неравномѣрный приростъ населенія», стр. 213—218.

чѣмъ въ самой Германіи, а тѣмъ болѣе въ какихъ-либо вновь завоеванныхъ ею областяхъ, такъ какъ отсутствіе въ Америкѣ милитаризма позволяетъ рабочему сберегать то, что на европейскомъ континентѣ у него ушло бы на высокія подати.

Затѣмъ, самое положеніе рабочаго почетнѣе въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ вслѣдствіе предразсудка, оставшагося отъ старыхъ временъ, на трудъ для заработка, а особенно на трудъ ручной, смотрятъ еще какъ на условіе нѣкотораго неравенства. Въ Америкѣ же совсѣмъ наоборотъ: тамъ нѣтъ понятія о сословномъ или чиновномъ неравенствѣ, и тотъ, кто отличился трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности, хотя бы онъ сначала былъ дровосѣкомъ, можетъ сдѣлаться губернаторомъ, сенаторомъ и даже президентомъ союза; при чемъ не только его прошлое не будетъ ему въ упрекъ, но, наоборотъ, ему будутъ вмѣнять въ заслугу то, что онъ собственными силами выдвинулся изъ ничтожества *).

Наконецъ, нѣмцы, прибывая въ большомъ числѣ въ какую-нибудь, еще необработанную мѣстность, которыхъ еще не мало въ Америкѣ, имѣютъ возможность создать тамъ условія общественнаго быта и даже управленія, какія имъ покажутся желательными. Въ этихъ новыхъ территоріяхъ союзныя власти создаютъ сперва такіе органы, которые призваны заботиться только о безопасности, а впослѣдствіи, когда поселенія на новой территоріи достаточно сплотятся и численность жителей дойдетъ до цифры значительной, территорія признается штатомъ, вполнѣ равноправнымъ съ другими штатами.

Всѣ эти условія таковы, что переселенецъ не найдетъ ничего подобнаго имъ ни въ Германіи, ни въ какихъ-либо другихъ земляхъ, вновь присоединенныхъ къ Германіи. Вотъ чѣмъ объясняется, главнымъ образомъ, и незначительность тѣхъ результатовъ, какихъ достигла колонизаціонная коммисія въ Познани, несмотря на свои 100 милліоновъ марокъ. Не взирая на приманки и разныя выгоды, предоставляемыя ею переселенцамъ изъ Германіи, послѣднихъ съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе прибываетъ въ Познань, менѣе даже, чѣмъ приходитъ польскихъ рабочихъ въ рейнскія про-

*) Frantz. «Die Weltpolitik». I Theil, S. 82.

винціи. А если насажденіе нѣмецкаго элемента идетъ такъ малоуспѣшно въ герцогствѣ Познанскомъ, то какое же основаніе могла бы Пруссія имѣть, чтобы разсчитывать на успѣхъ этого дѣла—въ болѣе отдаленныхъ, вновь завоеванныхъ германскимъ оружіемъ, областяхъ?

Прежде всего, губерніи Царства Польскаго и нѣкоторыя другія, ближайшія къ западнымъ границамъ, заселены уже до того густо, что даже явилось и тамъ движеніе къ переселенію въ Бразилію и Сѣверную Америку, ослабѣвшее лишь въ послѣднее время, вслѣдствіе особыхъ, принятыхъ правительствомъ, мѣръ. Если наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ былъ возможенъ въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ губерніяхъ Имперіи, то, во-первыхъ, тамъ населеніе менѣе густо, чѣмъ въ Царствѣ, а во-вторыхъ, тому способствовали законы, ограничивающіе право владѣнія землями для лицъ польскаго происхожденія. Впрочемъ, этотъ наплывъ былъ слишкомъ незначителенъ въ сравненіи съ тѣмъ, настоящимъ напоромъ германскихъ переселенцевъ, какой бы потребовался для того, чтобы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ—до новой, неизбѣжной войны, а вѣроятно даже цѣлаго ряда войнъ—чувствительно измѣнить племенной составъ нѣсколькихъ губерній, ближайшихъ къ Пруссіи. За недостаткомъ свободныхъ земель въ мѣстностяхъ пограничныхъ, волны германской колонизаціи должны были бы направиться въ глубь страны, но тамъ онѣ тотчасъ бы встрѣтились съ неблагопріятными условіями, какъ-то: худшими качествами почвы, дешевизною труда, трудностью сбыта для продуктовъ. Между тѣмъ, земли и теперь въ этой полосѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Америкѣ, а при массовой колонизаціи еще крайне поднялись бы въ цѣнѣ.

Если таковы условія экономическо-общественныя, то что же сказать объ условіяхъ свойства политическаго? Присоединеніе къ Пруссіи значительныхъ областей съ населеніемъ славянскимъ, въ умахъ государственныхъ людей объединенной Германіи должно представляться прямо вреднымъ для ея интересовъ. Преобразованіе нѣмецкой Пруссіи въ государство нѣмецко-славянское, не можетъ быть въ ихъ видахъ желательнымъ. При существующемъ въ Пруссіи представительномъ правленіи, это могло бы если не отдать большинство въ парламентѣ въ руки славянъ, то все-таки такъ усилить въ немъ инородческую оппозицію, что правительству приходилось бы, прежде всего, считаться съ этою

именно партіею. Въ нынѣшнемъ имперскомъ сеймѣ, во всякомъ случаѣ, нельзя себѣ представить большинства, которое бы предоставило средства на то, отъ чего могла бы выиграть матеріально одна Пруссія, и притомъ выиграть настолько, насколько она сама сдѣлалась бы государствомъ смѣшаннымъ, нѣмецко-славянскимъ, а не германскимъ. Тогда ужъ, само собою разумѣется, не могло бы быть рѣчи не только объ утвержденіи новыхъ, исключительныхъ законовъ, съ цѣлью германизаціи славянскихъ областей, но и прежде изданные въ этомъ смыслѣ законы едва-ли могли бы удержаться.

Итакъ, рискуя въ войнѣ самымъ своимъ существованіемъ, Германская имперія, даже въ случаѣ полнаго успѣха, встрѣтилась бы съ положеніемъ затруднительнымъ для Пруссіи, а для остальной Германіи положительно нежелательнымъ.

Въ цѣли нашего изслѣдованія не входитъ разборъ фантастическихъ проектовъ германскихъ шовинистовъ объ устройствѣ, изъ могущихъ быть отвоеванными земель, отдѣльнаго политическаго организма, такъ какъ таковые высказываются лишь авторами брошюръ въ родѣ Сарматикуса.

Для общественнаго же мнѣнія въ Германіи, если вѣрить заявленіямъ государственныхъ людей, парламентовъ и періодической печати, подобныя мечты представляются не только не соблазнительными, но, напротивъ того, вредными, а тѣмъ самымъ таковыя не могутъ въ настоящее время оказать вліянія на народныя настроенія въ смыслѣ расположенія къ войнѣ.

3. Предположенія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Германіи на западѣ.

Но если, такимъ образомъ, едва-ли можно было бы разсчитывать на народное увлеченіе въ Германіи при завоевательной войнѣ противъ Россіи, то можно допустить, что, быть можетъ, германскій народъ увлекся бы мыслью о новыхъ пріобрѣтеніяхъ на западѣ, а стало быть — при существующихъ нынѣ международныхъ отношеніяхъ — могъ бы отнестись съ энтузіазмомъ и къ такой наступательной войнѣ съ Россіею, которая имѣла бы цѣлью новый погромъ Франціи, словомъ—къ „войнѣ на два фронта“.

Нельзя, конечно, имѣть полной увѣренности, что политика какой-либо страны, а тѣмъ болѣе прусская политика

не питаетъ завоевательныхъ замысловъ въ ту или другую сторону. Можно только отмѣтить, что доселѣ рѣшительно ни въ чемъ въ Берлинѣ не проглядывало желаніе новыхъ пріобрѣтеній отъ Франціи, всѣ же заявленія прусской политики отвергали такую мысль. Въ государствахъ средней Европы, какъ мы уже замѣчали не разъ, невозможно рѣшиться на починъ въ войнѣ, не заручившись симпатіями общественнаго мнѣнія, и вотъ упомянутыя мирныя заявленія важны какъ признакъ, что прусское правительство не старается подготовить общественное мнѣніе въ Германіи къ „необходимости" новой войны съ Франціей.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на признанія бывшаго итальянскаго президента совѣта Криспи *) относительно бесѣды съ нимъ Бисмарка въ виду заключенія союза Италіи съ Германіею (въ октябрѣ 1887 г.). Разговоръ коснулся трудностей, какія, въ случаѣ новой побѣды Германіи надъ Франціею, возникли бы для опредѣленія того вознагражденія, которое досталось бы побѣдителямъ.—„Какъ и въ войнѣ 1870 г.—сказалъ мнѣ г. фонъ-Бисмаркъ,—многое въ такихъ вопросахъ было бы рѣшено даннымъ моментомъ.... Нѣтъ мѣста для большаго территоріальнаго вознагражденія въ нашу пользу; легко найдутся такія реальныя вознагражденія только для нашихъ союзниковъ". — А Голландія и Бельгія? спросилъ я.—„Что касается Бельгіи, былъ отвѣтъ, то въ Германіи есть партія, которая питаетъ мысль о раздѣлѣ Бельгіи и доходитъ до такой аберраціи, что готова бы уступить часть Бельгіи—Франціи.... Въ дѣйствительности же, Бельгія можетъ оказать намъ одну только услугу, и эту услугу она намъ окажетъ, все равно, добровольно или нѣтъ, а именно: чрезъ ея территорію пройдетъ германская армія. Но сохраненіе существованія независимой Бельгіи, мнѣ кажется, представляетъ наилучшую политику, которой мы съ вами должны держаться".

Далѣе Криспи спросилъ Бисмарка, не допускаетъ ли онъ возможности такой комбинаціи, чтобы расширить Бельгію на счетъ Франціи, и получилъ въ отвѣтъ, что это комбинація завлекательная („souriante)"; что послѣ отдѣленія отъ Франціи. Эльзаса и Лотарингіи—въ самостоятельную область, еслибы еще дать Бельгіи французскую часть Фландріи, а

*) Pierron. «Les méthodes de guerre». Paris. 1893.

пожалуй и нѣсколько больше этого, „не говоря уже о томъ, что возможно было бы сдѣлать на югѣ“ (разумѣется, замѣтимъ мы для Италіи)—значило бы возстановить положеніе нѣкогда существовавшее. Но онъ прибавилъ, что обо всемъ этомъ можно бы судить только послѣ войны, которая могла бы также „дать Германіи возможность дополниться географически нидерландскими портами“. Онъ оговаривался впрочемъ, что это входитъ въ область неизвѣстнаго. Что касается вознагражденія для Германіи отъ Франціи, то возможна была бы новая контрибуція въ 5 милліардовъ, вознагражденія на счетъ французскаго флота и колоній, но не отторженіе новой части французской территоріи. „Самое большое, что можно бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ,—закончилъ онъ,—это округлить Эльзасъ-Лотарингію, чтобы усилить ее для обороны и для наступленія“.

Эта бесѣда поучительна въ томъ смыслѣ, что раскрываетъ многоразличіе тѣхъ комбинацій, какія могли бы быть вызваны войной. Но тѣ изъ нихъ, о которыхъ упоминалось въ этой бесѣдѣ, не соблазнительны для германскаго народа, въ особенности—присоединеніе Бельгіи, страны католической, съ сильнымъ вліяніемъ духовенства и съ промышленностью, которая стоитъ выше германской, а сверхъ того—съ распространенными въ рабочихъ классахъ соціалистическими стремленіями. Что же касается упомянутыхъ въ бесѣдѣ колоніальныхъ пріобрѣтеній, то надо имѣть въ виду, что колоніальная политика кн. Бисмарка ознаменовалась полнымъ *fiasco*, и едва-ли Германія пожелала бы пріобрѣсти новыя колоніи.

Итакъ, съ которой стороны ни взглянуть на вопросъ, нельзя не прійдти къ заключенію, что стремленіе Германіи къ завоевательной войнѣ вообще представляется маловѣроятнымъ.

4. Опасенія войны въ связи съ загадочнымъ характеромъ императора Вильгельма II.

Высказывалось еще и такое мнѣніе, что при той, во всякомъ случаѣ весьма большой власти, какая принадлежитъ германскому императору, война могла бы быть вызвана имъ для отвращенія какого-нибудь внутренняго конфликта, или вслѣдствіе такого личнаго его впечатлѣнія, будто бы досто-

инство Германіи оскорблено какимъ-либо неожиданнымъ случаемъ. Такъ, говорятъ, что когда императрица-мать, посѣтивъ Парижъ, принуждена была сократить свое пребываніе тамъ вслѣдствіе признаковъ непріязненнаго настроенія въ населеніи, то императоръ Вильгельмъ II отозвался, что если бы демонстраціи имѣли характеръ болѣе яркій, онъ почелъ бы своимъ долгомъ получить удовлетвореніе вооруженною рукой.

Случай этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ можетъ служить и указаніемъ на нѣкоторыя предположенія Вильгельма II.

Въ апрѣлѣ 1891 года, когда распространился слухъ, что императрица-мать отправляется въ Парижъ, извѣстіе это принято было съ недовѣріемъ. Но за симъ, когда 10 февраля въ „Vossische Zeitung" появилась статья, указывавшая, что на поѣздку эту слѣдуетъ смотрѣть какъ на первый шагъ примиренія, и сдѣлалось извѣстно, что статья эта оффиціознаго происхожденія, на нее обращено было вниманіе всего общества.

Въ статьѣ этой указывалось на важность такихъ фактовъ, что Лессепсъ и Жюль Симонъ и другіе представители Франціи на международной конференціи по рабочему вопросу, а также французскіе врачи на медицинскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, были приняты въ прусской столицѣ съ почетомъ; что императоръ на обѣдѣ у французскаго посла Эрбетта высказалъ надежду, что французскіе художники примутъ значительное участіе въ выставкѣ по случаю юбилея берлинскаго общества художниковъ, а секретарь французскаго посольства посѣтилъ первое за тѣмъ собраніе этого общества; что императоръ Вильгельмъ высказалъ въ письмѣ къ президенту Карно свое соболѣзнованіе о кончинѣ Мейсонье, а французское правительство пожаловало знаменитаго ученаго— Гельмгольца въ высшіе офицеры почетнаго легіона. Видя во всемъ этомъ признакъ, что „натянутость отношеній между обѣими націями хоть нѣсколько ослабѣла", газета поставляла на видъ особую важность новаго признака въ этомъ смыслѣ— въ томъ, что императрица-мать предприняла поѣздку въ Парижъ, конечно, съ согласія императора и по обсужденіи этого шага „руководителемъ политики". Объ императрицѣ газета выразилась такъ: „она, подобно ея почившему супругу, любитъ миръ, любитъ и цѣнитъ искусство; она

является самымъ подходящимъ лицомъ для опыта, не стоятъ ли культура и цивилизація выше расовой ненависти, и довѣріе ея къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, надо надѣяться, не окажется ошибочнымъ".

Но поѣздка эта была внезапно рѣшена императоромъ безъ предварительнаго спроса совѣта у французскаго правительства, что̀ противорѣчило всѣмъ правиламъ. Графа Мюнстера, германскаго посла въ Парижѣ, она поставила въ затруднительное положеніе; онъ не зналъ, какъ заявить о пріѣздѣ императрицы французскому правительству. Онъ сдѣлалъ это такъ: отправился къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ г. Рибо, поговорилъ съ нимъ о разныхъ посторонних предметахъ и въ заключеніе, безъ всякаго объясненія, попросилъ о безпошлинномъ пропускѣ вещей императрицы, которая черезъ нѣсколько часовъ переѣдетъ французскую границу. Рибо высказалъ удивленіе, что онъ не былъ предъувѣдомленъ заранѣе, и проявилъ нѣкоторую сдержанность, такъ какъ не могъ сказать, что поручиться за безопасность императрицы онъ не въ состояніи.

Императрица прибыла въ Парижъ и осталась тамъ дольше, чѣмъ два-три дня, о которыхъ говорилъ Мюнстеръ. Но французская печать неистово напала на Эрбетта за то, что онъ не зналъ о поѣздкѣ, и рѣшительно требовала его увольненія. Онъ вѣроятно и былъ бы уволенъ, еслибы не слѣдующее обстоятельство: г. Маршалль, секретарь по иностраннымъ дѣламъ въ имперскомъ министерствѣ, заявилъ г. Эрбетту, что въ отозваніи его изъ Берлина императоръ усмотрѣлъ бы личное для себя оскорбленіе и пришелъ бы къ самымъ серьезнымъ отсюда выводамъ. Маршалль оффиціально просилъ посла сообщить объ этомъ въ Парижъ, а отъ себя просилъ его настоять, чтобы были устранены недоразумѣнія, которыя могли бы имѣть несчастныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Вѣнскій и римскій кабинеты вступились въ это дѣло, умоляя французское правительство уступить. Между тѣмъ, императрица уѣхала въ Англію и оттуда написала своему сыну, „чтобы успокоить его и сообщить ему доподлинно о пріемѣ, встрѣченномъ ею во Франціи" *).

*) «Aus der Berliner Gesellschaft unter Kaiser Wilhelm II».

Для того, чтобы взвѣсить долю вѣроятности чего-либо похожаго на это въ будущемъ, необходимо припомнить себѣ отличительныя черты характера нынѣшняго германскаго императора. Еще Шекспиръ сказалъ, что природа человѣка и его характеръ познаются уже изъ повседневной его жизни. Образованіе Вильгельма II велось, какъ сообщилъ воспитатель его т. с. Гинцпетеръ, такъ, чтобы сдѣлать его человѣкомъ современнымъ; вмѣсто того, чтобы, согласно съ Гогенцоллернской традиціей, воспитать въ принцѣ прежде всего — солдата, старались развить въ немъ интересъ къ гражданской жизни предпочтительно передъ военнымъ дѣломъ. Пройдя курсъ гимназіи въ Касселѣ и университета въ Боннѣ, въ который онъ вступилъ въ 1877 году, онъ прослужилъ нѣкоторое время при каждомъ изъ министерствъ, для ознакомленія съ ходомъ дѣлъ, при чемъ, какъ выражается его воспитатель, принцъ посѣщалъ фабрики, мастерскія, рудники, дабы видѣть германскаго работника при самомъ его трудѣ и имѣть понятіе о тяжкомъ, почти безнадежномъ бытѣ рабочаго населенія; а затѣмъ только принцъ получилъ командованіе постепенно разными военными частями. Онъ командовалъ бригадой, когда кончина отца призвала его на престолъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ Германіи, въ виду ясно высказаннаго императоромъ намѣренія взять въ свои руки, въ случаѣ войны главное командованіе, тому обстоятельству, что изученію наукъ и административнаго механизма онъ посвятилъ болѣе времени, чѣмъ сколько успѣлъ отдать военному дѣлу, придаютъ большое значеніе, и хотя съ большою осторожностью, но тѣмъ не менѣе часто раздаются голоса, высказывающіе по этой причинѣ опасенія.

Императоръ любитъ воспоминанія о своей университетской жизни. Онъ и впослѣдствіи не разъ бывалъ на ежегодныхъ „коммершахъ" бывшихъ боннскихъ студентовъ корпораціи „Borussia" въ берлинскомъ отелѣ „Kaiserhof", былъ также на юбилейномъ коммершѣ той же корпораціи въ самомъ Боннѣ, а уже будучи на престолѣ, принялъ участіе въ коммершѣ той же „Borussia" въ маѣ 1891 г. въ отелѣ „Kölner Hof". Пріѣхавъ въ сопровожденіи своего зятя, принца Шаумбургскаго, въ 9 час. вечера, императоръ объявилъ чрезъ „старшаго", что будетъ самъ предсѣдательствовать. Въ курткѣ своей корпораціи и при эспадронѣ, онъ, согласно обычаю, выпилъ за веселость собранія. Въ положенный мо-

ментъ и при обычной пѣснѣ, императоръ, какъ и каждый изъ присутствовавшихъ, прокололъ на эспадронѣ свою шапку и „клялся (слова пѣсни) держаться всегда чести, быть всегда хорошимъ буршемъ“. Уже по полуночи, императоръ громко воскликнулъ; „silentium! церемонія—*ex*, оффиціальная часть коммерша—*ex*, начинается веселье (Fidelität!)“. Затѣмъ, передавъ предсѣдательство, уѣхалъ.

Но наряду съ той простотой въ обращеніи и даже нѣкоторой эксцентричностью въ поступкахъ, какими онъ отличается, въ Вильгельмѣ II иногда вдругъ отзывается Гогенцоллернъ самаго настоящаго закала. Такъ, послѣ того, какъ дѣдъ и отецъ его, въ письмахъ своихъ къ частнымъ лицамъ, употребляли возможно простыя и скромныя формы (напр. „вашъ искренній Вильгельмъ“—такъ подписано письмо перваго императора въ 1874 г. къ лорду Росселю), нынѣшній императоръ въ одномъ письмѣ къ Мольтке, истинному основателю Германской имперіи, подписался такъ: „вашъ благожелательный король Вильгельмъ“ *).

Вообще Вильгельмъ II, умѣя управлять преніями и имѣя даръ легко и красиво говорить, любитъ случаи, дающіе ему возможность выказать его талантъ, если даже иногда таковые не совсѣмъ соотвѣтственны съ его высокимъ положеніемъ. Такъ, напримѣръ, онъ умѣло предсѣдательствовалъ въ международной конференціи по рабочему вопросу, происходившей въ Берлинѣ. Сѣверо-американскій посланникъ Фельпо, разсказывая о ней, въ рѣчи, произнесенной при праздновании объявленія американской независимости, сказалъ: „я видѣлъ, какъ императоръ-Гогенцоллернъ призвалъ міръ для улучшенія быта бѣдныхъ“, а самаго Вильгельма Фельпо называлъ при этомъ случаѣ „государемъ бѣдныхъ людей“. Онъ не только управлялъ дебатами, но во время перерывовъ въ засѣданіяхъ, для завтрака, самъ вызывалъ пренія между представителями крупной промышленности и делегатами рабочихъ, принималъ въ этихъ преніяхъ живое участіе и затѣмъ резюмировалъ ихъ.

Приведемъ, что писалъ объ этихъ засѣданіяхъ французъ Лависсъ, котораго слѣдуетъ считать безпристрастнымъ. „Молодой императоръ возбуждаетъ общее вниманіе въ высшей степени... Обращаясь къ Жюлю Симону, онъ употребилъ вы-

*) «Wilhelm II. Romantiker und Socialist». 1892.

раженіе „дѣлать людямъ добро, а не внушать имъ страхъ“... Но въ моментъ опасности, онъ не отступитъ — въ глазахъ его сверкаетъ увѣренность... Это идеологъ-воинъ, идущій впередъ, въ неизвѣстное“. Въ послѣднихъ словахъ этого отзыва заключается невполнѣ заслуженная критика. Конечно, воинъ не долженъ быть „идеологомъ“, но Вильгельмъ не только воинъ, а подъ названіе „идеологіи“ можно подвести и серьезныя мысли о будущемъ.

Въ Германіи не успѣли еще вполнѣ понять молодаго монарха. Воспитатель его, тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, въ небольшомъ этюдѣ, старался разъяснить его характеръ, но, при неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ недомолвкахъ и оговоркахъ, мало успѣлъ въ томъ. Гинцпетеръ указываетъ главнымъ образомъ на сильно развитую въ своемъ бывшемъ ученикѣ „субъективность, которая не поддавалась никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ и, при всѣхъ фазахъ постепеннаго развитія личности, сохранила неизмѣнно присущій ей характеръ“.

Но слова эти нисколько намъ не объясняютъ тѣхъ неожиданностей, которыя на каждомъ почти шагу проявляетъ Вильгельмъ II. Главной изъ нихъ, конечно, является то, что когда онъ былъ принцемъ, то превозносилъ до небесъ Бисмарка, а ставъ императоромъ, такъ безцеремонно его устранилъ. Дѣло началось съ того, что Бисмаркъ лишилъ министровъ личнаго доклада у императора, а императоръ потребовалъ, чтобы они опять являлись къ нему сами. Затѣмъ, въ рабочемъ вопросѣ виды императора простирались гораздо далѣе, чѣмъ то, съ чѣмъ могъ согласиться Бисмаркъ. Намѣренія императора, направленныя къ улучшенію быта рабочихъ въ Германіи, были выражены въ извѣстныхъ рескриптахъ 5 февраля. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что облегченія въ положеніи рабочихъ въ Германіи не могутъ быть осуществлены отдѣльно, такъ какъ это могло бы возвысить цѣну и уменьшить сбытъ германскихъ произведеній, а тѣмъ самымъ и вновь ухудшить бытъ рабочихъ въ Германіи. Поэтому, въ рескриптѣ поручалось канцлеру пригласить иностранныя правительства къ участію въ международной конференціи въ Берлинѣ по рабочему вопросу.

Но лишь впослѣдствіи узнали, что эти рескрипты, самой мысли которыхъ противился Бисмаркъ, были написаны имъ же, именно съ цѣлью умѣрить высказываемыя намѣренія и

предположенія, и что, съ той же цѣлью, онъ самъ предложилъ созывъ международной конференціи. „Я прибавилъ еще международную конференцію — разсказывалъ онъ самъ впослѣдствіи — полагая, что она послужитъ ситомъ, нѣкимъ стѣсненіемъ для гуманнаго порыва нашего императора въ пользу рабочихъ... Я полагалъ, что эта конференція какъ бы подольетъ въ вино воды... Но она не сдѣлала совсѣмъ ничего, результатъ ея ничтоженъ. Никто не рѣшился противорѣчить, указать на опасности. Вся эта конференція представляла чистую фразеологію... Да и вообще предположеніе о международной опекѣ надъ рабочими—чистая иллюзія“ *).

А между тѣмъ, канцлеръ самъ предложилъ императору эту „иллюзію“. Правда, онъ предлагалъ ее не потому, что въ нее вѣрилъ, но потому, что видѣлъ въ ней совсѣмъ иное, а именно — конференцію въ видѣ «сита» и «воды въ винѣ» противъ увлеченій юнаго монарха. Но Бисмарку многіе вмѣнили въ вину то, что онъ подавалъ своему государю совѣтъ, будучи самъ увѣренъ въ неосуществимости послѣдняго, а въ этомъ могъ видѣть его вину и самъ императоръ.

Вильгельмъ II самъ руководилъ обсужденіемъ проекта по рабочему вопросу въ отдѣленіяхъ государственнаго совѣта, самъ велъ очередной списокъ ораторовъ и проч. Послѣднее засѣданіе происходило 28 февраля, и императоръ, благодаря членовъ, сказалъ, что дѣло это касалось вопроса объ удовлетвореніи законныхъ нуждъ рабочихъ, а вовсе не борьбы съ соціальной демократіей. „Что касается соціальной демократіи—прибавилъ онъ—то это уже иная забота, съ которою, при нуждѣ, я справлюсь одинъ, не спрашивая вашего совѣта и содѣйствія“.

Раздраженіе императора, вслѣдствіе неуспѣха международной конференціи, а затѣмъ неудовольствіе его на канцлера за то, что тотъ вступилъ въ переговоры съ покойнымъ Виндгорстомъ, вождемъ католическаго центра, и были причинами увольненія Бисмарка. Онъ самъ указывалъ эту причину въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: „его величество очень дѣятеленъ, чувствуетъ излишекъ силъ и потому хочетъ самъ быть своимъ канцлеромъ“ **).

---

*) «Wie Bismarck entlassen wurde».

**) «Bismarck im Ruhestande», стр. 37 (разговоръ съ корреспондентомъ «Новаго Времени»).

Въ сферахъ, знающихъ о ходѣ дѣлъ, высказывались, при увольненіи Бисмарка, догадки, что новая программа правленія представитъ собой смѣсь личной инициативы посредствомъ „кабинетскихъ рескриптовъ“, въ духѣ Фридриха Великаго, съ условіями парламентаризма, такъ что правительственное дѣйствіе будетъ исходить лично отъ императора, а министры явятся лишь исполнителями его воли.

По поводу назначенія, вмѣсто него, генерала Каприви, Бисмаркъ впослѣдствіи замѣтилъ: „императоръ сдѣлалъ замѣчательное „chassé croisé“: своего лучшаго генерала назначилъ въ канцлеры, а своего канцлера сдѣлалъ фельдмаршаломъ“. Если вѣрить разсказамъ приверженцевъ Бисмарка, то Вильгельмъ II, будто бы еще 1 февраля, т. е. дня за два передъ изданіемъ рескриптовъ (составленныхъ, какъ оказывается, Бисмаркомъ), призвалъ къ себѣ Каприви *) и сказалъ ему, что когда—рано или поздно—должность канцлера сдѣлается вакантной, то на нее будетъ назначенъ онъ, Каприви, такъ какъ еще дѣдъ императора (Вильгельмъ I) указалъ ему на Каприви, на случай смерти Бисмарка. „Но, кажется, я разстанусь съ нимъ раньше—прибавилъ онъ.—Онъ относится такъ несочувственно къ моему почину въ рабочемъ вопросѣ и такъ неподатливъ въ этомъ отношеніи, что мы долѣе не можемъ идти однимъ путемъ“.

А когда Каприви отвѣтилъ, что только монаршее повелѣніе можетъ заставить его принять должность, къ которой онъ сознаетъ себя неподготовленнымъ, то императоръ прервалъ его словами: „вы въ этомъ и не будете нуждаться, вы будете получать указанія“. Впрочемъ, Бисмаркъ выражался съ уваженіемъ о своемъ преемникѣ: „я убѣжденъ, что для самого Каприви назначеніе его канцлеромъ было полной неожиданностью, что назначеніе это онъ принялъ по чувству долга, и что отъ него далеко сколько-нибудь непозволительное личное честолюбіе. Это—свѣтлая голова, доброе сердце, великодушная натура, значительная рабочая сила, словомъ, человѣкъ первостепенный (ersten Ranges) **).

Относительно взглядовъ императора Вильгельма II на роль министровъ, разсказываютъ, что однажды, на парламентскомъ обѣдѣ у Каприви въ ноябрѣ 1890 г., императоръ

*) «Wie Bismarck entlassen wurde».
**) «Bismarck im Ruhestande».

замѣтилъ: „прежнее поколѣніе говорило всегда: да, но; а нынѣшнее говоритъ: да, стало быть; министръ финансовъ Микель принадлежитъ къ нашему поколѣнію“.

Новый канцлеръ, однако, оказался гораздо болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ полагали. По крайней мѣрѣ, нельзя не признать, что дѣйствія его находились въ малой зависимости отъ публичныхъ рѣчей и заявленій императора, и это неудивительно при тѣхъ самопротиворѣчіяхъ, въ какія Вильгельмъ II впадаетъ.

При одномъ изъ своихъ посѣщеній Эссена, онъ говорилъ рабочимъ Круппа. „вамъ извѣстно, что нашъ царственный домъ издавна являлъ попеченіе о рабочихъ классахъ. Я заявилъ предъ міромъ, какимъ путемъ я намѣренъ идти, и теперь подтверждаю, что на этомъ пути пойду впередъ. Меня обрадовало проявленное вами доброе настроеніе, изъ котораго вижу, что мы находимся на пути вѣрномъ и что вы пойдете на немъ за нами“. Но дѣло въ томъ, что Вильгельмъ говоритъ слишкомъ легко, не соразмѣряя выраженій, а потому и впадаетъ въ самопротиворѣчія.

Менѣе, впрочемъ, въ дѣйствіяхъ, чѣмъ именно въ рѣчахъ. Дѣйствія—скорѣе колеблющіяся, чѣмъ рѣзкія, и ихъ возможно еще связать общей мыслью о необходимости оставить Бисмаркову систему борьбы то съ одной стороной, то съ другой, и произвести нѣкоторое умиротвореніе. Въ вопросѣ о школьной реформѣ, предложенной въ духѣ клерикализма, онъ выказалъ даже больше готовности принимать къ свѣдѣнію мнѣніе парламентскаго большинства, чѣмъ оба его дѣды. Въ вопросѣ военномъ—другое дѣло; въ немъ онъ—такой же прусскій король, какъ и всѣ его предшественники.

Но въ заявленіяхъ его легко указать множество противорѣчій не только одной рѣчи—другой, но и рѣчей вообще—фактическому образу его дѣйствій. Такъ, въ Баваріи, онъ пишетъ въ альбомъ латинское изреченіе: „высшее право есть королевская воля“. Между тѣмъ, какъ король прусскій, онъ можетъ проводить свою волю, въ силу конституціи, только при согласіи прусскаго ландтага, а какъ императоръ—только съ согласія имперскаго представительства, т. е. рейхстага. Такимъ образомъ, „высшее право“ представляется лишь согласной волей монарха и народа. Когда въ другой разъ, а именно 24 мая 1891 г., Вильгельмъ II сказалъ членамъ рейн-

скаго областного сейма: „одинъ только повелитель въ странѣ, это—я; никакого другого рядомъ съ собой я не потерплю“, то и эти слова, хотя они относились собственно къ Бисмарку, но, въ безусловномъ своемъ значенiи, были въ противорѣчiи съ правами союзнаго совѣта и рейхстага, и подобныя заявленiя могутъ внушать опасенiе даже по вопросамъ иностранной политики, тѣмъ болѣе, что не было недостатка и въ другихъ выходкахъ въ томъ же родѣ. Такъ, подъ фотографическимъ портретомъ, даннымъ министру просвѣщенiя Госслеру, выписывается, неизвѣстно съ какой стати (по-латыни же): „такъ хочу, такъ повелѣваю“. На областномъ сеймѣ Бранденбургскаго маркграфства (провинцiи) король говорилъ: „согласно съ моимъ дѣдомъ, въ перешедшихъ ко мнѣ народѣ и странѣ я вижу наслѣдiе, ввѣренное мнѣ Богомъ, которое —какъ и въ Библiи сказано—я призванъ умножить и за которое я со временемъ отвѣчу. Я намѣренъ распоряжаться этимъ наслѣдiемъ такъ, чтобы его еще прiумножить. Тѣхъ, кто захочетъ помочь мнѣ въ томъ, привѣтствую сердечно, но тѣхъ, которые мнѣ въ этомъ трудѣ станутъ помѣхою— я сокрушу.“

Въ той же, памятной бранденбургской рѣчи Вильгельмъ II приглашалъ недовольныхъ критиковъ (Hörgler) „отряхнуть германскую пыль съ своихъ туфель и уходить отъ плачевныхъ условiй нашего быта“. На другой день, депутаты, встрѣчаясь другъ съ другомъ, шутили надъ количествомъ пыли, какое оказывалось у нихъ на сапогахъ, а на биржѣ увѣряли, что акцiи перевозочныхъ компанiй сильно пойдутъ на повышенiе.

Конечно, нельзя было бы отрицать возможности, что подъ влiянiемъ одного изъ страстныхъ и одностороннихъ порывовъ, къ которымъ онъ склоненъ, императоръ Вильгельмъ II не сдѣлаетъ какого-либо шага, могущаго вызвать войну,—если бы не было того многозначительнаго факта, что какъ ни самовольны разныя его заявленiя, однако онъ въ дѣлахъ внутреннихъ не нарушаетъ конституцiонныхъ формъ и обычаевъ.

Изъ предшествующаго очерка слѣдуетъ выводъ о весьма малой вѣроятности, чтобы Вильгельмъ II рѣшился на такой личный шагъ, который нарушалъ бы трактаты, и чтобы онъ взялъ на себя отвѣтственность въ дѣлѣ несомнѣнно болѣе опасномъ, чѣмъ нарушенiе какой-либо конституцiонной формы,

а именно въ вызовѣ войны, которая могла бы имѣть непредвидѣнныя и неисчислимыя послѣдствія.

Должно однакоже прибавить, что именно, благодаря личнымъ настояніямъ императора, прошелъ законъ о двухлѣтнемъ срокѣ службы подъ знаменами, который, по отзыву военныхъ авторовъ, предоставилъ германскому императору юридическую возможность начать войну безъ предложенія парламенту чрезвычайныхъ мѣръ для приведенія арміи въ составъ по военному положенію. Но этотъ предметъ самъ по себѣ столь важенъ, что мы должны вслѣдъ за симъ разсмотрѣть его особо.

5. Опасности, возникающія изъ новаго германскаго военнаго закона.

Представлялось ли для Германіи въ самомъ дѣлѣ необходимымъ то усиленіе ея арміи, какое произведено послѣднимъ военнымъ закономъ? Для того, чтобы судить объ этомъ, мы должны бросить взглядъ на численность и распредѣленіе военныхъ силъ тройственнаго союза и воспользуемся для этого данными, которыя были приводимы при обсужденіи новаго закона въ рейхстагѣ. Мы ихъ находимъ въ анонимной брошюрѣ, написанной, очевидно, военнымъ человѣкомъ, въ опроверженіе другой брошюры, изданной маіоромъ Киммомъ съ намѣреніемъ доказать необходимость принятія упомянутаго закона. Такъ какъ авторъ цитируемаго сочиненія писалъ съ цѣлью полемическою, то весьма вѣроятно, что на тенденціозно-пессимистическое представленіе дѣла Кеймомъ онъ отвѣтилъ, вдаваясь въ нѣкоторый оптимизмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ хотѣлъ показать могущество тройственнаго союза.

Авторъ полагаетъ, что возможно комбинированное вступленіе германскихъ и австрійскихъ войскъ на русскую территорію раньше, чѣмъ Россія въ состояніи будетъ сосредоточить силы, достаточныя для отпора. По его словамъ, противъ 14-ти русскихъ армейскихъ корпусовъ, находящихся въ округахъ варшавскомъ, виленскомъ, кіевскомъ и одесскомъ, могутъ быть выставлены 11 корпусовъ германскихъ и 10 австрійскихъ, такъ что часть германскихъ силъ удобно можетъ быть отвлечена на западную границу Германіи, для совмѣстнаго дѣйствія съ итальянцами. Авторъ убѣжденъ въ

наступательной иниціативѣ германско-австрійских войскъ противъ Россіи, уже на одномъ томъ основаніи, что Пруссія и Австрія имѣютъ значительно болѣе развитую стратегическую желѣзнодорожную сѣть, чѣмъ Россія. Въ этомъ предположеніи, русскимъ войскамъ, которыя гораздо медленнѣе, чѣмъ наступающія союзныя, могутъ подкрѣпляться силами извнутри страны, придется держаться крѣпостей, т. е. системы оборонительной. Въ свою очередь, и Германія въ началѣ войны можетъ держаться этой системы на западѣ, при чемъ авторъ разсчитываетъ на привлеченіе въ составъ главныхъ наступательныхъ силъ въ Лотарингіи—значительной массы войскъ итальянскихъ, такъ какъ оборона Италіи, по его мнѣнію, можетъ быть обезпечена небольшими силами, благодаря альпійскимъ укрѣпленіямъ и превосходному итальянскому флоту, который не только является третьимъ по численности судовъ, но и располагаетъ судами самыхъ совершенныхъ, наиболѣе быстроходныхъ типовъ; а сверхъ того, для обороны своего побережья Италія можетъ разсчитывать и на помощь Англіи.

Такое распредѣленіе подходитъ подъ мнѣніе Мольтке о необходимости первыхъ рѣшительныхъ ударовъ—на востокѣ, чтобы надлежащимъ образомъ утилизировать помощь Австріи и сильную линію естественныхъ и искусственныхъ укрѣпленій, которую Италія и Германія имѣютъ на западѣ. По словамъ автора, силы державъ въ совокупности представляются такъ: готовыхъ войскъ Россія имѣетъ 20 корпусовъ, Франція 19, всего стало-быть 39, съ итогомъ 88 пѣхотныхъ дивизій. Между тѣмъ, Германія располагаетъ 20-ю, Австро-Венгрія 15-ю, Италія 12-ю корпусами, словомъ, тройственный союзъ можетъ выставить 47 армейскихъ корпусовъ, представляющихъ собой 100 пѣхотныхъ дивизій постоянной арміи. Изъ этого сопоставленія авторъ выводитъ, что усиленіе германской арміи, состоявшееся въ послѣднее время, было не нужно.

По указанію автора, установленіе двухлѣтней службы противорѣчитъ тому, что считалось несомнѣннымъ доселѣ. Еще недавно, въ виду смертоносности нынѣшняго огнестрѣльнаго оружія и, вслѣдствіе того, необходимости должной выучки обращенію пѣхотинца съ ружьемъ, считали всякій опытъ сокращенія срока дѣйствительной службы въ войскахъ

слишкомъ рискованнымъ, чтобы возможно было правительству принять за него отвѣтственность.

Да и откуда же могла произойти перемѣна взглядовъ? Разсматривая этотъ вопросъ, авторъ говоритъ: „Франціи, съ ея 38 милліонами въ Европѣ, пятью милліонами въ Африкѣ и 19-ю милліонами въ Азіи, несмотря на кажущуюся дошедшею до послѣднихъ предѣловъ напряженность вооруженій, быть можетъ, и удастся удивить міръ дальнѣйшимъ усиленіемъ защиты страны противъ нѣмецкаго вторженія; что же касается Россіи, то ея 98 мил. жителей однихъ европейскихъ владѣній съ Кавказомъ заставляютъ думать, что увеличеніе ея вооруженныхъ силъ составляетъ лишь вопросъ времени и средствъ". Въ дѣйствительности, съ перваго взгляда причины новаго увеличенія численности германской арміи совершенно непонятны.

Вспомнимъ, что канцлеръ Каприви въ своей парламентской рѣчи 27 ноября 1891 г. оспаривалъ правильность сужденія о силѣ армій по одной ихъ численности: „Говорятъ, у французовъ 5.400.000 солдатъ, а у насъ только 4.500.000, стало быть, мы должны безпокоиться. Но нѣтъ такого полководца, который былъ бы въ состояніи продовольствовать, двигать такія массы и вводить ихъ въ бой; на мой взглядъ, въ будущихъ войнахъ все большее и большее значеніе получитъ единица, личность, добровольно держащаяся массы. Въ рѣшительные моменты, когда въ передовой линіи едва уцѣлѣютъ нѣсколько офицеровъ, да и тѣ не будутъ въ состояніи повсюду провести свою волю, люди, даже единичный человѣкъ, будутъ предоставлены самимъ себѣ, и вотъ тогда всего важнѣе — окажутся ли они способными добровольно дѣйствовать по общему импульсу и дѣйствовать правильно". Стало быть, увеличеніе мирнаго состава арміи потребовалось не для того, чтобы имѣть большую численность запаса, но по какимъ-либо инымъ причинамъ.

Не зная ихъ, трудно понять необходимость новаго усиленія, хотя, впрочемъ, то же самое можно было сказать и о нѣкоторыхъ прежнихъ увеличеніяхъ состава, когда они являлись неожиданно и слишкомъ часто одно послѣ другаго. Такъ, въ концѣ 1889 г., при обсужденіи военной смѣты на семилѣтіе, въ новыхъ штатахъ показаны были уже 20 армейскихъ корпусовъ, вмѣсто прежнихъ 18-ти. Въ коммисіи Беннигсенъ спросилъ тогдашняго военнаго министра фонъ-Верди,

удовлетворитъ ли это усиленіе окончательно требованіямъ военнаго вѣдомства, и вслѣдствіе утвердительнаго отвѣта, докладчикъ коммисіи въ январѣ заявилъ рейхстагу, что прибавка двухъ новыхъ корпусовъ завершитъ собой давно выработанное военнымъ министерствомъ преобразованіе арміи. А между тѣмъ, въ теченіе того же смѣтнаго года было потребовано еще нѣкоторое добавочное увеличеніе состава. И вотъ, затѣмъ уже выступилъ на сцену проектъ двухлѣтней службы, который даже въ военныхъ сферахъ, съ точки зрѣнія технической, встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Мюнхенская оффиціозная „Allgemeine Zeitung" указывала, какъ на отличительную черту военнаго проекта канцлера Каприви, въ сравненіи съ прежними проектами усиленія, что въ самомъ корпусѣ офицеровъ пять шестыхъ были противъ этого проекта, что даже нѣкоторые выдающіеся командующіе генералы не одобряли существенныхъ въ немъ пунктовъ.

Правда, графъ Каприви говорилъ въ рейхстагѣ совсѣмъ иное, а именно, что „на 31 сдѣланный запросъ получены были 10 такихъ отзывовъ, въ которыхъ требовалось и усиленіе мирнаго состава, и сохраненіе трехлѣтней службы— что и было бы въ военномъ отношеніи лучше всего, но невозможно по соображеніямъ финансовымъ,— а 21 отзывъ въ существенномъ оказались согласны съ предложеннымъ вамъ проектомъ". А между тѣмъ, въ „Schlesische Zeitung", „Hamburger Korrespondent", „Hationalliberale Korrespondenz" и въ другихъ газетахъ сообщалось, что, при пріемѣ на новый годъ, императоръ высказалъ генераламъ, что онъ не потерпитъ той оппозиціи противъ составленнаго проекта закона, какую позволили себѣ выказать нѣкоторые военно-служащіе. Вообще, удерживается такое убѣжденіе, что многіе изъ наиболѣе авторитетныхъ военныхъ людей были противъ проекта въ данномъ его видѣ, что за него стояли только карьеристы („Streber") и затѣмъ — ближайшія къ императору лица.

Разъясненія можно искать только въ цифрахъ. По новому закону, мирный составъ германской арміи усилился на 83.894 чел. (нижнихъ чиновъ вообще, не считая одногодичныхъ вольноопредѣляющихся). Итакъ, на періодъ съ 1 октября 1893 г. по 31 марта 1899 года мирный составъ опредѣленъ въ 570.877 чел. Въ этомъ числѣ, вмѣсто прежнихъ 66.952 унтеръ-офицеровъ, положено 78.809, т. е. на 11.857 чел. больше.

Новаго ежегоднаго расхода на такое усиленіе потребо-

валось 64 мил. марокъ; единовременный расходъ на осуществленіе этого усиленія въ 1893—94 гг. составилъ 62 мил. мар., а затѣмъ потребовались еще добавочные 6 мил. мар.

Отчасти изъ сказаннаго выше, частью же по свѣдѣніямъ, вышедшимъ изъ парламентской коммисіи, можно догадываться, что главнѣйшая цѣль увеличенія мирнаго состава заключалась не въ томъ, чтобы, въ случаѣ необходимости мобилизаціи всѣхъ силъ страны, получить возможность выставить лишнихъ тысячъ двѣсти солдатъ, но въ томъ, чтобы такимъ образомъ при началѣ войны въ строю уже были 840.000 чел.; при удержаніи же подъ знаменами, сверхъ срока, контингента одного года, слѣдовательно младшаго возраста,— что̀ разрѣшается властямъ безъ особаго постановленія парламента,—численность возрастетъ почти до 850 т. чел.

Мы уже выше говорили, что современные военные авторитеты согласны въ томъ, что при нынѣшнихъ способахъ веденія войны вѣрнѣе разсчитывать на молодыхъ солдатъ, не привыкшихъ дорожить жизнью. Изъ призванныхъ подъ знамена контингентовъ, вышедшихъ изъ рядовъ за десятки лѣтъ (во Франціи, въ случаѣ войны, призыву подлежатъ 25 контингентовъ, въ Германіи 24), часть солдатъ будетъ состоять изъ сорокапятилѣтнихъ людей. Польза отъ этого окажется весьма сомнительной. Канцлеръ Каприви высказалъ свое мнѣніе по этому поводу, указывая на то, что увеличеніе численности арміи должно будетъ произойти большею частью изъ такихъ контингентовъ, въ которыхъ многіе солдаты окажутся не только отцами, но и дѣдами.

Поэтому-то имѣть при началѣ войны въ своемъ распоряженіи 850.000 людей молодыхъ, хорошо обученныхъ, болѣе равнодушныхъ къ жизни, при 80.000 хорошихъ унтеръ-офицеровъ, весьма существенно для дѣйствительно могущественной военной силы. Здѣсь не лишне напомнить слова Бисмарка, которыя мы уже разъ приводили и которыми во всякомъ случаѣ нельзя пренебрегать, если принять во вниманіе, что бывшему канцлеру въ продолженіе 25 лѣтъ извѣстны были всѣ тайны и предположенія прусскаго главнаго штаба: „Въ началѣ войны произойдутъ, быть можетъ, одновременно 3—4 битвы въ разныхъ пунктахъ. Исходъ ихъ можетъ рѣшить судьбу всей войны. Каждая изъ нихъ можетъ произойти при участіи съ той и другой стороны по 200 и не болѣе 250 тыс. чел. Итакъ, для начала дѣйствій, самаго

опаснаго, если не рѣшающаго всю войну, потребуется всего миллiонъ солдатъ; больше силъ нельзя будетъ пустить въ дѣло и излишекъ потребуется развѣ для резервовъ или въ предвидѣнiи дальнѣйшихъ битвъ, которыя могутъ и несостояться".

Мы уже нѣсколько разъ цитировали отзывъ военнаго писателя фонъ-деръ-Гольца, что для будущихъ войнъ потребуются еще большiе призывы, чѣмъ какiе были доселѣ. При обсужденiи еще въ 1884 г. сочиненiя полковника Блюме „Strategie", тотъ же Гольцъ указывалъ на преобразованiя, подобныя тѣмъ, которыя осуществляются новымъ германскимъ военнымъ закономъ. При этомъ случаѣ, сказать мимоходомъ, онъ же высказывалъ пожеланiе, чтобы изложенiе предметовъ, относящихся къ войнѣ—за исключенiемъ чисто-техническихъ подробностей—было болѣе популярно, велось на болѣе общепонятномъ, чѣмъ доселѣ, языкѣ. У насъ мысль о популяризацiи стратегики многимъ можетъ показаться странною, а между тѣмъ нѣмецкiй писатель не могъ не имѣть своихъ основанiй, чтобы выразить такое пожеланiе.

Очевидно, что если сильныя потери въ людяхъ произойдутъ въ первыхъ встрѣчахъ войскъ, состоящихъ изъ молодыхъ солдатъ, то хотя онѣ и вызовутъ слезы и стоны отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ, но не будутъ имѣть тѣхъ страшныхъ экономическихъ послѣдствiй, какiя явились бы при гибели отцовъ семействъ, и, быть можетъ, не повлiяютъ на старшiе возрасты, которые поймутъ, что наиболѣе кровопролитныя столкновенiя уже завершились.

И вотъ, новый германскiй военный законъ имѣлъ въ виду именно и ту цѣль, чтобы усилить въ армiи численность людей младшихъ возрастовъ („Verjüngung der Armee"), такъ чтобы въ будущей войнѣ достаточно было призвать 8—10 младшихъ контингентовъ запаса и уже имѣть армiю совершенно достаточную по численности для рѣшающихъ дѣйствiй. Поводомъ къ этому служитъ не мнѣнiе о непригодности или ненадежности для войны людей изъ запаса, имѣющихъ 32 года и больше, но именно то соображенiе, чтобы беречь людей семейныхъ, людей, дѣятельность которыхъ въ общей экономiи страны представляется наиболѣе цѣнною.

Итакъ, усиленiе мирнаго состава имѣетъ слѣдующiя четыре цѣли: увеличенiе силы первоначальнаго натиска, облегченiе мобилизацiи первыхъ дѣйствующихъ силъ, увели-

ченіе численности арміи и еще увеличеніе въ ея составѣ численности элемента наиболѣе молодого *).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ непропорціональность увеличенія числа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Какими чрезвычайными причинами объясняется это обстоятельство, показываютъ слова Бисмарка, высказанныя въ 1881 году: „по цифрамъ, наши сосѣди стоятъ наравнѣ съ нами, но въ качественномъ отношеніи имъ съ нами не сравняться. Русскій, французъ одинаково храбры, какъ и нѣмецъ. Но наши 700 т. солдатъ—дѣйствительно хорошо обученные и еще не успѣвшіе ничего забыть люди. А сверхъ того, никто не сравнится съ нами и въ томъ отношеніи, что у насъ есть налицо тотъ матеріалъ въ офицерахъ и унтеръ-офицерахъ, который нуженъ и пригоденъ къ веденію этихъ войскъ въ бою".

Весьма естественно, что во Франціи зорко слѣдятъ за движеніемъ, происходящимъ въ Германіи. Новый германскій законъ объ увеличеніи постояннаго контингента числа унтеръ-офицеровъ и офицеровъ французы именно тѣмъ и объясняли **), что императоръ Вильгельмъ пожелалъ имѣть въ своемъ распоряженіи бо́льшую численную силу, и отсюда пришли къ выводу, быть можетъ, черезъ-чуръ пессимистическому. Высказывалось предположеніе, что германскій государь можетъ когда-нибудь вздумать объявить войну, безъ соблюденія законныхъ формъ, и въ такомъ случаѣ ему необходимо имѣть возможность въ теченіе болѣе продолжительнаго времени вести войну, не прибѣгая къ призыву въ ряды арміи отцовъ семействъ и вообще самостоятельно зарабатывающихъ средства къ жизни, что̀ всегда сопровождается въ странѣ чувствительными замѣшательствами.

Не входя въ оцѣнку вѣрности такихъ объясненій, ни равнымъ образомъ въ оцѣнку послѣдняго германскаго военнаго закона, противъ котораго была оппозиція даже въ военныхъ сферахъ, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство, въ которомъ выражается разность національнаго характера. Молодость и темпераментъ германскаго императора дѣйствительно возбуждаютъ подчасъ опасенія, но въ концѣ концовъ, рѣшимость на рискованный шагъ все-таки болѣе свойственна характеру галловъ, чѣмъ тевтоновъ.

Какъ бы ни было, мы считали необходимымъ привести

*) «Die Militärvorlage und der Antrag Bennigsen».
**) «Revue Militaire de l'Etranger» и «Revue militaire du Journal des Débats».

тѣ взгляды, отъ которыхъ зависятъ не только послѣдствія техническія и экономическія въ случаѣ войны, но и степень вѣроятности ея возникновенія—по почину Германіи.

II.

Австрія.

Итакъ, по отношенію къ Германіи мы пришли къ заключенію, что возникновеніе войны по ея почину является маловѣроятнымъ. Но здѣсь представляется обстоятельство внѣшнее, могущее нѣсколько ослабить тотъ благопріятный выводъ, къ которому мы только что пришли. Это обстоятельство заключается въ отношеніяхъ Германіи къ Австріи. Австро-Венгрія владѣетъ бóльшей частью теченія Дуная, устье котораго находится въ предѣлахъ Румыніи и многочисленные экономическіе интересы связываютъ монархію Габсбурговъ съ государствами Балканскаго полуострова. Кромѣ того, въ составъ ея входятъ часть румынской національности (въ Трансильваніи) и значительныя населенія сербскаго племени (въ Воеводствѣ и Хорватіи). Поэтому Австрія всегда имѣла весьма серьезный интересъ въ восточномъ вопросѣ.

Съ того же времени, какъ Австрія была исключена изъ германскаго союза, можно даже сказать, что центръ тяжести ея политики перенесся на востокъ. Тамъ она сдѣлалась естественной соперницею Россіи, которой нѣкоторыя христіанскія народности Турціи обязаны своимъ освобожденіемъ и которой можетъ принадлежать первостепенная роль въ разрѣшеніи того же восточнаго вопроса. Австрія всегда была слабѣе Россіи, но съ теченіемъ времени отношеніе силъ между ними значительно измѣнилось къ невыгодѣ Австріи и постоянно будетъ измѣняться въ томъ же смыслѣ. Огромный приростъ населенія въ Россіи, сооруженіе обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и успѣхи культуры вообще увеличили въ высокой степени наступательную силу Россіи въ случаѣ войны съ Австріею. Такой случай могъ бы представиться, какъ только окончательная дряхлость оттоманской имперіи сдѣлала бы невозможной дальнѣйшую отсрочку вопроса о наслѣдствѣ, открывающемся послѣ „больного человѣка“. Подобный случай могъ бы явиться еще и вслѣдствіе какихъ-либо непредвидѣнныхъ кризисовъ въ Болгаріи, Сербіи, Румыніи, такихъ кри-

зисовъ, которые потребовали бы новаго урегулированія положенія того или другого изъ этихъ государствъ.

Вопросъ о степени вѣроятности почина въ войнѣ со стороны Австріи мы ставимъ именно только на почвѣ ея соперничества съ Россіею. И вотъ, въ томъ случаѣ, если бы политика Австріи привела къ серьезному столкновенію съ интересами Россіи, спрашивается, могла ли бы Германія предоставить Австрію ея собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ Россіей, т. е. отнестись безучастно къ неизбѣжной въ такомъ случаѣ гибели Австріи? Въ одномъ только можно имѣть увѣренность, а именно, что Австрія сама добровольно не вызоветъ опасной войны.

Въ тѣхъ частяхъ настоящаго труда, гдѣ говорится объ экономическихъ потрясеніяхъ, какія-бы угрожали Австріи при войнѣ, и о духѣ армій разныхъ государствъ, уже было выяснено, что внутреннее политическое положеніе монархіи Габсбурговъ исключаетъ вѣроятность почина къ войнѣ съ ея стороны. Здѣсь достаточно будетъ напомнить о главныхъ чертахъ внутренняго положенія Австро-Венгріи. Входящіе въ ея составъ народы, раздѣленные взаимно-противоположными стремленіями, соединены собственно династической связью, которая безъ всякаго сравненія слабѣе національной сплоченности, составляющей силу Франціи, Россіи и Германіи.

Система дуализма, на которой основано политическое зданіе Австро-Венгріи, есть система искусственная, предполагающая, что въ этой монархіи есть двѣ господствующія народности, а остальныя подчинены имъ въ дѣлахъ обще-государственныхъ. Но эта система, для того, чтобы сдѣлаться прочною, окончательною, предполагала-бы, что въ каждой половинѣ монархіи утвердится преобладаніе господствующей народности, что каждая изъ послѣднихъ сдѣлается цементомъ, который сплотитъ прочія національности, то-есть, что Цислейтанія будетъ постепенно германизироваться, а Транслейтанія—мадьяризироваться. Но если этого не удалось достигнуть при прежнемъ порядкѣ правленія, во времена Меттерниха, Шварценберга и Баха, то тѣмъ болѣе это невозможно при нынѣшнемъ конституціонномъ устройствѣ.

Въ земляхъ короны св. Стефана все возрастаетъ оппозиція противъ мадьяризированія, а въ наслѣдственной монархіи Габсбурговъ уже не осталось и тѣни германизаціи. Здѣсь дошло до того, что нѣмцы находятся въ оппозиціи.

При существованіи широкой провинціальной автономіи съ областными сеймами, сила вещей толкаетъ Австро-Венгрію къ федерализму, который придетъ на смѣну искусственной системѣ дуализма. Но пока это осуществится, вся политическая жизнь въ этомъ государствѣ будетъ заключаться въ борьбѣ однѣхъ національностей съ другими. Хотя бы эта борьба всегда оставалась легальной, но она такъ обострена, что въ случаѣ войны нельзя даже имѣть увѣренность, что всѣ принадлежащія къ монархіи народности будутъ одинаково одушевлены желаніемъ Австріи успѣха въ этой войнѣ.

Что борьба между народностями Австро-Венгріи оставалась пока вполнѣ легальной и даже не выразилась въ конституціонныхъ конфликтахъ, а происходила главнымъ образомъ въ областныхъ сеймахъ, на выборахъ и въ печати—это въ значительной степени обусловлено личнымъ обаяніемъ императора Франца-Іосифа, его доброжелательсвтомъ ко всѣмъ народностямъ, его умѣренностью и тактомъ, съ какими онъ умѣетъ устранять затрудненія. Но что будетъ при его преемникѣ, трудно предвидѣть. Доселѣ его мало знаютъ въ странѣ и во всякомъ случаѣ ему не скоро удастся пріобрѣсть тотъ авторитетъ и ту всеобщую привязанность, какими пользуется императоръ Францъ-Іосифъ.

Какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, сверхъ династической связи, народы Австро-Венгріи могутъ удерживаться отъ отпаденія еще такимъ сознаніемъ, что нигдѣ имъ не будетъ лучше, чѣмъ въ Австріи, а вполнѣ независимаго существованія ни одинъ изъ нихъ сохранить не могъ бы. Правда, это есть сознаніе лишь отрицательнаго характера, но оно всетаки можетъ имѣть значеніе въ такомъ смыслѣ, что въ самой австро-венгерской арміи не проявится при войнѣ сепаратистическихъ стремленій. Въ этой арміи, въ настоящее время, уже не найдется элементовъ, которые были бы прямо расположены перейти на сторону непріятеля, какъ то дѣлали въ 1866 году полки, набранные въ венеціянской области, переходившіе на сторону пруссаковъ. Въ то время внутреннее положеніе было совсѣмъ иное: венеціянцевъ вели на пруссаковъ въ тотъ моментъ, когда Италія воевала съ Австріею же за освобожденіе Венеціи; венгерская конституція была пріостановлена, а чехи и поляки оставались подъ гнетомъ нѣмцевъ.

Такой прямой вражды къ государству нельзя предпола-

гать въ какихъ-либо полкахъ современной австро-венгерской арміи. Политическія разногласія между національными группами не нарушаютъ преданности ихъ главѣ монархіи съ тѣхъ поръ, какъ въ ней установились гораздо болѣе благопріятныя, чѣмъ были прежде, отношенія. Напомнимъ здѣсь отзывъ одной брошюры, приписывавшейся лицу, состоявшему въ русской военной службѣ: „имѣя офицеровъ преданныхъ службѣ и проникнутыхъ духомъ чести, австрійская армія представляетъ прочный организмъ, одушевленный чувствомъ товарищества и взаимной солидарности; быть можетъ, что разнородные его элементы не выдержатъ единства въ случаѣ погрома, но можно имѣть увѣренность, что они въ полномъ согласіи пойдутъ на каждаго непріятеля, покамѣстъ дѣйствія арміи будутъ удачны" *).

Но какъ бы то ни было, нельзя не полагать, что Австрія, при особенностяхъ ея внутренняго положенія, менѣе, чѣмъ какая-либо изъ великихъ державъ, способна увлечься въ „политику приключеній" и вызвать войну. Во всякомъ случаѣ, извѣстно личное нерасположеніе къ ней императора Франца-Іосифа.

III.

Россія.

Есть и такіе пессимисты, которые высказываютъ мнѣніе, что война можетъ произойти внезапно именно потому, что въ дѣйствительности вопросъ о мирѣ или войнѣ въ Европѣ зависитъ отъ германскаго или всероссійскаго монарховъ. Пока грозное слово не будетъ произнесено въ Берлинѣ или въ Петербургѣ, государства, состоящія въ союзахъ съ Германіей и Россіей, не рѣшатся на войну.

Въ доказательство возможности, что война была бы рѣшена въ Россіи внезапно, ссылаются на примѣръ крымской войны, когда движеніе войскъ къ турецкой границѣ было рѣшено Императоромъ Николаемъ подъ вліяніемъ внезапнаго порыва. Но разсуждающіе такъ, очевидно, незнакомы съ развитіемъ внутренней жизни Россіи, не знаютъ, что современная, обновленная преобразованіями и экономически сильно развившаяся Россія выросла, такъ сказать, въ направленіи прямо противоположномъ тому, какое обозначилось 30-ти-

*) «Beiträge zu einer psychologischen Entwickelungsgeschichte der oesterreichischen Armee».

лѣтнимъ застоемъ до 1853 года и затѣмъ внезапнымъ порывомъ къ войнѣ изъ честолюбивыхъ видовъ.

Занимая шестую часть поверхности суши на всемъ земномъ шарѣ, Россія не нуждается въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и война 1877—78 годовъ, уже не неудачная, какъ крымская война, но побѣдоносная, приведшая русскія войска почти подъ стѣны самаго Царьграда, фактически доказала, что къ такимъ пріобрѣтеніямъ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, Россія не стремится. На это можно, пожалуй, возразить, что бывшая война не доказываетъ невозможности войны въ будущемъ. Но вѣдь о невозможности напрасно и говорить. Мы высказали мнѣніе, что Германія въ будущемъ врядъ ли взяла бы на себя починъ въ войнѣ. Но это вовсе не исключаетъ возможности войны ея съ Франціею, еслибы послѣдняя желала, напр., присоединить къ себѣ Бельгію. Нѣчто сходное представилось Россіи въ 1876 году. Страшная рѣзня въ Болгаріи вызвала негодованіе въ общественномъ мнѣніи самой Англіи, а затѣмъ Сербія, вступившая въ неравный бой, была-бы залита кровью, еслибы рѣшительное слово русскаго Монарха не остановило движенія турокъ на Бѣлградъ. Мирный выходъ изъ такого положенія дѣлъ могъ быть найденъ только искренними усиліями европейской дипломатіи. Но послѣ того, какъ константинопольская конференція не привела къ такому результату, война являлась логическимъ послѣдствіемъ, а не плодомъ внезапнаго рѣшенія, истекшаго изъ давно лелѣемыхъ честолюбивыхъ видовъ. Несомнѣнно, что и въ 1876 году можно было отказаться отъ войны по разнымъ, весьма существеннымъ соображеніямъ. Но никакъ нельзя утверждать, что эта война была преднамѣренною.

Съ той поры прошло двадцать лѣтъ и въ теченіе этого времени Россія явила немало доказательствъ своего искренняго миролюбія, своего нежеланія воспользоваться не только частными кризисами Болгаріи, но даже и признанными въ международныхъ соглашеніяхъ правами, чтобы охранить ихъ силою. Заключивъ съ Портою въ Сан-Стефано трактатъ окончательный, обѣими сторонами уже ратификованный, Россія допустила передѣлку его на берлинскомъ конгрессѣ, съ урѣзкою значительной части восточной Румеліи. Допустивъ временное занятіе австрійцами Босніи и Герцоговины, Россія не протестовала противъ безсрочности этого занятія, фактически переходившаго въ занятіе окончательное. Русское прави-

тельство даже не угрожало прибѣгнуть къ силѣ для возстановленія своего вліянія на болгарскія дѣла, хотя оно, какъ извѣстно, было признано европейскою дипломатіею равномѣрно и въ соотвѣтствіи съ занятіемъ Босніи и Герцоговины австрійцами.

Дань хвалы миролюбію русскаго правительства неоднократно воздавалась монархами и политическими людьми всей Европы. А за прочность миролюбія Россіи ручаются основныя условія ея положенія: громадность пространства имперіи, исключающая какую-либо необходимость въ дальнѣйшемъ расширеніи и колоссальная работа, предстоящая ей внутри надъ развитіемъ своихъ органическихъ силъ, разработкою своихъ естественныхъ богатствъ и вообще дальнѣйшимъ подъемомъ экономическаго быта. Заботы, внушаемыя положеніемъ сельскаго хозяйства нетолько крупнаго, но и мелкаго имѣютъ первостепенное значеніе въ государствѣ, гдѣ сельская производительность даетъ средства жизни огромному большинству населенія, составляетъ главное основаніе государственныхъ доходовъ и источникъ главнѣйшаго оборота вывозной торговли. Огромный приростъ населенія придаетъ особую важность этому вопросу, а также и вопросу вообще о развитіи въ Россіи производительности. Въ силу мѣстныхъ особенностей, народнаго характера, недостатка предпріимчивости, недостатка частныхъ капиталовъ и сбереженій у народа, рѣшеніе этихъ вопросовъ въ Россіи не можетъ быть предоставлено одной частной дѣятельности, но требуетъ еще попеченій и даже непосредственной помощи правительства. Вниманіе его нынѣ серьезно обращено вообще на экономическое состояніе народа. Сооруженіе великаго сибирскаго желѣзнаго пути и урегулированіе денежной системы требуютъ сохраненія въ цѣлости всѣхъ его рессурсовъ.

Война въ близкое время, которая произвела бы перерывъ въ этихъ заботахъ и предпріятіяхъ, которая поглотила бы всѣ наличныя средства и принудила бы къ новому неопредѣленному увеличенію кредитнаго обращенія, не можетъ не представляться Россіи въ высшей степени нежелательной и даже независимо отъ данныхъ ею доказательствъ миролюбія, самое положеніе дѣлъ удостовѣряетъ тѣмъ болѣе полную невѣроятность почина къ войнѣ со стороны Россіи, что, въ виду могущихъ проявиться во Франціи, ея союзницѣ, настроеній, въ концѣ концовъ могло бы случиться, что Россія одна должна была бы вынести всю тяжесть войны.

Правда, заграницей опасность войны по инициативѣ Россіи видятъ въ ея традиціонной политикѣ по отношенію къ южнымъ славянамъ. Какъ уже сказано выше, нѣтъ возможности утверждать, что Россія не рѣшилась бы на войну, если бы была принуждена къ ней извнѣ. Но русская политика за послѣднія 18 лѣтъ, именно по отношенію къ славянамъ, показывала прямо, что сама Россія не только не желаетъ войны, но старается устранить поводы къ столкновеніямъ. Да наконецъ, если даже и предположить, что Россіи не чужды тѣ панславистическіе виды въ будущемъ, какіе ей приписываются заграницей, то осуществленія ихъ она можетъ спокойно ожидать отъ времени, отъ естественнаго хода дѣлъ.

При почти полутора-милліонномъ ежегодномъ приростѣ населенія, для котораго въ ней еще имѣются огромныя невоздѣланныя пространства, организмъ Россіи становится все болѣе исполинскимъ, а тѣмъ самымъ возрастаетъ и его притягательная сила, подобно тому, какъ въ тѣлахъ космическихъ съ каждымъ прибывающимъ атомомъ усиливается притяженіе. Итакъ, не внѣшнія, рискованныя предпріятія, но здравая внутренняя политика, своевременно устрояющая прибывающее населеніе, обезпечивая равновѣсіе въ его дѣятельности, естественнымъ ходомъ вещей должна современемъ усилить и тяготѣніе къ Россіи славянскихъ народовъ.

Наоборотъ, преждевременныя предпріятія съ цѣлью объединенія скорѣе могли бы повредить дѣлу будущаго. Садовникъ не сбиваетъ силою плодовъ еще неспѣлыхъ, зная, что когда они дозрѣютъ, то сборъ ихъ совершится легко и изъ самыхъ плодовъ возможно будетъ извлечь большую пользу. А если общеславянское объединеніе совершится мирнымъ путемъ, въ силу естественнаго тяготѣнія, то другіе народы не должны усматривать въ этомъ опасности, такъ какъ это составляло бы уже большой шагъ къ разрѣшенію международныхъ вопросовъ вообще — не войною, но иными способами, болѣе соотвѣтственными умственнымъ успѣхамъ и нравственнымъ понятіямъ современнаго человѣчества.

IV.

Франція.

Великое значеніе, какое во Франціи придаютъ союзу съ Россіею, само по себѣ уже показываетъ, что Франція не

начнетъ войны иначе, какъ съ помощью Россіи. Но если можно имѣть убѣжденіе, что Россія не предприметъ войны для достиженія какихъ-либо собственныхъ своихъ цѣлей, то тѣмъ самымъ получается полная увѣренность, что Россія не дастъ вовлечь себя въ наступательную войну для возвращенія Франціи утраченныхъ ею провинцій.

Сверхъ того, духъ современнаго французскаго общества, характеръ его учрежденій и опытъ 1870 года ручаются за то, что Франція не бросится въ европейскую войну на свой рискъ. Правда, въ чувствахъ французскаго общества потеря Эльзаса-Лотарингіи остается больнымъ мѣстомъ, но эта боль не столь нестерпима, чтобы тѣ милліоны людей, которые должны были-бы сами идти на страшную, рискованную борьбу, увлекли парламентъ и правительство къ начатію ея.

Самыя же, быстро мѣняющіяся во Франціи, правительства и ея палаты не предрѣшатъ войны собственной волею. Судьбами Франціи уже не располагаетъ одинъ честолюбецъ, похититель власти, удерживавшій ее въ своихъ рукахъ только при помощи ряда войнъ. Въ интересы республиканской партіи, которая нынѣ господствуетъ во Франціи, составляетъ огромное большинство въ палатахъ и занимаетъ всѣ административныя мѣста, не можетъ входить война. Радикалы и соціалисты прямо отвергаютъ ее, а умѣренные республиканцы не могутъ желать ея, потому что пораженіе было-бы страшной катастрофой, а побѣда — прямой опасностью для республики. Судьба республики очутилась бы въ рукахъ того полководца, который побѣдилъ бы Германію. Да и въ случаѣ пораженія, республикѣ угрожала бы опасность отъ соціалистическаго возстанія, въ родѣ коммуны и необходимости, быть можетъ, прибѣгнуть къ военной диктатурѣ для подавленія ея.

Правда, нельзя еще имѣть окончательной увѣренности, что нынѣшній составъ палаты депутатовъ и постоянно избираемая группа главныхъ и второстепенныхъ политическихъ дѣятелей вполнѣ соотвѣтствуютъ желаніямъ большинства избирателей и съ точностью представляютъ собою ихъ настроеніе. Дѣло въ томъ, что абсолютные результаты выборовъ вопроса этого не рѣшаютъ. Избирателей во Франціи считается до $10^1/_2$ милл. чел. Но изъ этого числа почти $3^1/_2$ милл. чел. не принимаютъ участія въ выборахъ. Такъ, въ общихъ выборахъ 1893 года подано было на 10.446 тыс. записанныхъ избирателей только 7.427 тыс. голосовъ. Къ

тому же, если сопоставить число голосовъ, поданныхъ за депутатовъ избранныхъ, съ числомъ тѣхъ голосовъ, которые раздѣлились по кандидатамъ неизбраннымъ, то окажется, что депутаты избранные представляютъ въ дѣйствительности *менѣе половины* всего числа поданныхъ голосовъ. Такъ, на выборахъ 1893 г. за кандидатовъ, которые оказались избранными, потому что каждый изъ нихъ получилъ наибольшее число голосовъ въ своемъ округѣ, подано было въ совокупности 4.513 тыс. голосовъ, а между кандидатами, которые остались неизбранными, распредѣлилось 5.930 тыс. голосовъ*).

Итакъ, если цѣлая треть избирателей не принимала участія въ выборахъ, да изъ остальныхъ двухъ третей значительно бо́льшая часть подала голоса не за тѣхъ кандидатовъ, которые оказались избранными, то можно, пожалуй, сказать, что большинство въ палатѣ не представляетъ въ дѣйствительности большинства народа. На основаніи этихъ данныхъ, позволительно предположить, что еслибы избирателями овладѣло какое-либо увлеченіе, то результатъ новыхъ выборовъ могъ бы быть совершенно неожиданный, непохожій на результаты предшествовавшихъ общихъ избраній.

Но, повторимъ, нельзя предполагать увлеченія въ пользу войны со стороны тѣхъ милліоновъ людей, которые сами будутъ подлежать призыву къ оружію. Особенно во Франціи, гдѣ на 38 мил. жителей считается почти 14 мил. (13.957 тыс.) единичныхъ окладовъ земельной собственности (cotes foncières) и гдѣ число мелкихъ рентьеровъ гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо странѣ Европы, трудно ожидать порыва населенія къ военному походу. Еслибы подобное увлеченіе и признать возможнымъ среди класса неимущаго, то есть среди городскихъ и фабрично-посадскихъ рабочихъ, то надо принять во вниманіе, что въ этой средѣ сильно распространены тенденціи соціалистическія, которыя отвергаютъ не только войну, но и самый націонализмъ.

Что касается французской буржуазіи болѣе или менѣе образованной, то она также, болѣе чѣмъ въ какой-либо странѣ Европы, кромѣ, пожалуй, Италіи, уже вышла изъ-подъ вліянія традицій и всякаго романтизма. То, что въ Германіи еще опирается на духѣ наслѣдственнаго военнаго сословія и на династическомъ началѣ, во Франціи утратило

*) «Annuaire de l'économie politique» Maurice Block. 1895, p. 72—73.

всякую опору. Въ царствѣ буржуазіи господствуютъ духъ реализма, права̀ и интересъ личности. А въ умахъ той части общества, которую принято называть интеллигенціей, замѣтно преобладаютъ стремленія общечеловѣческія, вопросы общественные, и военный энтузіазмъ, даже военная доблесть уже отошли въ область пережитаго, устарѣвшаго, прошлаго.

Всѣмъ памятно, до какой степени при началѣ войны 1870 года во Франціи обнаруживалось и среди образованнаго общества и въ народѣ отвращеніе къ войнѣ. Оно положительно способствовало проявленію въ войскахъ распущенности послѣ первыхъ же неудачъ.

Къ цѣлому ряду доказательствъ, которыя были уже приведены нами, прибавимъ еще слѣдующее. Когда послѣ капитуляціи Страсбурга гарнизонъ выходилъ изъ города съ оружіемъ въ рукахъ и съ воинскими почестями, то, по словамъ Клареси *), „пруссаки встрѣчали его выстроенные на гласисѣ крѣпости и когда показались первые ряды его, то барабанъ забилъ походъ и непріятельскія войска отдали честь оружіемъ. Онъ скоро его сложилъ въ виду собравшейся вокругъ него толпы. Одни только артиллеристы, моряки и таможенная стража, дефилируя, имѣли видъ людей оплакивавшихъ свое пораженіе, но не потерявшихъ своего достоинства и энергіи. Остальные имѣли видъ безпорядочно проходившей толпы, размахивая сломанными ружьями, бросая ругательствами по адресу побѣдителей и своихъ генераловъ. Я находился въ толпѣ, рядомъ съ консуломъ Соединенныхъ Штатовъ. Никогда не забуду я негодованія этого американца, какимъ онъ былъ пораженъ: „Мнѣ во второй разъ случается присутствовать при капитуляціи. Я видѣлъ сдачу арміи генерала Ли сѣверянамъ. Тамъ шли люди, держа ружья „на погребенье“, но шли въ полномъ порядкѣ, молча и сосредоточенно. Мы привѣтствовали ихъ какъ героевъ. Здѣсь же...“ Я не скажу, какое выраженіе употребилъ консулъ“.

Наконецъ, невозможно допустить, чтобы государственные люди въ этой странѣ не обсудили и не выяснили себѣ вопроса, насколько даже рѣшительная побѣда надъ Германіею, съ возвращеніемъ утраченныхъ провинцій и хотя бы еще округленіемъ по Рейнъ, можетъ вознаградить Францію за тотъ рискъ, какому бы она себя подвергла въ войнѣ и за

---

*) Clarelie. «La guerre nationale».

тѣ огромныя пожертвованія, какихъ бы послѣдняя потребовала? И можно ли допустить вѣроятность такого окончательнаго разгрома Германіи Франціею, который сдѣлалъ бы надолго невозможною новую войну? Въ случаѣ, если Германія сразу обратила бы всѣ свои силы на Францію, должны были бы произойти въ скоромъ времени страшныя, быть можетъ, рѣшительныя битвы, прежде, чѣмъ Россія, завершивъ свою мобилизацію, начала бы диверсію въ защиту Франціи. При легко измѣняющихся настроеніяхъ во Франціи это могло бы повести къ тому, что для продолженія войны встрѣтились бы въ странѣ величайшія препятствія *).

Если же, наоборотъ, главныя силы нѣмцевъ сперва обратятся на Россію, то французской арміи придется вести наступательную войну, что при сильно укрѣпленной пограничной полосѣ германскихъ владѣній представило бы большія трудности, и потребовались бы огромныя жертвы, къ какимъ общественное мнѣніе можетъ оказаться малорасположеннымъ, вслѣдствіе недостатка готовности къ патріотическому самопожертвованію. И это въ свою очередь можетъ сдѣлаться причиной самыхъ непредвидѣнныхъ осложненій.

Итакъ, несмотря на несомнѣнную ненависть французовъ къ Германіи, еще не успѣвшую изгладиться, не представляется сколько-нибудь серьёзныхъ поводовъ опасаться почина къ войнѣ со стороны Франціи, и нѣмцы гораздо болѣе толкуютъ объ опасности французскаго „реванша“, чѣмъ во Франціи думаютъ объ осуществленіи его.

Если бросимъ взглядъ на тѣ спорные международные вопросы, которые могли бы служить въ настоящее время по-

*) При этомъ невольно вспоминается настроеніе французовъ въ 1870 году,— какъ оно описано у Жоржъ-Зандъ въ ея «Дневникѣ» (21 дек.).

«Въ такой моментъ народъ не изображаетъ собой героизма. Онъ преисполненъ стремленіемъ къ миру и вовсе не склоненъ думать о славѣ, отчасти измѣняя патріотизму. Въ свое оправданіе онъ ссылается на недостатокъ дисциплины въ войскахъ и на вымогательства вольныхъ стрѣлковъ, благодаря которымъ защита ему представляется столь же предосудительной и возмутительной, какъ и нашествіе непріятеля... Среди двухъ бичей несчастный край желаетъ хотя бы менѣе ужаснаго бѣдствія, но не находитъ его. Простой народъ вообще порицаетъ упрямство, съ которымъ мы отстаиваемъ честь страны, онъ бы хотѣлъ, чтобы Парижъ сдался и видитъ въ патріотизмѣ лишь препятствіе къ миру. Если бы мы были въ такихъ же тискахъ, съ такими крохами средствъ жизни, кто знаетъ, какъ трудно намъ показалось бы быть патріотами. Бѣдный Жакъ Бономъ, въ этотъ часъ скорби и нужды, тебя конечно возмущаетъ энтузіазмъ, и если бы тебя сегодня спросили, ты не подалъ бы голоса ни за имперію, которая затѣяла войну, ни за республику, которая ее продолжаетъ. Пусть, кто хочеть, обвиняетъ тебя и презираеть, мнѣ тебя жалко и, не смотря на твои недостатки, я всегда буду тебя любить».

водомъ къ войнѣ, то убѣдимся, что всѣ они существуютъ уже продолжительное время и что притомъ всѣ они прежде представлялись въ болѣе напряженномъ положенiи, чѣмъ нынѣ. И въ вооруженiяхъ разныхъ странъ было прежде менѣе равномѣрности, чѣмъ теперь. А между тѣмъ, въ Европѣ войны давно не было; почему же она могла бы произойти въ сколько-нибудь близкомъ времени? Возьмемъ перiодъ послѣднихъ, примѣрно, десяти лѣтъ. Если Россiя не вмѣшалась силою въ балканскiя дѣла во время острыхъ кризисовъ, какъ при войнѣ между Болгарiею и Сербiею, въ 1885 году, или при избранiи безъ согласiя Россiи князя Фердинанда, то есть ли поводъ къ опасенiю, что Россiя въ будущемъ воспользуется первымъ подобнымъ случаемъ для вооруженнаго вмѣшательства?

Другое дѣло, конечно — какое-либо выдающееся нарушенiе ея интересовъ. Но такое обстоятельство уже было-бы вызвано извнѣ. А если Германiя не предприняла войны противъ Францiи и Россiи въ то время, когда Францiя еще не была вполнѣ готова въ военномъ отношенiи, и вооруженiе Россiи значительно отставало, то почему бы считать сколько-нибудь вѣроятнымъ воинственную инициативу со стороны Германiи впредь, послѣ того, какъ и Францiя и Россiя сравнялись съ ней въ состоянiи вооруженiй?

Въ самомъ дѣлѣ, десятокъ лѣтъ тому назадъ, въ Россiи еще не были окончены крупныя оборонительныя работы, недоставало нѣсколькихъ стратегическихъ желѣзно-дорожныхъ линiй, которыя въ настоящее время имѣются, но, главное, въ русскихъ войскахъ не было введено скорострѣльное оружiе. Они оставались при берданкахъ, селитреномъ порохѣ и орудiяхъ прежнихъ типовъ.

При подобномъ неравенствѣ вооруженiя, атака со стороны менѣе приготовленной вела бы къ уничтоженiю ея отрядовъ, тѣмъ болѣе вѣрному, чѣмъ энегричнѣе было бы ведено наступленiе. И если существовавшимъ въ то время неравенствомъ вооруженiй Германiя не воспользовалась, то тѣмъ болѣе въ настоящее и ближайшее будущее время, когда обѣ стороны обладаютъ одинаково истребительными средствами и считаютъ миллiонами людей, подлежащихъ призыву въ ряды армiи, война представляется вполнѣ невѣроятною.

Вѣроятныя потери въ людяхъ при будущей войнѣ.

Для характеристики будущей войны вопросъ о количествѣ человѣческихъ жертвъ, какихъ она потребуетъ, имѣетъ несомнѣнное значеніе. При настоящихъ средствахъ взаимнаго истребленія, невольно приходится остановиться на вопросѣ: вѣроятно ли, чтобы войны будущаго могли быть доводимы до такого результата, что одержанныя побѣды устраняли бы, хоть частью, тѣ обстоятельства, которыя вызвали ту или другую войну—какъ то бывало въ прошломъ?

Если и къ военному искусству примѣнить простую логику и не дать увлечь себя тѣмъ аргументомъ, что и прошлыя войны казались также страшными, какъ намъ представляется будущая война, а тѣмъ не менѣе приходили къ намѣченнымъ цѣлямъ, то сомнѣніе въ достижимости указаннаго результата является вполнѣ оправданнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, будущая война представитъ лишь то сходство съ прежними, что цѣлью ея будетъ принудить побѣжденныхъ къ исполненію требованій, предъявляемыхъ побѣдителемъ. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо сломить силу противника и лишить его возможности продолжать борьбу.

Но съ введеніемъ во всѣхъ странахъ всеобщей воинской повинности, чтобы достигнуть такого результата, потребуются совсѣмъ иныя усилія и невозможно опредѣлить время, когда наступитъ истощеніе противника. А такъ какъ въ рукахъ обѣихъ сторонъ будутъ могущественныя средства для защиты и нападенія, то и жертвы будутъ безъ всякаго сравненія болѣе значительныя, чѣмъ бывали прежде.

Лѣтъ двадцать тому назадъ сравнительно легко было впередъ приблизительно исчислять высоту потерь. Опредѣливъ число войскъ, которыя могли принять участіе въ дан-

ной войнѣ, и принявъ во вниманіе достоинство ихъ вооруженія и перемѣны, происшедшія въ тактическихъ пріемахъ, можно было вывесть процентъ вѣроятныхъ потерь.

Вопросы, связанные съ экономической жизнью народа не принимались вовсе въ разсчетъ. Изучать экономическія послѣдствія международныхъ столкновеній, вычислять цифры финансовыхъ силъ, какими воюющія стороны могли располагать другъ противъ друга, и, по извѣстнымъ формуламъ, выводить изъ этихъ данныхъ приблизительно вѣрныя заключенія о возможности обезпеченія собранныхъ войскъ, а тѣмъ болѣе гражданскаго населенія продовольствіемъ, не было надобности.

Но за послѣдніе десятки лѣтъ въ военномъ искусствѣ произошли во всѣхъ отношеніяхъ цѣлые перевороты. Прежде всего, кореннымъ образомъ измѣнилось отношеніе между самыми элементами, участвующими въ войнѣ, отъ которыхъ зависитъ, съ одной стороны, ея ходъ, а съ другой—вліяніе на всѣ функціи общественнаго строя. На поля борьбы, вмѣсто опредѣленнаго, легко предусматриваемаго числа дѣйствующихъ войскъ и ихъ резервовъ, подъ командой профессіональныхъ офицеровъ, выступятъ теперь цѣлые народы, призываемые постепенно, рядомъ возрастовъ, такъ что въ крайнемъ случаѣ, можетъ стать подъ ружье все, способное носить его, мужское населеніе до 45-лѣтняго, а въ нѣкоторыхъ странахъ даже до 50-лѣтняго возраста, подъ руководствомъ въ 3/4 офицерскаго состава изъ запаса, уже почти позабывшихъ военное искусство.

Эти громадныя полчища будутъ располагать оружіемъ безъ сравненія болѣе дальнобойнымъ и смертоноснымъ, чѣмъ прежнее, но еще неиспытаннымъ ни въ одной большой регулярной войнѣ.

Поля битвъ не будутъ покрыты пороховымъ дымомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, если не совсѣмъ измѣнился, то, во всякомъ случаѣ, крайне осложнился самый способъ веденія кампаніи и каждаго единичнаго боя, и имѣется основаніе опасаться, что потери въ сраженіяхъ будутъ безъ всякаго сравненія болѣе значительны, чѣмъ въ прежнихъ войнахъ. Но на это нѣкоторые авторы возражаютъ не безъ правдоподобія, что на степень кровопролитности битвъ вліяетъ не одна сила оружія, а также и тѣ тактическіе пріемы, какіе усваиваются войсками, именно вслѣдствіе про-

изошедшихъ перемѣнъ въ вооруженіи. Кремневыя ружья и гладко-ствольныя орудія, сравнительно, имѣли малую смертоносную силу. Но употреблявшіяся одновременно глубокія и сомкнутыя построенія обусловливали то, что и при кремневыхъ ружьяхъ бывали битвы болѣе кровопролитныя, чѣмъ въ послѣднихъ войнахъ. Высказывается даже и такое мнѣніе, что, по мѣрѣ усовершенствованія оружія, потери въ людяхъ уменьшались и впредь будутъ уменьшаться *).

И въ придуманіи новыхъ тактическихъ пріемовъ для нейтрализаціи возросшей силы ружья, съ одной стороны, и въ дальнѣйшихъ техническихъ изобрѣтеніяхъ, которыя все болѣе и болѣе усиливаютъ смертоносность огня съ другой — проявляется гибкость человѣческаго ума, который, такъ сказать, борется самъ съ собою, противопоставляя однимъ своимъ изобрѣтеніямъ — другія, уменьшающія значеніе первыхъ.

Иные военные писатели не отрицаютъ вѣроятности большихъ потерь въ будущей войнѣ; но нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ, что значительное число жертвъ не можетъ ни помѣшать возникновенію войны, ни послужить поводомъ къ ея прекращенію. Но такое мнѣніе встрѣчаетъ и оппонентовъ, которые возражаютъ, что при современныхъ, болѣе гуманныхъ воззрѣніяхъ среди общества, колоссальныя гекатомбы на поляхъ битвъ не могли бы остаться безъ вліянія на рѣшимость къ продолженію военныхъ дѣйствій, а самый составъ нынѣшнихъ армій не допуститъ ея продолжительности.

Нѣмецкій военный писатель Генигъ говоритъ **): „въ прежнее время вопросъ о мѣрахъ къ избѣжанію потерь отъ войны, по крайней мѣрѣ въ военныхъ сферахъ, вовсе не возбуждался, между тѣмъ, какъ въ современныхъ сочиненіяхъ забота объ этомъ всегда ясно проглядываетъ“.

„Я не разъ останавливался надъ мыслью, — говоритъ тотъ же писатель, — на чемъ основывается это вниманіе къ будущимъ потерямъ: на томъ-ли, что мы не видимъ вещей въ настоящемъ свѣтѣ, или, что мы черезчуръ изнѣжились сравнительно съ нашими предками? Не искать-ли причины этого явленія въ томъ, что въ наше время человѣческая жизнь имѣетъ бо́льшую цѣнность и что поэтому потери

*) Dr. G. Roloff. «Der Mustenverbrauch in den Hauptschlachten der letzten Jahrhunderte».
**) Hönig «Taktik der Zukunft». Berlin, 1890.

послѣ каждой битвы являются поводомъ для восклицаній ужаса? Или, наконецъ, это доказываетъ нравственное развитіе вѣка?"

При разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, можно было бы поставить слишкомъ большое число гипотезъ. Несомнѣннымъ признается лишь то, что цивилизація, дойдя до извѣстнаго состоянія, до того усложняетъ общественный строй, бытъ государствъ и подлежащихъ призыву гражданъ, что война должна произвести страшныя потрясенія. Кромѣ того, усиленная борьба за существованіе, при одновременномъ возрастаніи благосостоянія, ослабила нервы и породила изнѣженность. Все это уменьшаетъ способность къ самопожертвованію.

Чтобы воздѣйствовать успокаивающимъ образомъ на воображеніе, нѣкоторые писатели стараются ослабить представленіе объ огромныхъ потеряхъ въ бою указаніемъ на обширность боеваго поля, обусловленную отчасти многочисленностью войскъ, отчасти же дальнобойностью новаго оружія. По этому мнѣнію, разбросанность воинскихъ частей облегчитъ отступленіе, какъ только потери сдѣлаются слишкомъ чувствительны.

Но если признать за такимъ аргументомъ справедливость, то нельзя упускать изъ виду уравновѣшивающія благопріятныя и неблагопріятныя послѣдствія, истекающія изъ тѣхъ же условій. Огромное пространство театра войны, обширность боевыхъ полей, затрудненія, какія представятъ для атаки окопы, разныя загражденія и укрѣпленія, а наконецъ и естественныя закрытія, находящіяся на самой почвѣ, которыми нынѣ люди пріучены пользоваться и непремѣнно будутъ пользоваться въ виду страшной силы огня, -- все это затруднитъ и замедлитъ самый ходъ военныхъ дѣйствій.

Снабженіе войскъ продовольствіемъ и размѣщеніе ихъ сдѣлаются до того затруднительными, что изъ рядовъ арміи болѣзни будутъ вырывать еще болѣе жертвъ, чѣмъ могли бы потребовать самыя кровопролитныя битвы.

И такъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на будущую войну, все таки возникаетъ вопросъ: возможно ли вообще возникновеніе войны при томъ чудовищномъ усиленіи средствъ истребленія, какое уже достигнуто въ наше время, и при томъ неподлежащемъ сомнѣнію фактѣ, что настоящее вооруженіе

еще далеко не составляетъ послѣдняго слова, такъ какъ безпрестанно появляются новыя изобрѣтенія?

А если, помня изрѣченіе Бэкона, что «среди мірской суеты для глупости всегда открыто большее поле дѣйствія, чѣмъ для ума, и легкомысліе всегда болѣе вліятельно, чѣмъ разсудительность», на вопросъ о возможности войны отвѣтить утвердительно, то затѣмъ спрашивается еще: могутъ-ли при настоящемъ положеніи военнаго искусства быть достигнуты столь значительные результаты, чтобы возникающіе между народами споры могли быть дѣйствительно и окончательно разрѣшаемы войною?

Для общественной и частной жизни Европы это вопросъ первостепенный. Европа стоитъ предъ необходимостью извлекать изъ производительной силы народа все новые и новые милліарды для военныхъ цѣлей. Народы стонутъ подъ бременемъ милитаризма и значительная часть населенія рѣзко порицаетъ войну, а агитаторы употребляютъ призракъ ея какъ средство для борьбы, съ цѣлью возбужденія ненависти къ существующему порядку.

Уясненіе приведенныхъ вопросовъ и составляетъ цѣль настоящаго отдѣла.

Но вопросы эти столь сложны, что отвѣтъ на нихъ мы можемъ дать не иначе, какъ собравъ во-едино въ настоящей части этого изслѣдованія то, что въ предыдущихъ главахъ касалось усиленныхъ потерь отъ оружія, какъ послѣдствія усовершенствованной техники, и отъ болѣзней, вслѣдствіе трудности снабженія продовольствіемъ и размѣщенія милліонныхъ армій.

Для оцѣнки значенія происшедшихъ измѣненій, какъ единицу измѣренія будемъ брать дѣйствіе факторовъ, совершенно однородныхъ между собою, въ будущей и предшествовавшихъ войнахъ. Относительно же достоинства совершенно новыхъ тактическихъ факторовъ, мы будемъ оцѣнивать таковые по той помощи, которую они будутъ оказывать въ бою, но, конечно, лишь въ общихъ указаніяхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ потребовалось бы слишкомъ много повтореній.

Только тогда, сравнивъ вѣроятныя потери съ тѣми, какія бывали при прежнихъ войнахъ, представится уже возможность высказать мнѣніе о вліяніи потерь въ будущей войнѣ на европейскія общества.

I.

Невозможность опредѣленія по прежнимъ примѣрамъ потерь въ будущую войну.

Въ военной литературѣ по отношенію къ вопросу о потеряхъ въ будущихъ войнахъ проявляются два разныя направленія. Сторонники перваго изъ нихъ, какъ бы консервативнаго, стараются представить будущую войну весьма мало отличною отъ прежнихъ войнъ, предполагая, что ни новое оружіе, ни новая тактика существенно не измѣнятъ числа выбывающихъ изъ строя. Въ доказательство они приводятъ статистическія данныя, которыя доказываютъ, что, доселѣ по крайней мѣрѣ, чѣмъ болѣе совершенствовалось оружіе, тѣмъ меньшею становилась пропорція потерь въ людяхъ.

Замѣчательно, что большинство писателей этого направленія,—насколько мы успѣли ихъ изучить по большому числу сочиненій, брошюръ и статей, появляющихся непрерывно,—состоитъ изъ лицъ военныхъ, принадлежащихъ къ высшей іерархіи, начиная съ чина полковника. Съ точки зрѣнія психологической, скорѣе можно было бы ожидать, что положеніе это займутъ младшіе офицеры. Между тѣмъ, оказывается, что въ сочиненіяхъ этихъ послѣднихъ чаще всего проглядываетъ желаніе обратить вниманіе на противорѣчіе между подготовленіемъ все болѣе и болѣе могущественныхъ средствъ истребленія и почти поголовнымъ призывомъ подъ знамена всего взрослаго населенія.

Быть можетъ, причина этого заключается въ томъ, что молодые офицеры, стоя ближе къ солдату, лучше знаютъ, чего можно ожидать отъ нынѣшнихъ рядовъ арміи. Но возможно также, что впечатлительность молодости заставляетъ ихъ преувеличивать послѣдствія прогресса военной техники.

Впрочемъ, мы должны прибавить, что въ послѣднее время въ высшихъ военныхъ сферахъ было высказываемо мнѣніе, что при современныхъ условіяхъ, довести войну до рѣшающихъ результатовъ представляется почти невозможнымъ.

Для того, чтобы читатель могъ составить себѣ собственное понятіе, въ виду несходныхъ воззрѣній спеціалистовъ, мы должны прежде всего разсмотрѣть, какими потерями въ людяхъ сопровождались прежнія войны, причемъ, для сравненія, намъ достаточно бросить взглядъ на военную исторію ближайшихъ вѣковъ.

Начнемъ съ того, что вообще до нынѣшняго столѣтія войны, хотя бывали продолжительны, но вмѣщали въ себѣ гораздо меньшее число битвъ, особенно битвъ большихъ, чѣмъ сколько ихъ бывало въ войнахъ текущаго вѣка. Это зависѣло прежде всего отъ малочисленности регулярныхъ войскъ. Повсюду они состояли изъ людей вербованныхъ, изъ мѣстныхъ подданныхъ и изъ чужеземцевъ, то есть изъ солдатъ, которые служили за вознагражденіе, «solde», отъ названія котораго произошло и самое имя солдата. Содержаніе наемныхъ войскъ стоило дорого и недаромъ сказалъ Монтекукули, что для войны нужны «деньги, деньги и деньги». По окончаніи войны, войска по большей части распускались и оставалось малое число людей подъ знаменами.

Потери въ людяхъ, вызываемыя битвами, обходились дорого, такъ какъ замѣщать ихъ надо было опять вербовкою. Вотъ уже одно соображеніе, по которому старались избѣгать рѣшительныхъ битвъ, разсчитывая на усилія дипломатіи, на заключеніе новыхъ союзовъ и на разныя непредвидѣнныя обстоятельства.

Затѣмъ, и стратегія, обусловленная такъ называемою „магазинною системою“, и тактика были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ войнахъ нынѣшняго столѣтія. Кругъ дѣйствія арміи обусловливался учрежденными въ извѣстныхъ пунктахъ магазинами, изъ которыхъ войска снабжались продовольствіемъ. Вслѣдствіе того, кругъ арміи былъ невеликъ и самыя арміи мало подвижны.

При такихъ условіяхъ, вся армія составляла какъ бы одну боевую единицу и какъ только завязывался бой, то всѣ ея части шли въ огонь, не оставляя за собой, какъ то дѣлалось въ новѣйшія времена, сильныхъ резервовъ. Битва происходила такимъ образомъ, что, послѣ приготовительнаго дѣйствія артиллеріи, атакующая пѣхота приближалась къ противнику на разстояніе тогдашняго ружейнаго огня, то есть на 200--300 шаговъ, и если этотъ массовый огонь не

побуждалъ противника къ отступленію, то атакующіе шли въ штыки, чтобы сломить его натискомъ.

Понятно, что, при малой подвижности тогдашнихъ построеній, лишь рѣдко удавалось быстро стянуть преобладающую силу къ одному пункту, чтобы проломить строй противника, разъединить его части, внести безпорядокъ въ его ряды и такимъ образомъ поставить его въ невозможность продолжать бой.

При равномѣрномъ же наступленіи массъ другъ на друга, ударъ въ штыки могъ бы обратиться въ поголовный рукопашный бой, при чемъ потери, дѣйствительно, могли бы быть огромны съ обѣихъ сторонъ и у побѣдителя лишь немногимъ меньше, чѣмъ у побѣжденнаго. Но до этого не доходило по той причинѣ, что сторона, болѣе слабая въ численномъ или нравственномъ отношеніи, не выдерживала атаки въ штыки и скоро подавала тылъ, вовсе еще не понеся большихъ потерь, которыя ее фактически заставляли бы отступить.

Вотъ почему преслѣдованіе обыкновенно бывало слабо и не могло быть большихъ потерь, какія долженъ былъ бы произвести поголовный и продолжительный рукопашный бой.

Одною изъ самыхъ сильныхъ армій XVI вѣка была армія Карла V, съ которою онъ осаждалъ Метцъ и въ которой было до 100 тыс. чел.; арміи Людовика XIV иногда достигали такой же численности, но это были арміи совершенно исключительной силы; онѣ притомъ рѣдко дѣйствовали въ совокупности, такъ какъ значительная часть ихъ оставлялась гарнизонами въ занятыхъ крѣпостяхъ. Въ теченіе семилѣтней войны числительность отдѣльныхъ армій не превышала 60—70 т. чел.; армія Моро въ 1800 году имѣла 108 т. чел.*)

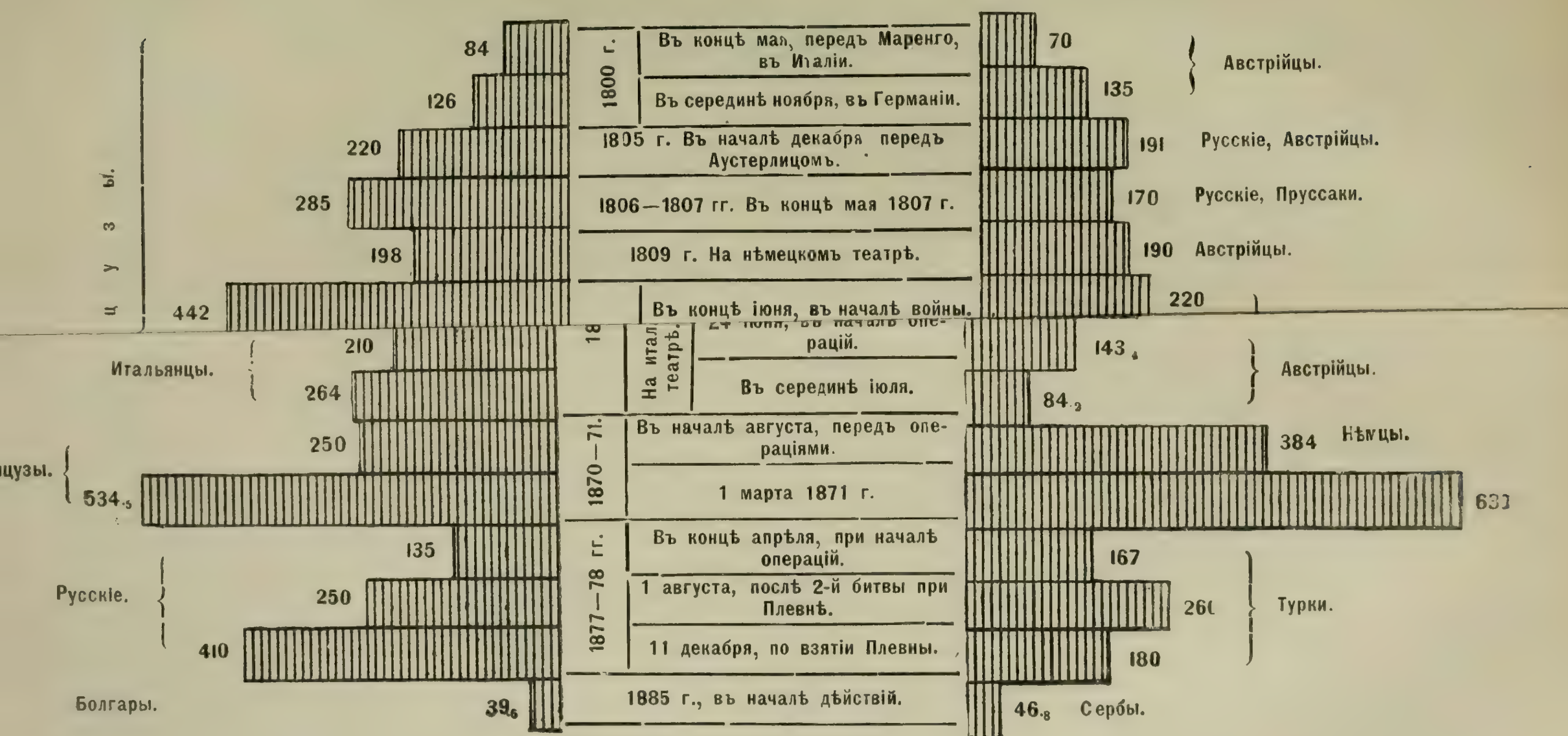
Если обратимся къ разсмотрѣнію потерь обѣихъ сторонъ, продолжительности боя и скорости, съ которою происходили потери въ главныхъ битвахъ прошлаго столѣтія на Западѣ, то получимъ поучительныя данныя **).

Въ 16-ти типическихъ сраженіяхъ прошлаго столѣтія въ среднемъ участвовало по 85 тысячъ человѣкъ. Сравненіе уже по этой одной причинѣ съ будущими битвами, въ которыхъ, какъ предполагаютъ спеціалисты, будетъ участвовать около полумилліона людей, невозможно.

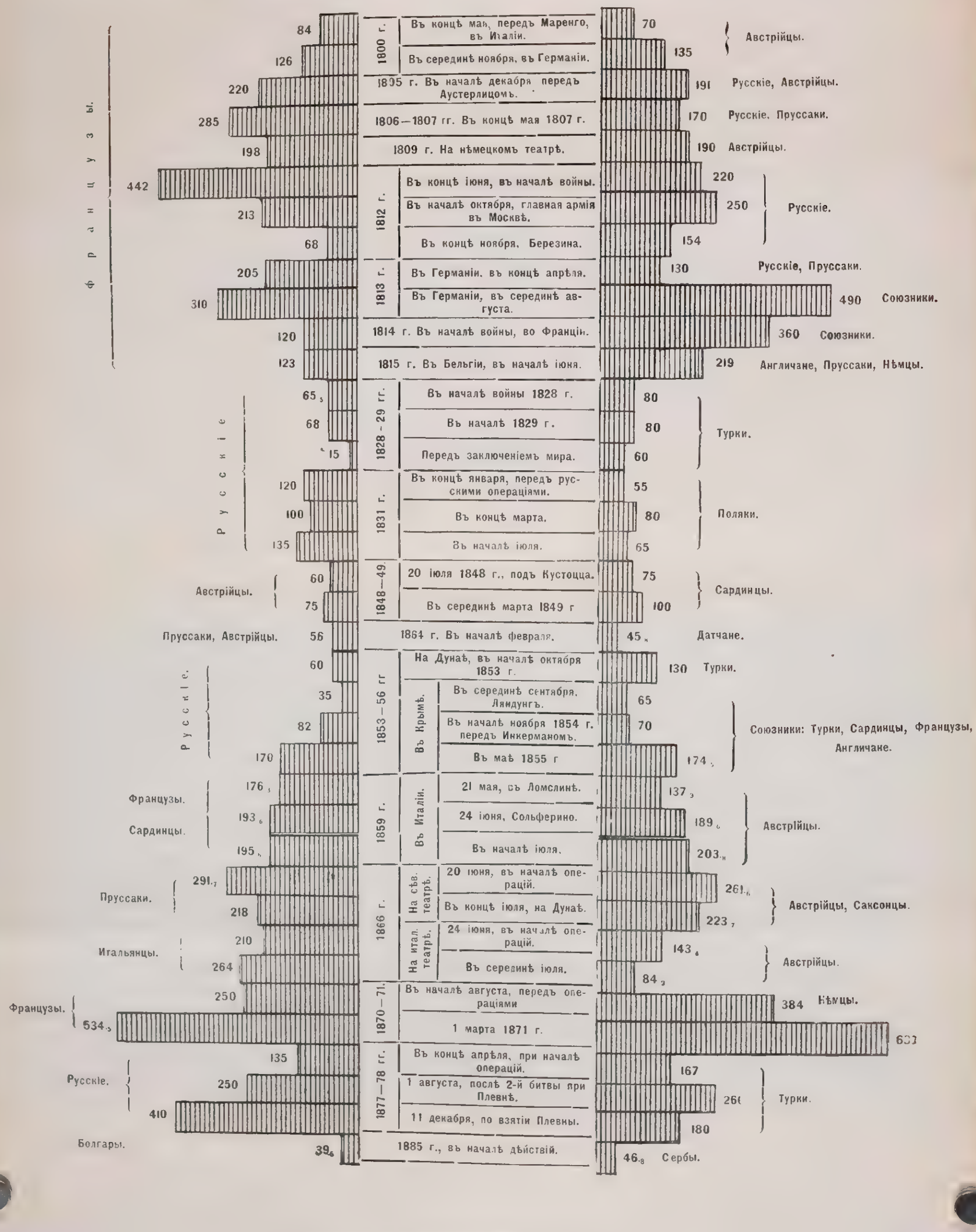
*) А. Редигеръ. «Комплектованіе и устройство вооруженной силы». С.-Петербургъ. 1892.

**) C. von B. K. «Geist und Stoff im Kriege». 1896.

Численность дѣйствующихъ армій въ войнахъ XIX столѣтія.

Численность дѣйствующихъ армій въ войнахъ XIX столѣтія.

Далѣе, и разницы въ численности сражающихся армій были совершенно иныя, чѣмъ могутъ быть въ будущемъ.

Изъ общаго состава сражавшихся приходилось въ битвахъ:

при	Кіари австрійцевъ. .	44%	французовъ. .	56%
»	Гохштедтѣ „	48%	„	52%
„	Мальплакѣ „	50%	„	50%
„	Хотузицѣ „	50%	пруссаковъ . .	50%
„	Зоорѣ „	64%	„	36%
„	Кессельдорфѣ саксон.	51%	„	49%
„	Россбахѣ французовъ	70%	„	30%
„	Лейтенѣ австрійцевъ.	71%	„	29%
„	Гохкирхѣ „	64%	„	36%
„	Жемаппѣ „	22%	французовъ . .	78%
„	Флерюсѣ „	37%	„	63%
„	Арколѣ „	60%	„	40%
„	Штокахѣ „	63%	„	37%
„	Требіи русскихъ . .	46%	„	54%
„	Нови „ . .	59%	„	41%
„	Маренго австрійцевъ.	54%	„	46%

Продолжительность сраженій колеблется до французской революціи отъ 1½ до 10 часовъ. Но съ тѣхъ поръ, когда французскія передовыя линіи стали идти въ разсыпную и наступательный ударъ массами сталъ производиться резервами, сраженія стали уже болѣе продолжительными и доходили иногда до 36 часовъ.

Но характеристическою отличительною чертой въ будущемъ будетъ то, что самая продолжительность сраженія дозволитъ подводить все новые и новые резервы и что потери будутъ происходить съ большей быстротой.

До Фридриха Великаго потери въ часъ колебались отъ *двухъ* до *четырехъ* на 100, во время же Фридриха бои становятся короче, дѣйствіе энергичнѣе, потери въ часъ и общая сумма потерь въ каждомъ бою сильно возрастаютъ. Наоборотъ, во время революціонныхъ войнъ потери въ одинъ часъ сильно уменьшаются, какъ по продолжительности боя, такъ и вслѣдствіе гораздо меньшихъ цифръ самой суммы потерь, по отношенію къ составу войскъ.

Оговоримся, впрочемъ, что приведенными данными можно пользоваться лишь съ осторожностью. Переписи населенія были въ то время неточны, статистики не существовало, а полководцы увеличивали потери противниковъ и уменьшали

свои, иногда же увеличивали и свои потери сообразно тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ составлялись донесенія. Наконецъ, при малой, сравнительно, численности войскъ, принимавшихъ участіе въ отдѣльномъ сраженіи, даже и небольшая неточность въ показанной суммѣ потерь той и другой стороны обусловливаетъ уже значительную невѣрность въ процентныхъ выводахъ.

Со временъ войнъ французской революціи, на сцену уже выступаютъ основные зачатки нынѣшняго военнаго устройства и даже новой тактики. Постоянныхъ войскъ, имѣвшихся у Франціи, было слишкомъ недостаточно для обороны противъ сильныхъ военныхъ государствъ, какими стали Австрія и Пруссія. Вслѣдствіе того, пришлось обратиться къ конскрипціи, составлять арміи изъ людей призванныхъ по жребію, а не вербованныхъ за деньги. Такіе солдаты являлись необученными и вести ихъ на противника сомкнутыми шеренгами или колоннами въ началѣ боя было невозможно. Ихъ, по необходимости, разбрасывали въ стрѣлковыя цѣпи, тѣмъ болѣе, что дезертирства меньше можно было опасаться отъ гражданъ, призванныхъ по жребію, чѣмъ отъ сбора наемниковъ, въ числѣ которыхъ было не мало и иностранцевъ.

Выжидая и затѣмъ наступая въ разсыпномъ строѣ, конскрипты менѣе подвергались артиллерійскому огню, съ котораго начиналось сраженіе. Втянувъ ихъ въ бой, французскіе вожди пользовались нерѣшительностью, вялостью или любою ошибкою противника, смыкали тогда свои ряды и вели ихъ въ атаку съ увѣренностью успѣха. Это отчасти объясняетъ и продолжительность тогдашнихъ битвъ. А такъ какъ конскрипція давала сколько угодно солдатъ безъ денежныхъ жертвъ, то французскіе полководцы могли и не жалѣть потерь, идти на проломъ въ благопріятную минуту.

Эта легкость пополненія войскъ и меньшее опасеніе дезертирства позволили отказаться отъ магазинной системы продовольствованія, замѣнивъ ее реквизиціями, которыя производились каждой частью отдѣльно, что и придало арміямъ гораздо большую подвижность и дозволило увеличивать ихъ численность.

Арміи Наполеона въ 1805 г. составляютъ уже 207 т., въ 1806 г. 177 т., въ 1809 г. 150 т., въ 1812 г. 500 т. и въ 1813 г. (въ полѣ) 300 т. Такимъ образомъ начало ны-

нѣшняго столѣтія показываетъ намъ большое возрастаніе численности армій*).

Но массы эти были вооружены весьма слабымъ оружіемъ. Пѣхота въ тѣ времена имѣла ружья гладкоствольныя; одни стрѣлки въ англійской арміи имѣли винтовки. Патроны были бумажные, при заряженіи они откусывались подъ верхомъ и часть пороха изъ нихъ всыпалась на полку ружья, а остальная часть пороха всыпалась въ дуло ружья, поставленнаго между ногъ, затѣмъ пуля, обернутая въ бумагу, или пыжъ, вбивалась шомполомъ.

При этихъ пріемахъ, лучшіе стрѣлки производили въ минуту не болѣе 5 — 6 выстрѣловъ. Ударная сила уменьшалась тѣмъ, что калибръ пули былъ значительно меньше калибра дула, иначе накопленіе въ стволѣ гари дѣлало ружье неспособнымъ къ дѣйствію, несмотря на прочистку шомполомъ. Самая сила заряда была неодинакова, такъ какъ зависѣла отъ того, сколько пороху было всыпано на полку или мимо нея, что иногда дѣлалось для уменьшенія отдачи. Аземоръ, въ своей „Тактикѣ пѣхотнаго огня", приводитъ случай изъ сраженія при Кальдьеро (1805 г.), когда одинъ австрійскій батальонъ, выдержавъ въ теченіе получаса огонь французскаго баталіона, потерялъ всего 6 человѣкъ **).

Къ тому же сырое время вліяло на затравку, т. е. на губку или фитиль подъ кремнемъ и порохъ на полкѣ. Такъ, въ битвѣ подъ Дрезденомъ 27 августа 1813 года, вслѣдствіе бывшихъ раньше продолжительныхъ дождей, замки отказывали въ дѣйствіи.

Прицѣльность тогдашняго ружья (процентъ попаданій) составляла всего 1/8 часть прицѣльности ружей 1874 года (200 попаданій противъ 1.800), а такъ какъ позднѣе, благодаря употребленію новаго (бездымнаго) пороха, прицѣльность приблизительно еще удвоилась, то дѣйствіе ружей, бывшихъ въ наполеоновское время, сравнительно съ нынѣшними, составляло приблизительно только одну восемнадцатую.

Не менѣе слабо было и дѣйствіе тогдашней артиллеріи, хотя уже употреблялись частью и картечь, и гранаты. Приведемъ въ поясненіе нѣсколько данныхъ ***). Полевыя орудія били на 1.000 — 3.000 шаговъ, но сколько-нибудь вѣрная

*) А. Редигеръ. Тамъ же.
**) Скугаревскій, «Атака пѣхоты».
***) C. V. Decker, «Das Schiessen und Werfen» S. 32.

стрѣльба доходила для 6ти-фунг. орудія лишь до 1.800, а для 12-ти-фунт. до 2.000 шаговъ. Дѣйствительная же стрѣльба принималась всего на дистанціи отъ 900 до 1.100 шаговъ. Наконецъ, прицѣльная стрѣльба принималась въ 750 — 800 шаговъ.

Продолжительныя канонады производились на дистанціяхъ дѣйствительной стрѣльбы, а не на дистанціяхъ стрѣльбы прицѣльной, такъ какъ, при короткости послѣднихъ, артиллерія подвергалась бы опасности захвата. По отзыву тогоже автора, пѣшей батареѣ рѣдко удавалось произвести болѣе 6—8 выстрѣловъ, оставаясь на разстояніяхъ прицѣльной стрѣльбы. Картечью дѣйствовали рѣдко, такъ какъ опытъ показывалъ, что половина пуль била въ землю, описывая короткія кривыя, а треть пуль шла выше головъ противника, такъ что только одна шестая всего количества пуль выбрасывалась въ направленіи ствола.

Приведемъ еще нѣсколько данныхъ о самыхъ результатахъ стрѣльбы гранатами въ то время *). При стрѣльбѣ по фронту противника гранатами, разрывавшимися на 12 осколковъ, 10 гранатъ, калибромъ до 10 фунтовъ, на разстояніи 150 шаговъ, поражали только *одного человѣка*, калибромъ же 20—36 фунтовъ—9 человѣкъ, но при 200 шагахъ также *только одного человѣка*. „Вотъ наибольшее,—говоритъ авторъ,—что можно ожидать отъ гранатъ, такъ какъ онѣ вообще ненадлежащимъ образомъ разрываются надъ противникомъ".

Отсюда видно, что дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ того времени представляется чѣмъ то въ родѣ забавы въ сравненіи съ могуществомъ снарядовъ современныхъ. Ударная сила ядеръ была весьма мала. По опыту генерала Менье, ядро 24-фунт. орудія, при разстояніи въ 300 шаговъ, пробивало дубовую стѣну всего на 43 дюйма глубины.

Однако, несмотря на слабость дѣйствія тогдашнихъ ружей и орудій, потери въ людяхъ, больше вслѣдствіе болѣзней и усталости,—чѣмъ отъ пораненій,—были всетаки значительны. При началѣ революціи Франція имѣла армію въ 120 т. человѣкъ. Въ теченіе 1793 года были постепенно призваны къ оружію 1.380.000 человѣкъ, изъ числа коихъ около 1.200.000 чел. были употреблены въ дѣйствіе на различныхъ

*) Hoyen. «Militärische Encyclopedie» 1808.

театрахъ войны, и въ 1798 году отъ всего ихъ числа едва осталась одна треть. Черезъ 10 лѣтъ, то есть послѣ войнъ въ Бельгіи, на Рейнѣ, за Альпами и Пиренеями, въ Вандеѣ и въ Египтѣ, французская армія уже составляла только 667.588 чел. *). По Тьеру, войны съ 1800 до 1815 г. включительно, стоили 2 милліона человѣческихъ жизней. „На службу шли безъ возврата", сказалъ генералъ Фуа.

Крымская война, если оставить въ сторонѣ военныя дѣйствія на Дунаѣ и въ Азіи, а также битву при Альмѣ, сосредоточивалась около Севастополя и, стало быть, происходила въ исключительныхъ условіяхъ, которыя едва-ли могутъ повториться. А впрочемъ, тогдашнее вооруженіе какъ значительной части пѣхоты, такъ и артиллеріи еще немногимъ разнилось отъ того, какое было во время наполеоновскихъ войнъ. Въ 1837 году Медемъ такъ опредѣлялъ стрѣльбу: „на 300 шаговъ большею частью она бываетъ ничтожна, на 200 шаговъ дѣйствуетъ еще довольно слабо и только на 150 и 100 шаговъ дѣлается смертоносною" **). Русскія ружья въ крымской войнѣ не били далѣе 300 шаговъ, но часть французской пѣхоты была вооружена нарѣзными ружьями, которыя брали на 1.200 шаговъ. Англичане также имѣли ружья нарѣзныя. Этимъ объяснялись сравнительно высокія потери русскихъ войскъ. Надо прибавить, что и орудія того времени были еще неудовлетворительны.

Приводимыя разными писателями цифры потерь въ битвахъ и отъ болѣзней во время крымской войны весьма несходны. Наиболѣе достовѣрности представляютъ слѣдующія данныя, которыя относятся не къ случайному составу силъ въ какой-либо данный моментъ, но къ общей численности войскъ, постепенно высылавшихся на театръ войны въ Крыму. Данныхъ объ убыли людей въ арміи турецкой не имѣется ***). Изъ числа 428 тыс. чел. союзныхъ войскъ убито 2,5%, ранено 13,6%, итого убито и ранено 16%; изъ русскихъ же 324 тысячи чел., убито 6,4%, ранено 28,4%, итого 35%. Но если потери русскихъ войскъ отъ пораженій были вдвое значительнѣе, чѣмъ союзныхъ войскъ, то число смертей отъ болѣзней показываетъ совершенно противоположное явленіе:

*) «Annales d'hygiène publique».
**) Скугаревскій, «Атака пѣхоты».
***) Dr. Myrdacz. «Sanitäts—Geschichte des Krimkrieges 1851—1856» Wien, 1895.

число смертей отъ болѣзней составляло въ союзныхъ войскахъ 16%, въ русскихъ же 11%.

Замѣчательно, что итогъ потерь убитыми, умершими и пропавшими безъ вѣсти былъ одинаковъ во всѣхъ войскахъ, исключая сардинскія. А именно, онъ составлялъ 22,5% численности у русскихъ, 22,6% у французовъ и 22,7% у англичанъ. Но большая разница представляется въ томъ, что такой размѣръ потерь былъ понесенъ русскими войсками въ половинное время противъ того, за какое даны здѣсь свѣдѣнія относительно союзниковъ. Въ сардинскихъ войскахъ потери были менѣе велики, вслѣдствіе меньшаго ихъ участія въ битвахъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить фактъ выносливости русскихъ солдатъ. Число убитыхъ относилось къ числу умершихъ отъ болѣзней у французовъ и англичанъ какъ 1 къ 4-мъ, а у русскихъ какъ 1 къ 1-му; значитъ, потери союзниковъ были въ гораздо большей степени вызваны болѣзнями, чѣмъ причинены оружіемъ, между тѣмъ какъ русскія войска потеряли столько же отъ оружія, сколько и отъ болѣзней.

Война французско-итальянско-австрійская 1859 года продолжалась всего два мѣсяца и въ ней было только пять битвъ, а именно при Монтебелло, Палестро, Маджентѣ, Меленьяно и Сольферино. Поэтому она, въ отношеніи потерь, не особенно для насъ поучительна. Потери въ эту войну представлялись такъ:

Войска.	Численность.	Убито.	Ранено.
Французскія . .	128.225 чел.	2.536	17.054
Итальянскія . .	59 731 »	1.010	4.922
Австрійскія . . .	217.324 »	5.400	26.000

Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1863—1865 г.г. велась въ исключительныхъ условіяхъ и свѣдѣнія о потеряхъ въ ней, особенно въ арміи южанъ, не представляютъ достаточной достовѣрности. Въ арміи же сѣверянъ изъ общаго числа 2.336 тысячъ человѣкъ по Мюльголю:

убито	1,9%
умерло отъ ранъ	1,5%
» » болѣзней . . .	6,4%
пропало безъ вѣсти . . .	2,9%
значитъ, возвратилось домой	87%

Прусско-австрійская война 1866 года также была слишкомъ кратковременна, чтобы дать сколько нибудь приблизительное понятіе о потеряхъ въ будущей войнѣ. Вооруженіе и въ то время было еще слишкомъ несовершенно и, вдобавокъ, неравное у обоихъ противниковъ. Въ кампаніи, которая окончилась Кениггрецомъ, принимали участіе: 309 тыс. пруссаковъ, изъ которыхъ выбыло изъ строя 21 тысячъ, и 330 тысячъ австрійцевъ, у которыхъ выбыло 84 тысячи, потеря въ офицерахъ была: у пруссаковъ 1 офицеръ на 21 нижнихъ чиновъ, у австрійцевъ 1 на 18.

Пруссаки, какъ извѣстно, имѣли лучшія ружья, чѣмъ австрійцы, и сравненіе понесенныхъ съ обѣихъ сторонъ потерь соотвѣтствовало этому обстоятельству. У австрійцевъ число убитыхъ на поваль оказывалось въ 4 раза значительнѣе и число раненыхъ въ два раза больше. Насколько лучшее вооруженіе вліяетъ на число потерь, показываютъ и слѣдующія цифры.

Потери составляли въ арміяхъ:

	австрійской	прусской:
отъ артиллерійскихъ снарядовъ .	3%	16%
» ружейныхъ пуль	90%	79%
» холоднаго оружія	4%	5%
неопредѣленныхъ точно . . .	3%	—

Изъ данныхъ о потеряхъ какъ въ войнѣ 1866 г., такъ и на войнѣ 1870—71 гг. вполнѣ точными представляются только тѣ, которыя относятся къ прусской и вообще германской арміи. Въ прусской арміи еще со времени похода въ Баденъ въ 1849 году *) послѣ каждаго сраженія посылаются въ военное министерство точные списки убитыхъ и раненыхъ, составленные по особой формѣ, съ указаніемъ частей войскъ, званія и мѣста родины людей. До того времени въ прусской, а доселѣ въ другихъ арміяхъ, кромѣ нѣмецкой, потери исчисляются на основаніи реляцій о самыхъ сраженіяхъ и, стало быть, далеко не такъ точны.

Потерь, понесенныхъ въ войнѣ 1870—71 гг., также нельзя

---

*) «Jahrbücher für deutsche Armee und Marine». «Die Verlustlisten aus dem Kriege 1870 bis 1871».

принимать за примѣръ тѣхъ, какія вѣроятны въ будущемъ. Прежде всего, силы были неравны. Вторая имперія „сдѣлала изъ Франціи механизмъ безъ пружины, разстроенный, пришедшій въ безпорядокъ и покрытый пылью" *) Силы французовъ въ первое время состояли всего изъ 336.000 чел., а нѣмцы выслали постепенно въ поле 1.183.389 человѣкъ. Сверхъ того, французская армія не была приготовлена къ войнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Солдаты, по свидѣтельству Лагерра, высказывали еще при самой мобилизаціи недовольство войной, предпринятой, по ихъ словамъ, „ради тщеславія одного человѣка". При первыхъ же дѣйствіяхъ среди командировъ обнаружилась нѣкая прострація и даже паника.

Прусская артиллерія имѣла орудія лучшей конструкціи и болѣе способныя къ прицѣльной стрѣльбѣ, чѣмъ французскія пушки.

Итакъ, французская армія была хуже вооружена и хуже руководима, и гораздо слабѣе противника числомъ. Болѣе многочисленный составъ нѣмецкой арміи давалъ численный перевѣсъ и въ большинствѣ отдѣльныхъ сраженій.

Объ упадкѣ духа въ французской арміи свидѣтельствуетъ то, что плѣнныхъ обезоруженныхъ французовъ находилось 21.508 офицеровъ и 702.047 солдатъ. Тѣмъ не менѣе общая потеря нѣмцевъ въ войнѣ 1870—71 г. составляла, по ихъ же показаніямъ, 127.897 чел. Если это число отнести къ общей численности силъ, выставленныхъ въ продолженіе войны, то потери выразятся невысокими процентными цифрами. Но дѣло представится иначе, если принять во вниманіе, что изъ только что показаннаго итога потерь 87.730 чел. выбыли изъ строя всего въ 1 1/2 мѣсяца, во время дѣйствій противъ регулярной французской арміи.

Между тѣмъ, при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ французскихъ армій, импровизованныхъ правительствомъ народной обороны и численностью своей вдвое и даже втрое превышавшихъ регулярную армію, а именно противъ армій парижской, луарской, сѣверной, западной, восточной и вогезской, нѣмцы въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ потеряли только 40.167 человѣкъ.

Такъ какъ при началѣ войны дѣйствовало только 6 французскихъ корпусовъ, то, стало быть, надо принять, что

*) Clarétie, «Histoire de la révolution 1870—71».

180.000 французовъ выбили изъ строя въ теченіе всего 1 1/2 мѣсяца 87.730 нѣмцевъ *) и то, благодаря, главнымъ образомъ, ружьямъ, такъ какъ французская артиллерія была плоха. Представимъ же себѣ, что было бы, если бы, вмѣсто митральезъ и неудовлетворительныхъ пушекъ, а также ружей Шасспо, французы располагали современными орудіями и ружьями малаго калибра.

Данныя о потеряхъ французовъ въ ту войну не отличаются полнотой.

	Убитыхъ, пропавшихъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней.	Раненыхъ.	Больныхъ.
Въ сухопутныхъ войск.	136.540	131.100	328.000
Въ флотѣ	2.331	6.526	—
	138.871	137.626	328.000

Война 1877—78 гг. между Россіею и Турціею не можетъ представить никакого указанія на потери при будущей большой европейской войнѣ, уже по неравенству силъ полуцивилизованной Турціи съ могучей Россіей.

---

*) Эти 87.730 чел. такъ распредѣляются французскимъ главнымъ штабомъ по отдѣльнымъ сраженіямъ:

при Вейссенбургѣ. . . .	700,	въ томъ	числѣ	52	офицера.
» Вертѣ.	10.530,	»	»	439	»
» Форбахѣ	4.000,		»	101	»
» Борни	6.000,	»	»	374	»
» Резонвиллѣ . . .	14.820,	»	»	581	»
» Гравелотѣ	20.577,	»	»	819	»
» Болеонъ	3.700,		»	203	
» Седанѣ	9.032,	»	»	422	»
» осадѣ Метца . . .	5.482,	»	»	193	»
» » Страссбурга .	859,	»	»	39	»

По прусскимъ оффиціальнымъ показаніямъ, уже по 1 сентября нѣмцевъ выбыло изъ строя 74.000 чел., въ томъ числѣ убитыми 14.000. Убыль офицеровъ составляла 2.997, оставшихся на поляхъ сраженія или умершихъ отъ ранъ. Присоединяя же сюда потерю при обложеніи и до капитуляціи Метца, потеря у нѣмцевъ составляла: 3.083 офицера, 7.111 унтеръ офицеровъ, 66.571 рядовыхъ, итого 76.765 чел., что превосходило половину совокупности потерь за всѣ 7 мѣсяцевъ войны. Менѣе значителенъ былъ уронъ, понесенный германской арміею со времени снаряженія французами новыхъ (республиканскихъ) армій въ сентябрѣ и октябрѣ, а именно 2.600 чел въ первомъ мѣсяцѣ (не считая Метца) и 4.500 во второмъ. Затѣмъ, когда французская армія предприняла наступленіе, въ ноябрѣ, потери нѣмцевъ составили уже 8.700 чел., а въ декабрѣ, въ битвахъ къ юго-востоку отъ Парижа, и при Орлеанѣ, Божанси и Вандомѣ до 20.000 чел. Далѣе, битвы въ январѣ на сѣверѣ, западѣ и востокѣ Франціи стоили нѣмцамъ еще 14.000 чел., а дѣйствія на востокѣ же, въ февралѣ, включая осаду Бельраза,—около 600 чел. (D-r Engel. «Die Verluste der deutschen Armeen»).

Ружья въ русской арміи, какъ извѣстно, были неудовлетворительны. Части, вооруженныя берданками, составляли около 34% всего состава арміи, даже на европейскомъ театрѣ войны съ Турціею; остальныя части имѣли ружья Крынка; войска же, дѣйствовавшія въ Азіи, имѣли ружья Карля; тѣ и другія были передѣланы изъ прежнихъ, заряжавшихся съ дула—въ заряжающіяся съ казенной части. Въ то время, когда огонь турецкой пѣхоты наносилъ уже чувствительныя потери, выстрѣлы изъ русскаго ружья не доходили до турокъ, и стрѣлки сильно на это ворчали. Поученіе фельдфебелей: „цѣльтесь выше, коли не хватаетъ—пять не попадутъ, а шестая, глядишь, и зацѣпитъ", лучше всего показываетъ степень довѣрія, какое было у войскъ къ своему вооруженію.

Большинство турецкихъ пѣхотныхъ частей получили передъ самой войною ружье болѣе усовершенствованное, системы Мартини-Пибоди; солдаты въ первый разъ брали его въ руки, а потому они и не умѣли достаточно воспользоваться его преимуществами.

Орудія какъ въ русской, такъ и въ турецкой арміи не соотвѣтствовали и тогдашнимъ техническимъ условіямъ.

Надо еще имѣть въ виду, что эта война, какъ и крымская, на европейскомъ ея театрѣ имѣла исключительный характеръ, такъ какъ центромъ тяжести дѣйствій было овладѣніе крѣпостью, т.-е. Плевною. Взятіе Плевны уже рѣшило исходъ войны.

Свѣдѣній о потеряхъ въ арміи турецкой не имѣется. Что касается русскихъ войскъ на европейскомъ театрѣ войны, то численность ихъ была 592.000 человѣкъ, причемъ въ теченіи 1877 года въ войскахъ было 106.000 больныхъ. Эвакуаціи подверглись 118.000 человѣкъ. Присоединяя сюда убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и безъ вѣсти пропавшихъ — 36.000 человѣкъ, общая потеря составитъ 154.000 человѣкъ или почти $1/4$ всего состава, въ теченіе 3 мѣсяцевъ *).

Но цифры потерь, относимыя къ общей численности войскъ, не даютъ понятія о значительности урона въ главныхъ дѣлахъ, такъ какъ значительная часть войскъ прибыла на театръ войны уже во время правильной осады Плевны и въ штурмахъ на нее участія не принимала.

Между тѣмъ, эти штурмы и принадлежатъ къ числу

*) «Военный Сборникъ».

наиболѣе кровопролитныхъ битвъ XIX столѣтія. Потери русскихъ войскъ убитыми и раненными составляли:

8 іюля	36%	состава.
18 „	21%	„
30 августа	20%	„

Приведемъ цифры убыли людей отдѣльно въ нѣсколькихъ полкахъ, въ дѣлахъ 30—31 августа:

		Число людей передъ боемъ.	Потери во время боя.	% понесенныхъ потерь
6-й пѣх.	либавскій полкъ	1.860	645 чел.	35
8-й „	эстляндскій „	1.713	1075 „	62
62-й „	суздальскій „	2.163	1239 „	57
63-й „	углицкій „	2.915	1081 „	37
64-й „	казанскій „	2.708	687 „	25
117-й „	ярославскій „	2.185	1041 „	48
118-й „	шуйскій „	2.128	471 „	22

Замѣтимъ, что штурмы были произведены на импровизированныя укрѣпленія, которыхъ въ будущей войнѣ можетъ возникать множество, и представимъ себѣ, что таковыя были бы защищаемы не малообученными турецкими солдатами при тогдашнемъ оружіи, а войсками германскими или французскими, при малокалиберномъ ружьѣ, современныхъ орудіяхъ, и переходѣ, послѣ отбитія атакъ, въ наступленіе. Спрашивается, каковы были бы потери? Остался ли бы изъ вошедшихъ въ дѣйствіе войскъ хотя бы такой процентъ, который могъ бы составить будущіе кадры?

Итакъ, весь рядъ войнъ ближайшихъ къ намъ временъ не можетъ дать даже и приблизительнаго понятія о тѣхъ потеряхъ, какими должны были бы сопровождаться битвы въ будущемъ, при иныхъ средствахъ дѣйствія.

Кромѣ того, на число потерь будетъ вліять иное, еще болѣе существенное обстоятельство.

„Вооруженныя силы всѣхъ государствъ все болѣе возрастаютъ въ количествѣ; дѣйствующія арміи, составленныя не только изъ полевыхъ, но и резервныхъ войскъ, впредь будутъ доходить до невиданной численности. Но необходимо имѣть въ виду, что ради этой численности приносится въ жертву качество армій, такъ какъ приходится принимать на службу всѣхъ сколько нибудь къ ней годныхъ, сокращать

сроки службы, вводить въ составъ дѣйствующихъ армій резервныя части. А между тѣмъ нынѣшнія арміи, именно по своей громадности, по затруднительности ихъ передвиженія, размѣщенія и довольствія, будутъ подвержены страшнымъ лишеніямъ" *), а тѣмъ самымъ и убыль отъ болѣзней будетъ огромна. Стало быть, для того, чтобы сколько нибудь уяснить себѣ, какую картину представитъ будущая война, мы должны прибѣгнуть къ иному способу изслѣдованія, а именно, разсмотрѣть, какіе факторы будутъ вліять при будущей войнѣ на увеличеніе потерь или ихъ уменьшеніе.

II.

Основныя данныя для оцѣнки потерь.

Изъ предшествующихъ соображеній уясняется съ достаточной убѣдительностью, что о потеряхъ въ будущей войнѣ нельзя составить себѣ понятія по итогамъ потерь, понесенныхъ воюющими сторонами въ совокупности всѣхъ сраженій какой-либо изъ войнъ прежняго времени.

Необходимо прибавить, что статистика въ этомъ отношеніи представляется весьма несовершенною; сообщаемыя ею цифры не обнимаютъ всѣхъ дѣйствительныхъ потерь. Въ этомъ сознается даже и составитель превосходно разработанныхъ данныхъ о потеряхъ германской арміи въ войнѣ 1870—71 г.г., покойный директоръ прусскаго статистическаго бюро, Энгель**). Приведемъ его слова: „Мы, къ стыду, должны сознаться, что достигнутые нами результаты не соотвѣтствуютъ нашей доброй волѣ. Все, что намъ удалось, это—достаточно достовѣрное опредѣленіе числа людей, потерянныхъ германскими войсками въ бояхъ. А какъ велико число раненыхъ, оставшихся увѣчными, и какихъ родовъ полученныя ими увѣчья? Насколько полученныя ими раны сократили для нихъ вѣроятный срокъ жизни? На эти вопросы статистика должна бы давать отвѣтъ, для того, чтобы стало извѣстнымъ настоящее число жертвъ войны... Мало того. Слѣдовало бы еще опредѣлить, насколько увеличилась, про-

*) Редигеръ. «Комплектованіе и устройство вооруженной силы».

**) «Die Verluste der deutschen Armee im Kriege 1870—71». Berlin, 1872. S. 296.

тивъ обыкновенной, смертность въ оставленныхъ войнами семьяхъ, вслѣдствіе лишеній, какимъ онѣ должны были подвергаться".

Мы, конечно, не ставимъ столь далеко идущихъ требованій. Но, въ виду разныхъ мнѣній спеціалистовъ о вѣроятныхъ потеряхъ въ будущей войнѣ, и для того, чтобы читатель могъ составить себѣ самостоятельное мнѣніе, намъ было бы достаточно привести данныя о потеряхъ въ войнахъ ближайшаго времени, когда уже и арміи были многочисленны, и оружіе усовершенствованное, съ тѣмъ, чтобы принять цифру этихъ потерь за точку отправленія для сколько-нибудь обоснованныхъ выводовъ.

Къ сожалѣнію, достаточно точныхъ и одинаково обработанныхъ данныхъ о послѣднихъ войнахъ не имѣется. Однимъ изъ наиболѣе пригодныхъ для нашей цѣли матерьяловъ могутъ служить данныя о потеряхъ въ 1870 году въ французской рейнской или, такъ называемой, метцской арміи до того момента, какъ она была замкнута въ Метцѣ. Въ этой арміи числилось 63 пѣхотныхъ полка и 12 стрѣлковыхъ батальоновъ*); въ германскихъ же войскахъ, которыя затѣмъ сосредоточились вокругъ Метца, состояло 62 пѣхотныхъ полка и 9 стрѣлковыхъ батальоновъ. Кавалерію и артиллерію въ данномъ случаѣ мы оставили въ сторонѣ. Извѣстный нѣмецкій военный писатель, маіоръ Кунтцъ**), спеціально занимавшійся изслѣдованіями о потеряхъ въ войскахъ въ 1870—71 г.г., сдѣлалъ, на основаніи обработанныхъ въ новѣйшее время данныхъ, исчисленія, которыми мы и воспользуемся.

Въ сраженіяхъ, происходившихъ съ 3 августа по 1 октября, потери войскъ, считая по высотѣ процентнаго отношенія къ составу, отдѣльно по полкамъ, составляли:

---

*) За исключеніемъ дивизіи Лавокупе и частей, отосланныхъ для прикрытія императорской главной квартиры, были на лицо:

186½	батальоновъ	или около	124.000	ружей.
122	эскадрона	» »	12.800	сабель.
522	орудія	» »	10.100	чел. артиллеріи.

**) H. Kuntz, «Konnte Marschall Bazaine im Jahre 1870 Frankreich retten?» Berlin, 1896.

Въ германскихъ войскахъ.

Въ 6 пѣх. полк.		. . . .	более 40 проц.	
„ 6 „ „	и 2 стрѣлк. бат.	отъ	30 до 40	„
„ 16 „ „	„ 2 „ „	„	20 „ 30	„
„ 34 „ „	„ 5 „ „		менѣе 20	„

Всего 62 пѣх. полка и 9 стрѣлковыхъ батальоновъ.

Въ французскихъ войскахъ.

Въ 12 пѣх. полк.	и 2 стрѣлк. бат.		более 40 проц.	
„ 12 „ „	„ 2 „ „	отъ	30 до 40	„
„ 23 „ „	„ 7 „ „	„	20 „ 30	„
„ 16 „ „	„ 1 „ „		менѣе 20	„

Всего 63 пѣх. полка и 12 стрѣлковыхъ батальоновъ.

Итакъ, французы несли гораздо бóльшія потери. Но если отдѣлить крайнія цифры—потерь наибольшихъ и наименьшихъ, то увидимъ, что потери въ 20 до 30% пришлись въ французской арміи на бóльшую половину частей, а въ германской примѣрно на треть ихъ, бóльшая же половина понесла потери меньшія 20%.

Если же сдѣлать подсчетъ для французской арміи по дивизіямъ, то окажется точная средняя цифра потерь въ 28 проц. *).

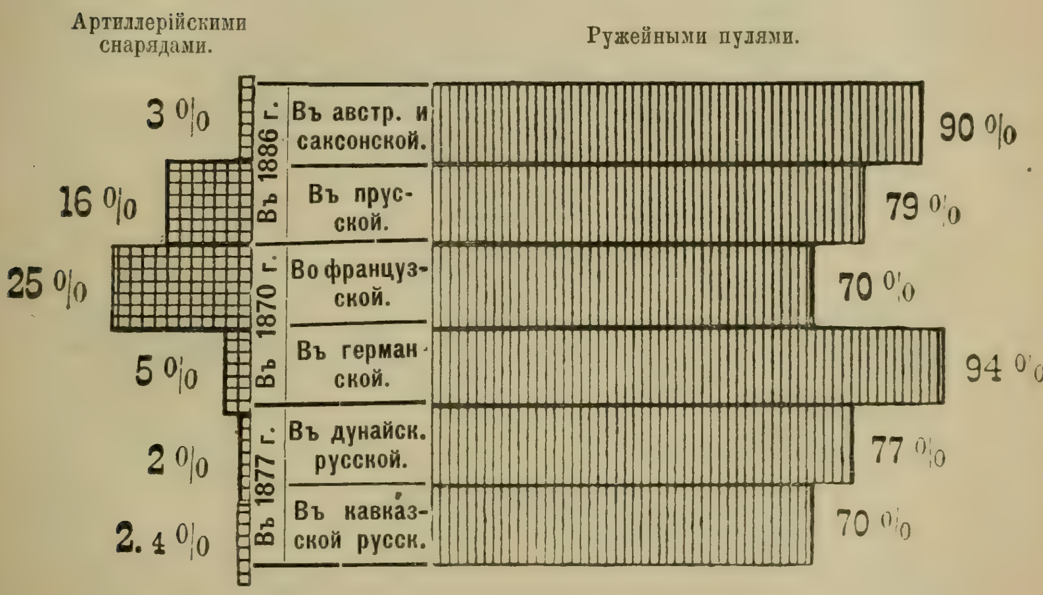
---

*)

1. Въ дивизіи Сиссе	4	арм. корпуса	44,29	проц.
2. » » Лафонъ де Вилье	6	» »	39,11	»
3. » » Берже	2	» »	37,85	»
4. » » Фоваръ-Батуль .	2	» »	37,25	»
5. » » Левассоръ-Сорваль	6	» »	35,94	»
6. » » Тирье	6	» »	31,22	»
7. » » Гренье	4	» »	30,97	»
8. » » Метманъ	3	» »	25,92	»
9. » » Лорансе	4	» »	24,03	»
10. Въ бригадѣ Лапассе	5	» »	23,55	»
11. Въ дивизіи Монтодона . . .	3	» »	23,32	»
12. Въ гвардейской гренадерской дивизіи	—	» »	22,73	»
13. Въ дивизіи Лавокупе	2	» »	20,00	»
14. » » Кастаньи	3	» »	18,88	»
15. » » Эмаръ	3	» »	17,45	»
16. Въ гвардейской вольтижерской дивизіи	—	» »	9,23	»

Остановимся, однако, на меньшей средней цифрѣ, принявъ ее въ 25 проц. Выше мы уже приводили отношенія, какія замѣчались между потерями, происходящими отъ огня артиллерійскаго и отъ огня ружейнаго. Дабы напомнить объ этомъ отношеніи, повторимъ здѣсь цифры, представивъ ихъ въ графическомъ изображеніи.

Процентныя отношенія раненыхъ.

Повторимъ также, что отношенія, оказавшіяся въ 1877 году, по указаннымъ нами причинамъ, мѣриломъ служить не могутъ.

Цифры, показанныя въ графикѣ, соотвѣтствуютъ тому отношенію, какое проявлялось въ качествахъ вооруженія той и другой изъ воевавшихъ сторонъ. Такъ, въ 1866 году, вслѣдствіе превосходства австрійской артиллеріи, потери отъ артиллерійскаго огня у пруссаковъ были 16%, а у австрійцевъ только 3%; благодаря же превосходству прусскихъ ружей (игольчатокъ), отъ ружейнаго огня австрійцы потеряли 90%, а пруссаки только 79%. Точно такъ, въ 1870 г. германская артиллерія превосходила французскую и это отразилось въ потеряхъ у французовъ въ 25%, а у нѣмцевъ только въ 5%;

ружья же Шасспо были лучше игольчатокъ, и потери нѣмцевъ отъ ружейнаго огня 94% далеко превышали потери французовъ 70%, что, впрочемъ, зависѣло еще въ большей степени отъ того, что нѣмцы постоянно атаковали позиціи противника, а французы держались преимущественно обороны.

Итакъ, можно принять, что въ будущей войнѣ средняя потеря можетъ составить не менѣе 25%, какъ было въ 1870 г. у французовъ. Но это составляетъ лишь минимумъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ значительно усовершенствованы и ружья, и орудія, притомъ послѣднія еще въ большей степени, чѣмъ первыя. И Шасспо, и игольчатки 1870 года были уже хорошими механизмами, но они далеко уступаютъ современнымъ скорострѣльнымъ малокалибернымъ ружьямъ.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію отношенія потерь отъ разнаго рода оружія въ отдѣльности.

1. Холодное оружіе.

Дѣйствіе его не измѣнилось и число потерь отъ штыковъ, пикъ и сабель незначительно, какъ о томъ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

2. Огнестрѣльное оружіе.

Сила вооруженія, послѣ послѣднихъ большихъ войнъ, возросла въ поразительныхъ размѣрахъ и каждый день приноситъ еще новые усовершенствованія оружія и снарядовъ.

Приведемъ нѣсколько данныхъ для примѣра. Въ Германіи, Австріи, Франціи, Россіи, Англіи и Турціи войска имѣютъ ружья калибра отъ 7,62 до 8 миллиметровъ. Отличительнымъ свойствомъ этихъ ружей представляется сила удара, зависящая отъ большой начальной скорости и быстроты оборотовъ пули (ротаціи). Начальная скорость составляетъ отъ 620 до 640 метровъ, а число оборотовъ отъ 2,475 до 2,640— въ секунду. Но въ войскахъ Италіи, Голландіи и Румыніи введено уже ружье калибра 6,5 милл., дающее начальную скорость (силу вылета пули) въ 720 метровъ, а ротацію— въ 3,830 въ секунду. Въ Соединенныхъ Штатахъ введено ружье 6 миллиметровое. Въ Германіи и Австріи розданы въ

войска для опыта ружья 5-миллиметроваго калибра и опытъ далъ замѣчательные результаты. По словамъ газетъ, во Франціи уже приступлено къ роздачѣ, въ большихъ размѣрахъ, ружей 6,5-милл. калибра, съ увеличенной скорострѣльностью. Чтобы дать понятіе объ ударной силѣ пуль изъ 6,5-милл. ружья, достаточно сказать, что прониканіе ихъ въ матеріалы на 44% больше, чѣмъ пуль изъ ружья 8-милл. калибра *).

Но оставимъ въ сторонѣ будущія улучшенія и займемся качествами тѣхъ ружей, которыя уже находятся въ повсемѣстномъ употребленіи.

Ударная сила. Степень дѣйствія, производимаго выстрѣломъ зависитъ прежде всего отъ количества живой силы, какую сохранила пуля при попаданіи въ цѣль, затѣмъ отъ значительности вѣса пули по отношенію къ ея поперечнику и отъ быстроты полета. Энергія на квадратный сантиметръ поперечника пули 8-милл. калибра, по сравненію съ пулей изъ мягкаго свинца, соотвѣтствовавшей ружью образца 1877 года, до разстоянія 2.000 метровъ, приблизительно въ 2½ раза значительнѣе. **) Для дальнихъ же разстояній сравненіе невозможно, такъ какъ прежнія пули до нихъ не долетали; новыя же пули сохраняютъ энергію до 3.000 метровъ, достаточную для выбитія изъ строя человѣка, какъ это видно изъ слѣдующаго графическаго изображенія:

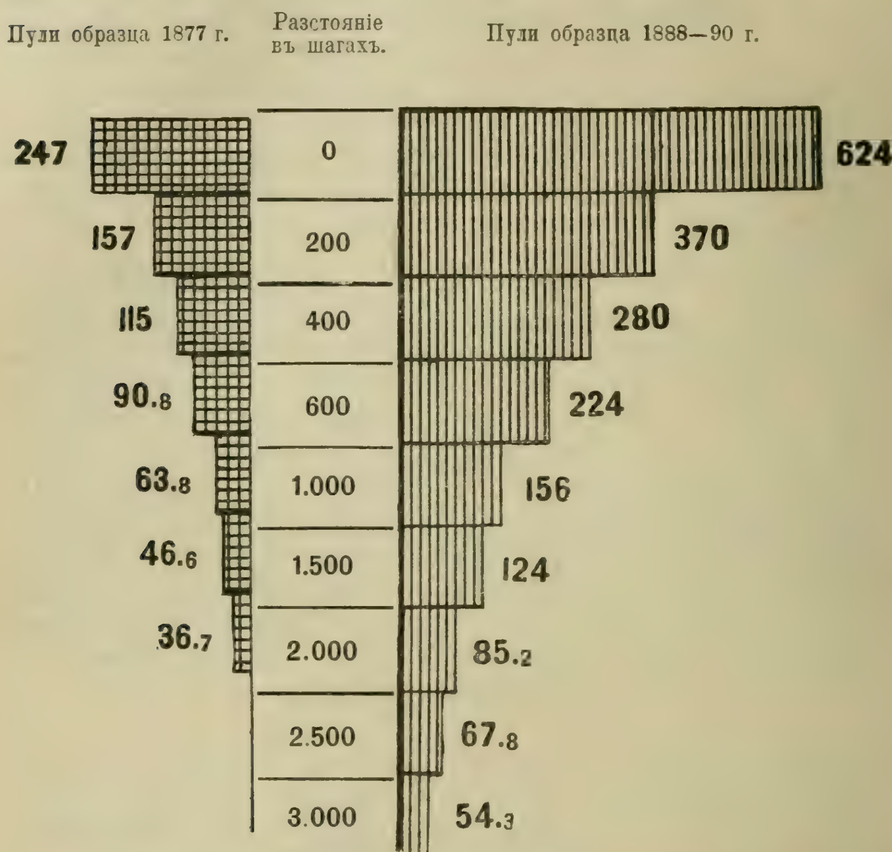
---

*) Wille, «Waffenlehre».

**) D-r J. Habart. «Die Geschosswirkung der 8 Milimeter Handfeuerwaffe auf Menschen und Pferde». Wien, 1892. Nach von Wuich.

Разстояніе въ шагахъ.	Степень энергіи на кв. сантиметръ поперечника пули, выраженная въ метрокилограммахъ. Пули: Образца 1877 г.	Образца 1888—90 г.
0	247,1	624,3
200	157	370,3
400	115	279,6
600	90,8	223,8
1.000	63,8	156,3
1.500	46,6	124,2
2.000	36,7	85,2
2.500	—	67,8
3.000	—	54,3

Степень живой силы пули на кв. сантиметръ ея поперечника, въ моментъ удара, въ метро-килограммахъ.

Что же касается пуль 5-миллиметровыхъ, то ихъ ударная сила весьма значительно превосходитъ силу 7,66 миллиметровыхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ *):

	Пробойная сила пуль. Ружья Маузера 7,66 милл.	Ружья Маузера 5 миллим.
На разстояніи 500 метр.	0,30	1,71
„ „ 1.000 „	0,12	1,43
„ „ 2.500 „	0,06	0,81

*) «Revue de l'armée belge».

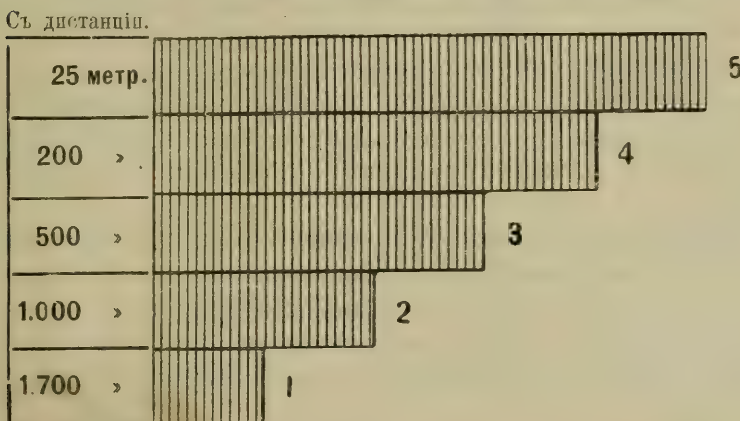
Каково будетъ дѣйствіе этихъ снарядовъ на людей, пока еще, за отсутствіемъ большой войны, въ которой сражались бы съ обѣихъ сторонъ одинаково вооруженныя и обученныя войска, съ точностью опредѣлить невозможно. Но тѣмъ не менѣе имѣющіеся частичные опыты и изслѣдованія позволяютъ нарисовать весьма ясную картину будущихъ полей сраженій,

Опыты стрѣльбы изъ 5-ти миллиметровыхъ ружей Маузера по лошадинымъ трупамъ дали слѣдующіе результаты:

На дистанціи 25, 200, 500, 1.000 и 1.700 метр. снарядъ пробивалъ 5, 4, 3, 2 и 1 лошадиныхъ трупа, сохраняя притомъ силу, достаточную для того, чтобы врѣзаться еще въ слѣдующій трупъ *).

Для наглядности представимъ это сравненіе графически:

Число лошадиныхъ труповъ, пробиваемыхъ пулями 5-миллиметровыхъ ружей Маузера.

При 2.400 метрахъ разстоянія, пуля раздробляетъ плотныя кости, а кости губчатыя и тонкія пронизываетъ чисто, безъ раздробленія, притомъ съ самыхъ большихъ разстояній **). Сила удара при этомъ столь велика, что кости не только раздробляются, но съ разстояніи до 300 метровъ осколки этихъ костей врѣзываются въ мышцы, которые отбрасываются впередъ, чѣмъ и объясняется причина широкихъ выходныхъ отверстій ранъ.

*) Von Wuich, «Repetierfrage». Wien, 1895.
**) Тамъ же.

Необычайная сила удара увеличитъ число жертвъ въ будущей войнѣ по иной еще причинѣ.

Современныя оболочныя пули представляютъ необычайную энергію прониканія даже въ металлы. При прежнихъ круглыхъ свинцовыхъ пуляхъ надежныя закрытія для солдата представляли собой дерево толщиною около 8 сант., земляная-же насыпь въ полметра. Теперь не то: малокалиберная пуля пробиваетъ земляной валъ толщиною въ 2 метра, пробиваетъ дерево и поражаетъ стоящаго за нимъ. Въ старину второй рядъ считался уже закрытымъ отъ опасности первымъ, трусъ прятался за товарища, но нынѣшняя пуля проникаетъ не только двухъ людей, а еще сильно ранитъ стоящихъ въ ряду за ними.

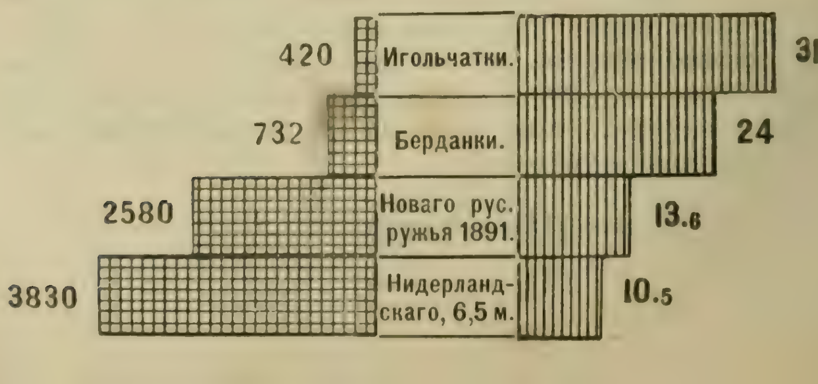
Изъ этого мы видимъ, что число жертвъ отъ новыхъ пуль можетъ быть въ 5 разъ больше, чѣмъ то, какое бывало отъ прежнихъ. Главныя потери происходятъ на близкихъ разстояніяхъ и притомъ во время, когда войска уже массированы, а тѣмъ самымъ сразу можетъ происходить нѣсколько пораженій. Опытъ въ Ниршау, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, показалъ, что каждая попавшая пуля производила отъ 3 до 4 пораженій.

Если же мы примемъ число потерь отъ увеличенія ударной силы пуль не въ 3—4, а въ десять разъ меньше, то и въ такомъ случаѣ окажется увеличеніе потерь на 7 % противъ прежняго.

Вращательная сила и деформація пуль. По отношенію къ опасности пораженій большое значеніе имѣетъ вращательная сила пули, то есть число ея оборотовъ.

Представляемъ графическое изображеніе силы вращенія (ротаціи) и вѣса пуль, принадлежащихъ къ ружьямъ разныхъ образцовъ.

Сила ротаціи и вѣсъ пули разныхъ ружей.

Сила полета и вращательнаго движенія современныхъ снарядовъ имѣетъ тѣ послѣдствія, что при ударѣ на пути о что-либо твердое, напр. о сукъ дерева или въ тѣлѣ человѣка о плотную кость, пуля принимаетъ поперечное или отклоненное положеніе и такъ какъ вращеніе ея продолжается, то снарядъ или части разбитой оболочки и самаго корпуса пули вращаются въ тѣлѣ, причемъ отклоняются отъ первоначальнаго направленія въ разныя стороны, что и производитъ особенно тяжкія пораженія.

Вотъ почему, если закрытіе изъ дерева или кирпича недостаточно, чтобы остановить пулю, то оно дѣлаетъ ее еще болѣе опасною. Оболочка разбивается, снарядъ деформируется, сдавливается, принимаетъ грибовидную, сплющенную форму или самъ разбивается на части. При уличныхъ залпахъ въ толпы, въ Бялѣ и въ Ниршау наблюдались, по отзыву Богданика, разрывъ оболочки и деформированіе пуль, вслѣдствіе чего получились раны сходныя съ тѣмъ, какъ если бы ружья были заряжены рубленными осколками свинца.

Въ Ниршау, при подавленіи безпорядковъ среди рудокоповъ, было сдѣлано, какъ увѣряютъ, всего 10 выстрѣловъ, а между тѣмъ, убитыхъ оказалось 7, раненныхъ 25, при дистанціяхъ отъ 30 до 80 шаговъ. Но многіе легко раненые скрыли свои раны, чтобы не быть привлеченными къ суду. Каждая пуля поразила отъ 3 до 4 человѣкъ, что объяснялось густотою толпы рабочихъ и близостью разстоянія, съ котораго стрѣляли. Изъ числа раненныхъ 6 умерло, такъ что процентъ смертности отъ ранъ обозначился въ 24, между тѣмъ какъ при войнѣ 1870—71 г.г. онъ опредѣлялся, въ среднемъ, въ 12%. Общая смертность изъ всего числа пораженныхъ пулями рабочихъ составила 40,6% *).

Нельзя сомнѣваться, что въ огромномъ увеличеніи пробивной силы снарядовъ и тяжести наносимыхъ ими ранъ представится одно изъ наиболѣе существенныхъ отличій будущихъ битвъ и всего характера ихъ, въ сравненіи съ прежними.

Деформація пуль при ударѣ о твердыя тѣла и пораненія, произведенныя обломками пуль, очевидно, будутъ значительны. Но данныхъ объ этомъ мы не имѣемъ.

---

*) Dr. J. Habart, «Die Geschosswirkung der 8 Milimeter Handfeuerwaffen». Wien. 1892.

Что касается измѣненія формы, коему подвергается пуля при встрѣчѣ съ частями тѣла человѣка или животнаго, то опыты стрѣльбы установили *), что при выстрѣлахъ съ разстояній до 1.200 метровъ, пуля деформируется въ 21,5% числа всѣхъ случаевъ.

По всему этому намъ кажется, что если примемъ число пораненій отъ оболочечныхъ пуль только въ 4%, то это будетъ даже ниже дѣйствительности.

Настильность и прицѣльность. Первымъ качествомъ ружей является прицѣльность стрѣльбы **).

Въ этомъ именно отношеніи современныя ружья обладаютъ такими свойствами, что число пораженій будетъ несравненно больше, чѣмъ въ прошлыхъ войнахъ

---

*) «Ueber die Wirkung und Kriegschirurgische-Bedeutung der neuen Handfeuerwaffen. Auftrage 5. Exc. des Herrn Kriegsminister bearbeitet von der Medicinalbetheilung des Königlich-Preussischen Kriegsministerium.

**) Ежедневное наблюденіе убѣждаетъ, что всякій предметъ, будучи брошенъ кверху, или подъ какимъ либо угломъ, или горизонтально, постепенно теряя сообщенную ему силу движенія, въ данномъ направленіи, въ концѣ концовъ, вслѣдствіе притяженія земли, падаетъ на землю. Скорость паденія же увеличивается пропорціонально квадратамъ пройденнаго времени.

Послѣ выстрѣла пуля летитъ по направленію линіи дула, но такъ какъ пуля тотчасъ же подлежитъ дѣйствію притяженія земли, то, по мѣрѣ своего удаленія отъ дула и уменьшенія первоначально сообщенной ей скорости, она, подъ вліяніемъ этихъ двухъ силъ, описываетъ кривую, извѣстную въ математикѣ подъ именемъ параболы.

Итакъ, для того, чтобы пуля могла попасть въ цѣль, требуется, чтобы она пробѣгала надъ линіей цѣли на такой высотѣ, чтобы послѣ пониженія, вслѣдствіе притяженія, она падала именно въ намѣченную цѣль.

Необходимо, стало быть, чтобы пуля достигала высоты при отстояніи цѣли:

въ 1400	англ. фут.	на	6	фут. 3 д.
» 2800	»	»	» 17	»
» 5600	»	»	» 311	»

Эти цифры показываютъ, что чѣмъ дальше отодвинута цѣль, а тѣмъ самымъ, чѣмъ больше времени требуетъ пуля для своего полета, тѣмъ полетъ ея (траекторія) долженъ быть болѣе выпуклый, возвышаясь надъ высотою цѣли.

Такимъ образомъ, пуля большую часть своего пути пролетаетъ на такой высотѣ отъ земли, на которой она не встрѣчаетъ сражающихся. Черезъ это уменьшается поражаемое пространство. Чѣмъ разстояніе до цѣли короче и чѣмъ скорѣе полетъ пули, а тѣмъ самымъ чѣмъ меньше времени она требуетъ, чтобы пробѣжать данное пространство, тѣмъ ниже можно выпускать пули и тѣмъ онѣ на большемъ протяженіи своего пути могутъ быть смертельными.

Если бы не существовало силы тяготѣнія, то траекторія пули могла бы идти по прямой горизонтальной линіи и пуля поражала бы на всемъ своемъ пробѣгѣ, т. е. въ настоящее время на дистанціи 4.000 метровъ все встрѣченное ею, или, иными словами, она дѣйствовала бы на всемъ протяженіи, какъ коса въ рукахъ косаря.

Слѣдовательно чѣмъ большее пространство пуля пробѣгаетъ на такой высотѣ, что можетъ поражать лошадей и людей, тѣмъ больше вѣроятія, что она нанесетъ потери.

И вотъ именно въ этомъ отношеніи ружья, находящіяся нынѣ въ рукахъ армій во много разъ опаснѣе, чѣмъ бывшія въ употребленіи въ послѣднихъ войнахъ.

Одинъ французскій авторъ (Ortus, «Valeur comparée pour le combat du fusil

Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ.

При ружьѣ 6-милл. Манлихера пуля на всемъ разстояніи 700 метровъ, можетъ пролетать такъ низко отъ земли, что въ видѣ косы будетъ поражать каждаго стоящаго солдата. Между тѣмъ при ружьяхъ, бывшихъ въ употребленіи въ войнѣ 1870 года, одинаковое дѣйствіе уже при 600 метрахъ выражалось при ружьѣ Дрейзе 28 метрами, а Шасспо 32 метрами, или другими словами, поле смерти нынѣ возрасло въ 20 разъ. При разстояніяхъ свыше 700 метровъ пули 1870 года убивали людей почти только въ самомъ пунктѣ паденія, въ настоящее же время пуля Манлихера, при выстрѣлахъ въ цѣль, отстающую на 900 метровъ, летитъ такъ низко, что поражаетъ на протяженіи 105 метровъ своего пробѣга. При разстояніи же 1.200 метровъ пораженіе ея еще на 58 метрахъ можетъ быть смертельно.

Нижепомѣщенныя графическія изображенія представляютъ эту разницу нагляднымъ образомъ *):

---

actuel de l'infanterie européenne») слѣдующимъ образомъ уясняетъ различіе въ линіи поражаемости новыхъ ружей въ сравненіи съ прежними. Двѣ стрѣлковыя части ведутъ перестрѣлку на разстояніи одна отъ другой 600 метровъ (280 с.); обѣ состоятъ изъ людей послѣдняго призыва, неопытныхъ, притомъ одна сторона имѣетъ малокалиберныя ружья образца 1888 года, а другая ружья Шасспо. Огонь производится дѣятельно, такъ какъ молодые солдаты стараются этимъ ободрить себя и стрѣляютъ почти не цѣлясь. Но при такихъ условіяхъ, вотъ какъ различенъ будетъ результатъ: поднявъ малокалиберное ружье на естественную высоту и стрѣляя машинально, прямо, стрѣлки будуть поражать все пространство, а противникамъ ихъ надо, по меньшей мѣрѣ, три раза опредѣлить разстояніе и трижды измѣнить подъемъ ружья, и все-таки они окажутся въ условіяхъ подавляющаго неравенства.

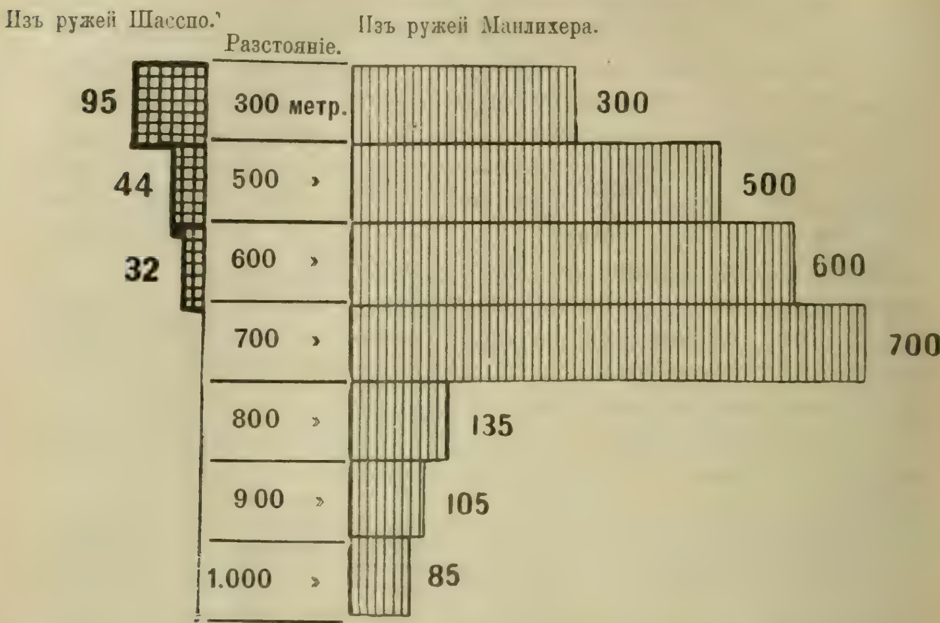
*) Поле смерти при дѣйствіи противъ пѣхоты (1 метръ 70 сант. высоты).

Разстояніе.	Дрейзе.	Шасспо.	Германское 1888 г. ружье.	Манлихера 6,5 миллим.
	М е т р ы.			
300	80	95	300	300
400	58	60	400	400
500	41	44	500	500
600	28	32	111	600
700	—	—	75	700
800	—	—	54	135
900	—	—	44	105
1000—1100—1200	—	—	23	85—70—58
1500	—	—	15	—
1800	—	—	11	—
2000	—	—	9	—

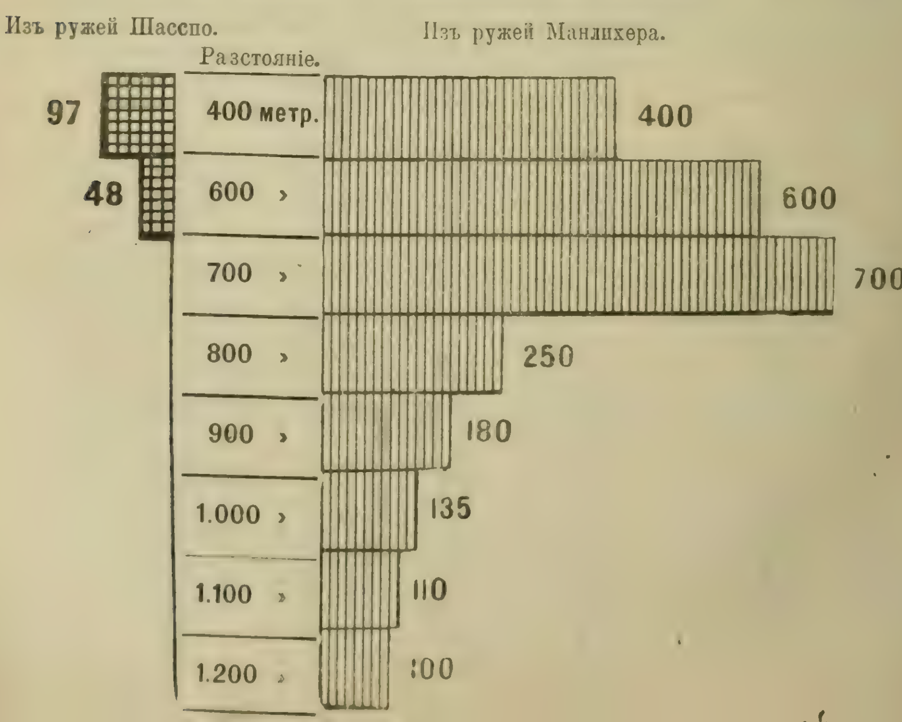
Поле смерти при дѣйствіи по кавалеріи (2 метра 70 сант. высоты).

	М е т р ы.			
400	96	97	—	400
500	66	68	—	500
600	46	48	—	600
700	—	—	—	700
800	—	—	—	250
900	—	—	—	180
1000	—	—	—	135
1100	—	—	—	110
1200	—	—	—	100

Поражаемое пространство при дѣйствіяхъ противъ пѣхоты (1 метръ 70 сантиметровъ высоты).

Поражаемое пространство при дѣйствіяхъ противъ кавалеріи (2 метра 70 сантиметровъ высоты).

По г. В. Чебышеву *), поражаемыя пространства новаго русскаго малокалибернаго оружія длиннѣе того, которое получалось при прежнемъ 6-ти лин. оружіи:

Въ 1,2	раза	на	разстояніи	200	шаг.
2	„	„	„	300	„
4,5	„	„	„	400	„
2,3	„	„	„	500	„
2,7	„	„	„	600	„
3	„	„	„	700	„
3,1	„	„	„	800	„

И поэтому, говоритъ В. Чебышевъ, не слѣдуетъ пренебрегать стрѣльбою съ дальнихъ разстояній.

„Только тогда стрѣльба можетъ принести существенную пользу и оправдать громадныя затраты *денегъ, труда* и *времени*, неизбѣжныя при введеніи оружія болѣе совершеннаго; такъ какъ для того, чтобы подпускать къ себѣ противника на 100 иля 50 шаговъ и только тогда давать по немъ залпы, какъ то дѣлали наши герои въ послѣднюю войну съ турками, нужно имѣть *много мужества*—это правда, но *не надо имѣть такого прекраснаго, въ баллистическомъ отношеніи, оружія, которымъ вооружены теперь наши войска*".

Во всѣхъ арміяхъ обученіе войскъ стрѣльбѣ доведено до совершенства. Число выдаваемыхъ учебныхъ патроновъ несравненно больше, чѣмъ въ прошломъ, -- полигоны устроены образцовымъ образомъ, съ движущимися фигурами, дающими возможность производить стрѣльбу при всѣхъ боевыхъ формаціяхъ, которыя только возможно придумать. Но что всего важнѣе, изобрѣтены приборы для производства стрѣльбы уменьшенными зарядами въ казармахъ. Выпусканіе выстрѣловъ для возможности пораженія противника на всемъ пространствѣ настильной стрѣльбы превращено въ рядъ гимнастики, человѣкъ обращенъ въ механизмъ. Посредствомъ приборовъ, показывающихъ правильно ли направлено ружье, не было-ли при спускѣ дерганья, надъ стрѣлкомъ имѣется постоянный контроль. Стрѣлка показываетъ немедленно, если выстрѣлъ былъ выпущенъ неправильно и спускъ не былъ сдѣланъ съ достаточнымъ спокойствіемъ **).

*) «Наглядное объясненіе свойствъ современнаго ружейнаго огня».
**) Каталогъ военной выставки въ Буда-Пештѣ. 1896. «Heerwesen».

Въ послѣднее время стали дѣлать точныя измѣренія колебанія ружья въ рукахъ стрѣляющаго. Докторъ Лейтенсторферъ даетъ цѣлый рядъ рисунковъ такихъ колебаній ружья въ рукахъ стрѣлковъ очень хорошихъ и плохихъ. Въ приложеніи (см. прил. къ стр. 402) мы помѣщаемъ нѣсколько изъ нихъ.

Всякій легко пойметъ, насколько обстоятельство это должно влiять на увеличеніе размѣра будущихъ потерь.

Въ настоящее время успѣхъ попаданій зависитъ лишь отъ правильнаго держанія стрѣлкомъ ружья. Поднявъ малокалиберное ружье на высоту плеча и стрѣляя машинально, прямо, въ настоящее время стрѣлки будутъ поражать все 600 до 700-метровое пространство, между тѣмъ какъ въ послѣдней войнѣ, при самомъ лучшемъ ружьѣ Шасспо, надо было по меньшей мѣрѣ три раза опредѣлить разстояніе и трижды измѣнить прицѣлъ. И такъ, тамъ, гдѣ въ 1870 году требовались особая команда и постоянное вниманіе къ ея исполненію, теперь достаточно одного механическаго выпусканія выстрѣла за выстрѣломъ.

По этой причинѣ нынѣ увеличились предѣльныя разстоянія, на которыхъ стрѣльба можетъ быть полезною безъ излишней растраты патроновъ. Эти нормы опредѣляются такъ *):

---

*) При стрѣльбѣ въ единичнаго человѣка:

Въ закрытіи или лежащаго до	200 метр.
Стоящаго или на колѣняхъ	300 »
Верхомъ	450 »
Въ группу не менѣе 4 человѣкъ	600 »

При стрѣльбѣ по частямъ:

Въ мишень шириной во фронтъ взвода	800 »
» » » » полуотдѣленія	1.000 »
» » » » отдѣленія (пѣхоты или артиллеріи)	1.200 »
Ротной или эскадронной колонны или батареи	1.500 »
Противъ построеній сомкнутыхъ или маршевой колонны	2.000 »

При стрѣляніи по части на разстояніи 600 метровъ берется прицѣлъ на 400 метровъ.

Схема колебаній ружья въ рукахъ стрѣляющаго.

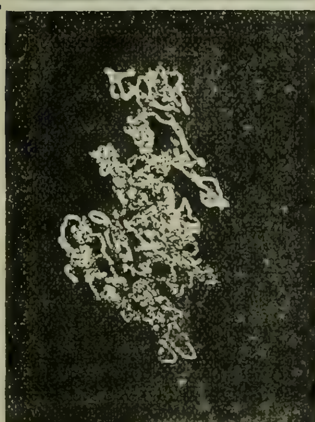
Заряжаніе боевымъ патрономъ. Одна минута прицѣливанія.

Отлично обученный сержантъ; очень хорошій стрѣлокъ.

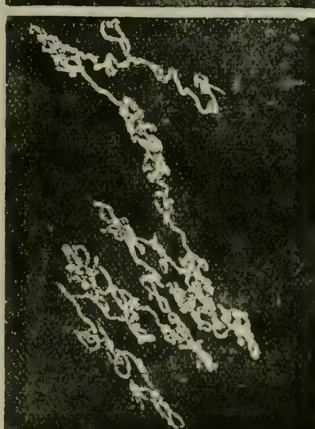

Хорошо обученный унтеръ-офицеръ; очень хорошій стрѣлокъ.

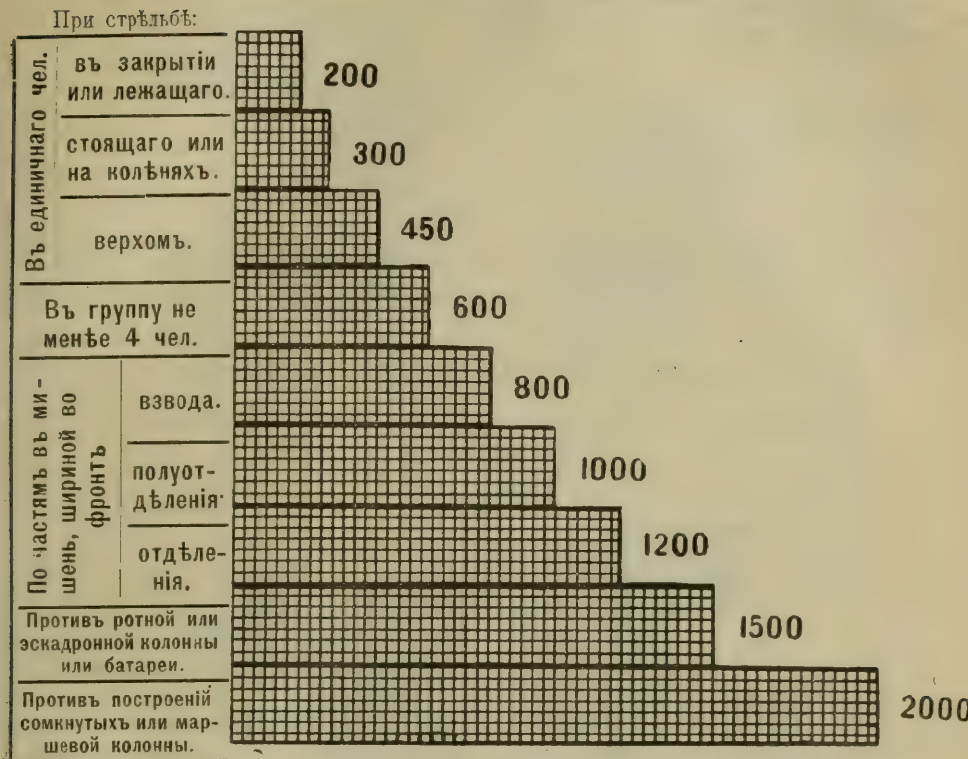

Образованный человѣкъ; плохой стрѣлокъ.

Разстоянія полезной стрѣльбы, въ метрахъ.

Чѣмъ длиннѣе линія построенія части, тѣмъ съ большаго разстоянія она уже подвержена дѣйствительному огню. Для линіи взвода оно начинается съ 1.000 метр., для линіи отдѣленія съ 1.400 м., при фланговомъ огнѣ — съ 1.300 м., для роты съ 1.800 м. Наибольшей опасности подвержены колонны. Такъ, рота сомкнутая въ колонну подвергается вдвое большей опасности, чѣмъ та же рота въ развернутой линіи*).

А какое значеніе имѣетъ обученіе, показываютъ намъ слѣдующія цифры: Въ Россіи до 1874 г., съ 600-метровыхъ дистанцій, мѣткость стрѣлковыхъ батальоновъ равнялась 25%, а съ этого года, вслѣдствіе лучшаго обученія—69%, т. е. почти втрое больше. Современныя же ружья представляютъ собою настолько усовершенствованный механизмъ, что хорошо обученный стрѣлокъ попадаетъ въ цѣль почти навѣрно.

*) Wille, «Waffenlehre». 1896.

Въ англійской арміи процентъ попаданій при учебной стрѣльбѣ по мишенямъ въ линію колоннъ изъ 4 ротъ въ настоящее время слѣдующій *):

Дистанціи, въ метрахъ.	Процентъ попаданій.
1.830	48
2.200	29
2.500	18

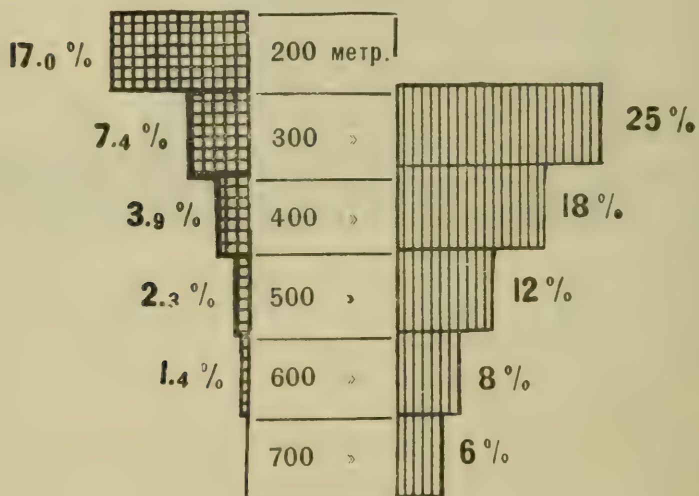
Въ арміяхъ французской и германской процентъ попаданій графически представляется слѣдующимъ образомъ **):

Процентъ попаданій въ одного пѣхотинца.

Во французской арміи. Въ германской арміи.

Лежащаго.

На разстояніи.

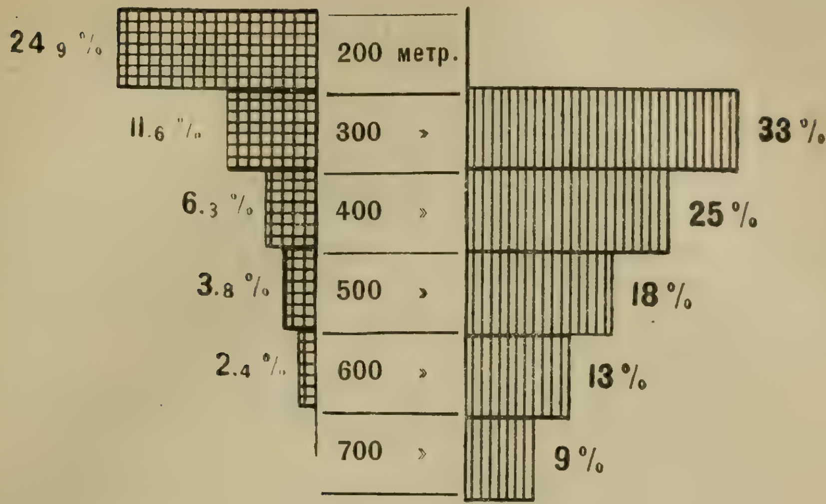
*) Wille, «Waffenlehre». 1896.

**) Въ арміи французской, въ стрѣлковой школѣ въ Шалонѣ:

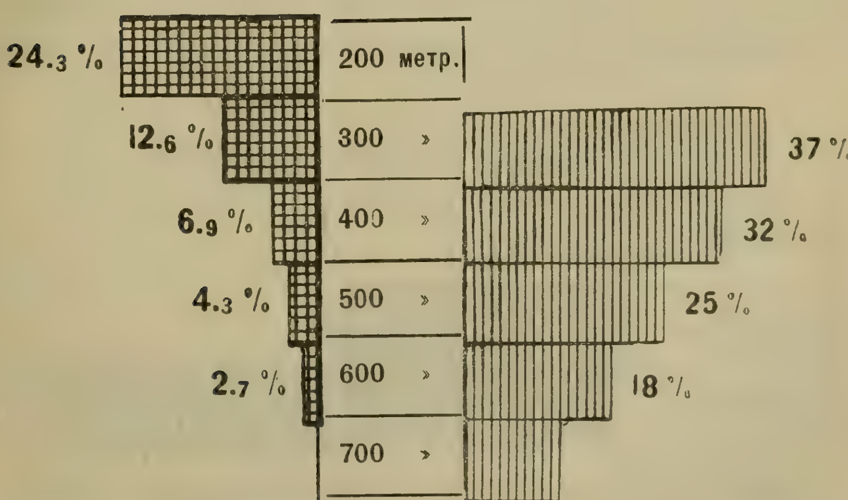
Процентъ попаданій въ одного:

Дистанціи, въ метрахъ.	Пѣхотинца. Лежащаго.	На колѣняхъ.	Стоящаго.	Всадника.
200	17,0	24,9	24,3	39,2
300	7,4	11,6	12,6	23,4
400	3,9	6,9	6,9	14,1
500	2,3	3,8	4,3	9,1
600	1,4	2,4	2,7	6,0

На колѣняхъ.

Стоящаго.

Въ арміи германской процентъ попаданій въ одного пѣхотинца:

	Лежащаго.	На колѣняхъ.	Стоящаго.
300	25	33	37
400	18	25	32
500	12	18	25
600	8	13	18
700	6	9	12

General Rohne, «Das gefächtsmässige Schiessen».

Степень вѣроятнаго пораженія на 100 метрахъ разстоянія въ % выпущенныхъ пуль принято считать:

При ружьѣ гладкоствольномъ 6%
„ „ нарѣзномъ 30%
„ „ Шасспо 50%
„ „ новыхъ типовъ 70%

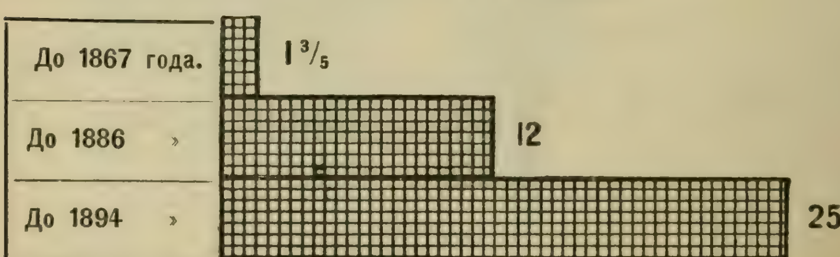
Но наука не сказала еще послѣдняго слова. Испытываемое въ арміяхъ въ настоящее время ружье 5-миллиметровое Маузера имѣетъ настильность 1.018 метровъ, между тѣмъ какъ ружье того же Маузера, но калибра 7,66, находящееся въ рукахъ многихъ армій, производитъ настильную стрѣльбу только на 438 метровъ.

Особенно важно, что чѣмъ настильнѣе стрѣльба, чѣмъ вѣрнѣе поражаемость, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ самая скорострѣльность ружья.

Въ 1867 году нормальная частость стрѣльбы опредѣлялась въ $1\,^3/_5$ выстрѣла въ минуту, — игольчатки и шасспо уже давали 12 выстрѣловъ, а нынѣшнія ружья производятъ 25 выстрѣловъ въ минуту.

Графически это изображается такъ:

Число выстрѣловъ въ минуту.

Но и въ этомъ отношеніи техника уже идетъ впередъ.

Въ настоящее время производятся испытанія ружей, заряжающихся автоматически. Послѣ перваго выстрѣла отдача дѣйствуетъ на особый механизмъ, который выгоняетъ изъ ружья гильзу выстрѣленнаго патрона и вставляетъ вмѣсто нея новый патронъ. Солдатъ стрѣляетъ, не отнимая ружья отъ плеча, не тратя времени и усилія на заряжаніе. Поэтому мѣткость и скорость стрѣльбы въ самый критическій мо-

ментъ сильно возрастутъ, а тѣмъ самымъ и число жертвъ должно оказаться значительно больше, чѣмъ въ прошломъ.

Въ будущей войнѣ уже не окажется того результата, который Гассенди выводилъ для войнъ періода 1795—1815 годовъ, а именно, что на каждаго убитаго человѣка было выпущено количество свинца, равное по вѣсу съ тѣломъ убитаго *).

Опредѣлить съ точностью значеніе настильности и прицѣльности для увеличенія потерь трудно. Пуля уже не будетъ летѣть по воздуху для того, чтобы ударить только въ точкѣ пересѣченія ея пробѣгомъ — извѣстной горизонтальной линіи, но будетъ летѣть по самой этой линіи, въ ростъ человѣка, надъ почвой, на разстояніи около 800 шаговъ и поражать все, представляющееся ей на этой линіи. Къ этому надо прибавить и гораздо лучшее, чѣмъ прежде, обученіе стрѣлковъ, и скорострѣльность ружей. Въ рѣшительную минуту стрѣлокъ можетъ выпустить весь свой магазинъ. А при учебной стрѣльбѣ принимается, при отпорѣ атаки на близкой дистанціи, такой огромный процентъ попаданій въ мишени, соотвѣтствующія формаціямъ ближайшей атаки, что потери отъ ружейнаго огня, составляющія доселѣ 18%, по всей вѣроятности, по меньшей мѣрѣ, еще удвоятся.

Средства для обзора мѣстностей и для измѣренія издали дистанцій. Кромѣ усиленной настильности ружейнаго огня, въ будущей войнѣ на число потерь повліяютъ еще разныя средства, бывшія неизвѣстными при прежнихъ войнахъ, какъ-то: возможность стрѣлянія по противнику поверхъ рощей и холмовъ и съ такихъ разстояній, на которыхъ онъ не видѣнъ невооруженному глазу. Въ войскахъ будутъ употребляемы полевыя обсерваціонныя вышки, аэростаты и электрическій свѣтъ для освѣщенія противника ночью. Въ числѣ такихъ средствъ упомянемъ и о дальномѣрахъ.

Введенный въ русской арміи, лѣтъ 10 тому назадъ, дальномѣръ полковника Паскевича **) дозволяетъ опредѣлять разстоянія до 8.500 шаговъ (6.375 метровъ) даже при подвижныхъ цѣляхъ и всего въ теченіе трехъ минутъ, а вѣситъ

*) Wuich, «Repetierfrage» 1895.

**) Въ французской арміи для ротныхъ и эскадронныхъ командировъ были заказаны 8.000 призматическихъ дальномѣровъ, вѣсомъ только въ 35 граммовъ, придѣланныхъ къ обыкновеннымъ полевымъ зрительнымъ трубкамъ и позволяющимъ измѣрять разстоянія отъ 5 до 8 километровъ.

такой инструментъ менѣе 33 килогр. Къ нему требуется прислуги 4 чел. Основная линія для промѣровъ имѣетъ длины 21 метръ.

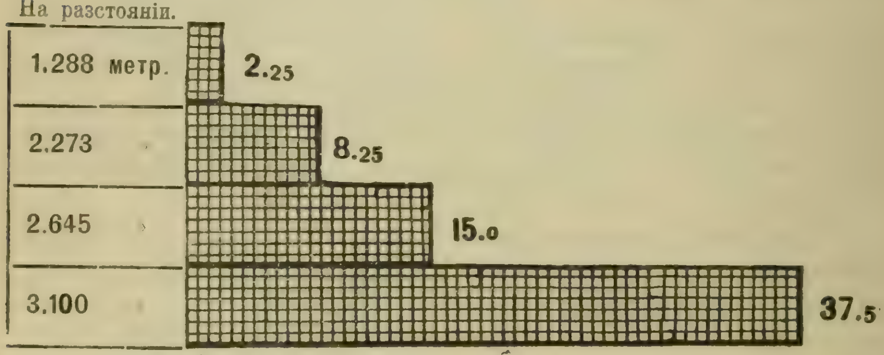
Уклоненія (ошибочность) при его показаніяхъ колеблются въ слѣдующихъ предѣлахъ:

При дистанціяхъ:

въ 1.715	шаг.	или 1.288	метр.	—	всего 3	шага	или	2,25	метр.
„ 3.030	„	„ 2.273	„	—	„ 11	„	„	8,20	„
„ 3.526	„	„ 2.645	„		„ 20	„	„	15,00	„
„ 4.138	„	„ 3 100	„	—	„ 50	„	„	37,50	„

Представимъ эти результаты графически:

Уклоненія дальномѣра полковника Пасkевича, въ метрахъ.

Въ послѣдніе годы изобрѣтены дальномѣры еще болѣе точные *).

Если увеличеніе количества потерь собственно отъ примѣненія такихъ новыхъ изобрѣтеній мы примемъ только въ 2%, то это будетъ скорѣе ниже дѣйствительности.

Отсутствіе дыма, накопленія сажи въ дулахъ, осѣчекъ и отсырѣнія патроновъ. Особенно сильно повліяетъ на смертоносность выстрѣловъ отсутствіе облаковъ дыма, который въ прошломъ заслонялъ сражающихся.

Насколько увеличитъ смертность ружейнаго огня отсутсутствіе дыма, лучше всего можетъ иллюстрировать слѣ-

*) Witte. «Fortschritte und Verwendung der Waffen».

дующій примѣръ. «Кому не случалось наблюдать, — пишетъ генералъ Дюгемъ, — что передъ линіей стрѣляющаго отряда поднимается облако дыма, образующаго заслону, которая прикрываетъ людей до такой степени, что производимые по нимъ выстрѣлы невѣрны и безцѣльны. Я лично испыталъ это въ битвѣ подъ Кальдьеро. Когда я замѣтилъ, что на лѣвомъ крылѣ нѣсколько баталіоновъ, получившихъ приказаніе построиться, остановились и начали огонь рядами, то, понимая, что они долго его поддерживать не могли бы, я подъѣхалъ къ нимъ. Непріятельская линія была невидима. Сквозь дымъ едва можно было разсмотрѣть блескъ штыковъ и верхушки гренадерскихъ касокъ, и это не смотря на близость разстоянія до противника. Между сражавшимися, раздѣленными углубленіемъ почвы, было не больше 60 шаговъ, они другъ друга видѣть не могли. Ни я, ни мои 12 конныхъ ординарцевъ не были ранены, и я не видѣлъ пострадавшихъ отъ огня между солдатами».

Кромѣ того, на смертоносность выстрѣловъ повліяетъ отсутствіе накопленія гари въ стволахъ, что уменьшало бы прицѣльность скорострѣльныхъ ружей *), и отсутствіе осѣчекъ, процентъ которыхъ опредѣлялся для кремневыхъ ружей въ сто разъ болѣе, для пистонныхъ и игольчатыхъ въ 6 разъ болѣе, чѣмъ для нынѣшнихъ ружей при металлическихъ патронахъ. Сверхъ того, эти патроны не подвергаются дѣйствію сырости.

Допустимъ, что и отъ этихъ причинъ смертность увеличится на 2%.

Увеличеніе запаса патроновъ на людяхъ. Первостепенное значеніе будетъ имѣть и то обстоятельство, что нынѣ съ уменьшеніемъ калибра ружья, увеличилось количество патроновъ, носимыхъ солдатомъ на себѣ, что усилило какъ могущество огня, такъ и увѣренность солдата.

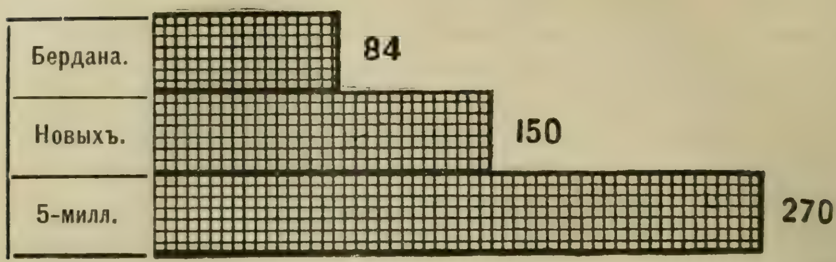
При бердановскихъ ружьяхъ пѣхотинецъ былъ снабженъ въ Россіи 84 патронами, при новыхъ ружьхъ 150 патронами, при 5-милл. же ружьѣ число патроновъ въ сумкѣ достигнетъ 270.

Представимъ эти цифры графически.

---

*) Wuich, «Repetierfrage».

Число патроновъ, носимыхъ солдатомъ, при ружьяхъ:

Съ дальнѣйшимъ уменьшеніемъ калибровъ, число патроновъ будетъ равняться отъ 380 до 575.

Патроновъ солдатъ имѣетъ теперь при себѣ 120—150, стало быть, можетъ, не прибѣгая къ запасамъ, сдѣлать вдвое болѣе выстрѣловъ, чѣмъ при послѣднихъ войнахъ*).

Такимъ образомъ, если считать, что всѣ имѣющіеся патроны будутъ разстрѣляны, то пришлось бы допустить, что уже въ силу одного увеличенія наличности носимыхъ патроновъ и даже предполагая, что дѣйствіе современнаго ружья будетъ только равняться дѣйствію прежняго, число потерь значительно увеличится. Но такъ какъ обыкновенно не придется израсходовать всѣхъ патроновъ, то примемъ увеличеніе потерь вслѣдствіе умноженія носимыхъ патроновъ—только въ 12%.

Выводы. Итакъ, мы получаемъ въ общемъ, что первоначально приходившееся число потерь отъ оружейнаго огня,

---

*) Предположимъ, что дѣйствіе современнаго ружья будетъ только равняться дѣйствію ружей прежнихъ.

Ружейныхъ выстрѣловъ на каждаго выбитаго изъ строя солдата приходилось приблизительно слѣдующее количество:

Въ войнѣ 1864 г. противъ Даніи (прусская армія) 66
» той же войнѣ въ сраженіи подъ Люндби . . . . $8^1/_2$
» войнѣ 1866 г. въ прусской арміи . . . . 63—38
» » 1870 г. » германской арміи 164
» 1870 г. » французской арміи по Ривьеру 49
» Монлюизану 102

Несмотря на большое различіе между этими данными, ни одно изъ нихъ не опровергаетъ того, что нынѣшній запасъ патроновъ, имѣющійся у солдата, совершенно достаточенъ для того, чтобы выбить изъ строя по крайней мѣрѣ одного противника. Изъ разсчета этого выходитъ прямое заключеніе, что существуетъ вѣроятность, при извѣстныхъ условіяхъ, взаимнаго истребленія двухъ непріятельскихъ силъ посредствомъ ружейнаго огня.

Потери убитыми и ранеными.

Процентъ потерь, отъ холоднаго оружія въ русской арміи въ 1877 – 1878 г.

Въ дунайской арміи.	5,3 %
Въ кавказской арміи.	1,0 %

Процентъ потерь отъ ружейнаго огня въ прошломъ и вѣроятное увеличеніе его въ будущемъ.

Потери въ прошломъ.		18 %
Вѣроятное увеличеніе потерь въ будущемъ.	Отъ возвышенія ударной силы.	7 %
	Отъ увеличенія вращательной силы и отъ деформаціи пуль.	4 %
	Отъ увеличенія настильности и прицѣльности.	18 %
	Отъ новыхъ средствъ для обсерваціи и измѣреніи дистанцій.	2 %
	Отъ отсутствія дыма, закоптѣнія ствола и осѣчекъ.	2 %
	Отъ увеличенія количества патроновъ.	12 %
Общее число потерь въ будущемъ.		63 %

Вѣроятный процентъ потерь въ будущемъ отъ артиллерійскаго огня, при условіи израсходованія всѣхъ, возимыхъ при орудіяхъ, снарядовъ, по Миллеру.

Орудія двойственнаго союза.

Орудія типа 1891 г.	124 %
Орудія типа 1898 г.	248 %

Орудія тройственнаго союза.

Орудія типа 1891 г.	100 %
Орудія типа 1898 г.	200 %

а именно 18%, въ будущемъ, вѣроятно, увеличится еще:

отъ возвышенія ударной силы на	7	проц.
„ увеличенія вращательной силы и отъ деформаціи пуль на	4	„
„ увеличенія настильности и прицѣльности на	18	„
„ новыхъ средствъ для обсерваціи и измѣренія дистанцій на	2	„
„ отсутствія дыма, закоптѣнія ствола, осѣчекъ и отсырѣнія патроновъ на . .	2	„
„ увеличенія количества патроновъ на . . .	12	„

Стало быть, въ общемъ число потерь отъ ружейнаго огня вѣроятно возрастетъ до 63%. Что предположеніе это не преувеличено, показываетъ опытъ чилійской войны.

Въ то время, какъ старыя ружья выбивали изъ строя 34%, новыя малокалиберныя ружья Манлихера выбивали 82%, т. е. онѣ наносили потерь въ 2½ раза болѣе.

При этомъ процентъ убитыхъ малокалиберными пулями составлялъ 29, а отъ пуль прежнихъ типовъ только 12; значитъ, и число убитыхъ было въ 2½ раза болѣе.

Оказалось, сверхъ того, что огонь ружей Манлихера, направленный противъ стрѣлковъ, съ разстоянія 600 метровъ, производилъ такое истребленіе, которое вызывало панику въ резервахъ, стоявшихъ на разстояніяхъ 1.000 и 1.600 метровъ позади стрѣлковой цѣпи.

Этотъ примѣръ показалъ, что дѣйствіе новаго ружья вдвое сильнѣе, чѣмъ прежняго, и что пули, изъ него выпускаемыя съ дистанціи 600 метровъ, если только дать незначительный подъемъ ружью, могутъ бить и на разстояніе до 1.600 метровъ.

Профессоръ Геблеръ *) даетъ оцѣнку дѣйствія новыхъ ружей еще болѣе выгодную для нихъ, чѣмъ принята нами, какъ видно изъ слѣдующаго:

Ружье 1871 года	100	проц.
Французское ружье 1886 года	433	„
Германское ружье	474	„
5-миллиметр. ружье	1.337	„

*) Hebler, «Das kleinste Kaliber oder das zukünftige Infanteriegewehr».

Въ сравненіи съ этимъ, нашъ разсчетъ представляется очень умѣреннымъ.

3. Орудія и снаряды.

О силѣ дѣйствія артиллерійскихъ снарядовъ прошлое не можетъ дать почти никакого понятія.

Результаты уже произведенныхъ улучшеній въ предметахъ артиллерійскаго вооруженія со времени послѣдней русско-турецкой войны 1877—78 г.г. настолько значительны, что теперь лишь немногіе изъ людей науки допускають возможность веденія правильной войны безъ невыносимыхъ жертвъ.

Профессоръ Ланглуа въ 1891 г. исчислилъ увеличеніе могущества артиллерійскаго огня со времени 1870 г., на основаніи данныхъ современной практики, слѣдующимъ образомъ: нынѣшнія орудія будутъ поражать непріятеля въ открытомъ полѣ, предполагая равное число выпущенныхъ снарядовъ, впятеро больше, чѣмъ въ 1870 году. А такъ какъ нынѣшнія орудія бросаютъ въ данный промежутокъ времени въ $2^1/_2$—3 раза большее число снарядовъ противъ прежняго, то выходитъ, что могущество артиллерійскаго огня усилилось съ 1870 года не менѣе, чѣмъ въ 12—15 разъ.

Но исчисленіе, сдѣланное профессоромъ Ланглуа въ 1891 году, въ настоящее время уже отстаетъ отъ дѣйствительности и по этому, чтобы составить себѣ полное понятіе о итогѣ потерь въ будущей войнѣ, намъ необходимо сопоставить и сравнить дѣйствіе новѣйшихъ усовершенствованныхъ орудій съ дѣйствіемъ старыхъ, бывшихъ до сихъ поръ въ употребленіи.

Скорострѣльность орудій. Во Франціи, Германіи и Россіи стали изготовляться скорострѣльныя пушки, и по заявленію такихъ авторитетныхъ писателей, какъ генералъ Вилле *), профессоръ Потоцкій **) и капитанъ Мокъ ***), можно принять, что огонь этихъ орудій обладаетъ въ совокупности по меньшей мѣрѣ двойной силой дѣйствія

*) Ген. Вилле, «Das Feldgeschütz der Zukunft».
**) Проф. Потоцкій, «Курсъ артиллеріи».
***) Кап. Мокъ, «Notes sur le canon de campagne de l'avenir».

въ сравненіи съ орудіями типовъ 1891 года, о которыхъ Ланглуа отзывался такъ: „мы имѣемъ предъ собою цѣлый рядъ усовершенствованій первостепенной важности и должны признать, что военный матеріалъ сталъ совсѣмъ иной, чѣмъ тотъ, который выступалъ на поля сраженій въ прежнія войны". Весьма важно еще, что самое количество орудій увеличено въ громадныхъ размѣрахъ.

Пока употреблялся обыкновенный порохъ, не было необходимости особенно заботиться о мѣрахъ для ускоренія стрѣльбы, такъ какъ скорая стрѣльба производила такой дымъ, что ее послѣ короткаго промежутка времени приходилось прекращать, кромѣ случаевъ, когда дулъ благопріятный вѣтеръ. Въ настоящее же время батарея изъ шести орудій выпускаетъ 8—10 выстрѣловъ въ минуту, значитъ каждое отдѣльное орудіе требуетъ отъ 36 до 45 секундъ на одинъ выстрѣлъ. Если же требуется точное прицѣливаніе, то полагается 4 выстрѣла въ минуту. Опыты показали, что при новыхъ орудіяхъ вліяніе скорости огня на мѣткость такъ невелико, что въ бою практическаго значенія оно имѣть не будетъ.

Въ настоящее время возможно выпускать въ нѣсколько минутъ такое количество снарядовъ, какое прежде выпускалось въ теченіе цѣлаго однодневнаго боя, а именно орудіе лучшей системы дастъ въ три минуты 83 выстрѣла, худшей 65. Особенно при этомъ замѣчательна мѣткость стрѣльбы. Пушки на дистанціи 1.828 метровъ сажаютъ по 4 снаряда въ одну и ту же пробоину *).

Профессоръ Михневичъ **) значеніе этихъ усовершенствованій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: Скорострѣльная пушка даетъ возможность въ опредѣленное время достичь наибольшей суммы дѣйствія, такъ какъ это орудіе въ данное время выпускаетъ по непріятелю двойное, по вѣсу, количество металла, чѣмъ остальныя полевыя орудія (скорость въ 4 раза больше, снарядъ въ 2 раза легче, дѣйствіе въ 2 раза сильнѣе). Далѣе, меньшій вѣсъ всей системы даетъ возможность незамѣтно для непріятеля подвести къ нему орудія поближе.

*) Löbell, «Militärische Jahresberichte». 1891.
**) Проф. Михневичъ, «Вліяніе новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній на тактику войскъ».

Слѣдуетъ еще замѣтить, что кромѣ скорострѣльныхъ пушекъ имѣются картечницы, выбрасывающія массу пуль.

Картечницы имѣютъ еще то свойство, недоступное для обыкновенныхъ стрѣлковъ, что *„сколько бы вы изъ картечницы ни стрѣляли, прицѣльная линія ея не мѣняетъ положенія, приданнаго ей въ началѣ стрѣльбы“*.

„Благодаря этому свойству, успѣхъ стрѣльбы изъ картечницъ не зависитъ ни отъ *нервнаго возбужденія* стрѣлка, ни отъ *затруднительности видѣть цѣль*, вслѣдствіе поднявшейся *пыли*, спустившагося *тумана* и наступившей *ненастной* погоды. Въ самую *темную* ночь изъ картечницы, если она была хорошо наведена съ вечера, можно производить стрѣльбу столь же успѣшную, какъ и въ самый ясный день“.

„Всѣ эти качества дѣлаютъ картечницы ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для обстрѣла внутренностей укрѣпленій и вообще пространствъ, находящихся за закрытіями“ *).

Картечницы въ будущей войнѣ, слѣдовательно, будутъ играть важную роль.

Дальнобойность. Сравненіе слѣдовъ, оставляемыхъ тысячью ружейныхъ пуль, выпущенныхъ стрѣлками, наступавшими въ развернутомъ строѣ—съ дѣйствіемъ шрапнелей показало, что одна шрапнель поражаетъ пространство двойной длины противъ того, какое было охвачено тысячью ружейныхъ пуль, и не меньшее послѣдняго въ ширину. Опыты доказали также, что осколки этихъ снарядовъ разлетаются нынѣ на 800 метровъ въ длину и на 400 метровъ въ ширину **). Замѣчательна при этомъ точность прицѣла. Князь Гогенлоэ, бывшій главный начальникъ германской артиллеріи въ войну 1870—71 г.г., самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалъ, что „батарея“, поставленная противъ дороги, имѣющей 15 шаговъ ширины, можетъ уничтожить цѣликомъ, „сбрить“, по его выраженію, всю массу пѣхоты, находящуюся на этой дорогѣ на протяженіи 7.000 метровъ, такъ что никому не придетъ и мысль стать на этой дорогѣ ***).

Усовершенствованіе снарядовъ. Употребленіе стали для изготовленія снарядовъ дозволило наполнять ихъ болѣе значительнымъ числомъ пуль, а начиненіе ихъ въ 4 раза силь-

*) В. Чебышевъ, «Наглядное объясненіе свойствъ современнаго ружейнаго огня».

**) Colonel Omega, «L'art de combattre».

***) Князь Гогенлоэ Ингельфингенъ, «Lettres sur l'artillerie».

нѣе дѣйствующими взрывчатыми веществами противъ употреблявшагося въ прежнее время пороха придало вообще каждому осколку и пулѣ бо́льшую силу.

Разлетъ отдѣльныхъ пуль и осколковъ можно уподобить ситу, изъ сотни отверстій котораго капли воды по дугамъ падаютъ впередъ и внизъ. Представимъ себѣ теперь подобное сито вращающимся съ большою скоростью и тогда получимъ примѣрную картину тѣхъ неопредѣленныхъ направленій, по которымъ можетъ летѣть каждый отдѣльный осколокъ снаряда. Пули этихъ шрапнелей могутъ по этому поражать по очень разнообразнымъ направленіямъ.

Для того, чтобы можно было помѣстить во внутрь шрапнели большое количество пуль, стѣнки ея дѣлаются на сколько возможно тонкими. Германскія шрапнели имѣютъ тонкую стальную стѣнку, между тѣмъ какъ дно ихъ дѣлается изъ чугуна; французскія и англійскія имѣютъ подобныя стальныя стѣнки; Италія, Австрія и Россія имѣютъ чугунныя шрапнели. Чѣмъ меньше и легче пули шрапнели, тѣмъ сила ихъ будетъ скорѣе поглощаться дѣйствіемъ сопротивленія воздуха; изслѣдованія показали, что для шрапнельной пули вѣсомъ въ 13 гр. требуется скорость попаданія въ 110 м., для пули въ 11 гр. скорость въ 120 метр. съ тѣмъ, чтобы энергія пули въ каждомъ случаѣ равнялась 8 метрокилограммамъ для того, чтобы вывести противника изъ строя. Однако, вполнѣ это условіе почти нигдѣ не выполняется; такъ, Франція довольствуется для своихъ пуль въ 11 гр. скоростью только въ 81 м., чтобы поражать открыто стоящія цѣли, Россія напротивъ придаетъ своимъ пулямъ скорость въ 210 м., исходя изъ того соображенія, чтобы шрапнель на разстояніи 4.000 м. (германская дистанціонная трубка допускаетъ стрѣльбу до 3.600 м.) обладала еще скоростью болѣе 200 метр. Чѣмъ больше пуль помѣщается въ шрапнели и чѣмъ онѣ тяжелѣе, тѣмъ больше пораженій можно отъ нея ожидать. Въ германской полевой шрапнели находится 279 пуль, во французской шрапнели для тяжелой полевой пушки 160, для легкой 10, въ австрійской 155, въ россійской для тяжелыхъ пушекъ 340 пуль; онѣ дѣлаются изъ твердаго свинца (для увеличенія вѣса пуль предполагаютъ въ будущемъ употреблять для нихъ новый металлъ Вольфрамъ), укладываются въ снарядъ и заливаются сѣрою или колофоніумъ. Вѣсы пуль заключаются между 10 (Австрія) и 15 гр. (Франція). Гер-

манскія сплошныя пули вѣсятъ 11,1 гр. Новая германская шрапнель даетъ при разрывѣ 300 осколковъ и пуль, шрапнели другихъ націй отъ 200 до 400. Особый видъ шрапнели составляютъ, такъ называемыя, гильзовыя шрапнели, которыми широко пользуются въ Россіи и которыя приняла Франція для своей 12.см. гаубицы; гильза, т. е. корпусъ шрапнели, при разрывѣ не раздробляется, но остается цѣлымъ и вслѣдствіе отдачи можетъ быть отброшенъ назадъ почти къ стрѣляющей батареѣ. Подобная гильзовая шрапнель дѣйствуетъ какъ бы разорвавшаяся вблизи непріятеля картечь и особенно сильно поражаетъ въ глубину цѣпи. Новая французская шрапнель выбрасываетъ 630 пуль, вѣсомъ каждая въ 12 гр. *).

Гранаты имѣютъ почти ту же наружную форму, какъ и шрапнели, и снабжаются трубками двойнаго дѣйствія, т. е. ударно-дистанціонными. Обыкновенныя (старыя) гранаты имѣютъ трубки только ударныя, дѣлаются изъ чугуна и снаряжаются обыкновеннымъ порохомъ; для того же, чтобы онѣ могли разрываться на возможно большее число осколковъ, ихъ дѣлаютъ или съ двойными стѣнками, или составляютъ внутреннюю стѣнку изъ камеръ (кольцевыя гранаты).

Впрочемъ, этотъ родъ гранатъ мало по малу выводится изъ употребленія и по большей части употребляется лишь для учебныхъ цѣлей.

Бризантныя гранаты дѣлаются изъ чугуна или изъ стали и снаряжаются сильнымъ взрывчатымъ веществомъ; германскія бризантныя гранаты при разрывѣ даютъ болѣе 500 осколковъ неправильной формы и различной величины. Разрывъ снаряда долженъ происходить по возможности непосредственно, или въ разстояніи только 1 – 10 метр. впереди цѣли; бризантный зарядъ служитъ для того, чтобы большую часть осколковъ снаряда направить почти прямо внизъ, вслѣдствіе чего можно сильно поражать живыя цѣли, находящіяся позади закрытія. Разрывъ бризантной гранаты сопровождается настолько сильно потрясающимъ ударомъ, что при частой стрѣльбѣ вліяніе на нервную систему войскъ, находящихся подъ огнемъ, представляется весьма правдоподобнымъ. Если бризантная граната попадаетъ въ прочныя цѣли, то она разрывается внутри нихъ (фугас-

---

*) Kohler. «Die modernen Kriegswaffen». 1897.

ное дѣйствіе). На основаніи сказаннаго, мы можемъ ожидать, что пораженіе артиллерійскими снарядами цѣлей, находящихся за прочными закрытіями, будетъ производиться не пулями шрапнелей, а осколками бризантныхъ снарядовъ.

Въ будущей войнѣ гранаты будутъ производить гораздо меньшее пораженіе, чѣмъ шрапнели, такъ что послѣднія будутъ главнымъ снарядомъ артиллеріи, хотя по французскимъ свѣдѣніямъ оказывается, что при разрызѣ бризантной гранаты всѣ люди, находившіеся вблизи, опрокидываются движеніемъ воздуха и получаютъ тяжелыя внутреннія поврежденія, и что, въ случаѣ разрыва снаряда въ закрытомъ пространствѣ, всѣ находящіеся тамъ люди будутъ убиты, либо отъ дѣйствія механической силы, либо образующимися ядовитыми газами*).

При сравненіи дѣйствій этихъ снарядовъ съ тѣми, которые употреблялись въ 1870 году, оказывается, что въ среднемъ гранаты разрываются на 240 осколковъ, вмѣсто 19—30, какъ было въ 1870 г.**). Шрапнели, бывшія въ употребленіи въ 1870 году, разрывались на 37 частей, а нынѣшнія даютъ до 340; что же касается разрывныхъ гранатъ, то сравненія съ 1870 г. сдѣлать невозможно; однако, нѣкоторое понятіе можетъ намъ дать слѣдующее сопоставленіе: чугунная бомба, вѣсомъ въ 37 килограммовъ, которая, при селитрянномъ порохѣ давала 42 осколка, теперь, наполненная пироксилиномъ, производитъ 1.204 осколка. Съ увеличеніемъ количества пуль и осколковъ и силы ихъ разброса, увеличились также поражаемыя пространства Осколки и пули несутъ смерть и опустошеніе не только, какъ въ 1870 году, на близкихъ къ разрыву разстояніяхъ, но на болѣе 200 метровъ отъ него, и это при стрѣльбѣ съ дистанціи 3.000 метровъ.

При такомъ усовершенствованіи снарядовъ, опустошенія, производимыя ими въ рядахъ войскъ, будутъ громадны. Пользуясь данными прусскаго генерала Роне***), мы уже привели выше примѣрное исчисленіе потерь въ отрядѣ въ 10.000 человѣкъ, атакующемъ въ развернутомъ строѣ какой-либо укрѣпленный пунктъ. Оказывается, что прежде чѣмъ

*) Köhler, «Die modernen Kriegswaffen», 1897 г.
**) Langlois, «L'artillerie de campagne».
***) Rohne, «Das Schiessen der Feldartillerie», 1881.

атакующій отрядъ успѣетъ пройти разстояніе въ 2.000 метровъ по направленію къ шанцамъ обороны, каждый человѣкъ въ немъ можетъ быть пораженъ пулями и осколками снарядовъ, такъ какъ оборона успѣетъ въ это время сдѣлать 1.450 орудійныхъ выстрѣловъ, которые разсѣютъ 275.500 пуль и осколковъ, изъ которыхъ 10.330 попадутъ въ атакующій отрядъ.

Но сила артиллерійскаго огня будетъ направляться не только противъ атакующаго отряда, который, при достаточномъ приближеніи къ шанцамъ обороны, можетъ быть отбитъ и ружейнымъ огнемъ ея, но преимущественно противъ поддержекъ, которые будутъ слѣдовать въ болѣе сомкнутомъ строѣ и среди которыхъ, слѣдовательно, пораженія пулями и осколками снарядовъ будутъ еще болѣе значительны.

При такихъ условіяхъ, возможныя потери въ случаѣ войны между державами двойственнаго и тройственнаго союзовъ представились бы въ слѣдующемъ видѣ *):

Франко-русскіе снаряды (8.824) могутъ остановить движеніе атакующихъ 44.120 ротъ, т.-е. 11 милліоновъ солдатъ, убивъ и ранивъ изъ нихъ 6 милліоновъ человѣкъ, значитъ количество войскъ на 24 проц. большее, чѣмъ какое выставитъ тройственный союзъ. Число же убитыхъ и раненыхъ отъ дѣйствія германо-австрійско-итальянскихъ снарядовъ (7.324) было бы 5,3 милліоновъ, т.-е. равное числу выставленныхъ Франціею и Россіей войскъ.

Дѣлая примѣрное исчисленіе потерь въ будущую войну отъ дѣйствія артиллерійскихъ снарядовъ, мы принимали за основаніе силу современной артиллеріи. Но въ теченіе немногихъ послѣ-лѣтъ произойдетъ полное перевооруженіе артиллеріи и арміи будутъ обладать орудіями двойной силы по сравненію съ тѣми, для которыхъ мы только что приводили разсчеты разрушительной силы. Слѣдовательно, и потери отъ дѣйствія этихъ орудій примѣрно будутъ вдвое больше.

Какъ образчикъ того, на сколько быстро идетъ увеличеніе могущества артиллеріи, мы приводили, по Ланглуа **), сравненіе силы французскихъ орудій образца 1891 г. и числа

*) Ген. Мюллеръ, «Die Wirkung der Feldgeschütze».
**) Langlois. «Artillerie de campagne».

ихъ съ силою и числомъ орудій, бывшихъ въ употребленіи въ 1870 г. Изъ этого сравненія видно, что орудія 1891 г. дѣйствуютъ въ 20 разъ сильнѣе, чѣмъ орудія, бывшія въ употребленіи въ войнѣ 1870 года. Число же этихъ новыхъ орудій при полевыхъ и резервныхъ, первыхъ призывовъ, войскахъ въ настоящее время 4.512, въ войнѣ же 1870 г. ихъ было всего 780 *).

Значитъ, въ будущей войнѣ дѣйствіе французскихъ орудій типа 1891 г. будетъ въ сто шестнадцать разъ (116) убійственнѣе, чѣмъ было въ кампанію 1870 года. Съ окончаніемъ же нынѣ изготовляемыхъ скорострѣльныхъ пушекъ, которыя, по даннымъ спеціалистовъ, будутъ дѣйствовать покрайней мѣрѣ вдвое сильнѣе, новѣйшая французская артиллерія будетъ приблизительно въ 232 раза могущественнѣе той, которая поражала нѣмецкія войска въ войнѣ 1870 г. Понятно, что и потери въ войскахъ отъ дѣйствія этихъ орудій будутъ соотвѣтственно больше.

На увеличеніе потерь будетъ имѣть вліяніе еще то обстоятельство, что процентъ попаданій изъ новыхъ орудій въ 3 раза больше, чѣмъ изъ орудій 1870 г., а именно, онъ составляетъ теперь 0,30, тогда какъ прежде онъ былъ только 0,10.

Далѣе, при новыхъ орудіяхъ полагается почти вдвое большее число снарядовъ, чѣмъ при орудіяхъ прежнихъ. По вычисленіямъ Ланглуа, въ будущей битвѣ, если она будетъ продолжаться только два дня, потребуется не менѣе 267 снарядовъ на орудіе, а если она затянется на 3—4 дня, то потребуется до 500 снарядовъ на орудіе.

При прежнемъ числѣ (136—140) снарядовъ на орудіе, въ арміяхъ тройственнаго и двойственнаго союзовъ, по приведеннымъ нами выше вычисленіямъ ген. Мюллера, могло быть убитыхъ и раненныхъ болѣе 11 милл. чел. Значитъ, при 267 снарядахъ на орудіе потери убитыми и раненными могутъ дойти до 22 милл., а при 500 снарядахъ—до 41 милл. человѣкъ. Слѣдовательно, отъ однихъ артиллерійскихъ снарядовъ истреблялось бы въ 8 разъ большее число войскъ, какое можетъ быть выставлено на поляхъ битвъ. Эти цифры кажутся невѣроятными; тѣмъ не менѣе, онѣ прямо вытекаютъ изъ разсчетовъ Ланглуа.

*) «Relation de la guerre 1870—71» par l'Etat-Major Français.

Взрывы. Современные снаряды наполняются сильно-взрывчатыми веществами; нѣкоторыя изъ этихъ веществъ способны, при извѣстныхъ условіяхъ, самовзрываться, а нѣкоторыя взрываются отъ сотрясенія воздуха, произведеннаго другимъ взрывомъ. Опасность такихъ взрывовъ увеличивается еще недостатками, неправильностями укупорки снарядовъ и порчею механическихъ приспособленій въ трубкахъ, возможною при перевозкѣ орудій и при въѣздѣ ихъ на позиціи. Затѣмъ, взрывы могутъ происходить и отъ непріятельскихъ снарядовъ, которые атакующій будетъ направлять тысячами въ помѣщенія для боевыхъ припасовъ.

Эти обстоятельства сами по себѣ повлекутъ за собою большую потерю въ людяхъ.

Выводы относительно дѣйствія орудій. Въ войнѣ 1870 года потери отъ артиллерійскихъ снарядовъ были въ 9% состава войскъ. Но каковы онѣ будутъ въ будущей войнѣ, невозможно и опредѣлить, исходя изъ этой цифры. Увеличилось число орудій, каждое изъ нихъ въ 20 разъ могущественнѣе прежнихъ, а по введеніи орудій новыхъ типовъ, орудія окажутся въ 40 разъ болѣе могучими, чѣмъ въ 1870 году. И такъ, если не считать увеличенія числа орудій, то потери изъ 9% должны обратиться въ 180%, уже при нынѣшнихъ пушкахъ, которыя въ скоромъ времени будутъ замѣнены новыми, болѣе совершенными. Если же принять въ расчетъ эти новыя орудія, то пришлось бы еще увеличить процентъ потерь, и сравненіе было бы доведено до абсурда, не по неправильности выводовъ, а просто потому, что приготовлены техническія средства, достаточныя для истребленія во много разъ бóльшихъ армій, чѣмъ тѣ, какія могутъ быть выдвинуты въ поле.

III.

Вліяніе новыхъ условій веденія боя на увеличеніе потерь.

Дѣйствіе ружей и орудій было представлено нами доселѣ какъ бы въ предположеніи, что тактика не измѣнилась съ 1870 года. Но на увеличеніе потерь должны будутъ повліять и новые тактическіе пріемы, принятые въ арміяхъ

послѣдняго времени. Разсмотримъ значеніе этихъ пріемовъ по отношенію къ потерямъ.

Охотничьи команды и партизанскія дѣйствія. Вслѣдствіе дальнобойности оружія и малодымности огня, въ будущей войнѣ войскамъ придется окружать себя на значительномъ пространствѣ охотничьими командами, чтобы воспрепятствовать развѣдочнымъ дѣйствіямъ противника, а открытіе и истребленіе такихъ командъ представитъ немалыя трудности. Какъ мы уже упоминали въ иномъ мѣстѣ, для прикрытія германской арміи въ 1870 г. тылъ ея былъ доведенъ до 145.712 чел., при 5.945 лошадяхъ и 80 орудіяхъ А такъ какъ въ дѣйствовавшихъ тогда войскахъ пѣхоты было нѣсколько свыше 455.000 чел., то отсюда видно, что цѣлая шестая часть общаго состава пѣхоты была отвлечена на обезпеченіе сообщеній въ тылу.

И тѣмъ не менѣе, французскимъ вольнымъ стрѣлкамъ не разъ удавалось пресѣкать сообщенія нѣмцевъ и вызывать разныя замѣшательства. Если принять во вниманіе, что франтиреры были исключительно пѣшіе и не имѣли никакого военнаго обученія, то трудно даже и представить себѣ, какой же потребуется составъ тыла, чтобы охранять сообщеніе отъ дѣйствій правильныхъ охотничьихъ командъ и конныхъ разъѣздовъ *).

Въ настоящее время во всѣхъ странахъ стараются сообщить хоть нѣкоторое военное обученіе, по возможности, всѣмъ людямъ, могущимъ подлежать призыву во время войны. Такое положеніе дѣлъ, какъ во Франціи въ 1870 г., когда самъ Парижъ уже находился въ осадѣ, а еще сотни тысячъ людей, подлежавшихъ призыву, продолжали оставаться при своихъ мирныхъ занятіяхъ, впредь уже нигдѣ не повторится. При самомъ началѣ войны болѣе или менѣе все, обязанное службою, населеніе будетъ или призвано въ дѣйствующія войска, или обращено на образованіе войскъ 2-й и 3-й стратегическихъ линій.

Въ странѣ за всѣмъ тѣмъ, конечно, останется еще достаточно взрослыхъ мужчинъ, способныхъ къ такимъ дѣйствіямъ, какъ доставленіе своимъ войскамъ свѣдѣній о непріятелѣ, поджогъ мостовъ или складовъ и т. п. Но вообще, надо признать, что и партизанскія дѣйствія будутъ произ-

*) Hauptmann Schneider, «Der kleine Krieg im Rücken der operirenden Armee». «Minerwa». 1896.

водиться правильными отрядами и систематическимъ образомъ. А результатомъ этого окажется, что и малая война въ будущемъ приметъ существенно болѣе серьезный характеръ.

На маневрахъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи въ германскихъ войскахъ дѣлались опыты посадки пѣхоты на повозки для удвоенія или даже утроенія скорости ея передвиженій. При этомъ примѣнялись два способа: пѣхотная часть или совершала въ теченіе одного дня большой переѣздъ на повозкахъ, напр. верстъ 75, съ привалами для кормленія людей и перепряжки; или же она совершала въ сутки два дневныхъ перехода, изъ которыхъ одинъ пѣшкомъ, а другой на лошадяхъ.

Малою войною начнутся военныя дѣйствія, такъ какъ значительныя массы кавалеріи постоянно держатся вдоль границы, которая ими и будетъ немедленно перейдена, причемъ развѣдочные отряды обѣихъ сторонъ тотчасъ будутъ встрѣчаться. Для такихъ отрядовъ весьма важно имѣть при себѣ часть легкой пѣхоты, посаженной на повозки. Понятно, что движеніе такихъ отрядовъ будетъ отличаться не столько правильностью, сколько быстротою. Но управленіе ими будетъ поручено избраннымъ, опытнымъ офицерамъ, и такіе партизанскіе отряды будутъ несравненно опаснѣе французскихъ вольныхъ стрѣлковъ 1870 года.

Въ настоящее время каждый засѣвшій стрѣлокъ, если разстояніе не превышаетъ 800 шаговъ *), можетъ выбивать людей на выборъ, а такъ какъ дымъ не выдаетъ его мѣстонахожденія, то онъ и можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ.

Укрѣпленія, окопы и загражденія. Потери при атакахъ на укрѣпленныя позиціи постоянно будутъ возрастать, по мѣрѣ развитія усовершенствованій въ оружіи. Атакующимъ придется подвигаться въ разсыпномъ строѣ, прикрываясь неровностями почвы и легкими насыпями, для возведенія которыхъ служитъ находящійся при каждой части шанцевый инструментъ.

Въ войну 1877 г. русскіе солдаты не были еще достаточно снабжены и пріучены для производства такихъ работъ. Но, тѣмъ не менѣе, окопы выказали всю свою пользу. Такъ, на Шипкѣ турки не могли сбить русскихъ, несмотря на то, что рѣшались на огромныя жертвы. А между тѣмъ,

*) В. Чебышевъ, «Наглядное объясненіе свойствъ современнаго ружейнаго огня».

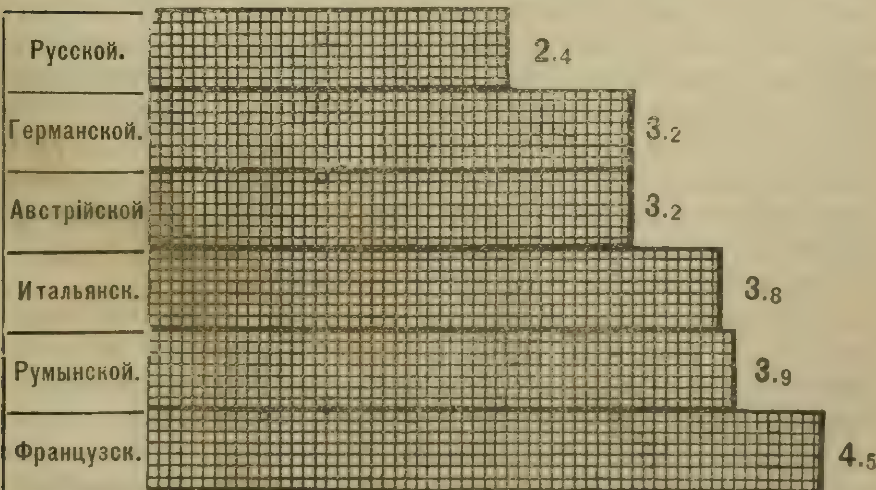
отборныя русскія войска, при четверномъ перевѣсѣ въ числѣ и отчаянной храбрости, долго не могли ворваться въ редутъ Горнаго Дубняка, хотя подошли къ нему мѣстами на 100 шаговъ. Въ большинствѣ неудачныхъ атакъ подъ Плевною войскамъ удавалось доходить, хотя и съ большими потерями, до дистанціи движенія въ штыки; примѣры перехода этой черты считаются единичными случаями *).

Командиры, полагаясь на ту увѣренность, какую внушаетъ солдату малодымность и дальнобойность его оружія, будутъ упорно держаться на обороняемой мѣстности, избирая естественныя закрытія и дополняя ихъ искусственными при помощи шанцеваго инструмента. Что къ окопамъ въ полѣ будутъ прибѣгать весьма часто, это доказывается самымъ фактомъ, что лопаты, топоры и кирки входятъ въ вооруженіе нѣкоторато числа людей въ рядахъ пѣхоты. Да можно, наконецъ, указать еще на такое свидѣтельство, какъ инструкція, объявленная гвардейскому корпусу въ 1892 г. и рекомендующая обороняющемуся всегда окапываться, если не было приказанія воспрещающаго это **).

Для производства же полевыхъ работъ болѣе сложныхъ имѣются особыя инженерныя войска въ числѣ отъ 2,4 до 4,5% общаго состава.

По важности предмета, представимъ эти отношенія графически:

Число саперовъ на 100 пѣхотинцевъ въ арміяхъ.

*) Скугаревскій. «Атака пѣхоты».
**) «Русскій Инвалидъ», 1892 г. № 107.

Но извѣстный военный писатель, бельгійскій генералъ Бріальмонъ, даже и это послѣднее отношеніе считаетъ недостаточнымъ. Онъ совѣтуетъ имѣть 6 саперовъ на 100 пѣхотинцевъ, т.-е. 1 сапера на 16 пѣхотинцевъ. Генералъ Киллихенъ идетъ еще дальше, а именно предлагаетъ имѣть больше, чѣмъ 7 саперовъ на 100 пѣхотинцевъ, т.-е. 1 сапера на 13 пѣхотинцевъ.

Въ прежнее время всякая неровность мѣстности считалась лишь препятствіемъ для военныхъ дѣйствій, между тѣмъ, въ настоящее время, наоборотъ, умѣнье воспользоваться этими неровностями является могущественнѣйшимъ союзникомъ успѣха.

Мнѣніе это настолько упрочилось, что всѣ государства въ послѣднія 25 лѣтъ стали изслѣдовать и измѣрять всѣ поля и равнины, могущія сдѣлаться поприщемъ будущихъ битвъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Если Плевна могла вырости вдругъ на неизслѣдованной заранѣе и неподготовленной мѣстности, то что же будетъ въ будущей войнѣ, когда въ пограничныхъ областяхъ все приготовлено для обороны?

По мнѣнію компетентнѣйшихъ военныхъ писателей, будущая война представится преимущественно въ видѣ ряда боевъ изъ за обладанія укрѣпленными позиціями. Кромѣ полевыхъ верковъ и окоповъ разнаго рода, атакующему придется имѣть дѣло съ вспомогательными препятствіями, которыя онъ встрѣтитъ уже вблизи укрѣпленій, то есть тамъ именно, гдѣ онъ подвергнется наибольшей опасности отъ непріятельскаго огня. Таковы загражденія изъ сваленныхъ бревенъ, проволочныя сѣтки, волчьи ямы и т. п. Разрушеніе ихъ потребуетъ огромныхъ жертвъ. Дѣйствіе артиллеріи на эти сѣтки почти неощутительно, фугасные сняряды на нихъ совсѣмъ не дѣйствуютъ. Единственное средство для разрушенія такой проволочной сѣти—разборка ея рабочими, знакомыми съ ея устройствомъ, но на это потребуется продолжительное время.

А между тѣмъ, передовыя части наступающаго будутъ находиться подъ сильнѣйшимъ огнемъ обороны, да легко могутъ подвергнуться и огню своихъ же войскъ, поддерживающему атаку, что, конечно, еще увеличитъ число потерь.

Стрѣльба поверхъ своихъ войскъ. Ружейная стрѣльба поверхъ головъ своихъ же передовыхъ частей будетъ впредь практико-

ваться чаще, чѣмъ доселѣ, и можетъ имѣть послѣдствіемъ большія потери. „Присмотритесь,—пишетъ генералъ Скугаревскій *), —къ стрѣльбѣ боевыми патронами въ мирное время. Мишени стоятъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ, а нѣкоторыя пули бороздятъ землю въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ стрѣлка. И это — въ мирное время. Что же бываетъ въ бою?"

Еще болѣе опасна стрѣльба поверхъ головъ своихъ передовыхъ отрядовъ артиллерійскими снарядами, такъ какъ отсутствіе хладнокровія или навыка у наводчика, неудобныя очертанія мѣстности, отдаленность противника и другія неблагопріятныя условія могутъ быть причиною неправильнаго направленія выстрѣловъ, вслѣдствіе чего можетъ пострадать своя собственная пѣхота.

Недостатокъ и убыль офицеровъ. Отъ болѣе или менѣе умѣлаго руководства офицеровъ будутъ зависѣть большія или меньшія потери; между тѣмъ, уже и въ настоящее мирное время чувствуется недостатокъ въ вполнѣ подготовленныхъ офицерахъ.

Профессоръ Кумесъ (Coumés) выражается даже такъ: «для командованія пѣхотой на полѣ сраженія потребуется столько умѣнья, что ни въ одной арміи не найдутся на 500 офицеровъ — 100 такихъ, которые съумѣли бы повести роту въ огонь». А не надо забывать, что значительное большинство оберъ-офицеровъ въ настоящемъ составѣ армій не бывали въ сраженіи. Сверхъ того, при теперешнемъ устройствѣ дѣйствующая армія, въ настоящемъ значеніи этого слова, никогда не можетъ доставить необходимаго числа офицеровъ, ибо формированіе новыхъ частей влечетъ за собой образованіе новыхъ штабовъ, что до того исчерпываетъ запасъ линейныхъ офицеровъ, что во фронтѣ останется въ батальонѣ не болѣе 8 человѣкъ изъ 30.

Такимъ образомъ, на одного постояннаго кадроваго офицера придется 3 офицера изъ запаса, которые должны будутъ уступать первымъ въ умѣньи дѣйствовать цѣлесообразно, примѣняться къ условіямъ, оріентироваться. Неудачный же выборъ тактическаго пріема тотчасъ же отразится на высотѣ потерь.

Недостатокъ въ вполнѣ подготовленныхъ офицерахъ окажется тѣмъ несомнѣннѣе, что убыль ихъ будетъ очень значительна въ самомъ началѣ кампаніи. Опытъ послѣднихъ

*) „Атака пѣхоты", стр. 103.

войнѣ, хотя не было еще бездымнаго пороха и еще не выступало на первый планъ правило, которое имѣется въ настоящее время — прежде всего выводить изъ строя офицеровъ — показываетъ, до какой степени возможно быстрое уменьшеніе численности офицеровъ на полѣ битвы.

Въ концѣ франко-прусской войны во главѣ батальоновъ стояли резервные офицеры младшихъ чиновъ и даже фельдфебели. Съ декабря 1870 г. въ цѣлой баварской дивизіи остался всего одинъ лишь капитанъ *).

Указаніемъ на будущее можетъ служить чилійская война, хотя только часть войскъ одной воюющей стороны была вооружена малокалиберными ружьями.

Убыль была въ двухъ только сраженіяхъ, а именно **):

убито офицеровъ	23%
ранено „	75%
рядовыхъ же убито	13%
„ ранено	60%

Высокій процентъ убыли офицеровъ показываетъ, какъ дорого обходится руководство массами въ бою. А если не достанетъ офицеровъ, чтобы давать примѣръ, то люди не пойдутъ въ атаку.

Князь Гогенлое въ своихъ «Письмахъ объ артиллеріи», разсказываетъ слѣдующій случай: «Подъ Парижемъ, при выбитіи непріятеля изъ одной деревни, кладбище ея было занято полуротой одного изъ лучшихъ нашихъ полковъ. Неожиданно непріятель, при новой вылазкѣ, овладѣлъ опять тѣмъ кладбищемъ, которое пришлось добывать снова. Я потомъ разспрашивалъ людей той полуроты, какъ они могли уступить кладбище непріятелю? Солдаты отвѣчали съ наивностью; «да вѣдь у насъ были перебиты всѣ офицеры, некому было намъ приказать, что дѣлать, мы себѣ и ушли“.

Въ германской арміи въ войнѣ 1870 года потери офицеровъ были весьма значительны, какъ это видно изъ слѣдующаго графическаго изображенія ***).

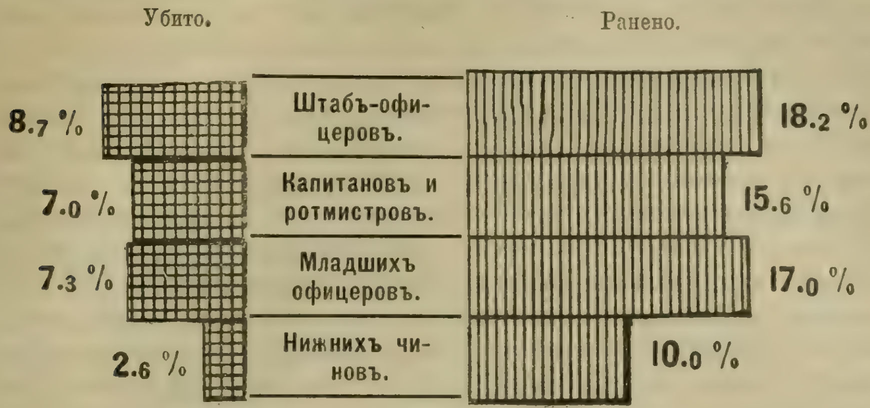
*) «Cathéchisme de l'instruction technique de campagne».

**) «Die Entscheidungskampfe in Chilenischen Kriege 1891».

***) Выбыло убитыми:

Штабъ-офицеровъ	8,67%
Капитановъ и ротмистровъ	7,03 »
Младшихъ офицеровъ	7,3 »
Нижнихъ чиновъ	2,6 »

Потери въ германской арміи во время войны 1870 года, въ %.

То есть офицеры понесли втрое большія потери убитыми и вдвое большія ранеными, чѣмъ нижніе чины *).

Все это приводитъ насъ къ тому, что, вслѣдствіе усовершенствованія средствъ истребленія, каждая встрѣча съ непріятелемъ представится въ болѣе грозномъ видѣ, чѣмъ было доселѣ и каждая ошибка, каждое промедленіе будутъ вызывать болѣе серьезныя послѣдствія.

Недостатки инструкцій и регламентовъ для веденія боя.

Условія боя чрезвычайно усложнились, а между тѣмъ на каждыхъ сто солдатъ, находящихся въ рядахъ войскъ, предполагается ввести изъ резервовъ:

въ Италіи	260	человѣкъ.
„ Австріи	350	„
„ Германіи	566	„
„ Франціи	573	„
„ Россіи	361	„

Большинство изъ резервистовъ позабыло выученное во время службы. Изъ офицеровъ также только небольшая часть будетъ стоять на высотѣ задачи.

Выбыло ранеными:

Штабъ-офицеровъ	18,22 %
Капитановъ и ротмистровъ	15,6 »
Младшихъ офицеровъ	17 »
Нижнихъ чиновъ	9,98 »

*) Капитанъ Мартыновъ.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ мирное время должны быть выработаны полевые уставы и инструкціи, которые бы давали точныя указанія для тактическихъ пріемовъ во всѣхъ случаяхъ. Но какъ нами уже было упомянуто въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ отношеніи въ разныхъ арміяхъ замѣчаются недостатки различнаго рода. Въ однѣхъ теоретическія указанія слишкомъ расходятся съ практическими потребностями и страдаютъ односторонностью *), въ другихъ—правила слѣдуютъ за правилами, безпрестанно прибавляются дополнительныя и объяснительныя статьи, замѣтки и поправки. Отсюда является чувство неувѣренности. Предписанія смѣняются столь часто, что на нихъ уже невозможно смотрѣть, какъ на нѣчто окончательное—даже и въ самый моментъ появленія каждаго изъ нихъ. Все это приводитъ умы въ замѣшательство... Въ французской арміи существуетъ даже поговорка: „ordre, contre-ordre, désordre» **). И это весьма естественно, такъ какъ не существуетъ еще опытовъ боя при бездымномъ порохѣ.

Нѣкоторые авторы высказываютъ такое мнѣніе, что для веденія боя въ будущемъ не слѣдуетъ установлять общихъ обязательныхъ предписаній и правилъ, такъ какъ буквальное слѣдованіе имъ могло-бы иногда имѣть самыя бѣдственныя послѣдствія.

Въ прежнее время, когда стрѣльба производилась несравненно медленнѣе, а снаряды обладали гораздо меньшей силой и били на сравнительно короткія разстоянія, такъ что уйти изъ подъ огня можно было скоро, потери отъ какого либо неправильнаго тактическаго пріема не могли быть столь велики, какъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Теперь условія таковы, что ошибка можетъ повлечь за собой полное истребленіе части въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ минутъ. Опасность сильно возрасла, а въ тоже время данныя для правильной оріентировки уменьшились. Дымъ не будетъ уже указывать мѣстъ расположенія частей противника, развѣдка при дальнобойности ружья дѣлается затруднительною, а между тѣмъ, необходимо имѣть въ виду, что атакующій долженъ имѣть цѣлью — подойти къ обороняющемуся на такое близкое разстояніе, на которомъ баллистическія силы

*) Скугаревскій. «Атака пѣхоты».

**) Абель Вянглеръ. «Revue encyclopédique». 15 Juillet 1895.

снарядовъ уже не могутъ получать развитія, такъ что съ этой дистанціи рѣшающимъ элементомъ, подобно какъ въ древнихъ бояхъ, долженъ явиться штыкъ.

Но при тѣхъ потеряхъ, какія вообще несетъ атака, какъ мы уже объяснили, каковы же должны быть жертвы съ ея стороны, чтобы достигнуть такого приближенія? Понятно, что движеніе впередъ должно будетъ совершаться съ соблюденіемъ всѣхъ пріемовъ осторожности, при сильно развернутомъ фронтѣ и на значительныхъ пространствахъ, занимаемыхъ атакующимъ отрядомъ.

Продолжительность битвъ. Приближеніе къ противнику, который сидитъ за сильнымъ прикрытіемъ и ведетъ огонь по пристрѣлянным заранѣе дистанціямъ, представляется весьма затруднительнымъ и можетъ требовать даже двухдневной работы. Въ первый день атакующій подойдетъ къ предѣльной чертѣ огня непріятельской артиллеріи и, при наступленіи темноты, вышлетъ къ чертѣ дѣйствительнаго ружейнаго огня небольшія части, напримѣръ роты, выбирая ихъ для этого изъ предназначенныхъ для штурма войскъ, непремѣнно въ порядкѣ ихъ расположенія въ глубину. Высылаемыя впередъ части направляются къ избраннымъ для того пунктамъ мѣстности и тотчасъ на нихъ окапываются. И такъ, бой могъ бы начаться лишь на слѣдующій день. Но такихъ пунктовъ можетъ оказаться немалое число.

Не мудрено поэтому, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ авторовъ, сраженія будутъ продолжаться по 3, 4 и даже 15 дней *). Другіе же авторы-спеціалисты находятъ вовсе не невѣроятнымъ, что мы возвратимся къ эпохѣ осадъ. Бѣлградъ, Мантуа, Плевна могутъ повториться. Весьма возможно, что атакующій, не имѣя возможности одержать рѣшительную побѣду, будетъ стремиться запереть непріятеля въ томъ мѣстѣ, гдѣ его найдетъ, самъ возведя шанцы, послѣ чего начнетъ дѣлать вылазки для воспрепятствованія снабженіямъ, до времени, пока осажденные не будутъ заморены голодомъ **).

Какъ то было нами объяснено, въ будущихъ битвахъ представится менѣе вѣроятнымъ быстрое и окончательное рѣшеніе. Мы приводили отзывы извѣстнаго нѣмецкаго автора, полков-

---

*) Capitaine Nigotte. «La bataille de Vesles».
**) Hönig. «Die Taktik der Zukunft».

ника Либерта, что даже плохо обученныхъ французскихъ мобилей въ 1870 г. лишь рѣдко удавалось разбить сразу, а обыкновенно приходилось на другой день выбивать ихъ изъ новой занятой ими позиціи *).

Новѣйшія же усовершенствованія въ вооруженіи пѣхоты и артиллеріи, а также пріученіе войскъ къ пользованію всѣми защитами мѣстности значительно увеличили силу сопротивленія войсковыхъ частей. Нынѣшнее ружье имѣетъ страшную силу, а дѣйствовать имъ просто и удобно. Обороняющагося пѣхотинца, засѣвшаго въ надежное закрытіе и не теряющаго голову, крайне трудно прогнать съ мѣста. Да и не удержавшись въ немъ, онъ тотчасъ найдетъ какую нибудь выпуклость почвы, яму, группу деревьевъ и заляжетъ за новымъ прикрытіемъ. Опасныя зоны огня нынѣ сдѣлались гораздо шире, чѣмъ были прежде и бой идетъ упорнѣе, продолжительнѣе.

О томъ же, чтобы вдругъ смести непріятеля, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, какъ было при Россбахѣ, теперь нечего и думать. Его можно только постепенно оттѣснять назадъ, а за это время, онъ сохраняетъ возможность стянуть къ мѣсту свои ближайшія колонны и поддержать угрожаемыя части. Возросшая сила сопротивленія каждой боевой единицы дозволяетъ нынѣ одной дивизіи смѣло принять бой съ непріятельскимъ корпусомъ, если только она увѣрена, что въ скоромъ времени къ ней поспѣетъ другая дивизія. Даже если бы первая изъ нихъ уже изнемогала въ бою, то, чтобы окончательно сломить ее, потребуется такое время, что она можетъ продержаться до прибытія сильныхъ подкрѣпленій и затѣмъ ходъ битвы можетъ еще совсѣмъ измѣниться.

Въ примѣръ можно привести случай, наблюдавшійся на маневрахъ войскъ въ Восточной Пруссіи, въ присутствіи Императора, въ 1894 году. Двѣ дивизіи I корпуса находились на разстояніи дневнаго перехода одна отъ другой, а между тѣмъ первая изъ нихъ успѣла продержаться противъ наступленія всего 17-го корпуса до тѣхъ поръ, пока подошла вторая дивизія, послѣ чего обороняющимся дивизіямъ удалось даже одержать нѣкоторое преимущество надъ противникомъ **).

---

*) Liebert, «Die Verwendung der Reserven in der Schlacht», «Militär Wochenblatt» 1895.

**) Von der Goltz, «Kriegführung».

Кромѣ того, самое разсѣяніе войсковыхъ массъ на значительномъ пространствѣ обусловливаетъ то, что успѣхъ атаки въ одномъ пунктѣ, вслѣдствіе сосредоточенія тамъ превосходныхъ силъ, можетъ иногда остаться частичнымъ, не вызвавъ за собой общаго натиска съ пораженіемъ главныхъ силъ обороны. Точно такъ — въ смыслѣ стратегическомъ — и полная побѣда въ одной мѣстности не всегда можетъ быть обращена дальнѣйшимъ сосредоточеніемъ силъ въ дѣло, вліяющее на ходъ всей войны.

Нерѣшительность побѣды и отпоръ при отступленіи. Въ прежнія времена одна изъ боровшихся сторонъ скоро сознавала, что перевѣсъ — на другой сторонѣ, и отказывалась отъ продолженія боя. Результатомъ и символомъ побѣды являлось овладѣніе полемъ битвы. Но нынѣ большинство военныхъ писателей считаютъ достиженіе такого результата довольно сомнительнымъ, такъ какъ нельзя имѣть увѣренности, чтобы побѣждающая сторона рѣшилась, въ соотвѣтственный моментъ, на энергическій, общій натискъ на противника. А безъ этого нельзя ни оставить за собой поля сраженія, ни преслѣдовать непріятельскія силы.

Изъ приведенныхъ нами въ другой части труда мнѣній военныхъ писателей истекалъ такой выводъ, что при возросшей чрезвычайно дальнобойности ружей и силѣ огня и при трудностяхъ, съ какими будетъ сопряженъ натискъ, рѣшительная побѣда одной стороны надъ другою, предполагая численное равенство, пожалуй, окажется возможной лишь въ случаѣ, если у одного изъ противниковъ не хватитъ патроновъ. Но при полагающемся нынѣ числѣ ихъ на людяхъ и въ запасахъ въ обозѣ, раньше, чѣмъ будутъ разстрѣляны всѣ патроны, потери въ людяхъ будутъ таковы, что продолженіе боя окажется невозможнымъ.

Развѣ ночь будетъ прерывать бой, да и то высказывается мнѣніе, что, благодаря примѣненію электрическаго свѣта, нерѣдко борьба будетъ продолжаться или возобновляться и ночью.

Во всѣхъ арміяхъ людямъ стараются внушать убѣжденіе, что достаточно повести атаку съ твердой рѣшимостью, для того, чтобы противникъ ея не выдержалъ и началъ отступать. Такъ, въ французскомъ полевомъ уставѣ прямо сказано, что „неустрашимая и энергически руководимая пѣхота можетъ наступать подъ самымъ сильнымъ огнемъ, даже про-

тивъ хорошо защищаемыхъ траншей и овладѣть ими". Но выше приведено уже достаточно компетентныхъ отзывовъ о трудной исполнимости такого предпріятія.

Наконецъ, положимъ, непріятель и началъ отступленіе. Но вѣдь отступленіе впредь представится въ существенно иномъ видѣ, чѣмъ оно являлось въ давнія времена. Съ того момента, какъ побѣждающій сомкнетъ свои ряды для натиска и овладѣнія полемъ сраженія, со стороны обороны начнутся дѣйствія, которыя можно назвать партизанскими. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшнее малодымное ружье есть именно партизанское оружіе, такъ какъ, благодаря ему, и малочисленная часть войскъ, залегшая то въ томъ, то въ другомъ закрытіи, можетъ производить весьма ощутительное дѣйствіе даже на большомъ разстояніи. Передъ атакующимъ будетъ медленно подаваться назадъ, извиваясь, тонкая, гибкая передовая линія обороны. Она будетъ утомлять противника своимъ огнемъ, принуждая его развернуться, а затѣмъ, уклоняясь, будетъ возобновлять тотъ же маневръ въ другихъ пунктахъ, нѣсколько далѣе.

Въ то время, какъ передовая линія обороны, ставъ арьергардомъ, будетъ такимъ образомъ замедлять и затруднять наступленіе, главныя силы защищающагося получатъ возможность сформироваться вновь и затѣмъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. При этомъ наступающій, бывшій уже увѣреннымъ въ побѣдѣ, убѣдившись, что онъ не имѣетъ возможности атаковать арьергардную линію противника, которая въ разныхъ пунктахъ то исчезаетъ, то снова появляется, и на флангахъ, и впереди, лишится своей увѣренности, а сторона, начавшая отступленіе, ободрится и почувствуетъ довѣріе къ своимъ вождямъ.

Ясно, что при прежнемъ порохѣ, дымъ котораго точно обрисовывалъ боевой фронтъ противника и даже приблизительно выдавалъ численность втянутыхъ въ бой войскъ, подобное маневрированіе было немыслимо, такъ какъ представлялось слишкомъ опаснымъ *). И напрасно было бы думать, что для веденія описанныхъ операцій необходимы особо отборныя войска. Для нихъ достаточно просто обученныхъ солдатъ. Каждый изъ нихъ, конечно, будетъ сознавать, что двѣ—три бригады, разсыпанныя въ цѣпи, не въ состояніи

*) «Rückzugsgerecht und rauchschwaches Pulver». «Militärzeitung» 1894 № 9.

совсѣмъ остановить наступленіе цѣлой арміи. Но видя, что наступленіе можно затруднить до такой степени, что оно будетъ подвигаться впередъ всего на 5 и до 7 километровъ въ день, обороняющіеся воодушевятся надеждою на благопріятный для нихъ оборотъ.

Отсюда видно, до какой степени бездымность пороха усилила дѣйствія обороны. Правда, и въ прежнія времена случались примѣры упорныхъ арьергардныхъ дѣлъ, облегчавшихъ отступленіе въ порядкѣ. Но и въ этихъ случаяхъ побѣда все-таки обрисовывалась слишкомъ ясно и безповоротно, а это электризовало наступавшихъ. Побѣжденный старался какъ можно скорѣе уйти изъ-подъ огня, а за нимъ неслось по всей наступающей линіи «ура» и придавало натиску стремительность. Теперь же, когда при дальнобойности и скорострѣльности оружія, первыя версты отступленія представляются болѣе опасными, чѣмъ выдержка еще нѣсколько времени на мѣстѣ, а цѣпь стрѣлковъ, прикрывающая отступленіе, можетъ сильно замедлить ходъ натиска, отступающій не ударится въ бѣгство и для атакующаго не будетъ того быстраго перелома, когда онъ съ запальчивостью бросался впередъ и каждую попытку задержки со стороны противника опрокидывалъ штыкомъ.

Надо имѣть въ виду еще и то обстоятельство, облегчающее оборону при отступленіи, что каждая сторона, еще подаваясь впередъ, заранѣе обезпечитъ себѣ, на всякій случай, отступленіе соотвѣтственными оборонительными работами. Такимъ образомъ, отступающій съ первой позиціи тотчасъ перейдетъ на новую, приготовленную въ тылу его, и тамъ постарается дать отпоръ утомленнымъ силамъ атаки, которыя уже передъ тѣмъ подверглись гораздо бóльшимъ потерямъ, чѣмъ оборонявшіяся.

Извѣстный талантливый авторъ, капитанъ Ниготтъ, говоритъ: „Классическій ходъ битвы, который намъ такъ граціозно представляется на большихъ маневрахъ, положительно отжилъ свой вѣкъ. Сошлемся на изрѣченіе извѣстнаго тактика, бывшаго профессора военной школы: „Битва въ прежнемъ значеніи можетъ происходить только въ открытой мѣстности; чтó за битва, когда противника не видно? Иначе говоря, когда противникъ сидитъ за укрѣпленіями, преимущество его столь велико, что напрасно начинать съ нимъ бой; но пусть онъ выйдетъ въ открытое поле, такъ чтобы

онъ былъ видѣнъ, тогда шансы сравняются и стóитъ съ нимъ помѣряться".

Тотъ же авторъ продолжаетъ: „Большинство нашихъ тактиковъ, въ своемъ пристрастіи къ старымъ традиціямъ, уподобляются людямъ, которые бросаются въ огонь, чтобы залить и спасти развалившійся дѣдовскій домъ, вмѣсто того, чтобы разобрать его послѣ пожара и построить домъ новый. Но тщетно они силятся спасти старый, наполеоновскій принципъ, по коему численное превосходство въ рѣшающемъ пунктѣ всегда одерживаетъ побѣду. Развѣ можно сомнѣваться, что въ настоящее время бригада, расположенная въ укрѣпленіяхъ, имѣя ружья Лебеля и нѣсколько батарей, могла бы отбить всю ваграмскую и аустерлицкую армію, а храбрый ротный командиръ, засѣвъ въ горахъ, могъ бы не пустить Аннибала съ его дружинами въ долину Роны и спасти римскую республику?"

Если въ словахъ этихъ и есть немного даже преувеличенія, то все-таки въ нихъ выражается та истина, что современное оружіе дастъ возможность съ успѣхомъ обороняться противъ болѣе многочисленнаго противника и нанести ему большія потери.

Ночные бои. Сила обороны, вслѣдствіе усовершенствованія оружія возросла до такой степени, что наступающій долженъ прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, которыя могутъ хоть сколько-нибудь уравновѣсить его шансы, а именно— къ траншеямъ, къ прикрытіямъ всякаго рода и, наконецъ, къ мраку ночи. Но ночныя битвы сопряжены съ весьма значительными опасностями для атакующаго. Какъ уже было упомянуто въ отдѣлѣ «На полѣ битвы», въ ночномъ бою сражающіеся перестаютъ узнавать другъ друга и въ нервной поспѣшности стрѣляютъ по своимъ.

Нервность. Прудонъ сказалъ, что «солдатъ, идущій въ бой за отечество, долженъ возвыситься надъ самимъ собой не только энергіей и храбростью, но и добродѣтелью» *), а маршалъ Сенъ-Сиръ утверждалъ, что «храброе войско состоитъ на одну треть изъ людей дѣйствительно храбрыхъ, на другую треть—изъ могущихъ быть храбрыми при особыхъ обстоятельствахъ, причемъ остальная треть состоитъ изъ трусовъ».

*) Цитата взята изъ соч. генерала Юнга, «La guerre et la société».

Но слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что съ успѣхами культуры и благосостоянія значительно возрасла нервность, и сверхъ того въ современныхъ, особенно въ западноевропейскихъ, арміяхъ будетъ не малое число людей непривыкшихъ къ тяжелому физическому труду и къ усиленнымъ переходамъ. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести большинство фабричныхъ.

Нервность явится особенно и потому еще, что ночныя нападенія усиленно рекомендуются многими военными авторами и несомнѣнно будутъ имѣть мѣсто чаще, чѣмъ въ прежнихъ войнахъ, а уже одно ожиданіе возможности боя ночью будетъ вызывать частые переполохи, которые могутъ привести людей въ состояніе нервнаго возбужденія.

Вопросъ о вліяніи нервности на потери во время войны обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ врачей и ими высказывается предположеніе, что значительное число людей впадутъ въ умопомѣшательство. Знаменитый прусскій военный министръ, фонъ Роонъ, писалъ изъ Никельсбурга, въ 1866 г., слѣдующія строки: «усиленные труды, количество и многообразіе впечатлѣній такъ раздражили мои нервы, что у меня въ мозгу точно огоньки вспыхиваютъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ» *).

Трудность продовольствованія. Успѣхи военной техники, возвысившіе силу обороны, заставляютъ предполагать, что войны въ будущемъ сдѣлаются продолжительнѣе, чѣмъ онѣ бывали въ прежнее время. Противъ этого говоритъ только одно обстоятельство: трудность продовольствованія огромныхъ армій и вѣроятность голода въ странахъ, имѣющихъ нужду въ привозѣ хлѣбныхъ продуктовъ.

Кромѣ Россіи и Австро-Венгріи, ни одна страна въ Европѣ не въ состояніи прокормить населеніе своимъ собственнымъ хлѣбомъ. А еще Монтекукулли сказалъ, что «голодъ страшнѣе желѣза и недостатокъ въ продовольствіи уничтожилъ болѣе армій, чѣмъ битвы». Фридрихъ II говорилъ, что на войнѣ самые великолѣпные планы могутъ разбиться объ отсутствіе провіанта. А вѣдь армія Фридриха II представляется горстью войскъ въ сравненіи съ арміями нашего времени. Трудность снабжать войска своевременно

*) D-r J. L. A. Koch. «Die Bedeutung der psychopatischen Minderwertigkeiten für den Militärdinst».

правильнымъ подвозомъ, при быстрыхъ ихъ передвиженіяхъ, и вздорожаніе припасовъ заставятъ арміи обратиться къ реквизиціи. И въ этомъ отношеніи о будущей войнѣ нельзя заключать по примѣрамъ войнъ прежнихъ. Продовольственные запасы внутри страны быстро истощатся и при продолжительныхъ войнахъ самыя сельскія работы могутъ пріостановиться или значительно сократиться, такъ какъ подъ знамена станетъ цвѣтъ населенія нѣсколькихъ народовъ.

Правда, и древняя исторія представляетъ намъ примѣры выступленія на войны цѣлыхъ народныхъ сонмищъ. Но тѣ войны все-таки рѣшались нѣсколькими ударами, такъ какъ не существовало ни быстрыхъ сообщеній для подкрѣпленія такихъ полчищъ новыми силами, ни систематическихъ оборонительныхъ линій. Затѣмъ, новая исторія уже дала вполнѣ примѣры войнъ долговременныхъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что 30-ти и 7-ми лѣтнія войны не были непрерывными; войска вступали на зимнія квартиры, получали продовольствіе изъ магазиновъ, а весной открывались военныя дѣйствія, которыя снова приводили только къ нѣсколькимъ частнымъ успѣхамъ, къ выигрышу одного сраженія, взятію крѣпости, а затѣмъ прерывались опять. Такимъ образомъ, долговременныя войны новой исторіи могутъ быть разсматриваемы скорѣе, какъ цѣлые ряды кампаній или единичныхъ войнъ*).

Въ новѣйшее время, на ряду съ продолжительными войнами севастопольской и сѣверо-американской, были кратковременныя — итальянская 1859 г. и прусско-австрійская 1866 г. На основаніи этого послѣдняго примѣра, нѣмецкій военный писатель Рюстовъ уже поспѣшилъ выступить съ теоріею о «краткости войны», будто бы обусловленной болѣе совершенными сообщеніями и вооруженіями. Такихъ теоретиковъ даже удивилъ фактъ, что франко-прусская война 1870 — 1871 гг. потребовала все-таки полныхъ семи мѣсяцевъ, хотя и ее, конечно, можно признать кратковременною, по значительности выставленныхъ силъ и огромности добытыхъ результатовъ.

Но впредь, въ силу заключенныхъ союзовъ, въ борьбу выступятъ совмѣстно нѣсколько великихъ народовъ, причемъ каждое государство въ теченіе ряда лѣтъ употребляло огром-

*) A. Dittrich, «Betrachtungen über die Dauer zukünftiger Kriege und deren Mittel».

ныя средства на укрѣпленіе своихъ границъ. Такъ, во Франціи за послѣднія 10 лѣтъ издержанъ милліардъ франковъ на укрѣпленія и самый характеръ послѣднихъ совсѣмъ измѣнился. Вмѣсто прежнихъ, издали видныхъ, крѣпостей или изолированныхъ фортовъ и т. п., которые легко было обойти или взять, при нынѣшнихъ осадныхъ средствахъ, явились едва примѣтные издали укрѣпленные лагери, полигоны, съ казематированными помѣщеніями, могущія вмѣщать цѣлыя арміи. Части этихъ армій будутъ имѣть возможность выступать далеко за черту той мѣстности, которую нападающій намѣренъ осадить, могутъ сами атаковать его и дѣйствіями своими измѣнить предусмотрѣнный имъ ходъ дѣла.

Итакъ, на какихъ бы планахъ веденія войны ни основывались, но каждая сторона, которая перенесетъ войну на территорію противника, найдетъ тамъ приготовленными страшныя средства для встрѣчи наступающей арміи. Государствами израсходованы несчетные милліоны на то, чтобы, несмотря на разницу въ быстротѣ мобилизаціи, не быть застигнутыми слишкомъ большимъ превосходствомъ силъ противника, предпринявшаго наступленіе. Сдѣланныя приготовленія имѣютъ цѣлью задержать непріятеля, если не у самой границы, то въ близкихъ къ границѣ мѣстностяхъ.

При настоящемъ устройствѣ военнаго хозяйства, главная забота о продовольствованіи армій будетъ лежать на высшихъ командирахъ, которые во время мира стоятъ вдалекѣ отъ этого дѣла и связанныхъ съ ними условій. А между тѣмъ, чѣмъ многочисленнѣе арміи и чѣмъ медленнѣе ихъ движенія, тѣмъ труднѣе будетъ снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ.

Но въ настоящее время, при громадности армій и вѣроятныхъ продолжительныхъ ихъ стоянкахъ въ мѣстностяхъ укрѣпленныхъ, какъ то передъ укрѣпленными проходами на границахъ и передъ другими оборонительными линіями противника, дѣло продовольствованія приметъ огромные размѣры и представитъ небывалыя доселѣ трудности.

Управлять войсками и кормить ихъ въ прежнее время сравнительно было легко. Арміи были сравнительно незначительны и переходили быстро съ мѣста на мѣсто. Въ настоящее-же время положеніе, какъ мы только что показали, совершенно иное и большее или меньшее замедленіе въ продовольствованіи арміи можетъ не только причинить много затрудненій, но даже повліять на увеличеніе потерь.

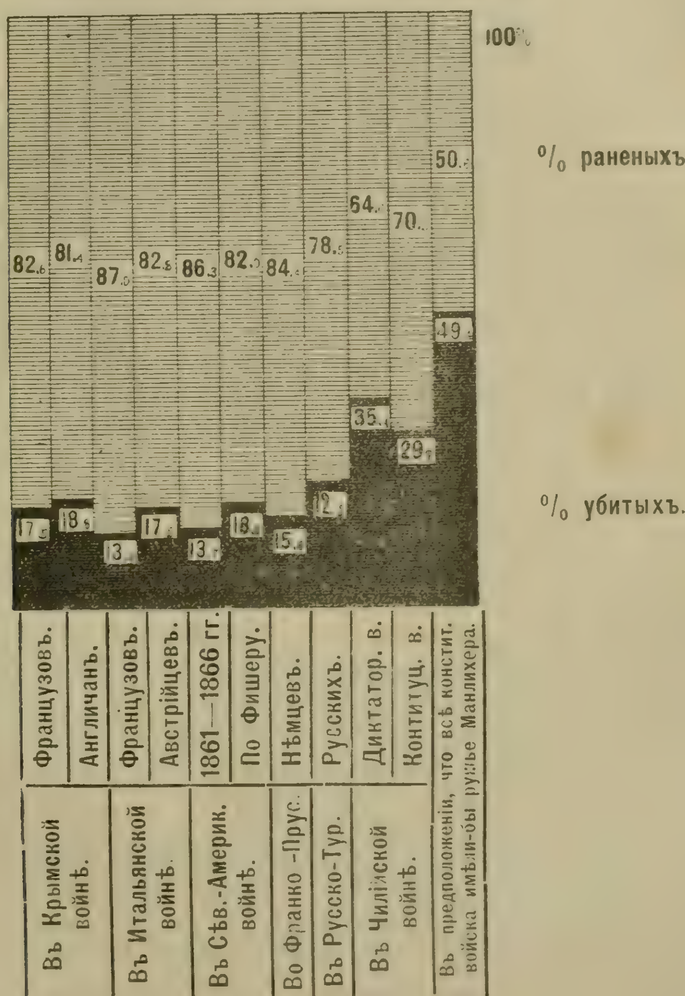
Замедленіе уборки раненыхъ. Количество потерь не можетъ не возрасти и отъ того обстоятельства, что немедленная уборка раненыхъ во время боя стала затруднительной. При плохомъ огнестрѣльномъ оружіи, первые врачебные пункты могли находиться недалеко отъ сражавшихся. Дальнобойное оружіе отдалило ихъ, а при будущей войнѣ съ еще улучшеннымъ оружіемъ передовые перевязочные пункты должны быть устраиваемы еще дальше отъ линіи огня. Прежде выносили раненыхъ на глазахъ у непріятеля, теперь же едва-ли гуманно заниматься выносомъ раненыхъ во время боя съ неособенно далекихъ отъ непріятеля дистанцій, при усовершенствованномъ въ дальнобойности и мѣткости ружьѣ. Могутъ быть выбиты пулями и санитары, и выносимые раненые. Получившій рану солдатъ изъ чувства самосохраненія, зная качества новаго ружья, будетъ скорѣе прятаться, а не показываться непріятелю. Залеганіе въ цѣпи стрѣлковъ также очень затруднило санитарамъ отыскиваніе раненыхъ. Такимъ образомъ, выносъ раненыхъ съ полей битвъ во время сраженій долженъ уменьшиться. Чаще всего раненые останутся предоставленными самимъ себѣ или попеченію сосѣда-товарища, до окончанія боя или до наступленія благопріятныхъ моментовъ къ удаленію. А между тѣмъ, будетъ продолжаться градъ изъ сотенъ тысячъ ружейныхъ пуль и частицъ шрапнели.

Чѣмъ дольше придется раненымъ оставаться на полѣ битвы, тѣмъ вѣроятнѣе возвышеніе процента смертей отъ кровотеченій, вторичныхъ раненій и тому подобныхъ причинъ. Количество смертельныхъ исходовъ раненій непремѣнно зависитъ въ извѣстной степени отъ запозданія помощи. А ударная сила нынѣшнихъ пуль такова, что пуля можетъ пронизать человѣка во всю длину корпуса, если бы она, пролетая близко къ поверхности земли, попала въ лежащаго человѣка. Д-ръ Габартъ говоритъ, что 8-милл. оболочная пуля, поразивъ человѣка въ горизонтальномъ положеніи напр. въ плечо, пробьетъ селезенку или печень, а вѣроятно и кишки. А при огромномъ числѣ патроновъ (150 шт. на себѣ и 150 въ повозкахъ) легко можетъ случиться *), что человѣкъ получитъ въ одномъ дѣлѣ нѣсколько ранъ.

*) D. J. Habart, «Die Geschosswirkung der 8 Milimeter Handfeuerwaffen auf Menschen und Pferden». Wien, 1892.

Процентъ убитыхъ возрастетъ значительно *). Слѣдующій графикъ показываетъ, насколько современныя ружья, несмотря на малый ихъ калибръ, опаснѣе ружей прежнихъ.

Вліяніе качества огнестрѣльнаго оружія на отношеніе между числомъ убитыхъ и раненыхъ.

*) Von Bardeleben. «Ueber die Kriegschirurgische Bedeutung der neuen Geschosse. Veröffentlichungen aus dem Gebiete des Militär-Sanitätswesens». 2 Heft, Berlin 1892.

Значитъ въ общемъ итогѣ урона, если бы всѣ войска имѣли ружья Манлихера, число убитыхъ составляло бы 49,4%, т. е. равнялось бы числу раненыхъ.

Эти данныя не совсѣмъ точны въ томъ смыслѣ, что они составлены по общимъ цифрамъ потерь, такъ что въ нихъ вошли въ разсчетъ и пораженія артиллерійскими снарядами, и раны, нанесенныя холоднымъ оружіемъ. Но какъ мы уже объясняли, главныя потери наносятся именно ружейнымъ огнемъ, а стало быть приведенныя отношенія даютъ всетаки приблизительно-вѣрное понятіе.

Полковникъ швейцарской службы, Бирхеръ, составилъ, на основаніи данныхъ о потеряхъ въ войнѣ 1870—71 гг., такой разсчетъ, что на составъ швейцарскаго корпуса выбыло бы въ одномъ генеральномъ сраженіи около 8.000 чел., а на всю армію, въ составѣ 200 т. чел.—около 30.000 чел., причемъ онъ принимаетъ, что, благодаря успѣхамъ хирургіи, увеличится число увѣчныхъ, оставшихся въ живыхъ. *)

Убыль отъ болѣзней. Потери отъ ранъ составляютъ лишь меньшую часть убыли въ войскахъ во время войны. Такъ, при прежнихъ войнахъ онѣ равнялись всего $^1/_5$, между тѣмъ какъ остальныя $^4/_5$ представляли убыль отъ болѣзней и истощенія силъ. Наполеонъ на походѣ къ Москвѣ лишился уже $^2/_3$ своей арміи, причемъ было только одно генеральное сраженіе. Русская же армія, дѣйствовавшая противъ него и доведенная до 209.800 человѣкъ, по прошествіи $5^1/_2$ мѣсяцевъ сократилась до всего 40.290, наличныхъ подъ знаменами. Въ федеральной арміи Соединенныхъ Штатовъ, во время междоусобной войны, потери въ теченіе двухъ лѣтъ (іюнь 1861 по іюнь 1863) составляли 53,2 смертей на 1.000 человѣкъ состава, въ томъ числѣ всего 8,6 отъ пораненій, а 44,6— отъ болѣзней, причемъ среди офицеровъ смертность отъ ранъ была $11^1/_2$ на 1.000, а среди солдатъ только $8^1/_2$; зато смертность отъ болѣзней выражалась среди офицеровъ цифрою 22, между тѣмъ какъ у солдатъ она доходила до 46 на 1.000 **).

Въ франко-германской войнѣ потеря среди германскихъ

---

*) «Schweizerische Zeitschrift für Artilleriewesen» 1894. «Die Schusswirkung der kleinkalibrigen Infanterie-Gewehre».

**) «A report, to the secretary of war upon the sanitary condition of the volunteer army; by Ferd. Law Olmsted». «Mortality and sickness of the U. St. volunteer forces; by E. B. Elliot».

войскъ составляла 34,7% отъ оружія и только 30,1% отъ болѣзней. Но это объяснялось кратковременностью кампаніи и тѣмъ, что, обладая большимъ численнымъ превосходствомъ, нѣмцы могли отправлять заболѣвавшихъ на родину. У французовъ же отношеніе было обратное.

Въ послѣдней войнѣ съ Турціей въ Европѣ русскія войска лишились, изъ состава 592.085 чел., 16.578 чел. отъ оружія и 44.431 отъ болѣзней. Морашъ*) дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе потерь:

ВОЙНЫ.		Составъ войскъ.	ПОТЕРИ.		Отношеніе числа смертей на 1.000 чел.	
			Отъ ранъ.	Отъ болѣзней.	Отъ ранъ.	Отъ болѣзней.
Крымская (1853—56 гг.)	во французской арміи	309.268	20.240	75.375	64	236
	въ англійской арміи	97.864	4.607	17.580	47	179
Итальянская, во французской арміи (1859 г.)		128.225	5.498	2.040	42	15
Мексиканская, во французской арміи (1862—66 гг.)		35.000	1.729	4.925	49	140
Франко-германская, въ германской арміи (1870—71 гг.)		900.000	30.491	14.259	33	15
Русско-турецкая, въ русскихъ арміяхъ за Дунаемъ и на Кавказѣ (1877—78 гг.)		737.355	36.455	83.446	49	113
Боснійская экспедиція, въ австрійской арміи (1878 г.)		260.000	1.326	2.168	5	8

Въ будущихъ войнахъ, по разнымъ причинамъ, слѣдуетъ ожидать еще менѣе благопріятныхъ отношеній. Уже по самой громадности армій—правильное продовольствованіе сдѣлается чрезвычайно труднымъ, тѣмъ болѣе, что войскамъ долгое время придется останавливаться на оборонительныхъ линіяхъ. Вслѣдствіе дурнаго питанія и скученности, неизбѣжнѣе, чѣмъ

*) Morache, «L'hygiène militaire» 1886.

когда либо, сдѣлается и распространеніе болѣзней, и накопленіе больныхъ въ извѣстныхъ пунктахъ, которое, въ свою очередь, должно будетъ усложнить ходъ болѣзней, происшедшихъ какъ отъ зараженія, такъ и отъ ранъ, и увеличить смертность.

Далѣе, надо имѣть въ виду, что современныя арміи будутъ состоять изъ людей менѣе привычныхъ къ походнымъ трудамъ и лишеніямъ, а между тѣмъ, несмотря на гораздо большую легкость ружей, пѣхотный солдатъ въ общемъ несетъ на себѣ большую тяжесть чѣмъ въ прежнее время. Нѣмецкій писатель Турнвальдъ, спеціально изучившій вопросъ о предѣлѣ обремененія солдата съ точки зрѣнія санитарной, находитъ, что оно не должно превышать 26 килогр., то-есть треть собственнаго вѣса солдата, между тѣмъ въ настоящее время пѣхотный солдатъ несетъ на себѣ 40 килогр. Весьма вѣроятны случаи, что люди будутъ бросать свои ранцы. Тяжесть нынѣшняго снаряженія непремѣнно играла роль въ тѣхъ случаяхъ, когда на маневрахъ, производимыхъ въ мирное время, у людей замѣчалось особенное истощеніе и значительная заболѣваемость. Такъ, на одномъ двухдневномъ маневрѣ, произведенномъ Страссбургскимъ гарнизономъ, выбыла изъ строя цѣлая треть состава; госпитали переполнились больными. Правда, это было въ зимнее время и многіе поступали въ госпитали съ отмороженными частями тѣла *).

Основываясь на опытѣ 1870—71 гг., участникъ этой войны фонъ-дер-Гольцъ замѣчаетъ: „при продолжительной и тяжелой войнѣ, войска постепенно понижаются въ качественномъ отношеніи. Утомленія и лишенія можно переносить въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, но не цѣлаго ряда мѣсяцевъ. Трудно оставаться героемъ, постоянно готовымъ къ самоотверженію, при ежедневныхъ бояхъ и ежеминутной опасности, при долгихъ маршахъ въ грязи и ночахъ, проводимыхъ на сырой почвѣ; все это подрываетъ бодрость“.

Еще Фридрихомъ великимъ было высказано: „войны должны быть ведены живо и продолжаться короткое время. Продолжительная война разрушила бы нашу превосходную дисциплину, уменьшила бы населеніе и истощила бы наши средства“.

*) «L'écho de l'armée».

IV.

Заключенiе.

Принявъ во вниманiе всю совокупность новыхъ факторовъ, долженствующихъ повлiять на увеличенiе потерь въ людяхъ, нельзя не придти къ убѣжденiю, что война представится въ будущемъ въ условiяхъ небывало-грозныхъ, дающихъ серьезный поводъ сомнѣваться даже въ возможности ея веденiя. Оставимъ здѣсь въ сторонѣ потрясенiя экономическiя и соцiальныя, которые могли бы въ скоромъ времени положить ей предѣлъ. Мы говоримъ теперь собственно о страшныхъ потеряхъ въ людяхъ, которые неминуемо были-бы вызваны дѣйствiемъ современныхъ средствъ истребленiя. Военный аппаратъ, постоянно совершенствуясь и усиливаясь, прiобрѣтаетъ такое могущество, что понесенныя даже въ короткое время потери могутъ сдѣлать невозможнымъ продолженiе боя для самыхъ стойкихъ армiй.

Правда, нерѣдко можно слышать отзывы, что и въ прежнее время бывали кровопролитныя дѣла, и въ будущемъ хорошiя войска съумѣютъ сохранить хладнокровiе въ величайшей опасности и что война, въ основныхъ ея законахъ будетъ тѣмъ-же, чѣмъ была въ прошедшемъ. Мы не отрицаемъ, что этотъ взглядъ имѣетъ свое значенiе, но лишь значенiе весьма условное. Мы вполнѣ признаемъ, что нравственная сила есть сила великая, что возможны случаи безусловнаго самоотверженiя. Бывало-же, что гарнизоны укрѣпленiй взрывали себя на воздухъ; вообще, случались примѣры предпочтенiя неизбѣжной гибели всѣхъ до одного — положенiю оружiя передъ непрiятелемъ.

Но сколько-нибудь научную оцѣнку вѣроятнаго хода боя нельзя основывать на столь исключительныхъ примѣрахъ. Изъ такого примѣра, что горсть храбрецовъ защищалась до послѣдняго человѣка, никакъ не слѣдуетъ, что бой между двумя стотысячными армiями можетъ продолжаться послѣ того, какъ половина людей выбыла изъ строя.

А современное оружiе таково, что при немъ возможно истребленiе именно въ громадныхъ размѣрахъ. Какъ упомянуто выше, въ прежнихъ войнахъ число потерь отъ ружей-

наго огня составляло 18 проц. общаго состава. И далѣе мы поясняли, что при современныхъ ружьяхъ, вслѣдствіе скорострѣльности, увеличенія количества патроновъ, возвышенія ударной силы пуль, увеличенія ихъ вращательной силы, прицѣльности выстрѣловъ, отсутствія осѣчекъ и отсырѣнія патроновъ, наконецъ при лучшихъ средствахъ для промѣра дистанцій, процентъ потерь отъ ружейнаго огня возрастетъ, вѣроятно, до 63. Сила артиллерійскаго огня, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, возросла въ 15 разъ противъ прежняго, и число потерь, возможныхъ отъ продолжительныхъ дѣйствій разрывными снарядами, пришлось-бы выражать въ цифрахъ, которыя-бы превосходили самый составъ войскъ противника.

Одного, во всякомъ случаѣ, не могутъ отрицать и оптимисты, а именно того, что въ пунктѣ, на который будетъ преимущественно сосредоточена сила огня, невозможно будетъ долго держаться, не подвергая отряда поголовной гибели.

Тѣже оптимисты возлагаютъ надежду на тактическіе пріемы для уменьшенія потерь. Провѣримъ, однако, насколько разсчетъ на искусные тактическіе пріемы можетъ оправдываться при милліонномъ составѣ современныхъ армій.

Вопросъ объ измѣненіи тактическихъ пріемовъ усиленно разсматривался и дебатировался со всѣхъ сторонъ именно по введеніи скорострѣльныхъ, малокалиберныхъ ружей и бездымнаго пороха. Усиленіе оружія, какъ всегда, увеличивало преимущество обороны. А между тѣмъ, многіе спеціалисты все-таки горячо отстаивали предпочтительность наступательнаго дѣйствія, представляющаго наиболѣе выгодный пріемъ боя, если только онъ раціонально руководится и энергически исполняется войсками. При этомъ, однако, упускалось изъ виду, что разсчитывать на опытность и исключительныя способности командующихъ нѣтъ основанія, такъ какъ въ теченіи 20 лѣтъ не было большой европейской войны, а что касается „исполнителей“, т. е. солдатъ, то при милліонныхъ арміяхъ, пополненныхъ отчасти изъ людей слабо обученныхъ и представляющихъ пестрый составъ, набранный при мобилизаціи, лишенный надлежащей спайки и поставленный подъ начальство командировъ большинству людей незнакомыхъ — едва ли возможно ожидать необычайной выдержки и устойчивости при самыхъ трудныхъ условіяхъ.

Изъ разсужденій объ измѣненіи тактическихъ пріемовъ уясняется одинъ фактъ, именно, что вступительная часть боя станетъ болѣе продолжительною, а значитъ будетъ сопровождаться и бо́льшими потерями. Притомъ, въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ пѣхота должна будетъ принимать бо́льшее противъ прежняго участіе. Правда, роль кавалеріи въ развѣдкахъ не уменьшилась, ей и впередъ предстоитъ обозначеніе силъ и расположенія частей противника въ общихъ чертахъ и, такъ сказать, въ черновомъ видѣ. Но болѣе точнаго обслѣдованія, которое было бы произведено на тактическомъ полѣ вѣроятнаго боя, кавалерія произвести не можетъ, именно по причинѣ дальнобойности и прицѣльности современныхъ ружей. Достаточно нѣсколько укрытыхъ стрѣлковъ, чтобы перебить всадниковъ на выборъ со значительной дистанціи. Итакъ, ближайшее разслѣдованіе позицій противника станетъ уже удѣломъ пѣхотныхъ командъ развѣдчиковъ, которые должны пробираться ползкомъ съ перебѣжками, чтобы добыть свѣдѣнія, необходимыя для подготовки сколько-нибудь увѣренной въ успѣхѣ атаки. Безъ этой услуги пѣхотныхъ развѣдчиковъ, положительно все преимущество оставалось бы на сторонѣ обороны, которая впередъ изучила мѣстность и, занимая командующую позицію, будетъ просто при помощи зрительной трубки направлять свои удары навѣрняка.

Для производства упомянутой развѣдки и собранія свѣдѣній, на которыя можно положиться, требуются солдаты не только смѣлые, но ловкіе и смѣтливые. Иначе предпринимаемая атака можетъ повести къ гибельному результату. А нельзя не замѣтить, что при нынѣшнемъ составѣ армій труднѣе находить людей вполнѣ надежныхъ для означенной цѣли.

Теперь перейдемъ къ самому бою. Обороняющійся можетъ уже съ дистанціи 7.000 метровъ наносить чувствительныя потери группамъ идущихъ въ атаку, когда этимъ группамъ придется сколько-нибудь смыкаться, какъ это можетъ случиться не только въ ущельяхъ, но и въ открытой мѣстности, при обходѣ нѣкоторыхъ препятствій. Оборона воспользуется также и вступленіемъ атакующихъ, хотя бы они шли въ разсыпную — на склоны въ сторону ея позицій. Въ прежнее время ручное оружіе не било на такое отдаленіе и, естественно, потери были меньше. Вступая на пункты осо-

бенно опасные, аттакующіе должны пробѣгать ихъ возможно скорѣе, избѣгая снопа направленной по нимъ шрапнели, каждый снарядъ которой даетъ 300 осколковъ, захватывающихъ большую площадь — опять новая причина для небывалыхъ еще потерь.

Но пусть атакующая цѣпь приблизилась къ непріятельскимъ позиціямъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Постоянно твердятъ о необходимости для атакующаго заручиться превосходствомъ огня. Одни совѣтуютъ для этой цѣли приближаться методически, постепенно подкрѣпляя цѣпи съ тыла и усиленно питая направленный на противника огонь; другіе предпочитаютъ рѣдкую сѣть стрѣлковъ, которая сперва рѣшительно бросилась-бы впередъ для занятія сколько нибудь благопріятной позиціи и открывала бы оттуда отчаянный огонь, съ тѣмъ, что за ней послѣдуютъ на ту линію прочіе эшелоны и бросятся на линіи противника.

Каковы бы ни были преимущества того или другого пріема, но оба они для удачнаго исполненія требуютъ отъ людей ловкости въ пользованіи прикрытіемъ, преодолѣваніи препятствій, умѣнья во-время припасть къ землѣ и въ удачный моментъ снова устремиться впередъ. Что потери при этомъ должны быть во всякомъ случаѣ велики — не подлежитъ сомнѣнію. Но нельзя не опасаться, что онѣ будутъ особенно значительны именно по неприготовленности бо́льшаго числа людей къ такого рода попеременному укрыванію себя и удачной перебѣжкѣ.

Полагаютъ, что для достиженія обороняемой позиціи подъ огнемъ отрядъ долженъ имѣть составъ, по меньшей мѣрѣ въ восемь разъ превышающій численность противника. Иными словами, это значитъ, что предвидятъ возможность потери въ 7 разъ превышающей весь составъ противника. По генералу Скугаревскому, если шанецъ защищается полуротой въ 100 челов., а атакуется ротой въ 200 ружей, то раньше, чѣмъ начавшіе атаку съ 800 шаг. дойдутъ до 300 шаговъ, у нихъ изъ 200 человѣкъ останеться всего 23 чел., между тѣмъ какъ въ защищенной окопами полуротѣ останутся еще 50 чел. Это значитъ, что атакующіе понесутъ потери въ 177% противъ всего состава обороны, или въ 88,5% собственнаго своего состава. По даннымъ прусскаго генерала Роне*), наступающій батальонъ въ 1.000 человѣкъ

*) Gen. Maj. Rohne, «Das Schiessen der Feld-Artillerie». 18·1.

долженъ былъ бы взятъ изъ резервовъ 4.908 челов., чтобы въ немъ оставалось еще 1.000 челов. въ моментъ приближенія его къ окопамъ, между тѣмъ какъ обороняющемуся батальону было бы достаточно взять для этого только 798 человѣкъ. Отношеніе это показываетъ, что атакующій понесъ бы потери почти въ 500% сравнительно съ первоначальнымъ его составомъ или составомъ противника. Изъ другихъ еще *) опытовъ видно, что атакующій съ разстоянія 200 метровъ, раньше чѣмъ дойдетъ до 100-метр. дистанціи, будетъ весь перебитъ, между тѣмъ какъ находящіяся за шанцами потеряютъ только 9% своего состава.

По даннымъ генерала Скугаревскаго **), при условіи, что идущій въ атаку въ штыки, съ разстоянія 225 шаговъ, имѣетъ численность 400 челов., а обороняющійся за шанцами всего 100 челов., у атакующаго останется для удара въ штыки всего 74 челов., т. е. потери его составятъ, сравнительно съ силами обороны, 326%.

Переходы будутъ совершаемы въ глубокихъ маршевыхъ колоннахъ, вслѣдствіе возросшей численности войскъ. А въ концѣ каждаго этапа придется еще высылать впередъ команды для занятія квартиръ, затѣмъ долженъ послѣдовать для такихъ командъ еще одинъ лишній переходъ на другой день для возвращенія къ своимъ частямъ.

Вообще, именно вслѣдствіе массивности новѣйшихъ армій, имъ придется дѣлать больше переходовъ, такъ какъ онѣ должны дробиться для удобства помѣщенія и продовольствованія, а затѣмъ отдѣльныя части должны снова примыкать къ главнымъ силамъ при приближеніи превосходящаго ихъ числомъ противника.

Но увеличеніе въ будущемъ потерь будетъ вызвано не только усовершенствованіемъ оружія, а еще и цѣлымъ рядомъ другихъ причинъ. Причины эти указаны нами выше, въ этомъ же отдѣлѣ труда. Но не мѣшаетъ напомнить о нихъ здѣсь въ бѣгломъ перечнѣ.

Вслѣдствіе малодымности пороха, которая не позволитъ судить о направленіи непріятеля и вслѣдствіе дальнобойности орудія, увеличившей опасность неожиданныхъ встрѣчъ, войскамъ придется окружать себя сѣтью *охотничьихъ командъ*

---

*) Oméga, «L'art de combattre».
**) «Атака пѣхоты».

и значительно развить *партизанскія дѣйствія* для прикрытія своихъ фланговъ и тыла, а также для дѣйствія на сообщеніе непріятеля. Эта малая война можетъ представить множество мелкихъ столкновеній, совокупность которыхъ отразится значительными потерями въ людяхъ. Огромное вліяніе въ смыслѣ увеличенія потерь будетъ имѣть болѣе частое, чѣмъ когда-либо въ прежнее время, набрасываніе или возведеніе *полевыхъ окоповъ*. Всѣ войска снабжены нынѣ шанцевымъ инструментомъ и спеціалистами высказывается мнѣніе, что будущая война получитъ характеръ борьбы изъ-за обладанія укрѣпленными позиціями. Во время самой войны будутъ возникать во всѣхъ удобныхъ для того пунктахъ укрѣпленія, которыми не легко будетъ овладѣть сразу и которыя, при продолжительной осадѣ, могутъ возрастать до грозныхъ размѣровъ, какъ то было въ Плевнѣ.

Производство въ извѣстныхъ случаяхъ *стрѣльбы поверхъ своихъ войскъ* и возможность *взрывовъ* въ зарядныхъ ящикахъ и въ складахъ снарядовъ также будутъ способствовать нѣкоторому увеличенію потерь, положимъ и небольшому, но зато могущему давать поводъ къ нареканіямъ и взаимнымъ обвиненіямъ.

Убыль офицеровъ и затѣмъ *ослабленіе въ войскахъ руководства* явятся прямымъ послѣдствіемъ большой прицѣльности новаго оружія, которая дастъ стрѣлкамъ возможность выбирать жертвы. Такъ, въ двухъ сраженіяхъ въ чилійской войнѣ, офицеровъ оказалось убитыми 23%, а солдатъ 13%, офицеровъ раненыхъ 75%, а солдатъ 60%. Далѣе, при томъ условіи, что большинство людей въ рядахъ будутъ призваны изъ запаса (а именно, на 100 чел.: въ русской арміи 361 чел., въ германской 566, а во французской 573 чел.), еще несравненно важнѣе, чѣмъ въ прежнія времена, чтобы была раціональная выработка и твердое установленіе правилъ боя. Между тѣмъ, доселѣ остается много спорныхъ вопросовъ и потому проявляются *недостатки въ инструкціяхъ и регламентахъ* относительно веденія боя. Замѣчается также частое измѣненіе правилъ и введеніе новыхъ уставовъ, что ведетъ къ смѣшенію и путаницѣ. А между тѣмъ, при современномъ оружіи каждая тактическая ошибка можетъ оплачиваться гораздо дороже, чѣмъ прежде: достаточно нѣсколько минутъ для истребленія огнемъ цѣлой части.

На увеличеніе числа потерь не можетъ также не по-

вліять самая *продолжительность битвъ.* Иные авторы предполагаютъ, что битвы могутъ продолжаться по нѣсколько дней. Усиленіе преимуществъ обороны дастъ возможность иногда долго держаться даже противъ превосходныхъ силъ, въ разсчетѣ на прибытіе подкрѣпленій. Съ этимъ связаны *нерѣшительность побѣдъ* и увеличившаяся возможность *отпора при отступленіи.* Усовершенствованное оружіе крайне затруднило произведеніе общаго, рѣшающаго дѣло, натиска. Между тѣмъ, даже и обратившись къ отступленію, оборона будетъ стараться утвердиться на второй оборонительной линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ маневрировать такъ, чтобы огнемъ своимъ заставить противника развернуться то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ и замедлить его движеніе впередъ. Для того, чтобы выбить обороняющагося и со второй, заранѣе имъ приготовленной, линіи, потребуется новая битва. Это неизбѣжно увеличитъ потери и можетъ вызвать утомленіе, даже упадокъ духа въ наступавшихъ войскахъ.

Усиленіе *нервности* въ настоящемъ поколѣніи удостовѣряется всѣми учеными изслѣдователями. Нервность должна особенно возрасти при *ночныхъ бояхъ* и вслѣдствіе утомленія людей вообще продолжительностью боя. Нѣкоторые врачи высказываютъ предположеніе, что нервность не только повліяетъ на увеличеніе потерь, но даже приведетъ многихъ людей къ умопомѣшательству. А это послѣднее обстоятельство можетъ произвесть гибельные результаты и на ихъ товарищей или подчиненныхъ.

Затѣмъ, на величину потерь весьма сильно можетъ повліять *трудность продовольствованія* милліонныхъ армій. Потери отъ лишеній могутъ иногда превзойти даже потери отъ дѣйствія оружія. Продолжительность войнъ обусловитъ полное истощеніе мѣстныхъ средствъ продовольствія, а подвозъ не всегда можетъ быть равномѣренъ и правиленъ, особенно въ виду усилій противника къ затрудненію сообщеній.

Далѣе, увеличенію потерь не можетъ не содѣйствовать неизбѣжное при дальнобойности современнаго оружія *замедленіе въ уборкѣ раненыхъ.* Перевязочные пункты придется устраивать внѣ линіи современнаго огня, то есть гораздо дальше, чѣмъ прежде. Самое производство уборки раненыхъ подъ огнемъ будетъ крайне затруднено; санитарамъ придется прокрадываться съ носилками за прикрытіями, сгибаясь, такъ, какъ пробираются сами стрѣлки, ибо иначе и они, и несо-

мые ими раненые могутъ быть перебиты. Уборка затруднится еще и оттого, что раненыхъ придется отыскивать за закрытіями, гдѣ они залегли. А замедленіе въ уборкѣ раненыхъ обусловливаетъ большой процентъ потерь отъ кровотеченій.

Наконецъ, *убыль отъ болѣзней* не можетъ не возрасти при продолжительности войны, невозможности удобнаго размѣщенія и правильнаго продовольствованія колоссальныхъ армій. Для пополненія убыли отъ болѣзней, которая и въ прежнихъ войнахъ всегда превышала потери собственно отъ оружія, придется призывать въ составъ дѣйствующей арміи все старшіе и старшіе возрасты, что отразится крайне невыгодно на бытѣ всего населенія.

Такова картина совокупности тѣхъ причинъ, которыя должны будутъ неминуемо вызвать гораздо бо̀льшія потери въ будущей войнѣ, чѣмъ тѣ, какія бывали доселѣ. Представить эту разницу въ цифрахъ невозможно именно потому, что совершенно измѣнились средства и условія боя. Къ этому слѣдуетъ прибавить и ту еще характеристическую черту будущей большой войны, что она застанетъ государства одинаково приготовленными и что два союза, между которыми могла бы произойти безпримѣрная доселѣ борьба, располагали бы приблизительно равными силами.

Слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всякія иллюзіи насчетъ того, что то или другое государство будетъ имѣть рѣшительное преимущество надъ другими въ составѣ своихъ силъ и въ качествахъ своего военнаго устройства. Частныя преимущества, конечно, могутъ быть, но зато будутъ несомнѣнно и недостатки, которые должны будутъ уравновѣсить тѣ преимущества.

Въ предшествующемъ мы поставили цѣлый рядъ вопросовъ относительно величины жертвъ, какихъ потребуетъ война, послѣдствій ея для народовъ, а въ виду этого — и относительно самой возможности ея веденія при современныхъ условіяхъ. На вопросы эти мы сами дать отвѣта не рѣшались и ставили ихъ лишь для того, чтобы на нихъ отвѣтили спеціалисты — люди военные. Каждое же изъ тѣхъ сужденій по отдѣльнымъ сторонамъ дѣла, какія нами были высказаны, основано на отзывахъ военныхъ писателей.

Повторяемъ, слышится иногда шаблонное и голословное соображеніе, что и въ прежнихъ войнахъ появлялись усовершенствованія техники и усиленіе состава армій, а

войны все-таки оказывались возможными, и что такъ или иначе, но и къ условіямъ будущей войны войска съумѣютъ примѣниться и народы выдержатъ новыя войны, несмотря ни на какія жертвы и потрясенія. Но послѣ того, когда составъ вооруженныхъ людей, имѣющихъ вступить въ бой, доведенъ уже до десятка и болѣе милліоновъ и къ милліардамъ, издержаннымъ на вооруженія и укрѣпленія, прибавляются все новые милліарды, позволительно, наконецъ, задуматься относительно возможности дальнѣйшаго, неуклоннаго слѣдованія по этому пути еще на неопредѣленное время.

Въ концѣ перваго тома настоящаго труда было высказано, что при новыхъ средствахъ разрушенія, насколько данныя о нихъ уже проникли въ свѣтъ, становится уже затруднительнымъ самое сосредоточеніе войскъ въ открытомъ полѣ и даже подъ защитою укрѣпленій, а еще дальнѣйшія усовершенствованія могутъ сдѣлать веденіе войны между государствами, стоящими на одинаковой степени силы и культуры безусловно невозможнымъ; вообще увеличеніе аппарата войны можетъ привесть къ тому, что никто не рѣшится пустить его въ ходъ. Настоящій отдѣлъ труда нашего, посвященный потерямъ, представляетъ фактическое основаніе для вывода, что, случись большая европейская война въ наше время, жертвы ея были бы слишкомъ многочисленны, а это не можетъ не влiять на настроеніе правительствъ и народовъ Европы, побуждая ихъ ко всевозможнымъ усиліямъ для того, чтобы отстранить страшный призракъ „будущей войны“.

Вліяніе современныхъ ружей и орудій на характеръ ранъ.

Введеніе дальнобойныхъ орудій и скорострѣльнаго малокалибернаго ружья, выбрасывающихъ снаряды съ силою въ четыре раза превосходящею употреблявшіеся въ прошедшихъ войнахъ, даетъ основаніе опасаться, что не только потери въ сраженіяхъ будутъ безъ всякаго сравненія болѣе значительны, чѣмъ въ прежнихъ войнахъ, но и поданіе помощи раненымъ окажется гораздо болѣе затруднительнымъ. Одни спеціалисты говорятъ, что, нанесенныя новыми оболочными пулями, пораженія несравненно тяжелѣе, чѣмъ тѣ, какія производились прежними пулями; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе большихъ дистанцій, съ которыхъ будутъ происходить пораженія настильнымъ огнемъ и его страшной силы, раненымъ придется на поляхъ битвы оставаться долго и, вслѣдствіе запоздалой помощи, количество смертей будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ прошломъ, во избѣжаніе чего пришлось-бы въ громадныхъ размѣрахъ усилитъ санитарную службу; нѣкоторые идутъ такъ далеко, что говорятъ, что число санитаровъ должно быть почти равно числу бойцовъ. Другіе-же не раздѣляютъ такихъ пессимистическихъ взглядовъ; по ихъ мнѣнію, разница въ ранахъ, происшедшихъ отъ старыхъ и новыхъ ружей—въ пользу послѣднихъ. Раны, нанесенныя новымъ оружіемъ, будто бы легче излечивать; даже если раненые будутъ дольше лежать безъ помощи, то кровоистеченіе будетъ все-таки слабѣе. Число-же раненыхъ не будетъ столь велико. По этому мнѣнію, на степень кровопролитности битвъ вліяетъ не одна сила оружія, но также и тѣ тактическіе пріемы, какіе усваиваются войсками, именно вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ вооруженіи. Такъ какъ, вслѣдствіе усовершенствованія оружія, войска будутъ искать прикрытій естественныхъ или возводить искусственныя, наступать разсыпнымъ строемъ и бой будетъ вестись съ дальнихъ разстояній, то это должно способствовать уменьшенію числа раненыхъ; сверхъ того, каждый солдатъ будетъ снабженъ средствами для перевязки, такъ что въ настоящее время, когда наука обладаетъ гораздо болѣе вѣрными средствами для преду-

прежденія ранъ отъ зараженія, а число врачей и санитаровъ при войскахъ гораздо значительнѣе, чѣмъ прежде, то помощь раненымъ, по мнѣнію оптимистовъ, обезпечена.

И дѣйствительно, мы видимъ въ настоящее время борьбу въ придумываніи новыхъ пріемовъ для нейтрализаціи возросшей силы ружья—съ одной стороны — и дальнѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній, которыя все болѣе и болѣе усиливаютъ смертоносность огня и уменьшаютъ возможность оказанія помощи раненымъ — съ другой.

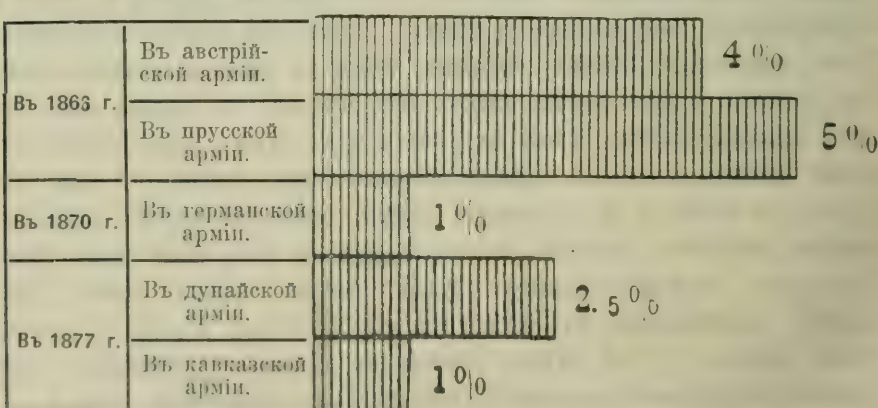
Чтобы дать читателю возможность оріентироваться, постараемся изложить, въ которую сторону изобрѣтательность развивается болѣе дѣятельно.

Поврежденія отъ холоднаго оружія.

Ударъ штыкомъ, саблею, прикладомъ или пикою всегда и вездѣ одинаковъ и въ будущей войнѣ онъ останется такимъ же по вызываемымъ имъ послѣдствіямъ, какимъ былъ раньше.

Фишеръ вычисляетъ поврежденія, нанесенныя холоднымъ оружіемъ въ войну 1866 года, для австрійской арміи въ 4 проц., для прусской—въ 5 проц. всѣхъ поврежденій. Въ войну 1870—1871 г.г. число раненыхъ холоднымъ оружіемъ въ германской арміи составляло только 1 проц. Въ русско-турецкую войну число этихъ поврежденій составляло въ дунайской арміи 2,5 проц. (до Плевны—даже всего 0,99 проц.). *)

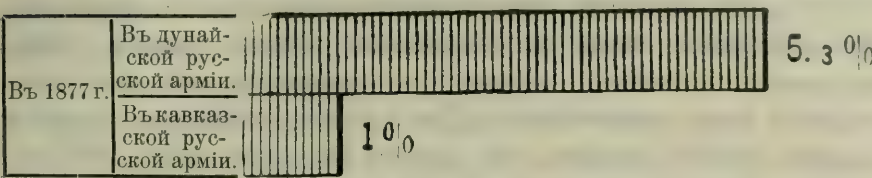
Процентъ раненій холоднымъ оружіемъ.

*) Düms, „Handbuch der Militärkrankheiten“ 1896.

Процентъ смертности на полѣ сраженія отъ ранъ, нанесенныхъ холоднымъ оружіемъ, точно также весьма незначителенъ; такъ, въ ту же русско-турецкую войну въ дунайской русской арміи погибло всего 5,3 проц., а на кавказскомъ театрѣ войны—даже лишь 1 проц. *)

Процентъ убитыхъ холоднымъ оружіемъ.

Однако, при томъ значеніи, какое въ настоящее время пріобрѣтаетъ все больше и больше пика, въ качествѣ наступательнаго и оборонительнаго оружія, можно съ большою степенью вѣроятности предположить, что въ будущемъ раны, причиняемыя пиками, будутъ являться болѣе частыми, чѣмъ прежде.

Но тѣмъ не менѣе, такъ какъ современный способъ леченія ранъ даетъ поврежденіямъ подобнаго рода несравненно лучшіе шансы на исцѣленіе, то можно допустить, что потери отъ холоднаго оружія и впредь будутъ незначительны.

Поврежденія отъ пуль и снарядовъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Взаимное отношеніе поврежденій ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, представляется неодинаковымъ въ различныя предшествующія войны, но въ будущей войнѣ разницы будутъ еще болѣе значительными. Въ прошломъ характеръ ранъ отъ артиллерійскихъ снарядовъ былъ во много разъ опаснѣе, чѣмъ отъ ружейныхъ пуль, въ настоящее же время эти послѣднія пріобрѣли преобладающее значеніе. Пуля современнаго ружья, вѣсящая нѣсколько граммовъ, имѣетъ такую силу,

*) Тамъ же.

что можетъ поражать отъ 5 до 6 человѣкъ и произвести еще болѣе тяжелыя разрушенія, чѣмъ тѣ, какія наносятъ осколки артиллерійскихъ снарядовъ.

Взаимное отношеніе поврежденій отъ пуль и снарядовъ въ будущую войну будетъ находиться въ зависимости отъ способа веденія войны, т. е. отъ того, будутъ-ли происходить, главнымъ образомъ, открытыя сраженія или же война будетъ носить преимущественно характеръ осадъ.

До введенія нарѣзнаго ружья, огонь изъ гладкоствольныхъ орудій могъ быть производимъ вплоть до окончательнаго рѣшенія сраженія. Число выпущенныхъ пушечныхъ снарядовъ въ сраженіяхъ этой эпохи представляется прямо поразительнымъ. При Бородинѣ французская артиллерія выбросила 60.000 снарядовъ, при Асперне (въ теченіе двухъ дней) австрійская артиллерія выпустила 53.000 снарядовъ, а при Лейпцигѣ— даже 64.000. Введеніе нарѣзнаго ружья сразу измѣнило положеніе вещей и это прежде всего сказалось на характерѣ потерь въ арміи. Во времена господства гладкоствольныхъ ружей, въ особенности въ наполеоновскія войны, большинство раненыхъ и убитыхъ были жертвами артиллерійскаго огня, и поэтому создалась поговорка—„chair à canon“. Одинъ изъ участниковъ бородинскаго боя, капитанъ французской гвардейской конной артиллеріи, Шамбре, разсказываетъ, что Наполеонъ, объѣзжая утромъ 27 августа поле сраженія, упитанное кровью тысячъ раненыхъ и убитыхъ, велѣлъ повернуть тѣла послѣднихъ, чтобы посмотрѣть, отъ какихъ ранъ они умерли. Почти всѣ тѣла носили слѣды ранъ, причиненныхъ пушечными снарядами.

Съ того же времени, какъ нарѣзное ружье пріобрѣло права полнаго гражданства, мы видимъ, что выведеніе сражающихся изъ строя производится уже, главнымъ образомъ, ружейными пулями: „chair à canon“ уступаетъ свое мѣсто „chair à balles“. Такъ, въ битвѣ при Инкерманѣ (24 окт. 1854 г.) 91% всѣхъ раненыхъ пострадали отъ ружейнаго огня. Въ сраженіи при Черной рѣчкѣ (4 августа 1855 года) число раненыхъ ружейнымъ огнемъ достигло 75%, несмотря на то, что уронъ, нанесенный русскимъ войскамъ французскимъ картечнымъ огнемъ, былъ весьма значителенъ. То же самое видимъ и въ итальянскую войну при Дюппелѣ (1864 г.) и при Кениггрецѣ (1866 г.). Въ войну 1859 г. число раненыхъ ружейными снарядами составляло 80% всѣхъ раненій, а при штурмѣ Дюппельскихъ шанцевъ у пруссаковъ—80,6% *).

*) Водецкой. Ружейный огонь въ бою.

Въ войну 1866 г., по статистикѣ Вейганда (Weygand), въ австрійской и саксонской арміяхъ отмѣчены слѣдующія потери отъ прусскаго оружія:

	Въ главной арміи.	Въ майн. арміи.
Поврежденій артиллер. снарядами . .	3 проц.	5 проц.
„ длинными свинцов. пулями .	90 „	90 „

Прусская армія въ ту же войну нѣсколько больше пострадала отъ артиллерійскаго огня, но потери эти, по сравненію съ урономъ, нанесеннымъ ружейными снарядами, все-таки представляются ничтожными, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Поврежденія отъ артиллер. снарядовъ	16 проц.
„ „ ружейныхъ „	79 „

Тотъ же авторъ опредѣляетъ потери обѣихъ враждебныхъ армій въ войну 1870—71 г.г. слѣдующими цифровыми данными: отъ артиллерійскаго огня у французовъ 25 проц. и 5 проц. у нѣмцевъ, отъ ружейнаго огня 70 проц. у французовъ и 94 проц. у нѣмцевъ.

Статистика послѣдней русской войны 1877—78 г.г. съ турками, обнимающая 21.227 раненій въ русской дунайской арміи, пользованныхъ въ передовыхъ лечебныхъ пунктахъ, распредѣляетъ поврежденія по роду оружія слѣдующимъ образомъ:

Поврежденія артиллерійскими снарядами	2 проц.	(съ 52,3 проц. смертности)
„ ружейными пулями	77 „	(„ 20,9 „ „)

Указанные 2% раненій артиллерійскимъ огнемъ являются крайне малою величиною, но, по словамъ проф. Павлова *), они включаютъ только чистыя раненія, безъ другихъ поврежденій отъ артиллерійскихъ снарядовъ. Въ статистикѣ имѣется еще рубрика огнестрѣльныхъ ушибовъ (4,4 проц.), въ которую вошли, конечно, по преимуществу ушибы частями артиллерійскихъ снарядовъ, такъ какъ осколки таковыхъ не обладаютъ дальностью полета и, скоро истрачивая пріобрѣтенную живую силу, обусловливаютъ большой процентъ чистыхъ контузій. Между тѣмъ, пулевыя контузіи должны были представлять рѣдкое явленіе. Такимъ образомъ, если бы имѣлась возможность знать число контузій отъ артиллерійскихъ снарядовъ, то съ присоединеніемъ этого числа получился бы вообще для поврежденій отъ артиллерійскаго огня нѣсколько большій процентъ, но все-таки недалекій отъ 5—6 проц.

---

*) Павловъ, „О значеніи вооруженія арміи малокалиберными ружьями“.

Весьма поучителенъ также процентъ исхода различныхъ раненій: въ то время какъ раны, нанесенныя ружейными пулями, даютъ 20,9 проц. смертей, смертность отъ раненій артиллерійскими снарядами рѣзко повышается до 52,3 проц.

По отношенію къ русской арміи на кавказскомъ театрѣ войны, имѣются слѣдующія данныя:

	Выздоровѣло.	Умерло.
Поврежденія отъ артиллер. снарядовъ	75,8 проц.	24,2 проц.
„ „ ружейныхъ пуль	81,2 „	18,8 „
„ „ огнестрѣльныхъ ушибовъ	99,2 „	0,8 „

Въ настоящее время артиллерійскія орудія всѣхъ европейскихъ государствъ обладаютъ почти одинаковой силой дѣйствія и выбрасываютъ почти тождественные между собой снаряды. Изъ причиняемыхъ ими пораненій, наиболѣе важныя и частыя будутъ происходить отъ осколковъ гранатъ (гранаты съ внутренними кольцами и бризантныя гранаты—при стрѣльбѣ по живой цѣли; длинныя гранаты—при стрѣльбѣ по мертвой цѣли). Картечь же будетъ примѣняться только на самыхъ незначительныхъ разстояніяхъ.

Что же касается шрапнели, то она будетъ дѣйствовать довольно разрушительно, благодаря заключающимся въ ней пулямъ и большому числу осколковъ.

Въ отдѣлѣ „Артиллерійскія орудія и снаряды“ мы видѣли, что сила удара бываетъ различна, а такъ какъ отъ этой силы будетъ, конечно, зависѣть и дѣйствіе осколковъ, то и характеръ пораненій будетъ весьма разнообразенъ, можно считать неоспоримымъ фактомъ то, что въ будущей войнѣ поврежденія цѣлыми, неразорванными снарядами станутъ величайшею рѣдкостью. Точно также тѣ своеобразныя контузіи значительныхъ частей тѣла, на которыя обратилъ особенное вниманіе Пироговъ въ крымскую кампанію и которыя онъ описалъ какъ дѣйствіе большихъ, но утратившихъ свою силу снарядовъ, едва ли будутъ наблюдаться, такъ какъ большая ударная сила осколковъ гранатъ будетъ имѣть послѣдствіемъ обширные разрывы ткани. Съ другой стороны, и число поврежденій на одномъ и томъ-же объектѣ будетъ гораздо большее, чѣмъ прежде, потому что, при той силѣ, съ какою разрывается шрапнель, образуется громадное число осколковъ, почему и число попаданій въ опредѣленный районъ значительно возрастаетъ.

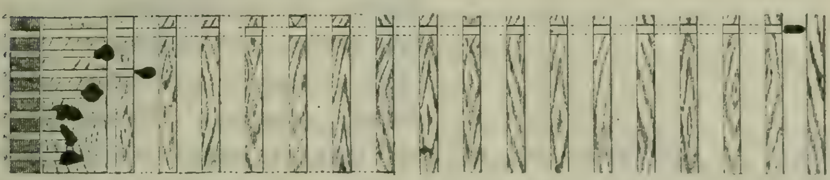
Благодаря введенію бездымнаго пороха, уменьшенію калибра и снабженію пули стальною оболочкою, пѣхотное ружье — оружіе, получившее въ сраженіи наибольшее значеніе—настолько усовершенствовалось, что

вызвало со всѣхъ сторонъ тревожныя сомнѣнія относительно потерь въ будущія войны. Особенное безпокойство вызывала громадная пробойная сила современной оболочной пули, сравнительно съ прежними пулями.

Помѣщаемый рисунокъ, заимствованный изъ сочиненія Лоренца „Compoundgeschoss“, изображаетъ результаты стрѣльбы изъ 11-ти-миллиметроваго ружья *).

Выстрѣлы были произведены по сложенной въ 15 разъ воловой шкурѣ, затѣмъ по твердымъ буковымъ брусьямъ, толщиною въ 9-ть сантиметровъ, и, наконецъ, по еловымъ доскамъ, толщиною въ 2½ сантиметра, съ разстоянія въ 10 метровъ.

Результаты стрѣльбы разными пулями.

3—„Compound“;
4, 5 и 6—твердыя свинцовыя пули;
7, 8 и 9—мягкія пули.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что оболочная пуля дѣйствуетъ въ много разъ сильнѣе.

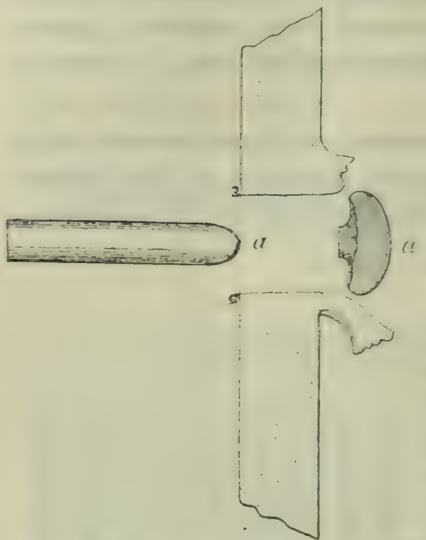
Обыкновенно принимается, что пуля, пробивающая сосновую дюймовку, обладаетъ достаточной силой для того, чтобы убить или ранить человѣка или лошадь. При сравненіи типа послѣдняго, бывшаго въ употребленіи въ русской арміи въ войнѣ 1877—78 гг., ружья Бердана съ новыми малокалиберными ружьями (см. томъ I, стр. 40), мы видѣли, что оболочная пуля пробиваетъ значительно большее число досокъ, при чемъ сила пробиваемости возрастаетъ съ приближеніемъ къ цѣли.

Но и на этомъ не остановилась техника. Даемъ изъ новѣйшаго сочиненія Бихрера рисунокъ пули, выпущенной изъ ружья 5,5-миллиметроваго съ начальной скоростью около 800 метровъ.

---

*) Seydel, „Lehrbuch der Kriegschirurgie“. 1893.

Дѣйствіе 5,5-миллиметровой пули на 14-миллиметровую стальную плиту.

Сила удара оказывается столь громадной, что съ разстоянія въ 25 метровъ пробивается стальная плита въ 14-ть миллиметровъ (нѣсколько меньше 1/2 дюйма). При этомъ оболочная продолговатая пуля принимаетъ грибовидную форму.

Въ виду малаго діаметра пули и той силы, съ какой она пробиваетъ тѣло, германскіе хирурги, главнымъ образомъ Регеръ и Бекъ *), отчасти также и Брунсъ **), предположили, что раны отъ новыхъ пуль будутъ болѣе легкими, почему и дали этимъ пулямъ кличку „гуманныя". Регеръ въ докладѣ ***), читанномъ имъ въ 1885 году въ берлинскомъ военно-медицинскомъ обществѣ, говоритъ: „Я привѣтствую новыя пули съ великою радостью и полагаю, что, въ случаѣ принятія этого прекраснаго снаряда на основаніи международнаго соглашенія, все человѣчество можетъ поздравить себя съ этимъ". Въ томъ-же духѣ выражается и Брунсъ, говоря: „Новое малокалиберное ружье съ его оболочными пулями есть не только самое лучшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое гуманное оружіе, позволяющее, по возможности, смягчить ужасы войны".

„Малокалиберная, приготовленная изъ твердаго матеріала, слѣдовательно значительно сопротивляющаяся деформированію, пуля, при большой притомъ скорости полета, легко пронизываетъ плоскія, эластическія костныя образованія незначительной плотности, оставляя послѣ себя отверстіе съ гладкими краями. Гладкая поверхность пуль исключаетъ возможность того, чтобы онѣ выбили куски изъ одежды и вогнали ихъ въ рану. Ожоги невозможны при быстромъ проникаціи пули въ тѣло, а высо-

*) B. von Beck, „Ueber die Wirkung moderner Gewehrprojectile". Leipzig. 1885.

**) P. Bruns, „Die Geschosswirkung der neuen Kleinkaliber-Gewehre". Tübingen. 1889.

***) Reger, „Die Anforderungen der Humanität an die Kleingewehrprojectile".

кая ударная сила пули предотвращаетъ возможность плавленія. Раненія мягкихъ частей носятъ болѣе доброкачественный характеръ, чѣмъ при примѣненіи прежнихъ пуль".

Совпаденіе означенныхъ результатовъ съ взглядами правительственныхъ сферъ повело, естественно, къ тому, что „гуманность" новыхъ ружейныхъ снарядовъ стали провозглашать urbi et orbi *), и это мнѣніе сдѣлалось преобладающимъ во всѣхъ слояхъ общества.

Методъ для опредѣленія дѣйствія пуль на трупахъ людей и животныхъ.

Военные хирурги, не имѣя возможности за отсутствіемъ европейской войны располагать опытомъ относительно дѣйствія новыхъ малокалиберныхъ панцерныхъ пуль на живыя человѣческія тѣла, тѣмъ ревностнѣе занялись накопленіемъ матеріала для разрѣшенія этого столь важнаго для будущаго времени вопроса путемъ экспериментовъ на трупахъ. Фонъ Бекъ, Брунсъ и Краске въ Германіи, Габартъ въ Австріи, Бове и Бирхеръ въ Швейцаріи, Бретонъ, Шево, Шовель, Нимье, Пэмъ и Делормъ во Франціи, Павловъ, Тиле, Морозовъ въ Россіи, предприняли рядъ опытовъ съ выстрѣлами какъ въ трупы людей и животныхъ, такъ и въ живыхъ животныхъ.

Однако, долгое время смертоносное дѣйствіе новыхъ ружей не могло быть точно опредѣлено произведенными опытами. Почти всѣ они выполнялись съ уменьшеннымъ зарядомъ, „charge réduite". Экспериментаторы, ради большаго удобства, стрѣляли съ совсѣмъ близкаго разстоянія и каждый разъ соотвѣтственно уменьшали количество порохового заряда, дабы сообщить пулѣ при попаданіи въ цѣль ту конечную скорость, какой она должна была-бы достигнуть, если-бы выстрѣлъ былъ произведенъ при полномъ пороховомъ зарядѣ и съ болѣе значительнаго разстоянія. Такъ, напр., Делормъ для того, чтобы получить на дистанціи въ 12 метровъ дѣйствіе дальняго разстоянія, указываетъ для лебелевскаго ружья и новаго пороха величины заряда отъ 0,65 до 2,70 граммовъ.

Всѣ экспериментаторы, примѣнявшіе этотъ способъ уменьшеннаго заряда, были убѣждены, что они въ состояніи помощью его произвести на

*) „Oesterreichisches Armeeblatt". Sept. 1891. „Die Wirkung der Gewehrgeschosse auf den menschlichen Körper".

короткихъ разстояніяхъ тѣ-же поврежденія, какія на далекихъ дистанціяхъ вызываются примѣненіемъ полнаго заряда *).

Естественно, что методъ этотъ встрѣтилъ возраженія, сводившіяся къ тому, что хотя при немъ вычисленіемъ порохового заряда для извѣстныхъ разстояній и можно сообщить пулѣ соотвѣтственную конечную скорость, но за то пуля не будетъ имѣть необходимой скорости вращенія. А между тѣмъ, именно увеличеніе вращательной скорости представляетъ одно изъ выдающихся свойствъ новаго оружія.

Слѣдующія цифры**) лучше всего покажутъ намъ, насколько, сравнительно съ прежнимъ, измѣнилась въ настоящее время скорость вращенія пуль и снарядовъ:

	Число оборотовъ.	Скорость на поверхности пули, въ метрахъ.
Ружье Минье въ секунду давало пулѣ . .	280	8
Игольчатка типа 1841 года	390	19
„ улучшеннаго типа послѣ войны 1870 года	791	27
Германское ружье 1888 года	2,625	65
Ружье типа 1892 года	3,257	76
Орудіе прусское 9-ти сантим., бывшее въ войнѣ 1870 года	68	19
„ германское типа 1873 года . .	100	27
„ французское типа 1890 года. .	187	53

Такимъ образомъ, вполнѣ ясно, что уменьшенный зарядъ не могъ дать яснаго понятія о силѣ дѣйствія новыхъ ружей.

Но когда за изслѣдованія принялось прусское военное министерство, дѣло приняло болѣе удачный оборотъ.

Появился трудъ „Ueber die Wirkung und die kriegschirurgische Bedeutung der neuen Handfeuerwaffen», изданный, по порученію германскаго военнаго министра генерала Бронсаръ фонъ-Шеллендорфа генералъ-штабъ докторомъ германскихъ армій и флота и шефомъ медицинскаго отдѣленія проф. ф. Коллеромъ. Опыты производились на разстояніи до 2,000 метровъ и притомъ не только на трупахъ, но и на живыхъ животныхъ. При вы-

*) „Ueber die Wirkung und kriegschirurgische Bedeutung der neuen Handfeuerwaffen." Im Auftrage L. Exc. des Herrn Kriegsministers bearbeitet von der Medicinal Abtheilung des Königlich-Preussischen Kriegsministeriums. Berlin. 1894.

**) General Rohne. „Schiesslehre für jnfanterie".

стрѣлахъ брался полный пороховой зарядъ и, кромѣ того, въ предупрежденіе другихъ источниковъ ошибокъ, сосуды частей трупа непосредственно предъ опытомъ наполнялись кровяною сывороткою животныхъ и до извѣстной степени пропитывались Wickersheimer'овскою жидкостью, служащею для сохраненія анатомическихъ препаратовъ, чтобы степень напряженія жидкости въ сосудахъ соотвѣтствовала прижизненной напряженности.

Кромѣ того, Бирхеръ стрѣлялъ (въ Валленштадтѣ) по двумъ козамъ съ 300 метровъ разстоянія *). Одна изъ нихъ, чтобы не повредить никакого органа, была убита хлороформированіемъ; другая-же была взята живой, причемъ обѣ онѣ поддерживались въ одинаковомъ стоячемъ положеніи. Чтобы получить большее количество выстрѣловъ въ то-же время, Бирхеръ пользовался магазиннымъ ружьемъ. Оказалось, что первая коза получила 15, а вторая 8 ранъ, пронизывающихъ насквозь справа на лѣво. Образовавшіеся пулевые каналы, какъ въ мягкихъ частяхъ, такъ и въ костяхъ, у живой и мертвой козы оказались одинаковыми.

Такимъ образомъ, получились факты, давшіе возможность составить систематическій очеркъ о дѣйствіи новаго оружія и полную, свободную отъ пробѣловъ, картину, позволяющую составить себѣ опредѣленное сужденіе о тѣхъ огнестрѣльныхъ поврежденіяхъ, какими грозитъ будущая война.

Взрывоподобное дѣйствіе новыхъ пуль.

Однако, не было недостатка и въ противоположныхъ отзывахъ. Уже во франко-германскую войну 1870—71 гг. раздавался въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ упрекъ, что непріятель пользуется разрывными ружейными пулями; основаніемъ для этого упрека служило то обстоятельство, что раны часто носили характеръ поврежденій, причиненныхъ разрывными снарядами, между тѣмъ какъ уже 16 ноября 1868 г. международнымъ постановленіемъ с.-петербургской конвенціи воспрещено было употребленіе разрывныхъ ружейныхъ пуль.

Но болѣе точное знакомство съ дѣйствіемъ ружейной пули предупредило бы столь страстныя взаимныя обвиненія, если бы нѣкоторыя наблюденія относительно разрывнаго дѣйствія ружейныхъ пуль при выстрѣлахъ съ близкаго разстоянія, извѣстныя уже до 1870 г., были своевременно

*) Bircher, „Neue Untersuchungen über die Wirkung der Handfeuerwaffen". 1896

опубликованы. Впрочемъ, полезнымъ слѣдствіемъ общаго заблужденія было то, что стали производиться опыты, которые самымъ удовлетворительнымъ образомъ установили полную безосновательность обвиненій въ употребленіи спеціальнаго разрывнаго матеріала для ружейныхъ пуль. Было, какъ нельзя болѣе ясно, доказано, что, дѣйствительно, въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто, такъ сказать, „взрывоподобное" дѣйствіе новыхъ пуль. Какъ въ самомъ дѣлѣ не употреблять выраженіе „взрывоподобное", если ружейная пуля, вылетающая со скоростью около 500 метровъ, раскалываетъ черепъ на безчисленнные куски и разбрасываетъ мозгъ на метръ вокругъ? *).

Сдѣланы были новые многочисленные опыты, подтвердившіе интересный фактъ, что пуля съ большою начальною скоростью (не меньшею чѣмъ 250—300 метровъ) обнаруживаетъ свое дѣйствіе на подобіе взрыва.

Разными способами старались объяснить причину этого явленія. Наиболѣе распространено мнѣніе, что взрывоподобное дѣйствіе наступаетъ тогда, когда пуля попадаетъ въ какой-нибудь органъ, богатый жидкостью. Указанное явленіе объясняется тѣмъ, что капельно-жидкія части, при столь быстромъ воздѣйствіи, не будучи въ состояніи отклониться, совершенно подобно тому, какъ твердыя тѣла, разбрасываются во всѣ стороны и тѣмъ самымъ, въ свою очередь, оказываютъ разрушительное дѣйствіе на сосѣднія ткани. Эта теорія гидравлическаго давленія наиболѣе полно разработана Регеромъ.

Извѣстно, что жидкости представляютъ собою несжимаемыя тѣла; благодаря легкой подвижности своихъ частицъ, онѣ подъ вліяніемъ давленія могутъ измѣнять свою форму, но не объемъ. Если жидкость замкнута въ полости и если на нее дѣйствуетъ давленіе той или другой величины, то давленіе это въ жидкости передается равномѣрно во всѣ стороны, такъ что всѣ мѣста стѣнокъ полости испытываютъ въ равной степени это давленіе. Представимъ себѣ теперь давленіе, дѣйствующее на такую систему, состоящую изъ жидкости и полости—оболочки, безразлично упругой или неупругой; въ этомъ случаѣ эффектъ давленія будетъ зависѣть: 1) отъ величины его, 2) отъ величины поверхности, на которую давленіе распространяется, 3) отъ скорости давленія и 4) отъ свойства стѣнокъ полости.

Если стѣнки полости податливы, то онѣ будутъ растягиваться и при

*) „Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine". „Ueber die Wirkungsweise der kleinkalibrigen Gewehrgeschosse".

дальнѣйшемъ дѣйствіи давленія наконецъ разрываются; если скорость давленія незначительна, сила же его достаточно велика, то оболочка сначала вдавится, а затѣмъ разорвется и жидкость выйдетъ черезъ образовавшееся этимъ путемъ отверстіе; если же, напротивъ, скорость давленія на столько велика, что послѣднее успѣваетъ уже передаться во всѣ стороны, прежде чѣмъ жидкость измѣнитъ свое положеніе равновѣсія и вытечетъ, то оболочка разрывается съ силою пропорціональною силѣ давящаго тѣла и притомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя уступаютъ сопротивленію.

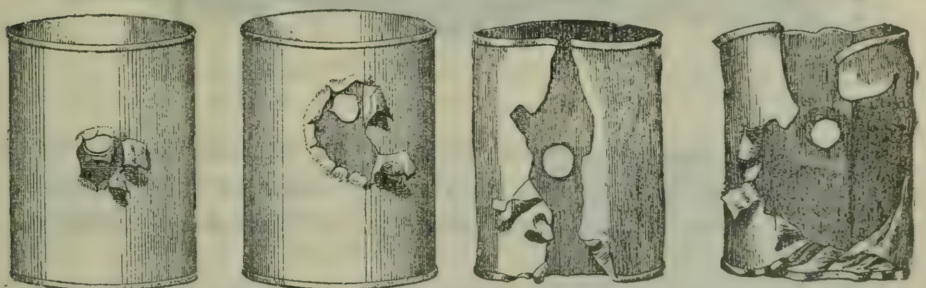
Убѣдительны въ этомъ смыслѣ опыты, произведенные Бирхеромъ *).

Чтобы доказать, въ какой сильной степени идетъ увеличеніе гидравлическаго давленія съ увеличеніемъ скорости пули, онъ стрѣлялъ въ наполненную водой жестянку, причемъ пулѣ сообщалась послѣдовательно скорость: a) 200, b) 250, c) 300, d) 400 метровъ.

Результаты дѣйствій представлены на слѣдующемъ рисункѣ.

Дѣйствіе пули на наполненныя водой жестянки, при скоростяхъ:

въ 200 м. въ 250 м. въ 300 м. въ 400 м.

При опытахъ съ 11-миллиметровымъ ружьемъ взрывное дѣйствіе также наблюдалось на малыхъ разстояніяхъ, при начальной скорости въ 430—450 метровъ.

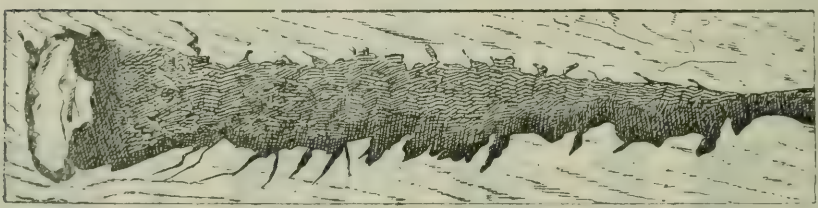
Отсюда видно, что разрушительная сила современныхъ пуль несравненно значительнѣе, чѣмъ сила пуль прежнихъ ружей, такъ какъ при ударѣ нынѣшней пули въ кость съ большой скоростью, послѣдняя на мѣстѣ вхожденія пули совершенно разрушается и даетъ, кромѣ того, трещины на значительномъ разстояніи. При пораженіи же внутреннихъ органовъ дѣйствіе еще страшнѣе.

*) Bircher, „Neue Untersuchungen ueber die Wirkung der neuen Handfeuerwaffen“.

Входныя и выходныя отверстія.

Бирхеръ недавно показалъ, что современная пуля при выстрѣлѣ изъ ружья съ начальной скоростью въ 400 метровъ, ударивъ въ деревянный брусъ, дѣлаетъ по его длинѣ каналъ все болѣе и болѣе расширяющійся, какъ это показываетъ нижеслѣдующій рисунокъ:

Каналъ, сдѣланный пулею въ деревянномъ брусѣ, по его длинѣ.

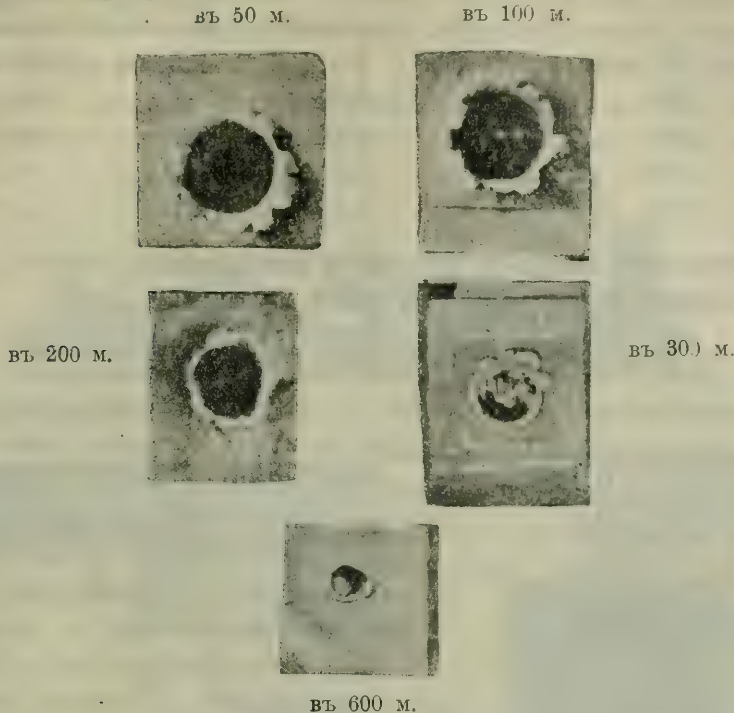
Кромѣ того, дальнѣйшіе опыты показали, что величина входнаго пулеваго отверстія въ кожѣ, по мѣрѣ увеличенія разстоянія до 2,000 метровъ, уменьшается постепенно и при томъ равномѣрно съ уменьшеніемъ скорости полета пули.

Въ высокой степени интересны опыты стрѣльбы 8-миллиметровыми пулями (ружье 1888 г.), по свинцовымъ пластинкамъ (плиткамъ). Они показали, что степень деформаціи пуль и величина разрушенія свинцовой пластинки находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу.

Помѣщенные на стр. 467-й рисунки показываютъ величину разрушенія свинцовой пластинки 8-миллиметровыми пулями съ разныхъ разстояній.

Пробитая въ свинцовой пластинкѣ (толщиною въ 5 стм.) полость всего больше и глубже при примѣненіи пуль съ наибольшею живою силою; съ уменьшеніемъ послѣдней, уменьшается и деформація пули, и размѣръ разрушенія свинцовой пластинки. Точно также при тонкихъ свинцовыхъ дощечкахъ возрастаютъ съ повышеніемъ живой силы и ширина пулеваго канала, и величина выбитыхъ пластинокъ, и деформація снаряда.

Величина разрушенія свинцовой пластинки съ разстояній:

Выходное отверстіе пули.

Выходное кожное отверстіе обнаруживаетъ еще болѣе многочисленныя и значительныя колебанія въ формѣ и величинѣ, чѣмъ входное. Въ то время какъ послѣднее, за самыми ничтожными исключеніями, зависитъ единственно отъ разстоянія и способа попаданія пули, на форму выходнаго отверстія вліяютъ еще, кромѣ того, свойства пораженныхъ частей, а также размѣры, происшедшихъ внутри прострѣленнаго члена, разрушеній.

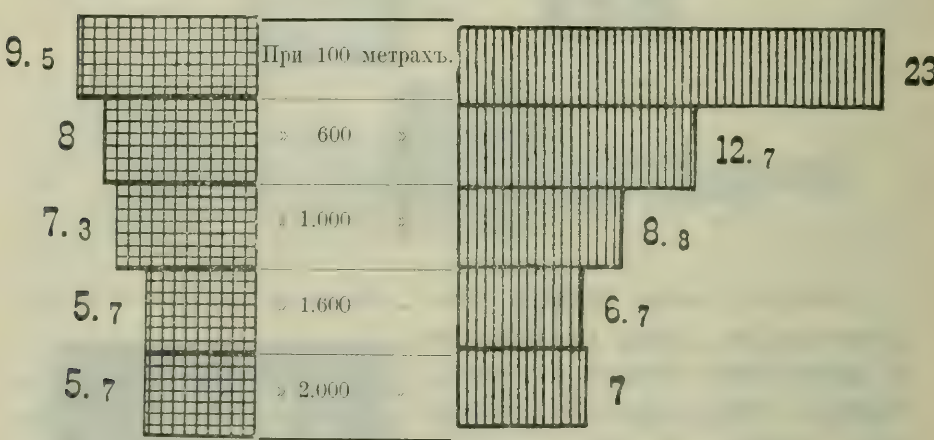
Нижеслѣдующія цифры показываютъ намъ среднія величины входнаго и выходнаго отверстій при огнестрѣльныхъ ранахъ, а помѣщаемый здѣсь рисунокъ изображаетъ мѣсто выхода пули изъ ладони при выстрѣлѣ, произведенномъ въ упоръ.

	Входное отверстіе.	Выходное отверстіе.	
		Раны мягкихъ частей.	Раны костей.
При 100 метрахъ разстоянія .	7,6 м.м.	9,5 м.м.	23 м.м.
„ 600 „ „	6,8 „	8 „	12,7 „
„ 1 000 „ „	6,08 „	7,31 „	8,8 „
„ 1.600 „ „	5,5 „	5,7 „	6,7 „
„ 2.000 „ „	5,7 „	5,7 „	7 „

Соотношенія выходнаго отверстія въ ранахъ, мягкихъ частей и костей еще рельефнѣе покажутся въ графическомъ обозначеніи.

Величина выходнаго отверстія, въ миллиметрахъ.

Раны мягкихъ частей. Раны костей.

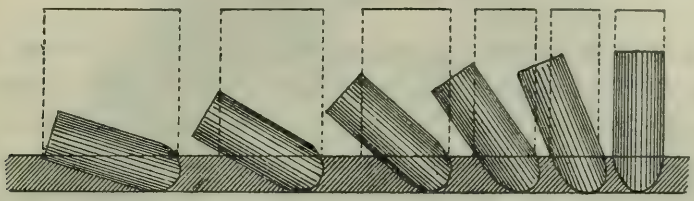
„Въ общемъ, однако,—говоритъ Габартъ *),—небольшія входныя пулевыя отверстія и относительно малыя выходныя отверстія маскируютъ болѣе значительныя поврежденія и при первомъ взглядѣ не позволяютъ вывести правильнаго заключенія о характерѣ и размѣрахъ огнестрѣльной раны“.

Если къ тому же пуля не попала въ кожу по нормали, а въ косвенномъ направленіи, то входное отверстіе представляется обыкновенно овальнымъ, рѣже—трехъугольнымъ или четырехъугольнымъ. Вообще говоря, чѣмъ меньше уголъ, образуемый направленіемъ пули съ поверхностью кожи, тѣмъ больше дефектъ, вызываемый входнымъ отверстіемъ.

*) Seydel. „Lehrbuch der Kriegschirurgie“.

Отношеніе величины входнаго пулеваго отверстія къ углу, образуемому направленіемъ пули и поверхностью кожи, представлено вполнѣ наглядно на прилагаемомъ рисункѣ.

Отношеніе величины входнаго пулеваго отверстія къ углу, образуемому направленіемъ пули и поверхностью кожи.

Распространеніе дѣйствія пули на мягкія части вокругъ пулеваго канала точно установить бываетъ не легко.

Слѣпокъ огнестрѣльной раны мягкихъ частей бедра.

Мышечные пулевые каналы, въ общемъ, обнаруживаютъ довольно равномѣрное отношеніе. Они представляютъ, какъ бы выбитую пробойникомъ, цилиндрическую трубку, которая при выстрѣлахъ съ близкихъ разстояній имѣетъ большею частію поперечникъ, нѣсколько превышающій калибръ пули; при выстрѣлахъ же съ болѣе далекихъ дистанцій постепенно съуживается до поперечника въ 4—5 м.м. На поверхностяхъ распила замороженныхъ препаратовъ каналы представляются въ видѣ линейныхъ, зіяющихъ щелей въ 1—3 м.м. Стѣнки ихъ гладки, окружность болѣе или менѣе пропитана кровью въ зависимости отъ числа поврежденныхъ сосудовъ.

Помѣщенный здѣсь рисунокъ изображаетъ слѣпокъ огнестрѣльной раны мягкихъ частей бедра, произведенной 8-ми-миллим. пулею съ разстоянія въ 100 метровъ.

Инородныя тѣла находятъ въ пулевомъ каналѣ вовсе не такъ рѣдко, какъ это обыкновенно полагаютъ.

Пуля, пущенная съ разстоянія до 1.200 метровъ, въ 58,7 проц. всѣхъ случаевъ, попадая на діафизы трубчатыхъ костей, раздробляется на мельчайшія частички, изъ коихъ нѣкоторыя застрѣваютъ въ пулевомъ

каналѣ. Начиная съ разстояній въ 1.000 метровъ, въ каналѣ могутъ застрѣвать уже цѣлыя пули либо недеформированныя, либо сплющенныя у верхушки.

Пораженія черепа.

Костный черепъ пробивался новой 8-миллиметровою пулей при дистанціяхъ до 2.000 метровъ и только съ этой дистанціи пуля уже не имѣла силы пронизать его. Такъ, напримѣръ, выстрѣлъ съ разстоянія въ 50 метровъ совершенно раздробилъ черепъ; кожа и кости всего черепнаго свода разорвались на мельчайшія частицы и разлетѣлись вокругъ на далекое пространство. Все основаніе черепа растрескалось на отдѣльные осколки, линіи излома которыхъ только отчасти соотвѣтствовали естественнымъ соединеніямъ костей (швамъ). Отъ мозга осталась только перемѣшанная съ костными осколками масса, въ которой мѣстами можно было еще распознать слѣды отдѣльныхъ мозговыхъ извилинъ.

Поврежденія эти указаны на помѣщенномъ на стр. 271-й рисункѣ.

При дистанціяхъ 1.100 метровъ, какъ входное, такъ и выходное отверстія пули были окружены довольно большимъ количествомъ осколковъ. Первое гладкое отверстіе наблюдалось на черепѣ трупа лишь при выстрѣлѣ съ разстоянія въ 1.600 метровъ. Но и при 1.600 метрахъ такое явленіе отнюдь еще не представляется постояннымъ, и мы можемъ только сказать, что, начиная съ этой дистанціи, дырчатые прострѣлы могутъ имѣть мѣсто. Такъ, изъ трехъ выстрѣловъ, произведенныхъ въ черепъ съ разстоянія въ 2.000 метровъ, только два дали дырчатыя раненія, въ третьемъ же случаѣ, гдѣ черепъ отличался необычайною тонкостію костей, между входнымъ и выходнымъ отверстіями обнаружились опять таки линіи разрыва. Что касается выстрѣловъ въ черепъ на разстояніи болѣе 2.000 метровъ, то мы располагаемъ всего лишь однимъ наблюдавшимся на живомъ человѣкѣ огнестрѣльнымъ раненіемъ черепа (дистанція 2.700 метровъ), не обнаруживавшимъ уже никакого образованія осколковъ и выходнаго костнаго отверстія.

Такимъ образомъ, хотя обширное разрушеніе, которому подвергается черепной сводъ при 8-миллиметровой пулѣ, пущенной съ разстоянія въ 50 метровъ, и уменьшается по мѣрѣ увеличенія дистанціи, тѣмъ не менѣе переходъ этотъ настолько постепененъ, что устанавливать строго обособленные поясы или зоны, въ зависимости отъ разстоянія и обусловливаемаго имъ характера разрушенія, едва-ли представляется возможнымъ.

Пораженіе черепа 8-миллим. пулей съ разстоянія въ 50 метровъ.

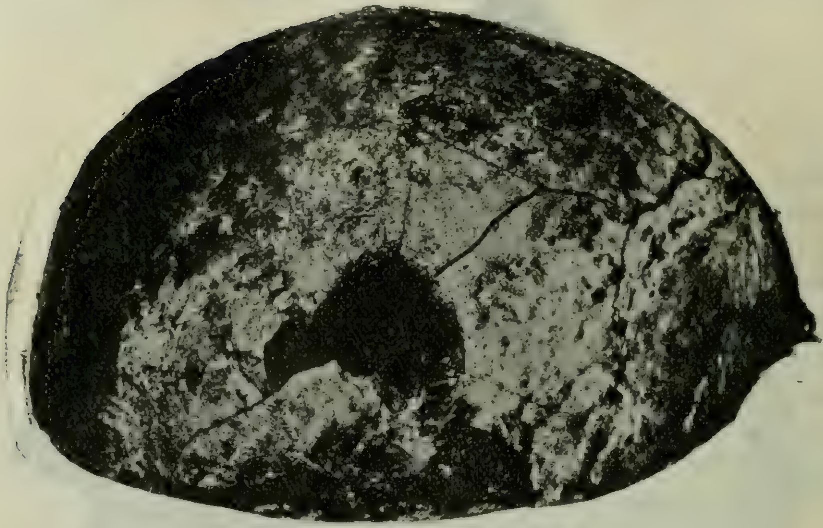
Лишь начиная съ дистанціи въ 1.600 метровъ, черепъ обнаруживаетъ дырчатые прострѣлы, какъ то видно изъ помѣщенныхъ ниже рисунковъ:

Пораженіе черепа съ дистанціи въ 1.600 метровъ.

Входное отверстіе пули.

Выходное отверстіе пули.

Вслѣдствіе такой разрушительной силы новыхъ пуль, пораженія черепа въ будущія войны дадутъ большее число убитыхъ и абсолютно, и по отношенію къ числу раненыхъ. Въ то время, какъ прежніе свинцовыя пули, даже при разстояніяхъ въ 800 метровъ и еще ближе, сплющивались о черепныя кости и застрѣвали тутъ же, оболочныя пули и при дистанціи въ 2.000 метровъ насквозь пробиваютъ черепъ, т. е. причиняютъ смертельное поврежденіе.

А такъ какъ выше уже указано, какъ велико было число пораженій въ голову въ предшествующихъ войнахъ, то ясно, что при условіяхъ войны съ новыми ружьями, которыя должны будутъ, понятно, вызвать измѣненія и въ характерѣ наступленія, число этихъ пораженій должно быть еще выше.

Пораженія сердца.

Сердце, при наполненныхъ желудочкахъ, даетъ разрывы стѣнокъ; будучи же пустымъ, оно обнаруживаетъ при выстрѣлахъ какъ съ дальнихъ, такъ и съ близкихъ дистанцій гладкія дырчатыя раненія.

Пораженія кровеносныхъ сосудовъ.

Поврежденія, наносимыя панцырными пулями, замѣтно отличаются отъ тѣхъ, которыя производились прежними пулями, а именно: въ то время, какъ послѣднія поврежденія представляли собою ушибенныя раны, поврежденія, наносимыя новыми пулями, имѣютъ характеръ рѣзанныхъ ранъ, чѣмъ и объясняется обильное кровотеченіе въ особенности въ полости тѣла и въ подкожную клѣтчатку.

Меньшіе кровеносные сосуды по большей части совершенно разрываются пулею, причемъ концы ихъ остаются широко зіяющими. Въ крупныхъ кровеносныхъ стволахъ наиболѣе обширныя разрушенія обусловливаются не самою пулею непосредственно, но дѣйствіемъ костныхъ осколковъ вблизи огнестрѣльныхъ поврежденій.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по положенію входнаго и выходнаго отверстія раны, можно было предположить поврежденія крупныхъ сосудовъ, изслѣдывали съ особою тщательностью огнестрѣльный каналъ, но ни разу не удалось доказать ихъ непосредственнаго раненія пулею. Габартъ утверждаетъ, что въ будущей войнѣ кровотеченіе грозитъ значительными потерями. Люди, получившіе раны кровеносныхъ сосудовъ и оставшіеся въ живыхъ, должны быть транспортируемы не раньше, чѣмъ произведена будетъ окончательная остановка кровотеченія путемъ тампонады іодоформною марлей или, еще лучше, путемъ наложенія лигатуры *).

И такъ, на усиленіе смертности не останутся безъ вліянія и поврежденія крупныхъ кровеносныхъ сосудовъ, и истеченіе кровью на полѣ сраженія. Въ прежнія войны поврежденія эти случались рѣже и имѣли не такой печальный исходъ, что объясняется очень просто. Деформированныя свинцовыя пули имѣютъ своимъ послѣдствіемъ интенсивное размозженіе и разрывъ тканей, содѣйствующіе произвольной остановкѣ кровотеченія, тогда какъ панцырная пуля прорѣзываетъ, какъ острый ножъ, сосуды и не даетъ ихъ стѣнкамъ касаться; отсюда неудержимое внутреннее или наружное кровотеченіе, влекущее за собою смерть.

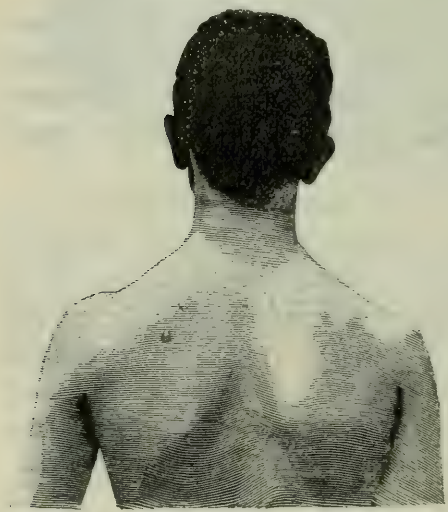
---

*) Habart, «Ueber die Einwirkung der 8 m.m. Geschosse auf die Gefässe und die Knochen der Lebenden». Wien. Med. Presse № 14.

Пораженія легкихъ.

Выстрѣлы въ легкія (по 22 наблюденіямъ на живыхъ людяхъ, раненыхъ случайно) представляются доброкачественными: 1) если легкое не пронизано рикошетною пулею, ударившею поперечно, 2) если пуля не загнала въ легкое костныхъ осколковъ, 3) если не разрушенъ крупный кровеносный сосудъ или крупная бронхіальная вѣтвь и 4) если легочныя верхушки остались невредимыми.

Рана отъ пули послѣ 6-ти-недѣльнаго леченія.

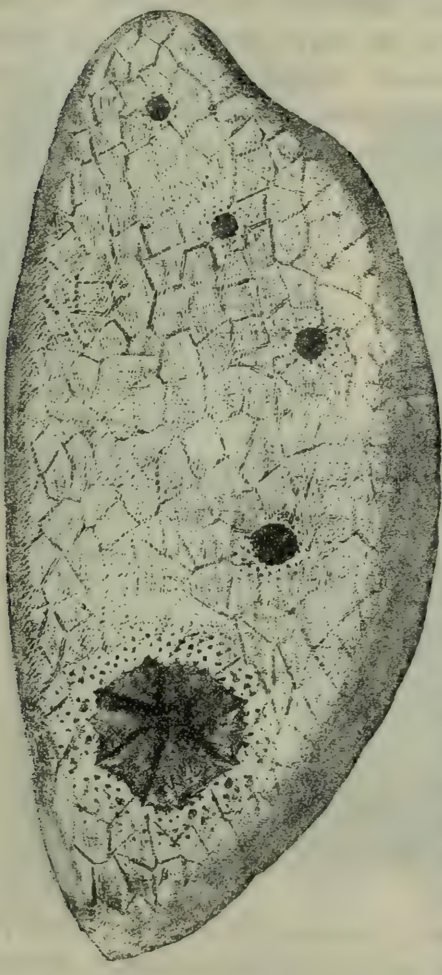
Помѣщаемъ здѣсь рисунокъ *) представляющій рану отъ пули, попавшей въ легкія, послѣ шестинедѣльнаго леченія.

Видъ самаго легкаго, пораженнаго пулей съ разныхъ дистанцій (по опытамъ въ Швейцаріи, пулей принятаго тамъ образца), показываетъ помѣщаемый на страницѣ 475-й рисунокъ, заимствованный у Бирхера.

На этомъ рисункѣ первая сверху рана представляетъ чистый гладкостѣнный каналъ, произведенный выстрѣломъ съ разстоянія въ 1.000 метровъ; вторая — каналъ съ гладкими стѣнками, съ незначительнымъ кровоизліяніемъ (съ разстоянія въ 700 метровъ.); третья—гладкій каналъ съ обильнымъ кровоизліяніемъ (съ разстоянія въ 300 метровъ); четвертая—входное отверстіе гладкое, но каналъ въ задней его части съ сильно изорванными стѣнками (съ разстоянія въ 25 метровъ); пятая—выходное отверстіе той же раны, діаметромъ въ 4 сантиметра.

*) Düms. Handbuch der Militärkrankheiten .

Пораженія легкаго съ разныхъ дистанцій.

Пораженія брюшной полости и пузыря.

Нахожденіе въ брюшной полости важныхъ для жизни органовъ придаетъ огнестрѣльнымъ ранамъ въ животъ особое значеніе.

При всѣхъ дистанціяхъ выстрѣлы въ большія железы кишечника дали наиболѣе обширныя разрушенія; простыя гладкія дырчатыя раненія въ нихъ, повидимому, вообще, не встрѣчаются. Точно также будутъ многочисленны пораженія стѣнокъ пищеварительнаго канала. Насквозь или лишь по касательной линіи проинжетъ ихъ пуля, все-равно, онѣ будутъ пробиты на большомъ протяженіи, или болѣе или менѣе неправильно разорваны. Послѣднее наступитъ всегда при томъ случаѣ, если поражаемая часть наполнена жидкимъ содержимымъ (происходитъ гидравлическое давленіе). Въ этомъ случаѣ выходное отверстіе пули бываетъ всегда гораздо больше входнаго, ибо гидравлическое давленіе въ наибольшей степени распространяется въ направленіи пути полета пули. Сказанное имѣетъ силу на разстояніи 1.000 метровъ и дальше. Что этотъ фактъ обязанъ гидравлическому давленію, приведеннаго въ движеніе, содержимаго кишки, доказывается тѣмъ, что таже самая пуля въ наполненной кишечной петлѣ производитъ длинные разрывы, между тѣмъ какъ въ пустой — пробиваетъ лишь маленькія круглыя отверстія.

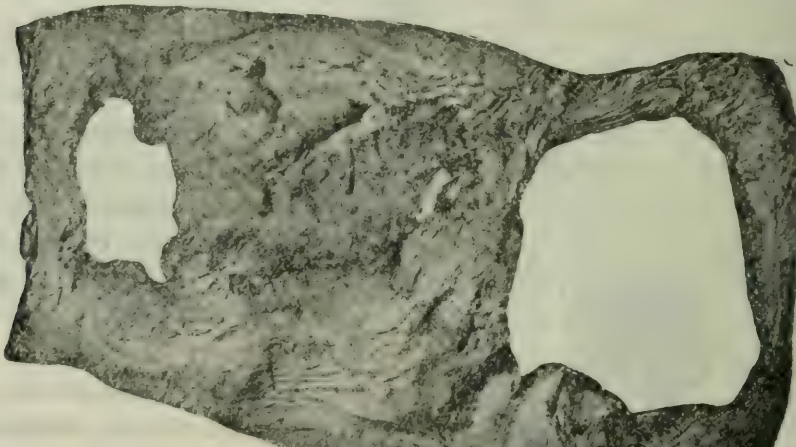
Это уяснится намъ болѣе наглядно, если присмотримся къ рисунку, помѣщенному въ приложеніи (см. прил. къ стр. 476), заимствованному изъ сочиненія Габарта *), который изображаетъ пораженія 8-миллиметровою пулей живой лошади съ разстоянія въ 100 метровъ.

Тоже отношеніе показываетъ и мочевой пузырь, но онъ рѣдко бываетъ такъ туго наполненъ, чтобы гидравлическое давленіе могло вызвать разрывъ эластичной и легко сокращающейся его оболочки.

Рана пищеварительнаго канала, вызвавшая выхожденіе его содержимаго въ брюшную полость, ведетъ къ смерти обыкновенно не сейчасъ послѣ поврежденія, но, по большей части, часовъ черезъ 48-мь. При выстрѣлахъ въ мочевой пузырь также рѣдко можно надѣяться на спасеніе. Вообще, всѣ раны, проникающія чрезъ брюшную полость, даютъ на войнѣ плачевные результаты.

Вотъ рисунокъ (заимствованный изъ сочиненія Габарта „Geschossfrage"), показывающій брюшную полость, прострѣленную съ разстоянія въ 450 метровъ.

Пораженіе брюшной полости съ разстоянія въ 450 метровъ.

Хотя и существуютъ мнѣнія о возможности излеченія этихъ ранъ, полученныхъ на войнѣ, путемъ своевременнаго примѣненія правильной оперативной терапіи, но все дѣло въ томъ, что примѣненіе этой терапіи рѣшительно неосуществимо на полѣ сраженія.

*) D-r Habart. „Geschossfrage".

Пораженія брюшной полости у живой лошади 8-ми миллиметровою пулею съ разстоянія въ 100 метровъ.

Рис. 1.

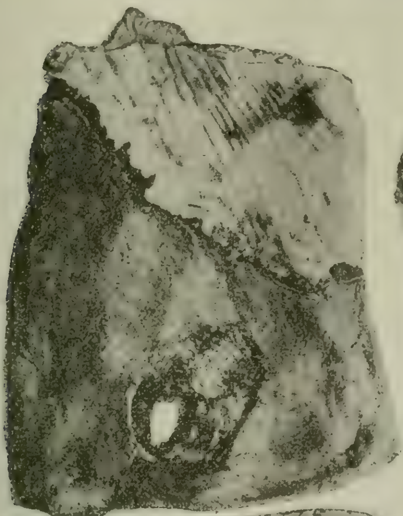
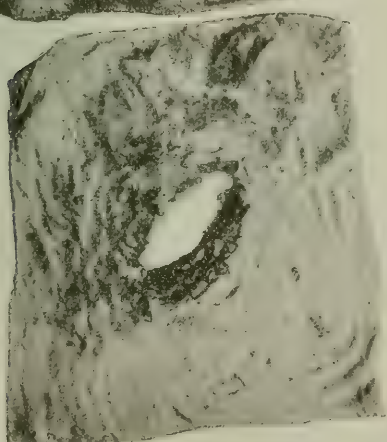

Рис. 2.

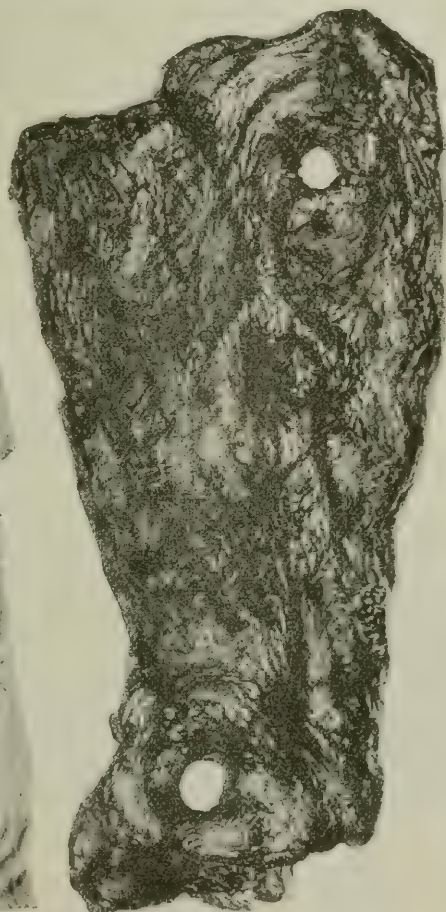

Рис. 3.

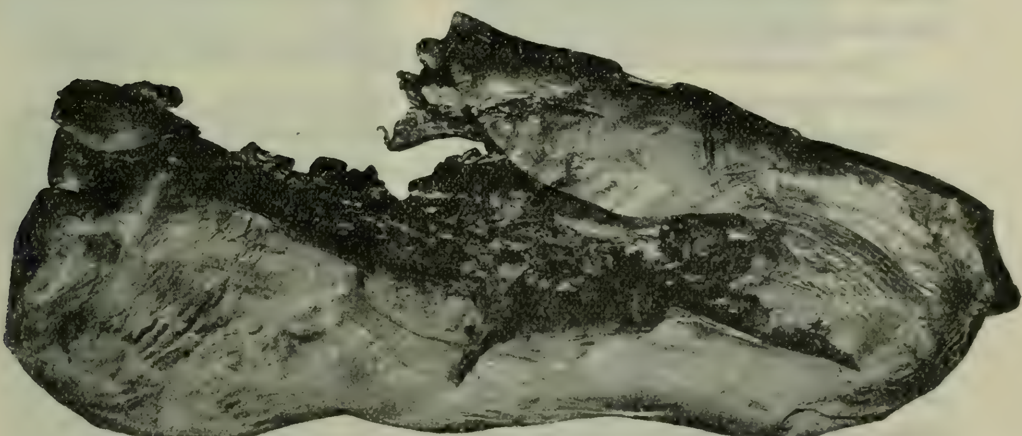
Рис. 1-й представляетъ входное отверстіе пули (8 mm.), въ слизистой оболочкѣ желудка, 2 см. длины и 1 см. ширины. Рис. 2-й представляетъ выходное отверстіе пули (8 mm.), въ днѣ желудка, 2,5 см. длины и 1,5 см. ширины. Рис. 3-й представляетъ входное и выходное отверстія, въ концѣ слѣпой кишки, 1,0 и 1,4 см. въ поперечникѣ.

Пораженія печени, селезенки и почекъ.

Большія железы живота, печень, почки и селезенка состоятъ изъ весьма жидкой паренхимы, окруженной тонкой интерстиціальной соединительной тканью, и, представляя поэтому весьма слабое сопротивленіе, тѣмъ самымъ даютъ выгодныя условія для легкаго вытѣсненія, лежащаго по пути пули, вещества ткани и передачи движенія сосѣднимъ частямъ. Вотъ почему мы видимъ, что и при большихъ разстояніяхъ происшедшій въ ткани дефектъ значительно превышаетъ калибръ ружья, сами же стѣнки пулевого канала неправильны и разорваны. Гидравлическое давленіе въ физическомъ смыслѣ наступаетъ въ такихъ тканяхъ и при слабой силѣ выстрѣла *).

Слѣдующій рисунокъ представляетъ пораженія печени у живой лошади 8-миллиметровой пулей **).

Пораженіе печени у живой лошади 8-милл. пулей.

Поврежденія костей.

Огнестрѣльныя поврежденія костей представляютъ особенный интересъ въ виду высокой абсолютной и относительной частоты этихъ поврежденій въ военное время. По сопоставленію Фишера, изъ общаго числа

*) Bircher, «Neue Untersuchungen».

**) Habart, «Geschossfrage».

раненій приходится на долю огнестрѣльныхъ ранъ вообще 21 проц., а на долю огнестрѣльныхъ переломовъ костей конечностей — 13,8 проц.

Наиболѣе тщательнымъ опытамъ подвергся вопросъ о степени разрушительнаго дѣйствія оболочныхъ пуль на кости.

Такъ, въ «Journal of the Royal United-Service Institution» 1894 (Jannuar), мы находимъ результаты дѣйствія Ли-Метфордской пули на кости лошадей по изслѣдованіямъ капитана Ф. Шмидта (ветеринара). Опыты производились съ разстоянія въ 50—1.000 ярдовъ (45—900 метровъ). Какъ показываютъ помѣщаемые въ приложеніи (см. прил. къ стр. 478) рисунки, кости при всѣхъ дистанціяхъ до 800 ярдовъ раздроблялись отчасти въ порошокъ (костный песокъ) и отчасти въ мельчайшіе осколки. Только при разстояніяхъ въ 900 и 1.000 ярдовъ осколки уменьшаются въ числѣ и возрастаютъ въ величинѣ, не разъединяясь отъ надкостницы.

Еще болѣе обстоятельныя изслѣдованія были произведены въ Пруссіи, д-ромъ Келлеромъ. Установленъ прежде всего тотъ фактъ, что огнестрѣльныя поврежденія костей складываются различно, въ зависимости отъ строенія кости, живой силы пули, ея деформируемости и угла, подъ которымъ пуля встрѣчаетъ кость.

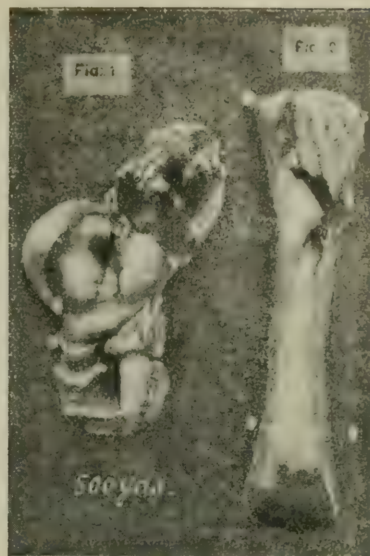
При дистанціяхъ до 600 мет. кость раздробляется совершенно, и въ этомъ эффектѣ пули главнѣйшая роль принадлежитъ гидравлическому давленію.

Описываемое явленіе и представляетъ собою ключъ къ разъясненію, остававшагося столь долго загадочнымъ, разрывнаго дѣйствія пули въ взрывной зонѣ.

Кость, наполненная мозгомъ, является вѣдь ничѣмъ инымъ, какъ трубкою, заполненною полужидкимъ костнымъ мозгомъ; какъ скоро тяжелая пуля проникаетъ въ эту трубку, давленіе передается во всѣ стороны, костная полость разрывается по всѣмъ направленіямъ, сильный толчекъ сообщаетъ отдѣльнымъ осколкамъ сопутственное движеніе. Внѣдряясь зубцами, остріями и гранями въ окружающія мягкія части, особливо въ направленіи выстрѣла, и разрывая кожу въ мѣстѣ выходнаго отверстія, представляющаго, благодаря этому, ужасную картину разрушенія, осколки, въ свою очередь, способствуютъ разрывному дѣйствію пули.

Бирхеръ, чтобы наглядно показать, насколько существенна разница въ дѣйствіи пули на кость, при наличности или отсутствіи въ послѣдней мозга, даетъ въ своемъ атласѣ (по Колеру) два рисунка выстрѣловъ 8-миллиметровою германскою пулею, съ дистанціи въ 1.200 метровъ, по двумъ черепамъ, изъ которыхъ одинъ былъ наполненъ мозговой субстанціею, а другой безъ мозга. Рисунки эти мы здѣсь помѣщаемъ.

Опыты производились при изслѣ до 800 ярдовъ кости раздроблялись
отчасти въ порошокъ (костныеству и возрастаютъ по величинѣ, не

Дѣйствіе Ли-Метфордской пули на кости лошадей.

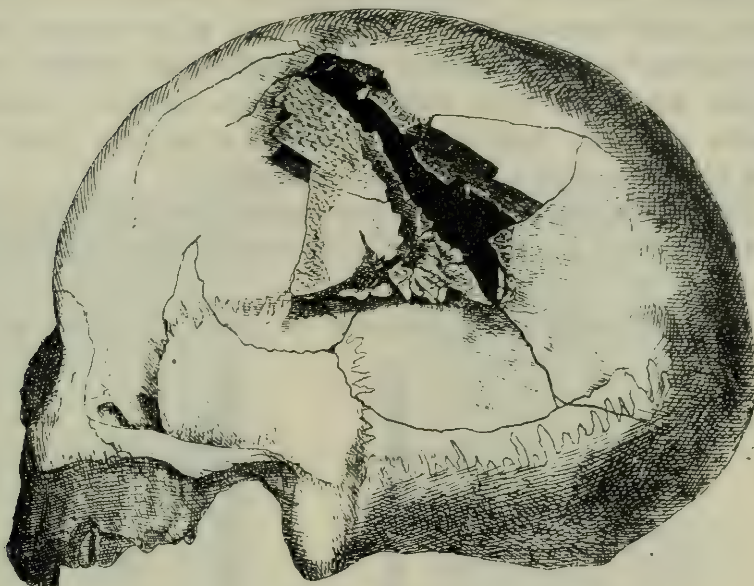

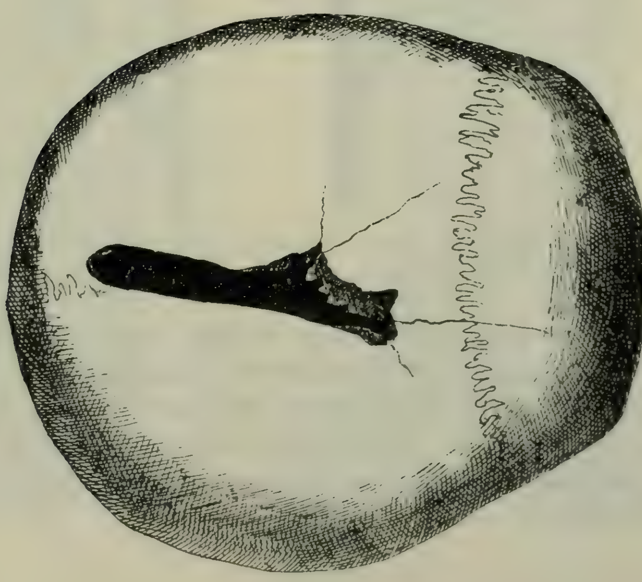

Опыты производились при изслѣдованіяхъ капитана Ф. Шмидта (ветеринара) съ разстоянія въ 50—1000 ярдовъ (45—900 метровъ). При всѣхъ дистанціяхъ до 800 ярдовъ кости раздроблялись отчасти въ порошокъ (костный песокъ), отчасти въ мелчайшіе осколки. Только при разстояніяхъ въ 900 и 1000 ярдовъ осколки уменьшаются по количеству и возрастаютъ по величинѣ, не разъединяясь отъ надкостницы.

Пораженія черепа германскою 8-милл. пулею съ дистанціи въ 1.200 метровъ,

Черепъ съ мозгомъ.

Черепъ безъ мозга

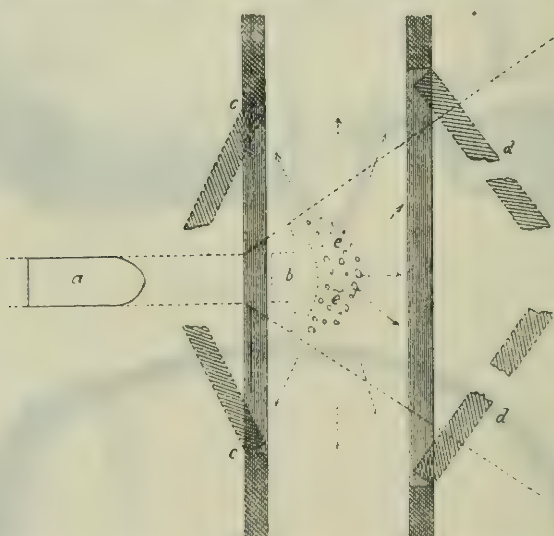

Рисунки показываютъ, что наибольшее разрушеніе кости пуля произвела въ черепѣ, наполненномъ мозгомъ, что объясняется именно гидравлическимъ давленіемъ послѣдняго.

Конечно, нельзя еще говорить о разрывномъ дѣйствіи, если пуля пробиваетъ гладкій воронкообразный каналъ въ кости или въ мягкихъ частяхъ. Другое дѣло, когда огнестрѣльный каналъ превосходитъ калибръ пули въ 10 разъ или болѣе, когда цѣль обнаруживаетъ трещины и разрывъ въ мѣстахъ, совершенно удаленныхъ отъ дѣйствія пули; далѣе, когда самыя части цѣли отлетаютъ въ направленіи выстрѣла.

На нижеслѣдующемъ рисункѣ Рогеръ представляетъ схематически гидравлическое давленіе, развивающееся въ трубчатыхъ костяхъ при пораженіи ихъ пулей *).

Схема гидравлическаго давленія въ трубчатыхъ костяхъ.

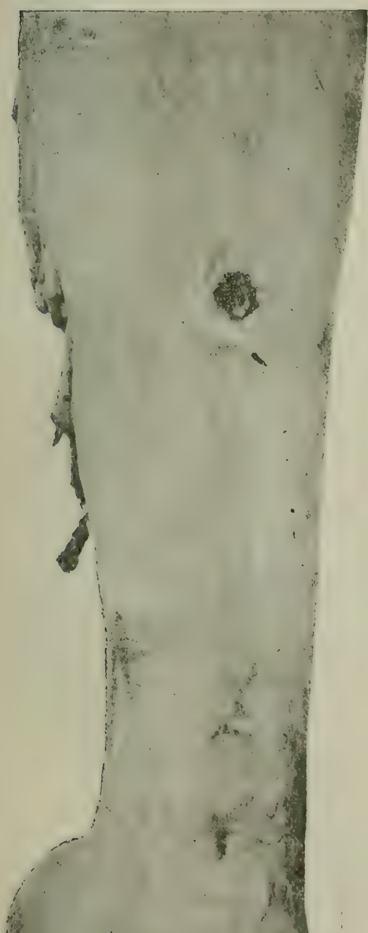
a) пуля въ моментъ пораженія кости; *b*) пуля при вступленіи въ костную полость; *c*) костная стѣнка съ входнымъ отверстіемъ; *d*) костная стѣнка съ выходнымъ отверстіемъ; *e*) костный песокъ.

Разрушеніе мягкихъ частей позади костнаго выходнаго отверстія находится въ вполнѣ опредѣленной зависимости отъ характера и распространенности разрушенія костей. Интенсивность послѣдняго въ компактномъ веществѣ трубчатыхъ костей обнаруживаетъ замѣтное пониженіе по мѣрѣ увеличенія разстоянія, конечно, съ тѣми ограниченіями, какія обусловливаются неодинаковою плотностію костей.

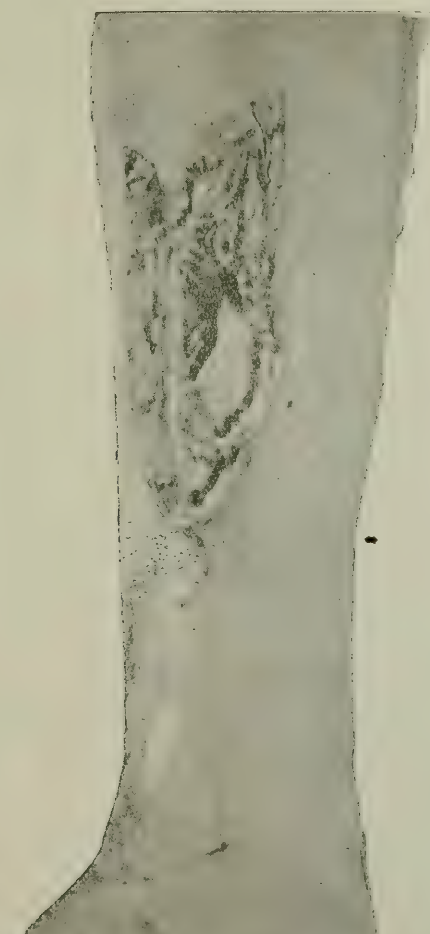
*) Seydel. Lehrbuch der Kriegschirurgie.

Пораженіе кости овцы 8-ми миллиметровою пулею.

Входное отверстіе.

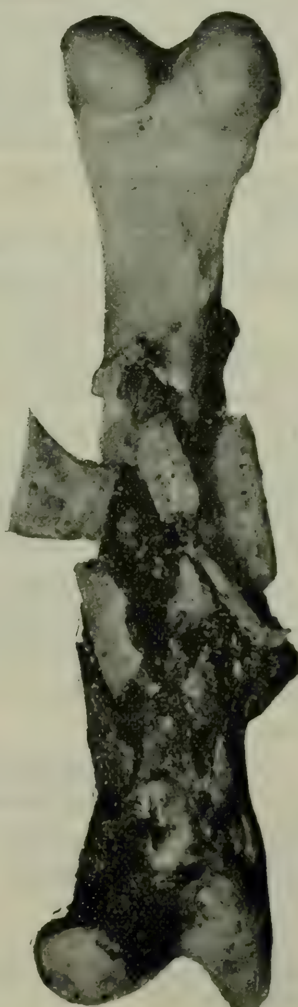

Выходное отверстіе.

Выстрѣлы съ очень близкихъ разстояній характеризируются наиболѣе обширнымъ разрушеніемъ костей и лежащихъ позади послѣднихъ мягкихъ частей. Кость, раздробленная на большомъ протяженіи, представляетъ преимущественно мелкіе и, по большей части, совершенно отдѣлившіеся другъ отъ друга осколки, которые лежатъ частью на мѣстѣ дефекта; большая часть ихъ, однако, внѣдряется въ расположенныя позади костнаго выходнаго отверстія мягкія части, разрываетъ и разрушаетъ ихъ, доходя до кожнаго выходнаго отверстія и даже торча изъ него. На всемъ пространствѣ выходнаго отверстія всегда находится костный песокъ, по большей части тѣсно перемѣшанный съ обрывками мышечной ткани; точно также встрѣчаются здѣсь осколки величиною отъ горошины до 5 стм. Сплошь и рядомъ разрушеніе костей достигаетъ такой степени, что невозможно точно опредѣлить мѣста вхожденія пули въ кость, такъ какъ осколки безпорядочно, неправильно смѣстились. Лишь иногда по крупнымъ изъѣденнымъ мѣстамъ отдѣльныхъ костныхъ осколковъ, соотвѣтствующимъ своими сегментами калибру пули, удается распознать мѣсто вхожденія снаряда.

Выстрѣлъ 8-миллиметр. пулею въ бедро живой овцы.

До 100 метровъ почти всѣ костные осколки отдѣлены; осколки окружающіе входное отверстіе, находятся еще въ связи съ надкостницею, но вырваны изъ своихъ соединеній съ мягкими частями, мелкіе осколки преобладаютъ. При 200 метрахъ осколки, окружающіе входное отверстіе, большею частью еще укрѣплены въ своемъ положеніи.

Здѣсь мы даемъ картину пораженія въ бедро живой овцы, сдѣланнаго 8-и-миллиметровою пулею съ разстоянія въ 200 метровъ (уменьшенный пороховой зарядъ); въ приложеніи же (см. прил. къ стр. 481) помѣщаемъ два рисунка, изъ которыхъ I представляетъ входное отверстіе, а II—выходное отверстіе этой пули.

При 600 метрахъ осколки обнаруживаютъ уже большіе размѣры, разрушеніе мягкихъ частей менѣе обширно. При 700 метрахъ кожное выходное отверстіе всегда меньше и діаметръ его доходитъ, максимумъ, до 20—30 м.м. При 1.000 метрахъ пуля уже не въ состояніи пробить кость, особливо твердую, и сопротивленіемъ послѣдней отклоняется отъ своего направленія. Разрушеніе, вслѣдствіе этого, еще обширно, но осколки крупнѣе и остаются въ соединеніи съ мягкими частями, а нѣкоторые даже сохраняютъ свою надкостницу. При 1.200 метрахъ картина почти не измѣняется, отличаясь только меньшею интенсивностью *).

Лишь начиная съ дистанціи въ 1.600 метровъ, ослабленіе живой силы снаряда даетъ себя чувствовать болѣе рѣзко. Осколки, большею частію очень большіе и несравненно менѣе многочисленные, остаются укрѣпленными на мѣстѣ; соотвѣтственно этому, разрушеніе мягкихъ частей позади костнаго входнаго отверстія менѣе значительно и въ нихъ внѣдряются, самое большее, только единичныя зернышки костнаго песку. Попадая на діафизы, пуля только сплющивается и лишь въ исключительныхъ случаяхъ застрѣваетъ въ нихъ.

При 2.000 метрахъ такое застрѣваніе встрѣчается уже чаще, но во всякомъ случаѣ не составляетъ правила. Образованіе осколковъ, однако, все еще представляетъ постоянное явленіе, хотя соединеніе ихъ съ мягкими частями уже не нарушено. Дырчатые прострѣлы въ компактномъ веществѣ не встрѣчаются никогда при этой дистанціи. Разрушеніе мягкихъ частей позади костнаго выходнаго отверстія почти совершенно не имѣетъ мѣста и ограничивается, въ худшемъ случаѣ, поверхностнымъ разрывомъ, обусловливаемымъ внѣдреніемъ концовъ осколковъ или поперечнымъ ударомъ пули, смѣщенной въ своемъ направленіи.

Но если, по мѣрѣ увеличенія дистанціи, уменьшается интенсивность образованія осколковъ, то этого же нельзя сказать объ уменьшеніи пояса оскольчатаго раздробленія, который остается почти неизмѣннымъ при всѣхъ дистанціяхъ, начиная съ 50 метровъ и кончая 2.000 метрами.

Дѣйствіе, отклонившейся въ своемъ направленіи, пули проявляется болѣе обширными разрушеніями при всѣхъ разстояніяхъ, при чемъ, однако, никакой закономѣрности въ этомъ дѣйствіи, повидимому, нельзя замѣтить.

Что касается костнаго мозга, то при дистанціяхъ до 600 метровъ

*) Лукомскій, «XIV секція военной медицины и хирургіи на конгрессѣ въ Римѣ 1894 г.».

онъ отсутствовалъ на всемъ пространствѣ пояса оскольчатаго раздробленія кости; за предѣлами этого пояса онъ обыкновенно еще отчасти сохранялся *).

Дѣйствіе ружей уменьшеннаго калибра (до 5-ти миллиметровъ).

Таково дѣйствіе 8-ми-миллиметроваго ружья. Но въ непрерывномъ стремленіи усилить начальную скорость, не остановились на этомъ калибрѣ и пошли дальше по пути уменьшенія послѣдняго. 8-ми-миллиметровое ружье уступило мѣсто ружьямъ въ $7,_5$, 7, $6,_5$ м.м., а французская армія предполагаетъ ввести у себя даже 5-ти-миллиметровыя ружья; примѣру Франціи, конечно, не замедлятъ послѣдовать и прочія государства. Такимъ образомъ, является на сцену новый важный вопросъ—вопросъ о дѣйствіи этого усовершенствованнаго новаго ружья.

Опыты, произведенные въ Германіи въ этомъ направленіи, показали слѣдующее: 5-ти и 6-ти-миллиметровыя пули производятъ входныя отверстія одинаковыхъ формъ и свойствъ. Въ большинствѣ случаевъ, эти послѣднія круглы, какъ бы выбиты пробойникомъ, но меньшихъ размѣровъ; ихъ форма и величина позволяютъ вывести заключеніе о направленіи и характерѣ пули и до нѣкоторой, правда крайне ненадежной, степени о разстояніи, съ котораго сдѣланъ выстрѣлъ, но они не даютъ никакихъ точекъ опоры для сужденія о характерѣ и тяжести поврежденій внутри тѣла, которыя несомнѣнно являются гораздо болѣе серьезными по сравненію съ поврежденіями отъ 8-ми-миллиметровыхъ пуль.

Помѣщенные на стр. 484-й рисунки, изображающіе поврежденія голени 5-ти-миллиметровыми пулями, съ разстоянія въ 35 метровъ, показываютъ намъ это достаточно ясно.

О деформаціи оболочныхъ пуль.

Принятыя въ началѣ съ такимъ оптимизмомъ, оболочныя пули оказались весьма опасными въ томъ отношеніи, что онѣ подлежатъ большей

---

*) Bruns, „Ueber die kriegschirurgische Bedeutung der neuen Feuerwaffen". 1892.

Поврежденія лѣвой голени (на отечномъ трупѣ) пулями 5-ти-миллиметроваго ружья, съ разстоянія въ 35 метровъ.

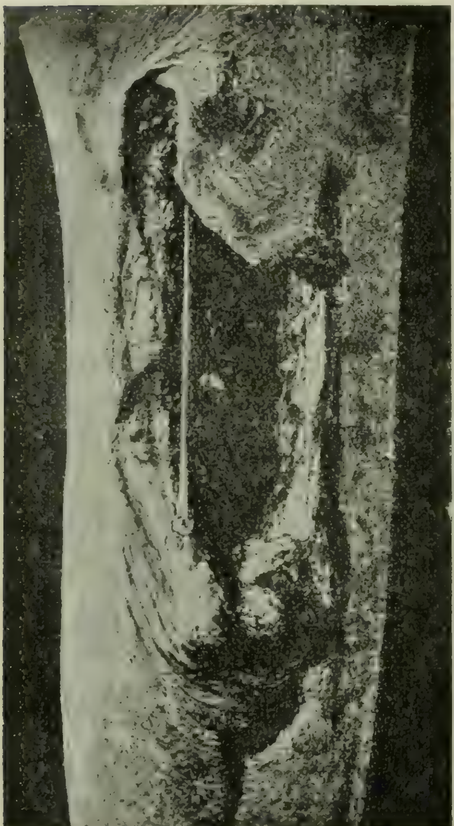

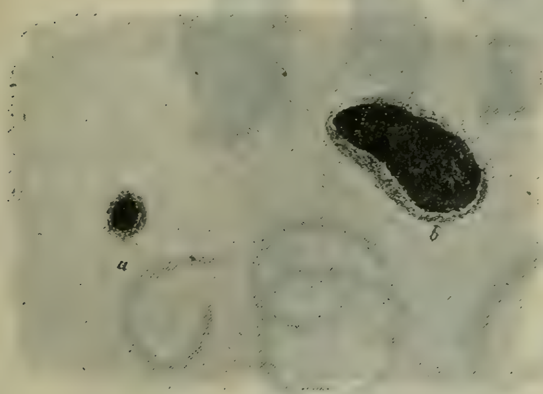
Рис. 1. Пуля прошла черезъ компактное вещество костей лѣвой голени.

Рис. 2. Пуля задѣла компактное вещество лѣвой голени.

деформаціи, чѣмъ прежнія свинцовыя. Когда пуля не пронизываетъ непосредственно тѣла въ качествѣ перваго объекта, а предварительно ударяется о землю или задѣваетъ какое либо препятствіе и только затѣмъ уже рикошетомъ попадаетъ въ тѣло, то входное отверстіе уже обыкновенно болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ продольному сѣченію пули, какъ показываетъ слѣдующій рисунокъ, представляющій входныя отверстія: a—отъ пули, ударившей перпендикулярно къ поверхности кожи, b—отъ пули, ударившей въ кожу въ поперечномъ положеніи.

*Поврежденія отъ пуль, ударившихъ въ тѣло перпендикулярно и косвенно *).*

Опытъ показалъ, — и это имѣетъ величайшее значеніе, — что ни одна изъ прежнихъ пуль не обнаруживаетъ такой большой наклонности измѣнять во время полета свое продольное положеніе въ поперечное, какъ именно современныя оболочныя пули.

Кромѣ того, пуля, встрѣчая на своемъ пути различные предметы, можетъ иногда скользить по нимъ лишь одною своей стороной,—другая ея сторона въ это время можетъ и не преодолѣвать почти никакого сопротивленія; затѣмъ, пулѣ можетъ случиться пройти черезъ рядъ срединъ, обладающихъ различной сопротивляемостью, каковыя условія даются какъ разъ человѣческими тѣлами, состоящими изъ тканей различной плотности.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ наступаетъ сейчасъ-же отклоненіе пули въ сторону или происходитъ поворотъ ея. Если же сопротивленіе въ тѣлѣ вызываетъ задержку поступательнаго движенія, находящейся въ указанныхъ условіяхъ, пули, то она, будучи еще подъ вліяніемъ силы вращенія, сообщеннаго ей нарѣзами ружейнаго ствола, колеблется изъ стороны въ сторону, дѣлаетъ въ части тѣла большій или меньшій поворотъ, сохраняя вращательное движеніе, и хотя, быть можетъ, и не въ состояніи сообщить такія же движенія оторваннымъ частямъ, все же проходитъ путь, при своей еще сохранившейся живой силѣ и энергичномъ вращеніи, на столько большой, что можетъ произвести обширныя опустошенія и увлечь за собою разрушенныя части мышцъ и костей.

Слѣдующіе рисунки показываютъ до какой степени разновидны бываютъ деформаціи пуль.

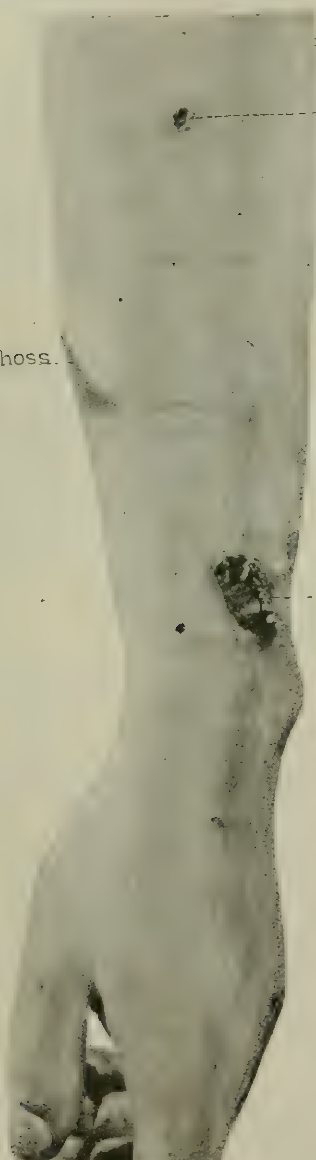
*) Düms, „Handbuch der Militärkrankheiten“. 1896.

Виды деформацiи пуль.

Эта деформацiя пули имѣетъ весьма важное значенiе. Исторiя полевой хирургiи ясно показываетъ, что въ прежнiя времена, даже еще до начала XIX столѣтiя, не имѣли почти никакого представленiя о деформацiи свинцовыхъ снарядовъ въ тѣлѣ, только позднѣе, съ увеличенiемъ живой силы снаряда, обратили вниманiе на частое измѣненiе формы пули при проникновенiи ея въ тѣло, хотя масса, матерiалъ и форма пуль, въ существенномъ, не подверглись измѣненiямъ, равно

Поврежденія руки, вслѣдствіе деформаціи пули.

какъ и свойства сопротивленій,—напр., ткани человѣческаго тѣла,—остались одинаковыми. Оказалось, что, при однородныхъ снарядахъ, деформація пуль зависитъ существенно отъ скорости ихъ полета; съ другой стороны, при разнородныхъ пуляхъ, ихъ твердость или мягкость даютъ намъ право заключить о большей или меньшей возможности ихъ деформироваться только при томъ условіи, если онѣ обладаютъ одинаковою пробивающею силою. Такимъ образомъ, въ настоящее время, когда, при одномъ и томъ же разстояніи, малокалиберное ружье и бездымный порохъ сообщаютъ панцырной пулѣ гораздо болѣе значительную живую силу, въ сравненіи съ той, какую давало прежнее ружье свинцовой пулѣ, уже нельзя принимать на вѣру то само по себѣ, по видимому, правдоподобное воззрѣніе, которое приписывало панцырной пулѣ меньшую наклонность къ измѣненію формы при встрѣчѣ съ человѣческимъ тѣломъ, чѣмъ свинцовой пулѣ.

Опираясь на многочисленные опыты стрѣльбы по лошадямъ, Габартъ опровергъ господствовавшій взглядъ, будто-бы австрійскія панцырныя пули деформировались лишь рѣдко и притомъ только при выстрѣлахъ съ близкихъ дистанцій. При выстрѣлахъ въ твердыя кости (черепъ, бедро, голень лошади) онъ наблюдалъ сплющиваніе и всевозможныя формы раскалыванія и разрыванія оболочки, съ какой бы дистанціи ни производились выстрѣлы. Число такихъ измѣненій формы Габартъ опредѣляетъ въ 15 — 20%. Продолжая далѣе на трупахъ свои опыты съ выстрѣлами панцырныхъ пуль въ твердыя кости, онъ наблюдалъ и здѣсь аналогичныя деформаціи снаряда.

Опыты, произведенные въ Пруссіи, показываютъ также, что измѣненія формы, претерпѣваемыя 8-ми-миллиметровою панцырною пулей при встрѣчѣ ея съ частями тѣла человѣка или животнаго, наблюдаются при всѣхъ разстояніяхъ и, по понятнымъ причинамъ, въ большемъ числѣ при близкихъ дистанціяхъ, т. е. при условіяхъ, когда большая живая сила пули встрѣчаетъ большее сопротивленіе. Такъ, при стрѣльбѣ въ компактную среднюю часть большихъ трубчатыхъ костей, деформація имѣла мѣсто въ слѣдующемъ числѣ случаевъ, выражаемомъ въ % отношеніяхъ:

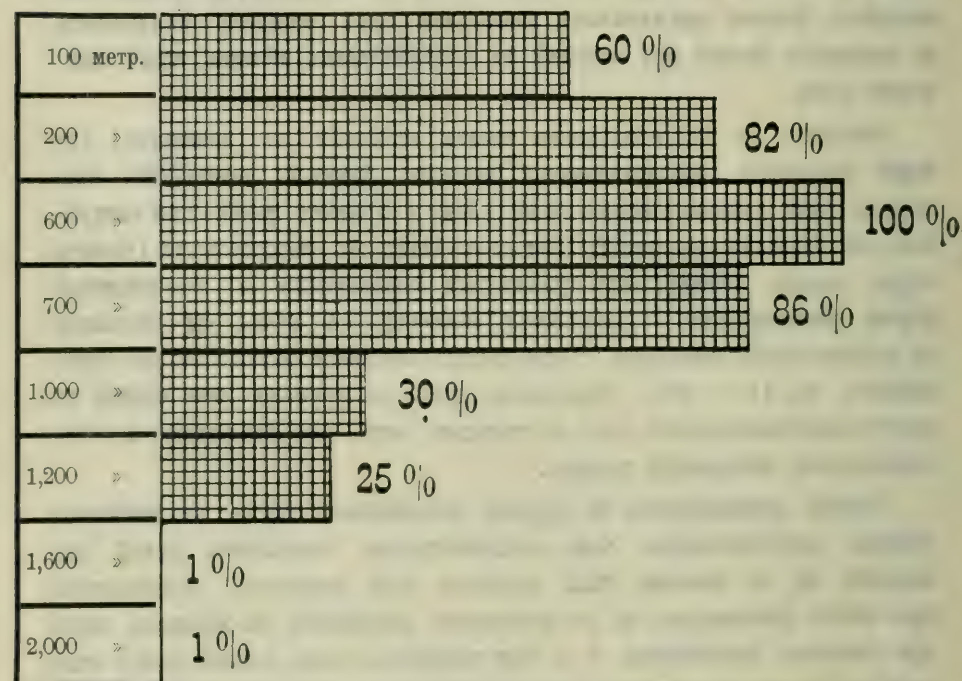
при	разстояніи	въ	100	метровъ	60%
„	„	„	200	„	82 „
„	„	„	600	„	100 „
„	„	„	700	„	86 „
„	„	„	1,000	„	30 „

при разстояніи въ 1,200 метровъ 25%
„ „ „ 1,600 „ 1 „
„ „ „ 2,000 „ 1 „

Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, т. е. при стрѣльбѣ съ разстоянія въ 1,600 и 2,000 метровъ, деформированныя пули по 1 разу, кромѣ того, застряли въ кости. Для большей ясности представляемъ графически результаты этихъ опытовъ.

Деформація 8-миллиметровой панцырной пули при стрѣльбѣ по большимъ трубчатымъ костямъ, въ процентахъ.

Разстоянія:

Рисунокъ, помѣщенный въ приложеніи (см. прил. къ стр. 488), наглядно изображаетъ намъ степень деформаціи оболочной пули при стрѣльбѣ по большимъ трубчатымъ костямъ съ различныхъ разстояній. При выстрѣлахъ съ разстоянія въ 100 метровъ (см. на рисункѣ фигуры 1—5) деформаціи эти состоятъ въ простомъ сплющеніи верхушки, въ различномъ измѣненіи очертаній, съ разрывомъ оболочки или безъ него, и, наконецъ, въ полномъ разрывѣ пули. Аналогичныя измѣненія формы замѣчаются и при выстрѣлахъ съ разстоянія въ 200 метровъ (тамъ же, фигуры 6—16). Достойно вниманія, что вплоть до дистанціи въ 1,200 метровъ вклю-

Степень деформаціи оболочной пули при стрѣльбѣ по трубчатымъ костямъ.

Деформація пули съ разстояній: въ 100 метровъ — фиг. 1 — 5; въ 200 метровъ — фиг. 6 — 16; до 1.200 метровъ — фиг. 17 — 24; въ 1.600 метровъ — фиг. 25 — 27.

чительно (тамъ же, фигуры 17—24), выстрѣлы производятъ тѣ обширныя разрушенія пули, съ полнымъ разрывомъ оболочки и раздробленіемъ сердечника, которыя являются признаками значительной живой силы снаряда и большого сопротивленія человѣческаго тѣла. Только, начиная съ разстоянія въ 1,600 метровъ (тамъ же, фигуры 25—27), значительныя измѣненія пули прекращаются, причемъ оболочка ея, большею частью, остается цѣлою.

Но позволительно спросить: на сколько дѣйствительность отвѣчаетъ опытамъ? И вотъ оказывается, что при залпахъ, во времи уличныхъ безпорядковъ, въ толпу происходилъ разрывъ оболочки и деформированіе пуль, вслѣдствіе чего получились раны, сходныя съ тѣми, какъ если бы ружья были заряжены рубленными кусками свинца.

Мы даемъ рисунокъ, заимствованный изъ „Die Geschosswirkung der Manlicher-Gewehre“ (Modell 1888), такихъ, извлеченныхъ изъ тѣла, пуль.

Деформація пуль при залпахъ въ толпу, во время уличныхъ безпорядковъ.

Фонъ-Колеръ сообщаетъ, что деформація пуль бываетъ въ 4,5% всѣхъ выстрѣловъ по тѣламъ человѣка и животныхъ (по лошадямъ даже 14%). Формы деформаціи пуль, подобныя тѣмъ, какія изображены на

рисункѣ въ приложеніи къ страницѣ 488-й, показываетъ и рубиновское ружье, съ которымъ Бирхеръ *) десять лѣтъ тому назадъ производилъ опыты, лишь съ тѣмъ различіемъ, что деформація этихъ пуль, благодаря меньшей крѣпости ихъ мѣдной оболочки, была еще сильнѣе.

Прикрытія въ будущей войнѣ будутъ употребляться очень часто; но если закрытіе изъ твердыхъ тѣлъ, какъ, напримѣръ, изъ плотной или каменистой земли, изъ дерева или кирпича, недостаточно, чтобы остановить пулю, то оно дѣлаетъ ее еще болѣе опасною, оболочка разбивается, снарядъ деформируется, сдавливается, принимаетъ грибовидную, сплющенную форму или самъ разбивается на части.

Зараженіе раны кусками одежды.

Сначала предполагали, что оболочныя пули, будучи гладкими и обладая большой силой, не будутъ увлекать за собой частей платья и, такимъ образомъ, дадутъ раны чистыя и вполнѣ свободныя отъ болѣзнетворныхъ зародышей; но и эти надежды оказались тщетными.

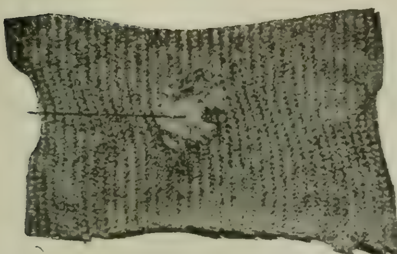
Такъ, по отзывамъ прусскихъ авторовъ, въ 12% всѣхъ огнестрѣльныхъ поврежденій на трупахъ, а равно въ двухъ случаяхъ выстрѣловъ, наблюдавшихся на живыхъ, въ ранахъ констатированы были волокна полотняной ткани, прикрывавшей трупы и бывшей на раненыхъ. Такимъ образомъ, оказалось, что и оболочная пуля, производя въ мѣстѣ вхожденія въ кожу дефектъ, вырываетъ, на подобіе пробойника, куски изъ одежды и уноситъ съ собою въ тѣло, оставляя ихъ, главнымъ образомъ, въ мѣстѣ своего внѣдренія въ кость. Делормъ, при большинствѣ огнестрѣльныхъ переломовъ, находилъ, расположенныя другъ надъ другомъ слоями, частички ткани, съ поперечникомъ въ 3—5 мм., соотвѣтствовавшія прострѣленнымъ пулею мѣстамъ одежды. Брунсу-же, при неповрежденныхъ пуляхъ, никогда не удавалось находить частей одежды въ ранахъ; между тѣмъ какъ Габартъ, осматривая раны отъ выстрѣловъ, замѣтилъ, что входныя отверстія были меньше выходныхъ и что куски ткани были всегда вырваны, какъ показываютъ рисунки, помѣщенные въ приложеніи (см. прил. къ стр. 490) **).

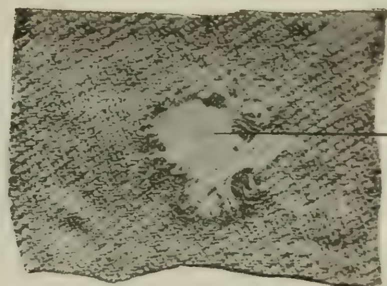
*) Bircher, „Neue Untersuchungen über der Wirkung der Handfeuerwaffen".
**) Die Geschosswirkung der Mannlicher-Gewehre», (Modell 1888).

Вырванные пулею куски ткани.

При входномъ отверстіи раны. При выходномъ отверстіи раны.

На нижнемъ бѣльѣ.

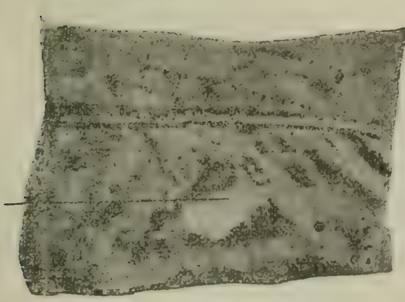

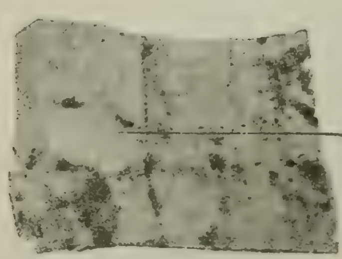
На штанахъ.

На рубашкѣ.

Особенно значительны поврежденія и вырываніе кусковъ платья въ то время, когда пораненія послѣдовали отъ рикошетной пули. Нижеслѣдующій рисунокъ показываетъ, какъ изъ блузы рабочаго унесло кусокъ ткани, длиной въ 4 и шириной въ $1^{1/2}$ стм.

Кусокъ ткани, вырванный рикошетной пулей.

Тѣмъ не менѣе опыты Габарта, Месснера и др., а также и наблюденія, сдѣланныя въ военное время Бергманомъ, показали, что раны отъ малокалиберныхъ ружей должны считаться незараженными. Такъ, рѣдко случается, чтобы болѣзнетворный зародышъ былъ введенъ первично вмѣстѣ съ пулей; чаще всего это бываетъ при деформированыхъ и рикошетныхъ пуляхъ. Но, кромѣ того, возможно вполнѣ, что здоровые клѣточные элементы побѣдятъ въ борьбѣ съ заразнымъ началомъ, такъ какъ для возбудителей воспаленія почва не такъ благопріятна въ гладкихъ пулевыхъ каналахъ, какъ въ прежнихъ, съ болѣе разорванными стѣнками. Вообще говоря, нужны сильная ядовитость и извѣстное количество болѣзнетворнаго агента для условій его дальнѣйшаго развитія. Если же рана заражена, то это случается рѣже на полѣ сраженія, а бываетъ большей частью уже позже и обусловливается обыкновенно проникaніемъ зародышей изнутри изъ пищеварительнаго канала, пузыря, поврежденной стѣнки полости рта или глотки, или же наконецъ дыхательной поверхности легкихъ; въ большинствѣ же случаевъ черезъ поврежденія кожи. Въ рану зародыши могутъ попасть и изъ воздуха, но въ открытомъ полѣ это бываетъ крайне рѣдко. По большей же части зараженіе происходитъ

также, какъ и въ обыденной жизни, т. е. отъ соприкосновенія съ нечистыми руками или перевязочными предметами *).

Дѣйствіе новыхъ пуль на живыя человѣческія тѣла.

Приведемъ теперь извѣстные случаи, давшіе возможность провѣрить на военномъ опытѣ дѣйствіе новаго ружья; случаи эти, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, вполнѣ подтвердили результаты, только что изложенныхъ, научныхъ изысканій.

Возстаніе рабочихъ въ Галиціи въ 1890 г. дало случай Австро-Венгріи испытать свое малокалиберное ружье. Войска, вооруженныя манлихеровскими малокалиберными винтовками, выпустили на разстояніи 40—180 шаговъ вдоль улицы рядъ залповъ. Множество пуль отскочило отъ стѣнъ и, по описанію Богданика, причинило частью ужасныя поврежденія, отличавшіяся большими неправильными кожными входными отверстіями; выходное отверстіе замѣчалось лишь рѣдко, такъ какъ обрывки оболочной пули застрѣвали въ большинствѣ ранъ **). 23 выстрѣлами убито было и ранено 43 человѣка; очевидно, почти всѣ пули, пройдя насквозь тѣло первой жертвы, имѣли достаточно силы, чтобы поразить вторую. Легкихъ ранъ не оказалось вовсе, надобно думать, потому, что рабочіе скрывали ихъ, опасаясь подвергнуться взысканію. Всѣ пораженныя кости оказались раздробленными, мышцы — разорванными. Выстрѣлъ въ бедро мимо кости вызвалъ, напр., оторваніе куска мяса отъ кости.

Въ Ниршау, 20 мая 1890 г., взводъ солдатъ въ 16 человѣкъ выпустилъ по рабочимъ (большею частію, впрочемъ, на воздухъ) пять залповъ съ разстоянія въ 30—80 шаговъ. 10 пуль попали въ массу и ранили и убили 32 человѣка, такъ что, слѣдовательно, каждая пуля поразила 3—4 человѣкъ; изъ пораженныхъ 7 осталось на мѣстѣ, 6 умерло чрезъ нѣсколько дней, остальные выздоровѣли ***).

Въ читральскомъ походѣ англичанъ въ 1895 г. также испытано было новое ружье. Врачи указали на то, что, при выстрѣлахъ съ разстоянія до 300 ярдовъ наступало разрывное дѣйствіе, что выходное отверстіе

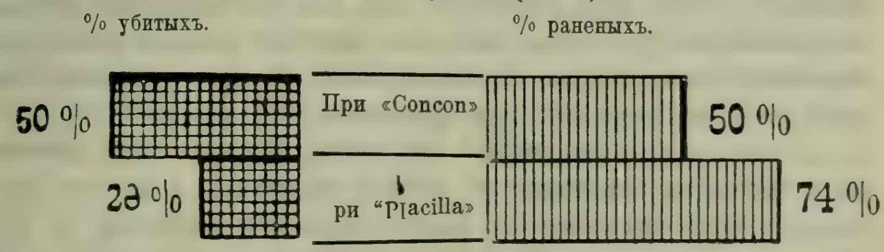
*) Bircher, «Neue Untersuchungen über die Wirkung der Handfeuerwaffen».
**) Bruns, «Ueber die kriegschirurgische Bedeutung der neuen Feuerwaffen». 1892.
***) Lobell, «Militärische Jahresberichte, 1895».

было велико и разорвано, пораженныя кости представлялись совершенно раздробленными. При среднихъ дистанціяхъ, пули производили простыя гладкія раненія съ небольшими входнымъ и выходнымъ отверстіями; пораженныя кости представляли гладкіе дырчатые прострѣлы безъ осколковъ *).

Возстаніе во Франціи въ „Fournier“ (1 мая 1891 г.) также дало поводъ пустить въ ходъ лебелевское ружье. Поврежденія, причиненныя близкими выстрѣлами, названы были „ужасными“; у многихъ убитыхъ черепъ былъ совершенно размозженъ **).

Немногочисленныя цифровыя данныя, относящіяся къ чилійской междоусобной войнѣ 1891 года, въ которой малокалиберное ружье впервые дебютировало въ болѣе обширной роли, представляются довольно тревожными. По даннымъ ***), армія диктатора потеряла при „Concon“ и при „Placilla“ 5,011 человѣкъ, причемъ при „Concon“ уронъ почти равномѣрно распредѣлился между убитыми и ранеными; при „Placilla“ же, изъ общаго числа пострадавшихъ, на убитыхъ приходится 26%, а на раненыхъ 74%.

Результаты дѣйствія малокалибернаго ружья въ чилійской войнѣ 1891 г. (въ %):

Числа эти, впрочемъ, не могутъ претендовать на безусловно доказательную силу, въ виду неточностей статистическихъ свѣдѣній.

Отчеты о чилійской войнѣ полковника Georges Boonen, Rivera, Stitt'a Elquete Talavera и друг. показываютъ, однако, единогласно, что новое малокалиберное ружье причиняетъ бо́льшее число опасныхъ и смертельныхъ раненій, сравнительно съ ружьями старыхъ системъ.

Съ другой стороны, не-смертельныя раны обнаруживали болѣе доброкачественный характеръ и исходъ ихъ былъ болѣе благопріятенъ. Такъ,

---

*) Hönig, «Untersuchungen über die Taktik der Zukunft».

**) Witte, «Fortschritte und Verwendung des Waffenwesens».

***) «Die Entscheidungskämpfe in Chilenischen Bürgerkrieg». Wien, 1892. Verlag der Reichswehr.

при транспортированіи 2,000 раненыхъ въ госпиталь, 300 человѣкъ, получившихъ раны отъ ружей старой системы, признаны были по своему состоянію неспособными къ переноскѣ, тогда какъ всѣ раненые манлихеровскими пулями либо выздоровѣли, либо были перевезены *).

Приводимъ небезъинтересное описаніе атаки противъ позиціи Dodd'а въ дагомейской экспедиціи, заимствованное изъ сочиненія капитана Виготъ**).

„По истинѣ грозное впечатлѣніе производила эта атака дикарей во мракѣ ночи, и кто знаетъ, что случилось бы съ войсками, менѣе отважными, чѣмъ наши моряки и бравые пѣхотинцы. Малѣйшая нерѣшительность могла насъ погубить. По счастію, всѣ выполняли свой долгъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Не прошло и двухъ минутъ съ момента атаки, какъ двѣ роты нашихъ пѣхотинцевъ заняли линію, и тутъ-то лебелевское ружье исполнило свою задачу страшнаго разрушенія, превративъ въ настоящую кашу столпившихся дикарей; въ нѣсколько минутъ все пространство вплоть до опушки лѣса было усѣяно трупами"....

„Мы завладѣли полемъ сраженія, представлявшимъ ужасное зрѣлище. Лебелевскія пули производятъ раненія, сходныя съ ранами отъ разрывныхъ снарядовъ. Нельзя даже представить себѣ ихъ разрушительнаго дѣйствія на человѣческое тѣло. Для всѣхъ это дѣйствіе является настоящимъ открытіемъ; самыя толстыя деревья не могли служить убѣжищемъ для нашихъ враговъ, такъ какъ пули пронизывали ихъ насквозь".

„Нужны-ли еще комментаріи? Эти ружья, начавшія свое дѣйствіе среди безпорядка, неизбѣжнаго въ ночныхъ сраженіяхъ, и все-таки причинившія такое опустошеніе въ рядахъ атакующаго непріятеля, не служатъ-ли самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что отнынѣ поле сраженія принадлежитъ баллистическимъ силамъ?"

„То же доказательство мы находимъ и въ разницѣ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами, въ этой войнѣ: у насъ едва 200 убитыхъ, тамъ—почти полное истребленіе арміи".

Но рядомъ съ этими данными появляются и совершенно противоположныя заключенія; такъ, сообщаютъ, что въ сраженіи при Читралѣ Ли-Метфордское 7.7-мил. ружье производило небольшія чистыя раны, подобно рѣзаннымъ, съ малымъ измѣненіемъ окружающихъ частей. Въ костяхъ оно пробивало небольшія отверстія безъ значительнаго ихъ раскалыванія; причемъ, взрывоподобнаго дѣйствія, повидимому, не наблюдалось. Смерть причиняло оно не такъ легко и давало при вступленіи пули въ

*) Bruns. «Ueber die kriegschirurgische Bedeutung der neuen Feuerwaffen».
**) Nigotte. «La bataille de Vesles».

тѣло лишь небольшое сотрясеніе. Пораженный пулей, не падалъ тотчасъ, но еще шелъ и сражался дальше. Такъ, одинъ туземецъ разсказывалъ, что онъ получилъ при малокандскомъ проходѣ 6-ть огнестрѣльныхъ ранъ, изъ которыхъ одну въ затылокъ, причемъ пуля проникла до подбородка и увлекла за собой нѣсколько зубовъ. Будучи столь сильно раненымъ, этотъ солдатъ, однако, самъ пришелъ на перевязочный пунктъ, гдѣ его перевязали, и впослѣдствіи онъ совершенно выздоровѣлъ. Затѣмъ, генералъ Лове разсказывалъ, что плѣнные, пораженные каждый 2—3 пулями, безъ большого труда прошли 10—12 километровъ и сами разсказывали, что смертельными были лишь выстрѣлы въ голову и животъ (внутренности), а неспособными къ сраженію дѣлались лишь раненые въ суставы нижнихъ конечностей. При разстрѣляніи шпіона на 15 шаговъ попали 6-ть пуль, изъ которыхъ 3 пронизали ему грудь насквозь. Однако, когда, считая его умершимъ, увезли его съ мѣста разстрѣлянія, онъ убѣжалъ и лишь на разстояніи 300—400 метровъ былъ настигнутъ всадникомъ и убитъ. По мнѣнію Генерала Лове, имѣвшее большій калибръ, ружье читральцевъ дѣлало неспособными къ битвѣ гораздо большее количество людей.

Но послѣ изслѣдованій, произведенныхъ надъ дѣйствіемъ новыхъ ружей такими серьезными учеными, какъ Фонъ-Колеръ, Бруно, Барделебенъ, Габартъ, Келлеръ, Богданикъ (причемъ данными для изслѣдованія служили пораненія при усмиреніи безпорядковъ и возстаній), вышеприведенные разсказы представляются мало вѣроятными.

Выводы.

Такъ какъ теперешнія ружья значительно выше прежнихъ, какъ по дальнобойности и настительности, такъ и по силѣ прониканія ихъ пуль, то поэтому нужно ждать большаго числа попаданій и большаго количества смертельныхъ ранъ, чѣмъ легкихъ и тяжелыхъ. Такимъ образомъ, они совсѣмъ не заслуживаютъ, предложеннаго для нихъ, названія „гуманнаго“ оружія.

Прежде всего констатируютъ тотъ фактъ, что, при громадной живой силѣ пули, сопротивленіе человѣческаго тѣла не въ состояніи задержать ея движенія.

Опыты Брунса, при которыхъ одна и та-же пуля пробивала на разстояніи въ 800—1,200 метровъ 2—3, другъ за другомъ поставленныхъ, трупа людей, а на разстояніи 400 метровъ—4—5, причемъ даже крѣпчайшія изъ костей человѣческаго тѣла растрескивались на множество осколковъ, были не только подтверждены, но и расширены новѣйшими изслѣ-

дованіями, показавшими, что обыкновенно и при болѣе далекихъ разстояніяхъ (до 2,000 метровъ) пробивающей силы оболочной пули было совершенно достаточно для пронизыванія нѣсколькихъ костей.

Всѣ опыты показываютъ, что при настоящихъ условіяхъ дѣленіе дѣйствія пули на опредѣленные пояса представляется ничѣмъ неоправданнымъ пріемомъ. Сопоставленіе огнестрѣльныхъ ранъ костей, мягкихъ частей и различныхъ органовъ показываетъ, что съ увеличеніемъ разстоянія наступаетъ вполнѣ постепенное ослабленіе дѣйствія пули.

Абсолютное число раненыхъ въ будущія войны будетъ неизмѣримо больше, даже при неизмѣненномъ процентномъ отношеніи сражающихся. Причинъ для этого достаточно; укажемъ на бо́льшее количество снарядовъ, выдаваемыхъ на человѣка, на скорострѣльность, на увеличенную дальнобойность, на бо́льшую мѣткость, благодаря примѣненію бездымнаго пороха, наконецъ, на болѣе значительную пробивающую силу, при которой многія закрытія, прежде отлично защищавшія солдатъ, теряютъ нынѣ свое значеніе.

Проф. Барделебенъ *) нарисовалъ намъ весьма печальную картину дѣйствія новыхъ снарядовъ. Онъ также признаетъ, что число раненій въ теченіе даннаго времени возрастетъ и притомъ не потому, что магазинное ружье позволяетъ выпускать пули чаще, но потому, что одна и та же пуля поразитъ не одного человѣка, но 3—4, находящихся другъ за другомъ, а можетъ быть и болѣе. Съ другой стороны, по словамъ того же автора, число убитыхъ на полѣ сраженія равнымъ образомъ увеличится, вслѣдствіе увеличенія ударной силы пуль. На разстояніяхъ, при которыхъ прежняя пуля отскакивала отъ черепа, грудной кости или реберъ, современный снарядъ легко преодолѣетъ это препятствіе и проникнетъ сердце, легкія и позвонки. Далѣе, онъ высказываетъ мнѣніе, что въ будущія войны въ каждомъ сраженіи можно будетъ ожидать не только большаго числа раненій, вообще, но особенно большаго числа пораженій, непосредственно угрожающихъ опасностью для жизни, или же смертельныхъ. За то вѣроятность выздоровленія тѣхъ раненыхъ, которые будутъ убраны съ поля битвы своевременно, значительно повысится противъ прежняго.

Уборка раненыхъ съ поля битвы будетъ представлять несравненно бо́льшія трудности, чѣмъ было въ прошломъ, именно вслѣдствіе дальнобойности современнаго оружія, бездымности поля битвы, *а что всего*

*) Bardeleben, «Ueber die kriegschirurgische Bedeutung der neuen Geschosse», 1892.

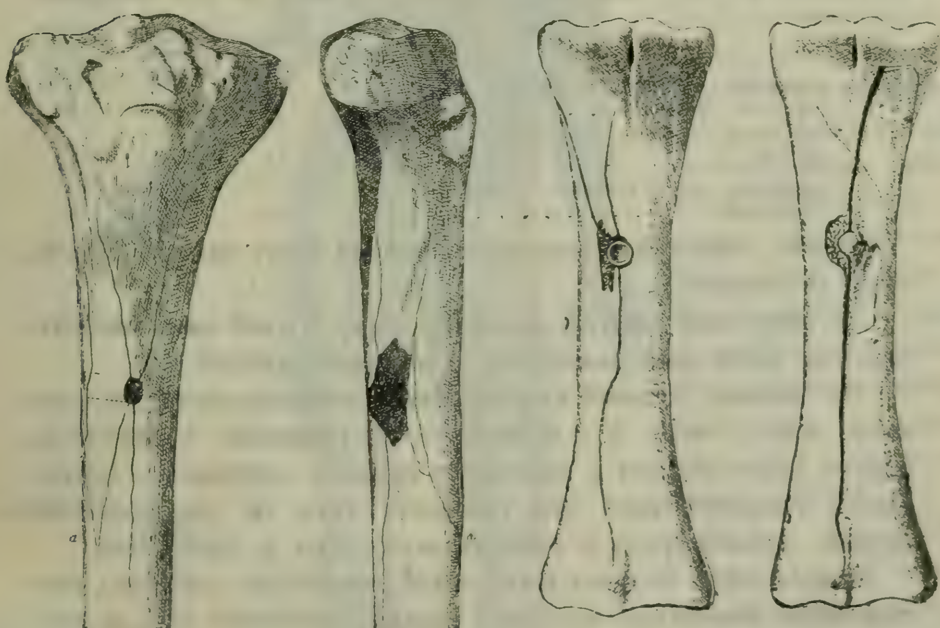
важнѣе, настильности огня. Справимся здѣсь со взглядами специалистовъ — на какихъ разстояніяхъ будетъ падать наиболѣе жертвъ.

Смертельные исходы будутъ частымъ явленіемъ и отъ пуль, находящихся на излетѣ, такъ какъ до разстоянія 3,000 метровъ пуля еще способна пробить человѣческое тѣло и можетъ причинить ему или обильное кровотеченіе, или же поврежденіе важнаго для жизни органа.

Бирхеръ, въ подтвержденіе этого, даетъ въ своемъ атласѣ рисунки пораженія человѣческой и бычачьей костей, при опытахъ въ Швейцаріи, 7,5-миллиметровою пулей, съ разстояній въ 3.000 и 3.500 метровъ.

Пораженіе человѣческой берцовой кости съ дистанціи въ 3.000 метровъ.

Пораженіе свѣжей бычачьей кости съ дистанціи въ 3.500 метровъ [1].

Тяжелыя раздробленія костей на разстояніяхъ въ 3.000 и 3.500 метровъ будутъ относительно болѣе рѣдкими и могутъ считаться за болѣе благопріятныя, чѣмъ въ поясѣ дѣйствительнаго выстрѣла. Въ этомъ послѣднемъ поясѣ, раздробленія костей будутъ сильнѣе, и, ведущихъ къ

[1]) У входнаго отверстія въ свѣжей бычачьей кости образовалась трещина шириною въ 1,5 милл., у выходнаго же отверстія въ 3,5 миллиметровъ.

смерти, раненій будетъ относительно больше, такъ какъ именно въ этомъ поясѣ будутъ встрѣчаться гораздо болѣе серьезныя кровотеченія, благодаря непосредственному раненію сосудовъ пулей *).

Противъ страшнаго дѣйствія ружейнаго огня будутъ стараться защитить себя скрытымъ наступленіемъ; гдѣ это возможно, будутъ стараться заранѣе разсыпаться на кучки и отдѣльныя линіи, выискивать прикрытыя отъ дѣйствія огня мѣста, или же постараются открыть первыми собственный ружейный огонь и проч.

Раненыхъ на такихъ позиціяхъ будетъ очень трудно отыскивать, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ на виду, невозможно ихъ будетъ поднять. Не слѣдуетъ забывать того, что будущая война будетъ, преимущественно, борьбой за укрѣпленныя позиціи, и поэтому бой будетъ долго длиться на одномъ и томъ-же мѣстѣ, вслѣдствіе чего, въ будущемъ, отношенія раненій на полѣ битвы будутъ приближаться къ отношеніямъ, существующимъ для нихъ при осадной войнѣ. Отношенія же эти слѣдующія:

	Голова.	Туловище.	Верхнія конечности.	Нижнія конечности.
% пораненій, бывшій до сихъ поръ на полѣ сраженія	12	18	30	40
% пораненій, бывшій при осадной войнѣ	30	15	25	30
% пораненій въ будущемъ на полѣ сраженія	20	15	30	35

Значитъ, пораненій безусловно смертельныхъ будетъ значительно болѣе, чѣмъ въ прошломъ.

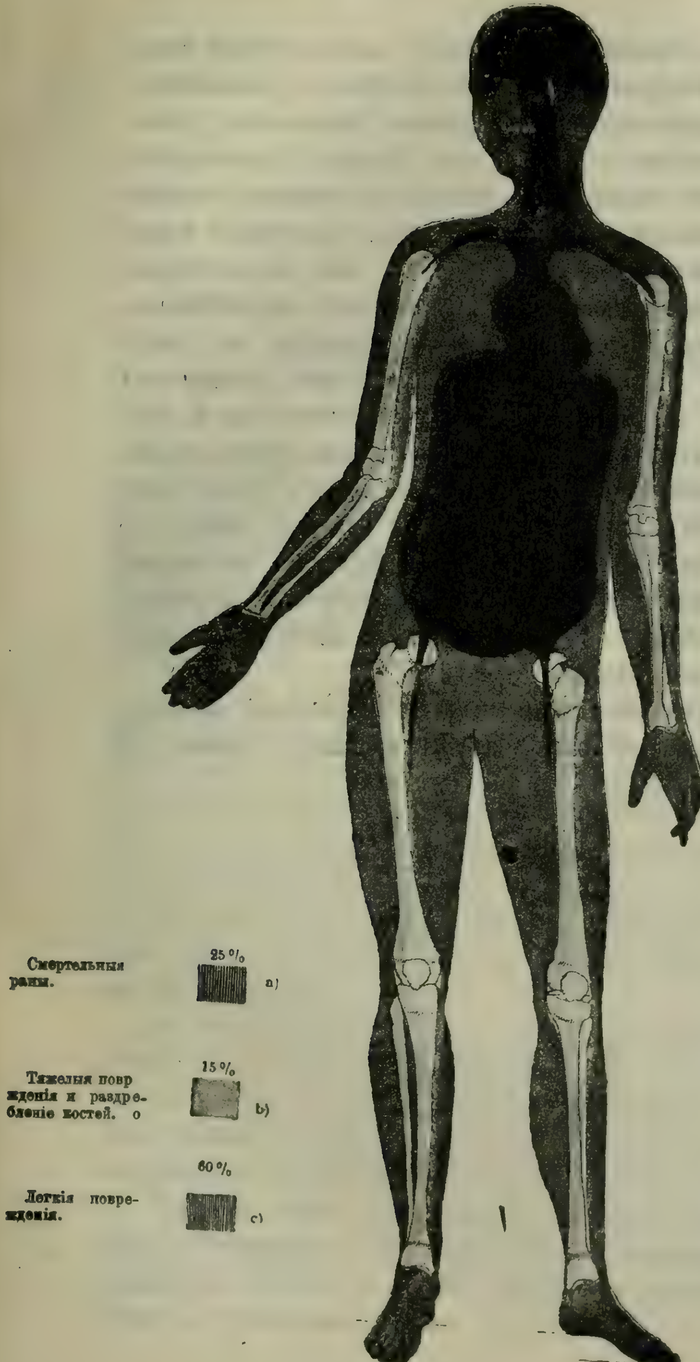
Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ будущей войнѣ выступитъ одно еще, почти новое, явленіе, это — рикошетное дѣйствіе пуль.

Съ близкихъ дистанцій пули поражаютъ настолько сильно, что, какъ косой, могутъ смести 5 — 6 человѣкъ, а, ударившись о что-нибудь, станутъ деформироваться и производить страшныя опустошенія. Предположеніе о деформированіи пуль вызывается тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ стрѣльба будетъ по войскамъ, находящимся за прикрытіями.

Бывшія войны не даютъ намъ указаній относительно подобныхъ огнестрѣльныхъ поврежденій, такъ какъ прежнія рикошетныя раны не представляли никакихъ, сколько нибудь рѣзкихъ, бросающихся въ глаза, различій. Въ ближайшую войну не представится затрудненія распознать эти рикошетныя раненія по большимъ, размозженнымъ и разорваннымъ входнымъ кожнымъ отверстіямъ и выдѣлить ихъ въ группу особенно неблагопріятныхъ пораненій.

*) Bircher, «Neue Untersuchungen über die Wirkung der Handfeuerwaffen».

Сравнительная тягость раненій различныхъ частей тѣла.

Но нагляднѣе всего, данный Бирхеромъ и помѣщаемый здѣсь, рисунокъ, показывающій сравнительную тягость вѣроятныхъ въ будущую войну пораненій различныхъ частей тѣла. Бирхеръ раздѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: раненія частей тѣла, обозначенныхъ на рисункѣ чернымъ цвѣтомъ и составляющихъ 25% всего тѣла, а именно: головы, груди, живота, артерій и венъ слѣдуетъ причислить, почти, къ безусловно смертельнымъ; затѣмъ, раненія частей, обозначенныхъ на рисункѣ бѣлымъ цвѣтомъ, изображающихъ кости и составляющихъ 15% тѣла, должно причислить къ тяжкимъ; раненія остальныхъ частей тѣла, составляющихъ 60%, относятся къ самымъ легкимъ.

Но такъ какъ пораненія этихъ частей тѣла и въ прошлыхъ войнахъ считались легкими, то, предполагая, вообще, отдаленіе непріятеля равнымъ прежнему, мы должны сказать, что раны, причинен-

ныя малокалиберными ружьями, будутъ тяжелѣе, чѣмъ раны отъ прежняго оружія, такъ что число убитыхъ въ сравненіи съ ранеными будетъ значительно большимъ.

Глубокое убѣжденіе въ страшной смертоносности малокалибернаго ружья побудило проф. Кохера выступить на конгрессѣ въ Римѣ съ заявленіемъ, что современное ружье далеко перешагнуло предѣлы дозволеннаго. „Война между цивилизованными націями,—говоритъ проф. Кохеръ, — не есть война между дикарями, гдѣ все сводится къ истребленію возможно большаго числа людей; задача огнестрѣльнаго оружія должна заключаться только въ томъ, чтобы при посредствѣ пули, подобно тому, какъ это въ бывшія времена достигалось помощію копья, ранить человѣка настолько, чтобы превратить способнаго къ бою противника въ нуждающагося въ уходѣ больного. Между тѣмъ, современныя ружья переступаютъ границы этой задачи; они разрываютъ на части ткани тѣла, размозжаютъ ихъ и, слѣдовательно, либо затрудняютъ или дѣлаютъ невозможнымъ возстановленіе нормальной функціональной способности того или другого органа, либо грозятъ опасностью жизни, даже при поврежденіи органовъ самихъ по себѣ непервостепенной важности. Ружейныя пули сдѣлались настоящими разрывными пулями, которыя должны были бы быть совершенно запрещены международнымъ соглашеніемъ“. Въ заключеніе проф. Кохеръ предложилъ пользоваться стальными или мѣдными пулями.

Теперь мы можемъ уже перейти къ вопросу необычайной важности, занимавшему и продолжающему занимать умы многихъ, а именно, къ вопросу о помощи раненымъ.

Помощь раненымъ и больнымъ на войнѣ въ прежнее время и въ будущемъ.

Въ описаніяхъ войнъ приводятся цифры потерь на разныхъ поляхъ битвъ, но обходится обыкновенно молчаніемъ высота потерь отъ болѣзней, то есть, смертность въ полевыхъ госпиталяхъ и при эвакуаціи изъ нихъ. Между тѣмъ, если величина потерь въ сраженіи вліяетъ на самый его исходъ, то общая убыль въ людяхъ не лишена значенія для хода всей войны.

Отсутствіе въ военныхъ сочиненіяхъ точныхъ свѣдѣній относительно убыли людей на войнѣ отъ болѣзней, съ указаніемъ причинъ большей или меньшей заболѣваемости и смертности, вело къ тому, что, при приготовленіяхъ къ новой войнѣ, нерѣдко повторялись тѣ самыя ошибки, вслѣдствіе которыхъ въ прежнихъ войнахъ арміи подвергались лишеніямъ и значительной заболѣваемости. Между тѣмъ, убыль людей отъ болѣзней всегда въ нѣсколько разъ превышала потери, понесенныя въ сраженіяхъ. Въ будущей же войнѣ явленіе это, по всей вѣроятности, выступитъ съ еще большей яркостью.

Это обстоятельство имѣетъ важность для нашего труда: при сравненіи условій и возможныхъ послѣдствій войны въ будущемъ съ тѣмъ, что бывало прежде, оказался бы значительный пробѣлъ, если бы мы вовсе не имѣли данныхъ о высотѣ потерь отъ болѣзней при прежнихъ войнахъ и о причинахъ, вызывавшихъ въ войскахъ особенно сильную заболѣваемость.

Для того, чтобы добыть данныя для такого сравненія и для сколько-нибудь обоснованныхъ предположеній относительно будущаго, мы должны разсмотрѣть условія, въ какихъ находилась санитарная часть въ разныхъ войнахъ, принадлежащихъ къ новой исторіи.

Задача и условія дѣйствія военно-врачебной части существенно различны въ мирное и въ военное время. Поданіе медицинской помощи людямъ во время мира обусловливается просто имѣніемъ въ каждой военной части, начиная отъ полка, старшаго врача съ помощниками и лазарета. Въ военное же время не только увеличиваются штатъ и дѣятельность врачебной части, какъ въ интендантствѣ, но именно измѣняются задача и условія дѣйствія санитарной части. На первомъ мѣстѣ здѣсь является уборка раненыхъ съ поля сраженія, а эта уборка значительно затруднительна при нынѣшнемъ оружіи, современномъ характерѣ боя и обширности боевого поля. Стало быть, врачебная часть во время войны должна получить такое устройство, чтобы она могла сопровождать каждую часть войскъ на всѣхъ ея переходахъ и присутствовать при самомъ боѣ.

Полевая военно-врачебная часть включаетъ въ себѣ два элемента: врачебный составъ и санитарную прислугу. Основаніемъ полевого медицинскаго состава служатъ тѣ-же старшіе полковые врачи съ ихъ помощниками. Но они уже недостаточны для поданія помощи раненымъ во время и послѣ битвы; тогда призываются для содѣйствія военнымъ врачамъ, подъ ихъ руководствомъ, врачи гражданскаго вѣдомства. Въ распоряженіи врачей при частяхъ войскъ состоятъ команды санитаровъ, подбирающіе раненыхъ и выносящіе ихъ къ перевязочнымъ пунктамъ, за предѣльной линіей огня. При санитарныхъ командахъ находятся лазаретныя повозки, на которыхъ раненые перевозятся въ полевые госпитали, переносимые изъ однихъ пунктовъ въ другіе, по мѣрѣ движенія арміи впередъ. Въ этихъ госпиталяхъ раненые находятся уже въ подчиненіи у старшихъ врачей.

Военно-врачебная часть дѣлится по частямъ войскъ и руководствуется военною дисциплиной. Она состоитъ подъ общимъ начальствомъ, подчиненнаго главнокомандующему, генералъ-штабъ-доктора, имѣя затѣмъ начальниковъ отдѣловъ, врачей войсковыхъ частей, фельдшеровъ и наконецъ команды санитаровъ. Средства для оказанія медицинской помощи состоятъ, во-первыхъ, изъ тѣхъ хирургическихъ предметовъ и приспособленій, которые находятся въ санитарномъ обозѣ, во-вторыхъ, изъ фармацевтическихъ матерьяловъ, которые заготовляются интендантствомъ и передаются частью въ тотъ же санитарный обозъ, частью же въ постоянныя аптеки при лазаретахъ и полевыхъ госпиталяхъ.

Организація военно-врачебной части и инструкціи для ея дѣятельности постоянно совершенствуются, а въ новѣйшее время дѣятельность эта и самыя военно-врачебныя учрежденія поставлены, въ силу женевской конвенціи, подъ покровительство международнаго права. Степень, въ какой

та или другая армія соблюдаютъ правила, установленныя женевскою конвенціей, можно сказать, служитъ мѣрои культурности народовъ. Къ собственно военнымъ учрежденіямъ для врачебной помощи присоединилось въ послѣднее время содѣйствіе общественное и если, къ сожалѣнію, нельзя не предвидѣть, что будущая война окажется кровопролитнѣе прежнихъ, то слѣдуетъ одновременно признать, что никогда еще не приготовлялось столько органовъ и средствъ для облегченія страданій жертвъ войны.

Для сравненія условій будущей войны въ отношеніи помощи раненымъ съ прежними войнами, слѣдовало бы имѣть свѣдѣнія о дѣйствіи врачебныхъ учрежденій на войнѣ въ прежнія времена, точныя данныя о потеряхъ, о средствахъ, какія имѣлись для перевозки раненыхъ въ госпитали, о числѣ и расположеніи послѣднихъ, а также о степени простора въ нихъ, достаточности ихъ снабженія бѣльемъ, госпитальной одеждой, продовольствіемъ, лекарствами, прислугой, о качествѣ госпитальныхъ повозокъ и т. п. Понятно, что отвѣтить на всѣ эти вопросы мы можемъ только въ общихъ чертахъ. Но тѣмъ не менѣе, характеръ, какой имѣла врачебная помощь на войнѣ въ прошломъ и будетъ имѣть впредь, выяснится и тѣми данными, какія мы можемъ привести, не выходя изъ рамокъ нашего труда.

I.

Общій взглядъ на военно-врачебное дѣло въ иностранныхъ государствахъ въ прежнее время.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а именно до конца XVI столѣтія, въ арміяхъ вовсе не существовало организованной врачебной помощи. Хирурги и врачи находились при знатныхъ людяхъ въ арміяхъ, иногда при начальникахъ частей. Кромѣ нихъ, въ обозѣ бывали знахари и шарлатаны, продававшіе разные эликсиры и мази. Раненые и больные оставлялись частью на полѣ сраженія, на дорогахъ, частью въ городахъ и селеніяхъ, чрезъ которые проходили войска.

Первые военные госпитали явились во Франціи, по инициативѣ извѣстнаго министра Сюлли, во время осады Амьена, въ 1594 году, а именно госпитали подвижные для первой помощи раненымъ и мѣстные, въ которые раненыхъ эвакуировали изъ первыхъ. Но человѣколюбивое пред-

пріятіе Сюлли осталось одиничнымъ и было забыто. Госпитали во время войны были учреждены вновь при Ришельё. Онъ же ввелъ постоянные лазареты при полкахъ. Число военныхъ госпиталей увеличилось при Людовикѣ XIV, но они содержались плохо и служили скорѣе для наживы подрядчиковъ и смотрителей, чѣмъ для помощи больнымъ и раненымъ. Подрядами же припасовъ и вещей для госпиталей, какъ дѣлами выгодными, не гнушались и государственные сановники. Гиборъ отзывается о тѣхъ госпиталяхъ, какъ о настоящихъ charniers, т. е. складахъ костей.

При слѣдующемъ царствованіи предположено было поручить содержаніе лазаретовъ непосредственному попеченію полковыхъ командировъ за опредѣленную плату, но мысль эта осуществлена не была. Къ ней возвратились при Людовикѣ XVI, но попытка оказалась неудачною: злоупотребленія не уменьшались, а расходъ возросъ. Вслѣдствіе того, снова были возстановлены постоянные крупные госпитали, состоявшіе въ вѣдѣніи военнаго управленія.

Поданіе помощи раненымъ на самомъ полѣ битвы оставалось неорганизованнымъ до начала XVIII столѣтія. Только съ той поры во всѣхъ европейскихъ странахъ установился обычай, по которому попеченіе о раненыхъ начиналось не раньше, чѣмъ кончался бой. Фридрихъ-Вильгельмъ I прусскій издалъ слѣдующее постановленіе въ „Reglements vor die Infanterie“: „Когда сраженіе окончено, каждый полкъ долженъ немедленно отыскать своихъ раненыхъ и отнести ихъ въ опредѣленное мѣсто, гдѣ ихъ можно было бы перевязать и окружить надлежащимъ попеченіемъ. Но пока бой продолжается, ни одинъ раненый не долженъ быть уносимъ съ поля сраженія; исключеніе допускается только въ томъ случаѣ, если офицеръ приказываетъ своимъ слугамъ отвести себя, или раненый сохранилъ еще настолько силы, что можетъ дойти самъ до лагеря *).

Точно также было и при Фридрихѣ Великомъ. За немногими исключеніями, перевязка производилась только послѣ сраженія, и если послѣднее оканчивалось только къ вечеру, то раненые должны были провести всю ночь безъ ухода и какихъ бы то ни было удобствъ. Раненые въ сраженіи при Торгау, числомъ 9,742, пролежали холодную ноябрьскую ночь подъ открытымъ небомъ, на болотистой землѣ, лишенные всякой помощи, обобранные, даже безъ рубахъ, и только немногимъ посчастливилось до-

*) «Jahrbücher für deutsche Armee» 1893. «Die Sorge für unsere Verwandeten in einem zukünftigen Kriege».

браться до ближайшей деревни, гдѣ они встрѣтили короля, также получившаго рану въ этомъ сраженіи.

Почти не существовало заранѣе приготовленныхъ средствъ и для транспортировки; пользовались тѣмъ, что было подъ рукою. Обыкновенно въ дѣло шли провіантскія повозки, офицерскія носилки или экипажи. Послѣ битвы при Лигницѣ въ 1760 г. Фридрихъ II приказалъ полку драгунъ спѣшиться и посадить на коней 500 раненыхъ для отправки ихъ въ Бреславль.

Въ другихъ государствахъ условія помощи раненымъ были не въ лучшемъ состояніи. Такъ, въ австрійскихъ отчетахъ мы читаемъ, что во время семилѣтней войны, послѣ битвы при Торгау, 3,000 раненыхъ, по причинѣ большой отдаленности госпиталей, перевозились съ мѣста на мѣсто въ теченіе 6 дней, оставаясь все время безъ пищи и врачебной помощи.

Введеніе во Франціи конскрипціи, то есть призывъ всего населенія къ отбыванію воинской повинности, во времена революціонныхъ войнъ, побудило позаботиться объ улучшеніи военно-врачебныхъ порядковъ. Изобрѣтена была санитарная линейка, на которой помѣщались верхомъ 8 фельдшеровъ, а 4 прислужника сидѣли на ящикахъ, помѣщенныхъ на передкѣ и сзади линейки; еще 4 санитара ѣхали верхомъ на запряженныхъ въ линейку лошадяхъ. Въ упомянутыхъ ящикахъ помѣщалось перевязочныхъ средствъ на 1,200 человѣкъ и носилки для раненыхъ. Но повозки, предназначенныя для самихъ раненыхъ, оставались прежнія—тяжелыя и неудобныя.

Ларрей, впослѣдствіи главный хирургъ наполеоновской арміи, имѣя въ виду, что перевозка раненыхъ начиналась только послѣ окончанія боя, такъ что многіе изъ нихъ оставались безъ помощи въ теченіи сутокъ и даже полутора сутокъ, создалъ „летучую амбулаторію“, то есть подвижной перевязочный пунктъ, дававшій возможность начинать перевязываніе еще во время сраженія. Въ то-же время Перси придумалъ носилки для перенесенія раненыхъ. Начинанія Ларрея и Перси были исходнымъ пунктомъ для сколько-нибудь правильной организаціи врачебной помощи на полѣ битвы.

Можно-бы думать, что когда правителемъ Франціи сталъ Наполеонъ, то и санитарная помощь въ войскахъ должна была получить удовлетворительное устройство, благодаря организаторскому уму завоевателя. Но Наполеонъ пренебрегалъ ею, такъ какъ, вообще, мало цѣнилъ жизнь своихъ солдатъ. Извѣстенъ отвѣтъ, данный имъ Меттерниху, который, предлагая ему миръ, приводилъ въ доводъ огромныя потери, какихъ бы тре-

бовало продолженіе войны: „Vous n'avez pas l'âme d'un soldat; vous n'avez pas appris à mépriser la vie d'autrui. Que me font à moi deux-cent mille hommes!“ *). По отзыву Шатобріана, у Наполеона проявлялось такое чувство, что „раненые это — бремя“.

Въ изданной въ 1814 году брошюрѣ Гапда, который былъ директоромъ военныхъ госпиталей, находимъ описаніе, изъ котораго приведемъ нѣсколько строкъ. „Количество труповъ въ Майнцѣ было такъ велико, что ежедневно платили до 60 франковъ могильщикамъ. Погибло множество раненыхъ и Рейнъ сдѣлался ихъ усыпальницею. Мы были свидѣтелями, какъ амбулаторные фургоны, наполненные ранеными, скакали во весь опоръ. Тотчасъ послѣ битвы подъ Люценомъ, вся семья Бонапарта, усѣвшаяся въ 60 экипажахъ, летѣла, очертя голову, по полю битвы, попирая безжалостно копытами своихъ лошадей раненыхъ французовъ. Ни раздирающіе крики несчастныхъ, ни обезображенныя тѣла на этомъ полѣ смерти, ни страшный хрупъ костей, ни ручьи крови, брызги которыхъ долетали до кучеровъ, ничто не могло замедлить убійственнаго бѣга этихъ безчеловѣчныхъ холоповъ!“

„Этотъ возмутительный примѣръ,—продолжаетъ Гапдъ,—поданъ былъ впервые при въѣздѣ Бонапарта въ Эйлау. Улицы, ведущія ко дворцу, были усѣяны мертвыми и умиравшими. Собственный экипажъ побѣдителя давилъ и сокрушалъ все, встрѣчавшееся на его пути. Дворъ замка переполненъ былъ ранеными и трупами. „Избавьте меня отъ этого зрѣлища!“ воскликнулъ Наполеонъ, выходя изъ кареты, и, въ исполненіе этого повелѣнія, явился немедленно рядъ повозокъ, разсчитанныхъ каждая на шесть раненыхъ; усердные слуги Бонапарта имѣли жестокость бросать въ каждую повозку по двадцати человѣкъ, одного на другого, живыхъ и мертвыхъ безъ разбора. Мало того, чтобы заглушить стоны раненыхъ, заперли фургоны на-глухо и пустили лошадей вскачь. Изъ 800 раненыхъ, уложенныхъ въ фургонахъ, доставлены были въ разные госпитали, расположенные въ 3—4 миляхъ отъ Эйлау, всего 150“.

Это — не выдумка памфлетиста, но искреннее показаніе очевидца. Мы слышали этотъ „хрупъ костей“ раненыхъ и у Стендаля въ „Correspondance“ и во многихъ другихъ современныхъ описаніяхъ.

И въ германскихъ войскахъ положеніе раненыхъ было не лучшимъ. Пруссаки оставляли раненыхъ лежать на полѣ битвы по нѣсколько дней,

*) «Въ васъ нѣтъ души солдата, вы не научились презирать чужую жизнь. Что такое для меня двѣсти тысячъ человѣкъ!“ J. B. Hapde, «Le sépulcre de la grande armée». Paris. 1814.

пока собиралось, иногда издалека, достаточное число простыхъ, крестьянскихъ телѣгъ для ихъ перевозки. Менѣе тяжело раненые тащились за своими полками, иные ползли на четверенкахъ, попадая подъ копыта лошадей или подъ колеса обоза. Послѣ битвы при Аустерлицѣ 2 декабря 1805 г., на полѣ остались около 9,000 раненыхъ, и лишь 6 числа доставлены были изъ окрестностей 800 телѣгъ для транспортированія ихъ. Въ такомъ же положеніи оставались раненые и у австрійцевъ послѣ Ваграма.

Только послѣ того, какъ, значительно уже истощивъ запасъ людей во Франціи, Наполеонъ предпринялъ походъ въ Россію, онъ счелъ нужнымъ оказывать болѣе заботливости о жизни солдатъ. Заболѣваемость и смертность среди войскъ, вступившихъ въ русскіе предѣлы, какъ мы увидимъ далѣе, были громадны. Но въ этомъ уже только часть вины падала на Наполеона, а главное было произведено недостаткомъ продовольствія, морозами, тѣснотою госпиталей, недостаткомъ врачей, лекарствъ и перевязочныхъ средствъ.

Французскіе солдаты несли на себѣ, включая ружье, 38 фунтовъ вѣса, въ томъ числѣ хлѣба и сухарей на 4 дня и муки на 7 дней. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагалось. Но еще недоходя до Вильны, въ войскахъ сталъ оказываться такой недостатокъ въ продовольствіи, что люди умирали отъ голода.

Въ бюллетенѣ изъ Вильны Наполеонъ писалъ: „Le voila donc cet empire de Russie, de loin si redoutable. C'est un désert, où ses peuples dispersés sont insuffisants; ils seront vaincus par son étendue qui devait les défendre“ *).

Но эта рѣдкость населенія и малая обработанность земли и оказалась причиной ужасныхъ лишеній, а затѣмъ и гибели самой французской арміи.

Подвижные магазины и госпитали, запасы медикаментовъ и госпитальныхъ вещей отставали отъ войскъ, а число больныхъ и раненыхъ постоянно возрастало; фуражировка же и реквизиціи не доставляли средствъ для нихъ. Въ Вильнѣ и Витебскѣ больные и раненые, какъ французы, такъ и русскіе, умирали отъ недостатка пищи, которую имъ приходилось отыскивать самимъ, а трудно раненые, само собою, не были въ состояніи ходить на фуражировки.

---

*) „Такъ вотъ та Россійская имперія, издали столь грозная. Это—пустыня и разсѣянные ея народы недостаточны (для защиты); они будутъ побѣждены самымъ пространствомъ, которое должно было служить для ихъ обороны.“

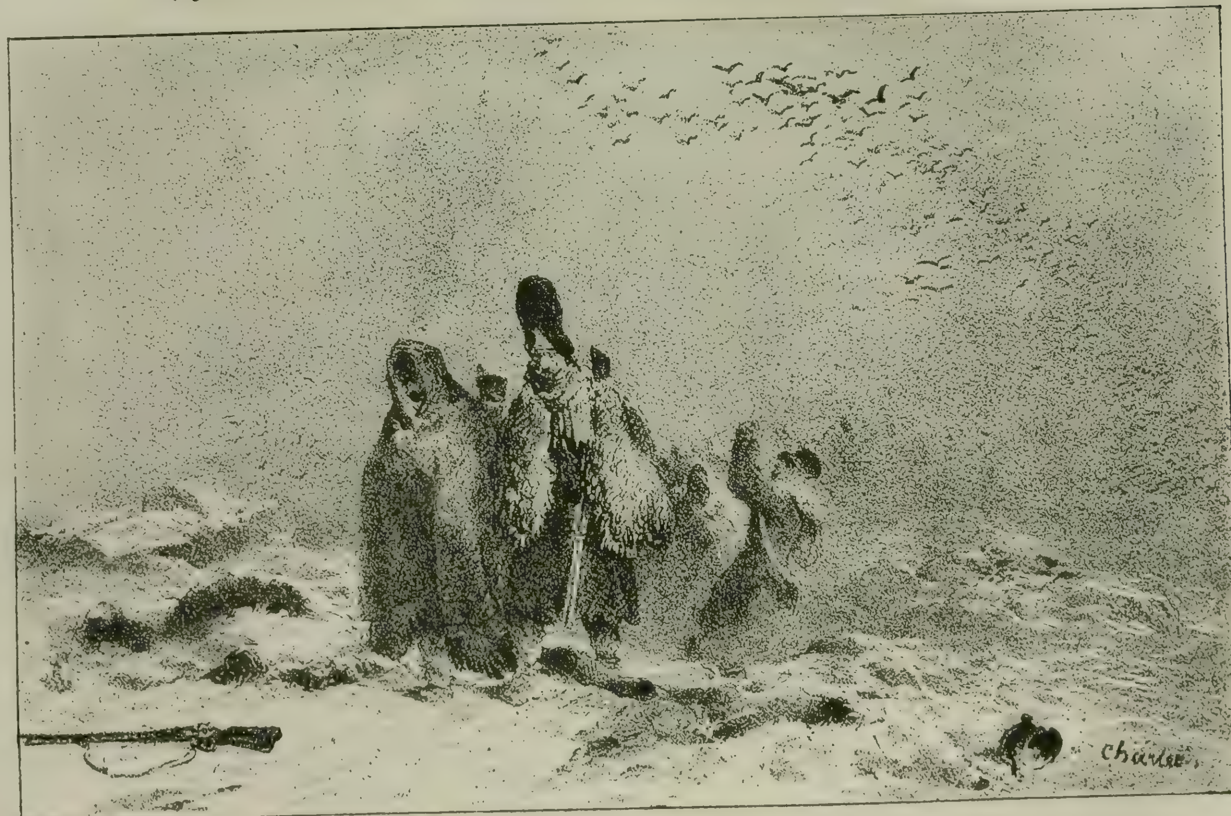
„Въ Смоленскѣ подъ госпитали отведено 15 каменныхъ строеній, и къ войскамъ присоединились запасные подвижные госпитали, но ихъ было недостаточно по числу больныхъ. Медики перевязывали раны безпрерывно, день и ночь; но уже на другой день не достало бинтовъ, компрессовъ и корпіи, которую замѣняли писчею бумагою, изъ найденныхъ въ городѣ архивовъ. Безпорядокъ былъ такъ великъ, что одно отдѣленіе госпиталя, въ которомъ лежало 100 раненыхъ, было совершенно забыто въ теченіе трехъ сутокъ. Раненые лежали на голомъ полу, безъ всякой подстилки, ожидая долго перевязки, не получая между тѣмъ никакой пищи. Лишенія, зной, испорченный воздухъ отъ труповъ, валявшихся около Смоленска, родили заразительныя болѣзни, отъ которыхъ умирало болѣе людей, нежели отъ ранъ. Въ госпитали принимались только раненые; прочіе больные тащились за полками, пока позволяли силы, а потомъ падали отъ изнеможенія и недуга и умирали среди дороги или на бивуакахъ. Русскіе раненые лежали на улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ, безъ всякаго пособія и умирали отъ голода“.

„Во время бородинской битвы, во французской арміи было, кромѣ убитыхъ, 20,000 раненыхъ, которыми было усѣяно цѣлое поле. Послѣ сраженія, раненые солдаты блуждали между трупами, отыскивая куски хлѣба въ ранцахъ мертвыхъ своихъ товарищей. Для переноски раненыхъ, по требованію генералъ-штабъ-доктора Ларрея, была употреблена почти вся армія, исключая только авангарда. Больныхъ переносили въ Колоцкій монастырь и въ окрестныя деревни. Хотя часть подвижныхъ госпиталей успѣла здѣсь присоединиться къ арміи, но ихъ оказалось недостаточно. Всѣ окрестныя деревни были наполнены ранеными, которые валялись на голомъ полу, безъ соломы. Недоставало бѣлья, лекарствъ, даже хлѣба. Нѣсколько дней послѣ сраженія находили въ окрестностяхъ раненыхъ, оставшихся безъ всякаго призрѣнія. Многіе изъ нихъ умирали болѣе отъ голода, нежели отъ ранъ. Толпы раненыхъ тащились за своими полками до Можайска, гдѣ и остались. О положеніи русскихъ раненыхъ Шамбрè говоритъ: „Если такая была участь французскихъ раненыхъ, то можно себѣ представить положеніе русскихъ!“ Ларрей печаталъ впослѣдствіи, что ему не было дано никакой военной команды для сбора въ окрестныхъ селеніяхъ необходимыхъ перевязочныхъ вещей, и потому раненые перевязывались чѣмъ попало“.

Въ какой степени форсированные марши ослабляли французскую армію, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ.

„При занятіи Москвы, во французской арміи было въ строю 90,000

Группа французскихъ солдатъ во время отступленія въ 1812 г.

человѣкъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ. Потери въ сраженіяхъ, данныхъ французами до занятія Москвы, могли простираться, приблизительно, до 90,000 человѣкъ; слѣдовательно, изъ большой 250.000 арміи, перешедшей чрезъ Нѣманъ, погибли въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ изнуренія, недостатковъ и болѣзней до 100,000 человѣкъ. Въ московскихъ госпиталяхъ они оставили не болѣе 1.200 больныхъ".

„Съ каждымъ днемъ число больныхъ и отсталыхъ увеличивалось. Подъ Смоленскомъ, чрезъ 25 дней послѣ выступленія изъ Москвы, армія считала въ своихъ рядахъ не болѣе 36,000 и имѣла до 60,000 отсталыхъ, безъ всякаго оружія. О вывозѣ больныхъ нельзя было уже думать, потому что некогда было собирать подводы, да и негдѣ было ихъ найти.

„Послѣ отступленія отъ Смоленска, французская армія, отъ наступившихъ сильныхъ морозовъ, при недостаткѣ продовольствія, теплой одежды и обуви, начала совершенно разрушаться. Это уже не была армія, а ходячій подвижной госпиталь, безъ хлѣба, безъ лекарствъ,—госпиталь, который таилъ въ себѣ зародышъ ужаснаго тифа".

„По прибытіи въ Вильну, армія была въ самомъ ужасномъ положеніи: раненыхъ, больныхъ и отмороженныхъ было до 20,000. Въ Вильнѣ было на 40 дней муки и хлѣба и на 36 дней мяса для 100,000 арміи, но этотъ запасъ считался неприкосновеннымъ, и никто не бралъ на себя отвѣтственности отпускать эти припасы войскамъ, безъ соблюденія формальностей. Люди умирали отъ голода возлѣ наполненныхъ магазиновъ, которые послѣ достались въ добычу русскимъ. Въ госпиталяхъ не было даже соломы для подстилки, ни дровъ, чтобы согрѣться, и больные валялись на голомъ полу, въ сырыхъ и холодныхъ комнатахъ, не только безъ всякаго призрѣнія, но безъ продовольствія и даже безъ воды. Изъ всѣхъ больныхъ, находившихся въ виленскихъ госпиталяхъ, выздоравливала едва 1/10 часть".

„Изъ 700,000 арміи, вошедшей въ Россію, погибло, въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, до 630,000 человѣкъ. Нѣманъ перешли обратно, въ декабрѣ, не болѣе 70,000 человѣкъ".

Въ видѣ иллюстраціи того положенія, въ какомъ находилась французская армія во время ея отступленія въ 1812 году, мы помѣщаемъ въ приложеніи (см. прил. къ стр. 509) рисунокъ, представляющій группу возвращающихся французскихъ солдатъ, идущихъ по снѣгу, въ сильный морозъ, въ костюмахъ, совсѣмъ не напоминающихъ обмундированіе солдата.

„Ретирада французовъ въ 1813 году, послѣ лейпцигскаго сраженія, къ Рейну, была столько же бѣдственна, какъ и отступленіе 1812 года. На Рейнѣ погибли отъ тифа почти всѣ резервныя войска, собранныя на пополненіе убыли, происшедшей во французской арміи во время ея похода въ Россію. Когда французскія войска прибыли къ Рейну, то подъ ружьемъ было не болѣе 60,000 человѣкъ и ихъ сопровождала огромная масса отсталыхъ солдатъ, безъ одежды, носившихъ въ себѣ зародышъ заразы, которую они распространяли вездѣ, гдѣ останавливались. Въ особенности велика была смертность въ Майнцѣ и Реймсѣ. Изъ 60,000 войскъ, бывшихъ въ Майнцѣ, погибло отъ тифа 25,000. Докторъ Гандъ, описывая состояніе французскихъ подвижныхъ госпиталей, въ тылу арміи, въ 1813 году, въ томъ же сочиненіи „Le sépulcre de la grande armée" говоритъ, что, „послѣ лейпцигскаго сраженія, многіе раненые были перевязаны лишь во Франціи; что подводчики, на которыхъ была возложена перевозка этихъ несчастныхъ страдальцевъ, бросали ихъ на дорогѣ, для облегченія своихъ лошадей; транспорты съ больными, опасаясь занести въ деревни заразу, останавливались для ночлега внѣ селеній, около сараевъ; что тщетно эти страдальцы наполняли воздухъ своими воплями, прося помощи. Даже въ предѣлахъ Франціи, когда, уцѣлѣвшіе отъ всѣхъ ужасовъ, раненые, были свалены на открытыя суда и отправлены по Сенѣ, въ прибрежныя селенія и города, то меръ города Мелюня самъ вышелъ на пристань и оттолкнулъ причалившую къ берегу барку съ обезображенными остовами, которые только стонами и проклятіями обнаруживали признаки жизни".

Потери союзной арміи, въ крымскую войну, съ 1853 по 1856 годъ, были также очень значительны.

Французскихъ солдатъ, легко раненыхъ и больныхъ, отвозили въ Константинополь, гдѣ было достаточно госпитальныхъ помѣщеній. Итакъ, казалось бы, что подъ Севастополемъ, имѣя въ своемъ распоряженіи море, французы могли бы находиться въ благопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, въ послѣдніе дни осады Севастополя въ госпиталяхъ открылись тифъ и эпидемическое зараженіе (гангрена) ранъ.

Въ сочиненіи „La guerre de Crimée", Боденсъ говоритъ, что, по медицинской статистикѣ госпитальныхъ учрежденій, цифра умершихъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ, за всю кампанію, простирается до 63,000; изъ нихъ 31,000 въ Крыму и 32,000 въ Константинополѣ.

Кромѣ того, во Францію отправлено было больныхъ 60,317 человѣкъ. Изъ нихъ умерло 9,352 человѣка. Если къ этому прибавить убитыхъ

на полѣ сраженія, то можно сказать съ нѣкоторою увѣренностью, что изъ числа 309,268 человѣкъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отправленныхъ изъ Франціи на Востокъ, убыло до 100,000, т. е. ⅓ часть.

Въ англійской арміи, съ 1-го октября 1854 до 30-го апрѣля 1855 года, въ теченіе семи мѣсяцевъ, изъ числа 28,939 человѣкъ, бывшихъ въ Крыму, было отправлено въ разное время въ госпитали 53,913, т. е. изъ 1,000 человѣкъ 1,863 поступило въ госпиталь, или, въ сложности, каждый человѣкъ былъ въ госпиталѣ почти два раза. Число умершихъ, считая и тѣхъ, которые умерли въ Скутари, исключая убитыхъ въ сраженіяхъ, простирается до 10,784 или изъ 1,000 —372. Еслибъ такая смертность продлилась 16 мѣсяцевъ, то вся армія погибла бы единственнно отъ болѣзней. Но вслѣдствіе принятія участія въ дѣлѣ помощи войскамъ самимъ англійскимъ обществомъ, всѣ недостатки быстро были устранены.

При широкомъ распространеніи гласности и привычкѣ англійскаго общества къ self-help, въ Великобританіи, какъ только обнаружилась несостоятельность правительственныхъ мѣръ, общество принялось за снаряженіе частныхъ экспедицій въ Крымъ для ухода за больными и ранеными.

Быстрому устраненію недостатковъ въ англійской военно-врачебной части много содѣйствовала дѣятельность энергичной и умной женщины— миссъ Нейтингаль. Она послужила примѣромъ и дала сильный толчокъ общественной благотворительности.

Кромѣ полковыхъ лазаретовъ устроено было четыре подвижныхъ госпиталя, которые отличались особенною чистотою. Замѣчательно было принятое правило, что отъ медика зависитъ давать больнымъ чай, жаркое, пуддингъ, пиво, всякаго сорта вина, ромъ, коньякъ и все, что онъ найдетъ необходимымъ, лишь бы онъ предписалъ все это больнымъ наканунѣ. Въ англійскихъ магазинахъ добровольной ассоціаціи для помощи раненымъ было даже шампанское.

„Въ англійскихъ госпиталяхъ больные получали пищу три раза въ день, а именно: въ 8 часовъ утра 192 грамма хлѣба, 500 граммовъ чайной воды, настоенной на 4 граммахъ чая, и 24 грамма сахару; въ полдень 500 граммовъ супу, 384 грамма вареннаго или жаренаго мяса, 128 граммовъ хлѣба, 500 граммовъ картофеля и другихъ овощей, и кромѣ того,—по рецепту доктора,—пиво вино и ромъ, и наконецъ въ 6 часовъ послѣ полудня, то же, что на завтракъ“.

Піемонтскіе госпитали были разсчитаны на 1,600 мѣстъ, такъ какъ въ строю находилось отъ 15,000 до 18,000 чел. Но въ тѣхъ госпиталяхъ постоянно оставалось нѣсколько свободныхъ мѣстъ.

Обнаружившіеся въ крымскую войну, недостатки въ устройствѣ санитарной части особенно рѣзко дали себя чувствовать послѣ кровавыхъ битвъ при Альмѣ, Балаклавѣ и Инкерманѣ.

Одинъ французскій писатель подъ впечатлѣніемъ сраженія при Инкерманѣ пишетъ: „Тѣла храбрыхъ воиновъ трехъ націй валялись нагроможденныя одно на другомъ. Раненыхъ поднимали еще по прошествіи восьми дней! И сколько трудностей еще послѣ переноски раненыхъ въ амбулаторіи! Медицинскій персоналъ не въ состояніи былъ справиться съ задачею, выпадавшею ему на долю, и несчастнымъ раненымъ, сваленнымъ въ кучу въ палаткахъ, приходилось ожидать иногда по 8—10 дней, прежде чѣмъ могли заняться ими" *).

Печальный опытъ неудовлетворительныхъ санитарныхъ условій въ крымскую войну не послужилъ для французскаго военнаго управленія достаточнымъ поученіемъ, и при войнѣ съ Австріею, въ 1859 году, проявилась снова недостаточность санитарныхъ средствъ. Послѣ битвы при Сольферино десятки тысячъ раненыхъ оставались на боевомъ полѣ и лишь часть изъ нихъ были подобраны, какъ санитарами, такъ и жителями окрестныхъ мѣстностей. Многіе же остались вмѣстѣ съ убитыми и вскорѣ все поле, подъ дѣйствіемъ знойнаго солнца, обратилось въ страшный очагъ разложенія, угрожавшій и сосѣднему населенію.

Въ числѣ милосердыхъ жителей, уносившихъ раненыхъ въ свои дома, находился женевскій гражданинъ Анри Дюнанъ. Онъ описалъ, видѣнные имъ на сольферинскомъ полѣ, ужасы въ книгѣ, названной «Souvenirs de Solferino». и эта-то книга послужила толчкомъ къ образованію женевскаго общества „краснаго креста" и къ самой женевской конвенціи, установившей нейтральность военно-врачебныхъ учрежденій и международное надъ ними покровительство.

Выше мы упомянули объ англійскихъ частныхъ санитарныхъ экспедиціяхъ въ Крыму. Надо прибавить, что въ Германіи еще въ 1813 и затѣмъ въ 1848 годахъ возникали частныя общества помощи раненымъ на войнѣ. Но по миновавіи военныхъ дѣйствій общества тѣ закрывались и самая память о нихъ въ обществѣ исчезала. Въ ближайшее же къ намъ время, правительства стали уже заботиться о привлеченіи частной дѣятельности къ помощи раненымъ воинамъ въ видѣ постоянной организаціи, причемъ частная дѣятельность является въ подчиненіи военно-врачебной.

Общественная помощь жертвамъ войны проявлялась и при датской

*) Ch. Fay, «Souvenirs de la guerre de Crimée».

войнѣ 1865 года, а особенно ярко — въ междоусобную войну въ Соединенныхъ Штатахъ 1864 года. Тамъ образовалась центральная коммисія помощи, которая развила обширную дѣятельность, имѣя свои органы на театрѣ войны, гдѣ они нерѣдко являлись раньше, чѣмъ образовывались военные госпитали. Коммисія выстроила образцовые санитарные лазареты, въ общемъ числѣ, съ 130.000 кроватей; она эвакуировала на санитарныхъ поѣздахъ огромное число больныхъ и раненыхъ и за недостаткомъ еще этихъ средствъ перевозила больныхъ на большихъ океанскихъ пароходахъ, обращенныхъ въ госпитали. Коммисія собрала и израсходовала на человѣколюбивое дѣло болѣе 300 милліоновъ рублей. Дѣятельность ея была въ высшей мѣрѣ примѣчательной, между прочимъ, и потому, что при ней выработались барачная и павильонная система, какъ лучшая для госпиталей, и разные улучшенія въ способѣ перевозки раненыхъ на желѣзныхъ дорогахъ и на судахъ.

II.

Военно-врачебное дѣло въ Россіи.

1. Передъ началомъ текущаго столѣтія.

Русское правительство издавна прилагало старанія объ обезпеченіи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и назначало для этой цѣли большія матеріальныя средства. Если же устройство военно-медицинской и особенно полевой врачебной части не всегда вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ требованіямъ, какія имѣлись въ виду, то причинами этого были, съ одной стороны, недостаточная самостоятельность врачебныхъ дѣятелей, а съ другой—недостатки, замѣчавшіеся вообще во всей администраціи.

Начало военно-медицинской части въ Россіи было положено Петромъ Великимъ. До его времени врачами являлись только иностранцы. Онъ созналъ необходимость медицинскаго образованія въ странѣ. Въ 1706 г. были учреждены въ Москвѣ военный госпиталь, при которомъ состояли ученики и подлекари изъ русскихъ, обучавшіеся у выписанныхъ изъ-за границы врачей латинскому языку, анатоміи, хирургіи и фармацевтикѣ. Это училище, предназначенное для 50 воспитанниковъ, состояло подъ руководствомъ Николая Видло. Курсъ длился нѣсколько лѣтъ и, по выдержаніи экзамена, ученики, въ качествѣ лекарей или лекарскихъ

помощниковъ, опредѣлялись на мѣста, преимущественно въ военное вѣдомство.

Въ 1715 году Петръ основалъ и въ Петербургѣ военные госпитали сухопутный и морской, также съ училищами при нихъ. По созданіи этихъ зачатковъ врачебнаго дѣла въ Россіи, Петръ приступилъ къ учрежденію военно-медицинскаго вѣдомства. Указомъ 1716 года повелѣно было состоять при каждой дивизіи дивизіонному врачу и штабъ-хирургу, а въ полкахъ лекарю или лекарскому помощнику, въ ротахъ же фельдшерамъ. Годовое жалованье русскимъ врачамъ назначено было всего въ 30 рублей, между тѣмъ какъ врачамъ - иностранцамъ производилось не менѣе 10 талеровъ въ мѣсяцъ. Но, вслѣдствіе недостатка врачей по штатамъ, опредѣленнымъ для арміи и флота, еще долгое время большинство врачей служили по контрактамъ.

Тѣмъ же указомъ учреждались въ каждой дивизіи двѣ аптеки для пѣхоты и кавалеріи, съ аптекаремъ, 2 „гизелями" и 4 учениками въ каждой аптекѣ. Одновременно повелѣно было устроить до 500 лазаретовъ въ полкахъ. Въ 1722 году Петръ приравнялъ медицинскія должности къ военнымъ чинамъ. Должность президента медицинской коллегіи была отнесена къ чину генералъ-майора, старшаго лейбъ-медика — къ чину полковника, а другихъ лейбъ-медиковъ — къ чину подполковника. Врачи въ войсковыхъ частяхъ сравнены были съ капитанами и поручиками, причемъ „доктора", т. е. врачи-иностранцы причислялись къ чину высшему, чѣмъ русскіе врачи.

Положеніе какъ самого медицинскаго состава, такъ и военно-врачебнаго дѣла было крайне неудовлетворительное. Иностранные врачи мало заботились о санитарныхъ условіяхъ въ войскахъ, командиры не сознавали важности надзора за этимъ, а врачи изъ русскихъ часто оказывались малосвѣдующими, такъ какъ, по недостатку персонала, нерѣдко выпускали подлекарей въ врачи до окончанія курса и это не препятствовало имъ получать современемъ должности штабъ-хирурговъ. Надо прибавить, что и обращеніе командировъ и офицеровъ съ врачами не способствовало привлеченію въ армію способныхъ медицинскихъ силъ.

При преемникахъ Петра военно-врачебная часть не только не улучшалась, но приходила въ разстройство. Упадку госпиталей содѣйствовало отнесеніе ихъ содержанія на вычеты изъ жалованья военно-служащихъ. При Императорѣ Павлѣ дошло до того, что не было ни одного госпиталя, который бы могъ вмѣстить 200 больныхъ. Небрежность старшихъ врачей повела къ тому, что, по представленію тогдашняго президента

медицинской канцеляріи Кондоиди, состоялось повелѣніе о назначеніи военныхъ инспекторовъ надъ госпиталями, что и было началомъ той двойственности въ управленіи, какая установилась въ военно-медицинской части въ Россіи.

Фельдшера, въ нынѣшнемъ смыслѣ, появились въ войскахъ только послѣ 1741 года. До тѣхъ поръ фельдшерскія обязанности въ госпиталяхъ исполнялись состоявшими при нихъ учениками, то есть, какъ бы мы сказали теперь, студентами, что, конечно, отрывало ихъ отъ занятій науками. По представленію главнаго военнаго врача въ Петербургѣ, Энглерта, что было бы полезно образовать особыхъ фельдшеровъ изъ грамотныхъ солдатскихъ дѣтей, военная коллегія доставила ему для этой цѣли 10 воспитанниковъ гарнизонной школы. Фельдшерамъ положено было жалованья въ годъ 6 рублей и содержаніе *).

О состояніи госпиталей въ концѣ XVIII столѣтія можно судить по отзыву о нихъ Суворова. Въ главномъ поученіи солдатамъ онъ говорилъ: „Бойся богадѣльни! Нѣмецкія лекарственницы—издалека, тухлыя, всплошь безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки... Солдатъ дорогъ!... Береги здоровье; чисти желудокъ, коли засорился; голодъ—лучшее лекарство! Кто не бережетъ людей—офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется — на закатѣ солнышка немного пустой кашки съ хлѣбцемъ, а крѣпкому желудку—буквица въ теплой водѣ, или корень коневаго щавелю. — Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: „въ горячкѣ ничего не ѣшь, хотя до двадцати дней, а пей солдатскій квасъ, то и лекарство!... А въ лихорадкѣ, не пей, не ѣшь— штрафъ! За что себя не берегъ!.. Богадѣльни: первый день — мягкая постель, второй — французская похлебка, третій день ея, братецъ, домовище къ себѣ и тащитъ! Одинъ умираетъ, а десять товарищей хлѣбаютъ его смертный дыхъ!.. Въ лагерѣ — больные, слабые, хворые въ шалашахъ, не въ деревняхъ; воздухъ чище, хоть безъ лазарету. Не надобно жалѣть денегъ на лекарства, коли есть купить, и сверхъ того и на прочія выгоды безъ прихотей. Все это не важно. Мы умѣемъ себя беречь. Гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ, — а у насъ и отъ пяти сотъ въ мѣсяцъ меньше умираетъ. *Здоровому воздухъ—ѣда, боль-*

*) Myrdacz, «Das russische Militär-Sanitätswesen», 1896.

ному же воздухъ—питье. Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ! Да есть непріятеля больше, и богадѣльни!"...

„Командуя, въ 1792 году войсками въ Финляндіи, Суворовъ былъ обвиненъ въ худомъ состояніи госпиталей, но онъ писалъ: „Гофшпитали давно во зло употребляются, я ихъ не терпѣлъ. Полковые и ротные командиры, нерадѣющіе о здоровьи солдата, часто въ оные отправляютъ издалека, и еще съ незнатными припадками, и часто чрезъ тотъ транспортъ они вступаютъ полумертвыми въ смертоносный воздухъ отъ умирающихъ".

Впрочемъ, нерасположеніе свое къ госпиталямъ Суворовъ доводилъ слишкомъ далеко, если судить по письму де-Рибаса въ 1794 г. къ одному весьма вліятельному лицу въ Петербургѣ. Вотъ что писалъ де-Рибасъ: „Ради Бога, уймите нѣкотораго мужа... Капризы его переходятъ мѣру. Должно быть, и въ Измаилѣ онъ былъ хорошъ только потому, что тамъ его держали въ черномъ тѣлѣ... Необходимо обратить вниманіе на то, что онъ дѣлаетъ съ госпиталями. Несчастные увѣчные или больные инвалиды изгнаны изъ госпиталей, не имѣя даже чѣмъ покрыться (ибо смотрителямъ велѣно было госпитальные вещи удержать). Какъ же имъ добраться до своихъ мѣстъ? Перемежающіяся лихорадки, простыя и гнилыя горячки, кровавый поносъ вычеркнуты изъ категоріи болѣзней; госпиталямъ дозволено принимать лишь одержимыхъ водянкою или венерическою болѣзнью. Приказалъ заболѣвающихъ подраздѣлить по такой категоріи: „больные", „хворые", „льготные"... Въ результатѣ, госпитали почти опустѣли и въ покояхъ, гдѣ прежде бывало 100 больныхъ, теперь показывается всего 12—15, каковое чудо осуществляется посредствомъ угрозъ командирамъ и врачамъ... Это безчеловѣчные пріемы, и я знаю, что всемилостивѣйшая государыня была бы ими опечалена, и здѣсь всѣ оплакиваютъ ихъ, но не смѣютъ писать о нихъ, опасаясь маленькихъ шпіоновъ въ Петербургѣ"...

Для русскихъ войскъ, воевавшихъ съ французами въ 1799 г. въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, подъ начальствомъ Суворова, Римскаго-Корсакова и Германа, за исключеніемъ подвижныхъ госпиталей при войскахъ, были устраиваемы австрійцами и англичанами госпитали, куда доставляли раненыхъ на подводахъ. Въ войскахъ, бывшихъ въ Голландіи, была очень большая смертность, вслѣдствіе лишеній.

2. Съ начала XIX в. до крымской войны.

Вступленіе на престолъ императора Александра I составило новую эру въ исторіи медицинской части въ Россіи. Въ 1802 году медицинская коллегія была подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году медицинская коллегія была упразднена и текущія дѣла ея были переданы въ одинъ изъ департаментовъ министерства, а для обсужденія общихъ вопросовъ и обсужденія мѣръ къ повышенію научныхъ медицинскихъ знаній въ Россіи былъ учрежденъ въ томъ же вѣдомствѣ медицинскій совѣтъ. Далѣе, въ 1805 году военно-медицинская часть совершенно была отдѣлена отъ гражданскаго медицинскаго управленія. Сверхъ того, и военно-врачебная часть была раздѣлена еще на сухопутную и морскую.

Госпитали для русскихъ войскъ во время войны 1805 г. съ Наполеономъ опять устраивались австрійцами. Въ 1806 г. прусское правительство, обѣщавшее продовольствовать русскія войска и госпитали, оказалось не въ состояніи это исполнить. Вслѣдствіе того, происходили злоупотребленія. Приведемъ здѣсь описаніе, какое даетъ одинъ русскій авторъ.

„Полковые командиры брали отъ подрядчиковъ деньги и давали подрядчикамъ квитанціи въ полученіи отъ нихъ припасовъ въ натурѣ, а какъ и сами не находили возможности купить все, что было нужно, то брали то, чего не могли купить, насильственно у жителей, выдавая симъ послѣднимъ лоскутки бумаги, въ которыхъ, вмѣсто того чтобы писать съ точностію все взятое,—писали ругательства, пѣсни и т. п. Но такъ какъ средства страны быстро истощились, то иногда генералы почти отбоемъ брали другъ у друга подвозы; рѣдко доходилъ хлѣбъ до авангарда. Находившійся въ главной квартирѣ, англійскій генералъ Вильсонъ называетъ въ своемъ сочиненіи видѣнные имъ госпитали „ужасомъ человѣчества“; выраженіе не преувеличенное. Жители областей, гдѣ стояла армія, шатались какъ тѣни. Дѣти умирали на изсохшихъ отъ голода грудяхъ матерей. Лошади въ нѣкоторыхъ конныхъ полкахъ отъ безкормицы падали даже на смотрахъ, не имѣя силы носить на себѣ всадниковъ. Пожравъ соломенныя крыши домовъ, устилали онѣ своими трупами путь отъ авангарда до главной квартиры, Бартенштейна, куда наѣхало изъ Петербурга много дамъ и гдѣ пиръ слѣдовалъ за пиромъ!»

„Императоръ лишилъ чиновниковъ провіантскаго и коммисаріатскаго

вѣдомствъ права—носить общій армейскій мундиръ, поставляя имъ въ вину, что большая ихъ часть, имѣя предметомъ обогащеніе свое изъ ввѣренныхъ имъ денегъ, съ жадными поставщиками, возвышали цѣны на всѣ припасы, увеличивали расходы, а между тѣмъ войска терпѣли во всемъ нужду и важныя предпріятія были тѣмъ останавливаемы ко вреду государства".

„Для разбора выданныхъ войсками квитанцій, была послѣ войны назначена, такъ-называемая, мемельская коммиссія; но она существовала такъ долго и сдѣлала такъ мало, что превратилась въ пословицу, а именно, чтобы выразить какую-нибудь неурядицу, которую нельзя разъяснить, или распутать, говорили: «послать дѣло въ мемельскую коммисію».

Въ 1806 и 1807 годахъ, потери русскихъ войскъ въ сраженіяхъ составили убитыми приблизительно 9,666 и ранеными 19,334. „Число умершихъ отъ болѣзней неизвѣстно; но судя по времени года, въ которое происходили военныя дѣйствія, недостатку продовольствія, худому состоянію госпиталей, надобно полагать, что смертность отъ болѣзней была несравненно бо̀льшая, нежели потери въ сраженіяхъ, что частью можно заключать изъ того, что во французской арміи, въ то же время, по показанію Шамбре, была непомѣрная смертность отъ лихорадокъ и горячекъ".

Въ турецкую войну, съ 1806 до 1812 года, русскія войска потеряли до 100,000 чел., изъ коихъ едвали въ сраженіяхъ погибла $^1/_5$ ч. Несмотря на заботы правительства, съ самаго начала царствованія Александра I, объ увеличеніи медицинскаго состава и улучшеніи военно-врачебной части вообще, въ войну 1812 года военныхъ врачей все таки оказалось недостаточно и пришлось снова, какъ приглашать въ армію гражданскихъ врачей, такъ и выписывать врачей иностранныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при выработкѣ „положенія" объ управленіи дѣйствующею арміею, дано было и врачебной части въ этой арміи новое образованіе. На основаніи положенія, „при формированіи арміи, слѣдовало учреждать для нея военно-временные госпитали трехъ родовъ: *развозные*, *подвижные* и *главные временные; первые*, составляемые изъ лазаретныхъ фуръ, для первой помощи раненымъ на мѣстѣ сраженія и перевозки ихъ въ подвижные госпитали; *вторые*, для леченія больныхъ и раненыхъ во время движенія армій, и *послѣдніе*, учреждаемые за линіею подвижныхъ. Подвижные госпитали учреждались по усмотрѣнію главнокомандующаго, а временные военнымъ министерствомъ. При опредѣленіи числа госпитальныхъ запасовъ и медиковъ, прислуги и медикаментовъ,

принималось за правило, что больные могутъ составлять десятую часть арміи; на каждые двѣсти человѣкъ больныхъ полагается одинъ медикъ или лекарь и при немъ шесть лекарскихъ учениковъ. Госпитальныхъ приставовъ полагалось на каждые сто больныхъ по одному, а больничныхъ надзирателей на каждые десять больныхъ по одному“.

„Въ началѣ войны были учреждены развозный и подвижные госпитали, съ нужнѣйшими потребностями; но повозки были въ нихъ неудобны и непрочны, а сверхъ того недоставало опытныхъ чиновниковъ, военнаго надзора и прислуги, а потому не могли быть доведены до желаемаго совершенства“.

„На продовольствіе больныхъ, во время транспортировки, былъ составленъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ Татищевымъ и директоромъ госпиталей Бѣлгородскимъ проектъ контракта съ подрядчикомъ. Императоръ, утверждая этотъ проэктъ, прибавилъ въ немъ: «если подрядчикъ будетъ доставлять неисправно припасы, то отдать его подъ военный судъ».

„Это навело на всѣхъ подрядчиковъ такой страхъ, что никто не хотѣлъ брать на себя продовольствія больныхъ, и только по особенному убѣжденію Татищева и обѣщанію ему всякой справедливой защиты, это дѣло взялъ на себя подрядчикъ Слуцкій, который, сколько извѣстно, исполнялъ обязанность свою хорошо, и больные, во время пути, не терпѣли нуждъ“.

При поспѣшности отступленія русскихъ войскъ, само-собою разумѣется, не было рѣшительно никакой возможности вывозить всѣхъ тяжело раненыхъ и больныхъ, и очень значительная часть ихъ оставлялась на мѣстахъ, по необходимости, на улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ, — безъ всякаго пособія.

„Въ Бородинской битвѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всего было русскихъ раненыхъ до 27,000 чел. Если у французовъ было столько же раненыхъ, то общее число ихъ простирается до 54,000 челов. Полагая, примѣрно, что между ними была $^{1}/_{3}$ часть тяжело раненыхъ, оказывается, что такихъ, которые не были въ состояніи двигаться, лежало на полѣ сраженія, приблизительно, до 18,000“. Средствъ для подбиранія раненыхъ было такъ мало, что раненые и многіе увѣчные, оставаясь на полѣ сраженія, или въ амбарахъ и овинахъ, по нѣсколько дней, безъ всякаго пособія, если не истекали кровью, то умирали отъ голода и жажды.

„При занятіи французами Можайска, они нашли тамъ, какъ утверждаетъ Шамбре, русскихъ больныхъ и раненыхъ до 10,000 челов. Чтобъ очистить мѣсто для своихъ раненыхъ и больныхъ, которыми были завалены

городъ и всѣ окрестности, французы выносили больныхъ и раненыхъ на улицу, гдѣ они оставались безъ всякаго призрѣнія".

„По сдѣланному распоряженію, раненые должны были поступить, послѣ доставленія въ Москву, изъ армейскаго вѣдомства, на попеченіе внутренняго вѣдомства".

Тотчасъ же послѣ рѣшенія оставить Москву, начался вывозъ раненыхъ изъ московскихъ госпиталей. Но подводъ собрано очень мало. Больные, по числу подводъ, были посажены наскоро въ повозки, и уже на другой день рано всѣ коммисіонеры и прислуга московскихъ госпиталей, какъ говоритъ Канкринъ, разсыпались".

„По недостатку перевозочныхъ средствъ въ Москвѣ, по словамъ Бернгарди, было оставлено русскихъ больныхъ и раненыхъ свыше 10,000 человѣкъ. Дорога, по которой отступала армія, покрылась колоннами войскъ, между которыми тянулись въ безпорядкѣ обозы, бѣжавшіе жители и множество фуръ, наполненныхъ ранеными. Все это перемѣшалось. На многихъ фурахъ, вмѣсто раненыхъ, везли женъ вахтеровъ, шкафы, сундуки и мебель. Всѣ думали, что они безопасны отъ непріятеля только тогда, когда будутъ находиться среди войскъ, и потому все влачилось по тому направленію, куда шла армія".

„Войскамъ пришлось переправляться черезъ рѣку Москву, при деревнѣ Кулаковѣ, гдѣ крутой подъемъ дѣлалъ переправу крайне затруднительною. Чтобъ очистить дорогу, по которой шли войска, отъ транспортовъ, мѣшавшихъ войскамъ слѣдовать въ порядкѣ, было распоряжено, всѣ транспорты съ больными и ранеными направить на Касимовъ и Елатьму и устроить тамъ госпитали".

„Исполненіе этого было возложено на генералъ-интенданта Канкрина, при которомъ состояло, въ то время, не болѣе двухъ или трехъ чиновниковъ, потому-что всѣ чиновники внутренняго вѣдомства, ему подчиненные, скрылись. Невзирая однакожь на всѣ затрудненія, въ Касимовъ и Елатьму были посланы чиновники для устройства новыхъ госпиталей, а по дорогѣ были разосланы казаки для направленія транспортовъ съ ранеными на касимовскую дорогу. Хотя, такимъ-образомъ, и было сдѣлано все, что было возможно, но цѣлыя сутки прошли только на то, чтобъ догнать транспорты и дать имъ другое направленіе. Канкринъ говоритъ, что при этомъ было написано нѣсколько сотъ билетовъ, съ означеніемъ въ нихъ, что раненые должны ѣхать чрезъ такія-то мѣста въ Касимовъ, гдѣ они найдутъ все нужное. Разосланные солдаты раздавали эти билеты старымъ солдатамъ, или тѣмъ, которые хотя нѣсколько умѣли читать".

Въ началѣ преслѣдованія непріятеля, госпитальная часть была самая печальная и вмѣстѣ затруднительная. Край былъ разоренъ до того, что не столько думали о леченіи, сколько о томъ, чтобы больные и раненые не умирали отъ голода и холода.

Описывая состояніе госпиталей въ 1812 году, Канкринъ говоритъ: „Тотъ, кто не бывалъ и не видалъ сего, никогда не повѣритъ, сколь ужасно было тогдашнее положеніе французовъ и самихъ насъ. Начальство, однако, требовало въ предписаніяхъ, естественно все такъ, какъ бы должно было дѣйствовать при имѣніи всѣхъ способовъ". Такъ случается часто. Говорятъ: „нужно требовать невозможнаго, для того, чтобъ дѣлали возможное". На счотъ подобныхъ требованій Вошель говоритъ: „Demander dans l'état de guerre et en campagne tout ce qui se demande dans l'état paisible et commode de la paix, c'est ne vouloir rien d'exact et vrai". („Cours d'administration militaire).

„Но для того, чтобы требовать возможное, нужно знать обстоятельства дѣла, а это требуетъ глубокаго его изученія, а не поверхностнаго взгляда".

Несмотря на всѣ принятыя мѣры, изъ 30,000 больныхъ и раненыхъ французовъ умерло 25,000.

„Въ началѣ войны 1812 года, на западной границѣ было собрано до 200,000 русскихъ войскъ, и къ нимъ поступило на укомплектованіе, до отступленія на тарутинскую позицію, до 55,000 челов. изъ запасныхъ и резервныхъ баталіоновъ. Изъ этого числа осталось на лицо, при выступленіи русской арміи изъ тарутинскаго лагеря, только 97,112 чел., а по укомплектованіи войскъ рекрутами, въ арміи, въ то время, было на лицо до 102,254 человѣка. По прибытіи же, чрезъ два мѣсяца, русскихъ войскъ въ окрестности Вильны, армія считала въ рядахъ своихъ только около 42,000 чел. На пути слѣдованія было оставлено до 48,000 челов.; убитыхъ въ дѣлахъ и умершихъ отъ ранъ было около 12,000".

Во всеподаннѣйшемъ отчетѣ выражено было только общее мнѣніе относительно врачебной части: „Надобно признаться, что у насъ госпитальная часть вообще еще не доведена до надлежащаго положенія, хозяйство чрезмѣрно сложное, отъ котораго выходитъ изъ возможности надлежащій контроль; та часть полевого управленія, которая касается госпиталей, въ отношеніи къ другимъ обработана была несоразмѣрно, и наконецъ мы, видя войну болѣе, нежели другіе народы до сего времени, не имѣли ни провіантскихъ, ни коммисаріатскихъ полевыхъ заведеній и даже управленій, а еще менѣе такихъ пріуготовленій, какія имѣютъ другія націи для своихъ госпиталей". „Съ переходомъ за границу перемѣнился и образъ содержанія госпиталей. Въ Плоцкѣ генералъ-интендантъ, дире-

кторъ госпиталей и генералъ-штабъ-докторъ сдѣлали особое положеніе для заграничныхъ госпиталей, коимъ руководствовались во всю войну. Счетъ людей, полиція и настояніе въ исправномъ содержаніи оныхъ было поручено военнымъ коммисарамъ, взятымъ изъ полковъ, подъ надзоромъ окружныхъ начальниковъ. Хозяйственная часть зависѣла отъ мѣстнаго правительства и положенъ былъ при госпиталѣ сверхъ конторы комплектъ изъ почетныхъ гражданъ, порціи и всѣ прочіе предметы получили свои правила и положенія“.

„Въ 1816 году послѣдовало Высочайшее положеніе объ учрежденіи въ мирное время, кромѣ постоянныхъ госпиталей и полковыхъ лазаретовъ—корпусныхъ и дивизіонныхъ госпиталей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ войны были обращаемы въ подвижные госпитали прислуга и запасныя вещи, положенныя имѣть въ мирное время при корпусныхъ госпиталяхъ“. Наконецъ, при Императорѣ Николаѣ I въ 1828 и 1829 г.г. утверждены были положенія о непремѣнныхъ подвижныхъ и временныхъ военныхъ госпиталяхъ.

Въ кампаніяхъ противъ Турціи въ 1828 и 1829 годахъ было умершихъ отъ разныхъ болѣзней 118,745 человѣкъ, между тѣмъ какъ наибольшее число состоявшихъ въ строю солдатъ не превосходило 124 тысячъ (апрѣля 1828 г.).

Относительная смертность была слѣдующая: Изъ 1,000 человѣкъ умерло:

въ	1828 году,	въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ	146,	что составляетъ въ годъ	219.
„	1829 „		461		
„	1830 „	„ 7-ми „	97 „	„ „ „	166.

Потери отъ болѣзней были велики и въ самомъ медицинскомъ персоналѣ: болѣе 300 врачей умерли отъ чумы и лихорадки. Не лучшими были результаты войны 1831 года въ Польшѣ. Въ 1831 году было убитыхъ въ сраженіяхъ 7,122 человѣка, а 92,888 человѣкъ умерли отъ ранъ и болѣзней. Къ тому же времени относятся первыя въ Россіи инструкціи о приведеніи арміи на военное положеніе, а въ 1833 г. генералъ-штабъ-докторомъ Четыркинымъ составлены были правила о санитарныхъ мѣрахъ въ войскахъ, которые должны были находиться въ рукахъ каждаго военнаго врача.

Въ венгерскую кампанію 1849 года, при краткости войны, продолжавшейся въ лучшее время года, умерло всего 10,253 человѣка, въ томъ числѣ отъ холеры 7,414 человѣкъ, и отъ обыкновенныхъ болѣзней 2,839 человѣкъ.

3. Во время крымской кампанiи 1854—1855 гг.

Хотя въ кампанiи 1854—1855 г.г. участь раненыхъ и больныхъ, сравнительно съ предшествовавшими войнами, была нѣсколько лучше, но уже съ самаго ея начала недостатокъ санитарнаго персонала сильно ощущался.

Виленская медицинская академiя была закрыта еще въ 1834 году, а московская въ 1846 году, съ передачею всѣхъ кабинетовъ и учебныхъ пособiй медицинскому факультету московскаго университета. Медицинская академiя въ С.-Петербургѣ выпускала врачей ежегодно, среднимъ числомъ, по 30 человѣкъ, а университеты около 50-ти. Понятно, что столь незначительное число не могло удовлетворить надобности во врачахъ даже и въ мирное время.

„Фармацевты и ветеринары подготовлялись въ тѣхъ же учебныхъ заведенiяхъ. Фельдшера обучались въ фельдшерскихъ школахъ, состоявшихъ при нѣкоторыхъ госпиталяхъ. Въ эти школы опредѣляли преимущественно кантонистовъ“.

Къ 1-му января 1853 года по военнымъ штатамъ полагалось: медиковъ 2,007, фельдшеровъ 3,393, фельдшерскихъ учениковъ 850. Для замѣщенiя штатовъ недоставало: медиковъ 193, фельдшеровъ 172, фельдшерскихъ учениковъ 292“.

„Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что еще до войны былъ недостатокъ въ необходимѣйшихъ чинахъ, какъ-то: медикахъ и фельдшерахъ. Съ приведенiемъ войскъ на военное положенiе, некомплектъ долженъ былъ необходимо увеличиться а не было запаса, изъ котораго онъ могъ бы быть пополненъ“ *).

Приняты были прежде всего обычныя мѣры: разрѣшено держать экзамены студентамъ 5-го курса; затѣмъ приказано подготовлять и студентовъ 4-го курса и приглашать иностранныхъ и вольнопрактикующихъ врачей въ Имперiи и Царствѣ Польскомъ.

Всего въ теченiе войны на военную службу поступило

*) Гюббенетъ, «Очеркъ медицинской части въ Крыму въ 1854—56 гг.»

врачей, въ томъ числѣ и получавшихъ дипломъ врача студентовъ, не прошедшихъ полнаго курса *):

Изъ медико-хирургической академіи	449
„ университетовъ	375
„ вольнопрактикующихъ	142
„ различныхъ вѣдомствъ	55
„ иностранцевъ на общихъ и особыхъ основаніяхъ	22
„ иностранцевъ по контрактамъ	99
Итого . . .	1,142

Послѣдствіемъ такого способа вербовки врачей было то, что значительная часть изъ нихъ оказывалась неспособной удовлетворить ни научнымъ, ни служебнымъ требованіямъ. Талантливые врачи, въ родѣ Пирогова, Гюббенета, Обермиллера и проч., представляли собой лишь исключеніе въ общемъ числѣ врачей и, при всей своей даровитости, не въ силахъ были исправить положенія дѣла.

Недостаточная подготовка врачей отражалась тѣмъ печальнѣе, что рядомъ съ этимъ чувствовался не меньшій недостатокъ и въ опытныхъ фельдшерахъ. Въ теченіе 4 лѣтъ, съ 1853 по 1856 г., на военную службу поступило 2.270 фельдшеровъ и 1.489 фельдшерскихъ учениковъ, всего 3.759 человѣкъ, изъ которыхъ 2.684 поступило въ трудное время 1854 и 1855 г.г., но въ то же время выбыло ихъ 1.664 человѣка больными и умершими, т. е. до 50%. Этотъ недостатокъ въ лекарскихъ помощникахъ чувствовался постоянно, въ особенности же на первыхъ порахъ, такъ что крымское медицинское управленіе вынуждено было набрать фельдшеровъ большей частью изъ прочихъ частей войскъ, въ которыхъ ихъ было и безъ того немного, а подъ конецъ приходилось довольствоваться простыми цирюльниками пѣхотныхъ дивизій.

Тяжелое положеніе медицинской части арміи осложнялось полной неизвѣстностью, относительно направленія, какое могла принять война.

*) Гюббенетъ, «Очеркъ медицинской части въ Крыму въ 1854—56 гг.».

До чего доходила общая сумятица на счетъ ближайшей участи Севастополя, видно изъ того, что раненыхъ несли какъ разъ по направленію къ театру войны, вмѣсто того чтобъ удалить ихъ оттуда, такъ что въ началѣ осады въ Севастополѣ находилось уже по крайней мѣрѣ 2.000 раненыхъ. Легко себѣ представить, какой уходъ и какое леченіе выпали на долю этихъ раненыхъ, число коихъ съ началомъ осады стало быстро возрастать. Не было ни достаточнаго помѣщенія, ни кроватей, ни бѣлья, ни даже необходимой для больныхъ пищи. Къ тому же, число врачей было крайне ограничено. Оно такъ мало соотвѣтствовало насущнымъ потребностямъ, что приблизительно на 300 больныхъ и раненыхъ, по преимуществу послѣднихъ, приходилось всего по одному только врачу. Спрашивается, что въ состояніи былъ сдѣлать одинъ врачъ съ такимъ огромнымъ количествомъ больныхъ?

Положеніе врачей было тѣмъ труднѣе, что помѣщеніе, бѣлье, холстъ, даже пищу и питье получить было крайне не легко.

„Кромѣ того, по уставу 1846 года, въ арміи не полагалось ни санитарныхъ ротъ, ни носильщиковъ для отысканія на полѣ сраженія раненыхъ и переноски ихъ на перевязочные пункты. Можно представить себѣ, сколько несчастныхъ раненыхъ истекало кровью на полѣ сраженія, потому что они не получали тотчасъ же необходимой первоначальной помощи“.

Участь раненыхъ подъ Альмой до сихъ поръ еще покрыта глубокимъ, непроницаемымъ мракомъ. Больные въ госпиталяхъ разсказывали, что они 5—6 дней пролежали на полѣ битвы, среди голой степи подъ открытымъ небомъ, безъ перевязки, ничѣмъ неприкрытые, лишенные воды и пищи. Первую, хотя недостаточную, помощь оказывали раненымъ англичане. Однако, по истеченіи нѣсколькихъ дней найдены еще на полѣ сраженія и отправлены въ Севастополь 240 раненыхъ. Кромѣ того, на французскомъ пароходѣ перевезено въ Одессу 423 раненыхъ при Альмѣ.

О существовавшемъ въ эпоху крымской войны устройствѣ медицинской части можно судить по слѣдующимъ фактамъ. 13 (25) сентября, когда передъ главнымъ военнымъ управленіемъ выяснились и собственное его положеніе, и настоятельныя потребности больныхъ, въ Симферополь отпра-

вленъ былъ приказъ отыскать помѣщеніе не менѣе, какъ на 6.000 раненыхъ. Но въ то же время херсонской коммисаріатской коммисіи поручено въ возможной скорости выслать въ Симферополь госпитальныхъ вещей только для 2.000 больныхъ. Подобные приказы сами по себѣ уже служатъ доказательствомъ плохого положенія госпитальной части. Между тѣмъ, положеніе усугублялось тѣмъ, во-первыхъ, что херсонская коммисаріатская коммисія состояла въ вѣдѣніи князя Горчакова, находившагося въ Молдавіи, и что поэтому приходилось ожидать разрѣшенія оттуда. Кромѣ того, рѣшительнымъ препятствіемъ къ немедленному исполненію этого приказанія служило страшное состояніе путей сообщенія.

Знаменитый хирургъ Пироговъ *), описывая свой проѣздъ въ ноябрѣ 1854 года по Крыму, говоритъ: „Вся дорога отъ Бахчисарая, на протяженіи 30 верстъ, была загромождена транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ какъ изъ ведра, больные, и между ними ампутированные, лежали по-двое и по-трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди, и животныя едва двигались въ грязи по колѣно; падаль валялась на каждомъ шагу, изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы павшихъ воловъ и лопались съ трескомъ; слышались, въ то же время, и вопли раненыхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетѣвшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пушекъ".

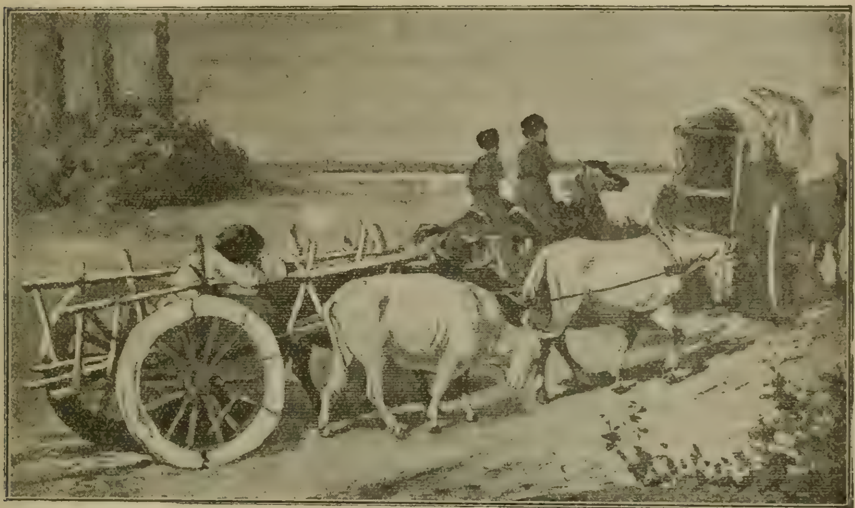
Вся эта картина мукъ человѣческихъ, какъ ни ужасна она сама по себѣ, еще невыносимѣе становилась отъ совершенной непроѣздности дорогъ, плохо построенныхъ и крайне запущенныхъ. Между тѣмъ, по этимъ дорогамъ приходилось перевозить громадное количество больныхъ и раненыхъ, и перевозить притомъ въ совсѣмъ неприспособленныхъ для такой перевозки телѣгахъ мѣстныхъ жителей.

Вотъ рисунокъ, изображающій перевозку раненыхъ на татарскихъ „мажарахъ" южнаго берега Крыма.

---

*) Пироговъ. «Начала общей военно-полевой хирургіи». Дрезденъ, 1865 г.

Татарскія „мажары" южнаго берега Крыма, служившія для перевозки раненыхъ.

Едва въ Севастополѣ успѣли кое-какъ пристроить раненыхъ подъ Альмой, какъ вдругъ первое бомбардированіе 5 (17) октября опять повергло войска въ тяжелое, почти безпомощное положеніе. Въ октябрѣ мѣсяцѣ число раненыхъ увеличилось: въ сухопутномъ войскѣ—на 5.683, а морскомъ вѣдомствѣ—на 2.451 человѣкъ, не считая уже страдавшихъ внутренними болѣзнями, о числѣ которыхъ за этотъ періодъ времени положительныхъ свѣдѣній не имѣется. Къ этому присоединилось еще дѣло при Балаклавѣ 9 (21) октября и сраженіе при Инкерманѣ 24 октября (5 ноября). Въ оба эти сраженія, судя по спискамъ, армія въ общемъ итогѣ понесла уронъ въ 11.341 человѣкъ, въ томъ числѣ 7.500 раненыхъ, такъ что въ октябрѣ мѣсяцѣ всего прибыло однихъ раненыхъ до 15.000 человѣкъ.

Какія же средства имѣлись въ это время для ухода за больными? Въ началѣ ноября, исключая морской госпиталь, въ крымскихъ госпиталяхъ имѣлось мѣстъ: сперва—на 5.110, а потомъ—на 6.000 больныхъ. Но и эти помѣщенія вскорѣ превратились въ гнѣзда заразы. Кромѣ того часть изъ нихъ, по мѣрѣ приближенія осадныхъ работъ, оказывалась доступ-

ной для непріятельскаго огня и потому совершенно непригодной для помѣщенія больныхъ и раненыхъ. Послѣ этого раненыхъ стали помѣщать въ солдатскія палатки.

По этому поводу Пироговъ говоритъ *): „Въ одну ночь въ апрѣлѣ 1855 года я получилъ приказаніе изъ штаба перевести всѣхъ раненыхъ и ампутированныхъ, послѣ второй большой бомбардировки города, изъ Николаевской батареи на сѣверную сторону. Меня увѣряли, что тамъ все уже изготовлено для ихъ принятія; я самъ не имѣлъ времени отлучиться съ перевязочнаго пункта, куда безпрестанно подносили новыхъ раненыхъ. Цѣлые два дня я занимался транспортировкою на пароходы. Вскорѣ послѣ того, какъ транспортъ былъ конченъ, полилъ сильный дождь, продолжавшійся цѣлыхъ три дня. Я нарочно въ это ненастное время поѣхалъ на сѣверную сторону, чтобы осмотрѣть тамъ моихъ ампутированныхъ. Я ихъ и нашелъ въ солдатскихъ палаткахъ Можно себѣ представить, каково было съ отрѣзанными ногами лежать на землѣ, по-трое и по-четыре вмѣстѣ; матрацы почти плавали въ грязи; все и подъ ними, и около нихъ было насквозь промочено; оставалось сухимъ только то мѣсто, на которомъ они лежали не трогаясь, но при малѣйшемъ движеніи имъ приходилось попасть въ лужи. Больные дрожали, стуча зубъ-объ-зубъ, отъ холода и сотрясательныхъ знобовъ; у нѣкоторыхъ показались послѣдовательныя кровотеченія изъ ранъ; врачи и сестры могли помогать не иначе, какъ стоя на колѣняхъ въ грязи. По 20 и болѣе ампутированныхъ умирало каждый день, а ихъ было всѣхъ до 500".

Больныхъ и раненыхъ пришлось эвакуировать въ этомъ положеніи и при такихъ условіяхъ...

Чтобы вполнѣ обрисовать положеніе раненыхъ и больныхъ въ это время, лучше всего привести донесеніе Высочайше учрежденной слѣдственной коммисіи по госпитальному дѣлу: «Больные вывозились изъ госпиталей Крымскаго полуострова съ большими усиліями, безъ всякой системы и только въ минуты крайней необходимости. Этаповъ не было въ началѣ устроено, а дурныя дороги и неудобныя подводы, недостатокъ медиковъ и фельдшеровъ, перевязоч-

*) Пироговъ. «Начала общей военно-полевой хирургіи». Дрезденъ, 1865 г.

ныхъ матеріаловъ, медикаментовъ и хирургическихъ инструментовъ, наконецъ теплой одежды и пищеварительныхъ котловъ, производили разрушительное вліяніе на здоровье страждущихъ, въ особенности при перевозкѣ ихъ въ глубокую осень и зиму. Бывали даже случаи, что десятая часть перевозимыхъ умирали въ пути, дѣлаясь жертвою страшныхъ лишеній и безпорядковъ, что слѣдуетъ отнести отчасти и къ небреженію военнаго начальства о сбереженіи здоровья нижнихъ чиновъ. Съ ноября 1854 г. по мартъ 1855 многіе транспорты прибыли изъ Севастополя и Симферополя въ Перекопъ и Ѳеодосію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, безъ медиковъ, фельдшеровъ и необходимыхъ медицинскихъ средствъ; въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи транспортъ, отправленный 29 октября изъ симферопольскаго госпиталя въ нѣмецкія колоніи Мелитопольскаго уѣзда, въ числѣ болѣе 1.500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенію однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело раненые, безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ, и даже съ пулями въ членахъ, которыхъ нечѣмъ было вынуть, по неимѣнію хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транспортъ, испытавъ всевозможныя бѣдствія, прибылъ по назначенію 7 ноября; однако, необходимыя операціи произведены раненымъ уже въ концѣ декабря; лекарства же и перевязочные припасы пріобрѣтались для нихъ покупкою изъ вольной аптеки".

Печальнѣе всего то, что комитетъ, спеціально назначенный въ 1855 году для обсужденія вопроса о транспортированіи больныхъ, не пришелъ ни къ какимъ результатамъ, и эвакуація продолжалась попрежнему безъ всякаго порядка и безъ малѣйшихъ облегченій для больныхъ.

Къ безпорядкамъ, происходящимъ отъ естественныхъ неустранимыхъ причинъ неправильной организаціи перевозки, присоединились и злоупотребленія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. По распоряженію главнокомандующаго южною арміею, князя Горчакова, 11 (23) октября кременчугская коммисаріатская коммисія выслала въ Перекопъ для крымской арміи 100.000 арш. бинтовъ, 200.000 арш. компрессовъ и 100 пуд. ветоши. Означенныя вещи были присланы въ Кременчугъ московскою коммисіей, и когда они прибыли, въ сентябрѣ 1854 г., то послѣ осмотра оказалось, что онѣ весьма дурнаго качества, а ве-

тошь никуда негодна. Между тѣмъ, даже этими перевязочными средствами, каковы бы они ни были, нельзя было пренебрегать въ ту пору. На возникшія по этому поводу жалобы, коммисаріатскій департаментъ, согласно рѣшенію военнаго совѣта 24 ноября (6 декабря) за № 64, отдалъ приказъ, чтобы ветошь принималась отъ подрядчиковъ хорошаго качества, но не была бракуема врачами. Разумѣется, подобное предписаніе ни въ какомъ случаѣ не могло предотвратить дальнѣйшихъ злоупотребленій.

Въ дѣлѣ снабженія войскъ лекарствами также царствовалъ величайшій безпорядокъ, такъ что многіе отряды прибыли въ Крымъ, не имѣя ихъ вовсе. Съ лекарствами коммисаріатъ поступалъ такъ же, какъ и съ госпитальными вещами. Онъ доставлялъ ихъ только въ Симферополь, гдѣ они складывались подъ открытымъ небомъ и предоставлялись такимъ образомъ неизбѣжной порчѣ. Впослѣдствіи, такъ какъ не знали, куда ихъ доставлять, отправляли ихъ туда, гдѣ, повидимому, они казались всего нужнѣе.

Едва ли кто сталъ бы ожидать при подобныхъ условіяхъ успѣшнаго леченія раненыхъ и больныхъ. Госпитали и армія постоянно терпѣли крайнюю нужду въ лекарствахъ. Со всѣхъ сторонъ подавались жалобы по этому поводу, какъ генералъ-штабъ-доктору, такъ и въ главный штабъ, но на нихъ почти никто не обращалъ вниманія. А между тѣмъ, кажется, ничего не было легче, какъ помочь этому злу.

Въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій въ Крыму, въ Керчи находилась резервная аптека. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться ею, ее безъ всякой надобности перевели, въ апрѣлѣ 1855 года, въ Ставрополь. Въ Одессѣ, точно также безъ всякой пользы и употребленія, имѣлась подвижная казенная аптека, которую впослѣдствіи почему-то сочли нужнымъ закрыть. Всѣ эти несообразности приписывались безпечности военно-медицинскаго департамента. Для примѣра, приведемъ постоянно ощущавшійся недостатокъ въ хининѣ. Когда въ немъ настояла крайняя надобность, особенно при леченіи крымской перемежающейся лихорадки и тифа, недостатокъ въ хининѣ доходилъ до того, что таврическій военный губернаторъ обратился къ харьковскому генералъ-губернатору съ просьбою выслать ему для госпиталей хоть одинъ фунтъ этого препарата. Между тѣмъ, въ Керчи лежало безъ всякаго употребленія до 176 фунт. хинина.

Устройство и содержаніе военныхъ госпиталей велось не лучше. Главный эвакуаціонный пунктъ былъ въ Симферополѣ. Число раненыхъ въ Симферополѣ все болѣе и болѣе увеличивалось и „доходило до 18.000; больныхъ же, въ мартѣ 1855 г., набралось въ немъ до 9.000, а въ сентябрѣ—до 13.000. Всѣ они были размѣщены на 64 различныхъ пунктахъ. Но и здѣсь, по недостатку госпитальныхъ и врачебныхъ средствъ, больные находились въ самомъ печальномъ положеніи. Часто приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе. Не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали на полу, на рогожи или на солому, за неимѣніемъ постелей. Госпитальная прислуга была въ высшей степени неудовлетворительна. Хотя служителей считалось болѣе 1.000, но постоянныхъ было не болѣе 100, остальные же назначались только временно, изъ выздоровѣвшихъ отъ болѣзни или изъ музыкантовъ. Но едва послѣдніе успѣвали привыкнуть къ госпитальной службѣ, ихъ тотчасъ же удаляли и замѣщали другими лицами, опять-таки ничего несмыслившими въ уходѣ за больными, такъ какъ выздоровѣвшіе возвращались во фронтъ, а музыканты, съ перемѣщеніемъ войскъ, тоже смѣнялись. Для стирки госпитальнаго бѣлья требовалось до 300 прачекъ, но всѣ усилія добыть ихъ и удержать на мѣстѣ остались безуспѣшными. Оставался одинъ исходъ—предоставить стирку бѣлья, въ безводной подъ-часъ рѣчкѣ Салгирѣ, той же незнакомой съ дѣломъ госпитальной прислугѣ".

Положеніе дѣла лучше всего можетъ пояснить слѣдующее извлеченіе изъ доклада инспектора симферопольскаго госпиталя слѣдственной коммисіи о дѣятельности госпитальнаго управленія русской арміи во время крымской кампаніи: „Мы получали приказы въ Симферополѣ изъ штабъ-квартиры (въ Севастополѣ) приготовить кровати и больничные матеріалы на 2.000 больныхъ и раненыхъ и это случалось въ такіе моменты, когда мы располагали всего двадцатью кроватями. Какъ было поступать въ подобныхъ обстоятельствахъ? Оставался одинъ выходъ изъ нихъ: допустить въ госпиталѣ такое скопленіе, при которомъ всякія гигіеническія соображенія оставлялись въ сторонѣ, или же помѣстить немедленно въ палатки, въ частныя помѣщенія и въ старыя постройки, безъ бѣлья и безъ одѣялъ".

„Все ограничивалось тѣмъ, что ко дню прибытія новаго

транспорта раненыхъ и больныхъ заготовляли пищу. Но случалось, что и въ этотъ, и на слѣдующій день транспортъ не прибывалъ. Приготовленная на 2.000 человѣкъ пища начинала портиться. Собирается коммисія для удостовѣренія факта порчи провизіи и распоряжается ея уничтоженіемъ, а черезъ часъ послѣ этого пріѣзжаетъ транспортъ страдальцевъ, обезсиленныхъ отъ голода и жажды. Администрація госпиталя не можетъ добыть мясной провизіи ни за какія деньги. Раненые офицеры производятъ шумъ. Испуганный экономъ бросается добывать, сколько можно, куръ по невѣроятной цѣнѣ, но тутъ оказывается, что поваръ исчезъ или пьянъ до того, что не въ состояніи исполнять свои обязанности" *).

Но самое яркое представленіе о состояніи санитарной части во время крымской войны даютъ статистическія данныя.

Съ самаго начала войны увеличеніе болѣзненности и смертности въ войскахъ происходило въ слѣдующихъ размѣрахъ. До начала войны среднимъ числомъ на тысячу человѣкъ приходилось въ годъ около 692 заболѣваній (не считая слабосильныхъ командъ); умирало же 38 человѣкъ или 3,8%. Съ открытіемъ же операцій крымской войны, т. е. со второй половины 1853 года, болѣзненность и смертность составляла на 1.000 человѣкъ, числившихся по спискамъ войскъ къ 1-му января 1854 г., 1.068 заболѣваній (считая и слабосильныхъ); умирало же 63 человѣка или 6,3%.

Въ 1855 и 1856 годахъ болѣзни еще болѣе усилились. „Въ 1855 году, на 1.000 человѣкъ списочнаго состоянія войскъ, приходилось 1,099 заболѣваній; умирало 103 человѣка, т.-е. 10,3%; въ 1856 году, на 1,000 человѣкъ больныхъ приходилось 986 чел. и умирало 100, т.-е. 10%".

„Означенный выводъ требуетъ нѣкотораго поясненія: приведенныя числа больныхъ и умершихъ разсчитаны по списочному состоянію войскъ къ 1-му января 1855 и 1-му января 1856 г. Принимая во вниманіе, что численность войскъ въ 1855 г. постепенно увеличивалась, а въ 1856 г., наоборотъ, значительно уменьшилась къ осени этого года, можно придти къ заключенію, что болѣзненность и смертность въ войскахъ были болѣе въ 1856, нежели въ 1855 году, и что, вообще, болѣзненность и смертность въ войскахъ достигли своего апогея въ началѣ 1856 года".

*) Général Pierron, «Stratégie et grande tactique».

„Почти всѣ врачи, служившіе при войскахъ и военныхъ госпиталяхъ, переболѣли тифомъ; многіе изъ нихъ сдѣлались жертвами этой болѣзни. Всѣхъ вообще медиковъ за время войны убыло 540. Изъ нихъ умерло на службѣ 354, или 12,5% всего наличнаго числа врачей. Убыль огромная, прямо свидѣтельствующая объ отличной службѣ медиковъ въ военное время. Изъ числа 354 только 5 чел. погибло отъ оружія" *).

Замѣтимъ, что и послѣ войны послѣдствія ея продолжали неблагопріятно дѣйствовать на санитарное состояніе войскъ.

Изъ состава войскъ на 1.000 человѣкъ:

	Заболѣло.	Умерло.
въ 1857 году . . .	830	33 или 3,3%
„ 1858 „ . . .	720	24 „ 2,4%
„ 1859 „ . . .	878	26 „ 2,6%
„ 1860 „ . . .	716	22 „ 2,2%
„ 1861 „ . . .	710	21 „ 2,1%

Въ виду такихъ краснорѣчивыхъ цифръ и фактовъ, неудивительно заключеніе, къ которому пришелъ Пироговъ. „Я убѣжденъ изъ опыта, — говоритъ онъ, — что къ достиженію благихъ результатовъ въ военно-полевыхъ госпиталяхъ необходима не столько научная хирургія и врачебное искусство, сколько дѣльная и хорошо учрежденная администрація. Къ чему служатъ всѣ искусныя операціи, всѣ способы леченія, если раненые и больные будутъ поставлены администраціею въ такія условія, которыя вредны и для здоровыхъ?"

Много способствовала такому положенію двойственность санитарной организаціи. Результатомъ подчиненія ея двумъ вѣдомствамъ явилась зависимость и отсутствіе самостоятельности врачей. Правда, медицинская сторона дѣла, повидимому, предоставлена была самостоятельному завѣдыванію врачей, но, при безчисленныхъ коммисіяхъ врачебнаго и хозяйственнаго вѣдомствъ, успѣшная дѣятельность могла имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если-бы экономическіе вопросы разрѣшались въ полномъ согласіи съ спеціально-медицинскими требованіями, долженствующими стоять на первомъ планѣ — условіе, которое при дуалистической организаціи,

*) Гюббенетъ, «Очеркъ медицинской части въ Крыму въ 1854—56 г.г.».

очевидно, являлось выполнимымъ только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ.

При господствовавшемъ въ то время бюрократизмѣ и канцеляризмѣ, требовавшихъ постоянныхъ отписокъ, когда лицомъ къ лицу съ военнымъ управленіемъ стали обстоятельства, требовавшія быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, неподвижность машины вполнѣ обнаружилась.

Въ обществѣ, отученномъ отъ всякой инициативы, не могло быть лицъ, способныхъ принять на себя отвѣтственность.

Какъ по поводу серьезныхъ вопросовъ, такъ и по поводу мелкихъ третьестепенныхъ обстоятельствъ, возникала безконечная чернильная война, а между тѣмъ тысячи раненыхъ и больныхъ гибли понапрасну въ страшныхъ мученіяхъ.

Одно изъ самыхъ компетентныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ говоритъ: „Когда я вступилъ на перевязочный пунктъ, какое зрѣлище мнѣ представилось! Вся зала была биткомъ набита ранеными, ожидавшими операцій. Тѣ, для которыхъ нашлось еще мѣсто, лежали на кроватяхъ, остальные — на полу, длинными, ужасными рядами. Въ одномъ изъ угловъ были плѣнные французы—зуавы или линейные солдаты; они группировались полулежа, полусидя, прислонившись къ стѣнѣ. Даже небольшая часть залы, отведенная для помѣщенія медиковъ, быстро наполнилась изувѣченными“.

„Съ трепетнымъ чувствомъ печали и глубочайшаго уваженія, проникъ я въ это скопище страдальцевъ. И когда смотрѣлъ на блѣдныхъ, опаленныхъ порохомъ, нашихъ храбрецовъ съ разбитыми и окровавленными членами, но съ выраженіемъ спокойствія, покорности, даже нѣкотораго довольства на лицѣ, я невольно подумалъ: „съ такою арміей можно завоевать міръ!“ Легко себѣ представить, но нельзя описать ощущеній, съ которыми смотришь на жертвы войны...“

„Кому, для возбужденія религіознаго чувства, необходимо громкое церковное пѣніе, музыка или торжественныя церемоніи, тотъ долженъ бы поспѣшить сюда: онъ почувствовалъ бы, какъ всякій тихій вздохъ проникаетъ въ тончайшіе нервы нашего сердца; онъ узналъ бы, что есть звуки страданія и музыка стоновъ, которые, даже безъ льстивой плавности и сладкой мелодіи, могутъ взволновать внутреннее чувство до глубочайшихъ его изгибовъ и тайнымъ трепетомъ проникнуть въ душу“.

„Я часто слышалъ отъ иныхъ генераловъ: „Сюда, на перевязочный пунктъ, слѣдуетъ пригласить виновниковъ войны, чтобы сердце ихъ наполнилось духомъ мира и согласія"

III.

Устройство военно-санитарной части въ 1859—1870 годахъ.

„Крымская, а затѣмъ итальянская войны обнаружили очень крупный пробѣлъ въ организаціи медицинской помощи на войнѣ. Онѣ доказали, какъ Россіи, такъ и вообще Европѣ, съ несомнѣнной для всѣхъ очевидностью, что медицинская помощь, предназначенная для помощи раненымъ, поставлена въ войскахъ всѣхъ государствъ очень неудовлетворительно и требуетъ радикальной реформы" *).

Еще въ началѣ нашего столѣтія генераломъ Фуа были сказаны слѣдующія замѣчательныя слова:

„И побѣдители, и побѣжденные, мы вчетверо больше потеряли народа отъ безпорядка, свойственнаго нашей военной системѣ, чѣмъ отъ огня и оружія непріятеля" Съ тѣхъ поръ эта истина повторялась непрерывно. „Потери, производимыя въ войнахъ самыми кровопролитными битвами, не составляютъ и четвертой части общей потери въ людяхъ во время каждой кампаніи", говоритъ Скривъ, главный врачъ французскихъ экспедиціонныхъ войскъ въ Крыму, и прибавляетъ къ этому: „Тяжелое чувство испытываешь и удивляешься, какъ это въ девятнадцатомъ вѣкѣ еще не существуетъ вѣрныхъ средствъ для предупрежденія чрезмѣрности жертвъ войны".

„Всѣ наши больничныя средства заключаются въ однихъ палаткахъ, но этого недостаточно, чтобы охранить нашихъ несчастныхъ больныхъ отъ случаевъ отмораживанія пальцевъ нижнихъ конечностей и затѣмъ гангрены. Видѣть это было поистинѣ ужасно, но при полномъ отсутствіи возможности матеріальной помощи, медицинѣ предоставлялось лишь облегчать нравственныя страданія" **).

Во время крымской кампаніи (1854—1856) впервые была сознана недостаточность санитарной помощи, доставляемой

*) Федоровъ и Боцяновскій, «Историческій очеркъ дѣятельности россійскаго общества краснаго креста».

**) Leroy-Beaulieu, «Les guerres contemporaines».

войскамъ. Громадная смертность въ рядахъ союзниковъ показала до очевидности необходимость болѣе тщательнаго медицинскаго попеченія о солдатахъ. Въ Англіи предприняли удовлетворить этому требованію и, когда присланъ былъ первый отрядъ опытныхъ сидѣлокъ подъ командой извѣстной миссъ Нейтингаль, положеніе тотчасъ измѣнилось. Это было настоящее открытіе, которое должно было отразиться благопріятными результатами въ скоромъ времени.

И однако во время итальянской войны 1859 г. проявились снова всѣ ужасы отъ неправильнаго устройства помощи раненымъ и больнымъ.

Докторъ Бертеранъ (Bertherand) жаловался, что значительная часть операцій была недоступна въ госпиталяхъ французской арміи за неимѣніемъ необходимыхъ инструментовъ и что резекціонные ящики прибыли въ главную квартиру въ Валледжіо лишь 2-го іюля, недѣлю спустя послѣ страшнаго сольферинскаго дня. На всякомъ шагу встрѣчаются доказательства недостатка, какъ въ личномъ составѣ медицинской части, такъ и въ необходимыхъ матеріалахъ. По свидѣтельству оффиціальнаго историка итальянской кампаніи, барона Базанкура, „въ Маджентѣ и даже подъ Сольферино достаточно было одной ночи, чтобы на всемъ протяженіи кровавыхъ полей битвъ не оставалось ни одного раненаго, француза или австрійца, не прибраннаго и не прикрытаго. Нѣтъ ничего болѣе неточнаго, какъ эти исторіи, писанныя по кабинетнымъ взглядамъ, — говоритъ Леруа Болье.—Утвержденіе барона Базанкура опровергается медиками и хирургами, научно описавшими кампанію. На другой день сольферинскаго сраженія 26 іюня, свидѣтель-очевидецъ выражается такимъ образомъ; „Не всѣ раненые подобраны съ поля битвы, на которомъ они вчера въ теченіе цѣлаго дня были подвержены дѣйствію палящихъ солнечныхъ лучей съ ихъ ранами и ничѣмъ и никѣмъ неутоляемыми страданіями, съ ихъ невыносимою жаждой, столь мучительной у раненыхъ. Никто въ этомъ не виноватъ. Являлась абсолютная невозможность помочь всѣмъ сразу“.

Что касается итальянской арміи, то весьма достовѣрные свидѣтели утверждаютъ, что въ битвахъ 1859 года, по недостатку врачей, были вынуждены оставлять смертельно раненыхъ безъ помощи на полѣ битвы. Между тѣмъ, докторъ Палясчіано говоритъ, что ему извѣстны многіе выдающіеся

итальянскіе врачи, которые напрасно предлагали свои услуги піемонтскому правительству на время войны. Но еще болѣе ужасныя вещи случались въ это время, а именно поспѣшно зарывали въ землю всѣхъ, кто казался умершимъ, а между ними попадались и мнимо-умершіе. Дюнанъ прямо говоритъ: „существуетъ большое вѣроятіе, что, при обычной въ такихъ случаяхъ поспѣшности и небрежности крестьянъ, не одинъ и живой могъ быть зарытъ вмѣстѣ съ убитыми!“ Въ каждой службѣ недостатокъ персонала порождаетъ небрежность. Въ теченіе первыхъ восьми дней послѣ большой битвы, раненые, о которыхъ врачи, проходя мимо ихъ кроватей, въ полголоса объявляли, что „тутъ дѣлать нечего“, уже оставлялись послѣ этого безъ всякой помощи и умирали, всѣми оставленные и покинутые *).

Послѣ заключенія мира, Дюнанъ рѣшилъ выступить проповѣдникомъ болѣе правильной и широкой организаціи частной помощи. Онъ старался путемъ личнаго своего воздѣйствія, способствовать учрежденію правильно организованнаго общества частной помощи жертвамъ войны.

Мысль Дюнана—созвать международный конгрессъ принята была правительствами съ большой симпатіей, такъ какъ избавиться отъ всего того, что уже не было пригодно для веденія операцій и являлось лишь обузой для дѣйствовавшихъ армій, вполнѣ соотвѣтствовало цѣлямъ войны. Избавиться отъ всѣхъ, или хотя бы части раненыхъ и больныхъ, оставлявшихся на произволъ судьбы, во множествѣ погибавшихъ на поляхъ битвъ и, такимъ образомъ, становившихся очагами заразы, составляло прямой разсчетъ для всѣхъ.

„По вызову Дюнана, въ 1863 году въ Женеву собралось до 36 представителей разныхъ государствъ для предварительнаго обсужденія поднятаго имъ вопроса, а 22 августа 1864 года тѣ же представители подписали знаменитый актъ, который извѣстенъ подъ именемъ женевской конвенціи и который смѣло можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ завоеваній нашего вѣка“.

„Въ силу этого акта, легшаго въ основаніе общества краснаго креста, больные и раненые воины, къ какой бы національности они не принадлежали, пользуются покрови-

*) Leroy Beaulie, «Les guerres contemporaines».

тельствомъ и помощью краснаго креста. Конвенція вносила элементъ милосердія въ жестокое дѣло войны".

„Помочь жертвамъ войны, спасти для человѣчества все, что можетъ быть спасено, уменьшить опасность заразы отъ скопленія безпомощныхъ страдальцевъ, уменьшить насколько можно зло, причиняемое войнами—вотъ та великая задача, которую ставило себѣ новое учрежденіе. Своимъ гербомъ новое общество избрало равноконечный красный крестъ на бѣломъ полѣ. Все, что носитъ на себѣ этотъ знакъ, пользуется, по тексту конвенціи, полной неприкосновенностью со стороны воюющихъ сторонъ. Госпиталь, надъ которымъ развѣвается флагъ съ краснымъ крестомъ, доктора, сестры милосердія, санитары, носящіе на своей одеждѣ этотъ знакъ, являются на войнѣ какъ-бы представителями нейтральной Европы. Всѣ эти лица, поэтому, могутъ совершенно спокойно продолжать исполненіе своихъ обязанностей даже послѣ занятія территоріи непріятелемъ" *).

Но что всего важнѣе, собраніе настояло на трехъ пунктахъ своей программы, имѣвшихъ въ ея глазахъ особенную цѣну: непрерывность работы, централизацію имѣющихся средствъ и взаимность попеченій.

„Россія, давно уже выразившая свои симпатіи основной идеѣ женевской конвенціи, имѣвшая уже крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, которая преслѣдовала тѣ же задачи, естественно, примкнула къ обще-европейскому движенію. По инціативѣ лейбъ-медика Ф. Я. Кареля, образовался кружокъ людей, во главѣ котораго стали двѣ замѣчательныя по своей энергіи женщины—М. С. Сабинина и баронесса М. П. Фредериксъ. Кружокъ этотъ озаботился примѣненіемъ общихъ положеній женевской конвенціи къ условіямъ русской жизни, поставилъ своей задачей выработку наиболѣе раціональной организаціи русскаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, получившаго позже (въ 1876 г,) названіе россійскаго общества краснаго креста".

„3 мая 1867 года былъ внесенъ въ государственный совѣтъ уставъ общества, который тогда же получилъ Высочайшее утвержденіе. По уставу, общество обязано было

*) Федоровъ и Боцяновскій, «Историческій очеркъ дѣятельности россійскаго общества краснаго креста».

содѣйствовать во время войны военной администраціи въ уходѣ за ранеными и больными воинами и доставлять имъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, какъ врачебное, такъ и всякое другое вспомоществованіе. Средства общества составлялись исключительно изъ пожертвованій; поступленія ограничивались членскими взносами (отъ 1 до 10 руб.), частными пожертвованіями, а также процентами съ капиталовъ, образовавшихся изъ тѣхъ же источниковъ" *).

Вскорѣ послѣ его основанія, обществу краснаго креста довелось примѣнить благую идею къ дѣлу.

Война 1864 года въ Шлезвигѣ была кратковременною и число раненыхъ незначительно; поэтому она не представляла значительнаго поля для дѣятельности общества, не смотря на то, что прусская армія была недостаточно приготовлена, по крайней мѣрѣ въ началѣ кампаніи. „Вслѣдствіе наступившихъ сильныхъ холодовъ, писалъ въ это время одинъ изъ прусскихъ коммисаровъ, наши люди чрезвычайно страдаютъ отъ недостатка теплой одежды. У многихъ нѣтъ шерстяныхъ носковъ, они наполняютъ свою обувь соломой или тряпьемъ и находятся въ постоянномъ опасеньи отморозить пальцы ногъ. Очень немногіе изъ нихъ имѣютъ смѣну бѣлья и достаточно одежды, для предохраненія отъ холода" **).

Въ противоположность этому, американская война представляетъ разительный примѣръ того, что можетъ быть достигнуто въ дѣлѣ помощи раненымъ при посредствѣ частной иниціативы, даже въ томъ случаѣ, если оно является импровизированнымъ. Слишкомъ 7.000 обществъ образовалось для призрѣнія раненыхъ и содержанія санитарной службы союза.

Въ самомъ началѣ войны весьма естественно, что санитарная часть не была правильно устроена. Но общество, привыкшее къ самопомощи, немедленно принялось за дѣло и, уже въ 62—63 годахъ, американцы, по ихъ разсказамъ, очень скоро справлялись съ своими ранеными на перевязочныхъ пунктахъ. Послѣ сраженія при Антіетамѣ, 16 сентября 1862 года, къ вечеру 19 сентября, 25,000 раненыхъ были окончательно перевязаны, а послѣ сраженія при Готтенбургѣ,

---

*) Тамъ-же.
**) Leroy-Beaulieu, «Les guerres contemporaines».

1—3 іюля 1863 г., къ утру 4 іюля, изъ 21,000 раненыхъ ни одного уже не оставалось на полѣ битвы и всѣ отправлены были по желѣзной дорогѣ.

Но главной цѣлью американскаго общества краснаго креста сдѣлалось не только попеченіе о раненыхъ и больныхъ воинахъ и дѣятельность ассоціаціи не замкнулась въ предѣлахъ женевской конвенціи, которая имѣетъ эту спеціальную цѣль. Ст. II устава національной ассоціаціи краснаго креста опредѣляетъ цѣлью его: оказаніе помощи при всѣхъ случаяхъ общественнаго бѣдствія, вызываемаго войной, эпидеміями, пожарами, голодомъ, наводненіемъ и т. п., и представляется въ раздачѣ денегъ, матеріаловъ, а также въ подачѣ санитарной и инаго рода личной помощи. При этомъ предполагается, что данный случай признанъ за національное бѣдствіе центральнымъ комитетомъ, пребывающимъ въ Вашингтонѣ *).

Въ австро-прусской войнѣ 1866 года въ сраженіи при Кенигсгрецѣ 15% павшихъ погибло отъ недостатка первоначальной помощи. Австрійскіе раненые оставались до 3-го дня на полѣ сраженія безъ всякой помощи. Государство со всѣми своими богатыми средствами и усовершенствованными санитарными учрежденіями не въ силахъ было это предупредить **).

Войнѣ 1870 года удалось уже до извѣстной степени доказать, на сколько человѣческія усилія въ состояніи если не устранить, то по крайней мѣрѣ смягчить ужасы войны. Къ сожалѣнію оказалось, что какъ бы не были велики усилія для облегченія жертвъ войны, техника разрушенія быстро и далеко опережаетъ ихъ.

„*Международной филантропіи*, выступившей, въ первый разъ на поприщѣ практической дѣятельности въ 1870 году, суждено было дѣйствовать при исключительныхъ и безпримѣрныхъ обстоятельствахъ. Она, съ самаго начала войны, по необходимости, осталась, почти всецѣло, на сторонѣ побѣдителя. Какъ ни старались общества попеченія о раненыхъ и больныхъ нейтральныхъ державъ распредѣлять свою помощь поровну между воюющими сторонами, но, за немногими исключеніями, наибольшій процентъ международной

---

*) «Jahrbücher für deutsche Armee und Marine».«Das internationale Rote-Kreuz».
**) Гюббенетъ, «Франко-германская война 1870 г.».

помощи оказался въ нѣмецкомъ лагерѣ. Причиною этому былъ, конечно, быстрый и неимовѣрный успѣхъ германскаго оружія. Не смотря, однако, на такое исключительное положеніе этого дѣла въ войну 1870 года, все таки рождается вопросъ: не суждено-ли, вообще, международной филантропіи играть и въ будущихъ войнахъ болѣе или менѣе одностороннюю роль? И можно-ли ожидать и впредь такого равномѣрнаго успѣха оружія воюющихъ сторонъ, который бы дозволялъ международнымъ обществамъ попеченія быть совершенно нейтральными? Для меня,—говоритъ совершенно справедливо Пироговъ *),—это сомнительно. Этого, можетъ быть, достигнутъ нейтральныя державы только равномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ помощи между воюющими—*еще до начатія войны*. Но какъ это сдѣлать, если война вспыхнетъ также неожиданно, какъ въ 1870 году".

Хотя международная помощь почти всецѣло обращалась въ пользу побѣдителя, тѣмъ не менѣе его раненые были почти въ столь же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и въ предшествовавшихъ войнахъ.

„Ни частная, ни международная помощь, ни сама администрація не могли оказать существеннаго вліянія на участь раненныхъ *въ сраженіи*. Какъ ни превосходно организована прусская военная администрація, какъ она ни дальновидна, сколько она ни приготовлялась къ войнѣ, снабдивъ армію 2,700 и болѣе врачей и лазаретными принадлежностями на 50,000 кроватей; но, послѣ первыхъ же битвъ оказалось, что не было врачей именно тамъ, гдѣ они были всего нужнѣе. Послѣ перваго же сраженія при Саарбрюкенѣ,—и замѣтимъ, что оно было почти у самаго города, — обнаружилось, что санитарныхъ ротъ вовсе не было при полкахъ; онѣ не подоспѣли, да и подоспѣвшія были бы, все-таки, недостаточны; раненыхъ таскали и возили на своихъ повозкахъ жители, цѣлыхъ два дня, съ поля сраженія и размѣщали ихъ, какъ попало, по домамъ. Послѣ сраженія при Виссамбургѣ, французскіе врачи разсказывали мнѣ **), что раненые французы оставались, также два дня, на полѣ. Въ деревнѣ Ремильи показывали мнѣ площадку и улицу, на которой было свалено нѣсколько тысячъ раненыхъ подъ Гра-

*) Пирогова, «Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи и Лотарингіи». С.-Петербургъ, 1871.
**) Тамъ же.

велотомъ; ихъ везли отдуда два дня и двѣ ночи на крестьянскихъ телѣгахъ и обывательскихъ подводахъ, и на эти тысячи раненыхъ (говорятъ, до 10,000) было въ первые дни всего на всего 4 врача *). Послѣ сраженій подъ Метцомъ привезли также до 3.000, или болѣе, раненыхъ въ Горзъ, гдѣ профессоръ Лангенбекъ имѣлъ тогда подъ рукою тоже только 4-хъ врачей и ограничивался въ первые дни сортированіемъ раненыхъ. Наконецъ, раненыхъ, разсѣянныхъ по разнымъ лазаретамъ, везли на желѣзныя дороги по 2 и по 3 дня и скидывали въ товарные вагоны, едва перевязанными".

Чѣмъ же объяснить, что принятыя мѣры приносили такъ мало пользы и что участь раненыхъ была почти одинаково плачевна, какъ и въ прежнія войны?

На это было нѣсколько причинъ. „Первая и самая главная,— говоритъ Пироговъ **),— та, что теперь нельзя такъ легко устраивать удобные амбулансы, какъ прежде; пули и ядра несутся теперь гораздо дальше; трудно вблизи сраженія найти безопасное мѣсто, да и найденное, при быстрыхъ передвиженіяхъ войскъ, дѣлается скоро опаснымъ. Вторая — что перевязочные пункты въ нынѣшнихъ войнахъ быстро переполняются ранеными, падающими отъ дѣйствія скорострѣльнаго оружія цѣлыми рядами, въ самое короткое время; поэтому, нѣтъ возможности избѣжать страшнаго скученія раненыхъ въ амбулансахъ, если они тутъ задержатся и не вышлются, по распоряженію начальства, какъ можно скорѣе въ транспорты. Но какъ ни важны приведенныя причины, все таки, онѣ еще не объясняютъ вполнѣ, почему первая помощь раненымъ въ нынѣшнюю войну была такъ скудна и несвоевременна. Я приписываю этотъ печальный фактъ, частію — шаткости и неправильности отношеній медицинской администраціи къ военному начальству и къ обществамъ частной и международной помощи, частію же — несправедливымъ законамъ о дѣйствіяхъ военныхъ врачей во время сраженій. Если бы врачебная администрація въ началѣ войны была поставлена въ болѣе независимое положеніе и имѣла бы прочныя сношенія съ обществами между-

*) По свидѣтельству германскихъ врачей, уборка раненыхъ французовъ продолжалась цѣлыхъ шесть дней, а въ германской арміи уже черезъ 24 часа всѣ были убраны и перевязаны.

**) Н. И. Пироговъ, «Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи и Лотарингіи».

народной и частной помощи, то и она сама и всѣ лучше бы знали самую слабую сторону военно-врачебныхъ учрежденій, а именно — *вопіющій недостатокъ санитарныхъ командъ*, вовсе не соотвѣтствующихъ огромному числу раненыхъ Серьезно обсудивъ суть дѣла, не трудно прійти къ этому заключенію. Если скорострѣльное оружіе увеличило вѣроятность быть раненнымъ на войнѣ, если амбулансы потеряли прежнее значеніе, то главная забота должна состоять теперь въ томъ, чтобы удалить раненыхъ какъ можно скорѣе изъ-подъ убійственнаго огня. Правительства, вооружившія свои арміи новыми способами разрушенія, теперь нравственно обязаны предъ беззащитными ранеными охранять ихъ отъ новыхъ ранъ и убійства. Но если мы разсмотримъ, какими средствами для этой цѣли располагаютъ всѣ европейскія арміи, то мы легко убѣдимся, какъ ничтожны эти средства и какъ велика задача увеличить ихъ и придумать новыя. Между тѣмъ, мы видимъ въ войну 1870 года, что администрація какъ то нехотя допускала частную помощь на театрѣ войны и не охотно видѣла тамъ партіи носильщиковъ, собранныя изъ студентовъ, турнеровъ, бюргеровъ и пр.“.

Главнымъ же мотивомъ служили опасенія, „что наплывъ добровольной помощи на полѣ сраженія не доставитъ достаточно ручательствъ противъ шпіонства. Но такое опасеніе принадлежитъ къ области застарѣлыхъ средневѣковыхъ преданій, едва-ли требующихъ какого нибудь опровerженія. Ни нынѣшній способъ веденія войны не окружается такими тайнами, какъ прежде, ни, вообще, не можетъ быть никакого опасенія противъ добровольныхъ санитаровъ; есть множество другихъ элементовъ въ арміи, подающихъ гораздо болѣе поводъ къ опасенію, какъ напр. персоналъ маркитантовъ и весь составъ обозовъ. Если бы поэтому отряды добровольныхъ санитаровъ и носильщиковъ, — говоритъ профессоръ Гюббенетъ *), — образовались бы уже въ мирное время и при томъ при поручительствѣ общества и подъ руководствомъ извѣстныхъ лицъ, то такіе отряды не представляли ли бы тѣ же или же еще большія ручательства, какъ и санитарный корпусъ самой арміи? Скептики забываютъ программу, предложенную женевскою конвенціею, и въ особенности 10 ст.:

*) Гюббенетъ, «Франко-германская война 1870 года».

„Санитары отдаются въ распоряженіе командующихъ, которые располагаютъ ими только въ случаѣ надобности. Во время дѣйствій они находятся подъ начальствомъ властей и должны соблюдать ту же дисциплину, какъ и военные чины".

Въ заключеніе академикъ Пироговъ указываетъ еще на одно странное требованіе прусскаго полеваго устава, а именно, что врачи должны идти съ войсками въ огонь. „Для чего,—спрашиваетъ онъ,—заставлять ихъ дѣйствовать тамъ, гдѣ они не могутъ оказать никакой серьезной помощи, подвергая, между тѣмъ, жизнь раненаго и свою опасности? Развѣ врачей такъ много, что потери ихъ въ арміи не ощутительны? Не прежде ли всего нужны обученные носильщики? Есть, правда, случаи,—вообще рѣдкіе,—гдѣ безотлагательная помощь и подъ огнемъ могла бы быть необходимою,—это кровотеченія изъ большихъ сосудовъ. Но, къ сожалѣнію, чтобы остановить кровь радикально въ этихъ случаяхъ, нужны операціи, едва исполнимыя и на перевязочныхъ пунктахъ". Между тѣмъ, отъ посылки врачей въ огонь происходитъ вредъ, и не только матеріальный, но и нравственный. „Прусскіе врачи, особливо молодые, зачисленные по закону въ категорію „комбаттантовъ", прониклись уже воинственнымъ духомъ; они сами неудержимо стремятся идти въ огонь, желая отличаться и украшать грудь желѣзнымъ крестомъ,—а при такомъ стремленіи, врядъ ли пріятно оставаться долгое время при перевязочныхъ пунктахъ и подвижныхъ лазаретахъ. Я заключаю это,—говоритъ Пироговъ,—изъ извѣстій о томъ, какъ мало было военныхъ врачей даже и въ такихъ перевязочныхъ пунктахъ, какъ Корни и Горзъ, гдѣ дѣйствовалъ Лангенбекъ, и въ Ремильи, гдѣ скопленіе раненыхъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ; между тѣмъ, въ арміи было довольно медиковъ, но они оставались при своихъ полкахъ и резервахъ. Это, конечно, зависѣло и отъ распоряженія начальства, которое, впрочемъ, едва-ли противорѣчило желаніямъ подчиненныхъ идти съ войсками на новыя битвы. Какъ бы то ни было, но раненые не получали своевременной помощи ни на полѣ сраженія, ни на перевязочныхъ пунктахъ, гдѣ они, по недостатку врачей, должны были еще ждать ее цѣлые дни, оставаясь въ весьма незавидномъ положеніи".

Изъ сказаннаго видно, „что въ этой войнѣ для добровольной помощи, въ особенности для интернаціональной, было весьма трудно оказать пользу на полѣ сраженія, потому

что прусская администрація не охотно ее допускала, а если бы французы одерживали, какъ германская армія, постоянно побѣды, то для добровольной помощи было бы безспорно гораздо хуже!" *)

Что касается раненыхъ французовъ, то участь ихъ была еще плачевнѣе, чѣмъ нѣмцевъ. Собственные врачи уходили съ отступающими войсками, а частная помощь была еще слабѣе, чѣмъ у нѣмцевъ, такъ какъ „Франція еще болѣе уклончиво высказалась въ лицѣ интенданта императорской гвардіи г. Преваля относительно участія добровольной помощи на полѣ сраженія".

„Преваль полагаетъ, что образованіе обществъ будетъ имѣть прекрасную задачу, если они только ограничатся приготовленіемъ и собираніемъ матеріальныхъ средствъ на случай войны".

„Но совершенно немыслимо было бы для этихъ частныхъ обществъ вмѣшиваться въ военно-медицинскую службу, въ улучшеніе амбулансовъ и въ транспорты съ ранеными".

„Будутъ ли эти общества занимать дороги своими обозами или будутъ реквизировать все нужное для себя?"

„И наконецъ продовольствіе этихъ добровольныхъ санитаровъ не сдѣлается-ли бременемъ для интендантства?"

Попеченіе о больныхъ и раненыхъ во Франціи во время войны 1870 года лежало на обязанности интендантскаго вѣдомства. Но „интендантство ни въ чемъ не успѣвало и главнокомандующіе, по военнымъ соображеніямъ, устраняли санитарныя команды при отступленіи отъ дѣйствія на полѣ сраженія, чтобы ими располагать при первой потребности въ могущихъ послѣдовать сраженіяхъ".

„Такимъ образомъ, французскіе санитарные отряды почти никогда не дѣйствовали, подвигаясь отъ отступленія къ отступленію, и развѣ только дѣйствовали во время сраженія, или когда попадали въ руки нѣмцевъ, которые заставляли ихъ заботиться, на сколько было можно, о французскихъ раненыхъ".

„Французы ссылались тогда на женевскую конвенцію—это дѣлалось уже послѣ первыхъ сраженій, потому что *вначалѣ они ничего не знали о конвенціи*—и требовали отправки санитарныхъ отрядовъ обратно" **).

---

*) Гюббенетъ, «Франко-германская война».

**) Тамъ же.

Что же касается эвакуаціи раненыхъ, то во время войны 1870—1871 г.г. санитарные поѣзда, въ числѣ 21-го, или подвижные госпитали, прослѣдовавшіе черезъ Нанси, провезли въ Германію въ 75 отправокъ всего 15,787 раненыхъ и больныхъ. Эти подвижные госпитали располагали, въ общемъ, 3,724 кроватями.

Между тѣмъ, такъ называемые больничные поѣзда, устраиваемые при помощи товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ, временно приспособленныхъ къ эвакуаціи, перевезли 127,582 чел. больныхъ и раненыхъ менѣе серьезно.

Во все время кампаніи принято было за правило воздерживаться отъ эвакуированія такого рода больныхъ и раненыхъ, перевозка коихъ могла вредно отозваться на ихъ состояніи здоровья.

Такъ, напримѣръ, старались не отправлять:

1) людей, раненыхъ въ области головы, груди или живота, раненыхъ съ раздробленіемъ костей или у которыхъ перевязка удерживалась съ трудомъ;

2) не отправляли никого изъ заболѣвшихъ кровавымъ поносомъ, тифомъ, оспой или холерой;

3) оставляли на мѣстѣ заболѣвшихъ внутренними болѣзнями и находившихся въ остромъ періодѣ.

Въ приказѣ командовавшаго третьей арміею германскихъ войскъ, изданномъ въ Версали 3 дек. 1870 г., было сказано: „Лучше оставлять этихъ людей на мѣстѣ, рискуя даже, что они попадутъ въ руки непріятеля. Въ случаѣ, еслибъ онъ даже не уважилъ женевской конвенціи, онъ не можетъ оказаться жестокимъ въ большей степени, чѣмъ эта перевозка больныхъ и раненыхъ, положеніе коихъ неизбѣжно ухудшается, вслѣдствіе ея мучительности“.

Санитарная служба прусскихъ подвижныхъ госпиталей организована была слѣдующимъ образомъ.

Они направлялись изъ Германіи коммисіей желѣзныхъ дорогъ къ одному изъ пограничныхъ пунктовъ, а именно, въ Виссамбуръ или въ Форбахъ. Въ каждомъ изъ нихъ дѣломъ эвакуаціи завѣдывала особая коммисія, которая отправляла эти поѣзда обыкновенно въ Эпернау. Въ этомъ городѣ подвижные госпитали снабжались недостающимъ количествомъ продовольствія, одѣялъ, бѣлья, перевязочныхъ и лекарственныхъ матеріаловъ. Служащіе получали свое жалованіе и замѣщались вакансіи до полнаго комплекта. Затѣмъ,

эвакуаціонная коммисія снова отправляла эти подвижные госпитали къ театру войны за новыми партіями больныхъ и раненыхъ, съ которыми они прибывали опять въ Виссамбургъ или въ Форбахъ и затѣмъ перевозили ихъ въ одинъ изъ постоянныхъ госпиталей своего отечества. Послѣ каждой подобной доставки больныхъ и раненыхъ, вагоны подвергались дезинфекціи и ремонту и затѣмъ, запасшись всѣмъ необходимымъ матеріаломъ, вновь отправлялись порожними по направленію къ границѣ *).

Но въ окончательномъ результатѣ и война 1870—71 г.г. представила цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ, раздирающихъ душу, сценъ, въ видѣ безпомощно томящихся среди поля битвъ тысячей жертвъ войны, напрасно ожидавшихъ помощи. И это происходило не смотря на образцовое устройство прусской военной администраціи!

Не даромъ говоритъ Пироговъ **): „Какъ прежде раненые, остававшіеся послѣ битвы, назывались, у нашихъ старыхъ служакъ, *ломомъ* и *бракомъ*, такъ и теперь они, все тотъ-же ломъ и бракъ, лежатъ разбросанные на полѣ сраженія, пока ихъ, кое-какъ, не поднимутъ и не соберутъ. А быстрота и дальномѣткость нынѣшней стрѣльбы дѣлаютъ то, что строевые валятся рядами, и скопленіе раненыхъ, въ самое короткое время, достигаетъ громадной цифры. Кто видѣлъ, хоть издали, всѣ страданія этихъ жертвъ войны, тотъ вѣрно не назоветъ, съ шовинистами, миролюбивое настроеніе націй «*мѣщанскимъ счастьемъ*»; шовинизмъ, вызывающій націи на распри и погибель, достоинъ проклятія народовъ, и все человѣчество должно благословлять царей, не ищущихъ кровавой славы“...

IV.

Участь раненыхъ во время кампаніи 1877—78 гг.

Турецкая война, какъ извѣстно, сопровождалась большими нареканіями на несовершенство въ способахъ отправленія медицинской службы на войнѣ. Всѣ, обнаруженные въ свое время, недостатки этого рода частью вызваны чрезвы-

*) General Pierron, «Stratégie et grande tactique».

**) Н. И. Пироговъ, «Отчетъ о посѣщеніи военныхъ санитарныхъ учрежденій въ Германіи и Лотарингіи», С.-Петербургъ, 1871

чайными обстоятельствами, вышедшими за предѣлы предвидѣнія, частью же явились слѣдствіемъ ошибокъ въ самой организаціи медицинской и санитарной службы.

Для изслѣдованія и раскрытія слабыхъ сторонъ военно-медицинской и санитарной дѣятельности, въ 1879 году образована была спеціальная коммисія, которой поручено было составить подробный военно-медицинскій отчетъ за все время войны 1877—1878 гг. О характерѣ этого отчета и его безпристрастіи можно было судить уже съ первыхъ строкъ предисловія къ нему, подписаннаго главнымъ начальникомъ военно-медицинскаго управленія, извѣстнымъ докторомъ, Козловымъ.

Изъ отдѣльныхъ донесеній врачей, по словамъ этого предисловія, „не упущено ничего, имѣющаго сколько нибудь значенія въ дѣлѣ охраненія здоровья воинскихъ чиновъ".

„Естественно, что въ такомъ изложеніи пришлось касаться и слабыхъ сторонъ администраціи. Но мы не считали за собою нравственнаго права скрывать ихъ въ томъ убѣжденіи, что лишь откровенное изложеніе дѣла можетъ освѣтить темныя стороны того неправильнаго положенія, въ которомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается у насъ военно-санитарное и въ особенности госпитальное дѣло. По такимъ же побужденіямъ, уже 25 лѣтъ тому назадъ, сказалъ одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ полководцевъ: „Совершенства нѣтъ, но безпристрастное сознаніе недостатковъ и стремленіе отстранить ихъ будутъ лучшимъ ручательствомъ для будущихъ побѣдъ нашей славной арміи" (Тотлебенъ) *).

Какъ бы ни было, но оффиціальный отчетъ всегда составляется не безъ излишней осторожности. Настоящая картина получается лишь при сопоставленіи оффиціальнаго отчета съ прочимъ описательнымъ матеріаломъ, безъ принятія въ разсчетъ обыкновенныхъ газетныхъ корреспонденцій, въ которыхъ зачастую вкрадывается полное незнакомство съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, или предвзятыя тенденціи. Отказаться отъ нихъ тѣмъ легче, что мы имѣемъ передъ собой такіе серьезные документы по этой части, какъ письма С. П. Боткина изъ Болгаріи, записки знаменитаго Пирогова, отчетъ о дѣятельности отдѣла краснаго креста, составленный Рихтеромъ и Абазой, отчетъ государственнаго контролера и др.

*) «Военно-медицинскій отчетъ за войну съ Турціей 1877—78 гг.»

1. Врачи, госпитали, подвижные лазареты и перевязочные пункты.

По словамъ Пирогова, въ моментъ начала военныхъ дѣйствій въ 1877 году въ Россіи не существовало военно-временныхъ госпиталей и даже не было кадра для ихъ образованія. Составныя части каждаго такого госпиталя были разсѣяны въ разныхъ пунктахъ Имперіи и собрать ихъ во-едино, для образованія новаго госпиталя, въ началѣ войны, предоставлялось нѣсколькимъ инстанціямъ. Если мы прослѣдимъ исторію развитія каждаго временнаго госпиталя, то увидимъ, что его экономическая и техническая стороны формировались въ четырехъ инстанціяхъ: въ военно-окружномъ и военно-медицинскомъ управленіяхъ, въ главномъ штабѣ и въ штабѣ дѣйствующей арміи. Такъ, лица по хозяйственному управленію госпиталя (смотритель и пр.) назначались военно-окружнымъ управленіемъ; начальникъ госпиталя избирался начальникомъ штаба дѣйствующей арміи; главный врачъ, аптекарь и пр. военно-медицинскимъ управленіемъ, а служители главнымъ штабомъ. И такъ, одно назначеніе персонала для временнаго госпиталя совершалось, по крайней-мѣрѣ, въ трехъ разныхъ пунктахъ Имперіи (въ С.-Петербургѣ, въ округѣ и на мѣстѣ пребыванія дѣйствующей арміи); матеріальная же сторона госпиталя собиралась по распоряженію трехъ инстанцій: военно-окружнаго, военно-медицинскаго и полеваго управленій, частью, изъ различныхъ складовъ, разсѣянныхъ по Имперіи, частью же, на мѣстѣ, посредствомъ покупки или подряда.

Во многихъ отношеніяхъ, счастливѣе была участь подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ; они и въ мирное время имѣли нѣчто въ родѣ кадровъ, такъ какъ у дивизіонныхъ начальниковъ хранились списки лицъ, „имѣющихъ быть назначенными для замѣщенія различныхъ должностей дивизіоннаго госпиталя, когда онъ будетъ сформированъ“.

Для потребностей дунайской арміи, въ общей сложности, мобилизовано было 64 военно-временныхъ госпиталей, всего на 40.820 мѣстъ, изъ коихъ 8 госпиталей оставались въ предѣлахъ Имперіи. Въ Одессѣ и Севастополѣ устроены были мѣстные лазареты на 4.300 больныхъ, а для выздоравливающихъ и слабосильныхъ устроены были особые санитарные лагери въ Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ и Ѳеодосіи, всего на 7.500 мѣстъ.

Но ни въ войнѣ 1877 года, ни въ прежнія, по словамъ Н. И. Пирогова, „ни одинъ дивизіонный лазаретъ не былъ въ полномъ составѣ. При каждой дивизіи, на театрѣ войны, находилось только одно отдѣленіе такого госпиталя на 83 кровати (80 нижн. чин. и 3 офиц.), т. е. половинный его составъ".

Что же касается врачей, то въ 187⁷/₈ гг. число ихъ въ Россіи, вообще, было весьма недостаточно, какъ вездѣ, гдѣ культура стоитъ на низкой ступени. Понятно, что вслѣдствіе уже одной этой причины и въ арміи царствовалъ постоянный недочетъ во врачебномъ персоналѣ.

Полагая, что главная причина неполнаго комплекта врачей лежитъ въ недостаточности ихъ содержанія, военное министерство давно уже настаивало на необходимости его увеличенія. По составленнымъ еще въ 1874 году разсчетамъ, оказалось, что увеличеніе содержанія врачамъ по военному вѣдомству требуетъ новаго ежегоднаго расхода болѣе 2.000.000 рублей. Государственный совѣтъ, признавая норму предположенной прибавки къ содержанію врачей правильною, предоставилъ, однакожъ, самому военному министерству постепенно достигать этой нормы, по мѣрѣ того, какъ позволятъ средства нормальнаго государственнаго бюджета. По ограниченности этихъ средствъ, оказалось возможнымъ на первыхъ порахъ увеличить содержаніе врачамъ (съ 1-го января 1876 года) лишь одного финляндскаго округа.

Недостатокъ въ медицинскихъ чинахъ всѣхъ категорій, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, достигалъ слѣдующихъ размѣровъ *):

	Въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій:			Къ 1 января 1878 г. полагалось по штату.
	полагалось по штату.	состояло по списку.	недоставало.	
врачей	2,385	2,160	225	3,656
фармацевтовъ	253	252	1	471
ветеринаровъ	184	178	6	304
фельдшеровъ:				
медицинскихъ и аптечныхъ	3,907	3,382	525	4,820
ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ	3,936	1,611	2,325	4,040
ветеринарныхъ	1,280	884	396	1,595

*) «Военно-медицинскій отчетъ за войну съ Турціею 187⁷/₈ гг.».

Для комплектованія войскъ и санитарныхъ заведеній врачами, фармацевтами и ветеринарами по штатамъ военнаго времени единственнымъ источникомъ со временемъ долженъ служить, опредѣленный ст. 63 устава о воинской повинности, *врачебный запасъ для арміи.* Но такъ какъ запасъ этотъ еще не существовалъ и могъ образоваться въ достаточномъ размѣрѣ не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, то—говорится въ въ приложеніи къ военно-медицинскому отчету—*еслибъ въ настоящую минуту пришлось комплектовать войска и санитарныя заведенія 6-ти военныхъ округовъ (Варшавскаго, Виленскаго, Одесскаго, Кіевскаго, Финляндскаго и Петербургскаго) врачами, фармацевтами и ветеринарами по штатамъ военнаго времени,* потребовалось бы, по мнѣнію главнаго военно-медицинскаго управленія, прибѣгнуть безотлагательно къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: усиленнымъ выпускамъ изъ университетовъ и приглашенію вольно-практикующихъ врачей.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности съ самого начала войны 1877 г. недостающее число военныхъ врачей пополнялось преимущественно усиленными выпусками врачей изъ университетовъ и военно-медицинской академіи. Въ общей сложности, въ теченіе 1876 по 1878 г. было выпущено 502 врача. Кромѣ того, во второй годъ войны временно командированы на театръ военныхъ дѣйствій 133 студента 5-го и 4-го курсовъ въ помощь врачамъ и 127 студентовъ 3-го и 4-го курсовъ для исполненія фельдшерскихъ обязанностей.

Относительно же мѣръ къ пополненію комплекта фельдшеровъ, представлялось еще болѣе затрудненій, чѣмъ въ привлеченіи на службу врачей. За время мобилизаціи было призвано изъ запаса свыше 5.000 фельдшеровъ разныхъ категорій, но они ни по числу, ни по своимъ качествамъ, не могли удовлетворить потребности, въ особенности во второй періодъ кампаніи, когда между фельдшерами дѣйствующей арміи проявилась чрезмѣрная болѣзненность.

Для увеличенія комплекта фельдшеровъ пришлось прибѣгнуть: 1) къ усиленнымъ выпускамъ изъ военно-фельдшерскихъ школъ, сокративъ срокъ обученія въ нихъ съ 3-хъ на 2 года; 2) къ командированію на театръ военныхъ дѣйствій фельдшеровъ изъ внутреннихъ округовъ; 3) къ допущенію на службу въ военно-врачебныя заведенія Имперіи фельдшеровъ гражданскаго вѣдомства; 4) къ допущенію исполнять фельдшерскія обязанности въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ

сестеръ милосердія, знакомыхъ съ рецептурою, а также слушательницъ врачебныхъ курсовъ, перешедшихъ на 4-й годъ обученія; 5) къ командированію въ военно-врачебныя заведенія дѣйствующей арміи, на каникулярное время, медицинскихъ студентовъ 2 и 3 курсовъ и, наконецъ, къ вызову гражданскихъ и вольно-практикующихъ фельдшеровъ на службу въ дѣйствующую армію. Послѣдняя мѣра не была приведена въ исполненіе по случаю окончанія войны, но собранныя по этому поводу данныя показали, что число желавшихъ воспользоваться вызовомъ, доходило до 800 человѣкъ.

Въ виду подобныхъ данныхъ, недостатокъ во врачахъ и санитарахъ долженъ былъ ощущаться, но, какъ это мы далѣе покажемъ, онъ не былъ особенно ужаснымъ. Вначалѣ не прибѣгали къ энергическимъ мѣрамъ, потому что не разсчитывали на большія потери. Послѣ перехода черезъ Дунай, пишетъ Боткинъ, раненые пользовались великолѣпнымъ уходомъ, „разсчитывали на гораздо большее число, — было вдоволь и медиковъ, и средствъ. На другой день переправы утромъ все было въ отличномъ порядкѣ. 200 человѣкъ раненыхъ уже перевезены въ Пьятру, оставшіеся отлично помѣщены въ палаткахъ. Теперь врядъ ли будетъ большая цифра раненыхъ; разъ переправа кончилась — трудно ждать большихъ потерь"... *)

Ошибка была тѣмъ значительнѣе, что администрація сама считала число штатныхъ врачей въ арміи недостаточнымъ. По германской нормѣ, въ 1877 году въ каждой изъ дивизій должно было состоять 77 врачей, между тѣмъ какъ штатное число врачей было въ дивизіи только 17 **).

Далѣе, по разсчету Пирогова, въ дивизіонныхъ лазаретахъ, во время ихъ дѣятельности, въ 16 сраженіяхъ, приходилось по 170 раненыхъ на каждаго врача. Но такъ какъ сверхъ этого числа штатныхъ врачей, на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ дѣйствовали еще и другіе врачи, то на каждаго врача приходилось не 170, а всего 90 раненыхъ; исключивъ же врачей-распорядителей, не участвовавшихъ при перевязкахъ, операціяхъ и проч., и врачей транспортныхъ, уходившихъ съ транспортами, придется по 143 раненыхъ на каждаго врача. „Это, повидимому, очень неблагопріятное отношеніе, — говоритъ

*) С. П. Боткинъ, «Письма изъ Болгаріи» 1877 г.
**) Н. И. Пироговъ, «Военно-врачебное дѣло и частная помощь».

Пироговъ—если сообразимъ, что на главномъ перевязочномъ пунктѣ накладываются гипсовыя повязки и дѣлаются анестезированія, резекціи, ампутаціи и т. под., требующія продолжительнаго времени; но много облегчало дѣло въ нынѣшнюю войну участіе сестеръ и студентовъ, занимавшихся не только ассистенціей при оказаніи помощи, но, отчасти, и сортированіемъ, или по крайней мѣрѣ, указаніемъ врачу на тяжелыхъ изъ числа раненыхъ, сложенныхъ на перевязочномъ пунктѣ.

„Самоотверженна была дѣятельность всего вообще медицинскаго персонала обѣихъ армій. По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ дѣйствующей арміи умерло 102 медика, а въ кавказской арміи 70; почти всѣ они умерли отъ тифа и другихъ заразительныхъ болѣзней. Если сравнить эти цифры съ общимъ числомъ врачей, то окажется, что въ дѣйствующей арміи умеръ одинъ врачъ изъ 23-хъ, а въ кавказской одинъ изъ 16-ти. Несравненно большее число врачей перенесло тяжкія заразительныя болѣзни, оставившія по себѣ у многихъ глубокія пораженія“ *).

Естественно, что качественная сторона врачей не могла быть въ большинствѣ особенно высокой, судя по указанному выше способу ихъ комплектованія. Но еще важнѣе то, что медицинская дѣятельность не получила надлежащаго развитія; какъ мы уже видѣли изъ очерка врачебной помощи въ военное время заграницей и въ Россіи, вся суть санитарнаго дѣла заключалась въ соотвѣтственныхъ распоряженіяхъ администраціи.

Вначалѣ полная безпечность: не думаютъ о будущихъ потребностяхъ, не заботятся о своевременномъ исправленіи недостатковъ. Вотъ, что пишетъ Боткинъ: „Вчера были, между прочимъ, и на перевязочномъ пунктѣ и видѣли только четырехъ раненыхъ, а докторовъ тамъ цѣлая масса; и Корженевскій, и Каде, и Грубе, и Пелёхинъ, и Новацкій—авторитеты хирургіи, — простыхъ, не-авторитетныхъ не считаю; раненые съ перевязочныхъ пунктовъ будутъ направляться на Булгарени, гдѣ большой госпиталь и гдѣ хирургомъ Склифасовскій. На другомъ перевязочномъ пунктѣ—Бергманъ. Ч. доставилъ 20 (!!) повозокъ съ приспособленіями и воображаетъ, что это много, имѣетъ безтактность этимъ хвастаться.

*) «Военно-медицинскій отчетъ за войну съ Турціей, 18⁷/₈ гг.».

При окончательной атакѣ, вѣроятно, и тысячи повозокъ будетъ немного...“

И дѣйствительно, тотчасъ послѣ этого произошла плевненская катастрофа и Боткинъ писалъ: „По дорогѣ на позицію и оттуда намъ пришлось ѣхать все время между шпалерами идущихъ и ѣдущихъ раненыхъ. Кто только раненъ въ руку—молилъ, чтобы его пустили пѣшкомъ и не задерживали бы; нѣкоторые даже съ ранами ногъ предпочитали идти пѣшкомъ, чѣмъ оставаться ждать подводъ. Тяжелый былъ видъ этихъ изувѣченныхъ, черезъ силу тащившихся въ Булгарени *), въ разстояніи 30 верстъ отъ перевязочнаго пункта“.

Наглядное представленіе о положеніи, въ какомъ находились раненые подъ Плевной, показываетъ помѣщенный въ приложеніи (см. прил. къ стр. 554) рисунокъ „Ночь послѣ сраженія подъ Плевной“.

„По нераспорядительности администраціи, солдаты, принесенные къ перевязкѣ 30 августа вечеромъ, получили первую ѣду только 31-го вечеромъ, оставаясь болѣе двухъ сутокъ безъ ѣды: однѣ сутки дрались, а вторыя—лежали у перевязочнаго пункта. Сестры и врачи оставались на одняхъ сухаряхъ, и все это благодаря тому, что не умѣли во время объ этомъ подумать“.

„Я прямо попалъ на передовой перевязочный пунктъ, гдѣ подаютъ первую медицинскую помощь полковые врачи дерущихся полковъ. Отъ нихъ я узналъ, что со вчерашняго вечера до сей минуты (въ 2 ч. дня) черезъ ихъ руки прошло 600 чел. раненыхъ, которыхъ они отправляли въ ближайшій перевязочный пунктъ, образуемый изъ дивизіонныхъ

*) «По свидѣтельству проф. Склифасовскаго, 2,000 раненыхъ подъ Плевной, скопившихся у главнаго перевязочнаго пункта (составленнаго изъ трехъ дивизіонныхъ лазаретовъ), должно было въ ночной темнотѣ (до 11½ часовъ вечера), безъ сортировки и безъ оказанія имъ помощи (всѣ врачи и прислуга были до крайности истомлены въ день неустанной работы), поспѣшно подобрать на повозки и немедленно отправить въ Булгарени. Едва ли удалось, при такой обстановкѣ, собрать 2.000 раненыхъ ночью и всѣхъ уложить на повозки, которыхъ при каждомъ дивизіонномъ лазаретѣ немного, а про другія повозки и телѣги (интендантскія или обывательскія) проф. Склифасовскій не упоминаетъ. Такъ было и подъ Шипкою, гдѣ, не смотря на прибывшія, по распоряженію главнаго полевого инспектора госпиталей, фуры и болгарскія телѣги, многіе раненые не могли быть во время убраны изъ рвовъ, горной и неприступной мѣстности, самая уборка совершалась только ночью съ фонарями; днемъ мѣстность была обстрѣливаема съ непріятельскихъ батарей и засадъ. Подъ Плевной 28-го ноября, въ худое дождливое время года, въ мѣстности волнистой, привозили раненыхъ на перевязочные пункты еще на другой и третій день послѣ паденія города».

Ночь послѣ сраженія подъ Плевной.

лазаретовъ; врачи работали всю ночь; теперь раненыхъ не носили уже въ такомъ количествѣ, — при мнѣ принесли одного. Я отправился на дивизіонный перевязочный пунктъ 5-й дивизіи и тамъ засталъ еще до 400 раненыхъ. Еще далеко не всѣ были осмотрѣны. Врачи, сестры, студенты, фельдшера, санитары со вчерашняго вечера работали безостановочно. Черезъ ихъ руки прошло уже болѣе шести сотъ; около 400 еще оставались на лицо; уже два транспорта раненыхъ были отправлены въ теченіе нынѣшняго дня въ Булгарени; легко-раненые въ руки, пальцы, выпросились идти пѣшкомъ въ госпиталь; самые тяжелые еще лежали въ палаткахъ; другіе же на открытомъ воздухѣ, на землѣ, ожидали своей очереди быть перевязанными, обмытыми, переодѣтыми. Медицинскій персоналъ, съ блѣдными, измученными лицами, продолжалъ работать; ни одного не видалъ безъ дѣла, всѣ копошились. Перевязочный пунктъ представляетъ тяжелое зрѣлище: это не тѣ умытые, переодѣтые, перевязанные раненые, которыхъ встрѣчаешь въ госпиталѣ,— нѣтъ, тутъ кровь льется ручьями, бѣлье какъ будто изъ красной матеріи сшито; врачи всѣ въ крови, въ гипсѣ. Больные стонутъ и просятъ то пить, то перевязки. Тяжелая картина! Всѣ медицинскія мѣры военнаго вѣдомства вмѣстѣ съ краснымъ крестомъ не въ состояніи удовлетворить потребности теперешнихъ способовъ истребленія людей".

Описавъ всѣ ужасные порядки или скорѣе безпорядки относительно продовольствія людей, Боткинъ пишетъ: „Однимъ словомъ, правы П. и К., „виновата кошка Машка", какъ мы иногда утѣшали дѣтей въ былые годы. Всего болѣе виноватъ—это штабъ съ его затѣями подрядовъ. Сегодня, впрочемъ, я могъ себя утѣшить только тѣмъ, что кормёжка стала производиться правильно, что безногіе, привозимые на телѣгахъ и прикованные къ нимъ, получаютъ ѣду вмѣстѣ съ другими...".

„Въ то время, когда у меня на душѣ кипѣло негодованіе, скорбь, мнѣ начинаютъ предлагать *взглянуть* „интересныхъ" больныхъ.—Погодите, я еще не опомнюсь отъ этихъ криковъ массы голодныхъ людей, у меня голова не способна совмѣщать интересъ медицинскаго случая съ фактомъ истребленія людей вслѣдствіе неряшества, злоупотребленія... Дайте опомниться, тогда и посмотрю ваши „интересные" случаи, но прежде накормите неинтересныхъ... Те-

перь эти 7 тысячь раненыхъ, разбитыхъ на партіи по 1.000, по 1.500, направлены всѣ въ Систово и Зимницу, и тамъ начнется тоже мытарство, вытаскиваніе съ телѣгъ, сортировка раненыхъ, перевязка, голоданіе по суткамъ и болѣе. Сегодня четвертый день, что я смотрю на эти сцены, и ты повѣришь, что могутъ устать нервы"...

„Сегодня былъ у меня помощникъ П.—Л.; онъ разсказывалъ, что въ Зимницѣ теперь въ госпиталѣ—безобразія: болѣе чѣмъ двойной комплектъ больныхъ, изъ которыхъ около трехъ сотенъ помѣщены въ плетняхъ; половина врачей, служителей больны, а оставшіеся на ногахъ едва держатся отъ усталости. Изъ-за дурной дороги транспорты идутъ медленно и по берегу Дуная все задерживается до Фратешти, откуда начинается чугунка. Въ прошлую крымскую войну безобразія до такого размѣра не доходили".

И это весьма естественно: тогда не было заведено эвакуаціи больныхъ, требующей большаго умѣнья и строгихъ порядковъ.

2. Снабженіе госпиталей продовольствіемъ, медикаментами и проч.

Продовольствованіе больныхъ и раненыхъ составляло самую слабую сторону войны 1877—78 г.г. „Продовольственные припасы и особенно главнѣйшіе, хлѣбъ и говядина, поставлялись товариществомъ Грегеръ, Горвицъ и Коганъ весьма часто или несвоевременно, или дурнаго качества, причемъ подрядчикамъ оказывалось самое широкое послабленіе. Огородныхъ овощей и зелени подрядчики во многіе госпитали вовсе не доставляли, а взамѣнъ ихъ, для приготовленія пищи больнымъ, употреблялись сушенные прессованные консервы этихъ овощей. Вмѣсто свѣжаго молока, ставилось консервированное, а квасъ, столь привычное питье для русскаго солдата, замѣнялся мѣстнымъ виноградным виномъ. Равнымъ образомъ, недостатокъ кислой капусты и суровца вызывалъ употребленіе въ пищу лимонной кислоты. Для снабженія госпиталей этими суррогатами не представлялось, очевидно, надобности въ дорого стоившихъ казнѣ услугахъ товарищества, такъ какъ въ складахъ интендантскаго вѣдомства хранилась и безъ того значительная масса разнаго рода консервовъ. Стирка госпитальнаго бѣлья производилась такъ

неудовлетворительно, что на немъ оставались пятна крови и гноя, а въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ больные должны были оставаться въ своемъ бѣльѣ, не перемѣняя его довольно долгое время. Принадлежащія больнымъ вещи и въ особенности ихъ одежда и бѣлье, въ нарушеніе основныхъ гигіеническихъ правилъ, хранились тамъ же, гдѣ лежали больные. Равнымъ образомъ, и устроенные для этой одежды аммуничники заключали въ себѣ связки, невымытаго и неочищеннаго установленнымъ порядкомъ, имущества больныхъ; вслѣдствіе чего такіе аммуничники легко могли служить источникомъ заразы, которую разносили больные по выходѣ изъ госпиталей. Построенная для госпиталей мебель (кровати и столы) оказалась большею частью неудовлетворительнаго качества, придя въ негодность, спустя немного времени послѣ ея заготовки. Во многихъ же госпиталяхъ мебели вовсе не было и больные укладывались на полу. Занятые подъ помѣщеніе госпиталей дома, по преимуществу принадлежавшіе бѣжавшимъ туркамъ, не были вовсе приспособлены для ихъ назначенія: сырость, холодъ и дымъ составляли почти обычное явленіе въ этихъ помѣщеніяхъ".

Такую печальную картину рисуетъ бывшій въ то время государственный контролеръ, генералъ-адъютантъ Грейгъ, посѣтившій театръ войны.

„Но если состояніе хозяйственной части во врачебныхъ заведеніяхъ дѣйствующей арміи заставляло во многомъ желать лучшаго, то справедливость требуетъ сказать, что благоустройству ихъ много мѣшали не только исключительно трудныя обстоятельства военнаго времени, но и недостатокъ первоначальной ихъ организаціи. Вещи и обозъ, которыми госпитали были снабжены при ихъ сформированіи, въ большей части случаевъ оказались неудовлетворительнаго качества, вслѣдствіе чего обозъ портился послѣ незначительныхъ даже переходовъ по грунтовымъ дорогамъ, а нѣкоторыя вещи, вмѣсто годовой службы, не выдерживали и одного мѣсяца. Снаряженіе госпиталей въ путь, безъ снабженія нѣкоторыхъ изъ нихъ палатками или другими переносными помѣщеніями, сообразно съ новѣйшими усовершенствованіями въ этомъ дѣлѣ, привело къ тому, что на первыхъ же порахъ, по вступленіи госпиталей въ Румынію, имъ пришлось нанимать помѣщенія за весьма дорогую цѣну въ частныхъ домахъ или оставаться въ бездѣйствіи, въ неразвернутомъ состояніи. При

частыхъ перемѣщеніяхъ госпиталей, на наемъ помѣщеній для нихъ производились столь значительныя затраты, что сумма ихъ, вѣроятно, была бы достаточна для пріобрѣтенія необходимыхъ госпитальныхъ помѣщеній, въ видѣ палатокъ или бараковъ, болѣе соотвѣтствующихъ гигіеническимъ требованіямъ. Военно-временные госпитали, при сформированіи ихъ, не были снабжены усовершенствованными приспособленіями для возки больныхъ и раненыхъ, и несчастныя жертвы войны перевозились въ тряскихъ телѣгахъ вольнонаемнаго транспорта, большею частію безъ всякихъ необходимыхъ удобствъ".

Боткинъ пишетъ о томъ же:

„Организація невозможная; нерѣдко задаешь себѣ вопросъ: лучше или хуже у турокъ?—Сейчасъ изъ госпиталя и нашелъ тамъ главнаго доктора чуть не въ слезахъ; онъ съ отчаяніемъ передалъ мнѣ, что больные второй день безъ куска бѣлаго хлѣба; товарищество не доставило; ни за какія деньги нигдѣ въ пустынѣ этой ничего не получишь. Чуть не половина больныхъ поносныхъ, которые ѣдятъ только бѣлый хлѣбъ. Со слезами на глазахъ полилась рѣка жалобъ на безвыходное ихъ положеніе. Не имѣя хинина, не имѣя касторовaго масла, недѣлю тому назадъ, онъ отправился въ Систово, въ которомъ якобы долженъ быть складъ всѣхъ аптечныхъ принадлежностей; пріѣзжаетъ туда — оказывается, что тамъ складъ не для раздачи маленькими количествами, слѣдовательно, не въ военно-временные госпитали, а въ дивизіонные полковые лазареты; складъ же для госпиталей находится въ Яссахъ. Теперь отправленъ туда фельдшеръ; посмотримъ, что онъ привезетъ. Пока сестры снабдили касторовымъ масломъ. „Что будетъ,—прибавляетъ главный докторъ,—когда уѣдетъ отсюда Государь!"

Плачевному положенію много способствовала плохо устроенная администрація; Боткинъ пишетъ: «Ко мнѣ явился главный врачъ госпиталя изъ Згалевицы—Б., первый главный докторъ русскій, котораго я встрѣтилъ въ Болгаріи; это вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первый человѣкъ, который говорилъ совершенно откровенно; эти полчаса мнѣ разъяснили многое. Оказывается, что вся сила — въ смотрителяхъ: это первый крючокъ для вытягиванія денегъ изъ казны; статей дохода не мало; смотритель содержитъ 118 лошадей и получаетъ на фуражъ по справочнымъ цѣнамъ; это даетъ ему возмож-

ность класть въ карманъ около 400 рублей въ мѣсяцъ почти законно; повидимому, смотрителя—въ стачкахъ съ подрядчиками провизіи. На госпиталь отпускается должная сумма на различныя нужды, и эти деньги расходуются довольно либерально смотрителемъ, который подаетъ только свой счетъ и получаетъ деньги, хотя и съ разрѣшенія комитета, но это ни къ чему не ведетъ; провѣрка отчетовъ нерѣдко совершенно невозможна. Мнѣ кажется, что я скоро пойму, наконецъ, всю эту тонкую механику; во всякомъ случаѣ, теперь я на дорогѣ къ ея уразумѣнію. Въ смотрителя назначаются обыкновенно такіе, которыми полки не дорожатъ; безъ сомнѣнія, попадаютъ и хорошіе, но большая часть весьма невысокаго качества относительно человѣческихъ достоинствъ. При неблагонадежности смотрителя, госпиталь можетъ крѣпко страдать. Въ мѣстахъ, гдѣ смотритель случайно честный и хорошій человѣкъ, да главный докторъ ему помогаетъ,—госпитали могутъ процвѣтать».

И далѣе, послѣ свиданія съ тѣмъ же лицомъ, Боткинъ пишетъ: „каждый разъ мнѣ черезъ него приходится познакомиться съ новостью, въ родѣ, напримѣръ, того, что *полковой* врачъ по закону, осматривая пищу, имѣетъ право дѣлать замѣчанія о *качествѣ*, а не о *количествѣ;* дежурный же врачъ по госпиталю обязанъ слѣдить за *качествомъ* и *количествомъ* пищевого матеріала. Въ силу этого, полковой врачъ почти не имѣетъ права забраковывать пищу; она ему можетъ не нравиться, но вкусъ полкового командира, ротнаго — другой — имъ она нравится, и врачъ — молчи. Другая для меня новость — что дивизіонные лазареты должны прокармливать своихъ больныхъ такъ, чтобы содержаніе ихъ обходилось по 25 коп,; въ госпиталѣ же больные получаютъ по положенію столько-то мяса, столько-то хлѣба и пр.—сколько бы это ни стоило. Несомнѣнно, оба способа даютъ возможность злоупотребленіямъ, только при каждомъ изъ нихъ пріемы къ этому должны быть свои“.

Въ письмѣ его же отъ 3-го сентября встрѣчаемъ слѣдующія подробности:

«...Вчера были въ Булгарени—въ госпиталѣ, черезъ который проходятъ почти всѣ раненые подъ Плевной. Можешь себѣ вообразить эту картину поля съ 30 палатками (въ каждой палаткѣ 20 человѣкъ) и 2 тысячи слишкомъ народа, изъ котораго только 600 подъ крышей. Большая часть валяется

около палатокъ, прося ѣсть или перевязки. Многіе не ѣли около полутора сутокъ,—все время переѣзда съ перевязочнаго пункта,—а нѣкоторые дня три оставались безъ перевязки. Въ госпиталѣ все хозяйство устроено только на 600 человѣкъ; десять врачей, работая день и ночь, конечно, едва справляются».

„На перевязочныхъ пунктахъ бросалась въ глаза кровь, а здѣсь выступающимъ явленіемъ былъ голодъ и запахъ отъ нечистыхъ ранъ. „Хотя бы добраться до машины!" — слышится въ разныхъ концахъ этого усѣяннаго страдальцами поля. — „Ваше благородіе, прикажите покормить!" — Признаюсь, эта послѣдняя фраза горько отзывается и становится еще прискорбнѣе, если вспомнить, что вина этого лежитъ въ недостаточной организаціи. А на вопросъ Государя: „ѣли ли вы?" — всѣ закричали въ одинъ голосъ: „ѣли, в. и. в—во!" — „Хватаетъ ли у васъ перевязочныхъ средствъ?" — спрашиваетъ Онъ главнаго доктора. — „Хватаетъ, в. и. в—во". За полчаса до пріѣзда Государя мнѣ говорили, что едва-едва остается перевязочныхъ средствъ,—еще нѣсколько человѣкъ, и нечѣмъ перевязывать. Что же прикажешь дѣлать съ этимъ народомъ?"

Продовольствіе госпиталей идетъ отъ знаменитаго «товарищества» которое,— какъ говоритъ Боткинъ— „морило голодомъ наше войско, и теперь ему предоставлено морить и нашихъ больныхъ и раненыхъ. Товариществу неудобно, — оно и оставляетъ народъ безъ хлѣба и безъ сухарей; мяса хватаетъ. Странное явленіе: люди молятъ о хлѣбѣ въ странѣ, которая утопаетъ въ хлѣбѣ! Сегодня я прошелся по деревнѣ, которая буквально запружена скирдами хлѣба. Замѣчательно, что этотъ фактъ повторялся во всѣ наши многочисленныя турецкія войны; русскіе ни разу не съумѣли воспользоваться богатствами Болгаріи; скотъ, сѣно, хлѣбъ обыкновенно для насъ пропадали; нынѣшній разъ мы были, кажется, счастливѣе относительно скота".

Не слѣдуетъ забывать, что все это происходило въ бытность Императора Александра II на театрѣ войны, но обстоятельста такъ слагались, что свѣдѣнія объ истинномъ положеніи рѣдко до Него достигали.

4 сентября Боткинъ пишетъ: «Сегодня я опять былъ въ госпиталѣ съ Государемъ и, пріѣхавъ туда раньше часа на полтора, я могъ убѣдиться во очію, какъ нагло и без-

совѣстно ему лгали.—«Ты когда прибылъ?»—спрашиваетъ онъ одного съ окровавленной, вонючей перевязкой.—„Только сегодня“,—спѣшитъ отвѣтить главный врачъ; а я узналъ послѣ, что больной уже третій день изъ транспорта ждетъ своей очереди. Конечно, всего меньше можно винить врачей, на долю которыхъ пришлось за всѣ эти дни перевязать и отправить дальше около 7 тысячъ раненыхъ. Но зачѣмъ же морочить?!—Сегодня тамъ были и медицинскія власти, П., К. и другіе.—У васъ люди по полутора сутокъ остаются безъ ѣды,—говорю я П—у. „А въ ротахъ они остаются по *шести* сутокъ безъ ѣды и идутъ затѣмъ въ бой“,—отвѣчаетъ мнѣ П., въ мое успокоеніе и въ свое оправданіе.—Зачѣмъ вы не открыли еще госпиталя? развѣ возможно съ персоналомъ въ 10 человѣкъ пропустить всю эту массу раненыхъ?—„Спросите инспектора госпиталей К.,—отвѣчаетъ мнѣ П.:—онъ вамъ отвѣтитъ, что у него нѣтъ палатокъ для этихъ госпиталей; палатки только недавно были заказаны, и нѣкоторыя изъ нихъ еще до Бухареста не добрались“...

Относительно положенія больныхъ и числа заболѣваній подъ Плевной, Боткинъ разсказываетъ далѣе: «на мой вопросъ Г. (корпусному доктору), много ли теперь заболѣваетъ въ день въ его корпусѣ?—„150 человѣкъ въ одномъ только корпусѣ—гораздо меньше, чѣмъ прежде“,—прибавилъ онъ къ этому. По прежнимъ же отзывамъ начальства говорили, что подъ Плевной заболѣваетъ во всей арміи отъ 200 до 250 человѣкъ въ день. Можно ли теперь этому вѣрить? Очевидно, эта цифра была невѣрная,—только для Государя».

„Въ госпиталѣ сегодня ничего особеннаго не видалъ все тѣ же гадости, какъ и обыкновенно; на врача во внутреннихъ отдѣленіяхъ приходится по 130 больныхъ; рициноваго масла давнымъ-давно нѣтъ во всемъ госпиталѣ ни одной ложки—(при кровавыхъ-то поносахъ!); хининъ давно уже получается отъ краснаго креста, а своего нѣтъ; хирургическіе больные, оперированные, идутъ скверно. Больные попрежнему—лихорадочные или кровавые поносы; тифозныхъ немного, и то большею частью между гвардейцами, которые только-что прибыли и не успѣли заразиться здѣшними формами“ *).

Изъ отчета главнаго медицинскаго управленія видно,

*) С. П. Боткинъ, «Письма изъ Болгаріи». 1877.

„что табели довольствія войскъ предметами врачебнаго пособія“ давно уже признавались устарѣвшими и постепенно переработывались и что въ числѣ врачебныхъ матеріаловъ, въ виду возможности войны, особенную важность представляли перевязочныя средства. По этому главное медицинское управленіе сочло нравственнымъ долгомъ обезпечить дѣйствующимъ арміямъ запасъ этихъ средствъ не по прежнимъ, а по вновь проектированнымъ и лишь въ 1876 году утвержденнымъ табелямъ и положеніямъ, соотвѣтствовавшимъ требованіямъ современой хирургіи.

Отчетъ приводитъ цифры стоимости заготовокъ медикаментовъ, припасовъ и инструментовъ начиная съ 1876 года, когда сумма, издержанная на нихъ, составляла 729.532 руб., а отпущено ихъ было на 540,604 руб. Но уже въ слѣдующемъ 1877 году заготовлено было на 1.326.934 р., а отпущено на 1.529.889 р. Въ 1878 году заготовлено было на 1.576.397 руб., а отпущено на 1.135.563 р. Въ 1879 году заготовка уже сократилась до 813 тыс. и отпускъ до 890 т.

Между тѣмъ, главноуполномоченный общества краснаго креста, П. А. Рихтеръ, въ своемъ отчетѣ говоритъ *):

„Въ чемъ нуждались военные госпитали? На этотъ вопросъ легче отвѣчать при обратной его постановкѣ; легче указать тѣ предметы, въ которыхъ госпитали не нуждались, чѣмъ перечислить все, въ чемъ они встрѣчали надобность“. Далѣе, по его словамъ, „непредусмотрительность и бездѣйствіе военной администраціи въ этомъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ вину собственно организаціи госпиталей“.

Между прочимъ, Рихтеръ расточаетъ горькія жалобы на отсутствіе одежды.

3. Помѣщенія.

Чрезвычайную выносливость русскаго солдата доказываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что существовавшій въ 1877 г. способъ размѣщенія больныхъ и раненыхъ не довелъ смертности между ними до гораздо высшихъ предѣловъ. Вообще, какъ уже было не разъ упомянуто

*) «Красный крестъ въ Румыніи и Сѣверной Болгаріи 1877/8 гг.». С.-Петербургъ, 1879.

нами, переполненіе госпитальныхъ мѣстъ достигало размѣровъ ужасающихъ.

Боткинъ писалъ: „Исторія въ булгаренскомъ госпиталѣ, гдѣ пришлось многимъ во-очію убѣдиться, до какой степени наша администрація плоха, благотворно повліяла на инспектора госпиталей генерала К., и особенно осадился онъ исторіей самоубійства несчастнаго главнаго доктора въ Систовѣ. Все это вмѣстѣ, наконецъ, было причиной того, что онъ подалъ проектъ объ измѣненіи порядка санитарнаго дѣла въ Болгаріи и Румыніи; кажется, пришли къ убѣжденію положить конецъ этой безобразной эвакуаціи больныхъ, таская ихъ на первобытныхъ телѣгахъ изъ угла въ уголъ безъ корма, безъ пристанища; генералъ проводитъ теперь идею объ увеличеніи числа госпиталей въ Болгаріи и Румыніи до 30 тысячъ; тогда какъ теперь въ Болгаріи существуетъ только на восемь тысячъ, а въ Румыніи на пять, да и въ этомъ числѣ я сомнѣваюсь относительно Болгаріи. Не забудь, что въ Болгаріи медицинское вѣдомство располагало только тремя стами повозокъ и 8.000 коекъ; чтобы справиться съ этой массой раненыхъ, необходимо было гнать больныхъ, какъ овецъ, изъ одного госпиталя въ другой; гдѣ можно, нанимали телѣги и лошадей; гдѣ можно, почти силой забирали интендантскія повозки и сплавляли больныхъ и раненыхъ, и приготовляли такимъ образомъ мѣста для будущихъ страдальцевъ“ *).

Хуже всего было непринятіе заблаговременныхъ мѣръ для огражденія больныхъ и раненыхъ отъ холода. По словамъ Пирогова, „зима 1877 года застала больныхъ и раненыхъ въ Болгаріи не въ зданіяхъ, не въ хатахъ и не въ землянкахъ, а въ шатрахъ, и притомъ, еще въ концѣ ноября, не вездѣ снабженныхъ желѣзными печами. Въ Горномъ Студенѣ, напримѣръ, и даже въ столицѣ Болгаріи, Тырновѣ, госпитали №№ 67 и 62, во время нашего посѣщенія въ концѣ ноября 1877 года, еще не имѣли печей“.

Если бы еще хотя эти шатры были сколько нибудь благоустроены; но половина присланныхъ въ Галацъ палатокъ оказалась негодною: и парусина, и сукно, и деревянныя части были гнилы **).

*) С. П. Боткинъ, «Письма изъ Болгаріи». 1877.

**) «Военно-медицинскій журналъ» 1878. Іюль, статья профессора Склифасовскаго, стр. 149.

По поводу холода пишетъ и С. П. Боткинъ: „Сегодня спрашивалъ администрацію, что они думаютъ предпринять противъ холода. «Да ничего, людей нѣтъ и не хватаетъ на новое предпріятіе; печи можно бы сложить и окопаться, и соломы положить къ стѣнкамъ палатки, но нѣтъ рабочихъ“,— отвѣчаетъ главный докторъ.—Ну, а что же думаетъ главный инспекторъ госпиталей?—„Да онъ, —отвѣчаетъ главный докторъ, — мнѣ сказалъ: да развѣ вы думаете отсюда выбраться живыми? Конечно, это онъ сказалъ, шутя“,—прибавляетъ при этомъ главный докторъ. Хороша шутка!“

И за тѣмъ Боткинъ продолжаетъ: Повидимому, милая шутка К. начинаетъ приносить свои плоды. Только къ первому декабря обѣщаютъ устроить какую-нибудь защиту противъ холода, а до того два мѣсяца изнывай въ палаткахъ. Хирургическіе больные за эти холода, какъ мухи, одинъ за другимъ, торопились убираться на тотъ свѣтъ; теперь пріостановлены всѣ операціи: и негдѣ дѣлать, и скверно идутъ оперированные. Подумай объ этомъ прежде, отнесись серьезно къ своимъ обязанностямъ—этого бы не было“.

О достоинствахъ же отопляемыхъ бараковъ можно судить по слѣдующему описанію ихъ, помѣщенному въ отчетѣ главно-уполномоченнаго общества краснаго креста:

„Вскорѣ послѣ начала дѣятельности краснаго креста въ Журжевѣ, военное вѣдомство вошло съ нами въ соглашеніе относительно уступки ему для госпиталя палатокъ, въ которыхъ помѣщался нашъ эвакуаціонный пунктъ, съ передачею намъ, взамѣнъ ихъ, строившихся въ то время бараковъ. Бараки эти, извѣстные подъ названіемъ Поляковскихъ, по имени ихъ строителя, строились по заказу военно-госпитальнаго управленія арміи. Каждый баракъ состоялъ изъ расположенныхъ на извѣстномъ разстояніи, параллельно одна другой, желѣзныхъ арокъ, матеріаломъ для которыхъ служили скрѣпленія отъ разобранныхъ зданій вѣнской международной выставки 1873 г.; желѣзныя арки составляли остовъ зданія; къ нимъ прибивались двойныя досчатыя стѣны съ соломой въ промежуткахъ, съ досчатою, покрытою толемъ, крышею, досчатымъ поломъ, двойными окнами и дверьми. Бараки были одноэтажные, 2-хъ и даже 3-хъ этажные; одинъ этажъ отдѣлялся отъ другого одиночнымъ досчатымъ помостомъ, служившимъ потолкомъ для нижняго и поломъ для верхняго этажа. Отхожія мѣста находились внутри бара-

ковъ около лѣстницъ; нечистоты скоплялись въ ямахъ, безъ какихъ-либо пріемниковъ для облегченія вывоза ихъ. Отопленіе производилось посредствомъ желѣзныхъ печей; для вентиляціи не было никакихъ приспособленій".

„Такое устройство этихъ бараковъ представляло весьма значительныя неудобства, которыя достигали крайнихъ предѣловъ въ многоэтажныхъ баракахъ. Воздухъ въ нихъ былъ совершенно зараженъ близостью отхожихъ мѣстъ; отсутствіе прочнаго разобщенія между этажами вело къ скопленію всей теплоты въ верхнемъ этажѣ, между тѣмъ, какъ въ нижнемъ температура была весьма низка; больничные міазмы безпрепятственно распространялись по всему бараку. Нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ могли бы быть, конечно, легко отвращены, если бы при самой постройкѣ бараковъ было допущено вліяніе врачей спеціалистовъ, такъ какъ со стороны строителя была заявлена полная готовность слѣдовать указаніямъ, которыя будутъ ему даны свѣдущими лицами. Но это не было сдѣлано въ свое время, и неудачный опытъ многоэтажныхъ бараковъ въ Фратешти привелъ къ тому, что военно-госпитальное управленіе устранило вовсе постройку 3-хъ-этажныхъ бараковъ и, допуская 2-хъ-этажные, предназначило ихъ исключительно для помѣщенія персонала".

Замѣчательно, что, въ противоположность этимъ баракамъ, землянки во время крымской войны оказали, по словамъ Пирогова, громадную пользу. Онъ говоритъ по этому поводу, что „между нашими врачами, администраторами и военными людьми въ эту войну (1877—1878 гг.), находились еще вѣрно участники и прошедшей восточной войны. Почему же, эти лица, знакомыя уже по опыту съ способомъ постройки и приспособленіемъ землянокъ къ военно-медицинской практикѣ, не возвышали свой голосъ и, наученные опытомъ, не принимали на себя иниціативу дѣйствія? Вѣдь одинъ изъ участниковъ этой достопамятной войны, д-ръ А. А. Генрици, свидѣтельствовалъ же гласно (хотя и нѣсколько поздно), и я могу, какъ очевидецъ, подтвердить его свидѣтельство, что въ крымскую кампанію постройка землянокъ производилась безъ особой трудности. Вызывались охотники изъ командъ (а не назначались по наряду), причемъ имъ было извѣстно, что работающіе для лазарета ежедневно, не въ зачетъ, получаютъ ординарную порцію, кусокъ свѣжаго хлѣба, — что

тогда составляло лакомство,—и по нѣсколько трубокъ махорки; къ тому же, по окончаніи работы, группа солдатъ, выстроившая самую лучшую землянку, получала, съ разрѣшенія командира, 2 рубля. При такомъ порядкѣ выходило, что лазареты обладали до того сухими и просторными землянками, что и больные офицеры зачастую въ нихъ добровольно лечились, не удаляясь за болѣзнью отъ своихъ частей".

„Будемъ впредь надѣяться,—прибавляетъ знаменитый хирургъ,—что пріобрѣтаемая врачами и администраторами въ нашихъ войнахъ опытность не пройдетъ безслѣдно для будущихъ поколѣній" *).

4. Эвакуація больныхъ и раненыхъ.

„Транспортируемые съ театра войны раненые и больные ведутъ,—говоритъ Пироговъ,—*борьбу за существованіе*, и эта борьба имѣетъ *нѣсколько фазъ*. Принесенный съ поля битвы раненый долженъ, прежде всего, устоять противъ травматическаго сотрясенія, потери крови и нервнаго раздраженія, поступающаго за шокомъ; потомъ слѣдуетъ борьба съ внѣшними насиліями транспортовъ; послѣ того, наступаетъ травматическая лихорадка и, если организмъ не ослабѣлъ отъ чрезмѣрнаго возвышенія своей температуры, то ему предстоитъ еще борьба съ міазмами (внѣшними и внутренними) и, наконецъ, съ истощеніемъ организма" **).

Понятно, что если кромѣ этихъ естественныхъ, такъ сказать, факторовъ разрушенія появятся еще вліянія холода, голода, неудобствъ и всякихъ другихъ неурядицъ, то организмъ, необладающій громаднымъ запасомъ силъ, долженъ въ подобной неравной борьбѣ за существованіе погибнуть.

Въ войнѣ 1877 г. раненые и больные доставлялись, какъ говоритъ П. А. Рихтеръ въ своемъ отчетѣ ***), „исключительно на вольнонаемныхъ интендантскихъ повозкахъ, для которыхъ перевозка раненыхъ была дѣломъ лишь второстепеннымъ. Нерѣдко случалось, что транспорты сгружали всѣхъ своихъ больныхъ въ Зимницѣ для принятія от-

*) «Военно-врачебное дѣло и частная помощь».
**) Тамъ же.
***) «Красный крестъ въ Румыніи и Сѣверной Болгаріи 1877—8 гг.».

сюда другого, требуемаго въ армію, интендантскаго груза, и больные оставались въ зимницкихъ госпиталяхъ впредь до прибытія другихъ повозокъ, на которыхъ они продолжали путь далѣе. Отсюда происходили огромныя скопленія больныхъ въ зимницкихъ госпиталяхъ, превышавшія иногда въ 4 и 5 разъ средства, которыми госпитали располагали по штату,—скопленія, сдѣлавшіяся явленіемъ хроническимъ. Не только перевязка и, вообще, уходъ за провозимыми чрезъ Зимницу больными, но и необходимыя, предписываемыя госпитальнымъ уставомъ, заботы о тѣхъ изъ нихъ, которые находились здѣсь на излеченіи, рѣдко могли быть исполняемы съ должною точностью, по недостатку врачебнаго и санитарнаго персонала".

„При такомъ очевидномъ несоотвѣтствіи госпитальныхъ учрежденій съ возраставшими съ каждымъ днемъ потребностями, необходимая правильность въ дѣлѣ эвакуаціи была недостижима; эвакуація больныхъ и раненыхъ приняла характеръ спѣшный, можно сказать, лихорадочный. При постоянномъ недостаткѣ мѣстъ въ госпиталяхъ, нерѣдко случалось, что въ транспорты назначались тяжело-раненые и больные, не выносившіе перевозки и умиравшіе въ дорогѣ. Съ другой стороны, и легко больные и раненые, для выздоровленія которыхъ было достаточно нѣсколькихъ дней отдыха и леченія, за неимѣніемъ мѣста для призрѣнія ихъ, отсылались на дальнія разстоянія, нерѣдко въ предѣлы Россіи. Потеря времени на отсылку ихъ туда и обратно не могла не отразиться явнымъ вредомъ на боевой составъ арміи".

„Самый способъ перевозки больныхъ и раненыхъ также имѣлъ не малое вліяніе на установившійся спѣшный и, какъ бы, случайный характеръ эвакуаціи. Военное вѣдомство не имѣло иныхъ средствъ къ перевозкѣ раненыхъ и больныхъ, кромѣ простыхъ, большею частію ничѣмъ не прикрытыхъ, телѣгъ, гдѣ больныхъ клали на солому и такимъ образомъ отправляли съ театра военныхъ дѣйствій до ближайшихъ госпиталей, откуда они въ такихъ же повозкахъ отправлялись далѣе чрезъ систовскій мостъ въ Зимницу и наконецъ до Фратешти. Лазаретные фургоны, имѣющіеся при частяхъ войскъ, назначенные для перевозки раненыхъ къ ближайшимъ перевязочнымъ и госпитальнымъ пунктамъ, по самой цѣли своей, не могли быть отвлекаемы для дальнихъ поѣздокъ. Такіе же фургоны, положенные при военно-времен-

ныхъ госпиталяхъ, оставались также почти вовсе безъ употребленія и изрѣдка лишь перевозили тяжело раненыхъ офицеровъ. Всѣ эти экипажи были, кромѣ того, слишкомъ тяжелы для грязныхъ и вязкихъ дорогъ въ Болгаріи и Румыніи, испорченныхъ постояннымъ громаднымъ движеніемъ обозовъ; да и число этихъ экипажей, спеціально приспособленныхъ для больныхъ, было совершенно ничтожно сравнительно съ потребностью, такъ что для транспортированія раненыхъ и больныхъ, падавшихъ тысячами, не было иныхъ средствъ, кромѣ простыхъ телѣгъ и повозокъ, изъ которыхъ былъ составленъ наемный интендантскій транспортъ".

Транспорты эти состояли изъ мѣстныхъ крестьянскихъ повозокъ. „Кто не пойметъ,—говоритъ Пироговъ,— сколько страданій вытерпѣли раненые, транспортированные на сербскихъ телѣгахъ съ восьмигранными, какъ будто нарочно для толчковъ и муки придуманными, колесами; кто не видитъ, что такой транспортъ не могъ не отозваться вредно на ходъ ранъ; кто не повѣритъ проф. Склифасовскому, что у него въ Галацѣ (при первомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай),—гдѣ раненые послѣ перевязки и операцій оставались въ госпиталѣ,—умерло самое ничтожное количество, между тѣмъ какъ послѣ второй атаки Плевны, изъ 20 ампутированныхъ, привезенныхъ съ перевязочнаго пункта въ Зимницу, всѣ погибли?" *).

Помѣщаемый ниже (на стр. 569-й) рисунокъ даетъ наглядное представленіе о подобныхъ транспортахъ.

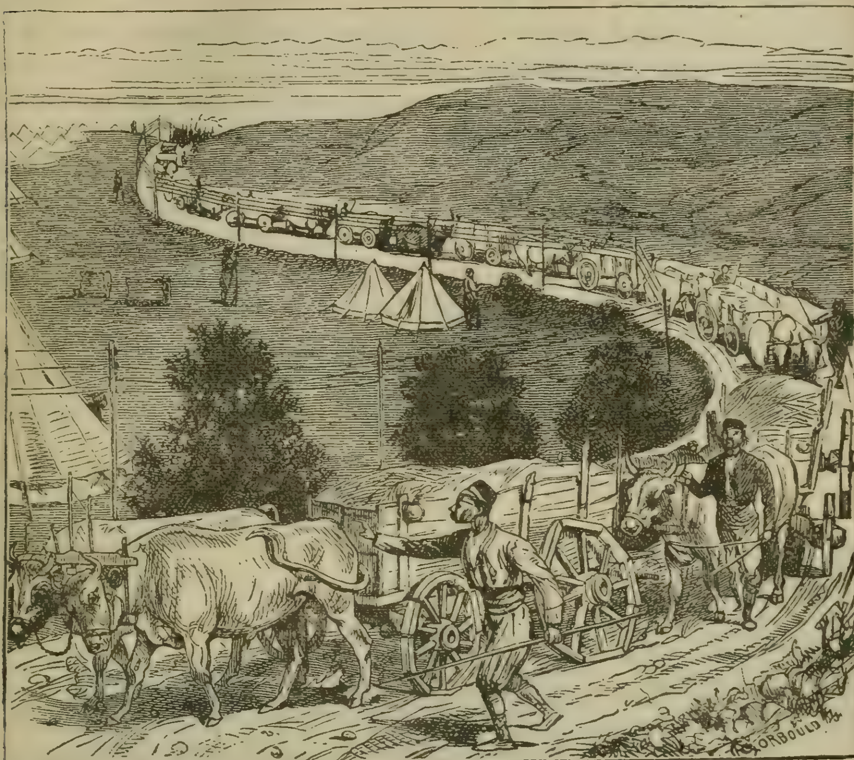
Все это происходило на глазахъ Государя.

„Когда прибывали новые транспорты раненыхъ въ Зимницу, Императоръ тотчасъ приходилъ на поле, гдѣ ихъ перевязывали, распредѣляли по палатамъ и госпиталямъ, и безъ слезъ не могъ смотрѣть на страдальцевъ, стонавшихъ въ неудобныхъ телѣгахъ" **).

„Дѣйствительно, на войнѣ нѣтъ болѣе ужасной картины, какъ видъ транспорта раненыхъ, который встрѣчается въ тылу арміи. Бой, отбитая атака, бѣгство и преслѣдованіе, все это не раздираетъ такъ душу, не имѣетъ столь потрясающихъ картинъ, которыя вы видите въ повозкахъ, везущихъ полумертвыхъ бойцовъ. Вообразите себѣ пыльную, песчаную или грязную, по ступицу колесъ, дорогу, по ко-

*) «Военно-врачебное дѣло и частная помощь».
**) Чичаговъ, «Дневникъ Царя-Освободителя».

Перевозка раненыхъ на сербскихъ телѣгахъ съ восьмигранными колесами.

торой двигаются безконечною вереницею до нѣсколько сотъ телѣгъ, запряженныхъ изнуренными отъ безкормицы лошаденками погонщиковъ, или волами; въ жару больные и раненые, безъ того одержимые лихорадкой, мучаются отъ жажды, а въ дождь они мокнутъ. Вотъ судьба всѣхъ раненыхъ, оставившихъ строй. Читатель, можетъ быть, ужасается при одной мысли о страданіяхъ храбрыхъ бойцовъ за Вѣру, Царя и Отечество, но это такъ естественно и обыкновенно на войнѣ, что бывалому человѣку даже не покажется страннымъ; слава Богу, если удастся попасть въ транспортъ, по крайней мѣрѣ тамъ васъ везутъ, а каково съ перебитой ногой или прострѣленнымъ животомъ, нѣсколько верстъ пройти пѣшкомъ, съ перевязочнаго пункта до лазарета или гос-

питаля, когда бываетъ такое количество раненыхъ, что не хватаетъ ни перевязочныхъ средствъ, ни носильщиковъ. Трястись въ скрипучей телѣгѣ, безъ пищи, иногда въ дождь и холодъ, считается на войнѣ за счастіе. Загляните въ эти телѣги: солдаты, а часто и офицеры, по два, по три сидятъ, лежатъ въ одной телѣгѣ, блѣдные, полумертвые, иногда въ обморокѣ отъ страданій, стонутъ, корчатся, кричатъ отъ боли, когда измученныя лошади, погоняемыя оборванцемъ-мужикомъ, останавливаются и потомъ сразу дергаютъ впередъ, чтобы вытащить повозку изъ невылазной грязи. Умершіе во время дороги остаются рядомъ съ живыми, нѣкоторые въ безпамятствѣ бредятъ; плачъ, рыданія—все это вы увидите и услышите!..»

Можно представить себѣ, что происходитъ тогда, когда транспортомъ овладѣетъ паника. Слѣдующій рисунокъ изображаетъ именно такой моментъ паники, возникшей 18 іюня въ транспортѣ раненыхъ изъ-подъ Плевны.

Паника въ транспортѣ раненыхъ.

5. Эвакуація больныхъ и раненыхъ въ предѣлахъ Имперіи.

Постоянная *эвакуація* больныхъ и раненыхъ была установлена въ 1877 году. Первоначально вывозъ больныхъ производился черезъ Яссы, для дунайской арміи, и Владикавказъ, для кавказской арміи, только въ одесскій, харьковскій и отчасти кіевскій округа; но, съ увеличеніемъ числа войскъ на обоихъ театрахъ войны, число эвакуируемыхъ стало быстро увеличиваться и въ концѣ августа достигло столь значительныхъ размѣровъ, что всѣ врачебныя заведенія, какъ военные, такъ и общества краснаго креста, названныхъ округовъ были переполнены, и потому явилась необходимость установить новыя правила для дальнѣйшаго распредѣленія больныхъ по внутреннему пространству Имперіи.

На основаніи вновь выработанныхъ правилъ, къ принятію и размѣщенію эвакуируемыхъ были привлечены почти всѣ внутренніе округа Имперіи.

Эвакуація больныхъ и раненыхъ изъ европейской Турціи началась въ половинѣ іюня, а изъ кавказскаго округа—въ концѣ іюля, и непрерывно продолжалась во все время нахожденія нашихъ войскъ заграницею, причемъ, съ прибытіемъ дунайской арміи въ окрестности Константинополя, къ желѣзно-дорожнымъ перевозкамъ эвакуируемыхъ присоединилась перевозка ихъ моремъ изъ С. Стефано и Бургаса въ Одессу, Николаевъ и Севастополь; больные кавказской арміи также, при первой возможности, стали перевозиться моремъ въ Севастополь и Ѳеодосію.

Размѣръ эвакуаціи можетъ быть выраженъ слѣдующими приблизительными цифрами:

	въ 1877 году	въ 1878 году.
изъ дунайской арміи . . .	69,930	56,240
изъ кавказской арміи . .	5,110	1,370
моремъ	—	65,160
	75,040	122,770

Наконецъ, въ 1879 году вывезено изъ Европейской Турціи 20,225 человѣкъ.

Слѣдовательно, вообще было эвакуировано въ предѣлы Имперіи свыше 218,000 человѣкъ *).

При размѣщеніи громаднаго количества больныхъ и раненыхъ въ предѣлахъ Имперіи не встрѣчалось особыхъ затрудненій. Но и здѣсь перевозка нерѣдко сопровождалась столь ужасными условіями, что многіе считали ее испытаніемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ полученныя раны.

„Меня очень обрадовало письмо Богдановскаго,—пишетъ Боткинъ;—надѣюсь, что онъ, съ своей стороны, высказалъ главному обществу результаты своихъ наблюденій. Мнѣ было особенно пріятно встрѣтиться съ нимъ, съ выводами, которые онъ дѣлаетъ относительно призрѣнія раненыхъ: необходимость бо̀льшаго числа госпиталей и вредное вліяніе форсированной эвакуаціи—для меня это непреложныя истины. Пироговъ, видя больныхъ въ Румыніи и не заставъ здѣсь эвакуаціи въ ея разгарѣ, повидимому, продолжаетъ поддерживать свою мысль. Сегодня я бесѣдовалъ съ главнымъ генералъ-штабъ-докторомъ и хирургомъ румынской арміи; оказывается, что онъ протестуетъ противъ эвакуаціи, смотря на нее какъ на величайшее зло—совершенно справедливо. Всякій, кто видѣлъ вблизи это дѣло, будетъ сочувствовать этому протесту“.

Рихтеръ, въ отчетѣ своемъ о дѣятельности общества краснаго креста во время войны, говоритъ, что „главное теченіе раненыхъ и больныхъ, шедшее чрезъ Систово-зимницкіе мосты, поступило въ вѣдѣніе бухарестской, а побочное изъ Добруджи—браиловской коммисіи. Обѣ эти коммисіи имѣли свои особыя эвакуаціонныя средства, соразмѣрно предстоявшему приливу больныхъ и раненыхъ; при браиловской коммисіи состоялъ одинъ санитарный поѣздъ, а при бухарестской остальные 9 поѣздовъ. Больные эвакуировались до Яссъ, гдѣ они выходили изъ предѣловъ румынскаго раіона. Но по ограниченности потребностей эвакуаціи изъ Браилова и по близости разстоянія отъ этого пункта до Яссъ, распоряженіе по замѣщенію промежуточныхъ госпиталей между Бухарестомъ и Яссами перешло всецѣло къ бухарестской коммисіи; она же вѣдала и эвакуацію изъ Фратешти. Всѣ члены ея находились, однакоже, въ Бухарестѣ, а на мѣсто были командированы 1 медикъ и 1 чиновникъ

*) «Военно-медицинскій отчетъ за войну съ Турціею 1877/78».

госпитальнаго управленія; между тѣмъ, въ Фратешти начали уже прибывать ежедневные транспорты раненыхъ послѣ первыхъ двухъ дѣлъ подъ Плевною, по нѣскольку сотъ человѣкъ"....

„Еще менѣе нормально было совершенное отсутствіе, со стороны военно-медицинскаго управленія, какихъ-либо точныхъ указаній относительно порядка распредѣленія раненыхъ и больныхъ по категоріямъ. Въ инструкціи эта наиболѣе важная отрасль дѣятельности эвакуаціонныхъ коммисій была упомянута только вскользь. Не было выработано никакихъ правилъ для руководства коммисій при отправленіи больныхъ и раненыхъ, по свойству ихъ болѣзни, въ отдаленные или ближайшіе госпитали, при назначеніи способа перевозки, въ санитарныхъ поѣздахъ или воинскихъ. На поѣзда назначались, — говоритъ Рихтеръ въ своемъ отчетѣ — безъ достаточнаго разбора, раненые и больные всѣхъ категорій: и очень тяжелые, для которыхъ перевозка была опасна, и легкіе, которыхъ не для чего было вывозить; они поправились-бы вскорѣ на мѣстѣ. Все это происходило, впрочемъ, не только отъ неимѣнія инструкціи, но главнымъ образомъ и отъ недостаточности врачебнаго персонала при эвакуаціонныхъ коммисіяхъ. Хотя въ распоряженіи ихъ находились, кромѣ 1 члена медика и его помощника, еще всѣ врачи санитарныхъ поѣздовъ, но существенной пользы они принести не могли, такъ какъ постоянно отвлекались для рейсовъ этихъ поѣздовъ. Вообще, дѣло сортировки больныхъ и раненыхъ было поставлено на столько неправильно, что послѣ перваго ознакомленія съ нимъ еще въ концѣ іюля, я счелъ,—говоритъ Рихтеръ *),—необходимымъ войти объ этомъ въ сношеніе съ полевымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ и сообщить ему, что распоряженіе объ открытіи въ Фратешти военно-временнаго госпиталя № 46 не пособило дѣлу, такъ какъ помощь его выразилась главнымъ образомъ въ продовольствіи больныхъ и раненыхъ; что-же касалось до медицинскаго, собственно, персонала, то онъ, при неполномъ комплектѣ и при множествѣ требуемыхъ госпитальнымъ положеніемъ письменныхъ занятій по пріему, выпискѣ и продовольствію больныхъ, ежедневно мѣнявшихся, былъ поставленъ въ физическую невозможность участвовать своими силами въ сортировкѣ.

*) «Красный крестъ въ Румыніи и Сѣверной Болгаріи 1877—1878 гг.».

При такихъ условіяхъ д. с. с. Приселкову было предложено содѣйствіе врачей общества краснаго креста въ этомъ важномъ дѣлѣ; для приданія-же ему возможной тщательности, особенно въ случаяхъ затруднительныхъ для распознаванія, я предлагалъ поставить во главѣ его людей вполнѣ компетентныхъ и по познаніямъ, и по положенію своему, именно для хирургическихъ случаевъ—консультанта по хирургіи при военно-медицинскомъ вѣдомствѣ и спеціально при госпиталѣ во Фратешти—доцента казанскаго университета доктора Студенскаго, а для терапевтическихъ—консультанта по внутреннимъ болѣзнямъ при обществѣ краснаго креста адъюнктъ-профессора с.-петербургской медико-хирургической академіи Ю. Т. Чудновскаго. Предложеніе это было принято д. с. с. Приселковымъ, и такимъ образомъ на врачей общества краснаго креста была спеціально возложена обязанность производить сортировку больныхъ, прибывавшихъ въ Фратешти, при содѣйствіи, конечно, врачей мѣстныхъ военныхъ госпиталей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было сдѣлано распоряженіе о переводѣ во Фратешти бухарестской эвакуаціонной коммисіи; для общаго-же направленія эвакуаціи въ Румыніи былъ назначенъ отъ военно-медицинскаго вѣдомства докторъ Жданко".

Первою заботою коммисіи было установленіе правилъ для сортировки больныхъ, прибывавшихъ въ Фратешти. По инструкціи, составленной Чудновскимъ и Студенскимъ, больные и раненые подраздѣлялись на 3 группы: къ 1-й группѣ были отнесены тяжело раненые и больные и всѣ легкіе случаи, не подлежавшіе вовсе эвакуаціи; 2-я заключала въ себѣ больныхъ и менѣе тяжело раненыхъ; больные этой категоріи оставлялись въ Фратешти, или эвакуировались не далѣе Браилова; наконецъ, къ 3-й причислялись больные, подлежавшіе непосредственной эвакуаціи до Яссъ. Въ случаѣ чрезмѣрныхъ скопленій больныхъ, инструкція допускала, въ видѣ исключенія, тяжело раненыхъ и больныхъ эвакуировать въ санитарныхъ поѣздахъ до Браилова, а легко больныхъ и раненыхъ отправлять на воинскихъ поѣздахъ, чтобы не обременять ими поѣздовъ санитарныхъ.

Сортировка производилась немедленно по прибытіи транспорта. По осмотрѣ больныхъ, имъ вручалъ сортирующій врачъ билеты съ обозначеніемъ имени и болѣзни или поврежденія: красные—для больныхъ, подлежавшихъ госпитальному леченію во Фратешти, зеленые—для второй группы, жел-

тые—для третьей и бѣлые—для сифилитиковъ; легкіе больные не получали билета, а только № отъ билета, остававшагося у врача. При размѣщеніи больныхъ на поѣзда эти билеты значительно облегчали трудъ. Но бывали случаи, что больные, получившіе красный билетъ, по которому они подлежали не эвакуаціи, а отправкѣ въ госпитали, покупали или вымѣнивали у своихъ товарищей билетъ другаго цвѣта и такимъ образомъ попадали на поѣзда подъ чужимъ именемъ. Было также много ошибокъ при сортировкѣ, въ особенности въ первое время, когда послѣ дѣлъ на Шибкѣ и подъ Плевной (30 августа) больные и раненые прибывали въ Фратешти ежедневно не менѣе 1,000, а въ нѣкоторые дни и до 3,000 человѣкъ. Но вскорѣ врачи освоились съ сортировкою, пріобрѣли въ ней достаточный навыкъ и съ конца сентября, когда приливъ больныхъ получилъ нѣкоторую правильность, случаи ошибокъ при сортировкѣ больныхъ встрѣчались уже какъ исключеніе.

Изъ общаго числа эвакуированныхъ больныхъ и раненыхъ, въ этотъ періодъ времени составлявшаго 132.851 человѣкъ, перевезено:

на поѣздахъ санитарныхъ (въ томъ числѣ и состоявшихъ изъ вагоновъ военнаго вѣдомства)	79.138	человѣкъ	(59,57%)
воинскихъ	30.200	»	(22,74%)
на судахъ санитарныхъ . .	22.247	»	(16,74%)
воинскихъ	1.266	»	(0,95%)

Такимъ образомъ, изъ общаго числа эвакуированныхъ воспользовались спеціально приспособленными санитарными поѣздами и судами 101,385 человѣкъ или болѣе 76 %; въ хозяйственномъ отношеніи они поступили на попеченіе общества краснаго креста и пользовались уходомъ его персонала; перевезенные-же на санитарныхъ баржахъ, сверхъ того, и услугами его врачей.

Остальные-же 31.466 человѣкъ (около $23^1/_2$%) были на попеченіи военнаго вѣдомства и пользовались уходомъ персонала общества краснаго креста въ меньшей мѣрѣ, только при остановкахъ на извѣстныхъ пунктахъ.

Замѣтимъ еще, что значущееся по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ отчетѣ П. А. Рихтера, общее число эвакуиро-

ванныхъ больныхъ и раненыхъ распадается на двѣ главныя категоріи *):

раненыхъ	30.302,	(29,8%)
и больныхъ	76.671,	(70,2%)

Раненые, по степени важности поврежденій, подраздѣляются на тяжело раненыхъ (5,067 человѣкъ или 16,7%) и легко раненыхъ (25.235 или 83,3%).

Число жертвъ болѣзней болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза превышало численность пострадавшихъ отъ непріятельскаго оружія и распредѣлялось по свойству болѣзней слѣдующимъ образомъ:

тифъ	10.598	чел.	(13,8%)
диссентерія	7.112	»	(9,3%)
отмороженіе	4.763	»	(6,2%)
сифилисъ	5.520	»	(7,2%)
разныя наружныя болѣзни **)	9.125	»	(11,9%)
внутрен. болѣзни ***)	39.553	»	(51,6%)

Что касается условій перевозки раненыхъ по рельсовымъ путямъ, то въ числѣ ихъ обнаружились случайныя неудобства для транспортируемыхъ въ товарныхъ вагонахъ.

„Приспособлять товарные вагоны къ удобствамъ для раненыхъ и больныхъ, вообще, не легко, а импровизировать эти удобства еще труднѣе,—говоритъ Пироговъ.—И въ Германіи, въ началѣ войны 70—71 годовъ, перевозили раненыхъ и оперированныхъ въ товарныхъ вагонахъ на соломѣ. Потомъ уже придумали помѣщать матрацы на прикрѣпленныя

*) Свѣдѣнія имѣются только о 106.973 чел., объ остальныхъ 25.878 эвакуированныхъ подробныхъ данныхъ не имѣется. Къ числу раненыхъ отнесены и контуженные.

**) Въ томъ числѣ глазныхъ 1.262.

***) Къ этой категоріи причислены: перемежающіяся лихорадки, цынга и всѣ, вообще, болѣзни, непоименованныя въ предъидущихъ рубрикахъ.

къ полу вагона лежачія рессоры. Самое трудное дѣло для раненыхъ — это вноска и выноска изъ вагона; еще труднѣе, а иногда и вовсе невозможно, оказаніе врачебной помощи во время пути въ темномъ и неимѣющемъ сквознаго хода помѣщеніи товарнаго вагона".

Ко всему этому надо еще прибавить невыносимыя для больныхъ перемѣны температуры: днемъ вагоны нагрѣваются отъ солнца—жара, доходящая до 50°Р., по ночамъ холодъ, и при этомъ во все время слѣдованія жажда, голодъ и полная безпомощность.

Для болѣе яркой иллюстраціи всего сказаннаго, мы позволимъ себѣ привести здѣсь слова очевидца, описывающаго положеніе русской арміи послѣ плевненскихъ сраженій, когда число санитарныхъ поѣздовъ не достигло еще той цифры, до какой оно дошло въ январѣ, и когда вслѣдствіе этого транспортъ раненыхъ производился самымъ безпорядочнымъ образомъ.

„22 августа 1877 г. въ Курскъ прибылъ эвакуаціонный поѣздъ изъ 24 товарныхъ вагоновъ съ 400 ранеными, изъ коихъ половина имѣла тяжкія поврежденія. Вагоны эти еще не задолго передъ тѣмъ служили для перевозки скота; они не были ни очищены, ни дезинфекцированы; въ нихъ не было оконъ, а двери пришлось держать закрытыми, такъ какъ несчастные раненые, страдавшіе лихорадкою, лишены были одѣялъ, матрацовъ и подушекъ. Все это замѣняла имъ солдатская шинель. На весь поѣздъ былъ всего одинъ врачъ, причемъ устройство вагоновъ позволяло ему переходить изъ одного вагона въ другой только при остановкѣ поѣзда. Во всемъ поѣздѣ не было даже ведра съ водою для питья солдатамъ, умиравшимъ отъ жажды; горячая пища давалась только разъ въ сутки" *).

6. Заболѣваемость и смертность.

Въ разсчеты, по первоначальнымъ предположеніямъ военнаго вѣдомства, входило обезпечить врачебной и санитарной помощью армію до 650.000 чел.; между тѣмъ, въ общемъ

*) Martner, «Emploi des chemins de fer pendant la guerre d'Orient 1877—1878».

выводѣ за трехлѣтіе (1877, 1878 и 1879), подводя итогъ движенію заболѣваемости, получились слѣдующія цифры:

	Заболѣло.	Умерло.
въ 1877 г.	1,333.626	33.137
„ 1878 „	1.734,563	70.579
„ 1879 „	1.087.303	13.402

Другими словами, изъ каждой 1.000 чел. списочнаго состава:

	Заболѣло.	Умерло.
въ 1877 г.	985,5	24,5
„ 1878 „	1.115,4	45,4
„ 1879 „	1.008,0	12,4

Впрочемъ, для полнаго выраженія санитарнаго состоянія арміи, необходимо принимать въ разсчетъ убыль войскъ, происходившую отъ зачисленія нижнихъ чиновъ въ категорію неспособныхъ. Убыль эта во всѣхъ русскихъ войскахъ за тѣже годы представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

	I статьи.	II статьи.	III статьи.	Всѣхъ статей.
въ 1877 г.	3.271	28.381	18.842	50.494
„ 1878 „	9,379	41.476	20.750	71.605
„ 1879 „	1.358	29.013	11.294	41.665

На 1.000 чел. средняго списочнаго состава всей арміи зачисленныхъ въ категорію неспособныхъ приходилось:

	I статьи.	II статьи.	III статьи.	Всѣхъ статей.
въ 1877 г.	2,35	20,30	13,47	36,12
„ 1878 „	6,02	26,66	13,34	46,02
„ 1879 „	1,26	26,91	10,47	38,64

Чтобы получить общую цифру убыли людей изъ состава арміи, слѣдуетъ къ цифрѣ умершихъ прибавить: исключенныхъ по болѣзни въ отставку (III статья неспособныхъ),

80% изъ числа уволенныхъ въ отпуски по болѣзни (II ст. неспособныхъ) и убитыхъ въ теченіе послѣдней кампаніи.

Послѣдняя категорія убыли, по отчетамъ главнаго штаба, состояла изъ 14.000 чел. въ 1877 году, 450 чел. въ 1878 г. и 220 чел. въ 1879 году. Прибавляя эти цифры къ итогу общей убыли, понесенной русской арміей, получимъ въ общемъ выводѣ, что за эти три года безвозвратная ея потеря въ людяхъ равнялась:

въ 1877 г.	89.683 ч.	или 64,10	на 1.000 ч.	списочнаго состава.
„ 1878 „	124.959 „	„ 80,36	„ „	„ „
„ 1879 „	58.124 „	„ 53,88	„ „	„ „

Въ какой степени исключительныя обстоятельства увеличили убыль арміи въ 1877—1879 годахъ, а также отчасти и въ 1876, видно изъ слѣдующаго сопоставленія, заимствованнаго изъ „Военно-мединскаго отчета за войну съ Турціею“.

Общая убыль на 1.000 чел. списочнаго состава за пять лѣтъ 1871—1875, въ среднемъ выводѣ, составляла 24,04.

Въ 1876 году она равнялась . . .	26,07
„ 1877 „ „ „ . . .	64,10
„ 1878 „ „ „ . . .	80,36
„ 1879 „ „ „ . . .	53,88

Болѣзни, повлекшія въ 1877 году наибольшую убыль, располагались въ такомъ порядкѣ:

	Число умершихъ.	Что составляетъ на 1.000 ч. списочнаго состава.
диссентерія	3.529	9,28
раненія	1.725	4,55
брюшной тифъ	1.191	3,13
свѣжія заболѣванія пищеварительныхъ органовъ	540	1,42
обмороженія	408	1,08
легкія формы тифа	385	1,02
свѣжія заболѣванія дыхательныхъ органовъ	377	0,99
сыпной тифъ	351	0,92
затяжныя заболѣванія внутреннихъ органовъ	219	0,58
перемежающіяся лихорадки .	189	0,49

Для 1878 года порядокъ болѣзней, по степени смертности, былъ нѣсколько иной:

	Число умершихъ.	Что составляетъ на 1.000 ч. списочнаго состава.
сыпной тифъ	7.600	16,36
брюшной тифъ	4.978	10,71
диссентерія	4.769	10,26
возвратный тифъ	3.366	7,24
перемежающіяся лихорадки .	1.092	2,35
легкія формы тифа	974	2,09
свѣжія заболѣванія дыхательныхъ органовъ	946	2,03
раненія	824	0,77
обмороженія	813	1,75
свѣжія заболѣванія пищеварительныхъ органовъ	694	1,49

Нельзя не замѣтить, что эти цифры служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ необычайной выносливости русскаго солдата.

„Война 1877 года, — говоритъ Пироговъ, — была не быстротечная, какъ, напримѣръ, итальянская 1859 года или австро-прусская 1866 года; театръ войны располагался въ полудикой странѣ, въ нездоровыхъ мѣстностяхъ; помѣщенія въ Болгаріи были самыя примитивныя, весьма часто не защищавшія больныхъ отъ холода, вѣтра и сырости; раненые нерѣдко были изнурены предшествовавшими лишеніями, неудобными грунтовыми транспортами, и, не смотря на все это, если сравнимъ нѣкоторыя, извѣстныя изъ другихъ войнъ, данныя, то увидимъ, что почти ни одна война у западныхъ народовъ, не исключая и войны 70—71 годовъ, не проходила безъ появленія тѣхъ видовъ зараженія, которые вовсе не встрѣчались у насъ“.

Присмотримся теперь къ заболѣваемости регулярныхъ войскъ по родамъ оружія за все время войны.

На 1.000 человѣкъ списочнаго состава заболѣло за все время:

въ инженерныхъ войскахъ	4.388
„ пѣхотѣ	4.305
„ артиллеріи	3.298
„ кавалеріи	2.638

Но такъ какъ эти цифры получены изъ общаго числа заболѣваній, включая и околодочныхъ, а околодочная отчетность по кавалеріи относительно менѣе полна, то для сравненія необходимо привести вычисленія относительно однихъ лазаретныхъ и госпитальныхъ больныхъ, т. е., за исключеніемъ околодочныхъ. При этомъ получаются слѣдующія цифры.

На 1.000 человѣкъ списочнаго состава заболѣло за все время:

въ пѣхотѣ	1.433
„ артиллеріи	1.042
„ инженерныхъ войскакъ	1.010
„ кавалеріи	644

Оказывается, что кавалерія находилась въ самомъ лучшемъ положеніи, такъ какъ только $^{3}/_{5}$ состава ея болѣли, между тѣмъ какъ въ пѣхотѣ каждый служащій былъ, въ среднемъ, 1,4 раза въ госпиталѣ, артиллеристъ же и саперъ не менѣе одного раза.

Для смертности же получаются слѣдующія цифры:

На 1.000 чел. списочнаго состава умерло:

	За все время.	Въ годъ.
въ пѣхотѣ	156	95
„ артиллеріи	91	54
„ инженерныхъ войскахъ.	85	39
„ кавалеріи	60	28

Т. е. пѣхота дала въ $2^{1}/_{2}$ раза большую смертность, чѣмъ кавалерія.

Замѣтимъ, что нѣкоторыя отдѣльныя части по годичной смертности распредѣлялись отъ 276 на тысячу человѣкъ состава (40 дивизія) до 12 (20 дивизія), между тѣмъ какъ для кавалерійскихъ дивизій наибольшая смертность была 85, наименьшая же 9. Въ артиллерійскихъ бригадахъ колебанія смертности заключались между 75 и 14 на тысячу человѣкъ состава.

Изъ вспомогательныхъ войскъ громадную смертность дали госпитальные служители, а именно 125 на тысячу.

Нельзя, однако, не упомянуть о пропущенномъ въ отчетѣ значительномъ % сифилитиковъ. На 300,000-ю армію 2,2%,

сифилитиковъ (ихъ было 7,149) не мало. Къ сожалѣнію, процентъ сифилитиковъ въ другихъ арміяхъ и войнахъ мнѣ неизвѣстенъ, — говоритъ Пироговъ.

Чрезъ Фратешти въ первые 6 мѣсяцевъ кампаніи, изъ 36.893 отправленныхъ въ Россію, оказалось 1.893 сифилитика.

Сильное развитіе глазныхъ эпидемическихъ болѣзней также не говоритъ въ пользу предусмотрительности администраціи.

Но возможно-ли придавать значеніе вышеприведеннымъ общимъ цифрамъ, если, напримѣръ, Боткинъ по этому поводу говоритъ, что администрація обращала вниманіе исключительно на внѣшнюю сторону дѣла и что если процентъ больныхъ въ госпиталяхъ былъ невеликъ, то зато пудами изводился хининъ для заболѣвшихъ поносомъ, которыхъ удерживали, не отпускали въ госпиталь?

Одно изъ самыхъ сильныхъ обличеній администраціи слѣдующее: „Вчера прислалъ мнѣ П., — говоритъ Боткинъ, — возраженіе, написанное однимъ изъ докторовъ-чиновниковъ, на нападки въ журналахъ на недостатокъ призрѣнія раненыхъ. Такъ какъ въ статьѣ упоминается фраза Государя, то необходима для печати подпись министра двора, о чемъ и просилъ меня П., присылая эту статью. Я въ ужасъ пришелъ отъ безстыдства, съ которымъ отвергаются въ статьѣ всѣ факты, истинность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Конечно, министръ двора не подписалъ, и я возвратилъ статью съ обѣщаніемъ поговорить о ней при личномъ свиданіи. Вмѣсто того, чтобы признать истину, что 9.500 человѣкъ не могутъ быть своевременно осмотрѣны, перевязаны, накормлены и отправлены десятью врачами, и вмѣсто того, чтобы указать на громадныя усилія медицинскаго персонала сдѣлать что можно, — они вздумали отвергать факты, утверждая, что все было такъ хорошо, что лучшаго и желать нельзя“.

Боткинъ потребовалъ, чтобы послѣ прибытія раненыхъ изъ Шипки, его объ этомъ извѣстили для возможности осмотра такого транспорта, и вотъ что онъ пишетъ отъ 20 августа:

„Двѣнадцать часовъ, часъ завтрака, разогналъ компанію а тутъ объявили о транспортѣ раненыхъ офицеровъ изъ-подъ Шипки, которыхъ обѣщали чуть не цѣлую недѣлю и не везли повидимому изъ-за того, что собирали перевязочныя средства приличнаго вида. На этотъ разъ задолго до прихода

транспорта мнѣ объявили, что везутъ офицеровъ; ожидая встрѣтить все въ наилучшемъ видѣ, я и не торопился, отправился послѣ завтрака и тѣмъ не менѣе все-таки засталъ всѣ повозки на полѣ, раненыхъ уже успѣли и вынести, и переодѣть. Всѣ повозки были наилучшаго вида, съ приспособленіями Завадовскаго или Коссинскаго, съ брезентами отъ солнца. Во всей арміи существуетъ, кажется, 300 повозокъ съ какими-нибудь приспособленіями, а обыкновенно самая элементарная телѣга должна доканчивать дѣло, начатое турками" *).

7. Содѣйствіе частныхъ обществъ и лицъ.

Частная благотворительность, проявившаяся во все время войны самымъ многостороннимъ образомъ, оказала раненымъ и больнымъ весьма существенную услугу. Во первыхъ, благотворною въ высшей степени оказалась дѣятельность общества краснаго креста, располагавшаго значительными средствами и сопровождавшаго войска своимъ попеченіемъ.

Общій итогъ больныхъ и раненыхъ, воспользовавшихся помощью общества краснаго креста, составилъ 344.946 человѣкъ въ теченіе 734.590 дней.

Въ дѣятельности общества участвовало: по административной и хозяйственной части для румынскаго и болгарскаго театровъ войны 36 уполномоченныхъ и 14 агентовъ; по врачебной и санитарной части 46 врачей и 1 фармацевтъ, 38 студентовъ, 52 фельдшера, 22 слушательницы высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ и 21 фельдшерица; сверхъ того, 519 сестеръ милосердія, изъ коихъ 155 состояли собственно при учрежденіяхъ общества краснаго креста, а 364 при военныхъ госпиталяхъ, въ качествѣ штатныхъ сестеръ, или особо прикомандированныхъ къ нимъ для усиленія штатнаго персонала".

Кромѣ суммъ переходящихъ, въ количествѣ 1.587,293 франк. 93 сант., поступившихъ и израсходованныхъ для разныхъ постороннихъ надобностей, управленіе общества краснаго креста въ Румыніи получило для предстоявшей ему цѣли 5.234,326 фр. 35 сант. **).

*) С. П. Боткинъ, «Письма изъ Болгаріи» 1877.

**) «Красный Крестъ въ Румыніи и Сѣверной Болгаріи» 1877—78 г. Отчетъ П. А. Рихтера.

Но уже въ самомъ началѣ войны замѣчается отсутствіе порядка и распорядительности. 12 іюня 1877 г. Боткинъ писалъ, что въ госпиталяхъ «съ хининомъ скупятся, стѣсняясь каталогомъ. Отсутствіе ухода сестеръ очень чувствуется, а благодаря упорству кн. Ч. главноуполномоченнаго общества краснаго креста, держащаго цѣлую массу сестеръ на этапахъ безъ больныхъ, община не имѣетъ возможности отдѣлить нѣсколько человѣкъ сестеръ на госпитали. Какое счастье для краснаго креста, что этотъ помѣщикъ оставляетъ, по крайней мѣрѣ, румынскій красный крестъ! Личность Ч., въ высшей степени самолюбиваго, властолюбиваго, невозможна для такого учрежденія, какъ красный крестъ. Ч. хотя и умный человѣкъ, но крайне сухой, и въ силу главнѣйшихъ свойствъ своего характера всталъ почти со всѣми въ очень рогатыя отношенія; повидимому, между А. и Ч. не существуетъ никакой солидарности; между отдѣльными лицами штаба краснаго креста положительные нелады или отношенія подчиненныхъ къ непріятному начальнику; отношенія Ч. къ военному вѣдомству тоже не совсѣмъ благопріятныя для дѣятельности краснаго креста. Надо надѣяться, что Р. поправитъ то, что̀ испортилъ Ч., и, вѣроятно, уменьшитъ то непомѣрное число уполномоченныхъ, которыми окружилъ себя Ч.»....

И далѣе отъ того-же числа: «Подъ Плевной много раненыхъ и мало̀ врачей, благодаря неправильному распредѣленію медицинскихъ силъ. Значительная часть медицинскаго персонала краснаго креста сидитъ безъ дѣла и ждетъ на этапахъ больныхъ, а въ Никополѣ больные по пяти дней ждали перевязки — румынскіе врачи отказались помогать нашимъ раненымъ! Это вѣрно: они сказали, что это не ихъ дѣло!!!»

Но если такого рода печальныя явленія происходили въ высшихъ сферахъ управленія обществомъ, то исполнительные органы въ большинствѣ превзошли себя усердіемъ къ дѣлу помощи.

Пироговъ говоритъ: „Врачебный персоналъ частной помощи дѣйствовалъ, въ нынѣшнюю войну, какъ и военные врачи, съ такимъ самоотверженіемъ и, прибавлю, съ такимъ знаніемъ дѣла, что, можно сказать, превзошелъ себя. Смѣло можно утверждать, что ни въ одной изъ нашихъ прошедшихъ войнъ не было такого интеллектуально-научнаго капитала

на театрѣ военныхъ дѣйствій, какъ въ нынѣшнюю. Встрѣчалось, однако-же, одно обстоятельство, на которое нельзя не указать. Врачи кр. кр., взятые частью изъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, частью изъ клиникъ и вольнопрактикующихъ, не имѣли общаго для нихъ медицинскаго начальства, и отношенія ихъ къ уполномоченнымъ кр. кр. не были вполнѣ регулированы. Это мнѣ кажется пробѣломъ, дававшимъ поводъ къ недоумѣніямъ, а иногда и столкновеніямъ въ госпиталяхъ кр. кр. Врачи считали себя, по справедливости, отвѣтственными за санитарное состояніе госпиталя, а между тѣмъ, хозяйственныя и административныя распоряженія, такъ сильно вліяющія на санитарное состояніе, зависѣли не вездѣ отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ частной помощи, врачи завѣдывали вполнѣ самостоятельно хозяйствомъ госпиталя, — и санитарное дѣло шло отлично. Неимѣніе своего непосредственнаго представителя, у врачей кр. кр., невыгодно вліяетъ на ихъ дѣятельность".

Упоминая о женскомъ санитарномъ персоналѣ и Пироговъ, и Боткинъ, и главноуполномоченный общества краснаго креста въ своихъ отчетахъ единогласно признаютъ заслуги ихъ и отзываются о нихъ съ величайшей похвалой.

„Русская женщина, въ званіи сестры милосердія, пріобрѣла себѣ почетную славу въ минувшую кампанію, стяжала неотъемлемое, всенародно признанное, право на всеобщую признательность и уваженіе, какъ лучшій другъ солдата среди страданій и болѣзни". Сестры милосердія не только безропотно выполняли возложенныя на нихъ обязанности, но часто работали сверхъ силъ; выполняя строго распоряженія врачей, онѣ, при уходѣ за больными, окружали ихъ ничѣмъ незамѣнимою женскою заботливостью и неподдѣльнымъ состраданіемъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не осталось въ воспоминаніяхъ и отзывахъ очевидцевъ о дѣятельности фельдшеровъ.

„Разительную противоположность противъ фельдшеровъ составляли фельдшерицы, и преимущественно изъ воспитанницъ спб. дамскаго лазаретнаго комитета,—говоритъ П. Рихтеръ. — Онѣ работали въ наиболѣе трудныхъ пунктахъ, въ Зимницѣ и Фратешти, и заслужили общее уваженіе своею примѣрною дѣятельностью, въ связи съ серьезной научной подготовкой". Положеніе и больныхъ, и самого санитарнаго

персонала могло бы быть много облегчено, если бы не ужасный недостатокъ порядочной санитарной прислуги и, вообще, людей для всякаго рода низшихъ должностей, чернорабочихъ, кучеровъ и т. п., ощущавшійся во все время дѣятельности общества краснаго креста въ Румыніи и Болгаріи".

8. Помощь раненымъ въ турецкой арміи.

Не смотря на то, что общество краснаго креста учреждено въ 1869 году, въ Турцію мало проникли заботы объ участи раненыхъ и заболѣвшихъ на войнѣ.

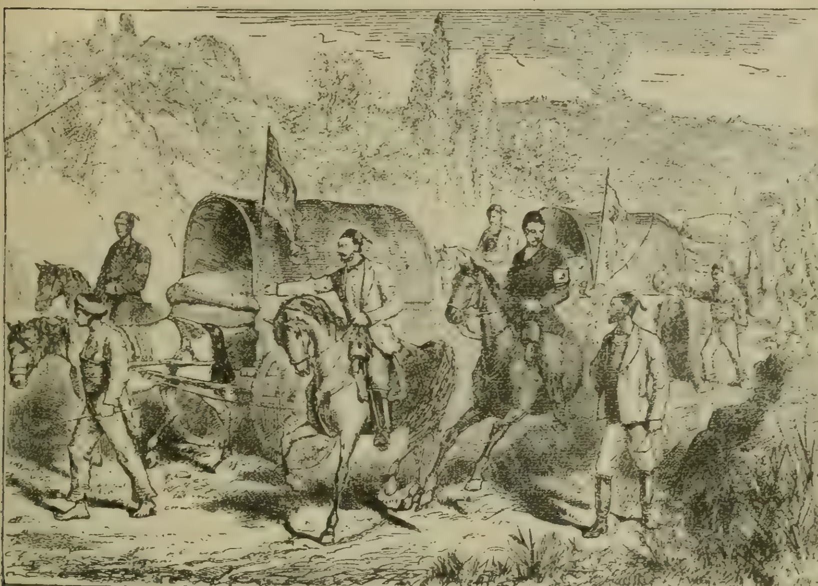
Въ Константинополѣ существовалъ еще до международной конференціи въ Берлинѣ въ 1869 году—центральный комитетъ краснаго креста, уставъ котораго былъ тождественный съ уставомъ, выработаннымъ женевской конвенціей и ея добавочными статьями, и даже съ заключеніями первой международной конференціи въ Парижѣ въ 1867 году. Этому комитету, въ составѣ котораго находились и женщины, удалось сначала основать въ провинціи нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, но, не смотря на его наименованіе „оттоманскаго комитета", турецкое населеніе сторонилось отъ него. За нѣсколько лѣтъ до начала послѣдней русско-турецкой войны, онъ окончательно прекратилъ свое существованіе, такъ что пришлось создать новую организацію, что и было сдѣлано при англійской и австрійской помощи. Турція, приняла нейтральнымъ значкомъ своихъ военно-санитарныхъ дѣйствій красный полумѣсяцъ, вмѣсто краснаго креста.

Во главѣ международной помощи, стояла Англія, какъ по энергіи дѣйствующихъ лицъ, такъ и по обилію средствъ. Въ іюлѣ 1877 года открыли свои дѣйствія въ главныхъ военныхъ пунктахъ главнѣйшія изъ англійскихъ санитарныхъ учрежденій. Лондонскій „Stafford House-Comitee" содержалъ 82 человѣка, которые во время кампаніи оказывали помощь въ 34 различныхъ мѣстностяхъ (между прочимъ и на Шипкѣ, въ Плевнѣ, Эрзерумѣ и т. д.) не менѣе какъ 71.200 человѣкамъ больныхъ и раненыхъ *).

*) «Das internationale Rote-Kreuz». «Jahrbücher für deutsche Armee und Marine».

Слѣдующій рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе объ англійской санитарной экспедиціи.

Англійская санитарная экспедиція въ турецкой арміи въ 1877—1878 гг.

Англійское „національное общество" („National Society") снарядило пароходъ съ 4-мя амбулаторіями. которыя были размѣщены въ Варнѣ, Адріанополѣ, Батумѣ и Эрзерумѣ. Пароходъ служилъ попеременно эвакуаціоннымъ и госпитальнымъ судномъ. Это же общество содѣйствовало виконтессѣ Странгфордъ къ основанію шести больницъ, въ которыхъ съ большимъ успѣхомъ примѣнялся женскій уходъ за больными турками. Англійскій орденъ Іоаннитовъ поставилъ цѣлый санитарный поѣздъ. Англійскимъ обществомъ краснаго креста принимались на службу агенты, доктора и служители, знакомые съ языкомъ мѣстностей театра войны. Средства, собранныя Австріей и Венгріей для содѣйствія „добровольному обществу" поданія помощи раненымъ и больнымъ на театрѣ русско-турецкой войны, были весьма значительны. Особенно важна была помощь, оказанная ими при организаціи санитарныхъ заведеній. Итальянское общество краснаго креста развило лѣтомъ 1877 года живую между-

народную дѣятельность. Его пожертвованія въ пользу русскихъ и турецкихъ больныхъ отправлялись сначала прямо въ Бухарестъ и Константинополь, а затѣмъ, когда открылась дѣятельность тріестскаго агентства международнаго женевскаго общества — въ Тріестъ Агентству оказывалась помощь, предоставленіемъ ему помѣщеній для складовъ, городомъ Тріестомъ. Столь же значительную помощь отдѣлъ краснаго креста получилъ отъ австрійскаго Ллойда, а также и отъ прочихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ, въ видѣ разрѣшенія дароваго, или за значительно уменьшенную плату, провоза. Изъ Бельгіи и Голландіи помощь поступала отъ центральныхъ комитетовъ. Первая препровождала деньги въ Женеву, вторая снабжала средствами, между прочимъ, реформатское голландское общество въ Петербургѣ для устройства лазарета на мѣстѣ театра войны. Турецкому центральному комитету посылались изъ Гааги щедрыя пожертвованія деньгами, перевязочнымъ матеріаломъ и хирургическими инструментами.

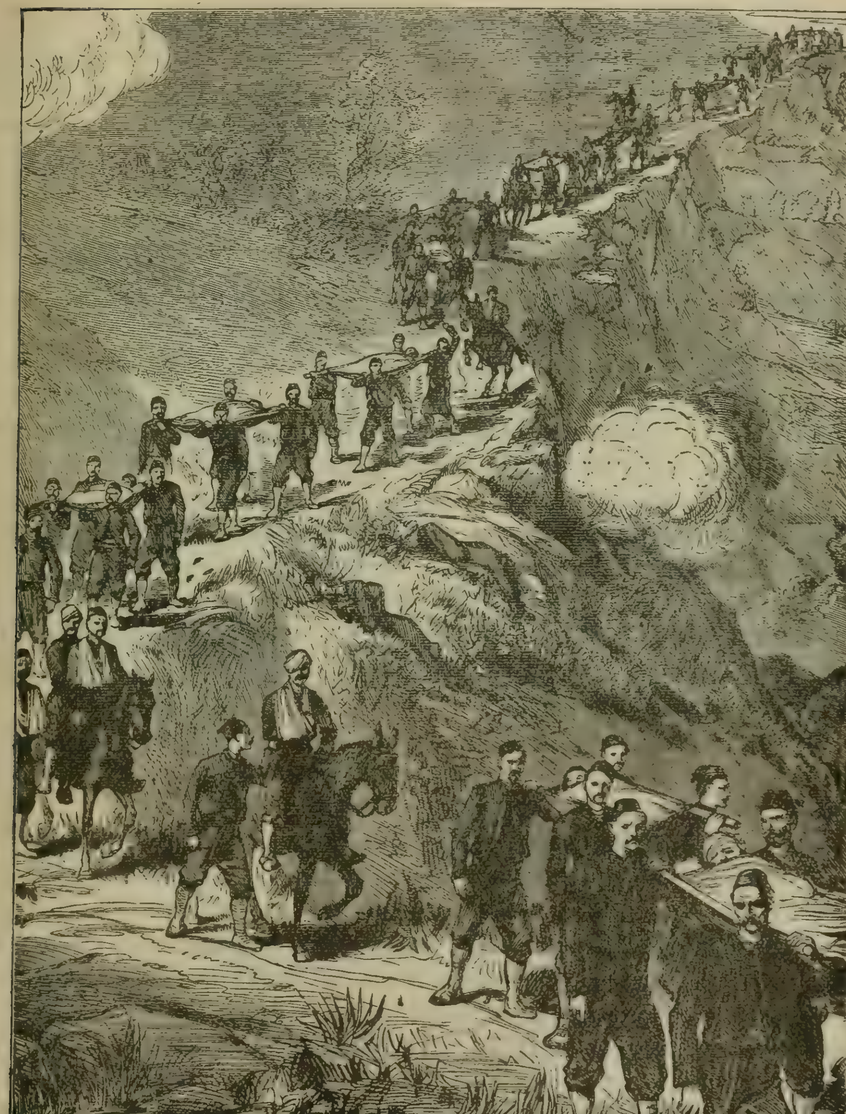
Но все это оказывалось каплей въ морѣ. Корреспондентъ «Times'а» писалъ изъ Плевны:

„До 29-го числа октября весьма много изъ нашихъ больныхъ и раненыхъ, находившихся не только въ такъ называемыхъ госпиталяхъ, но большею частію и въ частныхъ домахъ въ Плевнѣ, отправляли въ Орханіэ; но и здѣсь ихъ еще очень много, и каждый день люди умираютъ въ мучительной агоніи единственно по недостатку ухода за ними. Со времени отъѣзда англійскихъ хирурговъ Стафордъ-гоуза, въ Плевнѣ, какъ мнѣ извѣстно, не осталось ни одного европейскаго доктора; раненые умираютъ и никто нисколько не заботится о спасеніи ихъ жизни, такъ какъ нельзя же признать за радикальныя пособія тѣ дѣтскія средства, къ которымъ прибѣгаютъ турецкіе врачи; напримѣръ, въ случаѣ раны пулею въ бедро, они крѣпко перевязываютъ всю ногу отъ большого пальца до верхней части бедра, останавливая такимъ образомъ обращеніе крови, вслѣдствіе чего паціентъ погибаетъ вовсе не отъ той болѣзни, отъ которой его лѣчатъ".

Но за то тамъ, гдѣ турецкими врачами руководили европейскіе, результаты получались благопріятные, благодаря безпрекословности турецкихъ врачей, съ какою они исполняли съ точностью всѣ предписанія болѣе знающихъ медиковъ.

Помѣщаемый здѣсь рисунокъ изображаетъ процессъ перенесенія турецкихъ раненыхъ подъ Шипкой.

Перенесеніе турецкихъ раненыхъ подъ Шипкой.

V.

Средства для поданія помощи раненымъ въ будущей войнѣ.

Вопросъ объ оказаніи помощи раненымъ на самомъ полѣ битвы, доставкѣ ихъ къ перевязочнымъ пунктамъ и дальнѣйшемъ транспортированіи ихъ принадлежитъ въ настоящее время къ весьма спорнымъ вопросамъ. Одни утверждаютъ, что при свойствахъ современнаго огня придется вернуться къ порядку прошлыхъ столѣтій, т. е. просто оставлять раненыхъ на полѣ битвы до окончанія сраженія; другіе же говорятъ, что какихъ бы усилій и жертвъ ни требовало оказаніе немедленной санитарной помощи, оно необходимо для самаго успѣха военныхъ дѣйствій.

Оставленіе раненыхъ на полѣ битвы имѣло бы столь печальныя послѣдствія, что трудно было бы разсчитывать на готовность современныхъ солдатъ подвергать себя такой участи. При полетѣ ружейныхъ пуль и частицъ артиллерійскихъ снарядовъ, покрывающихъ огромныя площади, вѣроятность новаго пораженія лежащихъ раненыхъ очень велика. Но и положеніе оставшихся въ живыхъ будетъ очень тяжелое.

Бои будутъ продолжительны; многіе думаютъ, что они будутъ длиться два дня и болѣе. Съ наступленіемъ ночи, уборка раненыхъ сдѣлается чрезвычайно затруднительной, если не невозможной.

Кромѣ того, бездымность поля битвы сдѣлаетъ то, что раненые будутъ постоянно на виду своихъ товарищей, и это должно будетъ вліять на духъ войскъ.

Страданія раненыхъ будутъ столь ужасны, что, пожалуй, въ сравненіи съ ними, быстрая смерть отъ непріятельской пули могла бы явиться благодѣяніемъ. Удручающимъ будетъ чувство безпомощности, какъ у остающагося на полѣ битвы раненаго солдата, такъ и у его товарищей, видящихъ его муки, не имѣющихъ возможности помочь ему и сознающихъ, что, можетъ быть, и ихъ самихъ вскорѣ постигнетъ такая же участь.

Возможно-ли подвергать подобному испытанію современныя массовыя арміи? Большинство авторовъ отвѣчаютъ на это отрицательно.

Приложеніе къ стр. 591, тома V.

Уборка раненыхъ послѣ битвы при Велестино въ греко-турецкую войну 1897 года.

1. Возможна-ли будетъ уборка раненыхъ во время боя?

Профессоръ Павловъ *) говоритъ: ,,Существенной разницей въ будущей войнѣ противъ даже послѣднихъ войнъ должна представиться количественная величина раненыхъ соотвѣтственно вводимымъ милліоннымъ арміямъ. Общая численность раненыхъ возрастетъ до огромнаго числа. Можетъ образоваться особенное *скученіе раненыхъ.* При этомъ какъ бы ни были сравнительно благопріятны раненія, но они могутъ повести къ другимъ послѣдствіямъ, если не будетъ организована и соотвѣтственная санитарная помощь. Вопросъ объ организаціи будущей помощи со времени введенія новаго оружія очень осложняется, а потому у насъ и заграницей поднялись возгласы объ ужасахъ будущей войны. Заговорили о необходимости организаціи большаго числа носильщиковъ, санитаровъ и т. д. Будто-бы потребуется еще своего рода армія изъ такихъ лицъ для поданія первой помощи и выноса раненыхъ съ полей битвъ. Конечно, съ возрастающимъ числомъ раненыхъ необходима и возрастающая помощь, но гдѣ ее взять и на какомъ предѣлѣ можно остановиться?"

„Увеличеніе численности арміи не можетъ встрѣчать тѣхъ препятствій, какія существуютъ для образованія маломальски опытныхъ санитаровъ и вообще санитарнаго персонала. Въ случаѣ войны, численность арміи увеличивается приказомъ. Дисциплинированіемъ создается ея воинственность. Опытныхъ же санитаровъ создать приказомъ и дисциплиной нельзя. Между тѣмъ, раненый солдатъ является не помощью войску, а бременемъ, и такое бремя сдается на попеченіе врачебному сословію. Но когда раненые могутъ попасть собственно въ руки врача при будущихъ войнахъ? Сказавъ, обыкновенно **„поздно“**, мы конечно будемъ правы".

„Во время старыхъ войнъ, при плохомъ огнестрѣльномъ оружіи, первые врачебные пункты могли находиться не далеко отъ сражавшихся. Дальнобойное оружіе отдалило ихъ, а при будущей войнѣ съ улучшеннымъ оружіемъ передовые перевязочные пункты должны быть устраиваемы еще дальше

---

*) Павловъ, «О значеніи вооруженія арміи малокалиберными ружьями».

отъ линіи огня. Прежде выносили раненыхъ на глазахъ у непріятеля, теперь же едвали *гуманно* заниматься выносомъ раненыхъ во время боя съ неособенно далекихъ отъ непріятеля дистанцій при усовершенствованномъ въ дальнобойности и мѣткости ружьѣ. Могутъ быть выбиты пулями и санитары и убиты выносимые раненые. Получившій рану солдатъ изъ чувства самосохраненія, зная качества новаго ружья, будетъ скорѣе прятаться, а не показываться непріятелю. Залеганіе въ цѣпи стрѣлковъ также очень затруднило бы санитарамъ отыскиваніе раненыхъ *). Такимъ образомъ, выносъ раненыхъ съ полей битвъ во время сраженій долженъ уменьшиться. Чаще всего раненые останутся предоставленными самимъ себѣ или попеченію сосѣда-товарища, до окончанія боя или до наступленія благопріятныхъ моментовъ къ удаленію".

И дѣйствительно, уборка раненыхъ съ поля битвы при настильности современныхъ ружей будетъ чрезвычайно затруднительна и опасна. Докторъ Портъ говоритъ, что теперь уже нельзя столь заботливо отдаваться попеченію объ уборкѣ раненыхъ съ поля битвы, какъ прежде, т. е. соблюдая прежніе пріемы помощи,—именно нельзя уже держащимъ носилки стоять прямо, причемъ раненый возвышался бы надъ землей приблизительно на 80 сант. На всѣхъ мѣстахъ, не представляющихъ значительнаго прикрытія, это было бы вѣрной смертью, какъ для носильщиковъ, такъ и для раненаго. Пригибаніе къ землѣ, ползанье на ней—единственно удобный способъ и для уборки раненыхъ. Изъ-за невозможности переноски раненыхъ по прежнему способу, нельзя отказаться отъ уборки ихъ во время самаго сраженія, нельзя возвратиться къ старому правилу, которымъ предписывалось заниматься ранеными уже послѣ окончанія битвы. Напротивъ, нужно стремиться къ тому, чтобы приспособить устройство санитарной службы къ новымъ условіямъ и раненыхъ при уборкѣ поднимать надъ землей лишь настолько, чтобы и сами носильщики и раненый скрывались бы по возможности за неровностями почвы. Этотъ способъ уборки раненыхъ долженъ быть изученъ въ мирное время, чтобы носильщики были опытными въ дѣлѣ.

*) Для нагляднаго представленія залеганія стрѣлковъ, мы помѣщаемъ въ приложеніи (см. прил. къ стр. 592) видъ залегшей цѣпи по фотографіи, сдѣланной, для выставки въ Буда-Пештѣ, австрійскимъ отдѣломъ «краснаго креста».

Залегшая цѣпь стрѣлковъ.

Переноска раненыхъ съ поля битвы.

Чтобы убѣдиться, на сколько опасна открытая уборка раненыхъ, присмотримся только къ рисунку выноски раненыхъ съ поля битвы, помѣщенному нами въ приложенiи (см. прил. къ стр. 593; рисунокъ воспроизведенъ съ фотографiи, сдѣланной для выставки въ Буда Пештѣ австрiйскимъ отдѣломъ краснаго креста).

Въ виду такого положенiя, д-ръ Портъ предлагаетъ два способа, по его мнѣнiю, самые удобные для перевозки раненыхъ ближе къ землѣ: 1) перевозки на носилкахъ съ вальками; 2) перевозки на тачкахъ, у которыхъ носилки висятъ подъ осями (система Мооji).

Смотря по характеру почвы, можно выбирать тотъ или другой способъ перевозки. Носильщики должны для этой цѣли быть снабжены двумя вальками, которые легко ставить въ случаѣ надобности на мѣсто.

Въ качествѣ третьяго предмета снабженiя, нужно было бы прибавить еще лопатку, которой можно было бы уравнивать неровности почвы. Наконецъ, каждаго носильщика нужно бы снабдить веревкой съ замыкающимся крючкомъ, съ помощью которой можно было бы легко тащить катящiеся носилки или тачку. Веревку лучше всего обвязывать вокругъ тѣла, какъ у пожарныхъ.

Профессоръ Барделебенъ *), въ свою очередь, говоритъ: „Первой и самой трудной задачей всегда будетъ уборка изъ линiи боевого огня огромной массы раненыхъ, которыми сразу покроется все поле битвы. А кто сможетъ заранѣе опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ перевязочные пункты будутъ гарантированы отъ дѣйствiя непрiятельскаго огня? Было бы весьма гуманно увеличить число снарядовъ и людей для переноски раненыхъ. Но съ другой стороны, мы не должны забывать, что носильщикамъ нужно выходить въ боевую линiю и подвергаться дѣйствiю пуль и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ихъ больше выходитъ. Если же ихъ число все больше увеличивать, то не вызоветъ ли это ослабленiя боевой силы сражающихъ и замедленiя битвы? Кромѣ того, можетъ быть это промедленiе вызоветъ и увеличенiе числа раненыхъ, наконецъ, даже и потерю сраженiя. И теперь уже число людей, опредѣленныхъ для переноски раненыхъ для каждаго корпуса, составляетъ болѣе баталiона“.

---

*) Bardeleben, «Über die Kriegschirurgie Bedeutung der neuen Geschosse».

Однако, большинство специалистовъ высказываются за возможно спѣшное удаленіе раненыхъ съ поля битвы.

Вѣнскій профессоръ Бильротъ, въ своемъ докладѣ о помощи раненымъ на полѣ битвы передъ комиссіей попеченія о раненыхъ, считаетъ настоящее санитарное устройство совершенно недостаточнымъ. Бильротъ полагаетъ, что число раненыхъ должно значительно возрасти, и онъ пришелъ къ заключенію, что тѣ средства, которыя имѣются въ арміяхъ для оказанія помощи раненымъ, совершенно недостаточны и что число носильщиковъ должно быть увеличено.

И подсчетъ по его выводамъ показалъ, что для удовлетворенія поставленныхъ имъ требованій число носильщиковъ должно бы, пожалуй, сравниться съ числомъ сражающихся.

Чтобы оріентироваться въ этомъ предметѣ, намъ необдимо прежде всего разсмотрѣть въ какомъ разстояніи отъ поля битвы въ настоящее время могутъ быть устраиваемы центральные перевязочные пункты и другія учрежденія для оказанія помощи раненымъ, такъ какъ отъ этого зависитъ и число необходимыхъ носилокъ и прислуги къ нимъ.

2. Первая помощь раненымъ.

При организаціи врачебной помощи, общее правило заключается вообще въ томъ, чтобы стараться оставлять перевязочные пункты внѣ сферы боевого огня. Для этого Габартъ считаетъ нужнымъ разстояніе въ 2.000—3.000 метровъ отъ боевой линіи или 2.500—3.500 метровъ отъ противника. Бильротъ полагаетъ, что перевязочные пункты въ будущей войнѣ будутъ чаще перемѣщаться, чѣмъ прежде, вслѣдствіе болѣе быстраго движенія войска, и требовалъ большаго числа носилокъ и служебнаго персонала. Бирхеръ же, напротивъ, говоритъ, что сильнаго движенія въ разныя стороны на полѣ битвы ожидать нельзя и что соображенія, основанныя на правилахъ тактики, не позволятъ собирать большого количества телѣгъ за сражающимися войсками, такъ какъ обозъ угрожаетъ, какъ движенію впередъ, такъ и отступленію. По плану швейцарскаго проекта регламента 1891 г., перевязочный пунктъ располагается отъ собственно боевой линіи на разстояніи около одного километра въ какомъ нибудь

мѣстѣ; главный же перевязочный пунктъ помѣщается уже на 3—5 километровъ дальше. Спрашивается теперь, гдѣ же будутъ находить раненыхъ? На это Бирхеръ говоритъ, что уже въ послѣднихъ рядахъ наступающихъ и по всему протяженію развернутаго строя будутъ находить раненыхъ. Они будутъ приползать или сами къ кустамъ, неровностямъ почвы и пр., вообще къ мѣстамъ, могущимъ дать кажущуюся имъ дѣйствительную защиту, или ихъ принесутъ туда ихъ товарищи. Такія мѣста будутъ разсѣяны по всему полю сраженія. А такъ какъ очистка поля битвы случается по большей части ночью, то понятно, что большая часть раненыхъ останется неперевязанными до слѣдующаго дня. Можно было бы задаться вопросомъ: нельзя ли какимъ нибудь образомъ раньше придти къ раненымъ и подать имъ помощь? Бирхеръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Онъ говоритъ, что можно тамъ и сямъ помогать раненымъ съ помощью правильно организованныхъ и хорошо дисциплированныхъ отрядовъ. Тишеръ тоже думаетъ, что помощь раненымъ будетъ возможна въ заранѣе извѣстномъ сраженіи и что санитарная служба можетъ выполняться во время самаго сраженія.

Гдѣ, когда и какимъ образомъ должны быть расположены перевязочные пункты? Менѣе всего они удобны на значительномъ разстояніи. Но вѣдь смотря потому, хорошо или худо стрѣляетъ непріятель, мѣстность отъ боевой линіи не безопасна на 1.000 или 500 метровъ болѣе. Нужно, поэтому, поискать защищеннаго мѣста и постараться устроиться на разстояніи 500 метровъ отъ боевоей линіи, такъ какъ чѣмъ ближе къ ней придвинуться, тѣмъ короче время транспонтированія и тѣмъ плодотворнѣе работа санитаровъ. Кромѣ прикрытія отъ пуль, перевязочный пунктъ долженъ быть еще защищенъ сверху. Обладая двумя этими качествами, онъ можетъ находиться даже среди отряда сражающихся. Правило здѣсь тоже, что для расположенія резервовъ: онъ долженъ быть на тылѣ или выходить изъ линіи, такъ какъ стрѣльба направляется концентрически. Понятно само собой, что крыла, которому угрожаетъ опасность, слѣдуетъ избѣгать. Перевязочный пунктъ полка имѣетъ около 100 метровъ ширины и около 50 метровъ глубины. Какова же должна быть высота защиты, это указываетъ намъ полетъ пули, если, напримѣръ, она выпущена за 500 метровъ отъ линіи нашего

огня. Для того, чтобы въ перевязочномъ пунктѣ ничто не разбивалось и не только раненые были внѣ опасности, но и персоналъ его могъ безпрепятственно работать, ходить и стоять на 100 метровъ въ глубину, мы должны имѣть слѣдующую высоту прикрытія:

	Непосредственно передъ перевязочнымъ пунктомъ насыпь высотою въ	Или насыпь въ среднемъ разстояніи между нами и противникомъ высотою въ
I) 500 метр. отъ собст. боевой линіи . . .	8 метр.	16 метровъ.
II) 1.000 метр. отъ соб. боевой линіи . . .	16 метр.	47 метровъ.
III) 1.500 метр. отъ соб. боевой линіи . . .	25 метр.	125 метровъ.

Отсюда мы видимъ, что чѣмъ ближе подходимъ къ боевой линіи, тѣмъ все ниже и ниже становится нужная высота прикрытія, а такъ какъ величина опасности, въ этомъ полѣ дѣйствія пули, уменьшается сообразно съ совершенствомъ стрѣльбы противника, то лучше быть ближе, чѣмъ дальше, почему должно признать за крайнюю границу перевязочнаго пункта разстояніе въ 1.000 метровъ *).

Мирдаеръ **), изучившій поля сраженій 1870 года, приходитъ къ заключенію, что по большей части въ 500 и 1.000 метрахъ сзади главнаго боевого огня можно находить прикрытіе для резервовъ и перевязочныхъ пунктовъ въ неровностяхъ самой мѣстности, или въ лѣсу, или за строеніями. Гдѣ же для резервовъ нѣтъ никакого подобнаго прикрытія, тамъ въ будущемъ будетъ трудно развернуть отрядъ для производства огня.

На римскомъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ, вопросъ этотъ подвергся тщательному разсмотрѣнію, и въ нижеприведенномъ изложеніи докладчика, доктора Вернера, мы познакомимъ читателей съ главнѣйшими соображеніями, высказанными на немъ ***).

Такъ какъ въ интересахъ раненыхъ и въ будущемъ должно остаться въ силѣ то правило, что главные перевязочные пункты санитарныхъ отрядовъ должны быть защищены отъ ружейнаго огня, то значительная дальность но-

*) Bircher, «Neue Untersuchungen über die Wirkung der Handfeuerwaffen». 1896.
**) Myrdaer, «Sanitätsgeschichte des deutsch-französischen Krieges». 1870.
***) Werner, «La chirurgia e le armi de fuoco attuali»,

ваго ружья, бьющаго на 4.000 метровъ и дальше, можетъ потребовать, чтобы, послѣ вычета разстоянія между положеніемъ непріятеля и собственною боевою линіею, главный перевязочный пунктъ помѣщенъ былъ еще дальше чѣмъ на 3.000 метровъ позади послѣдней. „Представимъ себѣ,—говоритъ докладчикъ д-ръ Вернеръ,—что непріятельскій огонь направленъ только на боевую линію противника и что главная масса огня не заходитъ далеко за цѣль или вообще не достигаетъ конечнаго пункта дальнобойности новаго ружья; и въ этомъ случаѣ, за среднее отстояніе главнаго перевязочнаго пункта позади собственной боевой линіи, придется принять, по меньшей мѣрѣ, 2.000 метровъ, развѣ только благопріятныя мѣстныя условія сдѣлаютъ возможнымъ, до извѣстной степени, надежное прикрытіе его на болѣе близкомъ разстояніи".

Очевидно, что на такой значительной дистанціи потребуется гораздо больше затраты силъ и времени для переноски выбитыхъ изъ строя и число транспортируемыхъ раненыхъ въ данную единицу времени будетъ, сравнительно съ прежнимъ, меньше. Далѣе, нужно принять въ соображеніе, что большая мѣткость и дальнобойность новаго ружья сдѣлаютъ невозможною въ извѣстные моменты переноску раненыхъ и въ общемъ значительно затруднятъ, по сравненію съ прежнимъ, дѣятельность санитаровъ.

Такимъ образомъ, новое оружіе создаетъ слѣдующее положеніе дѣла: увеличеніе числа раненыхъ увеличиваетъ задачу санитарнаго отряда; время его дѣятельности укорачивается, благодаря мѣткому, частому и далеко бьющему огню, въ извѣстные моменты совершенно лишающему его возможности переносить раненыхъ и оказывать имъ первую помощь; затрата рабочей силы увеличивается, благодаря увеличенному разстоянію перевязочнаго пункта отъ боевой линіи.

Что же нужно сдѣлать, чтобы удовлетворить измѣнившимся, благодаря новому вооруженію, требованіямъ попеченія о раненыхъ на полѣ сраженія?

„Если мы возьмемъ въ основаніе 20% потери въ бою,—говоритъ тотъ же д-ръ Вернеръ,—то для армейскаго корпуса въ 35.000 человѣкъ эта потеря выразится цифрою въ 7.000. основываясь на наблюдавшихся до сихъ поръ отношеніяхъ, 1/6 часть этой потери можно отнести на счетъ убитыхъ,

такъ что останется всего 5.800 раненыхъ, нуждающихся въ попеченіи. Изъ нихъ одну треть, т. е. 1.900 человѣкъ, можно считать тяжело ранеными, которые потребуютъ транспортировочныхъ средствъ для доставленія ихъ съ поля сраженія на перевязочный пунктъ".

Время, потребное для доставки носилокъ въ оба конца, т. е. отъ перевязочнаго пункта къ боевой линіи и обратно, вычислено, круглымъ счетомъ, въ $1^1/_2$ часа. Считая, что каждыя носилки сдѣлаютъ по 5 оборотовъ въ продолженіе $7^1/_2$—8 часовъ, мы найдемъ, что для доставленія на перевязочный пунктъ всего количества раненыхъ въ этотъ срокъ потребуется $\frac{1900}{5} = 380$ носилокъ и, полагая по 4 носильщика для каждыхъ носилокъ, $380 \times 4 = 1.520$ носильщиковъ.

Приведенный разсчетъ относится къ тому случаю, когда всѣхъ нуждающихся въ транспортѣ тяжело раненыхъ пришлось бы перенести на рукахъ отъ боевой линіи до главнаго перевязочнаго пункта. На самомъ дѣлѣ, однако, въ распоряженіи войскъ находятся въ настоящее время еще транспортныя средства, приводимыя въ движеніе животными, и въ Германіи, наприм., изъ приведеннаго числа 380 носилокъ, отпадаетъ 216 носилокъ, которыя имѣются при санитарномъ отрядѣ армейскаго корпуса въ транспортировочныхъ фургонахъ. По срединѣ пути между боевою линіею и главнымъ перевязочнымъ пунктомъ санитарнаго отряда находится стоянка фургоновъ, такъ что носилкамъ санитарнаго отряда приходится пройти до этого мѣста всего 1 километръ. На оба эти конца потребуется 1 часъ, а такъ какъ каждыя носилки могутъ въ 6 часовъ перенести 6 раненыхъ, то, слѣдовательно, 216 носилокъ 3-хъ санитарныхъ отрядовъ въ состояніи будутъ въ этотъ срокъ доставить къ мѣсту стоянки фургоновъ 1.296 или, круглымъ счетомъ, 1.300 раненыхъ. Здѣсь расположено 30 фургоновъ, изъ коихъ каждый можетъ транспортировать 4 лежащихъ и 2 сидящихъ раненыхъ въ получасовые обороты отъ стоянки фургоновъ до главнаго перевязочнаго пункта. Въ 6 часовъ, въ продолженіе каковаго времени 216 носилокъ 3-хъ санитарныхъ отрядовъ доставятъ къ стоянкѣ фургоновъ 1.300 раненыхъ, находящіеся здѣсь 30 фургоновъ, принимая даже въ разсчетъ случайныя промедленія, могутъ въ 10 оборотовъ транспортировать къ

Колесныя носилки, употреблявшіяся во время войны 1877-78 гг.

Въ русской арміи *): Носилки кн. Хилкова.

Носилки Фонъ-Мекка (для опасно-раненыхъ).

Носилки въ турецкой арміи.

---

*) Рисунки колесныхъ носилокъ заимствованы изъ «Иллюстрированной хроники войны».

главному перевязочному пункту 1.200 лежащихъ и 600 сидящихъ раненыхъ.

Если мы будемъ изъ 600 сидящихъ раненыхъ считать только $^1/_3$, слѣдовательно 200, тяжело ранеными, которые доставлены были къ мѣсту стоянки фургоновъ на носилкахъ, то, стало быть, въ теченіе 6 часовъ, къ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ направлено, по меньшей мѣрѣ, 1.400 тяжело раненыхъ, а остатокъ (1.900 — 1.400 = 500) потребуетъ для своего перенесенія отъ боевой линіи въ главный перевязочный пунктъ человѣческихъ рукъ. Полагая на прохожденіе этого пути (2 километра) для каждыхъ носилокъ $1^1/_2$ часа, мы найдемъ, что каждыя носилки принесутъ въ 6 часовъ въ 4 оборота 4-хъ раненыхъ, т. е. транспортъ остающихся 500 раненыхъ потребуетъ $\frac{500}{4} = 125$ носилокъ.

Такимъ образомъ, 1.900 тяжело раненыхъ одного армейскаго корпуса могутъ быть транспортированы въ теченіе 6 часовъ, если войска располагаютъ 30 транспортировочными фургонами, 216 носилками санитарнаго отряда съ 864 носильщиками и 125 отрядными носилками съ 500 носильщиками, всего, значитъ, 341 носилками и 1.364 носильщиками. Принимая круглую цифру въ 350 носилокъ съ 1.400 носильщиками, мы получимъ 1% носилокъ и 4% носильщиковъ по отношенію къ наличному составу корпуса (35.000 человѣкъ).

Въ предшествовавшихъ войнахъ транспортировочный составъ, независимо отъ фургоновъ и ручныхъ носилокъ, заключалъ въ себѣ еще колесныя носилки, но опытъ двухъ войнъ показалъ ихъ малую пригодность.

Мы даемъ въ приложеніи (см. прил. къ стр. 599) рисунки трехъ такихъ колесныхъ носилокъ, которыя были въ употребленіи во время войны 1877/8 гг.

Въ гористыхъ странахъ дѣлаются спеціальныя приспособленія для переноски раненыхъ. Видъ такихъ приспособленій показываетъ помѣщенный ниже (на стр. 600-й) рисунокъ, изображающій переноску раненыхъ въ швейцарскихъ горахъ. На томъ же рисункѣ показанъ способъ переноски въ горахъ ящика съ медицинскими принадлежностями.

Весьма остроумно придумана перевозка раненыхъ на саняхъ, рисунокъ которыхъ мы помѣщаемъ ниже (на стр. 600-й). Этотъ способъ перевозки легко можетъ быть примѣненъ и въ Россіи.

Переноска раненыхъ и ящика съ медицинскими принадлежностями въ швейцарскихъ горахъ.

Перевозка раненыхъ на саняхъ.

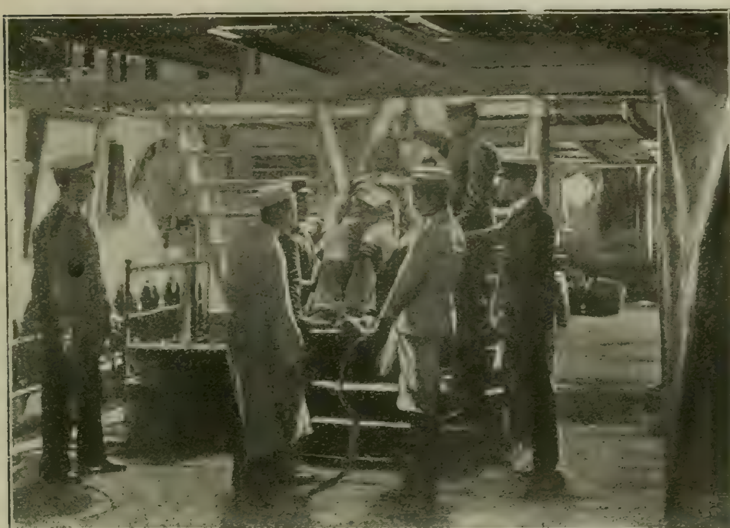

Фургоны никогда не въ состоянiи будутъ вытѣснить ручныхъ носилокъ, по соображенiямъ какъ чисто военнымъ, такъ и медицинскимъ; въ первомъ случаѣ—въ виду связаннаго съ этимъ обремененiя обоза, въ послѣднемъ —въ виду того, что фургонъ самой лучшей конструкцiи не можетъ сравниться съ ручными носилками по бережности переноски. Къ тому же ручныя носилки пройдутъ вездѣ, тогда какъ условiя мѣстности могутъ сплошь и рядомъ сдѣлать поле сраженiя непроѣзднымъ для фургоновъ.

Весьма важной представляется работа Лернбахера о вопросѣ транспортированiя раненыхъ съ поля битвы. На вопросъ, какая помощь раненому должна быть оказана раньше — перевязка или же удаленiе его съ поля битвы, авторъ отвѣчаетъ, что на полѣ сраженiя дѣятельность врача должна ограничиваться лишь тѣмъ, чтобы констатировать вѣрно смерть или подать помощь въ угрожающихъ жизни случаяхъ (кровотеченiе и задушенiе). Война 1870 г. показала, что мѣста помощи большею частью были устроены въ строенiяхъ, расположенныхъ сначала въ боевой линiи, которыя служили пунктами защиты, и что позднѣе на этихъ мѣстахъ возникли перевязочные пункты и даже полевые

Приложеніе къ стр. 600, тома V.

Переноска больного на корабль въ судовый лазаретъ.

лазареты. Разъ уже устроенный перевязочный пунктъ случалось переносить рѣдко. Разстояніе главнаго перевязочнаго пункта отъ боевой линіи колебалось между 3—6.000 метровъ. Для доставленія бòльшаго числа раненыхъ на такомъ разстояніи, авторъ считаетъ безусловно необходимымъ увеличеніе и улучшеніе санитарныхъ средствъ. Таковое онъ думаетъ найти во введеніи въ употребленіе, въ качествѣ носилокъ, станковъ съ колесами, съ помощью которыхъ могутъ быть сдѣланы во всякой войсковой части колесныя носилки. Авторъ предлагаетъ колесныя носилки для 2-хъ носильщиковъ. Раненый лежитъ, чтобы не скользить, бедромъ и голенью на дважды перегнутой плоскости. Колесныя носилки должны перевозиться на войсковыхъ медицинскихъ фурахъ, частью на транспортныхъ фургонахъ санитарнаго отряда. Станокъ вѣситъ 22 килограмма. Колесныя носилки не увеличиваютъ багажа; онѣ могутъ быть легко превращены въ простыя носилки и послѣднія снова въ колесныя и могутъ быть легко поэтому переносимы съ ранеными черезъ рвы и канавы. Санитарная служба должна быть, по словамъ автора, въ будущей войнѣ устроена слѣдующимъ образомъ: санитарные отряды, которые одни имѣютъ подходящія транспортныя средства для перевозки раненыхъ, слѣдуютъ за войскомъ или непосредственно, или раздѣлены по бригадамъ на полѣ битвы. Для послѣдняго способа приведены авторомъ очень серіозныя основанія. Если бригада идетъ въ бой, то половина санитарнаго отряда устраивается на одномъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, который могъ бы быть предложенъ для расположенія здѣсь впослѣдствіи полевого лазарета. Если затѣмъ дивизія идетъ въ сраженіе, то вторая часть санитарнаго отряда устраиваетъ хорошо снабженный перевязочный пунктъ, на 3—6.000 метровъ отъ боевой линіи; здѣсь впослѣдствіи основывается второй полевой лазаретъ. Сюда приносятъ всѣхъ тяжело раненыхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могутъ вынести переноски отъ перваго лазарета до втораго. Кромѣ этихъ, крайне тяжело раненыхъ, въ первомъ лазаретѣ остаются и всѣ легко раненые, но не способные ходить. Доставка же тяжело раненыхъ, изъ перваго перевязочнаго пункта во второй не можетъ быть произведена на транспортныхъ телѣгахъ; задача эта, по автору, въ достаточно удовлетворительной степени разрѣшается тѣмъ, что половина тяжело раненыхъ будетъ перевезена на колесныхъ но-

силкахъ. Способные идти раненые для полученія врачебной помощи пойдутъ сами до перваго мѣста назначенія. При потерѣ 16% всего состава дивизіи, раненые, по разсчету автора, могутъ быть перенесены и размѣщены въ 8 часовъ отъ начала сраженія. Авторъ убѣжденъ, что при томъ способѣ транспорта раненыхъ, какой практиковался въ 1870 году, можно было бы переносить ихъ лучше и дальше отъ поля битвы, чѣмъ было на дѣлѣ.

Въ настоящее время организація санитарной помощи во время войны въ Германіи представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ случаѣ мобилизаціи, въ каждой дивизіи формируется особый санитарный отрядъ, состоящій изъ 180 санитаровъ—носильщиковъ и восьми повозокъ для больныхъ; новѣйшія повозки снабжены каждая 9 носилками (въ повозкахъ стараго типа ихъ имѣется по 7), такъ что общее число носилокъ въ отрядѣ равняется 72 (прежде 56).

Въ приложеніи (см. прил. стр. 602) мы даемъ видъ носилокъ и различныхъ приспособленій для ихъ замѣщенія, по Штейнбергу *).

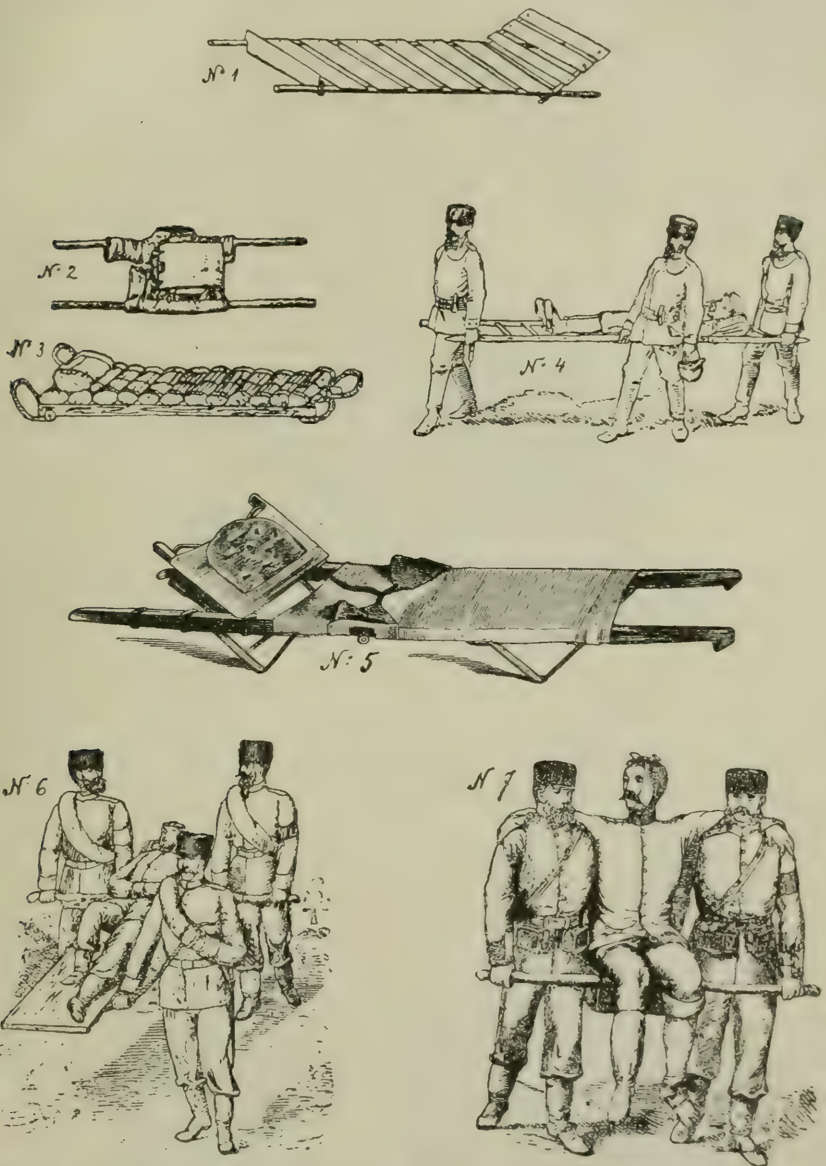
Въ мирное время ежегодно формируется на 10 дней половинный санитарный отрядъ изъ обученныхъ носильщиковъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, и, кромѣ того, каждые 3 года, санитарный отрядъ изъ резервныхъ, на тотъ-же срокъ. Въ качествѣ носильщиковъ командируются солдаты, прослужившіе 2 года, крѣпкаго тѣлосложенія, безупречнаго поведенія и заявившіе себя находчивостью и смѣтливостью **).

Кромѣ этихъ носильщиковъ санитарнаго отряда, имѣются еще, такъ называемые, запасные носильщики (Hilfskrankcuträger). Эти послѣдніе формируются изъ солдатъ пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи и музыкантовъ, получившихъ въ мирное время необходимыя теоретическія и практическія познанія, остающихся всегда при войскахъ и вступающихъ въ свои обязанности только въ случаѣ надобности или до прибытія санитарнаго отряда. Каждая рота и каждый эскадронъ имѣютъ 4 такихъ запасныхъ носильщиковъ, каждая батарея — 2.

*) К. Г. Штейнбергъ, «Санитарная служба».

**) «Jahrbücher für deutsche Armee». 1895. Unsere sanitätsdetacтements und die Führung denselben im Felde unter Berücksichtigung der Wirkung des modernen. Schusswaffen von V. Krus.

Ручныя носилки и приспособленія для ихъ замѣщенія.

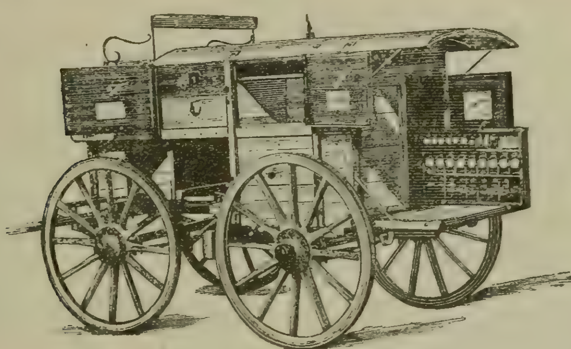

Носилки, сдѣланныя: № 1 — изъ гонтовъ крыши; № 2 — изъ шинели, шестовъ и ранца; № 3 — изъ соломы; № 4 — изъ лѣстницы; № 5 — германскія полевыя носилки; № 6 — носилки изъ доски, палки и веревки; № 7 — изъ двухъ палокъ и ранца.

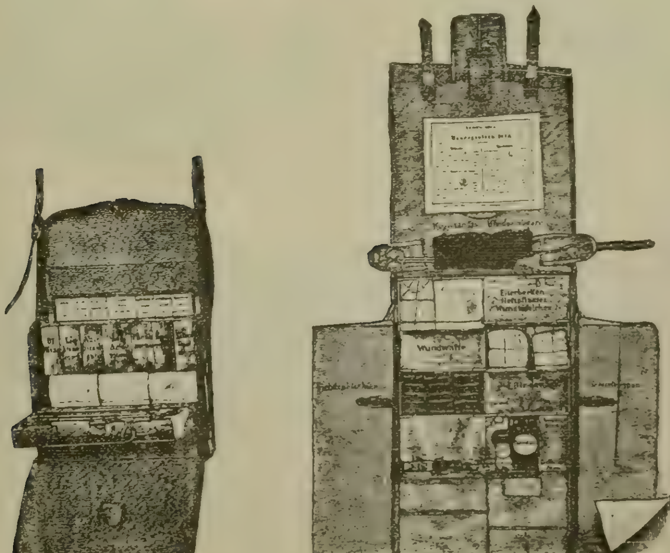
Если, такимъ образомъ, военный отрядъ вступаетъ въ бой, то запасные носильщики отдѣляются отъ него и отдаются въ распоряженіе состоящаго при отрядѣ врача. Этотъ послѣдній отыскиваетъ возможно защищенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ отдаленный отъ сражающихся, пунктъ (отрядный перевязочный пунктъ), гдѣ и располагается медицинскій фургонъ (отрядный медицинскій фургонъ). Запасные носильщики, взявши съ собою носилки (4) и перевязочныя сумки (2), отправляются на розыски раненыхъ.

На слѣдующихъ рисункахъ изображены отрядный медицинскій фургонъ и сумки съ перевязочными матеріалами.

Германскій отрядный медицинскій фургонъ.

Сумки съ перевязочными матеріалами.

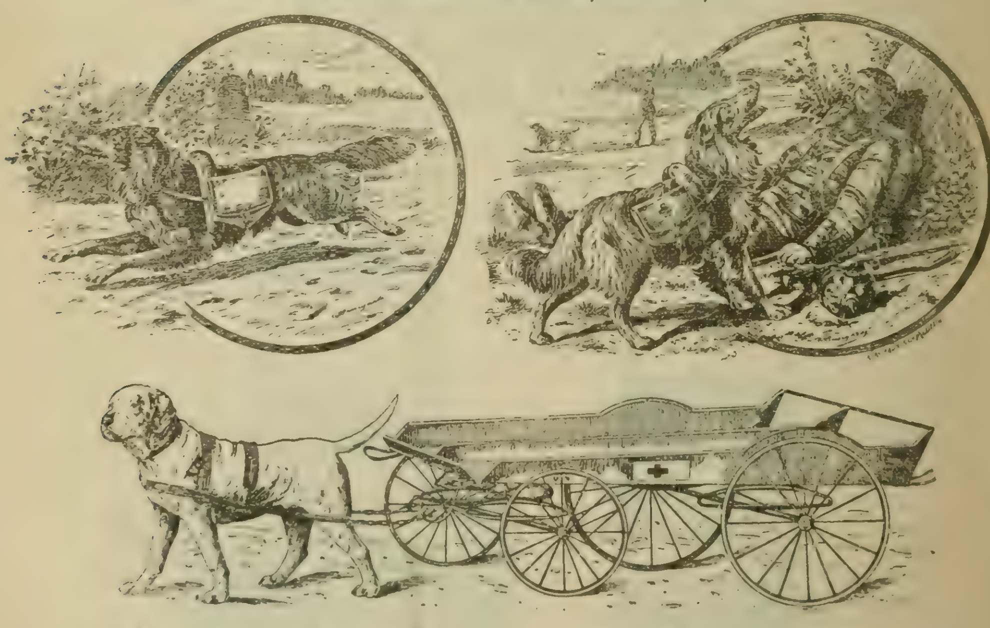

Нѣсколько отрядовъ, сражающихся рядомъ другъ съ другомъ, могутъ имѣть общій отрядный перевязочный пунктъ. По прибытіи санитарнаго отряда, отрядный перевязочный пунктъ упраздняется и входящіе въ его составъ врачи, фельдшера и носильщики частью присоединяются къ санитарному отряду, частью сопутствуютъ своей, идущей въ бой, части.

Въ каждомъ армейскомъ корпусѣ имѣется 3 санитарныхъ отряда. Такимъ образомъ, при 20 корпусахъ, германская армія располагаетъ уже въ первой линіи боя, не считая резервныхъ и гарнизонныхъ санитарныхъ отрядовъ, не считая персонала вольныхъ и запасныхъ лазаретовъ, внушительнымъ числомъ въ 45.000 человѣкъ низшаго санитарнаго персонала для отысканія раненыхъ и поданія имъ первой помощи.

Замѣтимъ еще, что, такъ какъ атакующіе будутъ искать прикрытій, а отысканіе за ними раненыхъ будетъ чрезвычайно трудно, то, какъ изображено на помѣщенныхъ ниже рисункахъ, будетъ практиковаться отыскиваніе раненыхъ и перевозка ихъ при помощи собакъ.

Собаки для отыскиванія и перевозки раненыхъ.

Мы не раздѣляемъ, однако, ожиданій, какія возлагаются на эту мѣру, и думаемъ, что, въ дѣйствительности, помощь собакъ окажется ничтожною.

Въ будущей войнѣ сраженія будутъ продолжительными: они, по мнѣнію авторитетовъ, будутъ часто длиться цѣлыми днями. Поэтому освѣщеніе поля битвъ для отысканія и уборки раненыхъ во время ночи представляется чрезвычайно важнымъ.

Освѣщеніе посредствомъ большихъ электрическихъ машинъ признано въ Германіи неисполнимымъ. Вмѣсто того, въ Германіи на маневрахъ были употребляемы повозки съ батареями аккумуляторовъ, видъ которыхъ представленъ на слѣдующемъ рисункѣ.

Германскія повозки съ аккумуляторами для освѣщенія поля сраженія.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, по мнѣнію многихъ, и керосиновыя большія лампы съ рефлекторами могутъ приносить такія же услуги.

3. Эвакуація раненыхъ и временные лазареты.

Въ виду того, что, по всему вѣроятію, вслѣдствіе новыхъ условій веденія войны, за укрѣпленными линіями окажется значительное скопленіе войскъ и число раненыхъ будетъ быстро возрастать, скорое эвакуированіе ихъ получитъ огромное значеніе. Для сей цѣли заготовлено въ Австріи и Германіи значительное количество приспособленій.

Фургоны для больныхъ въ германскомъ санитарномъ отрядѣ устроены съ двойной упряжкой; изъ нихъ старые разсчитаны для 2-хъ, новые же для 4-хъ лежащихъ раненыхъ; управляютъ фургонами съ сѣдла, между тѣмъ какъ на коз-

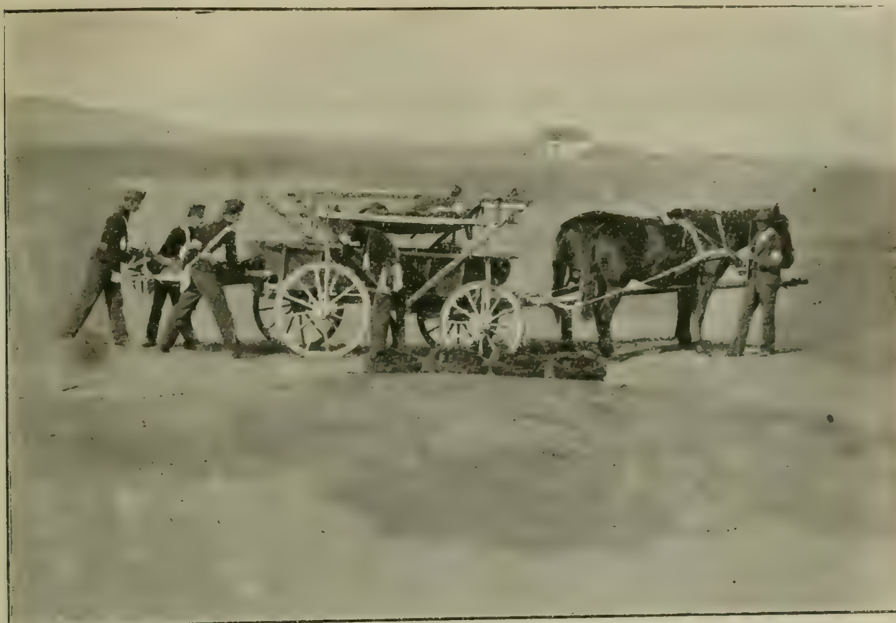
лахъ могутъ сидѣть трое легко раненыхъ. Въ старыхъ фургонахъ находится внутри двое носилокъ и на крышѣ 5, въ новыхъ — 9 носилокъ внутри. При полевомъ лазаретѣ находится 1 фургонъ, который, кромѣ носилокъ, имѣетъ 210 соломенныхъ мѣшковъ съ ремнями для пропусканія шестовъ носилокъ.

Кромѣ того, уже послѣ объявленія войны, будутъ приспособлены простыя телѣги для 3 — 4-хъ раненыхъ каждая, снабженныя подстилкой изъ слоевъ соломы, положенныхъ попеременно вдоль и поперекъ, рядами, прямо безъ носилокъ, или же на каждую телѣгу можно привязывать 1 — 4 носилки. Для избѣжанія толчковъ можно устроить, по норвежскому способу, рессорный приборъ изъ 4-хъ жердей, двухъ перекладинъ и веревокъ и укрѣпить его на телѣгѣ. Перевязывая и переплетая веревками и настилая затѣмъ соломы, можно багажныя, провіантскія и обывательскія телѣги также приспособить для перевозки тяжело-раненыхъ.

Въ приложеніяхъ (см. прил. *а*, *б* и *в*, къ стр. 606) мы помѣщаемъ нѣсколько рисунковъ санитарныхъ фургоновъ и телѣгъ, приспособленныхъ для перевозки раненыхъ.

Но больше всего для эвакуаціи больныхъ, въ Германіи разсчитываютъ на полевыя желѣзныя дороги, и это весьма естественно. Полевыя передвижныя желѣзныя дороги для перевозки раненыхъ, которыя могутъ быть устроены въ короткое время (12 — 15 километровъ въ 24 часа), способствуютъ болѣе быстрому и безопасному доставленію на мѣсто большого количества раненыхъ. Вагоны состоятъ изъ рамъ или балокъ (такъ называемыя по нѣмецки Jochen) 2 — 5 метровъ длины. Лучшее разстояніе между колеями 60 сантиметровъ. На каждой парѣ двуосьныхъ телѣжекъ стоитъ вагонный кузовъ 4-хъ метровъ длины, 1,3 метра ширины и 50 — 60 сант. высоты. Такой вагонъ приспособленъ для перевозки 4-хъ тяжело раненыхъ, для чего или просто настилается солома, или устраивается, такъ называемое, висячее ложе Haase. Послѣднее состоитъ изъ куска непромокаемаго полотна въ 3,5 метра длиной и 1,26 метра шириной. Узкіе концы полотна прикрѣплены къ бамбуковымъ палкамъ 35 — 40 миллиметровъ толщиной, въ серединѣ же полотно поддерживается дважды согнутой трубкой 16 миллиметровъ въ діаметрѣ. Весь этотъ приборъ подвѣшивается посредствомъ 4-хъ желѣзныхъ крючковъ, которые захватываютъ верхній край кузова вагона. Этотъ

Обывательская телѣга, приспособленная для перевозки раненыхъ.

Австрійскій санитарный фургонъ.

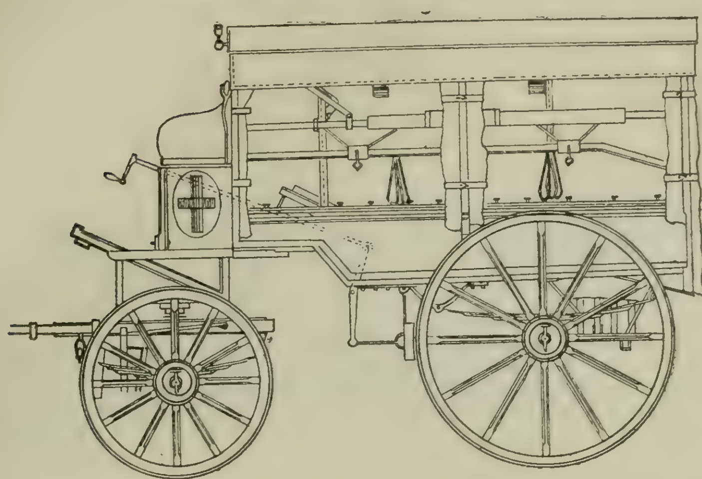
Швейцарская повозка для перевозки раненыхъ.

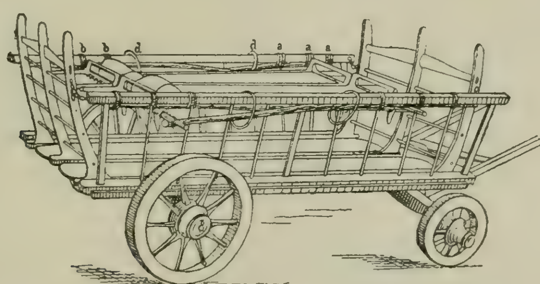
Американская повозка для перевозки раненыхъ (бывшая въ употребленіи въ 1870 г. у французовъ).

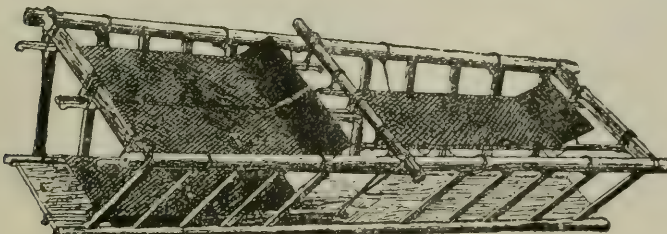
Фургонъ для перевозки раненыхъ.

Телѣга для перевозки раненыхъ (по норвежскому способу).

Обыкновенный возъ, приспособленный, посредствомъ веревокъ и соломы, къ перевозкѣ раненыхъ).*

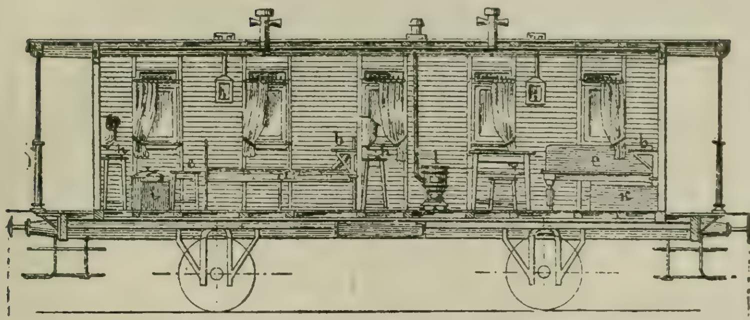

---

*) Штейнбергъ, «Санитарная служба».

Русскій санитарный вагонъ.

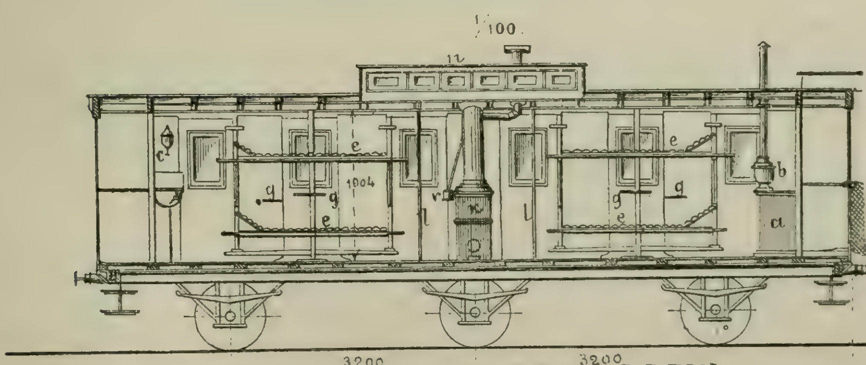
Продольный разрѣзъ.

a—кровати; *b*—откидные столики; *c*—табуреты; *d*—столъ съ полкой; *e*—скамья.

Русскій санитарный вагонъ для тяжело-раненыхъ.

Продольный разрѣзъ.

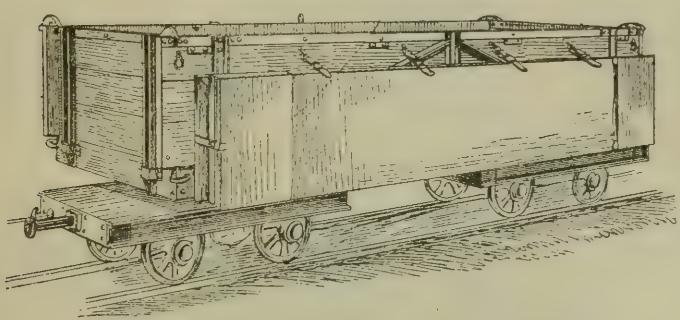

a—шкафъ для посуды; *b*—самоваръ съ подъемной вытяжной трубой; *c*—умывальникъ; *e*—четыре станка съ 8-ю постелями, на рессорахъ; *g*—откидные столики; *k*—печь; *l*—ширмы; *n*—фонарь стеклянный.

аппаратъ стоитъ 78 марокъ, вѣситъ 14,75 килограмма. Когда онъ не нуженъ, то можетъ быть свернутъ и спрятанъ подъ кучерское сидѣніе. Для легко раненыхъ, которыхъ каждый вагонъ можетъ вмѣстить 16-ть, устраиваются сидѣнья. По Haase на одномъ полевомъ вагонѣ могутъ быть легко доставлены въ день 600 тяжело раненыхъ и 2.400 легко раненыхъ. На каждые 4 или 2 санитарные вагоны должно быть одно висячее ложе. Въ фургонахъ, построенныхъ, по порученію прусскаго военнаго министерства, Дольбергомъ, можно повѣсить 8 носилокъ по двѣ, однѣ подъ другими, на желѣзныхъ стойкахъ, посредствомъ приспособленнаго для санитарнаго поѣзда пружиннаго аппарата.

Нижеслѣдующій рисунокъ показываетъ типъ вагона Гаазе.

Санитарный вагонъ Гаазе.

Въ приложеніи (см. прилож. къ стр. 607) мы помѣщаемъ два чертежа выработаннаго въ послѣднее время типа русскихъ санитарныхъ вагоновъ.

Въ мирное время доставлять тяжело больныхъ на большое разстояніе бываетъ нужно лишь въ исключительныхъ случаяхъ; во время же кампаніи, наоборотъ, немедленное доставленіе раненыхъ и больныхъ въ мѣста, лежащія далеко отъ поля битвы, часто бываетъ необходимымъ и является лучшимъ средствомъ доставить страждущимъ скорое и вѣрное выздоровленіе; благодаря этому, присутствующіе на полѣ сраженія, вспомогательные санитарные отряды дѣлаются снова свободными для постоянно возникающей потребности въ ихъ услугахъ; кромѣ того, своевременное удаленіе больныхъ обезпечиваетъ войско отъ заразы. Чтобы раненые не потерпѣли никакого вреда, имъ нужно во время перевозки хорошее ложе, чистый воздухъ, хорошій уходъ и надзоръ врача.

Серьезное вниманіе обращено въ Германіи на пріученіе санитаровъ къ нагрузкѣ раненыхъ на лодки и суда, такъ какъ при войнѣ возможно будетъ пользоваться для эвакуаціи раненыхъ малыми и большими рѣками въ пограничныхъ мѣстностяхъ Франціи и русской территоріи.

Какъ нами уже было указано, въ Австріи, Франціи и особенно въ Германіи, въ случаѣ войны, выступятъ многочисленные отряды добровольцевъ для поданія помощи ранельмъ и больнымъ, снаряженные особыми, преслѣдующими эту цѣль, обществами. Уже и во время мира отъ времени до времени производятся сборы этихъ отрядовъ и опытныя ихъ упраженія .

Въ приложеніи (см. прилож. къ стр. 608) мы даемъ рисунокъ, изображающій испытаніе по обученію выгрузкѣ раненыхъ посредствомъ крановъ и снабженію ихъ пищею въ франкфуртскомъ добровольномъ санитарномъ отрядѣ.

Здѣсь же помѣщаемъ рисунокъ, обращеннаго въ лазаретъ, судна и переноски на него раненыхъ изъ вагоновъ конно-желѣзной дороги.

Переноска раненыхъ изъ вагона конно-желѣзной дороги на судно.

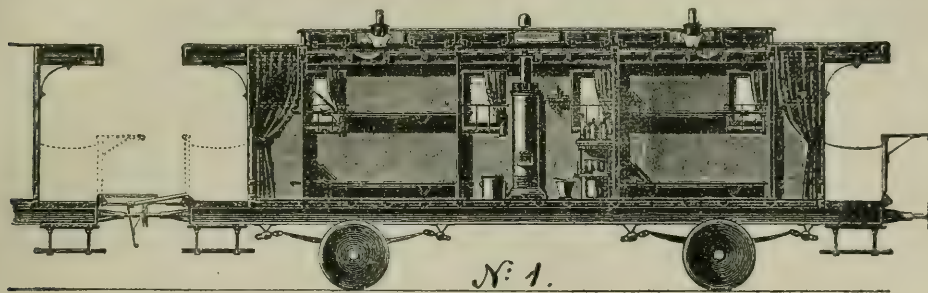

Испытанное уже въ прошлыхъ войнахъ, средство перевозки по желѣзнымъ дорогамъ будетъ, конечно, примѣняться въ будущей войнѣ еще въ большихъ размѣрахъ. Въ Германіи приготовленъ лазаретный поѣздъ, состоящій изъ ва-

Испытаніе по обученію выгрузкѣ, посредствомъ крановъ, раненыхъ и снабженію ихъ пищею во франкфуртскомъ санитарномъ отрядѣ.

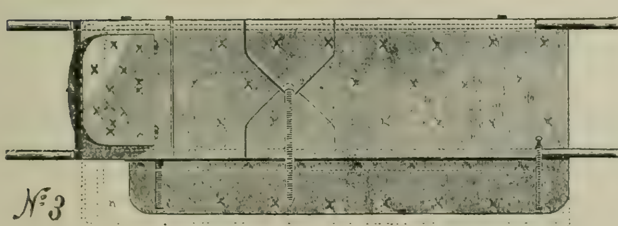
Лазаретный вагонъ и вагонныя носилки, употребляемыя въ Германіи.

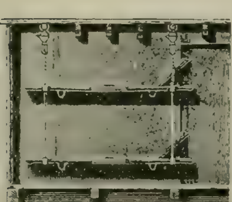
№ 1.

№ 4

№ 3

379 № 4 № 5

№ 1—лазаретный вагонъ; № 2—носилки; № 3—носилки для тяжело-раненыхъ; № 4—укрѣпленіе носилокъ въ вагонѣ по гамбургской системѣ; № 5—укрѣпленіе носилокъ по системѣ «Grund».

гоновъ 4-го класса, въ каждомъ изъ которыхъ на одной сторонѣ устроены 6 носилокъ, на другой 4; онѣ поставлены по-двое, однѣ подъ другими, и укрѣплены на спиральныхъ пружинахъ, съ помощью крючковъ, ввинченныхъ въ два ряда на соотвѣтствующихъ мѣстахъ въ стѣны. Носилки имѣютъ 2,51 метра длины, 0,575 метра ширины и могутъ стоять на 4-хъ ножкахъ высотой 13,5 сантим., они имѣютъ для головы подпору, двигающуюся на шарнирахъ. На каждыя носилки приходится одинъ матрацъ, въ 2 метра длиной, и 2 шерстяныхъ одѣяла. Третьи носилки въ каждомъ вагонѣ имѣютъ еще подставку и матрацъ 85 сантим. ширины для тяжело раненыхъ.

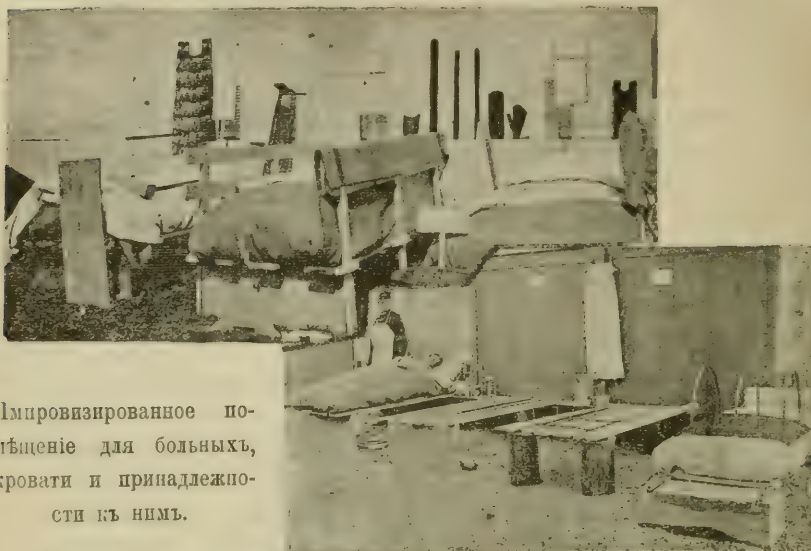
Вспомогательные санитарные поѣзда состоятъ изъ одного вагона для больныхъ и одного для врача, но не имѣютъ помѣщенія для кухни, для запасовъ и аптеки, такъ какъ осмотръ и уходъ за больными производится на станціяхъ. Перевозка производится или въ крытыхъ товарныхъ вагонахъ, или въ вагонахъ 4-го класса. Носилки вѣшаются, въ количествѣ 8-ми, по двѣ, одна надъ другой, посредствомъ кованныхъ желѣзныхъ крюковъ, цѣпей и шестовъ. Для уничтоженія качанья въ стороны, носилки укрѣплены по краямъ къ стѣнамъ (Hamburg'ская система). По другой системѣ, такъ называемой Grund, носилокъ въ одномъ вагонѣ бываетъ по 6-ти, по 3 рядомъ; поставлены онѣ на перекладины, покоющіяся на пружинахъ. Подъ этимъ рядомъ можно еще повѣсить носилки по предыдущему способу (смѣшанная система).

Изображеніе лазаретнаго вагона и носилокъ, употребляемыхъ въ Германіи, мы помѣщаемъ въ приложеніи (см. прил. къ стр. 609).

Въ виду скопленія на незначительномъ пространствѣ массы войскъ, предвидится большой недостатокъ помѣщеній для постоя войскъ и размѣщенія раненыхъ; поэтому, во всѣхъ арміяхъ заготовляются въ значительныхъ количествахъ временныя помѣщенія для раненыхъ.

Даемъ здѣсь рисунокъ, выработаннаго въ Швейцаріи, импровизированнаго госпиталя.

Импровизированный госпиталь въ Швейцаріи.

Импровизированное помѣщеніе для больныхъ, кровати и принадлежности къ нимъ.

Во Франціи устраиваются палатки и бараки слѣдующихъ типовъ:

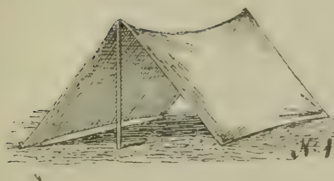
1. Палатки амбулаторной системы Tollet, могущія служить для операцій или для убѣжища 18 раненымъ каждая. Онѣ состоятъ изъ разборныхъ желѣзныхъ частей и полотнянаго покрова, имѣютъ двери и окна. Стѣны могутъ быть приподняты и поддерживаются въ такомъ положеніи деревянными подставками. Вѣсъ 115 килограммовъ.

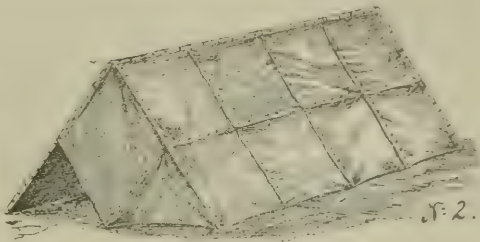
2. Палатки, укладывающіяся на фургонъ санитарнаго отряда; фургонъ замѣняетъ основаніе и занимаетъ середину палатки, которая располагается по сторонамъ его. Въ нее можно помѣстить до 30 раненыхъ. Многочисленныя отверстія даютъ достаточно свѣта и воздуха. Вѣсъ 90 кил.

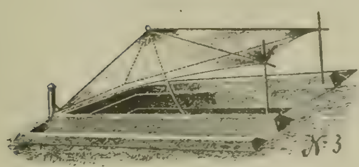
3. Госпитальная палатка системы Tollet, такой же формы, какъ и для амбулаторій, но обширнѣе; она устроена на 28 кроватей, съ приспособленіемъ для печи.

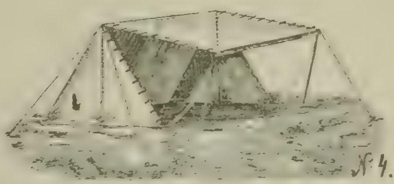
4. Подвижной баракъ системы Doecker'а; стѣнки его и крыша составлены изъ деревянныхъ рамокъ, съ двухъ сторонъ покрытыхъ картономъ (разстояніе между обоими слоями его 2 сантиметра), затѣмъ полотняной тканью; внутренняя сторона сдѣлана непроницаемой для огня. Полъ барака со-

Военно-санитарныя палатки разныхъ типовъ.

№ 1

№ 2.

№ 3

№ 4.

№ 5

№ 6

№ 7

№ 8

№ 1 — германская походная палатка; № 2 — капральская палатка; №№ 3 и 4 — палатки системы Николяи; № 5 — госпитальная палатка системы Леферта; №№ 6 и 7 — переносныя палатки (видъ неоконченныхъ сооруженіемъ палатокъ); № 8 — санитарная палатка принятаго въ германской арміи типа.

стоитъ изъ 16-ти ящиковъ, служащихъ для перевозки составныхъ частей барака. Эти бараки, которые можно нагрѣвать зимой, могутъ вмѣстить 16 кроватей. Каждый вѣситъ 3.600 килограммовъ. Нужно 6 человѣкъ для того, чтобы собрать баракъ въ одинъ день.

Ниже мы помѣщаемъ рисунокъ, построеннаго въ Копенгагенѣ, барака системы Doecker'a; баракъ этотъ вѣситъ 4750 килограмовъ (290 п.), обошелся въ 4.350 марокъ, устанавливается и разбирается 8 до 10 искусными рабочими въ 16 до 24 часовъ.

5. Подвижные бараки системы Espitalier; отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что сдѣланы изъ желѣза. Каждый вѣситъ 6.000 килограммовъ и складывается въ 99 связокъ. Нужно 12 человѣкъ, чтобы поставить такой баракъ.

Палатки амбулаторныя и фургонныя входятъ въ составъ походно-лазаретныхъ средствъ. Другія же системы назначаются для санитарныхъ построекъ, могущихъ оставаться на одномъ мѣстѣ, какъ напр. для временныхъ полевыхъ госпиталей въ укрѣпленіяхъ и на этапныхъ пунктахъ.

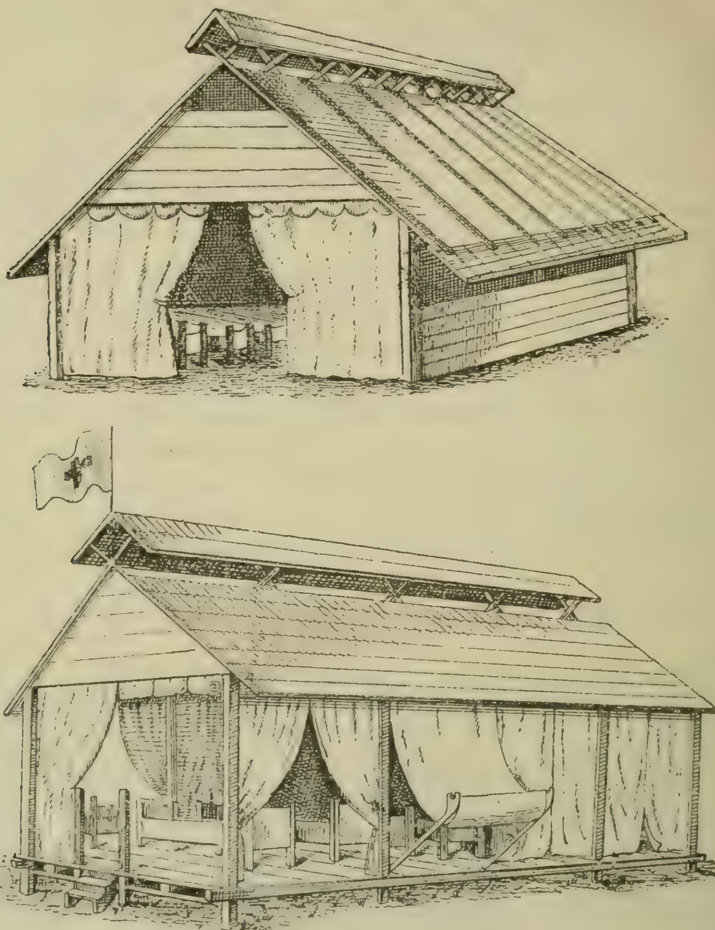
Баракъ системы Деккера (въ Копенгагенѣ).

Въ приложеніи (см. прил. къ стр. 611), мы помѣщаемъ нѣсколько рисунковъ военно-санитарныхъ палатокъ разныхъ типовъ.

Не менѣе интересны и бараки, бывшіе въ употребленіи въ Пруссіи въ 1866 г., рисунки которыхъ, заимствованные нами изъ соч. Le Fort «Chirurgie militaire», мы помѣщаемъ ниже.

Прусскіе бараки 1866 г.

Въ приложеніи (см. прил. къ стр. 612) мы даемъ чертежъ, выработаннаго въ послѣднее время во Франціи, барака, заимствованный нами изъ сочиненія генерала Пьеррона «Strategie et grande tactique».

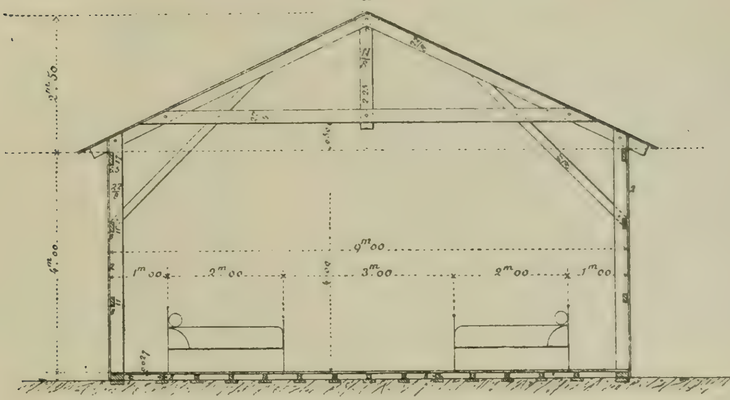
Въ заключеніе дадимъ сводъ, принятыхъ въ германской арміи, знаковъ для обозначенія разныхъ частей санитарнаго состава *).

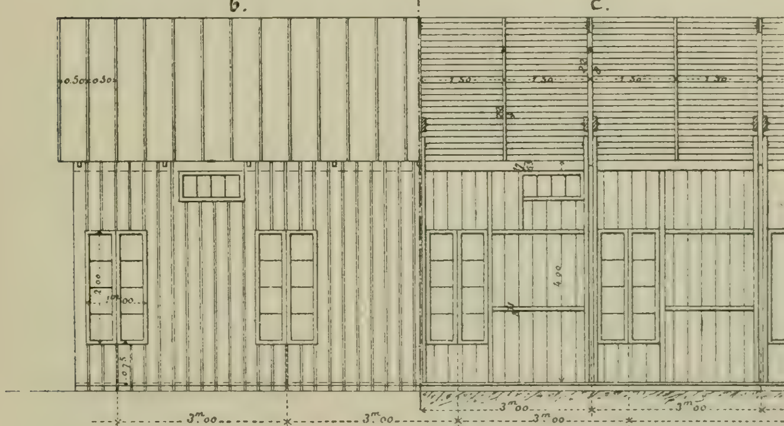
*) Albin Kövess von Aszod und Harkály, «Der Sanitäts-Dienst der Armee im Felde».

Французскій баракъ для войскъ (типъ № 1).

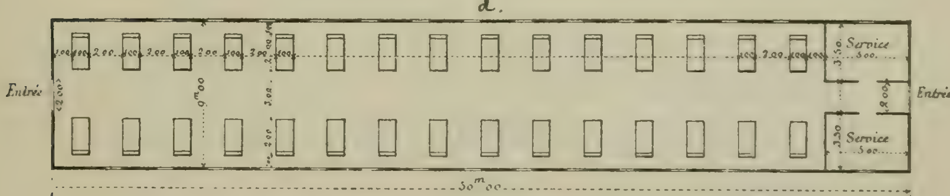
a

b. c.

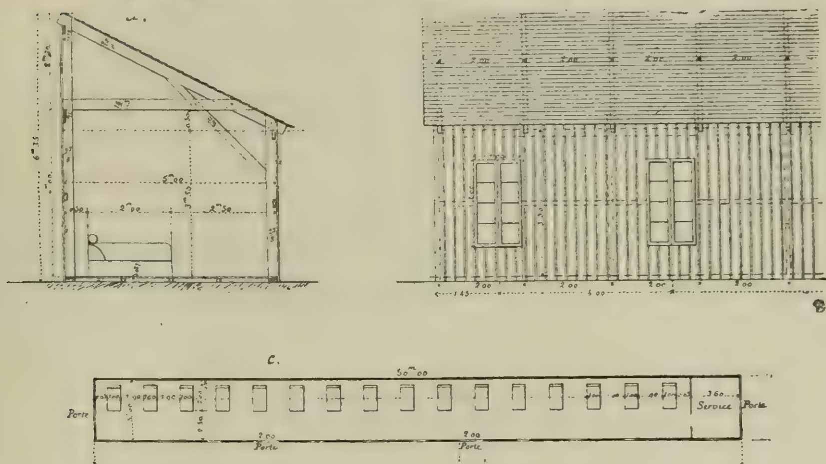
d.

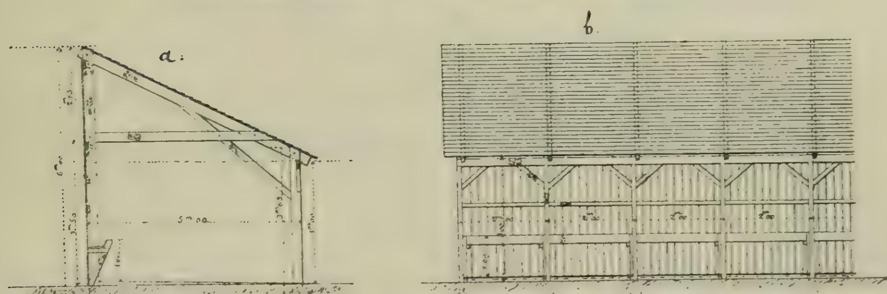
Echelles : *Plan général : 0m 0080 par mètre.*
Coupes et élévation : 0m 0024 par mètre.

a—поперечный разрѣзъ; *b*—высота; *c*—продольный разрѣзъ; *d*—планъ.

Французскій баракъ для войскъ (типъ № 2).

Французскій баракъ для лошадей.

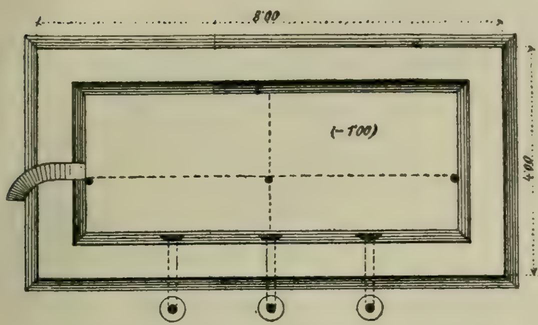
Echelles:
Plan général 0m 0080 par mètre
Coupes et élévations 0m 0024 par mètre

Баракъ для войскъ: *a*— поперечный разрѣзъ; *b*—высота; **c—планъ.**

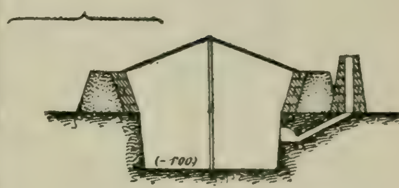
Баракъ для лошадей: *a*—поперечный разрѣзъ; *b*—высота.

Землянка съ печью.

П л а н ъ.

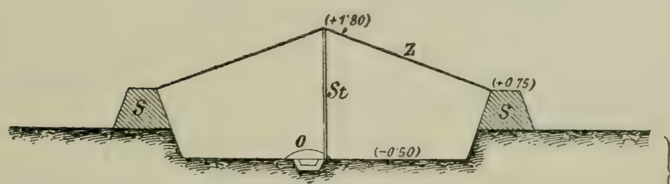

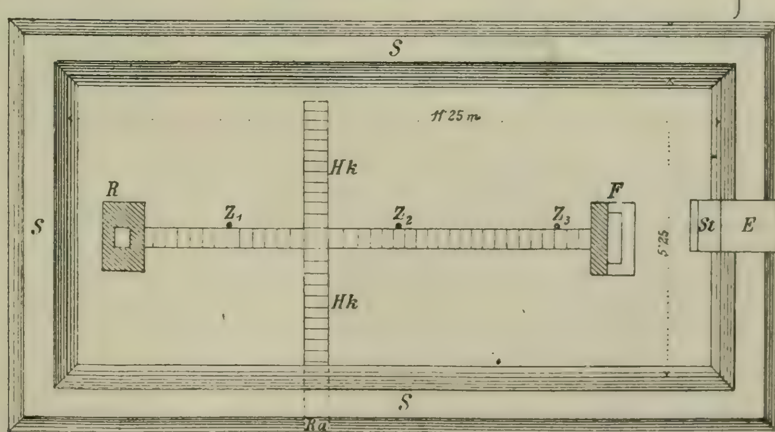
Поперечный разрѣзъ.

Баракъ изъ снѣга.

Профиль.

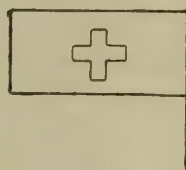

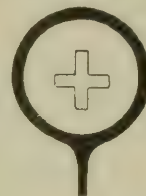
S. Стѣна изъ снѣга 50 см. толщины и 0,75 метр. высоты.
Z. Крыша въ видѣ шатра.
O. Печь.
St. Подножка крыши.
R Дымовая труба.
Ra. Выходъ для дыма.
F. Очагъ.
E. Входъ.
Z_{1-3}. Подножка крыши.
Hk. Труба для нагрѣванія.

Знаки для полевыхъ санитарныхъ учрежденій и ихъ персонала въ Германіи.

Днемъ знамя. Ночью фонарь.

Знаки, поднимаемые на полевыхъ санитарныхъ учрежденіяхъ.

Всѣ, несущія санитарную службу, лица: военные врачи, носильщики перевязочныхъ матеріаловъ, раненыхъ, офицеры санитарной службы и члены отрядовъ добровольной санитарной службы.

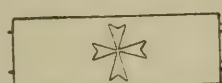
Бѣлая повязка съ женевскимъ краснымъ крестомъ на лѣвомъ рукавѣ верхняго платья.

Лица Тевтонскаго рыцарскаго ордена.

Перевязь съ женевскимъ крестомъ, какъ указано выше, подъ нею—бѣлая перевязь съ маріинскимъ крестомъ.

Лица Мальтійскаго рыцарскаго ордена.

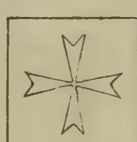
Перевязь съ женевскимъ крестомъ, какъ выше, подъ нею—красная перевязь съ мальтійскимъ крестомъ.

Багажъ Тевтонск. рыцарск. ордена при 4 госпиталяхъ и 42 полевыхъ санитарн. колоннахъ, присоединенныхъ къ санитарн. учрежденіямъ пѣхотной дивизіи.

На каждой сторонѣ вагона, кромѣ женевскаго креста, еще маріинскій крестъ и соотвѣтствующая надпись.

На 6 или 12 санитарныхъ поѣздахъ Мальтійскаго рыцарскаго ордена.

На каждой сторонѣ вагона и на его концахъ знакъ ордена съ соотвѣтствующей надписью; на срединѣ вагона женевскій крестъ.

4. Общій взглядъ на дѣло помощи ранєнымъ въ будущую войну.

Если мы обратимъ вниманіе на исторію постепеннаго развитія дѣла *помощи раненымъ на войнѣ* съ самыхъ отдаленныхъ временъ, то убѣдимся, что послѣ каждой войны, какъ бы она ни была жестока, наступаютъ мирные годы, въ

теченіе которыхъ всѣ бѣдствія, испытанныя арміями отъ неудовлетворительнаго устройства санитарной части, совершенно забываются, и что вспоминаютъ о нихъ лишь тогда, когда ужасы вновь вспыхнувшей войны заставятъ сожалѣть о потерянномъ времени и когда наступятъ новыя страшныя испытанія отъ упущеній, неисправимыхъ уже никакими усиліями.

Въ каждомъ кровопролитіи всѣхъ прежнихъ военныхъ столкновеній, повторялись однѣ и тѣже, возмущающія душу, картины ничѣмъ неумѣряемыхъ страданій воюющихъ людей. Раненыхъ, которыхъ не могли убрать съ поля битвы, оставляли на мѣстѣ безъ помощи. Они зачастую умирали медленною смертью, въ мукахъ голода и жажды, подъ палящими лучами солнца, или-же подвергались гибели отъ мороза. Нерѣдко бывало и появленіе на только что покинутыхъ мѣстахъ сраженій людей-гіенъ, этихъ выродковъ человѣчества, лишенныхъ всякаго состраданія, всегда и при всякомъ общественномъ бѣдствіи готовыхъ примѣнять свои разбойничьи инстинкты. Они добивали раненыхъ, чтобы ихъ ограбить.

Но и раненый, доставленный на перевязочный пунктъ или въ ближайшій госпиталь, не всегда встрѣчалъ своевременную помощь и должный уходъ. Большею частью, ему приходилось ожидать перевязки или операціи болѣе продолжительное время, чѣмъ какое нужно, чтобы истечь кровью или смертельно истомиться отъ невыносимыхъ мукъ. Зачастую не хватало ни перевязочныхъ средствъ, ни медикаментовъ, ни хирургическихъ инструментовъ, ни медицинскаго персонала. Въ подобномъ положеніи раненымъ и больнымъ приходилось ожидать помощи по цѣлымъ часамъ и даже днямъ, иногда безъ пищи и питья, лежа гдѣ попало, за неимѣніемъ мѣста. Если при этомъ вспомнить, что каждая минута ожиданія помощи, въ подобномъ положеніи, представляется страдальцу цѣлымъ годомъ муки, то можно понять всю горечь укоровъ, раздающихся въ эти моменты по адресу виновниковъ, непринявшихъ своевременныхъ мѣръ для смягченія ужасовъ войны, посредствомъ предусмотрительнаго устройства медицинской части военнаго времени.

И все это происходило отъ того, что въ мирное время не обращали достаточнаго вниманія на организацію помощи раненымъ, занимаясь лишь введеніемъ всевозможныхъ усовершенствованій для вѣрнѣйшаго истребленія себѣ подобныхъ.

Эпизодъ изъ сраженiя подъ Вёртсмъ, по доктору Порту.

Солдаты, защищающiеся изъ рва.

Эпизодъ изъ сраженія подъ Вёртомъ, по доктору Порту.

Солдаты, защищающіеся изъ рва.

Солдаты, выбрасывающіе изъ рва тѣла своихъ убитыхъ товарищей для образованія изъ нихъ впереди себя вала.

Естественно рождается вопросъ: улучшится ли эта сторона въ будущихъ войнахъ? Мы уже коснулись выше этого вопроса первостепенной важности и высказали сомнѣніе на счетъ возможности ожиданій значительныхъ, въ этомъ отношеніи, измѣненій къ лучшему.

Главный врачъ баварской арміи Портъ*) выступаетъ въ этомъ смыслѣ съ прямымъ обвиненіемъ противъ новѣйшихъ нѣмецкихъ стратеговъ. По его словамъ, они въ бѣшенной погонѣ за усовершенствованіемъ средствъ истребленія оставили на заднемъ планѣ всѣ помыслы объ улучшеніяхъ въ дѣлѣ помощи раненымъ на полѣ битвы.

Д-ръ Портъ прежде всего обращаетъ вниманіе на различіе, какое окажется въ будущей войнѣ въ сравненіи съ прошлыми вслѣдствіе возросшей силы новаго оружія.

Между прочимъ, онъ разсказываетъ, какъ однажды, отправившись ночью, послѣ сраженія подъ Вёртомъ, съ отдѣломъ санитаровъ въ поиски за ранеными, онъ встрѣтилъ множество раненыхъ туркосовъ, которымъ пришлось оказать помощь, а затѣмъ, идя по дорогѣ далѣе, вошелъ въ лѣсъ и увидѣлъ, что путь заваленъ, высоко положенными другъ на друга, трупами туркосовъ. „Невдалекѣ отъ этой кучи, по дорогѣ, лежала вторая куча труповъ, а затѣмъ, вскорѣ, оказалась и третья. По расположенію труповъ въ этихъ кучахъ, легко можно было замѣтить, что онѣ сдѣланы нарочно, въ видѣ валовъ. Особенно правильно лежали трупы внизу, всѣ они были расположены поперегъ дороги; болѣе же высоко лежащіе были расположены уже менѣе правильно; быть можетъ, это были трупы туркосовъ, пораженныхъ пулями и свалившихся на сдѣланный валъ; вѣроятно, ихъ оставили въ томъ положеніи, въ какомъ они упали. Мертвые оказались и непосредственно около валовъ; небольшое число ихъ было также найдено и на дорогѣ за первымъ валомъ. Вѣроятно, убитыхъ на этой дорогѣ солдаты взяли съ собой, съ цѣлью воспользоваться ими въ подходящемъ мѣстѣ, какъ матеріаломъ для вала“.

„Разсматривая свѣсившіяся руки и головы, — говоритъ Портъ, — я старался, хотя бы въ комъ нибудь, открыть признаки жизни, такъ какъ опасался, что второпяхъ для возведенія вала могли воспользоваться и ранеными; но всѣ были мертвы

*) Dr. Port, K.-Bayerischer Generalarzt, «Den Kriegsverwundeten ihr Recht». Stuttgart. 1896.

и окоченѣли; да оно и понятно, такъ какъ давленіе выше лежащихъ и непріятельскія пули умертвили бы, конечно, и того, кто былъ еще живъ. Крайне удручающее впечатлѣніе произвели на меня эти валы изъ труповъ. Ничего подобнаго потомъ я никогда уже не видѣлъ, хотя и имѣлъ случай много разъ осматривать поля, тотчасъ послѣ сраженій. Тогда же я могъ утѣшать себя лишь тою мыслью, что пользованіе мертвыми тѣлами для защиты живыхъ встрѣчается только у туркосовъ".

„Но въ настоящее время, относительно валовъ изъ труповъ, я уже не такъ спокоенъ, какъ былъ 25 лѣтъ тому назадъ. Теперь я боюсь, что и у насъ въ будущихъ войнахъ они войдутъ во всеобщее употребленіе. Такое положеніе дѣла представляется мнѣ едва-ли устранимымъ послѣдствіемъ нынѣшняго вооруженія, требующаго настоятельнѣе, чѣмъ въ былое время, прикрытій всякаго рода".

Мы уже помышляемъ снова о введеніи щитовъ, конечно, не кожаныхъ или деревянныхъ, но сдѣланныхъ изъ трудно-пробиваемыхъ сплавовъ аллюминія. Щиты имѣли бы, быть можетъ, въ этомъ случаѣ, то эстетическое преимущество, что солдаты могли-бы сражаться въ свойственномъ людямъ положеніи, гордо и прямо стоя, какъ древніе воины. Но до тѣхъ поръ, пока вопросъ о щитахъ не рѣшенъ, не остается ничего другого, какъ вести себя на полѣ сраженія, подобно четвероногимъ: ползать по кошачьи по землѣ и зарываться, подобно кротамъ, въ землю. Лопата теперь, на ряду съ ружьемъ, сдѣлалась неизбѣжнымъ предметомъ вооруженія. Гдѣ только возможно, впредь солдаты будутъ пользоваться канавами для своей защиты. А защита посредствомъ рва, почти неуклонно, влечетъ за собой и защиту валомъ изъ труповъ. Причины для этого слѣдующія: оборонительные рвы, быстро возведенные для защиты, не могутъ быть, при такой поспѣшности, устроены съ соединительными ходами сзади, почему люди, приходящіе для подкрѣпленія гарнизона, первоначально находящагося у рвовъ, должны будутъ переходить по совершенно незащищенному отъ дѣйствія пуль пространству. Конечно, они будутъ дѣлать это, стремительно бросаясь впередъ и какъ попало прыгая въ рвы, отчего будутъ страдать залегшіе въ рвахъ, и здоровые и раненые. И лишь только въ рвахъ наберется значительное количество убитыхъ, они по необходимости, чтобы не мѣшать дѣйствію живыхъ, должны будутъ выкидываться

изъ рвовъ. Но положить ихъ позади рва нельзя, такъ какъ этимъ было-бы затруднено прибытіе вспомогательныхъ отрядовъ; поэтому, ихъ неизбѣжно должны класть спереди рва. Такимъ образомъ, само собой, окажется преимущество въ укрѣпленіи бруствера. Попади сюда еще живой—пожалуй, это для него будетъ и лучше, почти благодѣяніемъ, такъ какъ здѣсь, на брустверѣ, онъ скоро получитъ отъ непріятеля пулю, прекращающую его страданія, между тѣмъ какъ во рву, по всей вѣроятности, агонія его была бы мучительнѣе и продолжительнѣе.

Такова приблизительно картина будущей войны; если не всегда, то все-же очень часто. Такимъ образомъ, мы вернулись къ послѣдней степени жестокости,—болѣе глубокое паденіе уже немыслимо.

Если бы еще мы могли сказать, что по крайней мѣрѣ для раненыхъ сдѣлано все, что существуетъ въ предѣлахъ силъ человѣческихъ, то это до нѣкоторой степени могло бы возмѣстить тотъ грѣхъ, который намъ приходится, скрѣпя сердце, допускать, берясь за оружіе.

Но и этому, по выраженію Порта, „противятся стратеги". Стратеги оказываются противниками, вообще, усовершенствованія санитарнаго устройства. Они отказываютъ врачамъ въ средствахъ выполненія широкой и быстрой помощи, ибо думаютъ, что этимъ будетъ затруднено веденіе войны.

Почти невѣроятно распоряженіе прусскихъ стратеговъ, о которомъ говоритъ Портъ. Они отдали носильщиковъ въ распоряженіе не врачей, а ротныхъ командировъ.

Но стратегамъ оказалось еще недостаточно, что носильщики, такимъ образомъ, были отдѣлены отъ врачей; они смотрѣли недружелюбными глазами и на самый принципъ женевской конвенціи, по которой носильщики имѣли нейтральный знакъ въ войну 1870/71 годовъ. Противъ этого они представляли слѣдующій доводъ: если носильщики не могутъ быть примѣнены для стрѣльбы во время боя, то, по крайней мѣрѣ, ими можно пользоваться для военныхъ цѣлей до и послѣ боя, примѣняя ихъ на сторожевыхъ постахъ. Женевская же перевязь на сторожевыхъ постахъ, по ихъ мнѣнію, является лишь тогда позволительной, когда дѣло идетъ о караулѣ при санитарныхъ повозкахъ и нѣкоторыхъ санитарныхъ припасахъ. Но если носильщиковъ будутъ примѣнять для всякихъ карауловъ, женевскую перевязь нужно

будетъ уничтожить. Однако, оказалось, что уронъ, происшедшій отъ устраненія нейтральнаго знака для носильщиковъ во время сраженія, былъ значительно тяжелѣе, чѣмъ преимущества отъ возможности располагать болѣе значительнымъ карауломъ.

Портъ обвиняетъ стратеговъ въ покушеніи на искаженіе самого духа женевской конвенціи самымъ безцеремоннымъ образомъ. Съ самаго начала, по его словамъ, они относились къ ней враждебно, но вскорѣ ухитрились извлечь изъ нея одностороннюю пользу для себя.

Женевская конвенція предполагала, что военное управленіе сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, для того, чтобы довести возможность выполненія санитарной службы до границъ достижимаго, и, желая по возможности облегчить жестокости войны, объявила санитарные предметы и персоналъ нейтральнымъ. Стратеги же взглянули на дѣло съ совершенно другой точки зрѣнія. Они утверждаютъ, что, такъ какъ въ настоящее время можетъ быть рѣчь, главнымъ образомъ, относительно раненыхъ, остающихся у врага, то нечего болѣе, вообще, заботиться объ участи раненыхъ, не стоитъ болѣе труда брать ихъ ни съ поля сраженія, ни съ перевязочныхъ пунктовъ, ни изъ лазаретовъ, когда можно всѣхъ ихъ преспокойно предоставить на попеченіе непріятеля, который обязанъ о нихъ позаботиться. Вѣдь главнѣйшія врачебныя потребности, особенно увеличеніе транспортныхъ средствъ, во всѣ времена, мало достигали цѣли, такъ какъ, вообще, никогда нельзя было бы думать о дальнѣйшемъ усовершенствованіи санитарной службы при данныхъ конвенціей условіяхъ.

„Въ этомъ смыслѣ,—говоритъ Портъ, — и дѣйствовали наши противники въ 1870/71 годахъ. Впредь и мы будемъ поступать, въ случаѣ пораженія, по ихъ почину, точно также. Послѣ каждаго сраженія они намъ навязывали тысячи раненыхъ, съ которыми кое-гдѣ, pro forma, были оставлены одинъ, два военныхъ врача съ перевязочнымъ матеріаломъ или даже и безъ него; при этомъ, они еще горько жаловались потомъ на то, что этимъ непрошеннымъ гостямъ не было дано сейчасъ же, какъ то слѣдуетъ по предписанію женевской конвенціи, убѣжища, постели, перевязочнаго матеріала и пищи. Но когда не хватало этихъ потребностей для собственныхъ раненыхъ, то естественно ихъ не могло хватить и для непрія-

тельскихъ. Конечно, гдѣ только было возможно доставить послѣднимъ все потребное, это было сдѣлано со всей готовностью; за ту же нужду, которую они, конечно, иногда переносили, справедливѣе всего было бы имъ поблагодарить своихъ собственныхъ стратеговъ, которые, злоупотребляя примѣненіемъ правилъ женевской конвенціи, считали должнымъ, по возможности, отдѣлываться отъ своихъ собственныхъ раненыхъ. Благодаря тому, что при теперешнихъ условіяхъ болѣе всего раненыхъ можетъ перейти на сторону побѣдителя и произвести у него непомѣрное отягощеніе силъ, имѣющихся для попеченія за ними, и опасное переполненіе помѣщеній, женевская конвенція отразится неблагопріятно для раненыхъ. Слѣдовало бы установить точныя строгія мѣры къ огражденію отъ могущихъ быть злоупотребленій. Лучше всего можно достигнуть этого введеніемъ болѣе подробныхъ разъясненій въ правилахъ женевской конвенціи относительно обязанностей воюющихъ сторонъ".

„Носильщикамъ слѣдуетъ возстановить ношеніе ручной перевязи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, изъ опасенія быть взятыми въ плѣнъ, они будутъ стѣснены въ своей службѣ. Занимаясь своей работой, они во всякое время сраженія подвергаются этой опасности. Слѣдуетъ воспретить примѣнять носильщиковъ въ слѣдующую за битвой ночь для обслѣдованія поля сраженія, такъ какъ они сдѣлаются военноплѣнными, если только попадутъ въ руки непріятельскаго патруля *)".

Далѣе Портъ говоритъ, что съ 1869 года, наряду съ постановленіемъ о посылкѣ половины военныхъ врачей на поле сраженія, въ Пруссіи существуетъ еще неблагопріятное постановленіе, по которому остальная половина должна учреждать главные перевязочные пункты; покончивъ же съ этимъ дѣломъ, присоединяться къ санитарному отряду. Главный перевязочный пунктъ лежитъ отъ боевой линіи иногда на разстояніи 3 километровъ, первый же пунктъ на разстояніи около одного километра.

Такимъ образомъ, одинъ врачъ будетъ приходиться на 1.000 человѣкъ, разсыпанныхъ на 500 метровъ, что совершенно лишаетъ его возможности оказывать должную по-

*) Dr. Julius Port, K.-Bayerischer Generalarzt, «Den Kriegsverwundeten ihr Recht». Stuttgart. 1896.

мощь раненымъ. Отсюда слѣдуетъ, что военные врачи, кромѣ прямыхъ обязанностей по своему врачебному призванію, должны еще выказать себя исключительными героями. Между тѣмъ, они должны служить только для цѣлей помощи, а именно на мѣстахъ, гдѣ они въ состояніи что-либо исполнить. Такъ, на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ они имѣютъ достаточно возможности выполнять свое призваніе, подвергаясь не разъ опасности пораженія непріятельскимъ огнемъ, особенно, при неблагопріятномъ исходѣ сраженія, гдѣ они могутъ даже показать свой героическій духъ. Рана, здѣсь полученная, можетъ быть достойна для нихъ всякой похвалы. Раненіе же безполезнаго врачебнаго статиста на боевой линіи можетъ вызвать лишь состраданія и недоумѣнія.

Здѣсь умѣстно напомнить читателю, что ранѣе Порта, тоже самое требованіе высказывалъ неоднократно Пироговъ.

Затѣмъ Портъ подтверждаетъ неоднократныя случаи, когда, оставшихся на поляхъ битвъ, раненыхъ самымъ безжалостнымъ образомъ умерщвляли по ночамъ съ цѣлью грабежа, чему не могли воспрепятствовать и высылавшіеся патрули. Ночная охрана раненыхъ можетъ быть обезпечена не военными патрулями, а лишь цѣлою сѣтью санитарныхъ постовъ, размѣщенныхъ по всему полю прошедшаго сраженія и, вооруженныхъ револьверами, для защиты раненыхъ отъ нападенія грабителей.

О случаяхъ гибели раненыхъ отъ рукъ, такъ называемыхъ, „гіенъ полей битвъ“, слѣдующія свѣдѣнія мы находимъ у Рихтера*). Разсказъ его весьма характерно обрисовываетъ разнузданность жестокихъ инстинктовъ, до которой доходили въ войну 1870 года. „Утромъ, послѣ сраженія подъ Гравелотомъ, проѣзжая по полю, усѣянному мертвыми тѣлами, мы встрѣтили группу солдатъ, наносившихъ удары палками и всѣмъ, что имъ попадалось подъ руку, повѣшенной вверхъ ногами, женщинѣ. Оказалось, говоритъ авторъ, это была одна изъ отвратительнѣйшихъ гіенъ поля сраженія. Она была застигнута во время своего ужаснаго занятія и схвачена лишь послѣ страшнаго сопротивленія. Ее замѣтилъ одинъ офицеръ, проѣзжавшій на разсвѣтѣ по полю сраженія, въ то время, когда она у тяжело раненаго гвардейскаго офицера отрѣзывала, шитый золотомъ,

*) Richter, «Kriegstagebuch». стр. 51.

воротникъ и намѣревалась его ограбить. Послѣдній лежалъ совершенно неподвижно, такъ какъ видѣлъ передъ этимъ, какъ таже самая женщина выколола глаза лежавшему подлѣ него еще живому товарищу и отрѣзала, ни минуты не задумываясь, палецъ, на которомъ было надѣто цѣнное кольцо. Когда же всадникъ поскакалъ на помощь гвардейскому офицеру, мегера выстрѣлила въ него нѣсколько разъ изъ револьвера, не причинивъ ему, по счастью, значительныхъ раненій; только когда онъ затѣмъ спѣшился и вооружился саблей, ему удалось связать убійцу, которая защищалась, царапая и кусаясь, какъ дикій звѣрь, и затѣмъ, съ помощью подоспѣвшихъ солдатъ, притащить въ форпостъ, гдѣ, выше указаннымъ образомъ, съ нею и расправились, по закону Линча, ожесточенные люди".

Санитарный персоналъ, охраняющій поле сраженія, непремѣнно долженъ быть вооруженъ револьверами, такъ какъ вѣдь не всегда будутъ попадаться только старыя женщины, да при томъ по одиночкѣ. Нерѣдко цѣлыя шайки негодяевъ могутъ сдѣлать поле битвы небезопаснымъ. Въ правила женевской конвенціи долженъ быть включенъ пунктъ, которымъ тщательно бы опредѣлялась врачебная служба ночью на полѣ битвы, для того случая, когда обѣ вражескія силы двухъ армій, послѣ нерѣшительнаго сраженія, располагаются одна вблизи другой. Условія выработки правилъ должны основываться на томъ, что вооруженіе револьверами и пользованіе ими не должно быть разсматриваемо какъ нарушеніе нейтралитета; что только врачи и ихъ помощники могутъ съ фонарями обходить поле сраженія; что изъ форпостовъ и патрулей не должны стрѣлять въ людей, несущихъ фонари; что врачи не должны между собой спорить относительно мѣста, но пунктъ, занятый персоналомъ одной стороны, долженъ быть избѣгаемъ другой. Военачальниковъ не будетъ стѣснять занятіе поля битвы врачами, и патрули, какъ и прежде, могутъ обходить поле сраженія. Если предполагается ночное нападеніе, то врачей не нужно принимать въ разсчетъ, хотя они и могутъ попасть подъ огонь, такъ какъ вѣдь это случается съ ними часто и днемъ во время сраженія, стоитъ только непріятелю, при побѣдномъ шествіи впередъ, захватить перевязочные пункты. Въ эти моменты кровожаднаго чувства битвы, ихъ не защититъ даже и женевскій крестъ.

Военнымъ управленіямъ международнымъ договоромъ должно быть вмѣнено въ обязанность приготовлять доста-

точное количество повозокъ для забиранія съ собой раненыхъ въ случаѣ отступленія. Снисходительно смотрѣть на оставленіе раненыхъ на полѣ битвы можно лишь въ случаѣ, если войско совершенно разбито и обращено въ безпорядочное бѣгство. Тяжесть пораженія должна опредѣляться не только количествомъ пушекъ и знаменъ, но еще точнѣе числомъ покинутыхъ раненыхъ. Недостатокъ усердія, при увозѣ съ собой раненыхъ, долженъ считаться за бóльшій позоръ, чѣмъ потеря иныхъ трофеевъ. Гдѣ нѣтъ дѣйствительнаго повода къ нарушенію этого условія, тамъ на такой поступокъ должно смотрѣть, какъ на невыполненіе обязанностей, если только за оставленными, способными къ перевозкѣ, ранеными, не придутъ потомъ къ противнику, согласно съ 6-мъ пунктомъ женевской конвенціи.

Относительно недостатка въ носилкахъ и повозкахъ для уборки раненыхъ, Портъ говоритъ:

„Настоятельная необходимость увеличенія количества санитарныхъ повозокъ, для доставки раненыхъ къ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ, должна быть удовлетворена даже противъ воли стратеговъ. Если же этого не будетъ, то мы всѣ будемъ виновны въ такихъ несчастіяхъ, которыя вовсе не неизбѣжны на войнѣ, а являются лишь послѣдствіемъ уступчивости врачей излишней требовательности стратеговъ“.

Вообще, Портъ приходитъ къ заключенію, что нельзя не удивляться тому, что въ 25-ти-лѣтній промежутокъ времени, протекшій со времени послѣдней войны и представляющій, по отношенію къ вооруженію, совершенный переворотъ, не произошло и не придумано никакого существеннаго усовершенствованія въ организаціи санитарной службы.

„Высказывая свои сѣтованія противъ полководцевъ, я, говоритъ Портъ, — облегчаю свою совѣсть. Я не желаю, чтобы съ моей смертью были потеряны результаты, добытые моей долголѣтней дѣятельностью на пользу раненыхъ и моей опытностью въ дѣлѣ санитарной службы. Вмѣсто полуприкрытой, я предпочитаю высказать голую истину, которая, быть можетъ, нѣкоторыми будетъ принята дурно. Но мое намѣреніе заключалось не въ заискиваніи для себя милостей и наградъ, а чтобы принести возможную пользу. Если моимъ словамъ, продиктованнымъ сердцемъ, суждено дать толчекъ въ дѣлѣ улучшеннаго устройства и всей обстановки военно-санитарной службы, то да будетъ благословенъ день, въ который я рѣшилъ облегчить мою душу“.

Если вѣрить печатнымъ заявленіямъ, то и во французской арміи положеніе въ этомъ отношеніи весьма немного улучшилось со времени войны 1870 года.

Въ 1870 году маршалъ Лебёфъ былъ увѣренъ, что Франція готова къ войнѣ; малую степень обоснованности этой увѣренности судьба предоставила изобличить послѣдствіямъ бѣдственной войны. О томъ же, что можетъ произойти въ будущей большой войнѣ, можно до нѣкоторой степени судить по ходу дѣлъ экспедицій, съ того времени предпринимавшихся Франціей. Такъ, напримѣръ, когда въ 1881 году обратились къ генералу Фарре съ просьбой озаботиться посылкой перевязочныхъ средствъ для алжирскихъ и тунисскихъ войскъ, онъ отвѣтилъ: „наши амбулансы ни въ чемъ не терпятъ недостатка". На самомъ же дѣлѣ оказалось, что по этой части не было ничего подготовлено. Не смотря на то, что весь необходимый матеріалъ былъ пріобрѣтенъ щедрой рукой, онъ не доходилъ до мѣстъ назначенія. Далѣе, утверждаютъ, что въ Кефѣ (май 1881 г.), послѣ многократныхъ тщетныхъ просьбъ, обращенныхъ по адресу коменданта генерала Форжемоля, офицеры вынуждены были сдѣлать подписку для покупки больнымъ импровизированнаго амбуланса сахару, вина и кофе. Въ Грардимау, въ маѣ 1891 г., раненые и больные колонны генерала Ложеро ожидали двѣнадцать дней прибытія матеріала изъ постояннаго амбуланса. Въ Гулеттѣ, въ маѣ и іюнѣ 1881 г., бараки воздвигались по мѣрѣ прибыванія больныхъ, и заболѣвшіе офицеры вынуждены были устраиваться на собственный счетъ въ жалкихъ кофейняхъ города; на протяженіи всего прибрежья отъ Гулетты до Филиппвилля амбулансы и госпитали были переполнены до такой степени, что до августа нельзя было никого въ нихъ принять и эвакуированныхъ больныхъ изъ Гулетты пришлось снова высаживать на берегъ и опять пересаживать на суда, пока, наконецъ, ихъ удалось доставить въ Филиппвилль. У Pont de Fahs, въ октябрѣ 1881 г., 400 больныхъ бригады Фильберта, находившіеся на попеченіи единственнаго врача, вынуждены были, за отсутствіемъ перевозочныхъ средствъ, ожидать прибытія ужасныхъ повозокъ, нанятыхъ у населенія для эвакуированія ихъ въ Тунисъ*).

*) «Nouvelle Revue», «Les secours aux blessés en temps de guerre».

Профессоръ Ле-Форъ говоритъ:

„При настоящихъ условіяхъ войны, одинъ военно-санитарный личный составъ самъ по себѣ не можетъ удовлетворить громадной задачѣ, которую налагаетъ на него огромное число раненыхъ. Онъ непремѣнно долженъ принимать и даже требовать себѣ въ помощь частныхъ врачей. Преобразованіе военной хирургіи невозможно безъ участія этого вспомогательнаго средства. Съ другой же стороны необходимо найти способъ согласованія частнаго элемента съ военнымъ. Мы видѣли въ войнѣ 1870 года, что частныя благотворительныя общества функціонировали наряду съ оффиціальной военной хирургіей. Спрашивается: какая же роль принадлежитъ частнымъ обществамъ по закону? Если мы оставимъ въ сторонѣ, такъ называемое, „société des ambulances de la presse“ и всѣ тѣ общества, которыя, находясь въ городахъ, служатъ скорѣе для частныхъ цѣлей, чѣмъ для потребностей арміи въ военное время, то, увы, придется сознаться, что надежды, появившіяся съ основаніемъ „международнаго общества помощи раненымъ на войнѣ“, не осуществились на дѣлѣ. Война 1870 г. для этого учрежденія была такимъ урокомъ, тяжесть и значеніе котораго скрывать нельзя. Неудача была столь значительна, безпорядокъ такъ великъ, что, если сопоставить затраченныя суммы съ количествомъ оказанной помощи, то придется не только оправдать, но еще, пожалуй, и превозносить военное интендантство; придется, пожалуй, узаконить выводъ, что, столь прославленная врачами въ свою пользу, самостоятельность не можетъ быть имъ предоставлена, такъ какъ амбулансы, бывшіе подъ ихъ управленіемъ, были далеки отъ совершенства“ *).

Относительно порядковъ санитарной службы въ русской арміи слѣдуетъ прежде всего упомянуть, что послѣ войны 1877—1878 г. вся военно-санитарная часть подверглась полной реорганизаціи, что поставило русскую армію въ несомнѣнно лучшія условія, сравнительно съ прочими европейскими арміями. Мы, однако, видѣли такія неудачи по этой части въ прошедшихъ войнахъ, что не будемъ особенно спѣшить съ предсказаніями касательно будущаго.

Съ одной стороны, причиной плачевнаго состоянія дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, какъ мы уже видѣли, всегда у насъ

*) Léon Le Fort, «Chirurgie militerie». Paris. 1896.

было раздѣленіе медицинской и госпитальной части на два отдѣльныя самостоятельныя вѣдомства, подчиненныя двумъ различнымъ начальникамъ, съ другой—недостатокъ простой предусмотрительности должностныхъ лицъ.

Въ приснопамятное пребываніе императора Александра II въ дѣйствующей арміи, во время турецкой войны 1877/8 гг., Государь обратилъ особенное вниманіе на водвореніе единства въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ управленій. Въ примѣръ такихъ Высочайшихъ стараній въ „Дневникѣ" Чичагова можно указать на слѣдующій эпизодъ.

„Послѣ обѣда,—говоритъ „Дневникъ",—Государь сталъ обходить приглашенныхъ, и не было ни одного представителя отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи, котораго-бы Онъ не осчастливилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Косинскій и Приселковъ стояли рядомъ, и когда Его Величество дошелъ до нихъ, то предварительно повернулся и позвалъ военнаго министра Д. А. Милютина".

„Отъ души радъ,—произнесъ Императоръ, —что нашелъ госпитали въ такомъ блестящемъ и примѣрномъ порядкѣ".

„Въ это время подошелъ Великій Князь Главнокомандующій".

„Государь, обратясь къ Августѣйшему брату, еще разъ повторилъ: „у нихъ ввѣренныя имъ части въ примѣрномъ порядкѣ. Я смотрю съ особеннымъ удовольствіемъ на установившіяся дружески-согласныя отношенія между этими двумя представителями двухъ важнѣйшихъ въ военное время учрежденій арміи".

„Затѣмъ, обратясь къ генералъ-контролеру Черкасову, Его Величество сказалъ: „Мнѣ докладывали о ревизіи, произведенной чинами полевого контроля въ госпиталѣ № 60. Желалъ-бы слышать отъ васъ, въ какомъ видѣ найдены въ этомъ учрежденіи администрація и хозяйство?"

„Черкасовъ далъ въ отвѣтъ самые лестные отзывы. Тогда Императоръ милостиво произнесъ: „Меня истинно радуетъ то честное направленіе, какое дано дѣлу, и честное отношеніе къ нему всѣхъ прикосновенныхъ лицъ".

Не смотря на это, въ результатѣ оказалось, что на требуемой высотѣ санитарныхъ задачъ стояли лишь отдѣльныя лица медицинскаго персонала и сестры милосердія. Въ запискѣ главнаго контролера прямо говорится, что военно-госпитальная часть и на Кавказѣ, такъ-же, какъ и въ Болгаріи,

во время военныхъ дѣйствій въ 1877/8 годахъ, отличалась весьма крупными недостатками, особенно если сравнить ее съ учрежденіями, открытыми обществомъ краснаго креста и на частныя средства. Военно-временные госпитали были снабжены отъ интендантства вещами недоброкачественными; аптеки не имѣли нѣкоторыхъ необходимыхъ принадлежностей; доставка для госпиталей нужныхъ предметовъ производилась несвоевременно и потому нерѣдко вела къ отсутствію врачебной помощи. Недостатки эти особенно сильно давали себя чувствовать съ развитіемъ въ войскахъ, тотчасъ по окончаніи войны, тифозной эпидеміи.

Мы уже видѣли выше, что излишній формализмъ подавлялъ живое дѣло, что извѣстнѣйшій изъ недостатковъ административной системы — медлительность, всегда вредный, на войнѣ отражался во врачебномъ дѣлѣ самымъ губительнымъ образомъ. Не даромъ еще Пироговъ сказалъ, что „вся суть санитарнаго дѣла на войнѣ—администрація".

„Пріѣхавшій въ первый разъ на театръ войны—особенно не врачъ—увидѣвъ цѣлые ряды страдающихъ людей, лежащихъ въ крови и пыли на голой землѣ, конечно,—говоритъ знаменитый хирургъ, — обвинитъ врачей и распорядителей, когда раненымъ не оказывается тотчасъ же помощь, когда проходятъ часы и дни, прежде чѣмъ снимутъ съ нихъ, пропитанную кровью и грязью, одежду, перевяжутъ, надѣнутъ чистое бѣлье, накормятъ и успокоятъ. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, долженъ быть виноватъ, какъ не врачи и не администраторы? Кто же, если не эти лица?—Нѣтъ, отвѣчу я, *не администраторы, не врачи, а администрація, вѣдомства и учрежденія*".

Но дѣло въ томъ, что послѣднія не легко заставить измѣнить свой характеръ.

Пироговъ говоритъ, что и въ иностранныхъ арміяхъ обнаруживались не меньшіе, чѣмъ у насъ, безпорядки, особенно въ началѣ кампаній, но обыкновенно, по мѣрѣ возможности, они послѣдовательно устранялись, между тѣмъ какъ въ 1877 году замѣчателенъ именно тотъ фактъ, что „по мѣрѣ того, какъ война въ Болгаріи разгоралась, санитарное дѣло становилось плоше, и неурядицы проявлялись на каждомъ шагу. *Къ окончанію войны*, это дѣло, можетъ быть, и у насъ исправилось бы, такъ же, какъ и въ другихъ государствахъ;

но намъ, очевидно, помѣшали особенности нашей войны, ранняя холодная осень; а потомъ и быстрые переходы нашей арміи, преодолѣвавшей небывалыя трудности и препятствія на Балканахъ зимою, при 20—30° мороза въ горахъ. Какъ бы то ни было, но наша администрація получила знаменательное предостереженіе, показавшее ей, что *у насъ промахи и ошибки, сдѣланныя въ началѣ, не исправляются и впослѣдствіи*" *).

Надо, слѣдовательно, что-нибудь предпринять противъ возможности вѣчнаго повторенія однихъ и тѣхъ же печальныхъ эпизодовъ въ дѣлѣ устройства помощи больнымъ и раненымъ.

Въ Россіи организація правильной помощи раненымъ и всей медицинской части будетъ тѣмъ легче, что будущая война, если она случится, по всей вѣроятности, какъ это мы доказываемъ въ отдѣлѣ „Планы военныхъ дѣйствій", должна получить характеръ войны оборонительной.

При этомъ условіи, въ случаѣ одновременныхъ военныхъ дѣйствій на нѣсколькихъ театрахъ войны, подача помощи раненымъ и планъ эвакуаціи выбывшихъ изъ строя получатъ болѣе единства, и значительно будетъ облегчено его выполненіе. Въ случаѣ же наступательной войны, въ пользу облегченія участи больныхъ и раненыхъ могло бы послужить одно развѣ то обстоятельство, что, вступая въ болѣе культурную и населенную страну, армія имѣла бы вокругъ себя обиліе всякаго рода матеріаловъ, необходимыхъ для поданія врачебной помощи.

При этомъ необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя соображенія, заимствуемыя нами изъ иностранныхъ источниковъ, но имѣющія значеніе и въ примѣненіи къ Россіи, особенно, если вспомнимъ, что число врачей у насъ, вообще, не велико и во время войнъ недостатокъ ихъ ощущался весьма сильно.

„Число военныхъ врачей, считавшееся необходимымъ въ 1869 г. для арміи Сѣверо-Германскаго союза на случай мобилизаціи и войны, составляло 3.292 ч. На каждаго врача приходилось 190 человѣкъ дѣйствующей арміи (625.000) или же 290 человѣкъ всей арміи (955.000, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, въ резервѣ и ополченцевъ) **).

---

*) Пироговъ, «Военно-врачебное дѣло и частная помощь».
**) Léon Le Fort, «Chirurgie militaire». 1896.

Держась такой же пропорціи для французской арміи первыхъ призывовъ, составляющихъ 2.800.000 человѣкъ, надо было бы имѣть 14.580 врачей. Между тѣмъ, какъ мы это видѣли, уже и въ войну 1870 года оказался значительный недочетъ во врачахъ. Чего же можно ожидать въ случаѣ, если опять вспыхнетъ война?—спрашиваетъ Ле-Форъ. Во французской арміи считается всего 3.039 врачей. Потребность явилась бы въ такомъ количествѣ врачей, котораго нельзя бы было найти. Въ прошлыхъ войнахъ привлекали на службу врачей изъ-заграницы, оказавшихся, въ большинствѣ случаевъ, элементомъ мало надежнымъ. Такой же, и еще большій, окажется недостатокъ фельдшеровъ. И между тѣмъ, какъ много еще людей, противящихся распространенію медицинскаго образованія и выступающихъ противниками допущенія къ нему женщинъ.

Если недостатокъ медицинскаго персонала во время войны выражается, главнымъ образомъ, въ количественномъ отношеніи, то относительно, собственно, административнаго вѣдѣнія врачебной части личный составъ служащихъ болѣе всего не достигаетъ должнаго уровня въ отношеніи качественномъ.

Поэтому мы думаемъ, что противъ перваго недостатка легче найти средства, чѣмъ противъ второго. С. П. Боткинъ былъ правъ, когда говорилъ, что требовать отъ большинства врачей на войнѣ особенной доблести нѣтъ основанія уже потому, что въ большей части случаевъ, встрѣчающихся въ больничной практикѣ, лѣченіе и помощь раненымъ производится по одному шаблону. Мы видѣли, до какой степени оказалась дѣйствительною частная помощь во время войны въ Америкѣ. По нашему мнѣнію, Россія въ одномъ отношеніи чрезвычайно схожа съ Америкой—это именно по характеру женщинъ той и другой страны. Въ теченіе всѣхъ бывшихъ войнъ онѣ вели себя превыше всякихъ похвалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это свойство женскаго характера составляетъ большую силу, которая, однако, потребуетъ тщательной организаціи, достигнуть которой будетъ не очень легко.

Между тѣмъ, относительно пользы частной инщіативы въ дѣлѣ помощи раненымъ былъ убѣжденъ такой первостепенный авторитетъ госпитальнаго дѣла, какимъ весь міръ признаетъ знаменитаго Пирогова.

Впрочемъ, по мнѣнію его, непосредственное примѣненіе принципа частной инщіативы въ дѣлѣ помощи раненымъ

на войнѣ возможно только въ Америкѣ, гдѣ военно-врачебной администраціи до войны почти не существовало. Въ странахъ же, гдѣ существуетъ уже окрѣпшая лѣтами администрація (какъ у насъ и въ Германіи), примѣненіе частной помощи возможно развѣ только въ дополнительномъ видѣ. Правильная же и раціонально-полезная дѣятельность частной помощи примѣнима лишь при направленіи ея по нѣсколько иному пути. Механизмъ ея организаціи долженъ быть особенно простъ, легокъ и удободвиженъ, чтобы она могла всегда во-время и на всякомъ мѣстѣ являться во всеоружіи на помощь, гдѣ только окажется недостатокъ или пробѣлъ въ распоряженіяхъ общей администраціи. Частная помощь должна быть во время войны надежною и вѣрною сподручницею общей администраціи. Это не значитъ еще,—говоритъ Пироговъ,—чтобы частная помощь должна была утратить свою самостоятельность и свое самоуправленіе. Напротивъ, она должна всегда оставаться чувствительною къ своей самодѣятельности, ибо сохраненіе ея для частной помощи есть вопросъ жизни.

Между прочимъ, Пироговъ завѣщалъ всѣмъ, кому доведется завѣдывать дѣлами частной помощи, въ высшей степени мудрый и практичный совѣтъ, не допускать въ этомъ дѣлѣ, бьющую на эффектъ, роскошную обстановку, затемняющую собой скромную внѣшность госпитальныхъ предметовъ и заведеній военнаго министерства. Частныя средства, созданныя на пожертвованія, по его мнѣнію, дожны подчиняться извѣстной нормѣ больничнаго содержанія.

Но прежде всего, для гарантіи успѣха частной помощи, необходима своевременная тщательная выработка общаго плана дѣйствій различныхъ вѣдомствъ для привлеченія къ ней, по соглашенію съ обществомъ краснаго креста, разнаго рода ремесленниковъ (плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, слесарей, печниковъ, а также кучеровъ, поваровъ и т. п.). Въ соглашенія слѣдуетъ вступать на продолжительное время. Не надо забывать, что будущая война можетъ затянуться надолго и что избытка средствъ на ея веденіе не предвидится. Между тѣмъ, солдатъ, изнуренный походами, бивуаками, земляными работами и т. под., ослабѣваетъ и дѣлается воспріимчивѣе къ болѣзнямъ. Поэтому въ разгарѣ и въ концѣ войны требуется гораздо больше средствъ и напряженной дѣятельности со стороны завѣдующихъ госпитальнымъ содержаніемъ больныхъ.

„Неравномѣрное распредѣленіе частной помощи въ госпиталяхъ и транспортахъ, въ нынѣшнюю войну, производило на меня, — говоритъ Пироговъ, — болѣе тягостное впечатлѣніе, чѣмъ равенство предъ бѣдствіемъ въ крымскую. Тогда предстояло больному, въ госпиталѣ и транспортѣ, одно изъ двухъ: или предаться волѣ Божіей, или жаловаться безцѣльно на неисповѣдимую судьбу; теперь же, сверхъ того, еще жаловаться и на людскую несправедливость. Конечно, всѣмъ помочь нельзя; но равномѣрно распредѣлить помощь, имѣющуюся подъ руками, чтобы излишество въ одномъ, а недостатокъ въ другомъ случаѣ не кололи глазъ, всегда можно“.

„Въ разгарѣ и въ концѣ войны въ Болгаріи для изнуренныхъ дизентериковъ въ в. в. госпиталяхъ нужно было выписывать котлеты черезъ аптеку, а главные врачи, за перерасходованіе яицъ, трепетали передъ контролемъ. Дѣятели и дѣятельницы общества кр. кр. считали дѣломъ чести исполнять немедленно всѣ требованія врачей съ театра войны, нисколько не стѣсняясь количествомъ наличнаго запаса пособій“.

Одинъ этотъ фактъ достаточно доказываетъ необходимость учрежденія особаго контроля сверхъ полевого, которому, поневолѣ, приходится опираться на соблюденіе лишь формальной стороны.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и внутри страны госпиталей будетъ недостаточно для удовлетворенія всей потребности будущей войны. Слѣдовало бы поэтому издать необходимыя правила о помѣщеніи больныхъ и раненыхъ къ частнымъ лицамъ за особую плату, подъ надзоръ назначенныхъ для сего отъ городскихъ управленій лицъ.

Что касается доставки необходимыхъ предметовъ къ мѣсту ихъ потребленія, то желательно, чтобы не повторялись при этомъ явленія прошлой войны.

Во Всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-адъютанта Грейга (бывшаго во время войны 1877—1878 гг. государственнымъ контролеромъ) приводятся примѣры (обнаруженные по ревизіи вещевыхъ складовъ дѣйствующей арміи 1878 года), доказывающіе, какимъ случайностямъ подвергаются предметы, заготовка и доставка коихъ не лежитъ на отвѣтственности точно-опредѣленнаго лица. Одинъ изъ этихъ примѣровъ заключается въ томъ, что послѣ того, какъ Великій Князь Главнокомандующій поручилъ екатеринославскому, херсонскому и бесса-

рабскому губернаторамъ заготовить въ мѣсячный срокъ, при посредствѣ земства, милліонъ рубахъ и полмилліона подштанниковъ,—часть этого бѣлья, доставленная моремъ изъ Одессы въ Бургасъ и Санъ-Стефано, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь, вслѣдствіе непринятыхъ мѣръ предосторожности, „предалась гнилости". По разборѣ бѣлья сортировочною комиссіей, изъ 423.000 штукъ 260.000 оказались никуда негодными. Изъ числа послѣднихъ, кромѣ сгнившихъ вещей, были и такія, которыя признаны никуда негодными или по крайней маломѣрности ихъ, или какъ сдѣланныя изъ недопускаемаго къ употребленію въ войскахъ матеріала. Полагая, что отъ продажи такого бѣлья могла бы быть выручена лишь самая ничтожная сумма, сортировочная комиссія рѣшила выдать оное на портянки.

Партія бѣлья въ 300.000 штукъ, посланная въ Бессарабію, дала едва 10% изъ этого количества пригодныхъ вещей. Остальное представляло разнообразный сборъ дурно-сшитыхъ вещей изъ разнообразнаго матеріала (каленкора, парусины, разныхъ красокъ ситца, редюжнаго и торбочнаго холста), много бѣлья стараго (мытаго и немытаго), большею частью, весьма малыхъ размѣровъ – на дѣтскій ростъ.

Въ этомъ случаѣ, предусмотрительная заботливость Великаго Князя по обезпеченію людей надлежащимъ количествомъ бѣлья не осуществилась прямо вслѣдствіе „недобросовѣстнаго и несвоевременнаго исполненія приказаній Его Высочества,"—говорится въ докладѣ.

Слѣдовало бы, въ виду отсутствія органовъ самоуправленія, учредить попечительные комитеты: 1) надъ госпиталями, 2) надъ складами медицинскихъ принадлежностей, 3) надъ транспортировкой больныхъ и раненыхъ, 4) надъ снабженіемъ госпиталей хозяйственными принадлежностями.

Раціональная организація такихъ комитетовъ могла бы принести огромную пользу, тѣмъ болѣе, что будущая война можетъ длиться продолжительное время, вслѣдствіе чего понадобится обезпечить войско и на зимнее время.

По поводу послѣдняго обстоятельства, Пироговъ говоритъ:

„Главную причину ранняго появленія отмороженій нужно приписать предшествовавшему ослабленію организма малокровіемъ, поносами и перемежающимися лихорадками, отчасти же —неудобной обуви. Солдатъ, въ своихъ толстыхъ и тяжелыхъ сапогахъ, проводя цѣлые дни и ночи на холодной и

сырой почвѣ, и въ залитыхъ водою траншеяхъ, съ окоченѣвшими отъ сырости и холода ножными пальцами, притомъ, изнуренный лишеніями и трудною службою, —почти незамѣтно для себя, подвергался отмороженію ножныхъ пальцевъ и стопы. Въ концѣ сентября 77 г., при нашемъ осмотрѣ госпиталей, мы уже видѣли сотни отмороженныхъ ногъ, и, по нашимъ разспросамъ, больные, почти единогласно, приписывали мокрымъ, долго не снимавшимся съ ногъ, сапогамъ причину ихъ страданія" *).

Специальное устройство помощи раненымъ необходимо и для морской службы.

Положеніе раненыхъ на военныхъ судахъ представляется въ будущемъ тоже несравненно худшимъ, не смотря на большую, по сравненію съ сухопутными ранеными, близость разстоянія, съ котораго ихъ придется транспортировать.

Адмиралъ Макаровъ **) говоритъ: „Надо допустить, что, при нынѣшнихъ разрывныхъ снарядахъ, попавшая бомба будетъ производить большое опустошеніе и потерю въ людяхъ, которая можетъ простираться за 20% или 30% всего экипажа. На прежнихъ корабляхъ были въ подводной части мѣста, куда можно было укрыть раненыхъ, но теперь это сдѣлать совершенно невозможно; всѣ мѣста въ подводной части или за бронею заняты машинами, боевыми запасами и артиллеріею; раненыхъ придется класть или тамъ, гдѣ работаютъ люди, или въ незащищенныхъ частяхъ, которыя будутъ пронизываться всякими снарядами, не исключая снарядовъ мелкихъ орудій. Вѣроятно, изберутъ первое рѣшеніе, ибо невозможно допустить, что, пока человѣкъ цѣлъ, его держатъ за броневою защитою, а когда онъ раненъ, его выносятъ въ небронированную часть. Если раненыхъ оставятъ за броней, гдѣ работаютъ другіе люди, то это стѣснитъ работу и не можетъ не отозваться тяжело на состояніи духа экипажа".

„Газы бездымнаго пороха имѣютъ на организмы весьма одуряющее дѣйствіе, и я не знаю, какъ удастся устранить его въ закрытыхъ башняхъ и батареяхъ".

„Въ послѣднее время сдѣлано предложеніе—опускать раненыхъ при помощи желоба въ подводную часть корабля. Оправдается-ли дѣйствительность подобнаго совѣта, это покажетъ будущая война".

*) Пироговъ, «Военно-врачебное дѣло и частная помощь».
**) Макаровъ, «Боевое значеніе морскихъ судовъ».

Что касается *первоначальной помощи раненымъ* на самомъ полѣ сраженія, то вслѣдствіе введенія новаго оружія,— съ одной стороны, эта помощь будетъ упрощена, съ другой,— крайне затруднена. Упрощенія можно ожидать потому, что пробивающая сила новой малокалиберной панцырной пули, причиняя, большею частью, смертельныя поврежденія, облегчитъ задачу хирургіи, такъ какъ эти пораненія, въ случаѣ надобности, потребуютъ лишь примѣненія простыхъ противогнилостныхъ перевязокъ, и врачи получатъ больше времени для ухода за рѣдкими случаями остающихся послѣ пораненія въ живыхъ. Затрудненіе же явится вслѣдствіе того, что транспортированіе раненыхъ на главный перевязочный пунктъ, который будетъ расположенъ на болѣе далекомъ противъ прежняго разстояніи отъ боевой линіи, окажется гораздо болѣе сложнымъ. Потребуется больше повозокъ и несравненно многочисленнѣйшій персоналъ санитаровъ, врачей и хируговъ, чѣмъ прежде. Между тѣмъ, какъ уже было указано, штатный персоналъ послѣднихъ окажется и безъ того настолько недостаточнымъ, что явится настоятельная необходимость привлеченія на время войны большаго числа сверхштатныхъ медиковъ, что соединено съ большими затрудненіями.

Весьма полезно было бы выработать заблаговременно и издать доступное руководство къ исполненію задачи санитаровъ. Но еще важнѣе воспользоваться мирнымъ временемъ для приготовленія необходимаго въ военное время контингента фельдшеровъ.

Такъ какъ вопросъ о томъ, возможно-ли будетъ въ будущихъ сраженіяхъ производить первую перевязку раненыхъ подъ убійственнымъ, частымъ и мѣткимъ огнемъ, остается пока нерѣшеннымъ, то главное вниманіе должно быть сосредоточено на быстрое, по возможности, эвакуированіе выбывшихъ изъ строя на перевязочные пункты для наложенія временной повязки, которую никогда не слѣдуетъ довѣрять низшему медицинскому персоналу, кромѣ какихъ либо крайнихъ, исключительныхъ случаевъ. Это обстоятельство, конечно, поведетъ къ необходимости увеличить, нынѣ полагаемое, число носильщиковъ, какъ по-баталіонное (24), такъ и въ дивизіонныхъ лазаретахъ (217); тоже и относительно числа повозокъ.

Распоряжающіеся судьбою людей должны помнить, что, если санитарная помощь и увеличивается не иначе, какъ въ

ущербъ боевой силѣ, ослабляя временно эту силу, зато она, на самомъ дѣлѣ, усиливаетъ ее, увеличивая процентъ возвращающихся во фронтъ изъ числа раненыхъ и уменьшая смертность, причемъ поднимаетъ духъ арміи, наглядно убѣждая ее въ попеченіи и заботѣ о каждомъ изъ пострадавшихъ на войнѣ. При разрушительномъ дѣйствіи огня, необходимости дѣйствія разомкнутымъ строемъ и отдаленности перевязочныхъ пунктовъ, число носильщиковъ должно быть, вообще, увеличено и снабжено достаточнымъ количествомъ освѣтительныхъ аппаратовъ, для розыскиванія раненыхъ ночью.

Однимъ словомъ, новыя дальнобойныя ружья и усовершенствованныя орудія, вмѣстѣ съ неимовѣрно разросшеюся цифрою армій, измѣнившія тактическія условія и правила веденія войны, должны необходимо внести и раціональную реформу въ дѣло подачи помощи жертвамъ международныхъ столкновеній. Для достиженія большей дѣйствительности и пользы отъ санитарной службы, прежде всего слѣдуетъ вѣдомству, которому подчинено дѣло помощи раненымъ, какъ оффиціальное, такъ и добровольное, придать самостоятельность, безъ которой невозможно никакое его улучшеніе.

Въ будущихъ войнахъ едва ли окажется возможность обойтись безъ общественнаго участія въ дѣлѣ помощи раненымъ. Если это участіе не организовать заблаговременно и затѣмъ не продолжать систематически, то послѣдствія могутъ быть самыя ужасныя.
